РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

№ 2

МОСКВА
2021

ISSN 2311–150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор
А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:
О. Е. Кармакова, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
И. А. Букринская (Москва, Россия);
С. В. Князев, доктор филол. наук (Москва, Россия);
А. В. Малышева, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
О. Г. Ровнова, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет
А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь
канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021
© Авторы, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute

№ 2

MOSCOW
2021

ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief
Alexandr M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editor of the Issue
Olga E. Karmakova, PhD. (Moscow, Russia);
Irina A. Bukrinskaya (Moscow, Russia);
Sergej V. Knyazev, D.Sc.,Professor (Moscow, Russia);
Anna V. Malysheva, Ph.D. (Moscow, Russia);
Olga G. Rovnova, Ph.D. (Moscow, Russia)

Editorial board
Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nesset, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary
Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2021
© by Authors, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Фонетика. Интонация

С. В. Дьяченко (Москва)
Архаическое аканье и яканье в южнорусских говорах: ареальная характеристика 11
И. И. Исаев (Москва)
Сравнительное описание говора д. Уляхино по материалам О. Н. Мораховской и современным данным (К 100-летию со дня рождения О. Н. Мораховской) 27
С. В. Князев (Москва).
Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской области 39
Е. В. Корпечкова (Москва).
Система ударных гласных одного южнорусского говора с архаическим вокализмом (инструментально-фонетическое исследование). 66
Д. М. Савинов (Москва).
Норма – узус –система в русском диалектном языке 77

Грамматика

А. В. Малышева (Москва)
Формы прямого объекта при глаголе с отрицанием в русских говорах: новые данные электронных корпусов 96
Н. В. Маркова (Петрозаводск)
К истории оборота посватать невесты в онежских былинах 109

Лексикология и лексикография

А. В. Войтенко (Москва)
Из наблюдений над антропонимической лексикой Талдомского района Московской области. 120
С. В. Дьяченко, *И. Л. Иткин* (Москва)
К уточнению системы значений прилагательного зрячий в русских говорах 125
Е. В. Колесникова (Москва)
Некоторые особенности семантики прилагательного зеленый в русских говорах 132
Е. А. Нефедова (Москва).
Глаголы с семантикой намерения в архангельских говорах 142

Этнолингвистика

Е. Л. Березович, *О. Д. Сурикова* (Екатеринбург)
Имена змей в восточнославянских заговорах: принципы организации ономастических рядов 152
Н. В. Большакова (Псков).
Лингвоэтнографический контекст при описании реалии традиционного быта. 168
Е. В. Иванцова (Томск).
Злопожелания в речи носителй среднеобских говоров 176

Лингвогеография и историческая диалектология
К 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей

С. В. Бромлей (Москва)
Русский диалектологический атлас как источник истории языка. 185

И. А. Букринская, *О. Е. Кармакова* (Москва).
Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект). . .191
Е. А. Галинская (Москва)
Некоторые аспекты эволюции новгородского диалекта
с конца XVI до середины XX века 206
В. А. Пыхов (Москва)
Названия белки в славянских языках (на материале ОЛА и ЛАРНГ). 219

История науки и дингвокультурология

Н. С. Ганцовская, *Г. Д. Неганова* (Кострома)
Г. З. Шкляр и костромская диалектология как часть славистической деятельности ученого 226
Л. Я. Костючук (Псков)
«Псковский областной словарь с историческими данными» — реализация идей Б. А. Ларина . . .236
Л. А. Климкова
Диалектный субстрат языковой личности филолога 245

Говоры старообрядцев

О. Ю. Крючкова (Саратов)
Речь диалектоносителя-старообрядца (феномен «смешанного текста») 256
А. И. Рыко (Санкт-Петербург).
О языке переселенцев-старообрядцев в Невельском районе Псковской области 267
С. Гжибовский, М. Глушковский, Д. Пасько-Конэчняк (Торунь, Польша)
Своеобразие лексического состава говора старообрядцев в Польше 277
М. Глушковский, М. Група-Долиньска, А. Павлячик (Торунь, Польша)
Использование биографического метода в исследованиях двуязычия старообрядцев
в Польше 312
Д. Пасько-Конэчняк (Торунь, Польша)
Акцентуация заимствованных прилагательных в русском говоре старообрядцев,
проживающих в Польше 329
И. П. Кюльмоя (Тарту, Эстония)
Баня в «Лексиконе традиционной культуры старообрядцев Эстонии» 346

Этимология

Ж. Ж. Варбот (Москва)
К этимологии одной группы севернорусских диалектизмов (по следам В. И. Даля) 353
Л. В. Куркина (Москва)
Об одном лексическом архаизме русских диалектов 358

Полемика

А. Ф. Журавлев (Москва)
Надпись на ручке таманского кувшина и лексические показания русских диалектов 366

In memoriam

М. Л. Каленчук (Москва)
Сорок лет рядом с Леонидом Леонидовичем Касаткиным 377
Д. М. Савинов (Москва)
Леонид Леонидович Касаткин. 391
А. В. Тер-Аванесова (Москва)
Памяти Софии Константиновны Пожарицкой 391

Список сокращений названий атласов и словарей, принятых в статьях выпуска 399

CONTENTS

Phonetics. Intonation

S. V. Dyachenko (Moscow)
Archaic akanye and yakanye in south russian dialects: areal characteristic. 11
I. I. Isaev (Moscow)
Comparative description of the dialect of Ulyakhino based on the materials by O. N. Morakhovskaya and modern data. 27
S. V. Knyazev (Moscow)
Word-by-word melodic contour and one type of incompleteness' marking in Tserkovnoe dialect, Arkhangelsk region. 39
E. V. Korpechkova (Moscow)
The system of stressed vowels of a south russian dialect with archaic vocalism (instrumental-phonetic research) 66
D. M. Savinov (Moscow)
Norm-usus-system in the Russian dialect language 77

Grammar

A. V. Malysheva (Moscow)
The form of a direct object in a verb with a negation: new data of dialect electronic corpora 96
N. V. Markova (Petrozavodsk)
The set expression posvatat' nevesty in onego epics 109

Lexicology and lexicography

A. V. Voitenko (Moscow).
From observations over the anthroponymic vocabulary of the Taldom district of the Moscow region 120
S. V. Dyachenko, *I. L. Itkin* (Moscow)
On the specification of the meaning system of the adjective zryachii in russian dialects
E. V. Kolesnikova (Moscow).
Semantics of the adjective green in russian dialects. 125
E. A. Nefedova (Moscow).
Verbs with intent semantics in the Arkhangelsk dialects 132

Ethnolinguistics

E. L. Berezovich, *O. D. Surikova* (Yekaterinburg)
Names of snakes in East Slavic conspiracies: principles of organization of onomastic series . . . 152
N. V. Bolshakova (Pskov).
Linguo-ethnographic context in describing the reality of traditional life. 168
E. V. Ivantsova (Tomsk).
Ill wishes in the speech of the middle of dialects speakers 176

Linguogeography and historical dialectology
To the 100-th anniversary of the birth of S. V. Bromley

S. V. Bromley (Moscow).
Russian dialectological Atlas as a source of the history of the language 185

I. A. Bukrinskaya, *O. E. Karmakova* (Moscow)
Dialect vocabulary in modern Western Central Russian dialects (areal aspect). 191
E. A. Galinskaya (Moscow).
Some aspects of the evolution of the Novgorod dialect
from the late 16th to the middle 20th century 206
V. A. Pykhov (Moscow)
Names of squirrels in Slavic languages (based on the material of OLA and LARNG). 219

History of Science

N. S. Gantsovskaya, *G. D. Neganova* (Kostroma).
G. Z. Shklyar and Kostroma dialectology as part of the Scientist's Slavic activity 226
L. Ya. Kostyuchuk (Pskov).
Pskov Regional Dictionary with historical data –- bringing to life Boris Larin's idea 236
L. A. Klimkova (Arzamas).
Dialectal substratum of the philologist's language personality 245

Dialects of the Old Believers

O. Y. Kryuchkova (Saratov).
Speech of the Old Believer dialect speaker (the phenomenon of "mixed text") 256
A. I. Ryko (Saint Petersburg).
About the language of the old believers in the Nevel district of the Pskov region 267
S. Gzhibovskii, M. Glushkovskii, D. Pas'ko-Konechnyak (Poland, Toruń)
Peculiar items in the vocabulary of old believers in Poland. 277
M. Głuszkowski, M. Grupa-Dolińska, A. Pawlaczyk (Poland, Toruń)
The use of the biographical method in research on bilingualism of the old believers in Poland. . 312
D. Paśko-Koneczniak (Poland, Toruń)
Accentuation of borrowed adjectives found in the russian dialect used by old believers living
in Poland. 329
I. Külmoja (Estonia, Tartu)
Sauna in the "Lexicon of traditional culture of Estonia's old believers". 346

Etymology

Zh. Zh. Warbot (Moscow).
On etymology of some Northrussian dialect lexic group (in Dal's track) 353
L. V. Kurkina (Moscow).
About a lexical archaism of Russian dialects 358

Polemika

A. F. Zhuravlev (Moscow)
The inscription on the handle of the Taman jug and the lexical indications of Russian dialects. . 366

In memoriam

M. L. Kalenchuk (Moscow).
Forty years next to Leonid Leonidovich Kasatkin 377
D. M. Savinov (Moscow)
Leonid Leonidovich Kasatkin 391
A. V. Ter-Avanesova (Moscow).
In memory of Sofia Konstantinovna Pozharitskaya 391

List of abbreviations 399

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ФОНЕТИКА. ИНТОНАЦИЯ

С. В. Дьяченко
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
svet-lan-a@list.ru

АРХАИЧЕСКОЕ АКАНЬЕ И ЯКАНЬЕ В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ: АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Статья посвящена характеристике южнорусских говоров с архаическими типами аканья и яканья. Проводится анализ рукописных материалов, собранных в середине прошлого века для «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), которые дополняются, а в некоторых случаях уточняются данными современных экспедиций.

Говоры с архаическим вокализмом неоднородны: в южной части ареала преобладает обоянское яканье, а в центральной и северной — задонское. Вокализм говоров южной части очень устойчив: как по данным ДАРЯ, так и по данным современных экспедиций, в них хорошо сохраняется архаическое аканье и обоянское архаическое яканье. Говоры центральной и северной части ареала с задонским типом яканья, напротив, неоднородны и неустойчивы. В некоторых из них зафиксировано сразу два типа яканья: задонское и «умеренное» задонское, в других прослеживается тенденция к возникновению умеренно-диссимилятивного еканья.

В статье рассматриваются материалы ряда воронежских говоров, которые, по данным ДАРЯ, характеризуются смешанными типами предударного вокализма после мягких согласных с задонским яканьем в основе. Уточняется тип вокализма говоров с. Истобное и д. Дмитриевка, проводится анализ материалов экспедиций последних лет по говорам Белгородской, Воронежской и Липецкой областей, сопоставляются материалы рукописных комплектов ДАРЯ по говорам сёл Верхняя Колыбелка и Отскочное и более поздних аудиозаписей, сделанных в этих сёлах и проанализированных в работах разных исследователей.

Ключевые слова: диалектная фонетика, архаическое аканье, обоянское яканье, задонское яканье, южнорусские говоры.

Аканье, то есть неразличение гласных фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге, распространено на обширной территории, охватывающей все южнорусские говоры, значительную часть среднерусских переходных говоров, а также так

называемый Чухломской акающий остров, находящийся в окружении окающих костромских и вологодских севернорусских говоров. При этом западная часть массива акающих южнорусских говоров, а также южная часть Чухломского акающего острова характеризуются диссимилятивным аканьем, то есть таким вокализмом, при котором первый предударный и ударный гласные расподобляются, см. [ДАРЯ I: карта 1].

Акающие системы вокализма на восточнославянской территории обнаруживаются также в Белоруссии: на севере и северо-востоке (вдоль границы с Россией) — диссимилятивные, на западе, в центральной части и на юго-востоке — недиссимилятивные. Белорусское аканье, в отличие от русского, поддерживается современной орфографической традицией. Лишь малая часть белорусских говоров (южные и юго-западные говоры, расположенные по р. Припять вдоль границы с Украиной) характеризуются оканьем, см. [ДАБМ 1963: карты 1, 4]. Небольшой ареал акающих говоров, среди которых есть говоры с диссимилятивным аканьем, представлен и на Украине, это северные районы Черниговской, частично Сумской и Киевской областей, то есть говоры, на северо-западе граничащие с белорусскими говорами, а на севере и северо-востоке — с брянскими и курскими южнорусскими говорами, см. [АУМ I: карта 2], описание таких украинских говоров см. в [Курило 1928: 48–72; Назарова 1975: 211–260].

Часть южнорусских говоров с диссимилятивным аканьем и яканьем характеризуется архаическим типом предударного вокализма. Эти говоры, которым свойственны также, как правило, семь гласных фонем под ударением, распространены на территории Воронежской, Белгородской и Липецкой областей, что показано на карте 1 (диссимилятивное аканье архаического типа) и карте 8 (диссимилятивное яканье архаического типа, задонской и обоянской разновидностей) ДАРЯ, автор карт — К. Ф. Захарова. Южная граница этой территории почти точно совпадает с границей картографируемой в ДАРЯ территории, за которой начинается территория украинских диалектов Воронежской и Белгородской областей; границу украинских говоров см. в [АУМ III: карты II, VII, VIII], северная проходит примерно по границе Задонского района Липецкой области (Задонский район входит в эту территорию). Об этом свидетельствуют материалы южного тома ДАРЯ[1]. Сведения, представленные в ДАРЯ, в целом подтверждаются данными диалектологических экспедиций Отдела диалектологии и лингвогеографии и Отдела фонетики ИРЯ РАН 2000-х и 2010-х гг., а также материалами статей и монографий, опубликованными в последние десятилетия. При этом в ряде случаев материалы экспедиций последних десятилетий позволяют существенно уточнить данные, содержащиеся в ДАРЯ.

Говоры с архаическим аканьем и яканьем, по данным ДАРЯ, не вполне однородны: в северной их части преобладает задонское архаическое яканье, в южной — обоянское.

Как правило, это подтверждается материалами наших экспедиций последних лет. Так, например, данные по говорам сёл Веретье (пункт 540 ДАРЯ)

[1] Материалы хранятся в архиве отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН; на них опиралась К. Ф. Захарова при определении типов предударного вокализма после мягких согласных.

Острогожского района и Татарино[2] Каменского района Воронежской области, собранные для ДАРЯ, свидетельствуют об архаическом аканье и обоянском яканье в этих говорах, что полностью подтверждают материалы, записанные нами в экспедициях 2009 и 2010 гг. в эти сёла.

Распределение звукотипов в первом предударном слоге в этих говорах приведено в таблице 1.

Таблица 1

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говорах сс. Веретье и Татарино

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а]	[ʼа] или [æ] ([еа])	/и/, /у/, /ω/, /ѣ/
[ъ]	[и]	/о/, ʼ/о/, /е/, /а/,ʼ/а/

Аналогичное распределение предударных гласных при обоянском подтипе архаического яканья отмечено в с. Солдатское Старооскольского района Белгородской области (пункт 476 ДАРЯ), материал из экспедиции 2008 г. см. в [Дьяченко, Корпечкова 2012: 226–232].

Согласно карте 8 ДАРЯ, выделяется два ареала распространения обоянского яканья: центральная часть Белгородской и запад Воронежской областей. Эта система вокализма очень устойчива и хорошо сохраняется до сих пор. Возможно, с особой устойчивостью обоянского архаического яканья связано то обстоятельство, что оно почти во всех случаях, отмеченных на карте 8, отражено в чистом виде, то есть без наложения на заливку, соответствующую обоянскому типу, иных заливок или штриховок.

Совсем иную картину представляют говоры с задонским архаическим яканьем. Задонский тип в его чистом виде фигурирует в диалектологических работах крайне редко: в материалах ДАРЯ он зафиксирован только в с. Стадница Воронежской области (пункт 456) и с. Каменная Лубна Липецкой области (пункт 628), эти же пункты указаны при описании задонского типа яканья в классических работах [Захарова 1959] и [Фомина 1985]. Гораздо чаще диалектологами отмечалось, что задонский тип совмещён с другими типами яканья, обычно новосёлковским умеренно-диссимилятивным или ассимилятивно-диссимилятивным. Это отражено и на карте 8 ДАРЯ с помощью наложения заливок и штриховок.

Например, в Алексеевском (ныне Острогожском), Хохольском, Семилукском и Нижнедевицком районах Воронежской области на карте обозначены говоры, характеризующиеся сосуществованием задонского и новосёлковского (умеренно-диссимилятивного) типов яканья [ДАРЯ I: карта 8; ДАРЯ. Вступительные статьи… 1986: 100–103] (пункты 464, 466, 462, 455, 459, 473, 542 и 543).

[2] С. Татарино не вошло в карты ДАРЯ, хотя по программе было обследовано.

Распределение звукотипов в первом предударном слоге в этих говорах выглядит следующим образом (различия между говорами несущественны).

Таблица 2

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говорах запада Воронежской области (по данным ДАРЯ[3])

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а]	[’а][4], единично [е]	/и/, /у/, /ω/, /ѣ/
[а], редко [ъ], [о]	[е], реже [’а], [ä], [а^{е}], [е^{а}]	/о/
[а]	[е], [и]	’/о/
[а]	[и], реже [е], реже [’а]	/е/
[а], редко [ъ], [а^{ь}], [ъ^{а}]	[е], реже [’а], [ä], реже [и]	/а/
[а], редко [ъ], [а^{ь}], [ъ^{а}]	[е], реже [’а], реже [и]	’/а/

В материалах не отражено различение двух фонем типа /о/ и двух фонем типа /е/, хотя такое различение в этих говорах, судя по устройству предударного вокализма, весьма вероятно. Исключение составляет пункт 462 (с. Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области), в материалах по которому зафиксировано несколько примеров с ударным [ê]: *падајд’êт’*, *најд’ê*, *пълав’ên’*, *пат кан’êц*, *пл’ат’ên’*, *пл’ът’ên’*, *хр’ест’êц*, *т’еп’êц*. Этот символ встречается в небольшой части примеров, все они с этимологическим **е* или **ь*, а не **ě* под ударением. По всей видимости, таким образом собиратели отразили монофтонг [ę̣] переднего ряда верхне-среднего подъёма, который в южнорусских говорах с семифонемным вокализмом обычно является репрезентантом фонемы /е/ при мягком последующем согласном, а также в окончаниях презенса глаголов I спряжения и в суффиксе *-ец*.

Материалы ДАРЯ позволяют сделать вывод об архаической системе предударного вокализма после мягких согласных в этих говорах: основным звукотипом, который произносится в позиции перед ударными /е/, /о/, /а/, является [е] (что свидетельствует, вероятно, о том, что в основе этих систем лежит задонское яканье), основным звукотипом, который произносится перед ударными /и/, /у/, /ω/, /ѣ/, является [’а]. Архаическая система гласных в первом предударном слоге после твёрдых согласных в этих говорах либо значительно разрушена, так что вместо неё

[3] Следует заметить, что реализации фонем /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ в материалах ДАРЯ по данным говорам не различаются, мы вносим их в таблицы условно, разделяя соответствующие примеры на группы в зависимости от этимологии ударного гласного.

[4] В рядах звуки располагаются по убыванию частотности, если они разделены запятой. Кроме того, используются пометы: «единично», если количество примеров с соответствующим звукотипом не превышает 3; «редко», если количество примеров с соответствующим звукотипом не превышает 25 % от всего материала на данную позицию; «реже», если количество примеров с соответствующим звукотипом меньше половины, но больше 25 %; «и», если количество примеров с одним и другим звукотипом примерно одинаково.

наблюдается сильное аканье с небольшим числом исключений, либо недостаточно точно отражена собирателями. Более вероятным представляется второе, поскольку современные материалы, полученные по говорам подобного типа на территории Воронежской и Белгородской областей, показывают достаточно высокую степень сохранности как яканья, так и аканья архаического типа.

Говор с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области, не обследованный по программе ДАРЯ, но подробно изученный в ходе экспедиций 2007–2017 гг., характеризуется архаическим аканьем и двумя разновидностями архаического яканья: у одних информантов это близкий к классическому задонский тип яканья, при котором в первом предударном слоге на месте фонем неверхнего подъёма противопоставлены звуки [а] и [е], у других — архаическое яканье особого типа, которое можно назвать «умеренным» задонским яканьем. Его принцип заключается в том, что перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов произносится [а], а перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов — [е] перед твёрдым согласным и [и] перед мягким. По данным, собранным нами в экспедициях 2000-х и 2010-х гг., весьма близки к роговатовской системе «умеренного» задонского яканья системы говоров сёл, расположенных к востоку от Роговатого на территории Воронежской области: Скупая Потудань Нижнедевицкого р-на, Краснолипье, Новосолдатка, Платава и Россошки Репьёвского района, Мастюгино Острогожского района, а также хутора Бузёнки Острогожского района (эти населённые пункты в сетку ДАРЯ не входили). На основании имеющихся в литературе данных можно полагать, что архаическое яканье подобного типа наблюдается также немного севернее, южнее и восточнее на территории Воронежской области: в сс. Болдырёвка Острогожского района [Черенкова 2009: 42–44, тексты 7, 8], Оськино Хохольского района [там же: 52–58, тексты 17, 18], Старая Хворостань Лискинского района [там же: 44–52, тексты 9–16].

Ближайшие к Роговатому обследованные для ДАРЯ населённые пункты — с. Истобное Репьёвского района Воронежской области (пункт 472) и д. Дмитриевка Сине-Липяговского района Воронежской области (с 1957 г. — Нижнедевицкого района, ныне хутор Дмитриевский Нижнедевицкого района Воронежской области, пункт 471). Их говоры в ДАРЯ характеризуются новосёлковским ассимилятивно-диссимилятивным яканьем и представляют собой небольшой островок этого типа вокализма в чистом виде в соседстве говоров, имеющих иные вокалические системы, по большей части смешанные.

Ниже приводятся схемы предударного вокализма этих двух говоров, построенные на основе материала рукописных комплектов ДАРЯ[5].

Таким образом, материалы ДАРЯ показывают в Истобном и Дмитриевке сильное аканье и новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье, имеющее небольшое количество исключений.

[5] В этих материалах также не отражались реализации фонем /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/; соответствующие примеры были разделены на группы нами.

Таблица 3

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говоре с. Истобное (по данным ДАРЯ)

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а]	[’а]	/и/
	[’а]	/у/
	[’а], единично [и]	/ω/
	[’а]	/ѣ/
	[’а]	/о/
	[е], [и], [’а]	’/о/
	[е], [и], [’а]	/е/
	[’а], редко [и]	/а/
	[’а], [е]	’/а/

Таблица 4

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говоре д. Дмитриевка (по данным ДАРЯ)

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а]	[’а], единично [е]	/и/
	[’а], редко [е]	/у/
	[’а]	/ω/
	[’а]	/ѣ/
	[’а], [е], [и]	/о/
	[и], [е], [’а]	’/о/
	[е], [’а]	/е/
	[’а], редко [е]	/а/
	[’а]	’/а/

Материалы говора с. Истобное, записанные нами в экспедиции 2010 года, позволяют уточнить характеристику вокализма этого говора. По нашим наблюдениям, в вокализме Истобного различается семь фонем под ударением (фонемы /ω/ и /ѣ/ реализуются дифтонгами [уо] и [ие]), а также представлено архаическое диссимилятивное аканье и архаическое яканье задонского типа.

Таблица 5

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говоре с. Истобное (по нашим данным)

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а]	[’а]	/и/, /у/, /ω/, /ѣ/
[ъ]	[е], в формах *чего*, *него* иногда [’о]	/о/
[ъ], единично [ъ^{а}][6]	[е], единично [’а]	’/о/
[ъ], реже [ъ^{а}]	[е], единично [и]	/е/
[ъ], единично [а]	[е]	/а/
[ъ]	[е], реже [и]	’/а/

Архаическое аканье и задонское архаическое яканье в этом говоре в очень хорошей сохранности. Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов и после твёрдых, и после мягких согласных отмечен только предударный [а], исключений нет. Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов после твёрдых согласных основным звуком, в котором нейтрализуются фонемы

[6] Значок [ъ^{а}] использовался для обозначения звуков с F1 более 650 Гц.

неверхнего подъёма, является звук [ъ], в некоторых случаях имеющий *о*-образное или *а*-образное звучание. Таким образом, говорить о сильном аканье нет никаких оснований. Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов после мягких согласных обычно произносится [е], в единичных случаях [и] или [а], при этом последний ни разу не встретился перед ударной /а/, то есть ассимилятивным этот тип яканья точно не является.

Преподаватели, аспиранты и студенты воронежских вузов, собиравшие материал для ДАРЯ в воронежских сёлах в начале 1950-х гг., могли не распознать архаическое аканье, поскольку вокализм предударного слога (и ударного слога в говорах с различением верхне-средних и средних гласных) сложен для восприятия, особенно для неподготовленного собирателя.

С большой долей вероятности можно предположить, что данные комплекта ДАРЯ по говору д. Дмитриевка также содержат неточности. Современных данных по этому говору мы не имеем, но можем привести свидетельство жителей Роговатого, которые утверждают, что говор Дмитриевки — точно такой же, как их собственный. Кроме того, как видно из таблиц, в материалах ДАРЯ, записанных одними и теми же собирателями, вокализм Истобного и Дмитриевки представлен практически одинаково.

Таким образом, анализ довольно обширных материалов Отдела диалектологии ИРЯ РАН, полученных нами в экспедициях 2000-х и 2010-х гг., позволяет сделать вывод о том, что вокалические системы с семью фонемами под ударением и архаическим типом аканья/яканья, расположенные на юге и в центральной части всей территории распространения архаического вокализма, достаточно устойчивы и хорошо сохраняются до сих пор. Однако между системами с обоянской разновидностью архаического яканья и системами с задонской разновидностью имеется важное различие.

Первые предполагают на месте гласных неверхнего подъёма в первом предударном слоге два звукотипа: долгий [а] и краткий [и] — звуки, максимально удалённые друг от друга в артикуляционном пространстве. Отсутствие в этой системе предударного гласного [е] как звукотипа, среднего между [и] и [а], то есть такой зоны, в которой [и] и [а] могли бы артикуляционно сблизиться или даже совпасть, делает её особенно устойчивой. Возможно, с этим обстоятельством связано и то, что в таких говорах не наблюдается зависимости качества предударного гласного от твёрдости/мягкости последующего согласного или межслоговой ассимиляции, при которой перед ударным [а] могли бы появляться *а*-образные звуки, перед ударным [е] — *е*-образные, а перед ударным [о] — *о*-образные.

В говорах второго типа — с задонским яканьем — предполагается противопоставление в предударном слоге довольно близких по качеству гласных [а] и [е]. В таких говорах «краткий» звукотип в значительной степени подвержен влиянию твёрдости/мягкости последующего согласного. Так, перед мягкими согласными гласный [е] сдвигается вперёд, повышается его подъём, он сближается с гласным [и]; перед твёрдыми согласными предударный [е], напротив, может сдвигаться назад, его подъём понижается, он может сближаться с гласным [а]. Однако даже

при таком качественном изменении количественное противопоставление «долгих» и «кратких» звукотипов сохраняется как особенность данных говоров и в наши дни.

Надо заметить, что и в говорах первого типа, и в говорах второго широко представлено качественное изменение краткого предударного [ъ] под влиянием окружающих согласных: например, в соседстве с губными, заднеязычными согласными и [л] его F2 понижается, и он порой звучит как гласный [о] (что приводило некоторых диалектологов к мысли, что в говорах с диссимилятивным аканьем сохраняются следы оканья, см., например, [Запрягаева 1998: 27–37], хотя уже в работах начала и середины XX века был описан исключительно фонетический характер такого «нового оканья», см., например, [Брок 1916: 51–53; Аванесов 1949: 69–70]); в окружении переднеязычных согласных этот звук приобретает *е*-образное звучание.

Говоры, характеризующиеся архаическим или близким к архаическому предударным вокализмом, распространены также севернее, на территории Липецкой области.

Приведём данные о говорах сёл Гнилуша, Уткино, Калабино, Ксизово, Сцепное, Ольшанец Задонского района Липецкой области по материалам экспедиции сотрудников Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН О. Е. Кармаковой и И. И. Исаева 2007 г., а также данные о говорах д. Верхняя Колыбелка и с. Отскочное Хлевенского района Липецкой области, опубликованные ранее в статьях разных исследователей.

1. Распределение звукотипов в первом предударном слоге после твёрдых и мягких согласных перед разными ударными гласными фонемами в говорах сёл Задонского района представлено ниже в таблице 6.

Таблица 6

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говорах Задонского района Липецкой области (различия между говорами несущественны)

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а]	[’а] и [е]	/и/
[а]	[’а], реже [е]	/у/
[а]	[’а], реже [е]	/ѡ/
[а]	[’а], реже [е]	/ѣ/
[ъ]	[е], реже [и]	/о/
[ъ]	[и], реже [е]	’/о/
[ъ]	[и], реже [е]	/е/
[ъ]	[е], единично [и], единично [’а]	/а/
[ъ]	[е], единично [’а]	’/а/

В этих говорах архаический тип вокализма чётко прослеживается только после твёрдых согласных. После мягких согласных перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма часто, почти в половине случаев, наблюдается звук [е], как при мягком последующем согласном, так и при твёрдом. В позиции перед

ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при твёрдом последующем согласном обычно [е], а при мягком – [и]. Единичны случаи произношения [а] перед ударной /а/. Таким образом, система яканья, которая, вероятно, имеет в основе задонский тип, в настоящее время претерпевает изменения, демонстрирующие тенденцию к екающему произношению перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма и к конкуренции звуков [е] и [и], частично связанной с твёрдостью/мягкостью последующего согласного, перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов. Если бы эта тенденция реализовалась полностью, получившийся тип вокализма можно было бы назвать умеренно-диссимилятивным еканьем.

2. Говоры Верхней Колыбелки и Отскочного впервые были обследованы по программе ДАРЯ (пункты 343 и 645).

Распределение звукотипов в первом предударном слоге, по данным рукописных комплектов ДАРЯ, приведено ниже в таблице 7.

Таблица 7

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма в говорах сс. Верхняя Колыбелка и Отскочное (различия между говорами несущественны)

Предударные гласные		Ударные гласные
После твёрдых согласных	После мягких согласных	
[а], единично [ъ]	[’а], единично [е]	/и/
[а], единично [ъ]	[’а], единично [е^{а}]	/у/
[а]	[’а], единично [’а^{е}]	/ω/
[а], единично [ъ]	[’а], единично [и]	/ѣ/
[ъ], единично [ъ^{а}]	[е], единично [е^{и}], [’а^{е}], [’а]	/о/
[ъ]	[и], реже [е], единично [’а^{е}]	’/о/
[ъ], единично [а]	[и], реже [е], единично [е^{и}]	/е/
[ъ], единично [ъ^{а}], [а]	[е], единично [е^{а}], [’а^{е}], [’а], [и]	/а/
[ъ]	[е], реже [и], [и^{е}], [’а]	’/а/

Под ударением на месте /ω/ отмечено, хотя и непоследовательно, [^{у}ȏ], [^{у}ó], в абсолютном конце слова — [^{у}ó^{а}]: *навȏс*, *хар^{у}óшай*, *давн^{у}ó^{а}* и т. д. Однако наряду с этими примерами встречаются примеры с монофтонгом [о]: *хъладнó*, *сталóч’* и т. д.

На месте /ѣ/ — [’^{и}é]: *пас^{и}éила*, *избал^{и}éла* и т. д. Но наряду с этими примерами встречаются примеры с монофтонгом [е] под ударением: *вз’л’ат’éла*, *у с’ал’é*, *пъс’м’ал’éй* и т. д.

На месте фонем /о/ и /е/ отмечены «открытые» звуки [оÜ] и [еÜ] (звуки более низкого подъёма по сравнению с литературными [о], [е]), а на месте /о/ в некоторых случаях — так называемый «обратный» дифтонгоид [о^{у}]: *пъд’еÜм*, *нъзъв’еÜм*, *уоÜлъдна*, *с рó^{у}жйу*. При этом встречаются и случаи с ударными [е] и [о]: *зб’ер’éш*, *д’ит’éй*, *мълъдóй*, *з’ернóм*.

Таким образом, в материалах ДАРЯ для говора Верхней Колыбелки и Отскочного зафиксирован семифонемный ударный вокализм с дифтонгами и дифтонгоидами на месте фонем верхне-среднего подъёма и «открытыми» гласными на месте

фонем среднего подъёма, при котором /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ во многих случаях совпадают в звуке [о] и в звуке [е] соответственно.

Говор д. Верхняя Колыбелка и с. Отскочное неоднократно становился предметом пристального внимания диалектологов и после обследования по программе ДАРЯ: см., например, [Сталькова 1971: 35–47; Касаткина, Щигель 1995: 295–309]. В ходе составления хрестоматии [РНГ 1999] Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель отобрали два небольших текста из Верхней Колыбелки и Отскочного и охарактеризовали в комментарии к этим текстам вокализм первого предударного слога после твёрдых согласных говора как архаическое диссимилятивное аканье, однако с уточнением «о параллельном существовании в говоре и другой модели вокализма — ассимилятивно-диссимилятивной, отличающейся от приведённой тембровым уподоблением *ə*-обра́зного гласного гласному последующего слога» [Там же: 127]. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных авторы характеризуют как задонский подтип архаического типа диссимилятивного яканья, указывая при этом на единичные исключения. В [Касаткина, Щигель 1995: 295–309] авторы более детально описывают говор Верхней Колыбелки и Отскочного, отмечая в нём противопоставление трёх гласных звуков после твёрдых согласных на месте фонем неверхнего подъёма. Распределение этих звукотипов таково: перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов выступает широкий продлённый гласный [а#], перед ударными гласными среднего подъёма – гласный [ъ], а перед ударным гласным нижнего подъёма — несколько повышенный и краткий звук [а¥(], иногда перед мягкими согласными + *а* произносится [ъ], то есть [сама́], но [съ́н’ах], а в некоторых случаях отмечено произношение упереднённого гласного перед <е> и лабиализованного гласного перед <о>. Разница между [а#] и [а¥(] заключается в длительности этих звуков. Первый из них, по данным 20 произнесений, длится от 74 до 151 мс, что составляет в среднем около 87% от длительности ударных гласных верхнего подъёма, второй — от 51 до 97 мс, что составляет примерно 50% от длительности ударного [а] (99–206 мс). Всё это позволило авторам сделать вывод о новой единице в системе южнорусского вокализма — ассимилятивно-диссимилятивном аканье, которое должно быть параллельно по устройству ассимилятивно-диссимилятивному яканью, известному с начала XX века и встречающемуся в основном на территории восточных говоров южнорусского наречия[7]. Однако в данных говорах система предударного вокализма после мягких согласных несколько отлична от классической модели ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Соответственно вокализму после твёрдых согласных, после мягких в рассматриваемых говорах на месте фонем неверхнего подъёма в дополнительном распределении находятся три звукотипа, причём при ассимилятивно-диссимилятивном характере вокализма «проявляется действие модели умеренного яканья» [Там же: 302]: [Q#] (перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов), [Q(] (перед ударными <а> <о>, при последующем твёрдом согласном) и [е] (перед ударными <а> и <о> при последующем мягком согласном, а также перед <е>).

[7] См. об этом [Дурново 1969: 158–159; Захарова, Орлова 1970: 133].

Д. М. Савинов, который также обращался к этим говорам, считает, что в них «наблюдается первая ступень перехода от задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному», развивая тем самым идеи К. Ф. Захаровой о происхождении ассимилятивно-диссимилятивных типов вокализма из архаических [Захарова 1977: 49–63], и связывает изменения гласных предударного слога с характером ударного вокализма: «…Прежде всего ассимиляции подвергаются предударные гласные перед /а/, затем перед /о/ — после понижения артикуляции дифтонга [о͡ў] до [ɔ̯̞] или [ɔ͡ɔ] и постепенного распространения на месте /о/ монофтонга [ɔ]. По-видимому, со временем гласный [а¥(] после твёрдых согласных распространяется также перед аллофонами /о/, то есть возникает система умеренно-диссимилятивного аканья и яканья. Переходу [ə] и [е] в [а] перед /’а/ мешает дифтонгическое образование последнего, а вовсе не мягкость согласного. <…> Только после монофтонгизации [е͡а] начинается распространение [а] перед /’а/». Причину возникновения ассимиляции в таких говорах Д. М. Савинов усматривает в монофтонгизации дифтонгов (прежде всего реализующих фонемы среднего подъёма), а также в модификации ритмодинамической структуры слова, которая ранее оформлялась т. н. смешанным способом, предполагающим совмещение волнообразной структуры со структурой «сильный центр и слабая периферия», а затем постепенно заменилась полностью на этот последний вариант [Савинов 2013: 289–294], см. также [Касаткина, Савинов 2007: 405–407].

С. В. Князев придерживается иной точки зрения и утверждает, что аканье, описанное Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель, не следует считать особой моделью ассимилятивно-диссимилятивного аканья, возникшей на основе архаического типа. Поскольку в этих говорах наблюдается не только *а*-образный гласный перед [а], но и лабиализованные гласные перед [о] и упереднённые гласные перед [е], а количественные отношения между предударными и ударными гласными продолжают играть важную роль в устройстве вокалических структур, то таким образом диссимиляция (количественная) является системным фонологическим правилом, а ассимиляция (качественная) — поверхностным фонетическим (коартикуляционным) явлением; следовательно, явление это нужно расценивать как «простой факт межслоговой вокальной ассимиляции, широко известной не только большинству русских говоров (ср., например, *в[’о]дý* при *в[’е]лá* в севернорусских говорах), но и литературному языку — *п[ъ°]утрý*, *п[ъ°]купáт’, д[ъ°]кум’éнт* (необходимо отметить, что ассимилятивным изменениям в наибольшей степени подвержены именно редуцированные гласные)» [Князев 2006: 155–156].

На основании приведенных данных видно, что говоры, расположенные в северной части ареала распространения архаического вокализма (Липецкая область), характеризуются гораздо более сложным устройством системы гласных и гораздо бóльшим разнообразием, чем южные архаические говоры.

Таким образом, материалы современных экспедиций позволяют уточнить границу распространения говоров с архаическими типами предударного вокализма и дополнить характеристику некоторых ранее известных таких говоров.

Библиография

Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. 336 с.

АУМ I — Атлас української мови. Том перший. Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. К.: Наукова думка, 1984. 498 с.

АУМ III — Атлас української мови. Том третій. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянщина, Причорномор'я і суміжні землі. К.: Наукова думка, 2001. 640 с.

Брок 1916 — Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 128 с.

ДАБМ 1963 — Дыялектаоагічны атлас беларускай мовы. Минск: Выдавецтва акадэміі навук БССР, 1963. 338 карт.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып.1. Фонетика. М., 1986.

ДАРЯ. Вступительные статьи… 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трёх выпусках. Выпуск I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 196 с.

Дурново 1969 — Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М.: Наука, 1969. 296 с.

Дьяченко, Корпечкова 2012 — Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В. К вопросу о динамике архаического типа вокализма в южнорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 224–233.

Запрягаева 1998 — Запрягаева М. Я. Фонетическое описание говора с. Русская Журавка Верхнемамонского р-на Воронежской обл. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. С. 27–37.

Захарова 1959 — Захарова К. Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959. С. 6–55.

Захарова 1977 — Захарова К. Ф. К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 49–63.

Захарова, Орлова 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Касаткина, Савинов 2007 — Касаткина Р. Ф., Савинов Д. М. Ещё раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах // Проблемы фонетики: сб. статей. — Вып. 5 / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007. С. 395–407.

Касаткина, Щигель 1995 — Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики II. Сб. статей / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. С. 295–309.

Князев 2006 — Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М.: Изд-во Макс-Пресс, 2006. 226 с.

Курило 1928 — Курило О. Б. *До питання про умови* дисимілятивного акання. Записки Іст.-філ. відділу УАН, 10, 1928. С. 48–72.

Назарова 1975 — Назарова Т. В. Аканье в украинских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. — М.: Наука, 1977. С. 211–260.

РНГ 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999. 207 с.

Савинов 2013 — Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 319 с.

Сталькова 1971 — Сталькова И. Л. К вопросу о фонетической структуре слова в южнорусских говорах с диссимилятивным аканьем // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 35–47.

Фомина 1985 — Фомина Т. Г. Просодия слова в южнорусском говоре с диссимилятивным вокализмом // Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. С. 101–131.

Черенкова 2009 — Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж: Полиграф, 2009. 328 с.

S. V. Dyachenko
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svet-lan-a@list.ru

ARCHAIC AKANYE AND YAKANYE IN SOUTH RUSSIAN DIALECTS: AREAL CHARACTERISTIC

The article explores the characteristics of South Russian dialects with archaic types of akanye and yakanye. The analysis of handwritten materials collected in the middle of the last century for the "Dialectological Atlas of the Russian language" (DARL) is carried out. These materials are supplemented, and in some cases clarified, by the data of modern expeditions to the same or neighboring dialects.

Dialects with archaic vocalism are heterogeneous: in the southern part of the area, the Oboyan yakanye prevails, and in the central and northern Zadonsk yakanye prevails. The vocalism of the dialects of the southern part is very stable: both according to DARL and according to modern expeditions, the archaic akanye and the Oboyan

archaic yakanye are well preserved in these dialects. Conversely, the dialects of the central and northern parts of the range with the Zadonsky type of yakanye are heterogeneous and unstable. In some of them, two types of yakanye are recorded: Zadonsky and "moderate" Zadonsky, in others there is a tendency to the emergence of moderate-dissimilative yekanye.

The article considers materials of Voronezh dialects, which, according to DARL, are characterized by mixed types of pre-stressed vocalism after soft consonants with a Zadonsk yakanye at the base. The type of vocalism of dialects village Itobnoe and village Dmitrievka is specified. The materials of the expeditions of recent years on the dialects of the Belgorod, Voronezh and Lipetsk regions are analyzed, the materials of the handwritten sets of the DARL on the dialects of the villages of Verkhnyaya Colybelka and Otskochnoye and later audio recordings made in these villages and analyzed in the articls of various researchers are compared.

Key words: dialect phonetics, archaic akanye, Oboyan yakanye, Zadonsk yakanye, South Russian dialects.

References

Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii. Chast' pervaja* [Essays on Russian dialectology. Part one.]. Moscow, Gos. uchebno-pedagogich. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ. 1949. 336 p.

Atlas ukraïns'koï movi. Tom pershii. Polissya, Serednya Naddnipryanshchina i sumizhni zemli [Atlas of the Ukrainian language. Volume One. Polesie, Middle Naddnipryanshchina and adjacent lands.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984. 498 p.

Atlas ukraïns'koï movi. Tom tretii. Slobozhanshchina, Donechchina, Nizhnya Naddnipryanshchina, Prichornomor'ya i sumizhni zemli [Atlas of the Ukrainian language. Volume three. Slobozhanshchina, Donetsk region, lower Dnieper region, Black Sea region and adjacent lands.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2001. 640 p.

Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects to the west of Mosalsk.]. Petrograd, Tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1916. 128 p.

Dyyalektaoagichny atlas belaruskai movy [Dialectoagical atlas of the Belarusian language.]. Minsk, Vydavetstva akademii navuk BSSR Publ., 1963. 338 cards.

Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR [Dialectological atlas of the Russian language: The Center of the European part of the USSR.]. Edited by R. I. Avanesov, S. V. Bromlei. Vol. I. Phonetics. Moscow, 1986.

Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR [Dialectological atlas of the Russian language: The Center of the European part of the USSR.]. In 3 volumes. Vol. I. Introductory articles. Reference materials. Phonetics Edited by R. I. Avanesov, S. V. Bromlei. Moscow, Nauka Publ., 1986. 196 p.

Durnovo N. N. *Vvedenie v istoriyu russkogo yazyka* [Introduction to the history of the Russian language.]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 296 p.

D'yachenko S. V., Korpechkova E. V. *K voprosu o dinamike arkhaicheskogo tipa vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh* [On the dynamics of the Archaic type of vocalism in

South Russian dialects.]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii* [Research on Slavic dialectology.]. Vol. 15. Features of the coexistence of dialect and literary forms of the language in the Slavic-speaking environment. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012. Pp. 224–233. (In Russ.)

Zapryagaeva M.Ya. *Foneticheskoe opisanie govora s. Russkaya Zhuravka Verkhnemamonskogo r-na Voronezhskoi obl.* [Phonetic description of the dialect of the village of Russian Zhuravka of the Verkhnemamonsky district of the Voronezh region.]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu* [Materials on Russian-Slavic linguistics.]. Voronezh, Izd-vo VGU Publ., 1998. Pp. 27–37. (In Russ.)

Zakharova K. F. *Arkhaicheskie tipy dissimilyativnogo yakan'ya v govorakh Belgorodskoi i Voronezhskoi oblastei* [Archaic types of dissimilative yakan in the dialects of the Belgorod and Voronezh regions.]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology.]. A new series. Vol. 1. Resp. ed. R. I. Avanesov, V. G. Orlova. Moscow, 1959. Pp. 6–55. (In Russ.)

Zakharova K. F. *K voprosu o geneticheskoi osnove tipov assimilyativno-dissimilyativnogo yakan'ya* [On the question of the genetic basis of the types of assimilative-dissimilative yakanye.]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological studies of the Russian language.]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 49–63. (In Russ.)

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p.

Kasatkina R. F., Savinov D. M. *Eshche raz k istorii razvitiya assimilyativno-dissimilyativnogo vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh* [Once again to the history of the development of assimilative-dissimilative vocalism in South Russian dialects.]. *Problemy fonetiki: sb. statei* [Problems of phonetics: collection of articles.]. Vol. 5. Resp. ed. R. F. Kasatkina. Moscow, Nauka Publ., 2007. Pp. 395–407. (In Russ.)

Kasatkina R. F., Shchigel' E. V. *Assimilyativno-dissimilyativnoe akan'e* [Assimilative-dissimilative akanye.]. *Problemy fonetiki II: sb. statei* [Problems of phonetics II: collection of articles.]. Resp. ed. L. L. Kasatkin. Moscow, In-t russkogo yazyka RAN Publ., 1995. Pp. 295–309. (In Russ.)

Knyazev S. V. *Struktura foneticheskogo slova v russkom yazyke: sinkhroniya i diakhroniya* [The structure of a phonetic word in the Russian language: synchrony and diachrony.]. Moscow, Maks-Press Publ., 2006. 226 p.

Kurilo O. B. *Do pitannya pro umovi disimilyativnogo akannya* [On the question of the conditions of dissimilative akannya.]. *Zapiski Ist.-fil. viddilu* UAN [Notes East. — Phil. UAN Department]. 10, 1928. Pp. 48–72. (In Ukr.)

Nazarova T. V. *Akan'e v ukrainskikh govorakh* [Akanye in Ukrainian dialects.]. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniya* [The All-Slavic Linguistic Atlas. Materials and research.]. 1975. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 211–260. (In Russ.)

Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoe narechie [Russian folk dialects. A sounding textbook. The South Russian dialect.]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 207 p.

Savinov D. M. *Evolyutsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh* [The evolution of vocalism systems in South Russian dialects.]. Moscow, In-t russkogo yazyka RAN Publ., 2013. 319 p.

Stal'kova I. L. *K voprosu o foneticheskoi strukture slova v yuzhnorusskikh govorakh s dissimilyativnym akan'em* [On the question of the phonetic structure of a word in South Russian dialects with a dissimilative akanye.]. *Sinkhronno-sopostavitel'nyi analiz yazykov raznykh system* [Synchronous-comparative analysis of languages of different systems.]. Moscow, 1971. Pp. 35–47. (In Russ.)

Fomina T. G. *Prosodiya slova v yuzhnorusskom govore s dissimilyativnym vokalizmom* [Prosody of a word in the South Russian dialect with dissimilative vocalism.]. *Gradatsionnaya fonologiya yazyka i prosodiya slova russkoi dialektnoi rechi* [Gradational phonology of the language and prosody of the word of the Russian dialect speech.]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta Publ., 1985. Pp. 101–131. (In Russ.)

Cherenkova A. D. *Voronezhskie dialektnye teksty kak istochnik dlya izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka, istorii i kul'tury naroda* [Voronezh dialect texts as a source for studying the Russian national language, history and culture of the people.]. Voronezh, Poligraf Publ., 2009. 328 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

И. И. Исаев
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
iiisaev@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ГОВОРА Д. УЛЯХИНО ПО МАТЕРИАЛАМ О. Н. МОРАХОВСКОЙ И СОВРЕМЕННЫМ ДАННЫМ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Статья представляет собой продолжение исследования лингвистического пространства района Мещеры, начатого О. Н. Мораховской в первые годы ее научной деятельности и включающего в общую лингвогеографическую картину среднерусских говоров ряда частных наблюдений над диалектом. Материал, собранный и описанный в середине прошлого века, сопоставляется с новыми данными, полученными автором в той же деревне в начале XX в., что позволяет сделать ряд выводов об эволюции этого говора. За прошедшие полвека система предударного вокализма дополнилась новыми звеньями, появившимися в результате усилившихся процессов междиалектного контактирования. Гласные ударного слога <о> и <э> окончательно потеряли связь с этимологически открытыми и закрытыми гласными. В области заударного вокализма проявилась тенденция к значительной модификации гласных под воздействием синтаксической фонетики (позиции во фразе) /

Ключевые слова: Мещерские говоры, диалектная фонетика, фонология, эволюция диалектных систем, лингвистическая география

Диалектолог-лексиколог, автор и редактор Диалектологического атласа русского языка (Вып. III. Синтаксис. Лексика) доктор филологических наук Ольга Николаевна Морахóвская начинала свою научную работу как исследователь мещерской части Владимирской области. В 40-х годах XX в. Р. И. Аванесов предложил О. Н. Мораховской собрать материал для описания говоров этого края. В результате экспедиционной и лингвогеографической работы была подготовлена кандидатская диссертация «Говоры Мещерского края», защищенная в 1951 г. В работе содержится интересный и обширный исторический и этнографический материал.

В ранних работах О. Н. Мораховской наиболее подробное описание получил говор деревни Уляхино Гусь-Хрустального (прежде Курловского) района Владимирской области. По диалектному членению русского языка это восточные

среднерусские акающие говоры отдела «Б». В непосредственной близости от Уляхино находятся известные по знаковым диалектологическим описаниям населенные пункты. Вот лишь некоторые исследования: д. Лека, с. Пустоша, с. Тихоново, с. Новосёлки, д. Деулино и др. населенные пункты в междуречье Оки-Клязьмы.

Мне довелось собирать диалектный материал в Уляхине через 50 лет после первого исследования [Исаев 2004], хочется отметить, что фонетические заметки, сделанные О. Н. Мораховской в доинструментальную эпоху, поражают своей точностью и масштабом диалектологических обобщений, сделанных без опоры на Диалектологический атлас русского языка, который к тому времени еще не был издан: в распоряжении диалектологов были только материалы Восточного тома ДАРЯ.

Уляхинские гласные средне-верхнего подъема *ô, ê* , представляющие *о* и э различной эимологии, а также их факультативные реализации — дифтонги [и͡э] и [о͡у] (именно [о͡у]) в описании О. Н. Мораховской и в современных материалах встречаются редко.

В неприкрытом слоге уже не отмечен лабиализованный гласный средне-верхнего подъема [ô] или дифтонг [о͡у] (прежде было *о́б'и, о́цап*; *о͡упшывн'и, о͡укъла*). Сегодня фонема /о/ в этой позиции представлена лабиализованным гласным заднего ряда [о] вне зависимости от этимологии.

О. Н. Мораховской приводится единственный пример с дифтонгом [у͡о], представляющим **о* под восходящим ударением, в котором трудно выделить слоговую и неслоговую часть — *у͡от ан'и́* (вот они): «произношение его начинается со звука заднего образования верхнего подъема сильно лабиализованного, затем лабиализация и подъем уменьшаются так, что в конце слышится звук среднего подъема *о*» [Мораховская 1957, 163]. Вместе с тем в середине XX века отмечалось, что появление начального дифтонга [у͡о] в слове *вот* связано с ослаблением до исчезновения губно-губного *w*. Думается, что этот пример объясняется фонетическими процессами и не объясняется происхождением ударного гласного.

Гласная фонема /е/ любой этимологии как и прежде может быть реализована дифтонгоидом [е̯ᵊ] (или гласным с более длительной фазой рекурсии [е͡й]) и гласным средне-верхнего подъема [ê] (*е͡иту, е́тъц*).

Фонема /и/ после твердых парных согласных может бытёь представлена, помимо гласного [ы], дифтонгоидом [ы̯ᵊ], который не зафиксирован в прошлом описании. Значительная дифтонгизация [ы͡и] свойственна и литературному варианту русского языка, но в говорах этого региона мною отмечались варианты с задним нелабиализованным вариантом, шкала такого изменения значительно шире, знаками IPA этот гласным можно представить так: [ɯ͡i].

Изменения коснулись главным образом функциональных вариантов фонемы /о/: помимо совпадающих с литературным языком вариантов [о] или [о˙] (в зависимости от качества следующего согласного), отмечен узкий лабиализованный гласный средне-верхнего подъема [ô] и целый ряд дифтонгов и дифтонгоидов с различными слоговыми и неслоговыми частями. О. Н. Мораховской также отмечались факультативные гласные [ô], [у͡о], которые могли представлять гласные

о различной этимологии. Дифтонг [o͡y] был менее свободен в употреблении: он появлялся в соответствии всем указанным выше этимологическим гласным, кроме **о* под восходящим ударением, а также в заимствованиях различного времени. Вот как характеризует эту лингвистическую ситуацию в прошлом состоянии говора О. Н.Мораховская: «В таком распределении дифтонгов *у͡о* и *о͡у* по лексемам в зависимости от этимологии гласного угадывается их смыслоразличительная роль в прошлом, в настоящее время почти утраченная, поскольку в тех же словах и морфемах чаще произносится *о* или *ô*» [Мораховская 1951, 165].

Очень важно, что сегодня дифтонг [у͡о] (или гласный с менее высоким подъемом первого компонента — [о͡о]) с относительно краткой фазой экскурсии употребляется только в словах, в которых *о* было под восходящим ударением. Фразовой реализацией дифтонга [у͡о] является, по-видимому, дифтонгоид [о͡ʰ] — гласный, пониженный по подъему, но не утративший лабиализацию первого компонента, что позволяет сохранять контраст между фазами гласного. Не менее важно и то обстоятельство, что почти все слова с дифтонгом [у͡о] расположены непосредственно в конце фонетической фразы. Вариант дифтонга [у͡о] — [о͡а] в том числе (*н'ъ-удало͡ас'*).Этот гласный встречается во всех этимологических позициях, включая новые слова (*д'ипо͡о* «депо»).

Узкий гласный средне-верхнего подъёма [ô] (в редких случаях это может быть лабиализованный гласный верхнего подъема [у]) представлен значительным количеством примеров в местоимениях/частицах *вот.* Гласный [ô] может соответствовать различным этимологическим гласным (как и 50 лет назад): открытым и закрытым *о,* а также новым словам типа *ф-калхо́с.*

Наибольший интерес представляет употребление гласных [o͡y], [ô] в ударном слоге после мягких согласных. О. Н. Мораховская указывает на то, что произношение этих гласных «факультативно, условия их появления не выяснены» [Мораховская 1957, 167]. Ею отмечались слова с [ô] типа *п'jо́т*, *гр'еб'о́нкъ* и [o͡y] типа *пацд'о͡ут, ск'о͡ут,* сегодня значительная часть примеров употребления узкого монофтонга верхне-среднего подъема [ô] преимущественно представлена лексемами *её* и *всё*, а дифтонг [o͡y] в этих словах встречается крайне редко. В материалах О. Н. Мораховской большая часть примеров употребления [o͡y], [ô] связана с глагольными формами второго лица единственного числа (*наск'о͡уш*), реже — первого лица множественного числа (*ск'о͡ум*) и третьего лица единственного числа (*ск'о͡ут*).

В описании говора О. Н. Мораховской фонема /е/ любой этимологии могла быть представлена гласным звуком переднего ряда средне-верхнего подъема [ê] (более узким, чем того требует позиция). Неоднородные гласные [и͡е], [е͡и], факультативно представляющие фонему /е/ сегодня, в прошлом были связаны с этимологией ударного гласного. Все указанные явления отмечены и сегодня, однако дистрибуция вариантов изменилась. Ударный гласный, соответствующий этимологическому /ê/-закрытому, может быть представлен следующими вариантами: 1) неоднородным гласным [и͡е]; 2) неоднородным гласным с краткой фазой *и*-образной экскурсии [ᵢ͡е]; 3) неоднородным гласным более низкого образования [ê͡е] ([ê͡ъ],

[ê͡ᵊ], [e͡ъ], [e͡ᵊ], [e͡a]); 4) узким монофтонгом средне-верхнего подъема [ê]; 5) узким монофтонгом верхнего подъема [и]; 6) и в одном случае — «обратным» дифтонгом с узкой фазой рекурсии [ê͡ᵊ] (*пъ-с'т'ен˙ê͡ᵊ*).

О. Н. Мораховская, говоря об условиях употребления дифтонга [e͡й], отмечает, что перед гласным *е* из **ь, е* согласный может быть твердым или полумягким. Сегодня неоднородный гласный [e͡й] (из **ь, е*) отмечен только после сонорного [н], который факультативно может быть полумягким.

Как и во многих русских говорах, переживших процесс изменения *а*/*е* между мягкими согласными под ударением, в уляхинском вокализме отмечаются его лексикализованные остатки в слове *оп'ém'* (реже в слове *гр'éс'*). Прежде круг таких слов, в которых происходило изменение *а* в *е*, здесь был шире.

Значительный интерес представляет дифтонгизация гласных после мягких согласных: *пр˙ᵊ̃áх'и, тр'ẽ͡óх, баб'ẽ͡óнк'и, хп'ар'ẽ͡óт* (‘в перед’). Похожее явление (приспособление гласного к предшествующему согласному, или наоборот) зафиксировано в говоре д. Липовые Поляны Курловского (теперь Гусь-Хрустального) района Владимирской области Т. Г.Строгановой [Строганова 1950, 5]. На эти факты в говоре Липовых Полян обратила внимание и О. Н. Мораховская [Мораховская 1957, 167]. Мною также отмечены подобные дифтонгоиды в говорах Приозерной Мещеры на границе с Московской областью.

В позиции первого предударного слога после твердых парных согласных можно отметить одну динамическую составляющую, которая уже в описании 40-х годов говора была экстенсивной, лишь иногда гласный среднего ряда среднего подъёма [ъ] встречался преимущественно перед ударным гласным [á]. О. Н. Мораховской приведены следующие примеры: *хъз'áин, съмá, нъ жáлъвън'йа, саръхвáн, нъ кýр'йи*. Также в частице *да*: *дъ мы́ш*, но именно эта черта не может считаться решающей при определении типа предударного вокализма, ведь и в литературном варианте русского языка частица *да* в первом предударном слоге имеет фонетику второго предударного слога, являясь относительной проклитикой. Что касается немногочисленных фактов первой группы (а также одного случая в предударном слоге в абсолютном начале слова — *ънá*), которые вызвали предположение О. Н.Мораховской о «следах диссимилятивного аканья в системе аканья недиссимилятивного» [Мораховская 1957, 169], то сегодня они получили развитие уже в виде единичного непоследовательного употребления гласного [ъ] в соответствии фонемам /о/, /а/ перед различными ударными гласными.

В подсистеме предударного вокализма после твердых согласных отмечен новый элемент — лабиализованный гласный среднего подъема [о] или лабиализованный гласный нижнего пщдъёма [aᵒ]. В этих словах предударный гласный, реализующий фонемы /о/ или /а/, <u>находится в непосредственном контактном или ближайшем дистантном положении с губным согласным и/или перед лабиализованным ударным гласным</u>: *потóм-уш, (в) годý, провод'úт', у-ковó-т, волóд'ъ, пъмаᵒгáт', [девять] м'éс'ъцъγʰ москв'é.*

Наибольший интерес с точки зрения эволюции системы вокализма представляет позиция первого предударного слога после мягких согласных, в которой гласные

фонемы неверхнего подъема реализуются в 4-х вариантах, обнаруживающих более или менее тесную связь с позицией, то есть *позиционную прикрепленность*.

Результаты активных и продолжительных междиалектных контактов сегодня могут быть отмечены и сейчас в говоре деревни Уляхино. Анализ одной из типологически важных позиций для классификации русских диалектов — вокализма первого предударного слога после мягких согласных — выявил в прошлом состоянии говора основную функциональную модель сильного яканья со следами распавшейся системы ассимилятивно-диссимилятивного яканья и значительными элементами еканья.

Сегодня, спустя более чем 50 лет с момента первого описания, можно полагать, что предударный вокализм говора всё ещё не сложился в единую систему. Гласные фонемы неверхнего подъёма могут быть представлены вариантами [а], [е], [и], [о]. Все они обнаруживают более или менее тесную связь с позициями[1].

Наиболее устойчивым звеном предударного вокализма должен быть признан вариант [а] — самый частый представитель гласных фонем неверхнего подъема: сильное яканье, предполагаемое здесь в 40-х гг., и сегодня остаётся основной функциональной системой.

Наибольший интерес представляют условия употребления гласных [и], [е] в предударном слоге. Совпадение частотных позиций этих вариантов (t'at'á, t'at'é) заставляет искать связь в их функционировании[2].

Такую связь гласных *е, и* в вокалической системе говора можно обнаружить в динамической синхронии. Подробнее об этом в [Исаев 2004б].

Видится следующее возможное движение уляхинского вокализма: 1) диссимилятивная модель с [и] в качестве не-*а*-гласного; 2) сильное яканье со следами диссимилятивности и еканья; 3) особое умеренное яканье с *е* между мягкими; 4) еканье в «младшей» норме.

Появление фактов ёканья в Уляхине можно объяснять влиянием соседних говоров: в десяти километрах на востоке и на севере расположены окающе-ёкающие Владимирско-Поволжские говоры, авторитетные в лингвистическом отношении для акающих жителей деревни Уляхино.

Факты оканья и ёканья в акающем говоре, как показано выше, обусловлены комбинаторным влиянием, которое усиливается самим следствием

---

[1] В записях говора д. Дёмино Гусь-Хрустального района Владимирской области в 1948 г. отмечено дифтонгическое произношение предударного гласного: «Иногда гласный *е* подвергается здесь дифтонгизации, по-видимому, независимо от своего происхождения и других условий. Тогда имеем его факультативную разновидность — дифтонг *е͡и̯* <...>. Дифтонгизация предударного *е* происходит не часто, но все же отмечена в достаточном количестве случаев: *ун'е͡и̯сл'и́, пъл'е͡и̯жы́т, нъ пл'е͡и̯ч'е́, нъ н'е͡и̯во́, н'е͡и̯ зна́цу, н'е͡и̯ ху́ц:ъ, в'е͡и̯дру́, л'е͡и̯с'н'и́к, н'е͡и̯м'е́ит, п'е͡и̯со́к*» [Мораховская 1951, 112]. Важно, что большинство примеров употребления гласного [е̯ᵊ], отмечено после самых звучных согласных [н], [л] и после [в].

[2] Ср. замечание О.Н.Мораховской о функционировании вариантов [е], [и]: «Его появление <варианта [е], *–И.И.*>, так же как и появление *и*, не зависит ни от гласного ударного слога, ни от качества последующего гласного» [Мораховская 1957, 170]

аканья — активными процессами межслоговой и внутрислоговой ассимиляции. Примеры типа *фс'ово́, воло́д'ъ*, видимо, нельзя считать собственно развитием оканья в акающем говоре — это также аканье, но представленное фактами особого характера. Так вокализм частной диалектной системы иллюстрирует нам возможность «обратного хода» языковой эволюции, что представляется как экстралингвистически, так и лингвистически объяснимым. Вариант ['о], представляющий безударные /а/, /о/, /е/, был принят, очевидно, из ёкающих владимиро-поволжских говоров как яркая черта окальщиков с точки зрения якающего носителя (этому не противоречат примеры *д'в'она́цтъвъ, ју°ршы́* (ершы), *н'о̲-хо́д'о*, которые сохраняют условие ёкающих говоров — позицию после мягких согласных перед твёрдым). Однако фонетическая система говора Уляхино вносвь сужает круг потенциальных возможностей употребления варианта [о] и оставляет только фонетически «объяснимые» случаи для чужих элементов в своей системе и требует условие — перед губным согласным и лабиализованным ударным гласным, т. е. генерализует условие губной гармонии[3].

Надо сказать, что губная гармония (как частный случай явления гармонии гласных) широко распространена в русских говорах — прежде всего, конечно же, акающих — и действует не только в предударном слоге, но и в заударных слогах. Слова с ассимилятивной лабиализацией в говоре д. Уляхино (как после твердых, так и после мягких согласных) являются факультативными даже в рамках узкой позиции *t(')owó*.

Интенсивное движение в системе предударного вокализма проявляется в увеличении количества переходных элементов, которые составляют своеобразную «зону переходности» между гласными. Например, варианты: *а – а°* — *ъ^а* — *ъ°* — *а^е* — *е^а* — *е* — *е°* — *о* представляют гетерогенный ступенчатый ряд, для словоформ местоимения *он* (*jawó, ја^е во́, је^а во́, јеwó, ц̯е°во́, ц̯owó* и др.), где в качестве представителя неверхних гласных фонем может выступать чужой элемент [о], который последовательно включается в чередование единиц системы и изменяется по внутренним законам уляхинского вокализма. Это свидетельствует об усвоении чужого элемента средствами собственной фонетической системы, а не о замене одной единицы другой.

Отчасти вследствие сложности предударного вокализма получает развитие и следующая диалектная черта. В позиции первого предударного слога после мягких согласных отмечены слова, в которых «в соответствии этимологическому *и* отмечен гласный *е*: *пр'еро́днъйъ, плътн'ека́м, в Ыл'ецо́ф'к'и* (= в Ильичёвке)» [Мораховская 1957, 170]. О. Н. Мораховской отмечены всего три таких слова. В современном состоянии говоры гласных, представляющих фонему /и/

[3] Отношение к фактам оканья и ёканья в этом говоре было бы иным и значимость их была бы иной, если бы они оказались незамеченными в предшествующем описании по причине немногочисленности, однако в личной беседе с Ольгой Николаевной Мораховской мне удалось узнать, что к анализу первого предударного слога она отнеслась очень внимательно и пропустить такие факты не могла. Это подтверждает детальный статистический анализ этой позиции в области местоимений, представленный ею в [Мораховская 1951; 1957

больше: [и^{е}], [е^{и}], [е], [и͡е] и др. Видится несколько возможных причин появления целого ряда гласных, пониженных по подъему, представляющих фонему /и/. Первая — гиперкорректный характер этих вариантов. Новым (экспансивным) вариантом оказывается гласный [е], который в уляхинском вокализме находится в отношениях конкуренции с вариантом [и]. Тут мы встречаем традиционное для говора расширение узких гласных верхнего подъёма в нетрадиционной позиции (обычно гласные верхнего подъема растягиваются, расширяются и подвергаются дифтонгизации обычно в конце фразы в конечном открытом слоге слова).

Заударные слоги обнаруживают большее количество подвижных звеньев. После твердых и мягких согласных в неконечном заударном слоге, например, приобретена способность к полной редукции гласных в окружении плавных, которая была свойственна лишь непервому предударному слогу.

Следы «царства дифтонгов» в «стране древних вятичей» [Будде 1896, 28, 37] и продление гласного в заударном конечном слоге сегодня обнаруживаются в говорах юга Владимирской области.

В говоре Уляхина О. Н. Мораховской были отмечены особенности реализации гласных фонем неверхнего и верхнего подъёма в заударных слогах. В заударном конечном слоге факультативные разновидности гласных фонем были представлены следующими вариантами.

/а/: долгий [а:] — неравномерный гласный [ã] — гласный [à] с побочным ударением;

/и/: [и:] — [и͡ѐ] — [и͡е] — [е͡а] — [е] — [ä] — [а] ([ы] — [ы͡а] — [ъ͡а] — [ы͡е] — [е͡а] — [е] — [а]);

/у/: [у͡о] — [у͡а] — [о͡а] — [о] — [а].

В закрытом слоге встречены как дифтонги, так и монофтонги, а в открытом слоге монофтонги почти не отмечены.

Сегодня картина такова:

а) Конечный закрытый слог после твердых согласных:

/а, о, е/: [ъ] — [ъ^{а}] — [а].

/у/: [у] — [у^{о}].

/и/: [ы] — [ъ] — [а].

б) Гласные заударного конечного закрытого слога после мягких согласных.

/у/: [у] — [о] — [о͡^{ъ}].

/и/: [и] — [е] — [и^{е}] — [ь] — [ъ] — [а].

в) Заударный конечный открытый слог после твердых согласных.

/а, о, е/: [ъ] — [ъ^{а}] — [а^{ъ}] — [а] — [а:].

/у/: [у] ([у^{о}] — [о^{у}]) — [у͡а] — [у͡а^{ъ}] — [у͡ъ] — [о͡ъ] — [о͡ъ] — [о͡^{ъ}] — [о^{ъ}] — [о] — [ъ].

/и/: [ы] — [ы^{е}] — [е].

г) Заударный конечный открытый слог после мягких согласных.

/а, о, е/: [ь] ([и]) — [е^{ь}] — [е] — [еъ] — [е^{ъ}].

/у/: [у] ([у^{о}] — [у^{ъ}] — [ô] — [о]) — [ôъ] — [о͡^{ъ}] — [о͡ъ] — [о͡^{ъ}] — [а^{ъ}].

/и/: [и] — [и͡а] — [и͡ъ] — [и^{ъ}] — [ь] ([е] — [е͡а] — [е͡ъ] — [е^{ъ}]).

Модификации гласного в открытом слоге гораздо богаче аналогичного варьирования в закрытом слоге, т. к. артикуляционное «скольжение по дуге» понижения подъёма не ограничено, видимо, консонантным закрытием в конце звучания. Здесь отмечены монофтонги, дифтонги и дифтонгоиды. Абсолютное большинство таких примеров обнаруживает общее условие — позицию в конце фонетической фразы или речевого такта.

Направление реализации гласных фонем в заударном конечном слоге слова, находящемся в конце интонационно-ритмического единства, в говоре Уляхина можно представить так: достаточно протяжённое во времени понижение подъёма гласного с сопутствующим ослаблением напряжённости артикулирующих органов. Именно это создает «певучесть» уляхинского говора [Мораховская 1951; 1957]. Важно заметить, что «долгота и растянутость некоторых гласных» (имеется в виду [а]), отмеченная ещё Е. Ф. Будде и О. Н. Мораховской, квалифицировалась ими как побочное ударение, которое может быть достаточно сильным (*ма́ла̀, н’а бо́л’нъ ну́жна̀; дъж:ык-а́т* — ‘дождик-то’). Подобные факты отмечены мной лишь в речи старейшего представителя говора, а в речи среднего и старшего поколения отмечается только «растянутость», то есть долгота гласного, значительно превышающая обычную длительность гласного в заударном конечном открытом слоге. Прежде все гласные в конечном слоге слова (прежде всего открытом) могли быть представлены неоднородными гласными с артикуляционным понижением подъема. Все, кроме гласного [а], так как артикуляционное понижение подъема гласного [а] невозможно, но в результате специфической фразовой редукции этот гласный может получить продление, свойственное дифтонгизированным гласным, находящимся в конце фразы.

Население бывшей Парахинской волости в прошлом испытывало влияние говоров, генетически связанных с южнорусскими территориями. Это подтверждают материалы О. Н. Мораховской, которые позволили ей предположить тяготение жителей Парахинской волости к югу.

Островной характер Мещерских говоров прежде всего может быть получен из лингвогеографического анализа некоторых явлений из области консонантизма. Нельзя сказать, чтобы все черты были свойственны исключительно мещерским говорам: многие факты распространены и в других русских говорах, но островной характер их распространения именно здесь обращает на себя внимание. См., например, на картах первого тома ДАРЯ [№№ 45 (согласный на месте *ч*), 46 (согласный на месте *ц*), 47 (различение или совпадение согласных на месте *ч* и *ц*), 55 (диалектные системы звуков в соответствии с /ф/ и /ф’/ литературного языка перед гласными), 56 (звуки на месте твердого *в* перед согласными в середине слова), 57 (звуки на месте твердого *в* перед согласными в начале слова), 58 (звуки на месте твердого *в* на конце слова: в окончании *-ов* родительного падежа множественного числа существительных и в основах), 64 (диалектное произношение мягких переднеязычных *т, д, с, з*. Мягкие шепелявые согласные на месте *ч* и *ц*), 71 (звуки на месте мягкого *в* на конце слова). Эти карты иллюстрируют связь говоров Мещеры с южнорусскими западными говорами в отношении реализации /в/–/в’/ в виде

сонантов и с говорами юго-востока — в отношении особой реализации переднеязычных и аффрикат.

История Мещерского края и мещёрских говоров отражает контакты русского и финно-угорского населения, а также диалектов Ростово-Суздальской и Рязанской земель, интерференцию восточных среднерусских акающих и окающих говоров, формирование Рязанской (Восточной) группы говоров, что включает проблему развития мещерских говоров в общую проблему эволюции среднерусских говоров.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской Мещеры. I. Описание одного говора р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.—Л., 1949.

Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирск. губ.). Отдельный оттиск. СПб, 1914.

Будде Е. Ф. К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.

Булатова Л. Н. Об окающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка /АН СССР. М.; Л., 1949. Вып. 5.

Высотский С. С. Говоры восточной окраины Московской области. Бюллетень диалектологического сектора ИРЯ АН СССР. М.-Л., 1947. Вып. 1.

Высотский С. С. О говоре д. Лека: (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л. 1949. Т. 2.

Гвоздев А. Н. Заметка о говоре с. Тихонова б. Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ. // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. М.; Л., 1948. Вып. 2.

Данилина Н. И. Расширение гласных верхнего подъёма в русских говорах. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Саратов, 1995.

Исаев И. И. Исследование процессов развития в вокализме одного владимирского говора (статистический анализ фактов междиалектного взаимодействия, отраженных в динамической синхронии) // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2004. С. 58–69.

Исаев И. И. Развитие вокализма одного Владимирского говора во второй половине XX века (на материале говора деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области). Диссертация… кандидата филологических наук. Владимир, 2004 г. 358 с.

Мораховская О. Н. Говоры Мещерского края. Диссертация… кандидата филологических наук. М., 1951.

Мораховская О. Н. Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области // Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1957. Т. 7.

Мораховская О. Н. Соотношение типов яканья в говорах Рязанской Мещёры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1963.

Осипова Е. Н. Об изоглоссах северо-восточной части Рязанской области // Исследования по русскому языку. Межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 2000.

Сидоров В. Н. Наблюдения над языком одного из говоров Рязанской Мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.–Л., 1949.

Строганова Т. Г. К изучению говоров междуречья Оки-Клязьмы // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 7.

Igor.I. Isaev
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
iiisaev@yandex.ru

COMPARATIVE DESCRIPTION OF THE DIALECT OF ULYAHINO VILLAGE BASED ON THE MATERIALS BY O. N. MORAHOVSKAYA AND MODERN DATA

This article describes the studies of the dialect landscape of the region of Meshchery undertaken by O. N. Morakhovskaya in the early years of her scientific activity. The study of the dialect spoken in the village of Ulyakhino manifests the expertise of the scholar, who made a very accurate description of the dialect system as of the 1940s. One of the important advantages of O. N. Morakhovskaya's approach was her ability to include her own private observations on the dialect in the general picture.

Isaev worked in this village in the 2000s and 2010s, which makes it possible to compare the data and make some conclusions about the evolution of the dialect.

Key words: Meshchersky dialects, dialect phonetics, phonology, evolution of dialect systems, linguistic geography.

References

Avanesov R. I. [Essays on the dialectology of the Ryazan Meshchera. I. Description of one dialect R. Pry]. *Ocherki dialektologii ryazanskoi Meshchery. I. Opisanie odnogo govora r. Pry* // Materials and research on Russian dialectology. T. I. M.-L., 1949. (InRuss).

Bubrich D. V. [Phonetic features of the dialect of S. Pustoshey (Yagodinsk. vol. Sudogodsk. county of Vladimirsk. gub.)]. *Foneticheskie osobennosti govora s. Pustoshei (Yagodinsk. vol. Sudogodsk. uezda Vladimirsk. gub.)* A separate impression. St. Petersburg, 1914. (InRuss).

Budde E. F. [On the history of Great Russian dialects: The experience of historical and comparative research of the folk dialect in the Kasimov district of the Ryazan province]. *K istorii velikorusskikh govorov: Opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovaniya narodnogo govora v Kasimovskom uezde Ryazan-skoi gubernii*. Kazan, 1896. (InRuss).

Bulatova L. N. [About the okayushch dialects of the Kurlovsky and Gus-Khrustalny districts of the Vladimir region]. *Ob okayushchikh govorakh Kurlovskogo i Gus'-Khrustal'nogo raionov Vladimirskoi oblasti* // Bulletin of the dialectological sector of the Institute of the Russian Language /USSR Academy of Sciences. M.; L., 1949. (InRuss).

Vysotsky S. S. [Dialects of the eastern outskirts of the Moscow region]. *Govory vostochnoi okrainy Moskovskoi oblasti* // Bulletin of the dialectological sector of the IRYA Academy of Sciences of the USSR. M.-L., 1947. Issue 1. (InRuss).

Vysotsky S. S. [About govor of the vill. Leka: (on the materials of the expedition 1945)] *O govore der. Leka: (po materialam ekspeditsii 1945 g.)* // Materials and studies on Russian dialectology. M.; L. 1949. Vol. 2. (InRuss).

Gvozdev A. N. [Notes on the dialect of Tikhonov Yagodinska parish Sudogda district of the Vladimir reg.] *Zametka o govore s. Tikhonova b. Yagodinskoi volosti Sudogodskogo uezda Vladimirskoi gub.* // The Bulletin of dialectological sector of the IRYA Academy of Sciences of the USSR. M.; L., 1948. Vol. 2. (InRuss).

Danilina N. I. [Extension of upper-rise vowels in Russian languages.]. *Rasshirenie glasnykh verkhnego pod"ema v russkikh govorakh*. Dissertation… PhD. Saratov, 1995. Saratov, 1995. (InRuss).

Isaev I. I. [Research of development processes in the vocalism of one Vlad-Dimir dialect (statistical analysis of the facts of inter-dialect interaction reflected in dynamic synchrony)]. *Issledovanie protsessov razvitiya v vokalizme odnogo vladimirskogo govora (statisticheskii analiz faktov mezhdialektnogo vzaimodeistviya, otrazhennykh v dinamicheskoi sinkhronii).* // Materials and research on Russian dialectology. II (VIII). V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Nauka, 2004. pp. 58–69. (InRuss).

Isaev I. I. [The development of vocalism of one Vladimir dialect in the second half of the XX century (based on the dialect of the village of Ulyakhino, Gus-Khrustalny district of the Vladimir region)]. *Razvitie vokalizma odnogo Vladimirskogo govora vo vtoroi polovine XX veka (na materiale govora derevni Ulyakhino Gus'-Khrustal'nogo raiona Vladimirskoi oblasti).* Dissertation… PhD. Vladimir, 2004, 358 p. (InRuss).

Morakhovskaya O. N. [The dialects of the Meshchery region]. *Govory Meshcherskogo kraya*. Dissertation… PhD. Moscow, 1951. (InRuss).

Morakhovskaya O. N. [Dialect of the village of Ulyakhino, Kurlovo district, Vladimir region]. *Govor derevni Ulyakhino Kurlovskogo raiona Vladimirskoi oblasti* // Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. 1957. Vol. 7. (InRuss).

Morakhovskaya O. N. [The ratio of types of Yakan'ye in the dialects of the Ryazan Meshchera]. *Sootnoshenie tipov yakan'ya v govorakh Ryazanskoi Meshchery* // Materials and research on Russian dialectology. New Russia. T. III. M., 1963. (InRuss).

Osipova E. N. [About isoglosses of the north-eastern part of the Ryazan region. *Ob izoglossakh severo-vostochnoi chasti Ryazanskoi oblasti* // Studies in the Russian language. Interuniversity collection of scientific papers. Ryazan, 2000. (InRuss).

Sidorov V. N. [Observations on the language of one of the dialects of the Ryazan Meshchera]. *Nablyudeniya nad yazykom odnogo iz govorov Ryazanskoi Meshchery* // Materials and studies on Russian dialectology. T. I. M.-L., 1949. (InRuss).

Stroganova T. G. [To the study of dialects of the Oka-Klyazma interfluve]. *K izucheniyu govorov mezhdurech'ya Oki-Klyaz'my* // Works of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. Moscow, 1957. Vol. 7. (InRuss).

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

С. В. Князев
Институт русского языка им. В. В.Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svknia@gmail.com

ПОСЛОВНЫЙ МЕЛОДИЧЕСКИЙ КОНТУР И ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОФОРМЛЕНИЯ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ В ГОВОРЕ С. ЦЕРКОВНОЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследованный говор с. Церковное относится к диалектным системам с пословным тональным оформлением высказывания. Проведенный анализ фразовой просодии выявил его существенное отличие от интонации типологически сходных пинежских диалектов: тональное движение на ударном гласном слова в нем является не восходящим, а нисходящим (с подъемом на предударном слоге или на согласном в инициали ударного слога). Этот факт позволяет утверждать, что тип пословного мелодического оформления высказывания в севернорусских говорах может быть разным — как с восходящим, так и с нисходящим акцентом на ударном слоге. При этом интонацию завершенности на конечных словах элементарных дискурсивных единиц в данном говоре маркирует контур H + L* L% (нисходящий тональный акцент с низким пограничным тоном), а интонацию незавершенности — мелодический контур H + L* (H-) !H% с тем же тональным акцентом и (в отличие от завершенности) не низким пограничным и/или фразовым тоном. Эти данные могут, на наш взгляд, служить аргументом в пользу мнения о том, что средний (не низкий и не высокий) пограничный тон является необходимым элементом описания подобных просодических систем.

Ключевые слова: русский язык, диалект, фонетика, фразовая просодия, интонация незавершенности.

В 1988 г. мы в составе экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова и ИРЯ АН СССР под руководством С. К. Пожарицкой обследовали говор села Церковное Плесецкого района Архангельской области (ныне — муниципальное образование Тарасовское), относящийся к юго-западной диалектной зоне Архангельских говоров [Гецова 1997].

В данной статье описывается один из способов оформления незавершенности в этом диалекте. Материалом исследования служили 1360 элементарных

дискурсивных единиц (ЭДЕ)[1] из 63-минутного монолога одного информанта — 80-летней Татьяны Тимофеевны Фроловой. Полную расшифровку текста, образец фонетической транскрипции и краткий лингвистический комментарий к нему см. в [Князев, в печати].

В процессе подготовки текста к публикации было отмечено, что его просодическая организация зачастую не совпадает с синтаксической: реальные паузы и беспаузальные просодические швы не соответствуют границам синтаксических единиц (клауз). Ниже приводятся (самые яркие и очевидные) примеры такого несовпадения, паузы между ЭДЕ в них отмечены знаком [//]. Отметим еще раз, что в приведенных ниже случаях границы между ЭДЕ в речи информанта выражены именно реальными паузами продолжительностью более 100 мс[2], а не только сменой просодического оформления (например, ресетом тональных, динамических или количественных характеристик).

1. *и вдруг тебе вроде как что-то как поблазнило // тако*
2. *и, говорит, я // вижу, говорит*
3. *на Сомковом бору была избушка // сделана*
4. *на Сомковом бору там // бор такой чистый чистый был большой*
5. *сожгли эти // стрелки*
6. *на Бардозере тоже было сожгли дак опять // Сергеича робята поставили*
7. *да сама себе чего-нибудь // сварю да испеку да и вот тебе дело всё*
8. *а робята этта // в позапрошлом году пошли в лес на охоту*
9. *а я и // как раз пошла за молоком*
10. *все равно они не подержат скотину такой был, така рука // тяжёлая*
11. *я говорю, поешь, у меня рука // рука лёгкая, говорю*
12. *она потом таки взяла да // поела да потом стала есть*
13. *вот эти // всё запуки ранешные были // але там // вот а другие // раньше // нонче давай ничего не верят*
14. *а потом одна старуха тут пришла его // покудычила*
15. *а я всё равно поверю, что // что-то есть*
16. *что-то есть бывало вот у нас // была у нас // тёта таты моему была // сестра*
17. *обутка вот тут // стояла // под пороге*
18. *и этого жеребёнка закопало // в навоз*
19. *ни то дак другое на что уж мазь // от тарантаса была да ключ*
20. *а потом были часы будильник // в шкапу*
21. *а он этта // ходил*

---

[1] «Элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) — это квант устного дискурса, минимальный шаг, при помощи которого говорящий продвигает дискурс вперед… ЭДЕ идентифицируются в первую очередь на просодических основаниях — при помощи таких критериев, как наличие единого тонального контура, одного главного акцента, темпового и громкостного паттернов, а также паузации. С семантико-синтаксической точки зрения прототипическая ЭДЕ представляет собой клаузу, но в особых (и нередких) случаях ЭДЕ может быть по объему как меньше, так и больше клаузы» [Подлесская, Кибрик 2009: 390].

[2] Чаще всего длительность пауз составляет около 250 мс.

22. *тётушка-та утром и // стала на кобылу да и // села да и*
23. *хотела ехать // туды*
24. *она ей тут поучила // да велела // двери // закрестить // дёгтем*
25. *было в этом месте в Слободке там // в Шенкурское ехать старик // был // один дак*
26. *я дак никак // не согласна ни с кем что нет ничего*
27. *не по один год так, а потом одна бабка тоже была // такая*
28. *а тут было наложено у меня // этого // муравейника*
29. *во дворе овцы смирёны // а во хлеви как сумасшедшие // были*
30. *а вот говорит такой кот большой серый // идёт говорит по-под-лавкам да*
31. *он говорит эк кругом обошёл // да туды в этот подпечек вот да в это место и // и ушёл*
32. *круг ей дают // там сколь большой*
33. *пока как тут этот навоз // тёплый*
34. *а завод-от не вышел он и // нашёл*
35. *да хоть медведь станет ходить дак не заденет // кота // а у других // сразу задерёт*
36. *всё везде будет // запутано*
37. *а дымок от дымка только будет // видно*
38. *он жил там в Церковном в Андронихе да кое-где жил // тутока*
39. *а этта всё к им ходил, а он // пас раньше коров да кое-кого*
40. *и вдруг тебе вроде как // что-то как поблазнило // тако*
41. *там же у нас у Тони в этом мести // в швейной мастерской жёнка // говорит*
42. *вот чуешь как будто // стукат*
43. *утром // стала пришла в мастерску в швейную*
44. *а потом он как заболел дак // ой-ой-ой немножко // не помер тоже*
45. *как // только какая неприятность либо что-нибудь дак*
46. *дятель // прилетел к окну // тамотки // да вот // сел у окна*
47. *вот тебе дятель // птица // вещевая але тут // какой год-от // бабу задавил*
48. *близко подъехал // она говорит как // вернётся!*
49. *а ему до этого-то // птичка залетела // в кабину*
50. *а потом ездили оне на рыбалку, а попала // куропатка*
51. *он ехал она // идёт по дороги он сколько ни пипикал она всё равно всё идёт всё идёт*
52. *а потом уж // разъехался близко она // вернулась и // сразу под машину-ту*
53. *там // ручей эт глубок-от есть*
54. *и вот он говорит эк кружился-кружился да и // и полетел туда на погост в ту сторону*
55. *вот такие // сделаны скобочки*
56. *а потом эты эк делают // желобка*
57. *желобка такие сделаются, а тут поставлена // баночка*
58. *там // две-то жёнки есть эких*
59. *на улице тамотки да под лес // зарыла*
60. *отдать // сорок // четыре килограмма мяса*

61. мы как // чайку попили да оворотя да в те же ворота
62. день роботашь на // колхозной роботы
63. нонче-то уж вот // увезли // в Тарасово
64. штаны обует // а эти сапоги // обует // литые
65. только // через дверь да в двери тут зайдёшь там всё завалёно[3].

На слух носителя литературного языка никакого фонетического сигнала, свидетельствующего о незаконченности высказывания, в этих случаях не наблюдается. Однако высокая частотность в тексте примеров такого рода позволяет предположить, что в говоре имеются определенные просодические средства для связи разделенных паузами ЭДЕ внутри семантико-синтаксических единиц.

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) — как и во многих других языках — маркером незавершенности высказывания служит восходящее тональное движение, являющееся либо частью тонального акцента (центра интонационной конструкции в терминах самой распространенной системы описания фразовой просодии СРЛЯ) в случаях ИК-3 и ИК-6, либо элементом постцентровой части в случае ИК-4 [Брызгунова 1980]. Тип ИК является для СРЛЯ, как принято считать, основным средством выражения коммуникативных значений [Брызгунова 1963; 1969; 1977; 1980], фонетически он определяется преимущественно соотношением направления изменения частоты основного тона (ЧОТ) в центре ИК и его значения в постцентровой части, причем именно направление изменения ЧОТ отличает незавершенность (наличие повышения) от завершенности (понижение).

Анализ просодического оформления высказывания в архангельских говорах осложняется с этой точки зрения тем, что севернорусским говорам свойственно так называемое *пословное мелодическое оформление*. Так, П. С.Кузнецов отмечал, что в говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы «фраза состоит из ряда отрезков с восходящей интонацией» [Кузнецов 1949: 14]. Р. Ф.Пауфошима (Касаткина)

---

[3] Наряду с этим хоть и значительно реже, но встречаются и обратные случаи — с отсутствием просодических швов на границах предложений и даже абзацев, например:

1. Всё птица вешшеват. В войну дак всё время птици;
2. Вот тебе дятель // птица // вещевая. Але тут // какой год-от // бабу задавил;
3. Ой, он попереживал дак ой! Другой раз долго где-нибудь задёржится;
4. Я сегодня долго задержусь тамотки тут-то тут-то. А потом документы там у него взели было;
5. Я всё равно́ пове́рю, што што́-то есь, што́-то есь. Быва́ло вот была́ у нас тёта;
6. Пото́м ста́ли иска́ть, то всё где-нибу́дь што-нибу́дь найду́т. А пото́м бы́ли цесы́ буди́льник, в шкапу́;
7. Вот хто там унёс, как там э́то ме́сто учуди́лосе, вот тебе́ и не ве́рьте. А пото́м одна стару́ха была;
8. Вот тебе́. А ра́ньше-то ведь, ой мно́го э́того кое-цего́ зна́ли;
9. Дак не могла́ телёнка вы́корьмить. Вот тебе́ и всё! А нашла́ на хлеви́, а у мня потоло́чина упа́ла на хлеви́;
10. Ступи́ла в след нечы́стой, вот тебе́ и всё. А́ле скота́ ра́ньше закро́ют, нонь-то не зна́ют ницего́.

на основании анализа севернорусских говоров, преимущественно архангельских, приходит к выводу о том, что в них «обращает на себя внимание мелодическая выделенность, как бы особая интонационная самостоятельность слов, включенных в общий интонационный контур фразы. Почти каждое слово во фразе получает свое мелодическое оформление, становясь, таким образом, обособленным от соседних слов» [Пауфошима 1983: 64] и заключает, что «для севернорусских говоров характерно пословное оформление интонационного контура» [Пауфошима 1983: 78] «с помощью тонального подъема на ударном гласном каждого фонетического слова» [Касаткина 1991: 42]. Таким образом, для говоров рассматриваемого типа предполагается наличие восходяще-нисходящего движения тона на каждом фонетическом слове. П. С.Кузнецов и Р. Ф.Касаткина указывают только на наличие восходящего тона. Однако очевидно, что для того, чтобы тон был восходящим на каждом слове в пределах одного тонального уровня, после его подъема должно происходить и падение; восходящим тон является в том смысле, что повышение отмечается на ударном гласном фонетического слова, ср.: «Many Varzuga utterances show a repeating rising-falling intonation pattern on each phonological word» [Post 2005: 46].

Примеры пословных мелодических контуров приведены ниже на рисунках 1 и 2. На них представлены интонограммы фраз *Эки поля да серпом де тогды ишь-ко жали* и *Нам уж боле автобус э-э-э этот директор-от дал* в речи информантов дд. Тинева и Вадюга (верхнее течение Пинеги) Верхнетоемского р-на Архангельской обл., записанные автором в ходе экспедиций 1990 и 1987 г.г. соответственно.

На этих рисунках хорошо видно, что каждое неконечное фонетическое слово (кроме частицы *ишь-ко*) характеризуется наличием тонального изменения, в данном случае — восходящего движения тона: на ударном слоге наблюдается повышение ЧОТ, сопровождаемое падением на заударных слогах при их наличии (при отсутствии заударных слогов в слове — на частицах *да*, *де*, *ишь-ко*, *уж*, что,

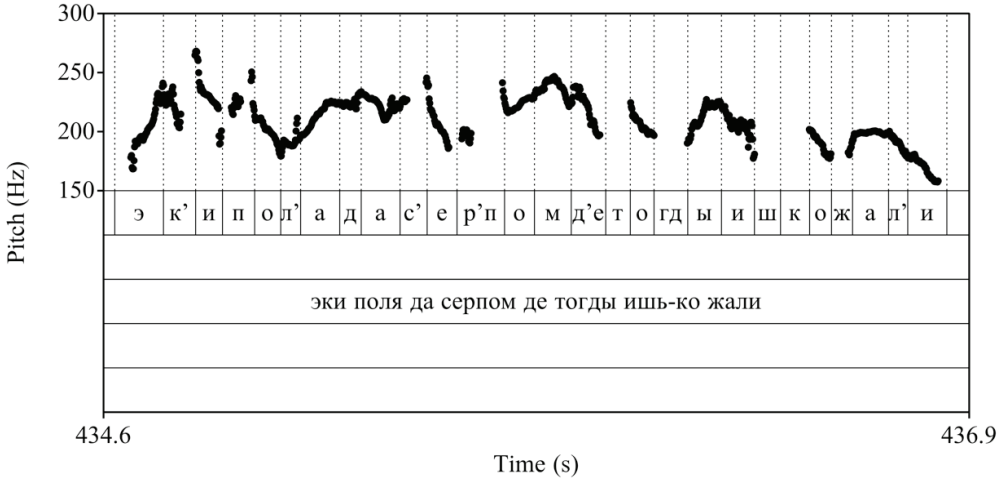


Рисунок 1. Интонограмма фразы *Эки поля да серпом де тогды ишь-ко жали*, д. Тинева

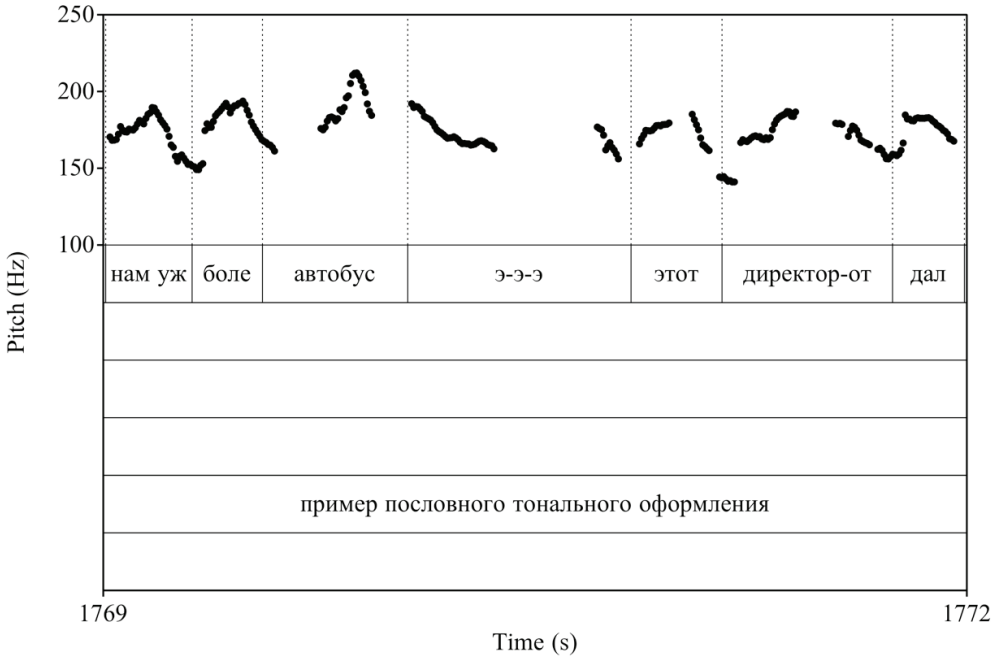


Рисунок 2. Интонограмма фразы *Нам уж боле автобус э-э-э этот директор-от дал*, д. Вадюга

кстати, позволяет предположить, что одной из функций многочисленных и в высшей степени частотных частиц в диалектной речи является манифестация тонального значения на заакцентной части высказывания).

В говоре с. Церковное пословное оформление высказывания встречается тоже достаточно регулярно, хоть и не столь последовательно, как в говорах Верхней Пинеги и Выи. Соответствующие примеры приведены ниже на рисунках 3–6.

На этих рисунках хорошо видно, что и в этих примерах из говора с. Церковное на каждом фонетическом слове фиксируется значимое изменение ЧОТ, то есть, имеет место пословное тональное оформление высказывания. Однако в Плесецком говоре наблюдается и существенное отличие от пинежских: в текстах из Церковного тональное движение на ударном гласном слова является не восходящим, а нисходящим (с подъемом на предударном слоге или на согласном в инициали ударного слога), что, кстати, хорошо заметно и на слух: Плесецкий говор в том числе и поэтому в просодическом отношении воспринимается как гораздо более близкий литературному, нежели пинежские. Это позволяет предположить, что **тип пословного мелодического оформления высказывания в севернорусских говорах может быть разным — как с восходящим, так и с нисходящим акцентом на ударном слоге**. Конечно, эта проблема нуждается в дальнейшем тщательном изучении, в первую очередь — лингвогеографическом.

Итак, одной из проблем при описании интонации незавершенности в говоре с. Церковного является наличие в нем пословного мелодического контура: если каждое слово содержит один и тот же фразовый акцент, то набор тональных

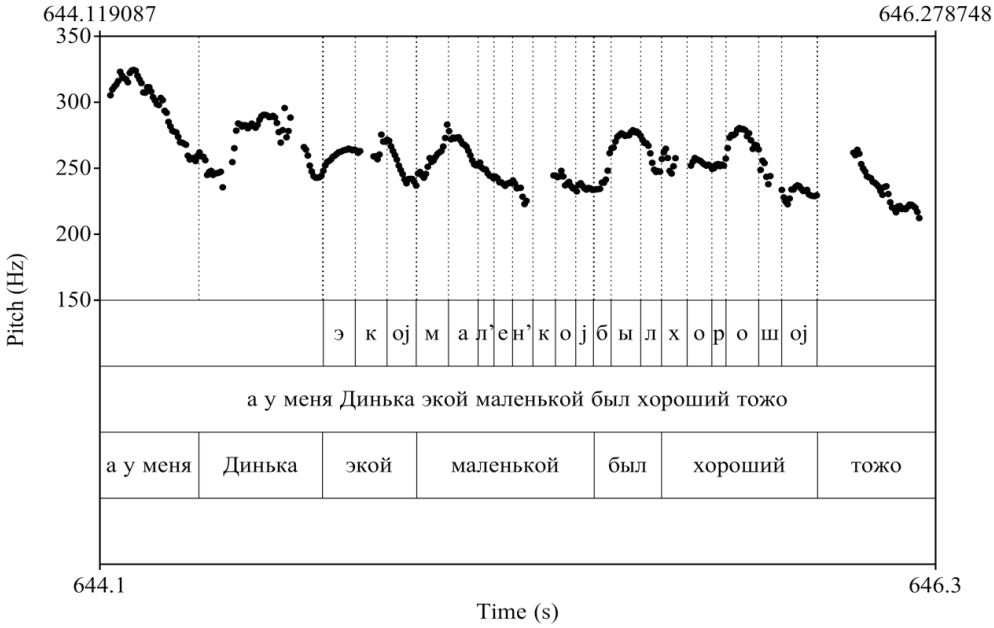


Рисунок 3. Интонограмма фразы *А у меня Динька экой маленькой был хорошой тожо*, с. Церковное

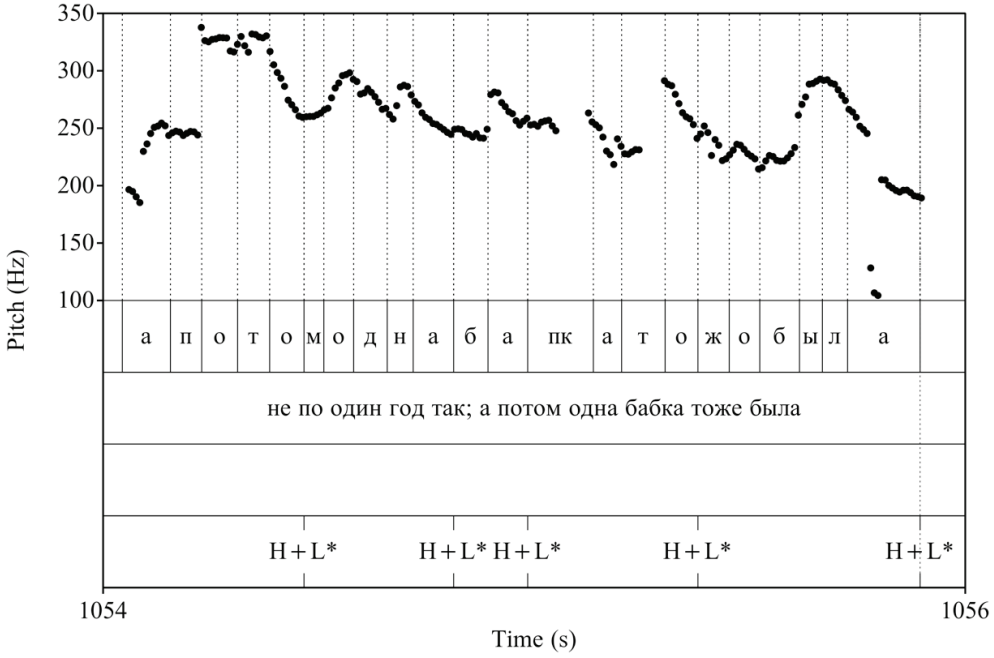


Рисунок 4. Интонограмма фразы *А потом одна бабка тожо была*, с. Церковное

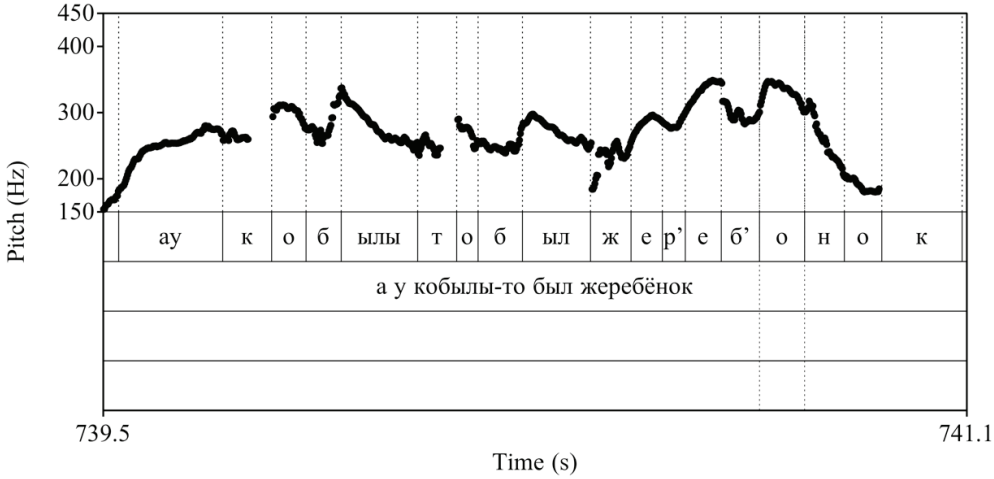


Рисунок 5. Интонограмма фразы *А у кобылы-то был жеребёнок*, с. Церковное

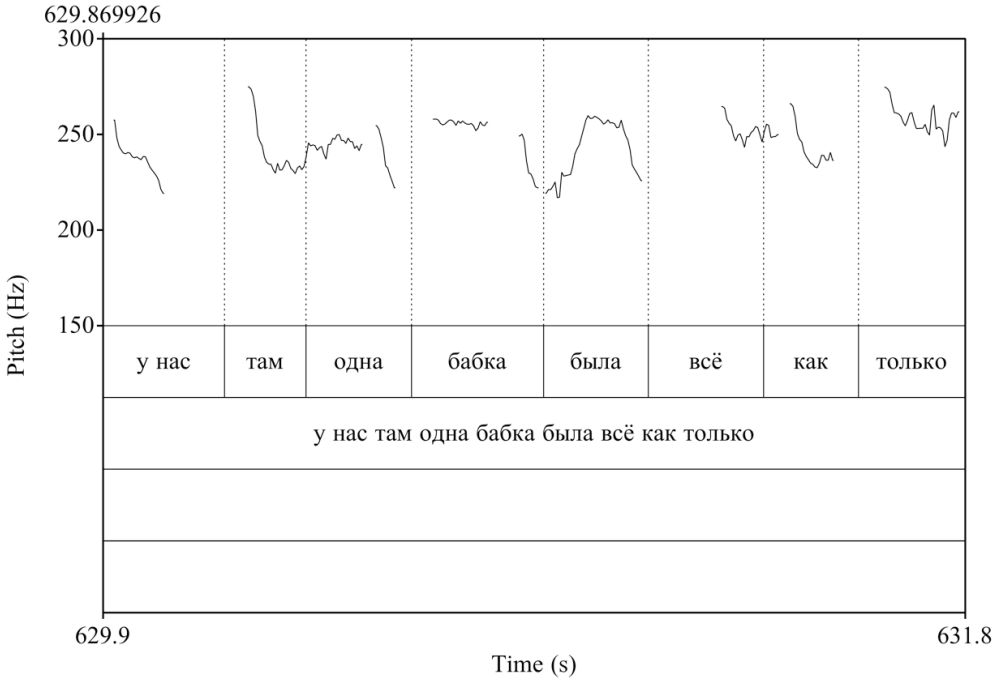


Рисунок 6. Интонограмма фразы *У нас там одна бабка была всё как только*, с. Церковное

средств для выражения коммуникативных смыслов оказывается довольно ограниченным, особенно с учетом того, что именно тип тонального акцента (характер изменения тона на выделенном таким образом слове в синтагме) является, например, в СРЛЯ главным средством реализации этих значений. Существуют,

однако, и другие тональные просодические средства[4]: «При общем сходстве контуров могут быть значительные расхождения в деталях, которые впервые для русской интонации описала голландская исследовательница Сесилия Одé. Эти детали касаются величины частотного диапазона, в котором реализуется мелодический рисунок[5], положения максимального или минимального значения частоты основного тона относительно ударного гласного (тайминга), крутизны подъема или спада тона[6] [см. Odé 1989; Odé 1995]» [Касаткина 2002: 134][7]. Сесилия Одé ввела в описание русской фразовой интонации и еще один параметр — низкий пограничный тон, который может маркировать границу синтагмы, — считая при этом, что он противопоставлен отсутствию пограничного тона на границах просодических составляющих, а высокий пограничный тон в русском языке не представлен [Odé 2008]. Альтернативная точка зрения в этой связи заключается в том, что и высокий пограничный тон используется в СРЛЯ для передачи тех или иных коммуникативных смыслов [Paschen 2015], [Knyazev, Pronina 2017]. На материале южнорусских диалектов пограничные тоны описаны в [Горячева и др. 2009].

Другая важнейшая проблема, связанная с описанием русской диалектной интонации, заключается в том, что не будучи носителем изучаемого говора исследователь не может быть уверен в том, что он понимает реальную семантику того или иного высказывания на диалекте и даже может привносить в ее интерпретацию свои собственные представления, связанные с литературным языком. Поэтому едва ли не единственным надежным способом анализа тонального оформления незавершенности в говоре может быть сопоставление характера изменения частоты основного тона (далее — ЧОТ) на конечных во фразе и/или клаузе и неконечных словах. Типичные примеры подобного рода из говора Церковного приведены ниже на рисунках 7–15.

Рассмотрим сначала примеры с отсутствием пауз внутри клауз, встретившиеся на одном десятисекундном фрагменте записи (с 770 по 780 сек.) — см. рис. 7–10. На этих интонограммах можно видеть, что конечное значение ЧОТ на последних в синтагмах словах существенно ниже значения тона в конце его падения на неконечных словах, разница составляет от 44 (рис. 7) до 125 (рис. 10) Гц, в среднем — 45 % (то есть, половину октавы) от минимального (низкого) значения тона в речи данного информанта (около 190 Гц). Можно предположить, что существенным в плане просодического оформления высказывания в данном случае является один — или несколько — из следующих параметров мелодического контура:

---

[4] Фразовые просодические средства могут быть и нетональными: фонационными (качество голоса), артикуляционными, количественно-динамическими (темп, длительность, интенсивность) [Кодзасов 2009: 13–46].

[5] Иначе — *интервал* тонального движения (больший или меньший) и *уровень*, на котором реализуется тональный акцент (низкий, средний, высокий).

[6] Иначе — *скорость* тонального изменения (большая или меньшая).

[7] См. также [Odé 2003; 2008]; [Оде 2003].

1. значение ЧОТ после фразового акцента (низкое в конце высказывания и ненизкое в других случаях);

2. различие в тональных уровнях (на неконечных словах — падение с более высокого);

3. различие в интервалах нисходящих фразовых акцентов (меньший на неконечных словах, что может обусловливаться необходимостью последующего повышения тона перед падением на следующем слове).

Второе предположение вряд ли может быть верным: на рисунках 7, 8 и 10 видно, что понижение ЧОТ на всех словах начинается с одного и того же уровня — высокого (310 Гц, рис. 7) или даже сверхвысокого (390 Гц, рис. 8, 10). Аргументом против третьего предположения может служить пример на рис. 9, где 1) одинаковый интервал падения наблюдается как на конечном (*заколачивали*: с 289 до 184, 105 Гц), так и на неконечном слове (*палочку*: с 375 до 268, 107 Гц); 2) в неконечных имеются заударные слоги, на которых фиксируется стабилизация тона, а не продолжение падения. В этом смысле первая гипотеза представляется наиболее адекватной; более того, она, как представляется, лучше всего объясняет и случаи разного тонального оформления конечных и неконечных в предложении (клаузе) слов, между которыми имеется реальная пауза. Примеры такого рода приведены ниже на рисунках 11–14. Длительность пауз между фрагментами клауз в этих примерах — 295, 501, 254 и 249 мс. соответственно.

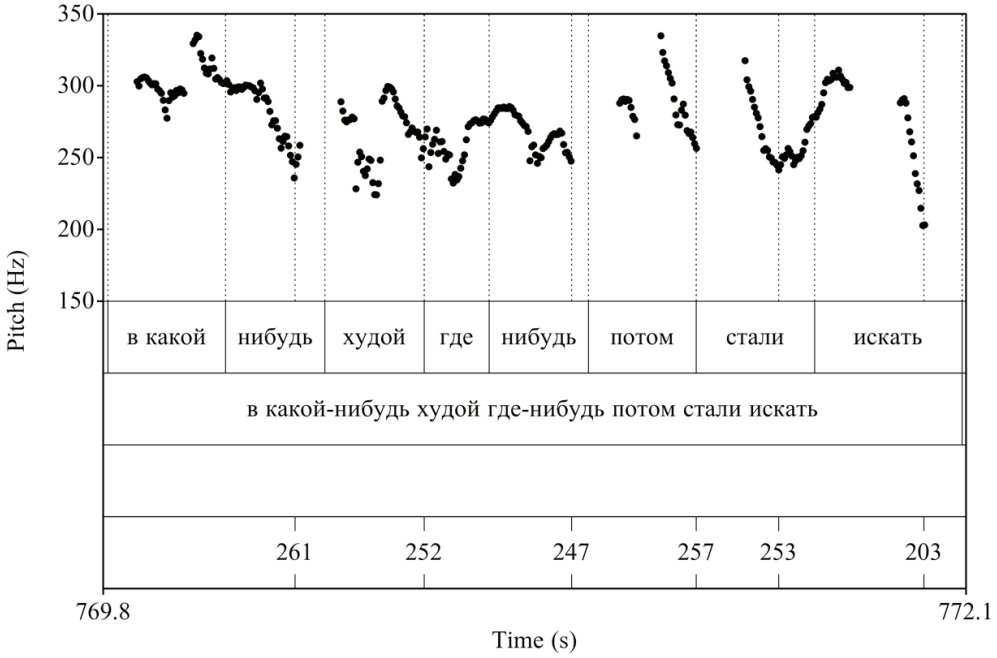


Рисунок 7. Интонограмма фразы *В какой-нибудь худой где-нибудь потом стали искать*, с. Церковное

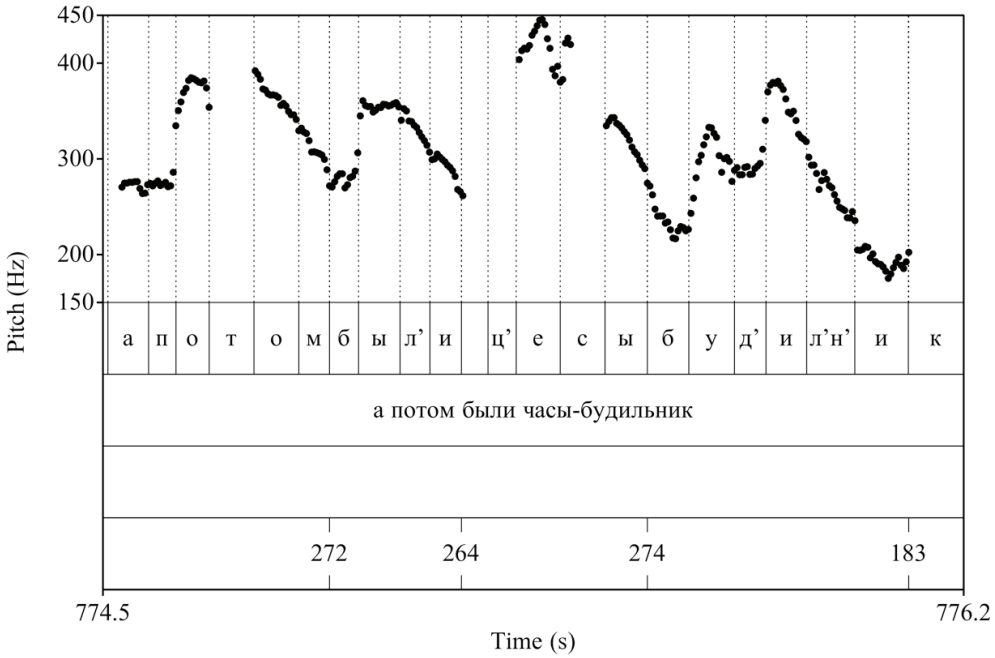


Рисунок 8. Интонограмма фразы *А потом были часы, будильник*, с. Церковное

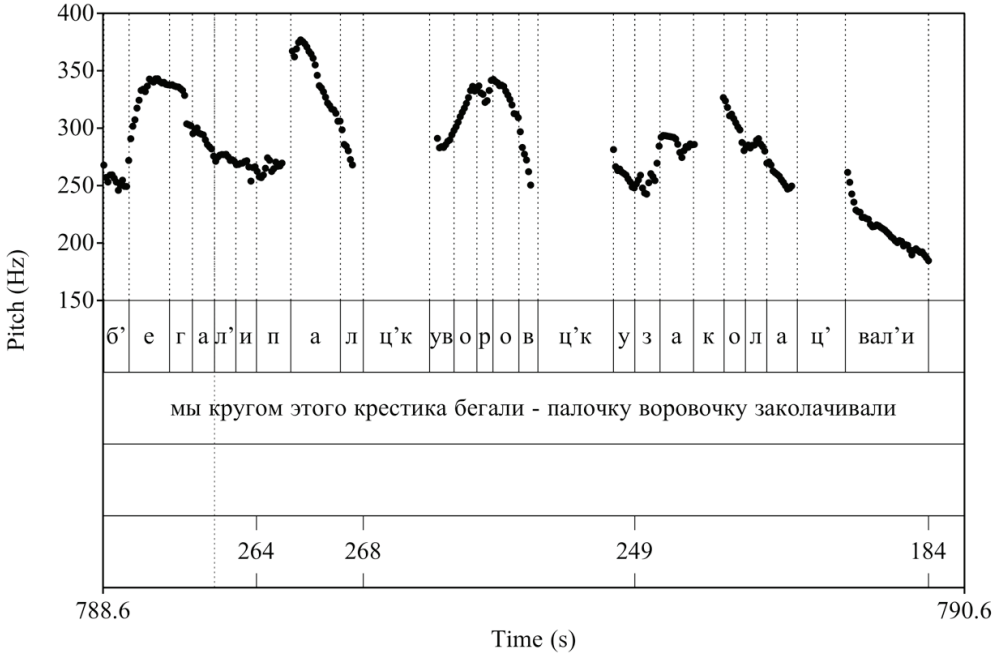


Рисунок 9. Интонограмма фразы *бегали — палочку-воровочку заколачивали*, с. Церковное

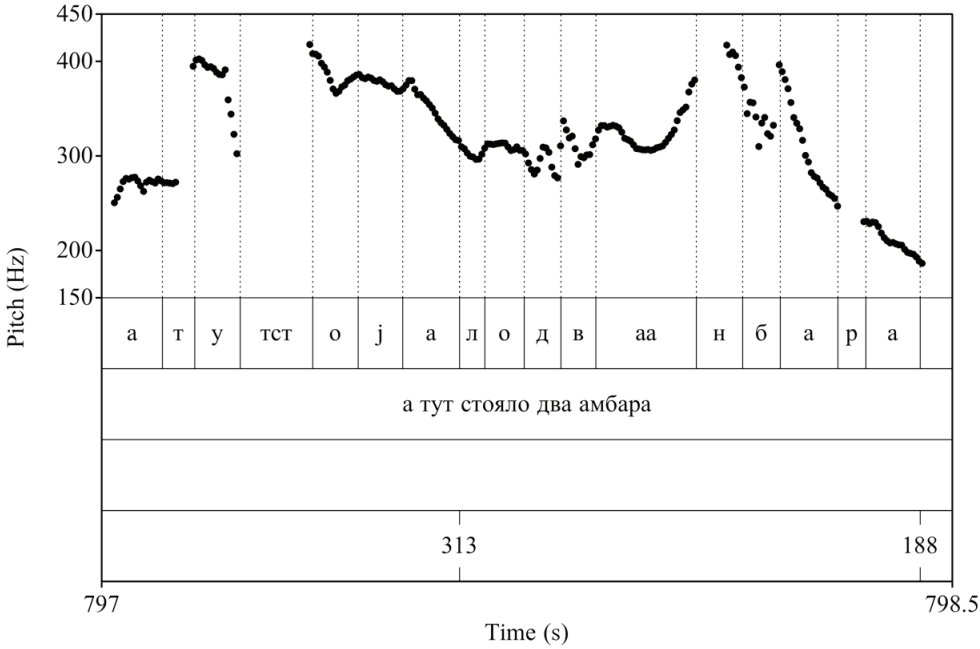


Рисунок 10. Интонограмма фразы *А тут стояло два анбара*, с. Церковное

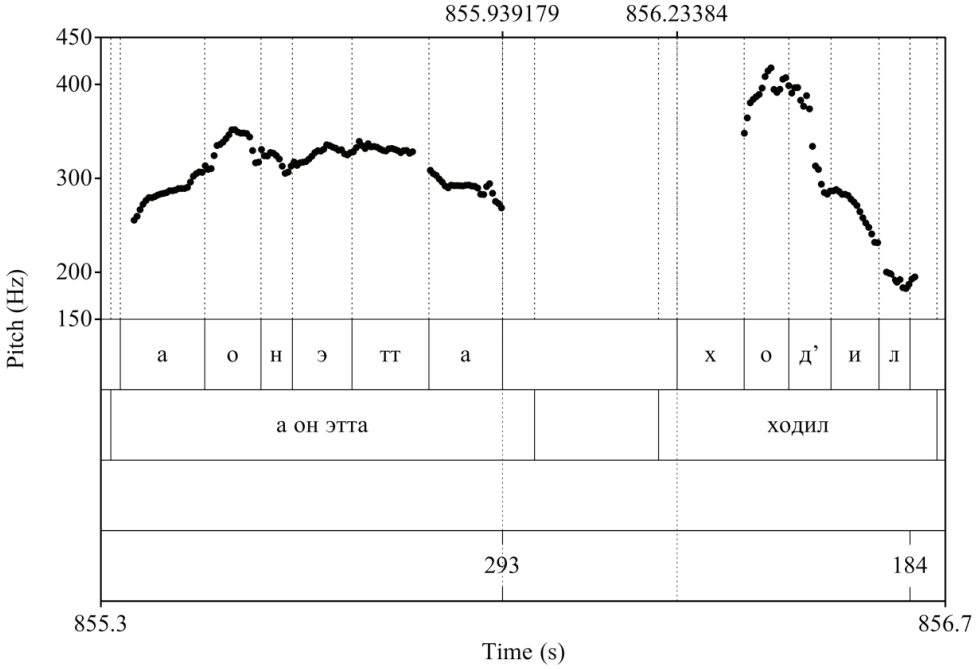


Рисунок 11. Интонограмма фразы *А он этта*[1] *ходил*, с. Церковное

[1] Здесь.

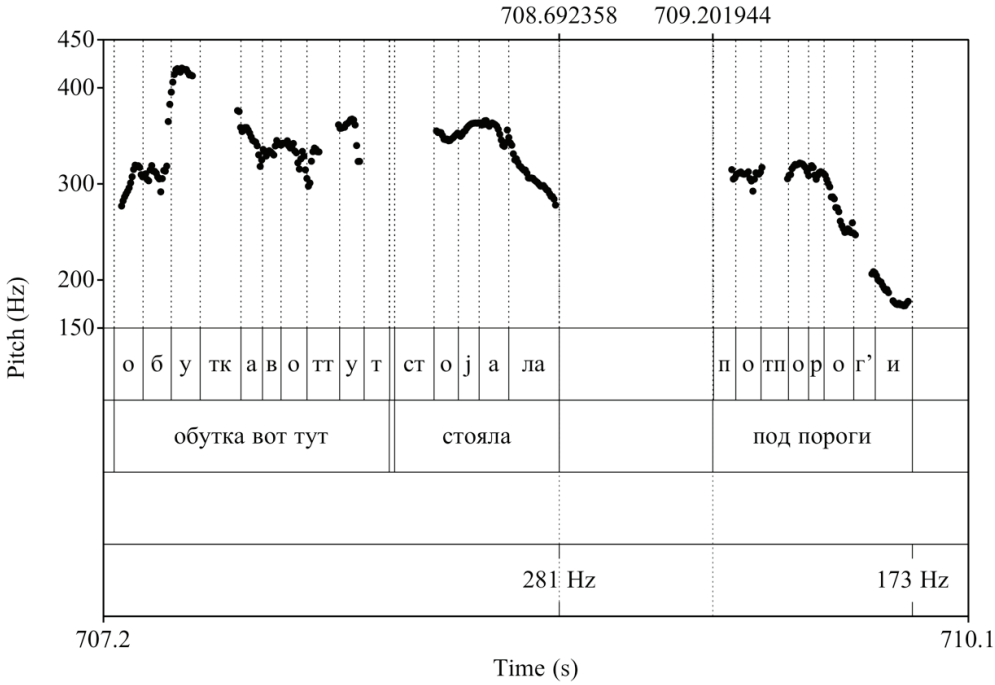


Рисунок 12. Интонограмма фразы *Обутка вот тут стояла под пороге*, с. Церковное

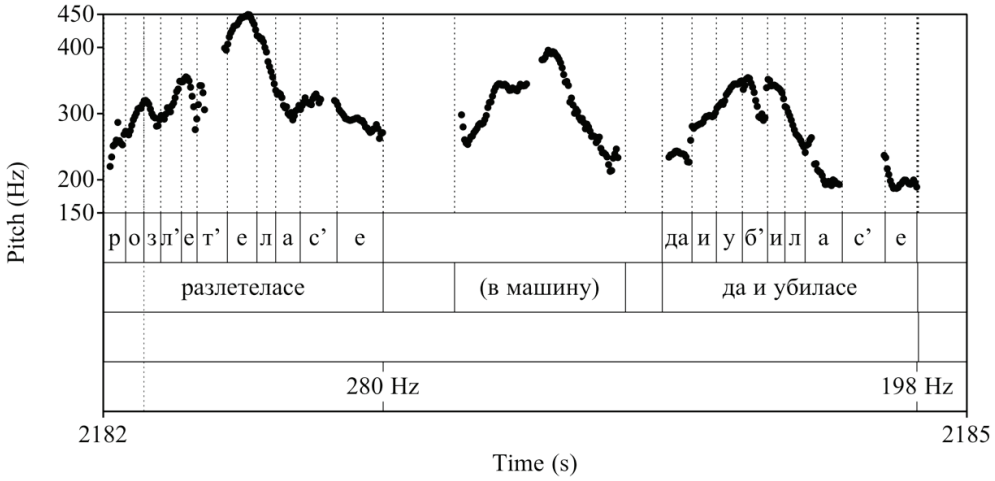


Рисунок 13. Интонограмма фразы *Разлетеласе — в машину да и убиласе*, с. Церковное

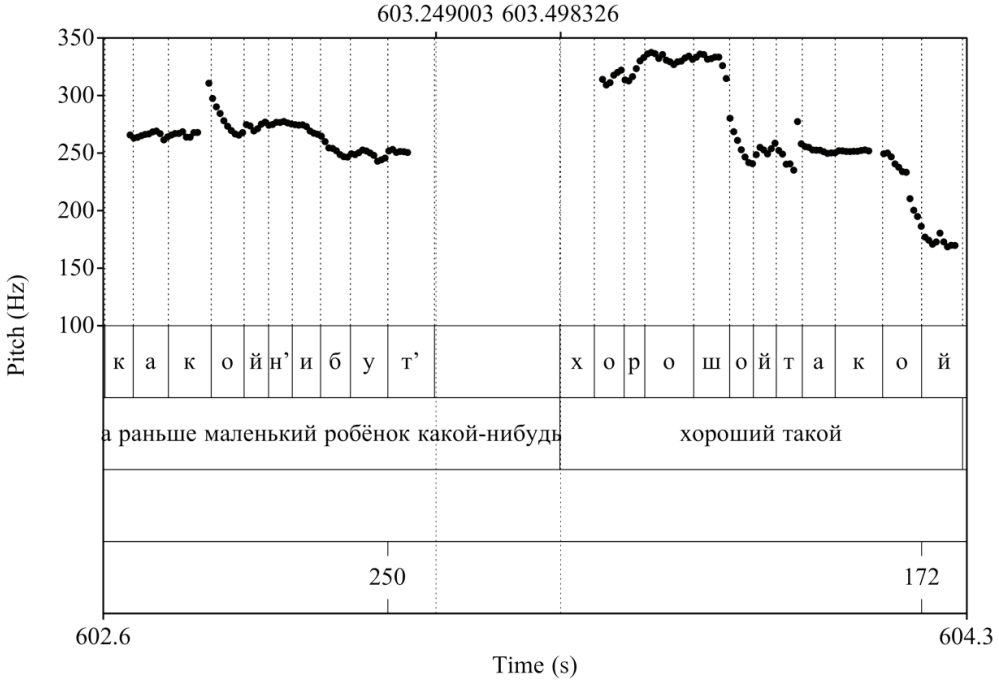


Рисунок 14. Интонограмма фразы *А раньше маленький робёнок хороший такой*, с. Церковное

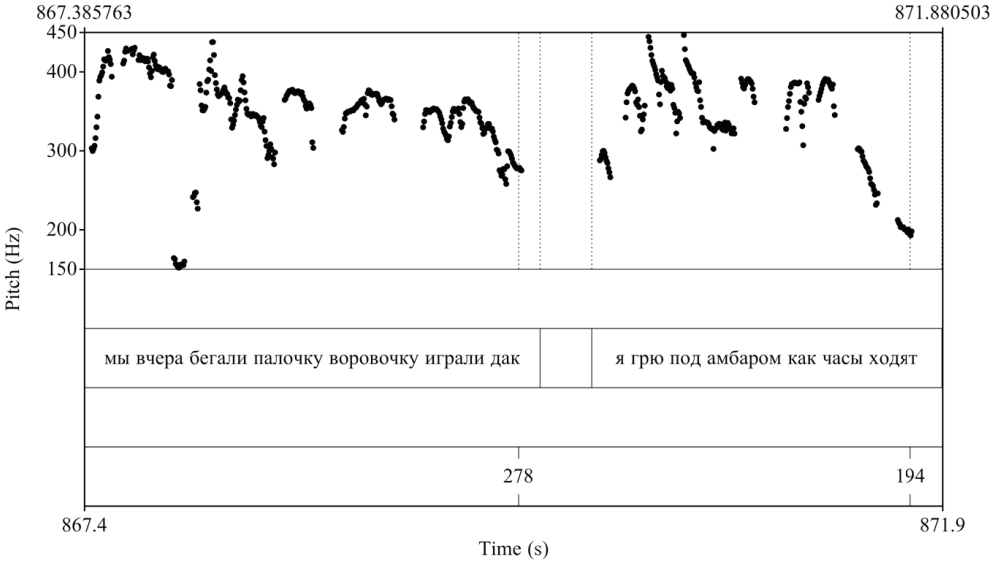


Рисунок 15. Интонограмма фразы *Мы вчера бегали, палочку-воровочку играли дак, я говорю, под амбаром часы ходят*, с. Церковное

На этих интонограммах видно, что 1. Падение на конечных словах фразы может начинаться как с более высокого уровня, чем на неконечных (рис. 11), так и с более низкого (рис. 12, 13), либо с того же самого (рис. 14);

2. Интервал падения на конечных словах может быть как бóльшим, чем на неконечных (рис. 11, 12, 14), так и равным ему (рис. 13: 158 и 151 Гц соответственно);

3. После падения на ударном слоге на заударных слогах наблюдается стабилизация значения ЧОТ (ровный тон);

4. Единственным параметром, который неизменно отличает просодическую организацию завершающего клаузу фрагмента от оформления фрагмента с предполагаемым значением незавершенности, является конечное значение ЧОТ, гораздо более низкое в первом случае, чем во втором: различия составляют 109, 108, 82 и 78 Гц соответственно, то есть, тон в конце неконечного сегмента стабильно на полоктавы выше, чем в конце фразы (160 %, 162 %, 141 % и 145 % соответственно).

Отметим, что аналогичная картина в говоре Церковного наблюдается и в тех случаях, когда паузами разделены две клаузы внутри одного предложения; пример такого рода приведен ниже на рисунке 15 (длительность паузы — 302 мс, разница между значениями ЧОТ в конце конечного и неконечного фрагментов — 84 мс, 143 %).

Таким образом, на основании представленных выше результатов можно утверждать, что значение незавершенности может передаваться в исследованном говоре при помощи специфического оформления заакцентной части высказывания — наличия в конце завершающей части тона, отличающегося от низкого на половину октавы. При этом носителями СРЛЯ такие высказывания не воспринимаются как незавершенные, поскольку не содержат восходящего движения тона на ударном гласном; этот факт в очередной раз свидетельствует о том, что при исследовании семантики диалектной интонации нельзя ориентироваться на знания, связанные с интонационной системой литературного языка.

В русистике для описания интонации обычно используется система интонационных конструкций [Брызгунова 1963; 1969; 1977; 1980], в которой основными параметрами мелодического контура выступают 1) значение ЧОТ в предцентровой части синтагмы; 2) характер изменения тона в центре ИК; 3) значение ЧОТ в ее постцентровой части (при этом заакцентная часть синтагмы выступает в нерасчлененном виде). В рамках концепции Е. А. Брызгуновой адекватное описание диалектных систем с пословным тональным контуром представляется затруднительным: в ней, во-первых, предполагается наличие только одного тонального акцента в синтагме, а, во-вторых, отсутствует возможность интерпретации описанного выше тонального различия: нисходящего тона с последующим низким постцентром и нисходящего же с последующим ненизким (без повышения после падения), поскольку эта концепция предполагает наличие ограниченного набора клишированных интонационных единиц. Кроме того, в системе ИК предполагается жесткая корреляция между мелодическим контуром и его семантикой, что приводит к осознанному или неосознанному переносу этой связи из литературного языка на диалектную просодическую систему, где семантика того же или сходного контура может быть иной, чем в СРЛЯ.

Более распространенным в современной фонетике способом описания интонации служит система ToBI [Pierrehumbert 1980], [Beckman, Hirschberg 1994], [Beckman and Elam 1997][8], в рамках которой фиксируется значение ЧОТ 1) в начале интонационной фразы (начальный пограничный тон, %N); 2) в месте фразового выделения (тональный акцент, N*); 3) в конечной части синтагмы (конечный пограничный тон, N%); 4) на фрагменте синтагмы, связывающем конечный пограничный тон с тональным акцентом или тональные акценты друг с другом (phrase accent, фразовый тон, N–). При описании большинства языков N может иметь значения «высокий» (H) или «низкий» (L) [Jun 2005; 2014], а вопрос о необходимости использования в характеристике пограничных тонов промежуточного значения — среднего (M или !H%) — остается дискуссионным. При описании русской диалектной просодии ToBI, на наш взгляд обладает целым рядом преимуществ по сравнению с системой ИК, поскольку

- допускает наличие нескольких тональных акцентов внутри одной минимальной интонационной единицы (синтагмы);
- не оперирует клишированными единицами: сочетаемость всех параметров описания контура (тональных акцентов, фразовых и пограничных тонов) является свободной;
- не предполагает заранее заданной связи семантики с формальными средствами ее выражения;
- допускает расчлененное описание заакцентной части контура (фразовый и пограничный тон vs. единая постцентровая часть ИК);
- является общепринятым средством описания фразовой просодии большинства языков мира.

В рамках этой модели описанное в настоящем исследовании различие может быть интерпретировано следующим образом: при наличии границы (чаще всего — паузы) между просодическими единицами интонацию завершенности на их конечных словах маркирует контур H+L* L% (тональный акцент: падение тона с высокого до низкого; низкий пограничный тон), а интонацию незавершенности — мелодический контур с тем же нисходящим тональным акцентом и (в отличие от завершенности) не низким пограничным и/или фразовым тоном[9]: H+L* !H%. Внутри синтагмы с пословным мелодическим оформлением контур оформляется следующим образом: H+L* !H– (тональный акцент: падение тона с высокого; средний фразовый тон). Эти данные могут, на наш взгляд, служить аргументом в пользу мнения о том, что средний (не низкий и не высокий) пограничный тон является необходимым элементом описания подобных просодических систем, поскольку есть основания предполагать, что высокий пограничный тон может использоваться в них для оформления общего вопроса.

---

[8] Для русского языка адаптация ToBI частично выполнена О. Ц. Йокоямой [Yokoyama 2001; Йокояма 2003].

[9] Пограничный тон имеет место только в конце синтагмы перед паузой (рис. 14–20), в других случаях тональные акценты связываются фразовым тоном (рис. 7–13).

Литература

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977.

Брызгунова Е. А. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977b.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика / М. Ю. Шведова (гл. ред.), Т. I. М., 1980.

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. 7. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.

Горячева Ю. В., Князев С. В., Пожарицкая С. К. Фонетическая реализация заударных гласных в различных просодических условиях: пограничные тоны (на материале говоров рязанской группы) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. XIV: Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009.

Йокояма О. Ц. Нейтральная и не-нейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы ИК // Вопросы языкознания. 2003. №5. С. 99–122.

Касаткина Р. Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М.: Наука, 2002. С. 134–151.

Князев С. В. Образец говора Плесецкого р-на Архангельской обл. (в печати).

Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М., 2009.

Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.-Л., 1949, с. 5–44.

Оде, С. Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики. Вып. II. Москва, 1995.

Оде, С. Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. С.-Петербург, 2003. С. 209–214.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Подлесская В. И. Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М., 2009. С. 390–395.

Beckman M. and Hirschberg J. ToBI Annotation Conventions. Ms. Ohio State University, 1994

Beckman, M. and Elam, G. A. Guidelines for ToBI labelling, version 3. Ohio State University, 1997.

Jun, Sun-Ah, ed. 2005. Prosodic typology. Oxford: University Press.

Jun, Sun-Ah, ed. 2014. Prosodic typology II: The phonology of intonation and phrasing. Oxford linguistics. Oxford: University Press.

Knyazev S. V., Pronina M. K. The use of boundary tones in formal description of Russian intonation (the IK-4 case) with reference to Spanish. Contemporary research

in phonetics and phonology: methods, aspects and problems. Riga, Latvia, May 11–12, 2017.

Odé, Cecilia. 1989. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi. Leiden, Univ. Diss.

Odé, Cecilia 2003. Description and transcription of Russian intonation (ToRI). Schaeken, Jos et al. (eds.), Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics 30: 279–288, Amsterdam — New York.

Odé Cecilia. Transcription of Russian Intonation, ToRI, an interactive research tool and learning module on the Internet. In: Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists, Ohrid, 431–449, 2008.

Paschen L. Boundary tones indicate turn allocation in Russian. In: Proceedings of ConSOLE XXII, Leiden, 2015.

Pierrehumbert J. B. The Phonology and Phonetics of English Intonation. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1980.

Post, Margje. The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005

Yokoyama, Olga T. 2001. Neutral and Non-Neutral Intonation in Russian: A Reinterpretation of the IK System. Die Welt der Slaven XLVI: 1–26.

Sergey V. Knyazev
Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
svknia@gmail.com

WORD-BY-WORD MELODIC CONTOUR AND ONE TYPE OF INCOMPLETENESS' MARKING IN TSERKOVNOE DIALECT, ARKHANGEL'SK REGION

The dialect studied in the present paper represents Northern Russian prosodic system in which each word bears a pitch accent (word-by-word melodic contour). The analysis based on 1360 phrases show the remarkable difference of this dialect from those up-to-date known typologically related dialects from Pinega region: the pitch movement in Plesetsk idiom is falling (with a preceeding rise on prestressed syllable or on a consonant in stressed syllable's onset as opposed to a rising one on a stressed vowel in Pinega's system. Thus, the Northern Russian dialects may vary in the direction of the pitch movement of the word-by-word accent. Meanwhile it is also was found that the meaning of incompleteness in Plesetsk dialect is marked by H + L* !H% melodic contour (the falling pitch accent with the middle phrase or boundary tone) whereas in the statement with

the finality meaning the H + L* L% contour is used (the falling pitch accent with the low boundary tone). We argue finally that the data collected may serve as a basis to distinguish three level of boundary tones in the Northern Russian dialects with word-by-word melodic contour.

Key words: Russian, dialects, phonetics, sentence prosody, intonation of incompleteness

References

Bryzgunova E. A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of Russian]. Moscow, 1963 (In Russ.)

Bryzgunova E. A. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. Moscow, 1969 (In Russ.)

Bryzgunova E. A. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. 3-rd edition. Moscow, 1977 (In Russ.)

Bryzgunova, E. A. *Analiz russkoy dialektnoy intonacii* [An analisys of Russian dialectal intonation] In:. *Eksperimental'no-foneticheskie issledovaniya v oblasti russkoy dialektologii* [*Experimental phonetic studies in the field of Russian dialectology*]. Moscow, 1977b. P. 231–262 (In Russ.)

Bryzgunova E. A. *Intonatsiya* [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. M. Yu. Shvedova (ed.). Vol. I. Moscow, 1980 (In Russ.)

Getsova O. G. *Dialektnye razlichiya russkikh arkhangel'skikh govorov* [Dialectological variations of Russian Arkhangel'sk dialects]. In: *Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'. Problemy russkogo yazykoznaniya* [Russian dialects: history and present state. Problems of Russian linguistics. VII]. Moscow State University Publ, 1997. P. 138–197 (In Russ.)

Goryacheva Yu. V., Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Foneticheskaya realizatsiya zaudarnykh glaznykh v razlichnykh prosodicheskich usloviyakh: pogranichnye tony (na materiale govorov Ryazanskoy gruppy)* [Phonetic realization of poststressed vowels in various prosodic positions: boundary tones (based on Ryazan' dialects)]. In: *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic dialectology]. Vol. XIV. Moscow, 2009 (In Russ.)

Yokoyama, Olga T. *Neutral and Non-Neutral Intonation in Russian: Autosegmental Reinterpretation of the IK System* // *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Sudy of Language] 2001 №5. P. 99–122.

Kasatkina R. F. *Zametki o yuzhnorusskoy intonatsii* [Notes on South-Russian intonation]. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. 1 (VII).* [Materials and studits in Russian dialectology. 1 (VII)] Moscow, 2002. P. 134–151 (In Russ.)

Knyazev S. V. A Sample of Plesetsk dialect from Arkhangel'sk region (to be published).

Kodzasov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoy prosodii* [Studies in Russian prosody]. Moscow, 2009 (In Russ.)

Kuznetsov P. S. *O govorax Verxney Pinegi i Verxney Toymy* [On Upper Pinega and Upper Toyma dialects]. In*: Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. Tom 1* [Materials and studits in Russian dialectology. Vol. 1] Moscow — Leningrad, 1949. P. 5–44 (In Russ.)

Odé, Cecilia. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka v svete dannykh pertseptivnogo analiza* [Intonational system of Russian in the light of perceptive experiment]. In: *Problemy fonetiki. II* [Problems of phonetics. II]. Moscow, 1995 (In Russ.)

Odé, Cecilia. *Perspektivy opisaniya i transkriptsii russkoy intonacii v korpusax zvuchashchix tekstov* [Perspectives of description and transcription of intonation in sound corpora texsts]. In: *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskix issledovaniy* [Problems and methods of experimental phonetic studies]. Saint-Petersburg, 2003. P. 209–214 (In Russ.)

Paufoshima, R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskix govorax* [*Phonetics of word and phrase in Northern Russian dialects*]. Moscow, 1983 (In Russ.)

Podlesskaya V. I., Kibrik A.*A. Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya* [The role of discourse markers in local discourse structure: a corpus study]. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (May 31 — June 03 2017). Issue 18 (15).* Russian State University for Humanities Publ. Moscow, 2009. P. 390–395 (In Russ.)

Beckman M. and Hirschberg J. *ToBI Annotation Conventions. Ms.* Ohio State University, 1994

Beckman, M. and Elam, G. A. *Guidelines for ToBI labelling, version 3*. Ohio State University, 1997.

Jun, Sun-Ah, ed. 2005. *Prosodic typology*. Oxford: University Press.

Jun, Sun-Ah, ed. 2014. *Prosodic typology II: The phonology of intonation and phrasing*. Oxford linguistics. Oxford: University Press.

Knyazev S. V., Pronina M. K. The use of boundary tones in formal description of Russian intonation (the IK-4 case) with reference to Spanish. *Contemporary research in phonetics and phonology: methods, aspects and problems*. Riga, Latvia, May 11–12, 2017.

Odé, Cecilia. 1989. *Russian intonation: A perceptual description*. Amsterdam: Rodopi. Leiden, Univ. Diss.

Odé, Cecilia 2003. Description and transcription of Russian intonation (ToRI). Schaeken, Jos et al. (eds.), *Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*, *Ljubljana: Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics* 30: 279–288, Amsterdam — New York.

Odé Cecilia. Transcription of Russian Intonation, ToRI, an interactive research tool and learning module on the Internet. In: *Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists, Ohrid*, 431–449, 2008.

Paschen L. Boundary tones indicate turn allocation in Russian. In: *Proceedings of ConSOLE XXII*, Leiden, 2015.

Pierrehumbert J. B. *The Phonology and Phonetics of English Intonation*. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1980.

Post, Margje. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. *Doctoral dissertation.* Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005

Yokoyama, Olga T. 2001. Neutral and Non-Neutral Intonation in Russian: A Reinterpretation of the IK System. *Die Welt der Slaven* XLVI: 1–26.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Е. В. Корпечкова
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lelene@yandex.ru

СИСТЕМА УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ ОДНОГО ЮЖНОРУССКОГО ГОВОРА С АРХАИЧЕСКИМ ВОКАЛИЗМОМ (ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье представлена инструментально-фонетическая характеристика ударных гласных говора с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл., в котором наблюдается архаическое аканье и яканье обоянского типа при семифонемном ударном вокализме, случаи отступлений немногочисленны. Рассматриваются возможные реализации всех фонем, способы противопоставления фонем верхне-среднего и среднего подъемов. В говоре Солдатского фонемы /ѣ/ и /е/ в большинстве случаев противопоставлены как дифтонг и монофтонг, а фонемы /о/ и /ω/ — по признаку подъема (широкая артикуляционная база гласных говора дает возможность различать [о] среднего подъема и [ɔ]), различение соответствующих фонем поддерживается и качеством предшествующего согласного. Как фонемы /о/ и /ω/, так и, реже, /ѣ/ и /е/ могут совпадать в говоре в одном аллофоне, в этом случае архаическая диссимилятивная модель может сохраняться благодаря соотношению длительности ударного гласного и гласного в 1-м предударном слоге. Семифонемный вокализм является необходимым условием для существования диссимилятивного аканья и яканья в говоре: морфологический фактор может сдерживать появление нехарактерных для архаического типа гласных в 1-м предударном слоге в ряде грамматических форм, или, напротив, обеспечивать некоторые изменения, однако основная причина появления отступлений — фонетическая: существование архаического вокализма в «чистом» виде невозможно в говорах без различения семи фонем.

Ключевые слова: диалектная фонетика, южнорусское наречие, ударный вокализм, архаическое диссимилятивное аканье, обоянское диссимилятивное яканье

0. Важной частью исследования различных моделей диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах является выявление связи ударного и предударного типов вокализма. Известно, что в говорах, сохраняющих под ударением последовательное различение семи гласных фонем, наблюдаются архаические типы диссимилятивного

вокализма (обоянское или задонское яканье, архаическое аканье), остальные типы (суджанское, щигровское, жиздринское, донское яканье, жиздринское аканье), как правило, сочетаются с пятифонемным ударным вокализмом. [Савинов 2010: 105]. Тип аканья и тип яканья также имеют определенную сочетаемость между собой: в одном говоре могут сосуществовать типологически схожие модели.

Однако в материалах Диалектологического атласа русского языка (далее — ДАРЯ)[1] представлены говоры, в которых архаические типы вокализма (аканье или яканье, а чаще только яканье) сохраняются при пятифонемной системе ударных гласных, а также говоры, в которых типы безударного вокализма 1-го предударного слога после мягких и после твердых согласных не соотносимы между собой по типу зависимостей.

Так, в с. Солдатском[2], по данным ДАРЯ, при пятифонемном ударном вокализме наблюдается сильное аканье: после твердого согласного в 1-м предударном слоге всегда отмечается [а]: *наγи́*, *кас'и́л*, *прас'и́л*, *пъсматр'и́*, *пашл'и́*; *сталы́*; *(в) палку́*, *(к) сталу́*; *(нъ) вад'е́*, *(нъ) наγ'е́*, *сматр'е́л*, *(нет) ч'илав'е́ка*; *пајд'е́м // пад'е́м*; *пан'о́с*, *дал'о́ка*; *забо́та*, *каро́ва*, *забо́р*, *сапо́х*, *вадо́й*, *наγо́й*, *дамо́й*, *дълако́*, *вада́*, *наγа́*, *трава́*, *бара́н*, *стака́н*, *(к) амба́ру*, *дама́*, *маја́*, *тваја́*, *дава́й*, *сказа́л*, *стаја́л.*

После мягкого согласного произносится [а] перед слогом с ударными гласными в соответствии с фонемами верхнего и верхне-среднего подъема, [и] перед слогом с ударными гласными среднего и нижнего подъема, что соответствует обоянскому типу яканья, отступления немногочисленны и отмечаются лишь в отдельных грамматических формах:

1) Варьируется произношение [а] и [и] в формах Т. п. существительных ср.р.: *в'адро́м // в'идро́м*, *в'асло́м // в'исло́м.* Зафиксировано произношение [а] перед ударным [о], находящимся после мягкого согласного или отвердевшего шипящего, в словоформах *з'амл'о́ју*, *(над) м'ажо́ју.*

2) Наблюдается варьирование [а] и [и] перед ударной фонемой /а/ в форме И.п. ж.р. прилагательных: *р'иба́ја (кур'ица) // р'аба́ја* (*л'ин'ија); пр'ама́ја // пр'има́ја.*

3) После [ж], [ш], [ц] в 1-м предударном слоге произносится [а] вне зависимости от ударного звука: *жана́*, *цана́*, *жалто́к*, *у жан'е́*, *пъшано́*.

Инструментально-фонетические исследования русских говоров свидетельствуют о том, что стабильное сохранение архаического типа предударного вокализма обычно характерно для говоров, сохраняющих семифонемную систему ударного вокализма. Это позволяет предположить, что и в говоре с. Солдатское, возможно, сохраняется различение фонем верхне-среднего и среднего подъемов.

Для ответа на вопрос о том, существуют ли в говоре особые реализации фонем верхне-среднего подъема было проведено инструментальное исследование:

---

[1] Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР/Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып.1: Фонетика. М., 1986.

[2] С. Солдатское расположено на северо-востоке Белгородской области, в 25-ти км от районного центра — г. Старый Оскол. Населенный пункт был обследован дважды. В 1952 году в ходе сбора материала для ДАРЯ (комплект № 486-Юг) в селе (тогда оно входило в Шаталовский район Воронежской области) работала группа студентов и аспирантов Воронежского Государственного Университета; в 2008 году состоялась экспедиция сотрудников ИРЯ РАН.

прослушаны записи продолжительностью по одному часу от двух информантов[3] пожилого возраста, коренных жительниц села. Сделана сплошная выборка: учитывались все словоформы, произнесенные с нейтральной интонацией, без резкого повышения или понижения частоты основного тона (F0 <270 Гц).

Можно отметить следующие особенности вокалической системы говора с. Солдатского. Во-первых, по сравнению с литературным русским языком, по подъему вся система гласных звуков говора пропорционально сдвинута вниз. Под ударением у гласных верхнего подъема значение первой форманты на 100–150 Гц выше, чем у литературных эквивалентов[4]: [и]: F1=370–450 Гц; [ы]: F1=450–520 Гц; [у]: F1=450–520 Гц [Касаткин, 2014: 12; Князев, Пожарицкая 2011: 106]. Первая форманта гласного [а́] может достигать 1000 Гц, в то время как в литературном языке ее среднее значение F1=750–800 Гц. [Касаткин, 2014: 12; Князев, Пожарицкая 2011: 106]. Пониженное образование ударного гласного [а] присуще говорам, имеющим пониженные по сравнению с литературным языком гласные в качестве одной из реализаций фонем среднего подъема[5]. Во-вторых, более переднее по сравнению с литературным языком образование гласных, в частности гласных переднего ряда. F2 звука [и] может достигать 2900 Гц, гласного [е] — 2700 Гц, в то время как в литературном языке у звука [и] F2=2500 Гц, у звука [е] F2=2000 Гц. Упередненные гласные среднего подъема отмечаются и в других южнорусских говорах с архаическими типами вокализма [Тер-Аванесова, Дьяченко 2018: 39]. В рассматриваемом говоре более переднее образование имеет и ударный звук [а] в положении между твердыми согласными: F2 может достигать 1900 Гц (ср. в литературном языке в среднем у гласного [а] F2=1200 Гц). Упередненный звукотип на месте /а/ также отмечается и в других южнорусских говорах: тульских, орловских, калужских, воронежских, и обычно характерен для тех говоров, в которых существует звук [ɔ] [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 13].

1. Реализация фонемы /а/

Ударный [а] в позиции между твердыми согласными может быть представлен гласным, соответствующим по подъему литературному языку (F1=750–850 Гц), но в 60 % от общего числа примеров в соответствии с /а/ произносится [а]-открытый, F1 которого может превышать значение 1000 Гц (Рис.1).

[3] Женщины 1928 г.р., 4 кл; 1922 г.р, 6 кл.

[4] В указанных работах рассматриваются формантные характеристики ударных гласных литературного языка, произнесенных изолированно; однако эти характеристики гласных в изолированном произнесении близки к соответствующим характеристикам стационарного участка звучания гласного, употребленного в сочетаниях с различными согласными [Бондарко 1977: 68], именно это дает право сравнивать формантные характеристики, приведенные в указанных работах, с характеристиками стационарных участков гласных, зафиксированных в диалектных системах в консонантном контексте.

[5] При этом пониженные гласные в соответствии /а/ наблюдаются не во всех говорах с диссимилятивным вокализмом: ср. [Дьяченко 2017].

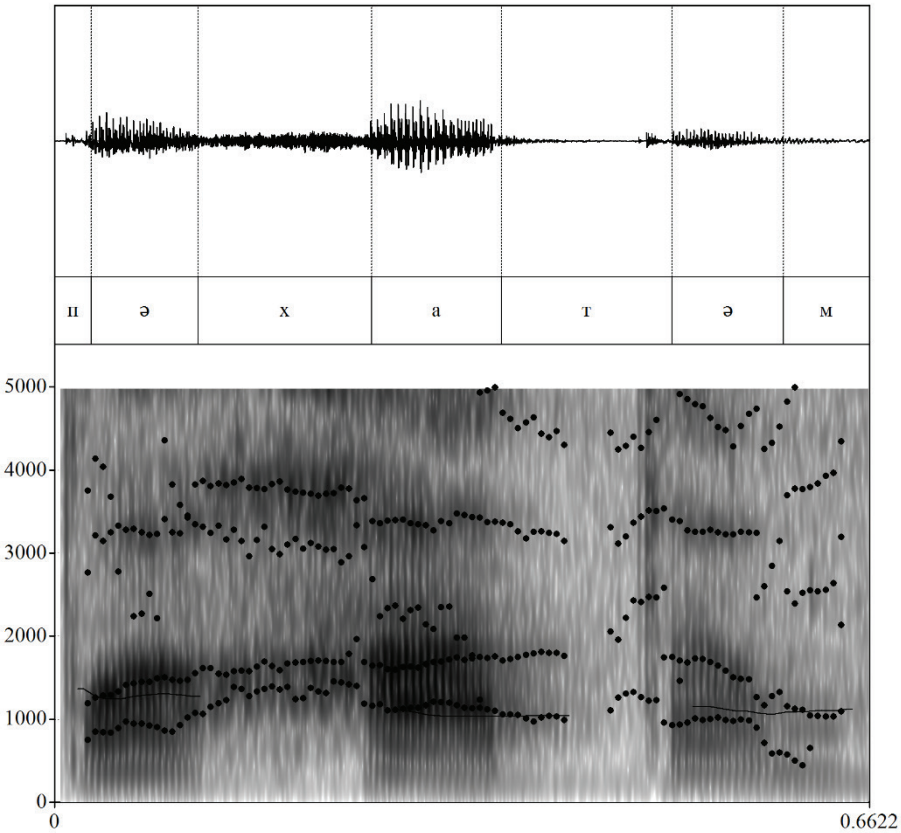


Рис.1. Осциллограмма, спектрограмма словоформы *по х*[ą́]*там:* [á] — F1=1200, F2=1685 *(с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)*

[а]: F1=750–850 Гц, F2=1500–1700 Гц — кл[á]*сса*, *ск*[á]*жуть*, *б*[’испла́]*тно, пр*[á]*вда*;

[ą]: F1=850–1000 Гц, F2=1500–1700 Гц — м[ą́]*зали*, *б*[аγą́]*тая*, *с*[’еамнą́]*дцать, п*[ə ха́]*там*.

На рис. 1 представлена словоформа *по х*[ą́]*там* ([á] — F1=1200 Гц, F2=1685 Гц), в ударном слоге отмечается более упередненный по сравнению с литературным языком звук [ą] в позиции после заднеязычного согласного, в соседстве с которым этот гласный характеризуется, как правило, наибольшей однородностью, отсутствием начального переходного элемента [Бондарко 1977: 90]. В литературном языке F2 ударного [а] в среднем составляет 1200 Гц.

В позиции перед мягким согласным, возможно произнесение как [а], так и [ą], но вторая форманта под влиянием соседнего мягкого звука имеет большие значения и доходит до 2000 Гц, то есть звук несколько продвинут вперед:

[а]: F1=700–850 Гц, F2=1550–1800 Гц — (*за) сем*[’ина́]*ми*, *р*[á]*ньше*, [иска́]*ли*

[ą]: F1=850–1000 Гц, F2=1700–2000 Гц — св[ą́]*дьбы*, *д*[убą́]*ми*, *шерст*[’инą́]*я.*

В этой позиции преобладает произношение [а] (70 % от общего числа примеров), гласный пониженного подъема [ạ] встречается реже, чем в позиции перед твердым согласным, что обусловлено влиянием последующего мягкого согласного.

В позиции после мягкого согласного возможно произнесение как разнообразных более или менее открывающихся двукомпонентных звуков с практически равными по длительности частями, в том числе и с *а*-открытым во второй части, так и [а], который может включать начальный *и*-образный или *е*-образный переходный элемент длительностью 30–50 % от общей протяженности звука:

[и͡а]: F1=450–550 Гц, F2=2300–2400 Гц; F1=750–850 Гц, F2=1700–2000 Гц — *р*['иб'и͡а]*та, (на) лош*[ыд'и͡а]*х*;

[е͡ạ]: F1=600–700 Гц, F2=2000–2600 Гц; F1=750–900 Гц, F2=1500–1800 Гц — *п*[ə че͡ạ]*шкам*, [акт'е͡а]*брьскую*, *д*['ит'е͡а]*м*;

[а]: F1=770–850 Гц, F2=1550–1800 Гц — *спр*[əвл'а́]*л*, [ј́а]*мочки*.

Следует отметить, что в литературном языке гласные, кроме [и], также имеют *и*-образный переходный элемент в позиции после мягкого согласного, однако длительность его составляет всего 16,5–18 % от общей длительности гласного, в то время как в говорах длительность этой фазы может составлять половину или более половины общей длительности [Касаткин 1999: 382].

В позиции между мягкими согласными возможно произнесение звука [е͡а] с приблизительно равными по длительности частями или [ạ] (*а*-повышенное):

[е͡а]: F1=450–550 Гц, F2=2300–2400 Гц; F1=750–850 Гц, F2=1700–2000 Гц — *спр*[əвл'а́]*ли*, *гов*[ər'е͡а]*ть, пр*['е͡а]*ли*;

[ạ]: F1=650–750 Гц, F2=1800–2300 Гу — *пог*[ул'а́]*еть*, *спр*[авл'а́]*ли*.

Звуков пониженного подъема в этой позиции не наблюдается, значение первой форманты не превышает 850 Гц.

В позиции после, а также между мягкими согласными в отдельных случаях возможно произношение и поликомпонентного звука [ие͡а], при произнесении которого скольжение тембра происходит от [и] до [а].

Таким образом, особенностью реализаций фонемы /а/ по сравнению с литературным языком является, во-первых, более низкий подъем (значение F1 может достигать 1100 Гц), во-вторых, некоторая упередненность даже в позиции между твердыми согласными (F2 до 1900 Гц).

2. Реализация фонемы /ѣ/

Перед твердым согласным фонема /ѣ/ в 80 % случаев реализуется разными неоднородными звуками с двумя практически равными по длительности частями, начальная часть которых более закрытая:

[и͡е]: первая часть: F1=370–450 Гц, F2=2200–2700 Гц, вторая часть: FI=450–550 Гц, F2=1800–2400 Гц — *б*['и͡е]*дно*, *у с*['и͡е]*нцах*, *пр*['иб'и͡е]*гла* (этот дифтонг встречается чаще всего).

[и͡ɛ]: первая часть: F1=320–450 Гц, F2=2200–2700 Гц, вторая часть: F1=550–700 Гц, F2=1700–2000 Гц — *с*['и͡ɛ]*нцах, г*[ар'и͡ɛ]*ла, (из) л*['и͡ɛ]*са*;

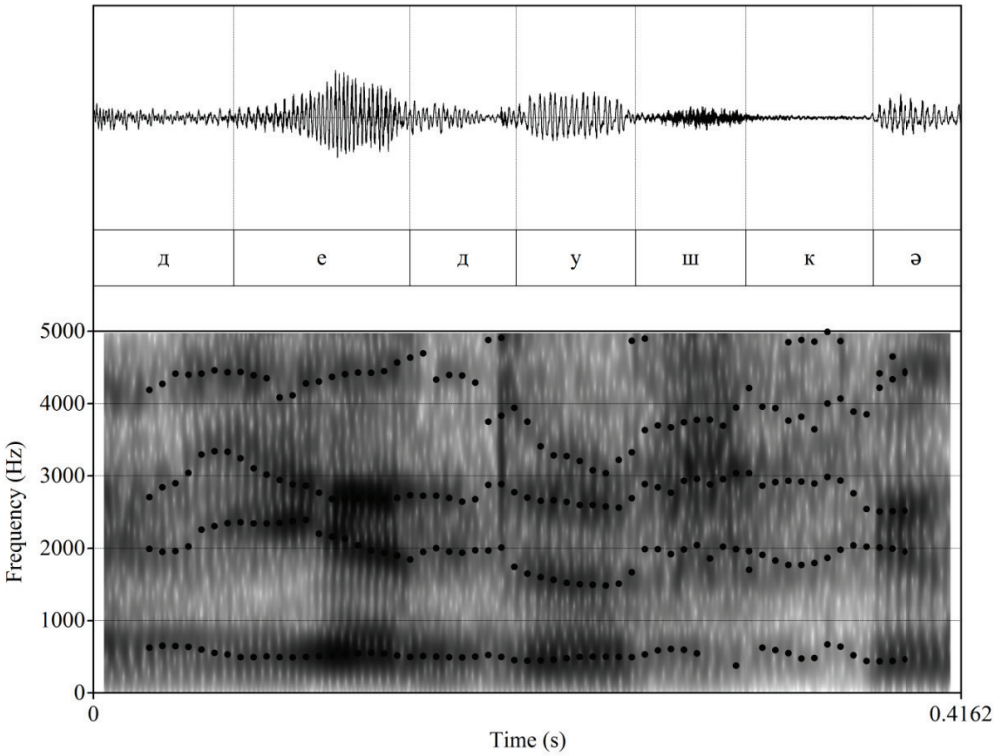


Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма словоформы *д*[’е]*душка:* [е] — F1=512 Гц, F2=2348>1948 Гц *(с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)*

[е͡ɛ̞]: первая часть: F1=450–600 Гц, F2=2000–2600 Гц, вторая часть: F1=600–750 Гц, F2=1700–2100 Гц — *н*[ав'е͡ɛ̞]*рно,* б['е͡ɛ̞]*дно*, *пол*[’е͡ат’е͡ɛ̞]*ла.*

Так же, как и в случае с *а*-пониженным, дифтонги [и͡ɛ̞] и [е͡ɛ̞] с более открытой второй фазой, F1 которой превышает 550 Гц, возможны только в позиции перед твердым согласным и на конце слова.

Компоненты звука, реализующего фонему /ѣ/, могут противопоставляться иначе: в ряде случаев на всем протяжении неоднородный звук, реализующий /ѣ/, имеет стабильную F1 (либо ее изменения незначительны, до 50 Гц), а изменение происходит только в результате продвижения по ряду: во второй части такой звук отодвигается назад, например при произнесении словоформы *д*['е͡ę̞]*душка* F1 остается практически неизменной на всем протяжении звука (=512 Гц), а F2 изменяется от 2348 до 1948 Гц.

Монофтонг [е] (20% от общего количества примеров) в этой позиции имеет F1=450–600 Гц, F2=2100–2500 Гц: *г*['ар'е́]*ла*, *п*[асл’е́]*днего.*

В позиции перед мягким согласным фонема /ѣ/ может быть также представлена дифтонгом, (34% случаев), вторая часть которого в большей степени продвинута вперед под влиянием мягкого согласного:

[и͡е]: F1=350–450 Гц, F2=2400–2600 Гц в первой части и F1=480–550 Гц, F2=2100–2300 Гц — во второй: п['и͡е]*сни*, [ар'и͡е]*хи*, *с*[ас'и͡е]*ди.*

Однако преобладает произнесение монофтонгов (66 %):

[е]: F1 = 450–550Гц, F2=2100–2500 *м*['е]*сяца*, [н'ад'е]*лю*, *д*[а р'е́]*чки.*

[и]: F1=400–450Гц, F2=2200–2600 *н*['ад'и́]*льки*, *х*[ат'и́]*ли, м*['и́]*сяцев*

Произнесение [и] отмечено в позициях только перед мягким согласным, а также на конце слова.

3. Реализация фонемы /е/

В говоре последовательно прослеживается переход *е* в *о*, за исключением окончаний личных форм глагола, в которых сохраняется произношение [е], что характерно и для многих других говоров, не только южнорусских, но и севернорусских [Аванесов 1949: 43; Касаткин 1999: 374].

На месте этимологических **е*, **ь* в говоре с. Солдатское в позиции перед твердым согласным в 95 % случаев произносится монофтонг. Чаще всего это [е] (85 %), но возможно произнесение [ɛ] и [ę].

[е]: F1=400–550 Гц, F2=2400–2600 Гц — *с*['е́]*рдца*, *п*['е́]*рвого, дер*['ив'е́]*нская, вол*[ак'е]*шь.*

[ɛ]: F1=550–650 Гц, F2=2000–2200 Гц: *з*[е́]*ркала*, [агур'е́]*ц*, *в*[аз'м'е́]*мся*;

Реализации фонемы /е/ являются однородными на всем протяжении монофтонгами, поэтому для носителей литературного языка именно они кажутся необычными на слух: в литературном языке гласные на месте /е/ имеют начальный *и*-образный переходный участок (Рис 3).

В единичных случаях на месте **е*, **ь* было отмечено произнесение [ę]: *мол*[адę]*ц.* Это звук верхнего подъема (F1=350–400 Гц), но по сравнению с типичной реализацией фонемы /и/ он отодвинут в более задний ряд (F2=2400–2600 Гц).

Так же редко встречается закрывающийся дифтонг [е͡и] (Рис. 4). Как и в некоторых других южнорусских говорах [Савинов 2010: 109], такое произнесение в говоре было отмечено в определенных словах и формах слов: у существительных, оканчивающихся на *-ец*: *от*['е͡и]*ц, кон*['е͡и]*ц*; после переднеязычных согласных (*од*['е͡и]*жду*), в том числе в частице *не* и в формах Р.п. и В.п. личных местоимений, причем в местоимениях перед паузой конечная фаза может быть представлена не *и*-неслоговым, а согласным [j]: [м'ин'е́j].

Произнесение дифтонга [и͡е], совпадающего с основной реализацией фонемы /ѣ/, на месте **е, ь* встречается редко, в 5 % от общего количества примеров:

[и͡е]: F1=350–500 Гц, F2=2200–2700 Гц; F1=500–700 Гц, F2=1800–2300 Гц — *д*['ир'и͡е]*вню*, *упр*['ид'и͡е]*шь* (*Рис.* 5).

В позиции перед мягким согласным также преобладает произнесение монофтонга, который отмечается в 92 % случаев; в 74 % случаев это звук [е]:

[е]: F1=450–500 Гц, F2=2000–2600 Гц — *д*['е́]*нь*, *п*['е́]*чь*, *с*['е́]*яли*;

[ɛ] встречается в 10 % примеров: F1=600–650 Гц, F2=1600–2200 Гц — *н*['е́]*мец*, *(по) воскр*['ис'е́]*ньям*, [уб'jе́]*ть.*

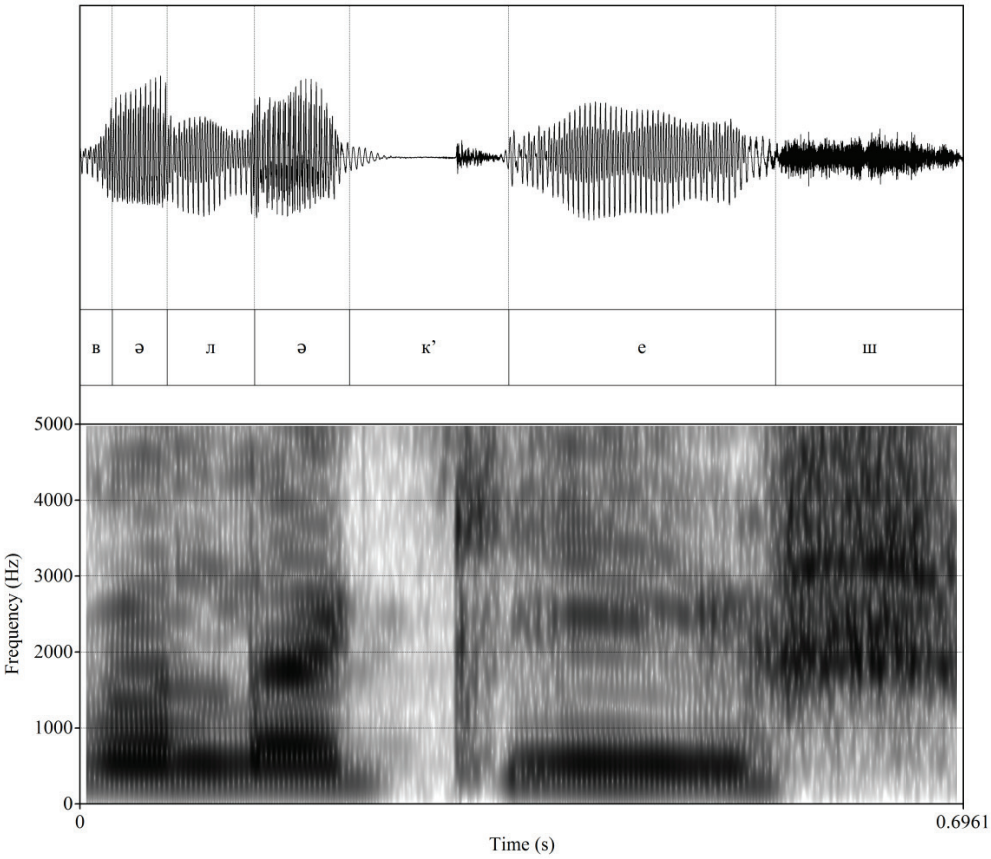


Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма словоформы *вол*[эк’е]*шь:* [е] — F1=479 Гц, F2=2414 Гц *(с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)*

В этой позиции возможно произнесение дифтонга [и͡е]: F1=350–500 Гц, F2=2400–2700 Гц; F1=450–500 Гц, F2=2100–2500 Гц — *д*['и͡е]*ньги*, *теп*[’и͡е]*рь*; а также монофтонга [и]: F1=380–450 Гц, F2=2500–2700 Гц: *с*[ас'и́]*ди*, *д*['и́]*нь*, [пэ д’и́]*сять.*

По всей видимости, ранее в говоре существовало типичное противопоставление фонем /ѣ/ и /е/: эти фонемы, как и в древнерусском языке, реализовывались разными дифтонгами: фонема /ѣ/ реализовывалась дифтонгом [и͡е], а /е/ — дифтонгом [е͡и] [Касаткин 1999: 388]. Оба эти дифтонга можно наблюдать в говоре и сейчас: [и͡е] остается основной реализацией фонемы /ѣ/, [е͡и] отмечается редко, в определенных словах и формах слов. Таким образом, процесс монофтонгизации в первую очередь и в большей степени затронул реализации фонемы /е/, которая преимущественно представлена различными монофтонгами. Фонема /ѣ/ в большинстве случаев сохраняет дифтонгичные реализации. Следовательно, на данном этапе эти фонемы различаются за счет противопоставления одно- и двукомпонентных звуков. Возможны случаи пересечения, совпадения реализаций /ѣ/ и /е/ в звуке [е]. Кроме этого, на месте /е/ можно отметить

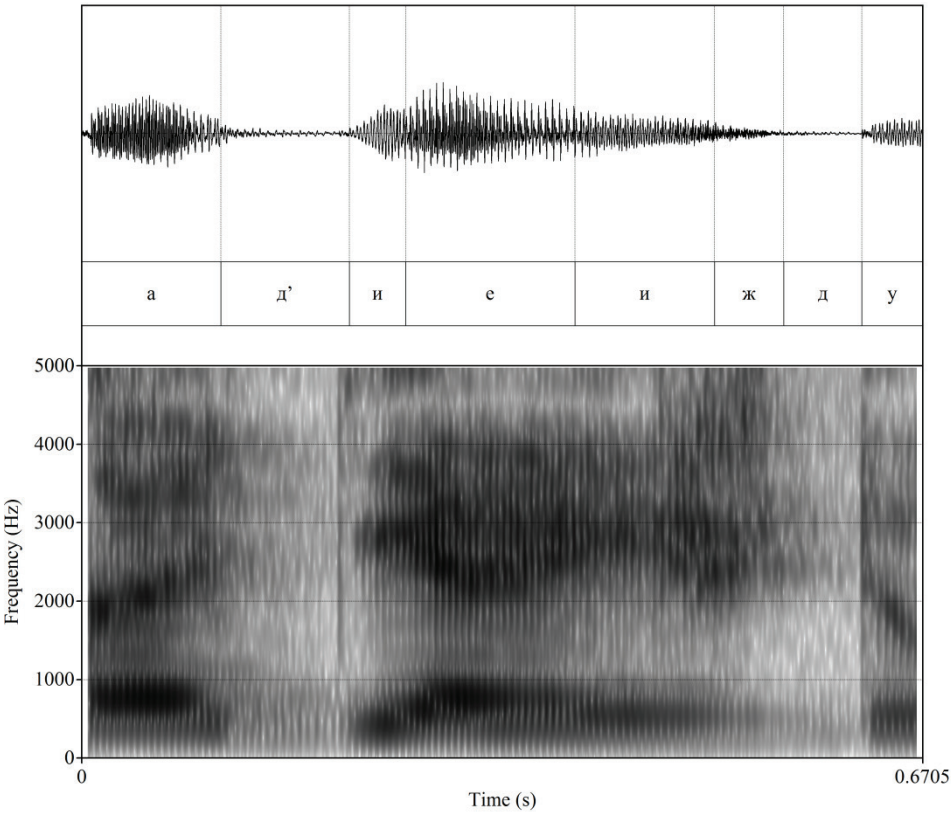


Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма словоформы [ад’е͡и]*жду:* [е͡и] — F1=731 Гц, F2=2275 Гц (первая часть); F1=516 Гц, F2=2629 Гц (вторая часть) *(с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)*

случаи произнесения [ɛ], пониженный подъем которого может создать условия для противопоставления данных фонем по признаку подъема, как это происходит в случае с /о/ и /ω/. Иначе говоря, в говоре отмечается тенденция к симметричности отношений между основными реализациями гласных фонем среднего подъема.

Нужно также отметить, что различение /ѣ/ и /е/ поддерживается характером согласного звука: перед /е/ согласный произносится с иной степенью смягчения, не так, как перед /ѣ/. Поскольку начальный переходный элемент гласного отсутствует, или крайне мал, согласный на слух воспринимается как твердый. Перед /ѣ/ всегда произносится мягкий согласный, и первая *и*-образная часть дифтонга составляет 40–60 % от общей длительности звука.

4. Реализация фонемы /ω/

Иначе, чем противопоставление /ѣ/ и /е/, реализуется противопоставление фонем /о/ и /ω/. На месте /ω/ перед твердыми согласными в говоре с. Солдатское

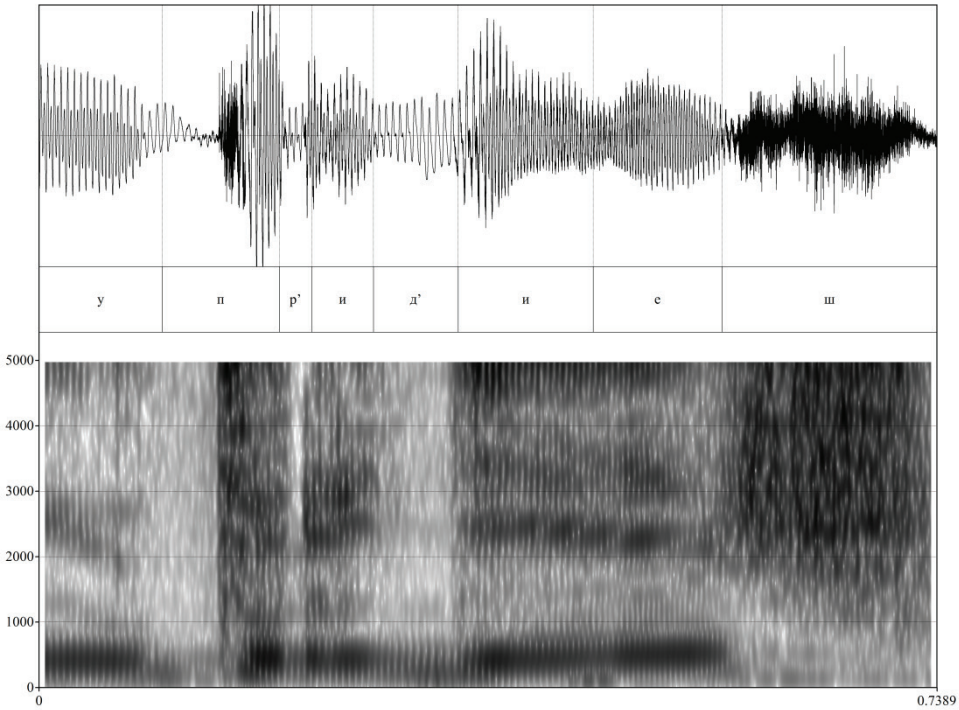


Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма словоформы *упр*[’ид’и͡е]*ишь:* [и͡е] — F1=384 Гц, F2=2404 Гц (первая часть); F1=468 Гц, F2=2292 Гц (вторая часть) *(с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)*

возможно произнесение звуков разного типа. Это могут быть дифтонги, которые наблюдаются чаще в позиции после губных или заднеязычных согласных (Рис. 6):

[у͡о]: F1=400–550 Гц, F2=750–1300 Гц; F1=550–600 Гц, F2=1100–1800 Гц — *в*[у͡о]*дка*, *п*[у͡о]*стный*, *к*[у͡о]*шка*;

[у́ɔ]: F1=450–500 Гц, F2=900–1300 Гц; F1=650–750 Гц, F2=1300–1600 Гц — *дв*[у́ɔ]*р*, с['алу͡ɔ];

[о͡ᵒ̯]: F1=500–600 Гц, F2=950–1600 Гц; F1=600–750 Гц, F2=900–1700 Гц: *дуб*[о͡ɔ]*вые*, *с*[ало͡ɔ]*мою*, *с*['ало͡ɔ];

Однако в 60 % случаев в соответствии с /ω/ произносится монофтонг, чаще всего — это [о]:

[о]: F1=450–600 Гц, F2=1100–1600 Гц — *д*[убо́]*вые, р*[або́]*тал*, *н*[а ро́]*дину*;

[ɔ]: F1=600–700 Гц, F2=1650–1750 Гц — *в*[ас'мɔ́]*го, дор*[агɔ́]*й, с*[аснɔ́]*вые*;

[у]: F1=450–500 Гц, F2=900–110 Гц — *с*[убу́]*тний, в*[ас’му́]*го*, *к*[ару́]*бочках* (монофтонг [у] встречается очень редко, преимущественно в позиции после губных согласных или между ними).

В позиции перед мягкими согласными произнесение дифтонга отмечается реже: всего в 18 % от общего количества примеров, также преимущественно после

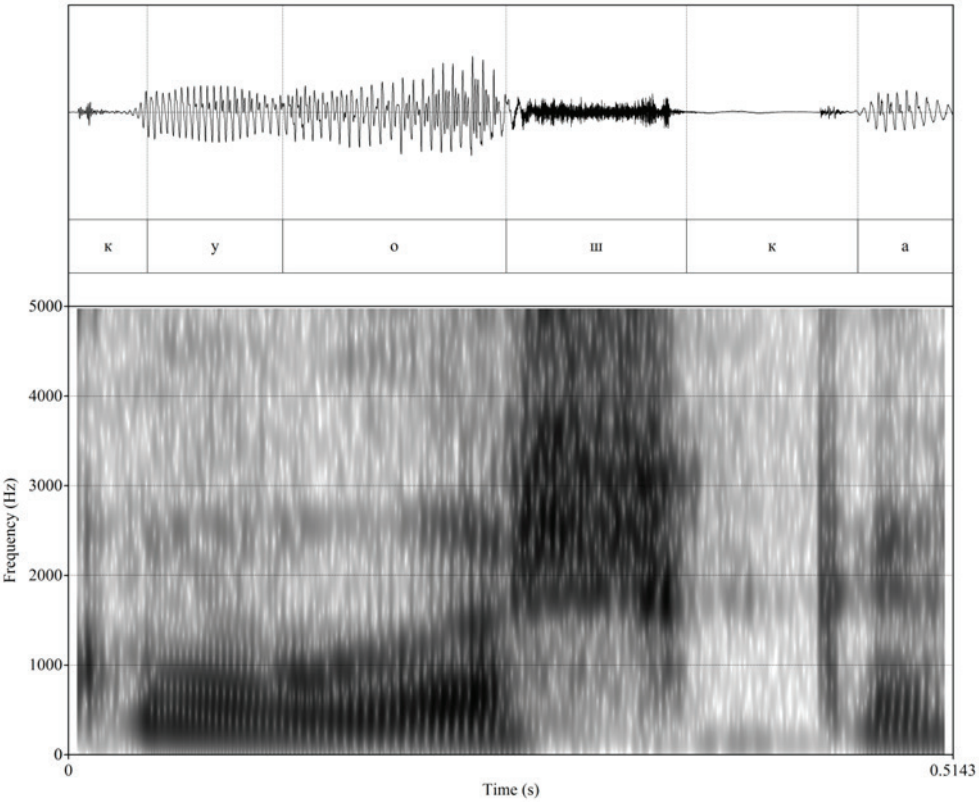


Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма словоформы *к*[у͡о]*шка*: [у͡о] — F1=455 Гц, F2=794 Гц (первая часть); F1=611 Гц, F2=1043 Гц (вторая часть) (*с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.*)

губных или заднеязычных согласных, чаще произносятся монофтонги: в 64 % случаев это звук [о], реже — [ɔ] и [у].

[у͡о]: F1=450–500 Гц, F2=900–1300 Гц; F1=550–600 Гц, F2=1350–1500 Гц — *б*[у͡о]*льше*, *з*[аху͡о]*дишь*;

[о]: F1=450–550 Гц, F2=1000–1300 Гц — *к*[ạро́]*вьим*, *б*[о́]*льше*;

[ɔ]: F1=600–700 Гц, F2–850–1400 Гц — *к*[ạрɔ́]*вьим*, *мн*[ɔ́]*й*;

[у]: F1=450–500 Гц, F2=900–1100 Гц: [исту́]*пишь* (встречается в единичных случаях).

5. Реализация фонемы /о/

Фонема /о/ всегда реализуется монофтонгами: в 70 % примеров отмечен гласный пониженного подъема [ɔ], случаи произнесения [о] среднего подъема составляют 30 % случаев (рис. 7). Дифтонги на месте /о/ отмечены не были.

[ɔ]: F1=600–800 Гц, F2=1100–1500 Гц — *г*[ɔ́]*лод*, *п*['ишкɔ́]*м*, *с отц*[ɔ́]*м*;

[о]: F1=500–600 Гц, F2=1100–1600 Гц — *пл*[о́]*тников*, *кр*[ужо́]*к*.

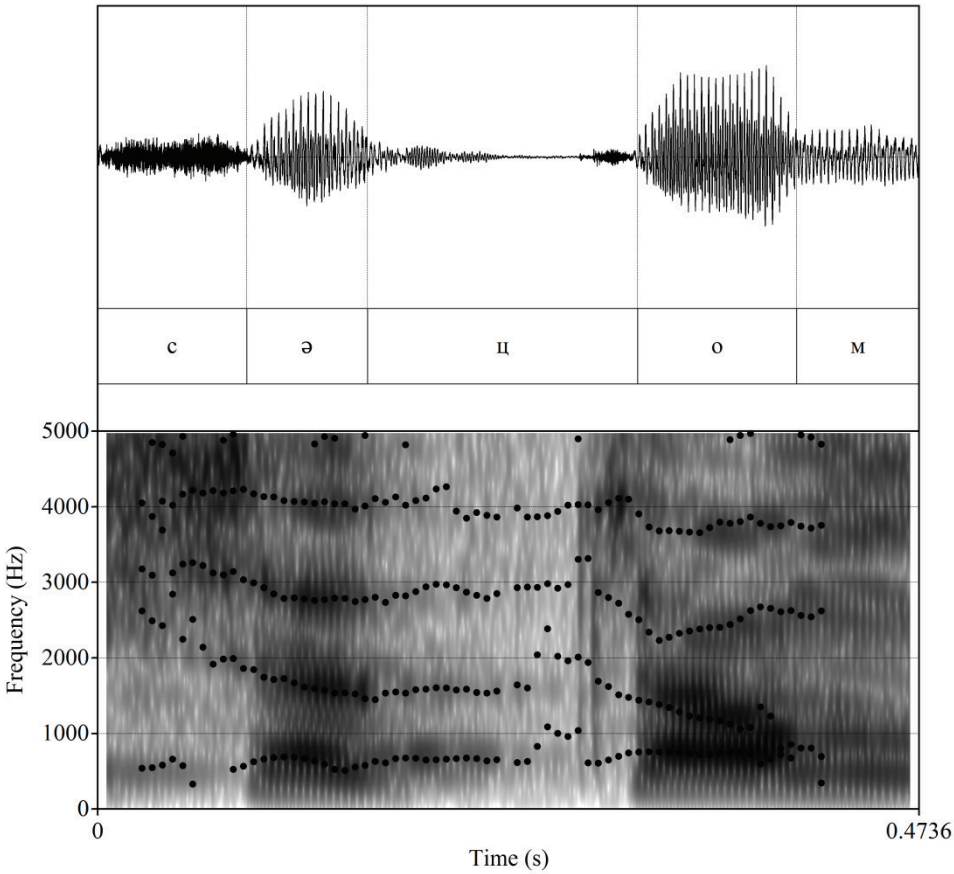


Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма формы *с* [əцɔ]*м*: [ɔ] — F1=748 Гц, F2=1495 Гц->1160 *(с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)*

В позиции перед мягкими согласными наблюдаются те же звуки с несколько меньшим значением F1:

[ɔ]: F1=600–750 Гц, F2=1100–1500 Гц — н[ɔ́]*чью*, *д*[ɔ́]*чери*, *с*[ɔ́]*лью*;

[о]: F1=450–600 Гц, F2=1100–1600 Гц — уг[əло́]*чку*, *п*[о́]*ле*, *т*[о́]*чки.*

Считается, что в прошлом фонемы /ω/ и /о/ реализовывались нисходящими и восходящими дифтонгами [y͡ò] и [ó͡y] [Касаткин 1999: 388]. В говоре с. Солдатское дифтонги встречаются только на месте фонемы /ω/: в 40 % случаев и только в позициях после губных и заднеязычных согласных. Фонемы /о/ и /ω/ могут реализовываться одним звуком [о], что, по всей видимости, является причиной распространения [а] в 1-м предударном слоге после мягкого согласного у существительных ср.р в форме Т. п. ед.ч.: такое произнесение, наряду с обычным для обоянского яканья [и] в этих формах, отмечается как в материалах ДАРЯ, так и в аудиозаписях. Однако противопоставление /ω/ и /о/ продолжает существовать в говоре, аллофоны этих фонем противопоставляются по признаку подъема: [ɔ] средне-нижнего

подъема произносится в соответствии с /о/ в 70% случаев, тогда как в соответствии с /ω/ звук [ɔ] наблюдается лишь в 11% случаев. Широкая артикуляционная база говора (наличие звуков пониженного подъема) позволяет различать под ударением звуки [о] и [ɔ] [Савинов 2012: 51].

Следует отметить, что, как и в случае с противопоставлением /е/ и /ѣ/, характер коартикуляции гласного и предшествующего согласного в случае двух [о] также различается: перед аллофонами /ω/ произносится огубленный согласный, что обычно хорошо видно на спектрограмме: присутствует *у*-образный начальный переходный элемент (рис. 6). У аллофонов /о/ начальный переходный элемент, как правило, отсутствует, либо, в позиции после губных согласных, крайне мал.

6. Реализация фонем верхнего подъема

Фонемы верхнего подъема также представлены звуками более нижнего образования по сравнению с литературным языком.

Звук [и] под ударением в говоре с. Солдатского имеет следующие характеристики: F1=350–550 Гц, F2=2200–2900 Гц: *веч*[’ар’и́]*нки*, *маг*[ази́]*н*, *б*[’и́]*тых*; перед мягким согласным изменения незначительны: F1=300–500 Гц, F2=2300–2900 Гц: *х*[ад’и́]*ли*, *гов*[ар’и́]*ть*, *р*[ад’и́]*тели.*

Звук [ы] характеризуется F1=400–550 Гц, F2=1700–2400 Гц: *в*[ы́]*ход*, *сл*[ажы́]*л*, *с*[ы́]*н*; перед мягким согласным значение F2 несколько выше: F1=400–500 Гц, F2=1900–2600 Гц: *ж*[ы́]*ли*, *п*[ạмы́]*ть*, *в*[ы́]*мя.*

Фонема [у] в говоре с. Солдатского в позиции между твердыми согласными представлена звуками со следующими характеристиками: F1=420–600 Гц, F2=800–1200 Гц, [иγру́]*шка*, *д*[у́]*б*, *гр*[у́]*бка*; перед мягкими согласными — F1=400–550 Гц, F2=900–1500 Гц: *п*[аи̯ду́]*ть*, *к*[у́]*пишь*, *неблагоп*[алу́]*чно.* В позиции после мягкого согласного: F1=400–500 Гц, F2=1100–1600 Гц: *д*[’у́]*же*, [jу́]*бки*, в данном случае есть *и*-образный начальный переходный элемент длительностью от 15 до 40% от общей длительности звука; между мягкими согласными — F1=350–500 Гц, F2=1100–1600 Гц: *к*[ạстр’у]*лям*, *ч*[’у́]*ни.*

Фонемы верхнего подъема по своим характеристикам совпадают с первой частью дифтонгов, реализующих фонемы верхне-среднего и среднего подъемов.

Таблица 1

Звукотипы, реализующие фонемы верхне-среднего и среднего подъёмов

/ѣ/							/е/						
[и͡е]	[и͡е4]	[е͡е4]	[е]	[и͡е]	[е]	[и]	[и͡е]	[е]	[ɛ]	[и͡е]	[е]	[ɛ]	[и]
46%	7%	27%	20%	34%	43%	23%	5%	80%	15%	8%	74%	10%	8%
C’VC				C’VC’			C’VC				C’VC’		

/ω/									/о/			
[у͡о]	[у͡э]	[о͡э]	[о]	[ɔ]	[у]	[у͡о]	[о]	[ɔ]	[ɔ]	[о]	[ɔ]	[о]
12%	8%	11%	54%	11%	4%	18%	64%	18%	70%	30%	50%	50%
CVC						CVC’			CVC		CVC’	

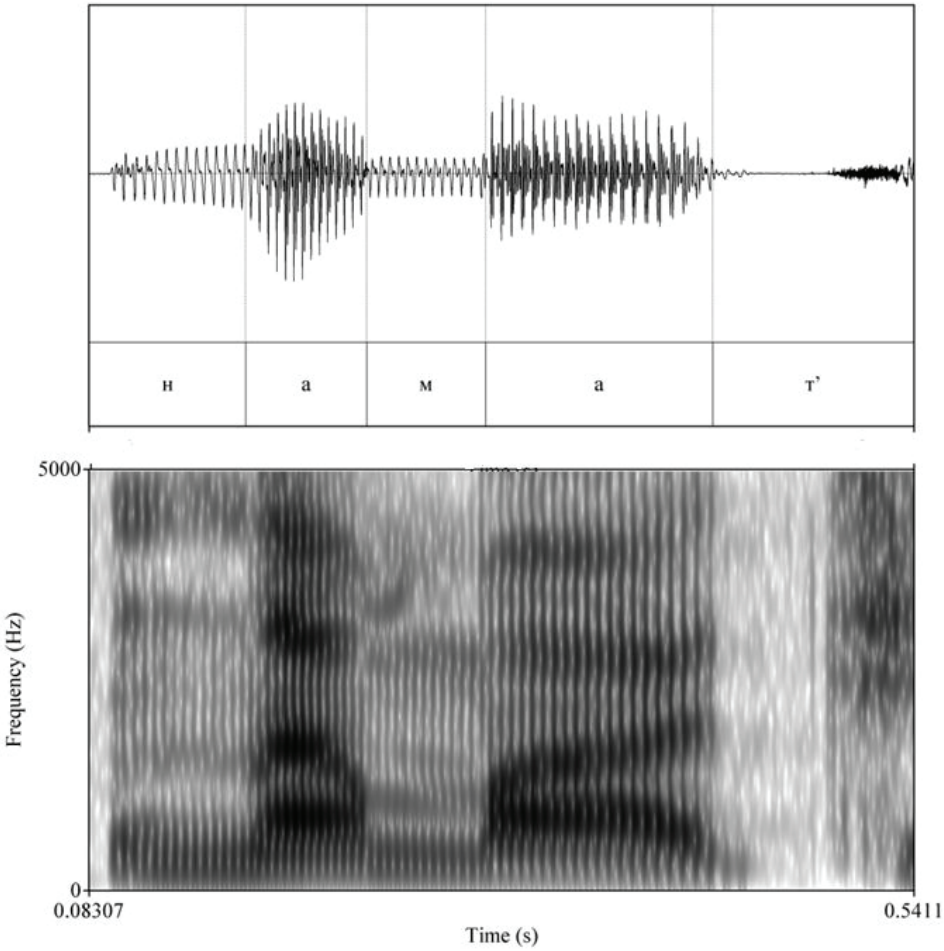


Рис. 8. Осцилограмма и спектрограмма словоформы *н*[а ма́]*ть:* F1=814 Гц, F2=1713 Гц (ударный гласный); F1= 843 Гц, F2=1595 Гц (гласный 1-го предударного слога)

7. В говоре с. Солдатское последовательно сохраняется архаическое аканье и яканье обоянского типа. Случаи распространения [а] в 1-м предударном слоге переду ударными гласными среднего и нижнего подъемов немногочисленны. Во всех случаях такого произнесения так или иначе отмечается диссимиляция ударного и безударного звуков. В ряде случаев это может быть противопоставление [а] повышенного подъема и [а] пониженного подъема (*б*[аγа̣́]*тая*, *с*[асна̣́]), в других — сохраняется противопоставление двух [а] по признаку долготы/краткости: длительность ударного гласного [а] практически всегда превышает длительность звука [а] в 1-м предударном слоге. На рис. 8 представлена осциллограмма и спектрограмма словоформы *н*[а ма́]*ть*: F1=814 Гц, F2=1713 Гц (ударный звук); F1=843 Гц, F2=1595 Гц (звук в 1-м предударном слоге). Несмотря на то что по качеству звуки практически совпадают, по длительности они противопоставлены:

в 1-м предударном слоге длительность звука [а] = 0,059 с, длительность ударного [а] = 0,124 с, то есть длительность ударного вдвое больше, чем гласного перед ним.

Таким образом, в говоре с. Солдатского сохраняется различение фонем верхне-среднего и среднего подъемов: фонемы /ѣ/ и /е/ в большинстве случаев противопоставлены как дифтонг и монофтонг, а фонемы /о/ и /ω/ — по признаку подъема (широкая артикуляционная база гласных говора дает возможность различать [о] среднего подъема и [ɔ]). В обоих случаях для различения данных фонем также имеет значение качество предшествующего согласного и характер коартикуляции этих звуков. Семифонемный вокализм является необходимым условием для стабильного сохранения диссимилятивного аканья и яканья в говоре.

В материалах ДАРЯ представлены сведения о говорах с последовательно проводимыми архаическими типами вокализма, в которых отсутствуют следы различения семи фонем под ударением. Очевидно, что не каждый собиратель мог на слух установить отличия в произношении гласных среднего подъема разного происхождения, поэтому К. Ф. Захарова, высказывает предположение, что для таких говоров «отсутствие указаний на наличие семи фонем или их элементов становится недостоверным» [Захарова 1959: 22]. Представленный инструментальный анализ гласных одного из таких говоров — с. Солдатское — подтверждает данное предположение: различение семи фонем в говоре в целом прослеживается, несмотря на то что как /о/ и /ω/, так и, реже, /ѣ/ и /е/ могут реализовываться одним звуком. По всей видимости, это совпадение является причиной появления немногочисленных отступлений в системе архаического вокализма. Морфологический фактор может сдерживать появление нехарактерных для архаического типа гласных в 1-м предударном слоге в ряде грамматических форм, или, напротив, приводит к изменениям, грамматическим выравниваниям, однако основная причина появления отступлений в данном говоре — фонетическая: существование архаического вокализма в «чистом» виде невозможно без различения семи фонем.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. 336 с.

Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах (экспериментально-фонетическое исследование). Казань, 1980. 112 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. 175 с.

Дьяченко С. В. Ударные гласные южнорусского говора: качественная характеристика // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12. Диалектология / Отв. ред. О. Е. Кармакова. М., 2017. С. 11–35.

Захарова К. Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 1. М., 1959. С.6–55.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. 526 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2014. 272 с.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. М., 2011. 430 с.

Савинов Д. М. Многофакторный анализ систем предударного вокализма в южнорусских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 5. С. 15–25.

Савинов Д. М. О причинах эволюции систем предударного вокализма в южнорусских говорах // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 45–60.

Савинов Д. М. Пути развития архаических типов вокализма в южнорусских говорах // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 103–119.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В. Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифонемным вокализмом: основы, содержащие *е*-образные фонемы // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20. Москва, 2018. С. 36–67.

Elena V. Korpechkova
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)
lelene@yandex.ru

THE SYSTEM OF STRESSED VOWELS OF ONE SOUTH RUSSIAN DIALECT WITH ARCHAIC VOCALISM (INSTRUMENTAL-PHONETIC RESEARCH)

The paper presents the instrumental and phonetic characteristics of stressed vowels of the dialect of Soldatskoe of the Starooskol district of the Belgorod region, in which archaic akan'ye and ykan'ye of the Oboyan type are observed with a seven-phonemic percussive vocalism, there are few cases of deviations. Possible realizations of all phonemes, methods of opposing phonemes of upper-middle and middle ascents are considered. In the dialect of the Soldatskoe, the phonemes / ѣ / and / е / in most cases are opposed as a diphthong and monophthong, and the phonemes / о / and / ω / are ascending (the wide articulatory base of the vowels of the dialect makes it possible to distinguish between [о] medium ascent and [ɔ]), the distinction between the corresponding phonemes is also supported by the quality of the preceding consonant. Both the phonemes / о / and / ω /, and, less often, / ѣ / and / е / can coincide in the dialect in the same allophone, in this case the archaic dissimilative model can be preserved due to the ratio of the duration of the stressed vowel and vowel in the 1st pre-stressed syllable. Seven phonemes vocalism is a prerequisite for the existence of dissimilative acan'ye and yakan'ye in the dialect: the morphological factor can restrain the appearance of vowels uncharacteristic for the archaic type in the 1st pre-stressed syllable in a number of grammatical forms, or,

on the contrary, provide some changes, however, the main reason for the appearance of deviations is phonetic : the existence of archaic vocalism is impossible in dialects without distinguishing seven phonemes.

Key words: dialect phonetics, South Russian dialect, percussive vocalism, archaic dissimilative acan'ye, Oboyan' dissimilative yakan'ye

References

Al'mukhamedova Z. M., Kul'sharipova R. E. Reduktsiya glasnykh i prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie). [Vowel reduction and word prosody in Russian dialects with okanye (experimental-phonetic study)] Kazan', 1980. 112 p. (In Russ.)

Avanesov R. I. Ocherki russkoi dialektologii. Chact' 1 [Essays on the Russian dialectology. Part 1]. Moscow: Uchpedgiz, 1949. 336 p. (In Russ.)

Bondarko L. V. Zvukovoi stroi sovremennogo russkogo yazyka [Sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 175 p. (In Russ.)

D'yachenko S. V. [Stress vowels of the South Russian dialect: a qualitative characteristic]// *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Vyp. 12. Dialektologiya / Otv. red. O. E. Karmakova*, 2017, no. 12, pp. 11–35. (In Russ.)

Kasatkin L. L. Sovremennaia russkaia dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istochnik dlia istorii russkogo iazyka [Modern Russian dialectal and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 528 p. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkii yazyk. Fonetika.* [Modern Russian language. Phonetics] M., 2014, 272 p. (In Russ.)

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov.* [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and spelling: Textbook for universities.] M., 2011, 430 p. (In Russ.)

Savinov D. M. [Multivariate analysis of pre-shock vocalism systems in southern Russian dialects] // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2010, T. 69, no 5, pp. 15–25. (In Russ.)

Savinov D. M. [On the reasons for the evolution of pre-stressed vocalism systems in southern Russian dialects] // Voprosy yazykoznaniya. 2012, no. 2, pp. 45–60. (In Russ.)

Savinov D. M. [Ways of development of archaic types of vocalism in southern Russian dialects] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii, 2010, no. 2 (20), pp. 103–119. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., D'yachenko S. V. [Phonetics of borrowings and borrowed phonetics in the Russian dialect with seven-phonemic vocalism: the basics containing e-shaped phonemes] // Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Moskva, 2018, no. 19–20, pp. 36–67. (In Russ.)

Zakharova K. F. [Archaic types of dissimilative vocalism in the dialects of the Belgorod and Voronezh regions] *// Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii. Novaya seriya*, 1959, no. 1, pp. 6–55. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Д. М. Савинов
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
crillon@yandex.ru

НОРМА — УЗУС –СИСТЕМА **В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена рассмотрению понятий «норма», «узус» и «система» в русском диалектном языке. В статье показано, что в говорах узус, представляющий собой совокупность реальных употреблений языка, по сути равен норме. Диалектная норма представляет собой единство реализованных возможностей системы и является важным фактором, определяющим целостность территориального диалекта и его системность: тот или иной языковой элемент может быть определен как часть системы только в контексте его узуального применения, с учетом статистики его конкретных употреблений в речи диалектоносителей. Таким образом, при описании диалектных систем на первый план выходит не соотношение «норма — узус» (как в литературном языке), а соотношение «узус (=норма) — система». Определение параметров конкретной частной диалектной системы обязательно предполагает адекватную структурную интерпретацию конкретных речевых фактов, определение внутренней обусловленности и взаимосвязанности всех языковых элементов.

Ключевые слова: норма, узус, система, диалектный язык, вокализм

1. Соотношение нормы и речевого узуса в русском языке не раз становилось объектом рассмотрения лингвистов. Однако само понятие «норма» трактовалось учеными неоднозначно. Существует узкое и широкое понимание этого термина. Большинство авторов трактуют норму как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Вербицкая 2001: 15]. При таком подходе понятие «норма» обычно неразрывно связано с понятием литературного языка, основным признаком которого является нормированность; именно поэтому многие отечественные лингвисты (Л. А. Вербицкая, К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, Л. И. Скворцов, Е. Н. Ширяев и др.) при определении языковой нормы предпочитают говорить именно о литературном языке, то есть используют этот термин в узком смысле.

Кодификация для литературного языка чрезвычайно важна, потому что, имея, как правило, императивный характер, она обеспечивает большую устойчивость нормы, предотвращает ее стихийное изменение. «Территориальные диалекты, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина» [Крысин 2017: 22].

Однако существует и другой подход к определению термина «норма»: в широком смысле норма — «это стихийно сложившиеся в узусе способы речи, характеризующие данную разновидность языка» [Шмелев 2020: 398]. В этом случае термин «норма» может быть применим и к другим разновидностям национального языка, в частности, к диалектам. Подобный подход к понятию «норма» восходит к идеям Пражского лингвистического кружка [Гавранек 1960].

Таким образом, в диалектных подсистемах национального языка функционируют узуальные нормы: эти «нелитературные» нормы состоят из общепринятых, устоявшихся способов использования местной языковой системы, они не фиксируются письменно и не кодифицируются. В диалектах узус, представляющий собой совокупность реальных употреблений языка, по сути равен норме: «Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины “узус” и “норма” безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов» [Крысин 2017: 22]. В литературном языке *узус* и *норма* в разные периоды времени могут соотноситься по-разному, но обычно полностью никогда не совпадают: узус практически всегда оказывается шире нормы.

Нормы, принятые в конкретной диалектной системе, могут по-разному соотноситься с соответствующим литературным стандартом. Во многих случаях в диалектной речи можно обнаружить такие языковые нормы, которые уже вышли из употребления в системе литературного языка: «Отдельные частные диалектные системы, равно как соотносительные, территориально варьирующиеся элементы их структуры <…>, выстроенные в один ряд, сосуществуя на территории, в то же время представляют собой именно историю языка в ее пространственной проекции» [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 24]. В качестве примеров подобных отличий можно привести сохранение в части диалектных систем особой фонемы /ѣ/, противопоставленной /е/; отсутствие в севернорусских говорах нейтрализации фонем /о/ и /а/ в безударных слогах; наличие в части говоров еканья (эканья), которое исчезло в литературном языке еще в первой половине XX в., и др.

Однако далеко не всегда диалекты «сохраняют устаревшие языковые особенности, характеризующие период, предшествующий созданию литературного общенационального языка» [Вербицкая 2001: 9]. В ряде случаев диалектная норма является инновацией по отношению к соответствующему явлению литературного идиома, сохраняющего более архаическое языковое состояние. Это происходит потому, что диалекты некодифицированы, их развитие не сдерживается рамками правил и предписаний, как в литературном языке. Отсутствие кодификации

диалектных норм определяет их высокую динамичность, способствует реализации в речевом узусе различных потенциальных возможностей языковой системы.

Так, во многих русских акающих говорах наблюдается системное включение в структуру неразличения безударных гласных фонем /у/ и /и/, находящихся в безударных слогах (кроме 1-го предударного) после твердых согласных: *кəкуру́за*, *сəндук'и́*, *мəжык'и́*, *хва́ртəк* (фартук), *за́мəш*, *о́тпəск*; *сəнавйа́*, *рəбак'и́*, *вəсако́*, *у н'е́хтərəх* (у некоторых), *скра́снəм'и*, *вырəл* и т. д. [Касаткин 1999: 483–484]. В литературном языке также отмечается качественная редукция фонем /у/ и /и/ в этой позиции [Лихтман 1999; Касаткин 2014: 201–203; Скачедубова 2019], однако редуцированный гласный фиксируется здесь только в отдельных словах, а его появление зависит от определенных сегментных или просодических факторов (положение по отношению к ударению, качество гласного в следующем/предыдущем слоге, сильная/слабая просодическая позиция и др.). В некоторых орфоэпических источниках подобное произношение не признается нормативным: например, Р. И. Аванесов не рекомендует произношение [ъ] на месте /и/ и /у/ типа «[пъл'цы^{ə}во́i9] (*пальцевой* и *пыльцевой*), [бърÃво́i9] (*боровой* и *буровой*), [ф-ста́ръи] и [к-ста́ръм] (*к старым*)» [Аванесов 1984: 59].Кроме того, сами качественные изменения гласных, реализующих фонемы /и/ и /у/ в безударных слогах, в русском литературном языке «нерегулярны и слабо выражены» [Вербицкая 2001: 73].

В качестве другого примера можно привести процесс унификации типов склонения существительных во мн. ч., который привел «к утрате родовых различий и формированию специфического показателя множественности *-а* в формах Д. мн., Т. мн. и М. мн., а также отчасти И.-В. мн.» [Шульга 2017: 92]. В современном литературном языке в И.-В. п. существительных муж.р. образование форм на *-а́* достаточно продуктивно: в одних случаях подобные формы прочно закрепились в литературном языке (*адреса́*, *веера́* и др.); в других случаях форма на *-а́* является вариативной и употребляется преимущественно в разговорной или профессиональной речи (*бампера́*, *дизеля*ⓐ); наконец, в ряде случаев формы на-*а́* характеризуют просторечие и находятся за пределами литературной нормы (например: *инженера́, выговора́* и др.) [Шведова (ред.) 1980: 497–498].

Во многих же южнорусских говорах (кроме юго-западных) окончание *-а́* широко распространено не только у существительных муж. и ср. р., оно возможно и у существительных жен.р., преимущественно с основой на мягкий согласный: *деревня*ⓐ, *лошадя*ⓐ, *матеря*ⓐ, *яблоня*ⓐ и др. [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 114; Касаткин (ред.) 2012: 136]. Таким образом, тенденция к преодолению остатков старых родовых различий во мн. ч. в этих говорах проведена более последовательно, чем в литературном языке[1].

[1] В ряде говоров, прежде всего в южнорусских, наблюдается утрата родовых различий и в Р.п. мн.ч.: флексия *-ов* распространяется на существительные жен. и ср. р. и становится в этой форме по сути единственным окончанием: *дело́в*, *место́в*, *озеро́в*, *ба́бов*, *сва́дьбов*, *ба́нев* и т. д. [Касаткин (ред.) 2012: 137].

2. Такой подход, при котором норма рассматривается как категория собственно лингвистическая, свойственная любой языковой системе (в том числе и диалектам), имеет в настоящее время достаточно широкое распространение, см. [Загоровская 2011]. Диалектная норма, в отличие от литературного стандарта, не культивируется; она развивается стихийно, характеризуется широтой и большей динамичностью и представляет собой «единство реализованных возможностей системы», формирующих ее в «нечто единое и самодовлеющее» [Оссовецкий 1982: 65–66].

Диалектная норма в изложенном выше понимании является важным фактором, определяющим целостность территориального диалекта и его системность: тот или иной языковой элемент может быть определен как часть системы только в контексте его узуального применения, с учетом статистики его конкретных употреблений в речи диалектоносителей. Таким образом, при описании диалектных систем на первый план выходит не соотношение «норма — узус» (как в литературном языке), а соотношение «узус (=норма) — система».

Впрочем, для русского литературного языка также «полезно различать <…> три сущности: систему, норму и узус» [Крысин 2017: 22–23]: языковая система постепенно воздействует на речевой узус, а норма уже обновляется через узуальные инновации. Примеры несовпадения системных возможностей, нормативных предписаний и речевой практики многочисленны и разнообразны. Например, с одной стороны, узуальные инновации, фиксирующиеся в акцентной парадигме глаголов непродуктивных классов в форме прошедшего времени, являются реализацией потенциальных возможностей языковой системы; с другой стороны, речевой узус предстает своеобразным ограничителем употребления тех или иных языковых единиц и не может претендовать на полную реализацию потенциала языковой системы. Иначе говоря, «в литературном языке не только понятие “узус” всегда шире понятия “норма”, но и возможности языковой системы всегда шире речевого узуса» [Савинов, Скачедубова, Сомова 2020: 28].

Для диалекта проблема соотношения узуса и языковой системы имеет важнейшее значение: определение параметров конкретной частной диалектной системы обязательно предполагает адекватную структурную интерпретацию конкретных речевых фактов, определение внутренней обусловленности и взаимосвязанности всех языковых элементов. Причем подобный анализ должен учитывать все элементы соответствующей системы (или подсистемы). Отсутствие комплексного исследования, описание лишь отдельных звеньев системы значительно снижают надежность полученных выводов, а полученный результат (описание гипотетической частной диалектной системы или ее части) может не соответствовать реальной картине, представленной в конкретном диалектном узусе.

Особенно остро проблема соотношения узуса и системы стоит при исследовании и описании систем ударного вокализма в архаических русских говорах, где сохраняется различение семи гласных фонем: отмечается четыре фонемы некрайних подъемов /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Структурная интерпретация конкретной архаической системы вокализма зачастую оказывается осложнена тем фактом, что в современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма

никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы <...>. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» [Панов (ред.)1968, кн. 4: 189]. Язык конкретного говора «нельзя представлять себе как нечто однородное»: «в языковом отношении современная деревня характеризуется весьма глубокой языковой дифференциацией, большой пестротой» [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 23]. Эти подсистемы функционируют в одном языковом пространстве, связаны между собой и образуют в совокупности одну сложную частную диалектную систему.

Очевидно, что узус (норма) в этом случае конкретизируется в комплексе относительно равноправных вариантов. Соотношение между частотностью и дистрибуцией этих вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых. При этом ни один из членов соотносительной пары может не совпадать с литературной нормой: существование звуковых вариантов, которые воплощают одну и ту же языковую единицу, в ряде случаев обусловлено общим вектором языкового развития, имеющего диалектную специфику.

Так, не всегда можно однозначно интерпретировать разнообразие гласных образований на месте этимологических /ѣ/ и /ѡ/, /е/ и /о/, фиксируемых в различных диалектных системах. **Во-первых**, звуки [и͡е], [ę], [е] и [у͡о], [ǫ], [о] в соответствии с фонемами верхне-среднего подъема «могут быть соотнесены и с одной фонологической системой, где вокалическая вариативность может быть объяснена различиями во фразовых позициях, и с различными фонологическими системами — архаической и новой», где реализации /ѣ/ и /ѡ/ как [е] и [о] представляют новую систему, в то время как [и͡е], [ę], [у͡о], [ǫ] — «остатки архаических отношений, и должны быть рассмотрены в рамках более сложной, чем новая, системы вокализма» [Касаткина (ред.) 1991: 19–20].

В этом случае выявление звукотипов на месте фонем некрайних подъемов и их адекватная интерпретация могут производиться только на статистически значимом материале, собранном в разных возрастных группах, и учитывать качество реализаций всех фонем некрайних подъемов: не только /ѣ/ и /ѡ/, но также и /е/ и /о/. Подобный подход представлен, например, в исследовании Й. М. Ваахтеры [2009], описывающем вокализм говора д. Качалово Грязовецкого р-на Вологодской обл. Подробно изучив речь представителей различных возрастных групп, автор пришел к выводу, что в рассматриваемом говоре «наблюдается переход от шестифонемного вокализма к гласных к пятифонемному <…>. В старом, вымершем пласте говора безо всяких сомнений различаются фонемы /ê/ и /е/<…>. В новом пласте говора отмечаются следы различения диафонем /ê/ и /е/, но они совпали в одной фонеме /е/» [Ваахтера 2009: 288].

Однако в большинстве диалектологических работ, включая исследования фонетической тематики, авторы, фиксируя особые реализации фонем верхне-среднего подъема, не обращают внимания на аллофоны /о/ и /е/. Подобный подход снижает достоверность общих фонологических построений авторов, приводит к ошибочным выводам относительно устройства вокалической системы в целом. Например, в звучащей хрестоматии «Вятские говоры» утверждается, что говору д. Южаки Верхнекамского р-на Кировской обл. «присущ семифонемный состав гласных». Фонема /ѣ/ перед твердыми согласными реализуется в гласном верхне-среднего подъема [ę], перед мягкими согласными — в гласном [и]; фонема /ω/ представлена гласным верхне-среднего подъема [ǫ] [Мошкина 1999: 92]. Однако комплексный анализ, проведенный Т. Н. Коробейниковой и основанный на статистически значимом материале, показал, что в местном говоре (во всяком случае в его инновативном варианте) отсутствует противопоставление /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/, а различные звукотипы, ранее представлявшие одну из этих фонем, в синхронной системе вокализма стали аллофонами новых “обобщенных” фонем /о/ и /е/; гласный [и], ранее реализовавший фонему /ѣ/ перед мягкими согласными, на современном этапе является репрезентантом фонемы /и/ [Коробейникова 2015: 310].

Во-вторых, широкое распространение в каком-либо говоре звукотипов [ǫ], [ę] или [ɔ], [ɛ] вовсе не доказывает наличия в нем семи гласных фонем: известны такие пятифонемные системы вокализма, для которых характерна локализация гласных, реализующих фонемы /о/ и /е/, в зонах верхне-среднего или средне-нижнего подъемов [Высотский 1967: 72–74]. Подобная особенность отмечается в различных диалектных группах Северного [Касаткина (ред.) 1991: 174] и Южного [Касаткина (ред.) 1999: 137] наречий и нередко также становится источником неверной интерпретации фонологических отношений в звуковом строе говора.

В-третьих, иногда варианты, образующиеся на разных уровнях подъема, могут находиться в отношении свободного варьирования, что также препятствует трактовке подобной вокалической системы как семифонемной. Указанная особенность отмечена, например, в одном северо-западном говоре, где фонема /о/ может реализоваться целой гаммой различных гласных: [ǫ], [о], [ɔ] (значение F1 у аллофонов /о/ варьирует от 390 до 700 Гц): *мол*[ɔ́]*денька*, *помол*[ɔ́]*же*, *поб*[ɔ́]*льше*, *в восьм*[ɔ́]*м*, *ф*[ɔ́]*кин*, *больш*[ɔ́]*й* (м.р.),*выс*[ǫ́]*кая*, *б*[ǫ́]*льше*, *друг*[ǫ́]*го*, *дом*[ǫ́]*в*, *наГд*[ǫ́]*в*, *зав*[ǫ́]*т*, *хорош*[ǫ́];*больш*[ɔ́]*й* (м.р.),*гр*[ǫ́]*б*, *г*[ǫ́]*да*, *пятис*[ǫ́]*тки*, *городск*[ǫ́]*й* (м.р.), *круг*[ǫ́]*м*, *друг*[ǫ́]*й д*[ǫ́]*м*, *как*[ǫ́]*йг*[ǫ́]*сть*,*в кард*[ǫ́]*не*, *ваг*[ǫ́]*н*, *телеф*[ǫ́]*нка* ‘телефонный завод’, подробнее см. [Савинов 2013: 78–79].Выбор конкретного звукотипа в описанной системе не обусловлен ни языковыми, ни социолингвистическими факторами, а использование вариантов невозможно каким-либо образом предсказать при тех или иных обстоятельствах. Только комплексный анализ дистрибуции элементов языковой структуры способен определить взаимосвязь между качеством «некрайних» гласных и их функциональной значимостью в вокалической системе конкретного идиома.

3. Противопоставление /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/ — оппозиция фонологическая, а потому оно должно обязательно *восприниматься* и достаточно последовательно

воспроизводиться. В реестр фонем может быть включен только стабильный элемент языковой системы, когда «предполагаемая фонема, будучи в составе определенных словоформ, в своей сильной позиции представлена звуком особого тембрального качества, отличного от реализации всех остальных фонем в тождественных позиционных условиях» [Высотский 1977: 38].

Следует отметить, что утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/ обычно происходит за счет постепенного распространения открывающихся дифтонгических образований на месте фонем /е/ и /о/, схожих с аллофонами фонем /ѣ/ и /ω/. Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы вокализма, сохраняющей лишь отдельные следы противопоставления /ѣ/~/е/ и /ω/~/о/. Непоследовательность в реализации этого противопоставления, а также слабый контраст между соответствующими звукотипами на разных ступенях утраты этого противопоставления делает проблематичным выделение в подобной системе фонематической оппозиции /ѣ/~/е/ и /ω/ ~ /о/.

4. На четкость различения фонем /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ может указывать доступность их восприятия не только для собирателей, но и для отдельных диалектоносителей, которые способны заметить особенности фонологической системы своего говора, а также говоров окрестных деревень и выявлять значимые структурные различия между ними. Иначе говоря, способны верно оценить соотношение речевого узуса и языковой системы. В качестве примера можно привести одного из наших информантов, родившегося в с. Крутое Старооскольского р-на Белгородской обл., но многие годы прожившего в с. Солдатское, расположенном всего в нескольких километрах от Крутого. Он обратил наше внимание на основное отличие между этими диалектными системами. По его словам, «в Солдатском говорят “мягко”: [к°у͡от], а в Крутом — “твёрдо”: [кот]». Дифтонгичность реализаций фонемы /ω/ в сочетании со значительной лабиализацией согласных перед ними, замеченные информантом в говоре Солдатского, прямо указывают на хорошо сохранившуюся архаическую систему ударного вокализма, которая отсутствует в говоре с. Крутое. Подобные примеры «имеют прямое отношение к восприятию носителями говоров языковых фактов на фонологическом уровне», а слова, иллюстрирующие характерные черты «своего» и «чужого» говоров, «приобретают вид как бы фонологических формул» [Высотский 1977: 14].

Об информантах «с тонким фонологическим слухом» уже не раз писали диалектологи. Так, в одном из говоров, где фонема /ѣ/ реализуется монофтонгом верхнесреднего подъема [ę̞], противопоставленным другим монофтонгам переднего ряда, реализующим фонемы /и/ и /е/, С. В. Бромлей записала следующий разговор с информантом — хозяйкой дома, где остановилась экспедиционная группа: «На ее замечание о том, что раньше труднее было учиться, что нужно было, например, знать, где писать **ѣ** и где ***е***, я сказала, что ей было, вероятно, это не так трудно, так как в их деревне **ѣ** произносят не так как **е**, а по-особому. “Вот, например, вы ведь скажете не «веник», а «виник»” (это слово было несколько раз записано у нас с гласным *и*). — “Штойто вы как пло@хо гъвор’и@т’е, — услышали мы в ответ, — мы ска́жем*в’и́н’ик,* а не*в’и́н’ик*». На наш слух оба раза было воспроизведено почти

одинаковое звучание *и*, однако для нее эти звуки (*ê* в первом случае и *и* — во втором) четко противопоставлялись» [Бромлей 1949: 29–30].

5. В приведенной цитате из работы С. В. Бромлей затронута еще одна важная проблема, связанная с изучением диалектного узуса и системы: проблема адекватного соотношения перцептивной базы собирателя, с одной стороны, и перцептивной базы диалектной системы — с другой. Под перцептивной базой обычно понимается языковая система средств восприятия звучания речи и единства «хранящихся в памяти человека эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними» [Джапаридзе 1985: 13]. Большое значение в понимании перцептивной базы языковой системы имеет определение набора ее перцептивных эталонов, а также правил сличения с ними эталонов другой языковой системы. При расхождении базовых перцептивных эталонов в родной и неродной языковых системах может происходить их неверное отождествление, что искажает восприятие звуковой организации изучаемого конкретного языкового идиома.

Очевидно, что описанный С. В. Бромлей говор, где фонема /ѣ/ реализуется монофтонгом верхне-среднего подъема [ę], характеризуется более напряженной (чем в литературном языке) артикуляционной базой, что обусловливает сокращение зоны рассеивания между гласными: в подобной системе может различаться три монофтонга переднего ряда [и], [ę]и [е], представляющих отдельные языковые единицы. В литературной системе с менее напряженной артикуляционной базой нет места третьей фонеме переднего ряда, реализующейся монофтонгом: именно поэтому для носителя русского литературного языка гласный верхне-среднего подъема [ę] не является самостоятельным звукотипом, а входит в зону рассеивания фонемы /и/ и отождествляется со звукотипом [и], что приводит к ошибке при анализе соответствующего фрагмента диалектной системы.

Приведем другой пример. Инструментально-фонетическое изучение специфики диалектных различий в структуре «трапецоидов» гласных при семифонемной системе вокализма приводит к выводу, что основным типом семифонемного состава гласных в русских говорах должна быть признана система, для которой характерны, с одной стороны, симметричность реализаций гласных 3-й ступени подъема (то есть фонем /ѣ/ и /ω/), с другой — асимметричность гласных 2-й ступени подъема: аллофоны /е/ локализуются в зоне среднего уровня, аллофоны /о/ — в зоне средне-нижнего уровня [Высотский 1967: 77–78; Савинов 2013: 105–108].

Фонемы /ѣ/и /ω/ могут параллельно реализоваться гласными верхне-среднего подъема [ę], [ǫ] (и восходящими дифтонгами [и͡е] и [ў͡о]), однако большее артикуляционное пространство между основными аллофонами /ω/ и /о/ обусловливает возможность появления в соответствии с фонемой /ω/ звука [о], в этом случае асимметричность отношений распространяется на все «некрайние» гласные (см. схемы 1 и 2, знак в скобках на схеме 2 обозначает наличие в подобной системе факультативного варианта у фонемы /ω/).

Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип [ɔ] на месте /о/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем (по всей видимости, это

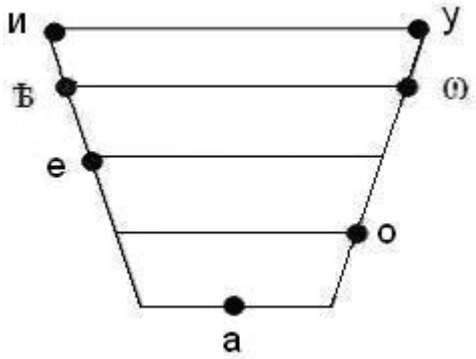


Схема 1

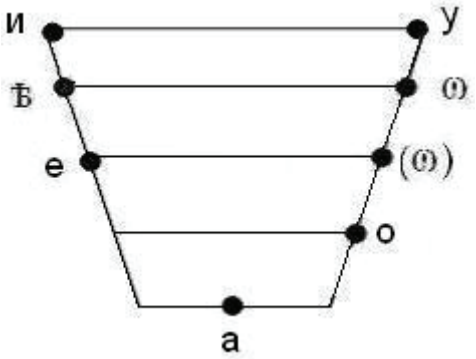


Схема 2

обусловлено особенностями исторического развития); однако гласный средне-нижнего подъема [Е] в соответствии с фонемой /е/ — довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма <…> обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма» [Высотский 1967: 79].

Семифонемные системы вокализма с несимметричной по высоте парой [е] и [ɔ] отмечены в говорах Вологодской, Воронежской, Белгородской, Кировской, Костромской, Липецкой, Тамбовской обл., подробнее см. [Савинов 2013:103, 105, 108–109], на распространенность этого типа вокализма в архаических южнорусских говорах указывает также С.В. Дьяченко [2021: 67]. Однако в большинстве диалектологических работ, описывающих вокализм архаических говоров с семифонемным вокализмом, не упоминается о существовании в этих диалектных системах особого звукотипа средне-нижнего подъема [ɔ]. По всей видимости, этот звукотип средне-нижнего подъема не был выявлен и интерпретирован как значимая структурная единица потому, что носителями литературного языка произношение [ɔ] не воспринимается как яркая диалектная черта: этот гласный «идентифицируется с [о] в отличие от [**Ò**], воспринимаемого преимущественно как [у]» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 24]. Иначе говоря, происходит неверная идентификация двух перцептивных эталонов: литературного [о], реализующего «единую» фонему /о/, и диалектного [ɔ], представляющего фонему /о/ и противопоставленного монофтонгам [ǫ]и [о], которые реализуют в различных архаических системах фонему /ω/.

Следует также учитывать, что собиратели диалектных материалов зачастую просто забывали о необходимости «проверить звучание других лексико-грамматических примеров, где согласно истории языка можно было бы встретить [**è**] (*о* открытое), заметно отличающееся от [о] в литературном произношении» [Высотский 1975: 4].

6. Для адекватного представления об устройстве диалектной системы конкретные узуальные употребления обязательно должны подвергаться инструментально-фонетическому анализу, что даст объективные характеристики исследуемых

фонетических единиц. Нужно понимать, что диалектная фонетическая система может обладать рядом структурных признаков, которые резко отличают ее от литературного языка, и для объективной характеристики этих признаков необходимо использовать инструментальные методы, предполагающие изучение фонетических явлений говоров как в акустическом, так и в артикуляционном аспекте.

Звуковой строй русских говоров инструментально-фонетическими методами до сих пор изучен недостаточно хорошо. По словам В. Н. Чекмонаса, несмотря на свою значимость «как для истории русского вокализма вообще, так и для истории аканья-яканья в особенности», инструментально-фонетические исследования С. С. Высотского, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной, представителей казанской школы (З. М. Альмухамедовой, Р. Э. Кульшариповой, Т. Г. Фоминой и др.), «остались на периферии русской диалектной фонетики (прежде всего потому, что они были полностью проигнорированы Р. И. Аванесовым и его учениками» [Чекмонас 1998: 44–45].

Во многих работах фонетической направленности качество звуков речи, подвергающихся затем фонологической интерпретации, определяется только на основании слуховой оценки диалектного произношения, без возможности его многократного воспроизведения и проверки слуховых образов с помощью инструментального анализа. Это приводит к ошибкам в понимании устройства диалектных систем. Например, в говоре с. Исто́бное Репьёвского района Воронежской области, обследованном в 1950-х гг. по программе Диалектологического атласа русского языка, собиратели материалов (преподаватели, аспиранты и студенты воронежских вузов) не смогли «распознать архаическое аканье, поскольку вокализм предударного слога (и ударного слога в говорах с различением верхне-средних и средних гласных) сложен для восприятия, особенно для неподготовленного собирателя материалов» [Дьяченко 2021: 24]. Иначе говоря, для адекватного описания данного фрагмента диалектной языковой системы необходимо комплексное инструментальное исследование ударного и безударного вокализма, а также адекватное выявление перцептивной базы говора, в которой дифтогичность основных реализаций /ѣ/и /ω/ должна трактоваться как значимый системный признак, который противопоставляет фонемы /ѣ/ и /ω/ фонемам /е/ и /о/, реализующимся исключительно монофтонгами (в отличие от системы литературного языка, где дифтонгоидность аллофонов /е/ и /о/ не является конститутивным признаком).

7. Таким образом, для целенаправленного сбора и анализа диалектного материала, для корректного выявления в речевом узусе языковых структурных элементов участникам диалектологических экспедиций необходима специальная комплексная подготовка, предусматривающая обучение инструментальным и лингвистическим методам анализа устной речи, а также включающая овладение методикой сбора языкового материала. Отсутствие подобной подготовки приводит к тому, что для многих диалектологов, в том числе для сотрудников профильных кафедр вузов, оказывается «непосильным задание точного выявления в изучаемых говорах фонемного состава гласных» [Высотский 1975: 4].

В результате участники диалектологических экспедиций, даже имея в своем распоряжении опубликованные диалектологические описания, указывающие

на то, что какому-то конкретному говору в прошлом был присущ семифонемный вокализм с системой дифтонгов, оказываются не в состоянии услышать дифтонги, а также другие характерные сопутствующие фонетические особенности, например, отсутствие смягчения согласных перед некоторыми гласными переднего ряда. Иначе говоря, диалектологи оказываются не в состоянии верно интерпретировать ключевые элементы частной фонетической системы говора, проявляющиеся в разговорном узусе информантов.

Так, Д. В. Бубрих, исследовавший в 1912 г. говор с. Пустоша Судогодского уезда Владимирской губернии[2], обнаружил здесь дифтонги [i͡e] на месте ѣ, [u͡o] на месте *ѡ*, а также [i͡a], [i͡o], [i͡u] [Бубрих 2013: 312–317]. Позднее, в 1948 г., этот говор обследовала диалектологическая экспедиция МОПИ. В результате анализа местного речевого узуса было установлено, что на месте ѣ «под ударением перед твердыми согласными сейчас закономерно произносится закрытое “е” (ê), а иногда “и”», в этой позиции собирателями не было зарегистрировано «ни одного случая произношения дифтонга»; в позиции перед мягкими согласными «у одних и тех же лиц наблюдали двоякое произношение: и “и” и дифтонг “іе”». Дифтонги «уо, іа, іо, іу исчезли не только в произношении передовой части колхозников, но мы их не слышали и в устах носителей архаического говора». Автор статьи делает вывод: говор Пустошей за 36 лет, прошедших с момента его обследования Д. В. Бубрихом, претерпел значительные структурные изменения [Бедняков 1957: 362–365].

Однако новое обследование, проведенное сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 1990–2000 гг., выявило, что в говоре Пустошей стабильно сохраняются дифтонги, описанные Д. В. Бубрихом; при этом здесь также отмечается твердость согласных передгласными переднего ряда [Тер-Аванесова 2001].

Очевидно, что участники экспедиции 1948 г. просто не смогли опознать соответствующие звуки как дифтонги, а также не услышали перед ними твердых согласных. Без сформированности основ фонематического восприятия перцептивных эталонов иных языковых систем затруднителен или просто невозможен их адекватный звуковой анализ, предполагающий опознание, вычленение в речи значимых элементов этих систем. Слуховое восприятие «чужих» элементов всегда корректируется навыками фонологической системы родного языка, под влиянием которой происходит и их системная интерпретация. Особенно остро эта проблема встает при исследовании близкородственных (но не идентичных) идиомов.

Так, носители литературного языка системно различают твердые и мягкие согласные, ориентируясь не на качество согласного звука — аллофона соответствующей твердой или мягкой фонемы, а на качество следующего за ним гласного, который после мягкого согласного всегда начинается с *и*-образной фазы, что подтверждается и перцептивными [Бондарко 1977].

---

[2] По современному административно-территориальному членению село относится к Шатурскому р-ну Московской обл.

Возможно, этот стереотип сработал и у участников экспедиции 1948 г.: сочетания «твердый согласный + дифтонг с начальной *и*-образной фазой» были восприняты как сочетания «мягкий согласный + монофтонг» (точнее, дифтонгоид с переходным *и*-образным элементом, как в русском литературном языке). В результате соответствующий фрагмент системы говора был интерпретирован неверно[3].

Распределение аллофонов фонемы /ѣ/ в зависимости от твердости–мягкости следующего согласного, зафиксированное в Пустошах в 1948 г. и описанное [Бедняков 1957: 362–363] ([ę̱] перед твердыми согласнымии [и͡е] перед мягкими), выглядит, по словам С. С. Высотского, фактически нереальным [Высотский 1977]. Р. И. Аванесов также указывал на то, что в русском литературном языке «после мягкого согласного перед мягким согласным гласный [е] произносится однородно на всем протяжении свей длительности и притом с более энергичным и высоким поднятием языка» [Аванесов 1984: 57].

8. Наконец, существует еще одна проблема, связанная с описанием систем ударного вокализма в русских говорах: наличие в них различных способов организации фонетического слова. Так, для севернорусского наречия характерна меньшая, чем для других русских говоров и для русского литературного языка, степень интегрированности слогов в единое фонетическое слово: двуступенчастость редукции безударных гласных в этих говорах выражена слабо, а сами безударные гласные «могут незначительно отличаться от ударного гласного» [Касаткин (ред.) 2012: 25]. Слова произносятся «как бы по слогам», которые оказываются относительно независимыми друг от друга. Такой тип организации слова обычно называют «рубленой речью» или «стаккато».

Для южнорусских говоров характерна совершенно другая модель: здесь ярко выражена двуступенчастость редукции, распространена тенденция к выделению акцентного ядра и все гласные фонетического слова «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога» [Калнынь 2001: 26].

Особенно ярко эта связь проявляется в говорах, характеризующихся диссимилятивными системами вокализма. Основной принцип строения фонетического слова в этих говорах заключается в следующем: в 1-м предударном слоге происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, то есть наблюдается закономерная цикличность в организации звуковой последовательности, а ритмическая структура может быть представлена двумя моделями, находящимися между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В наиболее архаическом варианте они представлены следующими схемами: 2–1-2–**3**-2–1, где **3** обозначает ударные гласные верхнего и верхне-среднего подъемов, и 1–2-1–**3**-1–2, где **3** обозначает ударные гласные среднего и нижнего подъемов.

[3] Различные фонологические интерпретации подобной системы с твердыми согласными перед дифтонгами [и͡а], [и͡о], [и͡у] или [е͡а], [е͡о], [е͡у] см. [Касаткин 1999: 388–389; Касаткин (ред.) 2012: 32; Тер-Аванесова 2001: 152].

На приведенных схемах видно, что диссимилятивная зависимость наблюдается не только у гласных акцентного ядра слова, но затрагивает весь его вокальный каркас. Сильная взаимозависимость вокальных компонентов обусловливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции гласных донуля[4], особенно редко диереза гласных встречается в предударных слогах.

Подобные различия в организации фонетического слова обусловливают особенности алгоритма описания соответствующих вокалических систем в целом. Если в севернорусском наречии возможен отдельный анализ системы ударного / предударного / заударного вокализма, то адекватное описание южнорусского вокализма предполагает комплексное исследование узуальных реализаций всех взаимозависимых вокальных компонентов слова.

9. Итак, диалектная языковая норма должна пониматься как статистически доминирующий речевой узус, как конкретная реализация в говоре структурных возможностей языковой системы. Норме, проявляющейся в диалектном узусе, присуща известная устойчивость, стабильность как основа функционирования всей системы. Этот консерватизм диалектных систем способствует сохранению в них ряда реликтовых черт. Однако язык как явление социальное находится в постоянном движении. Поскольку диалектный узус не ограничен рамками строгих норм и правил, то потенциальные возможности, заложенные в языковой системе, активно проявляются в говорах через узуальнные инновации, через появление новых вариантов в речи диалектоносителей, что обычно обусловливает языковые различия возрастных социолектов. Язык старшего поколения всегда отличается от языка среднего поколения и тем более от языка молодежи, при этом данные подсистемы «функционируют в одном языковом пространстве, временнóм и территориальном <…> они образуют одну сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [Касаткин 2017: 14] .Соответственно, и норма реализуется в частной диалектной системе относительно равноправных вариантов на всех языковых уровнях.

Основная задача при описании частной диалектной системы — вычленить из разговорного узуса ее ключевые языковые элементы, дать адекватную структурную характеристику всем существующим вариантам. Как было показано в статье, это нелегкая исследовательская задача. И дело здесь не только в том, что отношения между вариантами нормы могут быть сложны и многообразны, а их появление зависит от различных лингвистических и экстралингвистических причин. Для определения взаимоотношений в частной языковой системе звуков, отмеченных в узусе, и фонем необходимо использование инструментально-фонетических методов, которые помогут дать объективную характеристику звуков речи, а также

[4] Как верно заметил Л. Л. Касаткин, обозначение «рассматриваемого явления как “редукции гласных до нуля” характеризует лишь часть примеров. В значительном числе случаев отсутствие гласного компенсируется другими фонетическими характеристиками слова <…>. Диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов» [Касаткин 2017: 324].

выявить их значимые признаки, что позволит определить место конкретного звука в структуре языка. Необходимо всегда помнить, что соотношение основных аллофонов фонем может иметь диалектную специфику и не совпадать с соответствующим фрагментом литературной системы, а также отличаться от «классических» образцов, описанных в учебных пособиях по диалектологии.

Очевидно, что подготовка к диалектологической экспедиции обязательно должна учитывать некоторые методики, принятые при обучении иностранному языку, в частности необходимо изучить на конкретных образцах типологию фонетических диалектных различий, а также механизмы восприятия ряда диалектных звукотипов (в аспекте интерференции с перцептивной базой собирателей, говорящих на литературном языке). В качестве удачного примера подобного учебного пособия для диалектологов можно привести звучащую хрестоматию «Севернорусские говоры», где в приложении дан корпус звуковых эталонов, который включает в том числе ударные гласные, «характерные для севернорусских говоров и отличающиеся от “стандартных”, то есть свойственных литературному языку» [Касаткина (ред.) 1991: 242].

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение,1984. 384 с.

Аванесов, Орлова (ред.) 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 306 с.

Альмухамедова З. М., *Кульшарипова Р.* Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань: изд. Казанского ун-та, 1980. 112 с.

БедняковА.С. О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустошей // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. XLVIII. Труды кафедры русского языка, вып. 4. М., 1957. С. 359–367.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бромлей С. В. Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 5. М.–Л.: из-во Академии наук СССР, 1949. С. 22–51.

Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ.) // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 4. СПб., 1914. С. 305–346.

Ваахтера Й. М. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области [SlavicaHelsingiensia 37]. Helsinki, 2009. 323 с.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно: пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 239 с.

Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5–82.

Высотский С. С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры / Отв. ред. Е. В. Немченко. М.: Наука, 1975. С. 3–19.

Высотский С. С. Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С. С. Высотский. М.: Наука, 1977. С. 3–52.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок / Сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.

Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси: Мецниераба, 1985. 117 с.

Дьяченко С. В. Инструментально-фонетическое исследование вокализма южнорусского говора в ареальном контексте. Дис. … канд. филол. наук. М., 2021. 196 с.

Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж: Научная книга, 2011. 383 с.

Калнынь Л. Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001. 132 с.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука — Школа «Языки русской культуры», 1999. 526 с.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т.II. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 752 с.

Касаткин (ред.) 2012 —Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 301 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2014. 272 с.

Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина [Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва — Бохум, 1991.245 с.

Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999.207с.

Коробейникова Т. Н. Эволюция системы ударного вокализма в свете синхронных данных (на материале кайского говора Верхнекамского района Кировской области). Дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 389 с.

Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.

Лихтман Р. И. О фонеме <у> в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 1999. С. 121–132.

Мошкина Е. Н. Вятские говоры. Звучащая хрестоматия [Приложение № 8 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Вятка — Бохум, 1999. 110 с.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 200 с.

Панов (ред.) 1968 — Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры/ Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.212 с.

Родина М. А. Говор с. Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Дис. … канд. филол. наук. М., 2012. 518 с.

Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. Дис. … докт. филол. наук. М., 2013. 378 с.

Савинов Д. М., *Скачедубова Е.* С., *Сомова А.* Е. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени// Русск. яз. в науч. освещении. 2020. №2. С. 11–32.

Скачедубова Е. С. Сюрпризы нейтрализации гласных в современном русском литературном языке // Русская речь. 2019. №4. С. 21–29.

Тер-Аванесова А. В. Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. №2. С. 150–167.

Чекмонас В. Н. Судьбы фонетических открытий О. Брока в контексте истории славянской диалектологии, фонетики и фонологии // A Centenary of Slavic Studesin Norway: The Olaf Broch Symposium. Papers / Ed. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen. Oslo: Det Norske Videnskaps-Akademi, 1998. С. 36–61.

Шведова (ред.) 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

ШмелевА.Д. Норма языковая // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. А. М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 398–400.

Шульга М. В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017. 256с.

Dmitry M. Savinov
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
crillon@yandex.ru

NORM-USUS-SYSTEM IN THE RUSSIAN DIALECT LANGUAGE

The article is devoted to the consideration of the concepts of “norm”, “usus” and “system” in the Russian dialect language. The article shows that in dialects, the usage, which is a set of real uses of the language, is essentially equal to the norm. The dialect norm represents the unity of the realized capabilities of the system and is an important factor determining the integrity of the territorial dialect and its consistency: a particular language element can be defined as part of the system only in the context of its usual application, taking into account the statistics of its specific uses in the speech of dialect speakers. Thus, when describing dialect systems, it is not the ratio “norm — usus” (as in a literary language) that comes to the fore, but the ratio “usus (=norm) — system”. Determining the parameters of a particular particular dialect system necessarily implies an adequate structural interpretation of specific speech facts, determining the internal conditionality and interconnectedness of all language elements.

Key words: norm, usus, system, dialect language, vocalism

References

Avanesov R. I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie [Russian literary pronunciation]. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 384 s.

Avanesov R. I., Orlova V. G. (ed.). Russkaia dialektologiia [Russian dialectology]. Moscow: Nauka, 1964. 306 p.

Al'mukhamedova Z. M., Kul'sharipova R. E. Reduktsiya glasnykh I prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh [Vowel reduction and word prosody in the Russian dialects with okanye]. Kazan: Kazan State Univ., 1980.112 p.

Bednyakov A. S. About some phonetic features in the dialect of Pustosha.*UchenyezapiskiMoskovskogooblastnogopedagogicheskogoinstituta*. Vol. XLVIII. Trudy kafedryrusskogoyazyka, 4. Moscow, 1957. Pp. 359–367.

Bondarko L. V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo yazyka [The sound system of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1977. 175 p.

Bubrikh D. V. Phonetic features of the dialect of the village of Pustosha (Yagodinskayavolost' of Sudogodskyuyezd of Vladimir province).*Izvestiya ORYAS*. 1913. Vol. XVIII. Book 4. St. Petersburg, 1914. Pp. 305–346.(In Russ.).

Bromlei S. V. Observations on the stressed vowels in collecting content for the "Program". *Bjulleten' dialektologicheskogo sektora Instituta russkogo jazyka*. Vol. 5. Moscow, 1949, pp. 22–51. (In Russ.).

Chekman V. N. The fate of O. Brok's phonetic discoveries in the context of the history of Slavic dialectology, phonetics and phonology.*A Centenary of Slavic Studes in Norway: The Olaf Broch Symposium*. *Papers*. Jan Ivar Bjørnflaten, GeirKjetsaa, Terje-Mathiassen (Ed.). Oslo: Det Norske Videnskaps-Akademi, 1998. Pp. 36–61. (In Russ.).

Dzhaparidze Z. N. Perceptivnaya fonetika [Perceptual phonetics]. Tbilisi: Mecnieraba, 1985. 117 p.

D'yachenko S. V. Instrumental'no-foneticheskoe issledovanie vokalizma yuzhnorusskogo govora v areal'nom kontekste. Kand. diss. [Instrumental-phonetic study of the vocalism of the South Russian dialect in the areal context. Kand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2021. 196 p.

Gavranek B. The tasks of the literary language and its culture.*Prazhskijlingvisticheskijkruzhok*. N. A. Kondrashov(ed). Moscow: Progress, 1967. Pp. 338–377.(In Russ.).

Kalnyn' L. E. Foneticheskaya programma slova kak prostranstvo foneticheskih izmenenij v slavyanskih dialektah [The phonetic program of the word as a framework for phonetic changes in the Slavic dialects]. Moscow, 2001. 132 p.

Kasatkin L. L. Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola «YazykiRusskoiKul'tury», 1999. 526 p.

Kasatkin L. L. Izbrannyetrudy. T.II. [Selected works. Vol. II]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK, 2017. 752 p.

Kasatkin L. L. (ed.). Russkaia dialektologiia [Russian dialectology]. Moscow: AST-PRESS, 2012.301 p.

Kasatkin L. L. Sovremennyirusskiiyazyk. Fonetika [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Akademiya, 2014. 272 p.

Kasatkina R. F. (ed.). Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 1: Severnorusskie govory [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part I: Northern Russian dialects]. Moscow; Bohum, 1991.245 p.

Kasatkina R. F. (ed.). Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 2: Yuzhnorusskoe narechie [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part 2: Southern Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1999.207 p.

Korobejnikova T. N. Evolyutsiya sistemy udarnogo vokalizma v svete sinkhronnykh dannykh (na material kaiskogo govora Verkhnekamskogo raiona Kirovskoi oblasti) [The evolution of the stressed vowel system from a synchronic perspective (in a Kaj dialect, Kirov Region, North-East of European Russia)]. Kand. diss. [Cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2015. 389 p.

Krysin L. P. To the correlation of the language system, its norms and usage. *Communication Studies*. No. 2 (12). Pp. 20–31. (in Russ.).

Likhtman R. I. About phoneme <u>in the modern Russian literary language.*Issues in phonetics*. III. R. F. Kasatkina (ed.). Moscow: Nauka, 1999. Pp. 121–132.(In Russ.).

Moshkina E. N. Vyatskiegovory. Zvuchashchaya khrestomatiya [Dialects of Vyatka region. Sounding anthology]. Moscow; Bohum, 1999. 110 p.

Ossoveckij I. A. Leksika sovremennyh russkih narodnyh govorov[Vocabulary of the modern traditional Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1982. 200 p.

Panov M. V. (ed.). Russkii yazyk I sovetskoe obshchestvo. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory [The Russian language and the Soviet society. Phonetics of Modern Literary Russian. Traditional dialects]. Moscow: Nauka, 1968.212p.

Rodina M. A. Govor s. Apukhtino Odoevskogo raiona Tul'skoi oblasti (sistemno-yazykovoi analiz). Kand. diss. [The dialect of Apukhtino village, Odoev district, Tula region (systemic linguistic analysis). Cand. diss.]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox Univ., 2012.518p.

Savinov D. M. Evolyutsiya system vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh. Dokt. diss. [The evolution of vowel systems in South Russian dialects. Doct. diss.] Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2013.

Savinov D. M., Skachedubova E. S., Somova A. E. Active processes in the prosodic system of the Russian language: Accentuation of past verbs. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*.2020. No. 2. Pp. 11–32. (In Russ.).

Shmelev A. D. The language norm. *Russlijyazyk: Enciklopediya*. A. M. Moldovan (ed.). Moscow:AST-PRESS SHKOLA, 2020. Pp. 398–400.(In Russ.).

Shul'ga M. V. Grammaticheskie oppozicii v istorii morfologii imeni [The grammatical oppositionsin the history of the morphology of the name]. Moscow: Indrik, 2017. 256 p.

Shvedova N.JU. (ed.). Russkaia grammatika. T. 1 [Russian grammar. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1980.783 p.

Skachedubova E. S. Irregularities of Vowel Neutralization in themodern Russianliterary language.*RusskayaRech'*.2019. No. 4. Pp. 21–29.(In Russ.).

Ter-Avanesova A. V. Materials on the accentuation of the village dialect Pustosha (masculine nouns). *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2001. No. 1 (3). Pp. 150–167. (In Russ.).

Vaahtera J. M. Evolyuciya sistemy glasnyh fonem v nekotoryh russkih govorah Vologodskoj oblasti [Theevolution of the vowel phoneme system in some Russian dialects of the Vologda region]. Slavica Helsingiensia 37. Helsinki, 2009. 323 p.

Verbickaya L. A. Davajte govorit' pravil'no: posobie po russkomu yazyku [Let's speak correctly: manual on the Russian language]. Moscow: Vysshayashkola, 2001. 239 p.

Vysotskii S. S. Determination of vowel phonemes inventory in connection with sound quality in Northern Russian dialects. *Ocherkipofonetikesevernorusskikhgovorov*. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 5–82. (In Russ.).

Vysotsky S. S. On the problem of studying the vocalism of South Russian dialects. *Russkiegovory*. E. V. Nemchenko (ed.). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 3–19.(In Russ.).

Vysotskii S. S. Phonemic structure of words as a basis for the study of dialect sound structure. *Jeksperimental'no-foneticheskieissledovanija v oblastirusskojdialektologii*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 3–52. (In Russ.).

Zagorovskaya O. V. Problemy obshchej I dialektnoj semasiologii I leksikografii [Problems of general and dialect semasiology and lexicography]. Voronezh: Nauchnayakniga, 2011. 383p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ГРАММАТИКА

А. В. Малышева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annamalys@mail.ru

ФОРМА ПРЯМОГО ОБЪЕКТА ПРИ ГЛАГОЛЕ С ОТРИЦАНИЕМ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ДИАЛЕКТНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ

В статье приводятся данные по количественному соотношению форм прямого объекта при глаголе с отрицанием на материале диалектных электронных корпусов, созданных в 2020–2021 годах. Рассматриваются контексты с усилением отрицания и формы анафорических местоимений в роли объекта и исследуется влияние этих факторов на выбор падежа в отрицательной конструкции. Показано, что только во фразеологизированных сочетаниях с частицей *ни* и в сочетаниях с местоимением *ничто* создаются преференции для родительного падежа независимо от типа корпуса. Степень влияния остальных средств усиления отрицания (слова и сочетания *никакой, ни один*, повторяющийся союз *ни-ни*) на выбор генитива различна и часто зависит от типа корпуса. Наличие в некоторых корпусах значительного количества сочетаний глаголов знания и восприятия с анафорическими местоимениями, а также некоторый процент записей от более молодых информантов не оказывают существенного влияния на общую статистику употребления объектных форм при отрицании в пределах рассмотренного материала. Новые данные электронных корпусов демонстрируют неоднородность говоров западной диалектной зоны с точки зрения соотношения родительного и винительного падежей при отрицании и подтверждают наличие генитивных систем на юго-западе европейской части России.

Ключевые слова: русские говоры, падежный синтаксис, прямой объект, генитив, аккузатив, отрицание, дифференцированное маркирование аргументов

0. Введение

Изучение вариативности родительного и винительного падежей при глаголах с отрицанием на диалектном материале показало, что процентное соотношение генитива и аккузатива в отрицательных конструкциях (*не пекла хлеба / не пекла хлеб*) неодинаково на разных территориях европейской части России [Seržant 2014; Малышева, Ронько 2020].

В работе [Малышева, Ронько 2020] на материале нескольких современных электронных диалектных корпусов и собраний расшифрованных текстов разной территориальной принадлежности, а также устного корпуса НКРЯ было условно выделено три типа языковых систем, различающихся по употреблению аккузатива и генитива при отрицании.

1. Процент генитива составляет менее 30 % всех примеров (аккузативный тип). К этому типу относятся восточные южнорусские говоры села Малинино Хлевенского р-на Липецкой области — 20 %, села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области — 26 %, и восточный среднерусский акающий говор села Пустоша Шатурского р-на Московской области — 27 %.

2. Процент генитива составляет от 30 % до 45 % (переходный тип): западные среднерусские говоры Опочецкого района Псковской области — 34 %, северо-восточные среднерусские окающие говоры Юрьевецкого, Лухского и Вичугского районов Ивановской области — 45 %, разговорная речь носителей литературного языка (по материалам устного корпуса НКРЯ) — 32 %.

3. Процент генитива составляет более 50 % (генитивный тип): севернорусские говоры Устьянского района Архангельской области — 58 %, севернорусские данные диалектного корпуса НКРЯ — 75 %, говор с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области (крайний юго-запад, т. н. «брянский угол», на границе с Украиной и Белоруссией) — 73 % генитива.

Таким образом, выделяются генитивные зоны на севере и крайнем юго-западе европейской части России и аккузативная зона на востоке территории, обследованной для составления ДАРЯ (ее центром является, предположительно, Восточная, или Рязанская группа говоров). Однако границы этих зон из-за недостаточности материала остаются неясными.

1. Материал

Настоящее исследование выполнено на материале четырех электронных корпусов, созданных в 2020–2021 годах:

1) Корпус говоров Лужниковского сельского поселения [Малышева,Тер-Аванесова 2021]: Вышневолоцкий городский округ Тверской области; объем корпуса на момент исследования — 68666 токенов (исключая речь интервьюеров и комментарии); селигеро-торжковский говор Лужникова и его окрестностей относится к западным среднерусским акающим говорам (далее — Лжн.);

2) Корпус говора Хиславичского района [Рыко, Спиричева 2020]: западная часть Хиславичского района Смоленской области (Западная группа южного наречия), объем — 260793 токена (далее — Хсл.);

3) Корпус говора деревни Нехочи [Тер-Аванесова и др. 2020]: Хвастовичский район Калужской области (Верхне-Деснинская группа говоров южного наречия), объем — 88965 токенов (далее — Нхч.);

4) Корпус говоров низовья рек Лух и Теза [Кувшинская 2020]: юго-восток Ивановской области (Южский и западная часть Пестяковского района), объем — 146350

токенов (далее — ЛхТз); ивановские говоры располагаются на территории северо-восточной диалектной зоны и относятся к Владимирско-Поволжской группе восточных среднерусских окающих говоров.

2. Общая статистика употребления аккузатива и генитива при отрицании

Корпуса говоров, относящихся к западной диалектной зоне — Лжн., Хсл. и Нхч. — различаются между собой по процентному соотношению аккузатива и генитива при отрицании. Говор д. Лужниково относится к аккузативному типу (21% генитива) и, таким образом, сближается с восточными корпусами сел Роговатое, Малинино и Пустоша. В говоре Хиславичского района Смоленской области обнаруживается 34% генитива, что объединяет этот корпус с устным корпусом НКРЯ, Опочецким корпусом и собранием расшифрованных текстов Ивановской области. Говор Нехочей является генитивным (63% генитива) и сближается с севернорусскими корпусами и говором Спиридоновой Буды. Таким образом, обнаруживается неоднородность говоров западной диалектной зоны с точки зрения употребления аккузатива и генитива при отрицании и подтверждается наличие генитивных систем на юго-западе.

Среднерусский корпус северо-восточных ивановских говоров низовья рек Лух и Теза, как и Хиславичский корпус, относится к переходному типу (36% генитива), см. *Таблицу 1.*

Таблица 1

Общая статистика соотношения форм аккузатива и генитива при глаголе с отрицанием

Источник	РП	ВП	всего
Лжн.	18 (21%)	63 (79%)	81
Хсл.	114 (34%)	215 (66%)	329
ЛхТз.	66 (36%)	116 (64%)	182
Нхч.	75 (65%)	40 (35%)	115

Аккузативные системы характеризуются общим относительно невысоким содержанием контекстов с генитивом. При этом в большинстве случаев эти контексты содержат определенные факторы, обусловливающие предпочтение родительного падежа винительному: усиление отрицания, возможность количественной интерпретации (*не дали денег*), устойчивые сочетания (например, *не говоря худого слова*), сочетания с абстрактными существительными, с глаголом *иметь* (*не иметь права*), «модально-эмоциональными» глаголами (*хотеть, ждать, бояться*), сочетания глаголов знания и восприятия с анафорическими местоимениями (см. п. 4).

В генитивных системах родительный падеж используется более свободно, в частности он широко употребляется в контекстах, не содержащих никаких «генитивных» факторов, а также возможен в тех случаях, когда предпочтителен аккузатив (например, в конструкциях с дистантным отрицанием или с референтными именами), подробнее см.: [Малышева, Ронько 2020].

Ниже приводятся примеры с родительным падежом существительных 1 скл. из генитивного корпуса Нхч. (примеры 1–10), частотные в этом говоре и крайне редкие во всех остальных. В примере (1), кроме того, форму генитива принимает имя собственное, обладающее высоким референциальным статусом и большой степенью определенности, что предполагает предпочтение аккузатива. Высокой степенью определенности обладают также существительные в примерах (2, 3) — с местоимением *этот* и указанием на принадлежность (*могилка бабки*). В примере (4) генитив употреблен при инфинитиве, зависящим от глагола с отрицанием (дистантное отрицание). Пример (11) иллюстрирует форму генитива существительного 2 скл. со значением конкретного определенного объекта.

(1) ***Тони —*** *то, — говорю, —* ***никто спрашивать не будет****, а меня, — говорю, — свекровь и муж*. Нхч.

(2) *Меня к Работаевой посылали, я-то не пошла, говорю, к этой Работаевой, я пошла домой, а* ***бумаги-то мне этой не отдали***! Нхч.

(3) *Ребята, надо выходить из положения, это не дело, что* ***могилки*** *бабки* ***не находим***. Нхч.

(4) *И* ***воды пить не стала***. Нхч.

(5) *Ну это была, наверно, Марусь, редкая трава,* ***густой травы не выкосишь****!* Нхч.

(6) *Ну, правда, председатель мне говорил: Наталья, почему* ***коровы не бере́шь?*** Нхч.

(7) *Да, почему* ***тёлки не бере́шь****?* Нхч.

(8) *Вот ты — в наклон вообще не разрешается пить воду́, это очень вредно. В наклон* ***воды не пьют***. Нхч.

(9) *Ты там* ***голубики*** *в лесу нигде* ***не найде́шь***. Нхч.

(10) *Теперь и* ***гречихи-то*** *и то* ***не сеют****, сеют вот рожь, пшеницу.* Нхч.

(11) *Больше его никуда* ***этого жёлоба не определишь***. Нхч.

3. Контексты с усилением отрицания

Факторы, обусловливающие предпочтение генитива или аккузатива при отрицании достаточно полно описаны для литературного языка [Шведова 1980, 2: 416–418; Ицкович 1982: 39; Мустайоки 1985: 28–114; Mustajoki, Heino 1991: 25–27, 46–47; Timberlake 1986: 341–342; Рахилина 2008; Падучева 2013 и др.]. Одно из условий преференции родительного падежа — усиление отрицания (обзор литературы и разных точек зрения на влияние этого фактора при выборе формы объекта в современном русском литературном языке см.: [Мустайоки 1985: 49–53]). К языковым средствам, усиливающим отрицание, относятся слова и сочетания *никакой, ничей, ничто*, *ни один, ни единый*, частица *ни*, союз *ни…ни,* усилительные частицы *даже, и* и др. В рассмотренных корпусах в контекстах с усилением отрицания встречаются обе формы — и родительного падежа, и винительного. Далее материал располагается в порядке убывания «генитивности».

3.1. Частица *ни*

В сочетаниях, обычно фразеологизированных, с частицей *ни* и существительными, называющими единицы меры, объема, количества, а также считаемые, единичные предметы, частицы однородной массы [Шведова 1980, § 2661], в корпусах Хсл., ЛхТз., Нхч. фиксируется только генитив (в корпусе Лжн. таких конструкций не встретилось):

(12) *А никто мне денег* ***ни копейки не помог****, ни, не оказал мне помощи.* Хсл.
(13) *Нет, даже* ***ни слова не знаем***. ЛхТз.
(14) *Корова у нас отелилась, она телилась,* ***не перенашивала ни грамма****,* ***ни одного дня.*** Нхч.

Встречаются контексты с аналогичным значением полного отсутствия без частицы *ни* (пример 15), в том числе с усилительной частицей *даже* (16, 17):

(15) ***Копейки не берёт***. Хсл.
(16) ***Даже копейки не дал****, не сказал, что это ж надо*. Хсл.
(17) *Я говорю, Фрол, больше, Натах, больше я ей даже вот не то что бить, я ей* ***даже слова не буду плохого говорить****, вот*. Нхч.

3.2. Местоимение *ничто*

В сочетаниях формы генитива местоимения *ничто* с прилагательными или местоимениями *такой, этот* в рассмотренных корпусах преобладает родительный падеж (30 примеров РП, 10 — ВП):

(18) *Да я думаю, что как, насколько я как помню, в деревне — то* ***ничего такого не давали****.* Лжн.
(19) ***Страшного ничего не делали***. Хсл.
(20) *Поесть* ***ничего не дают хорошего***. ЛхТз.
(21) *Я* ***ничего этого не делала****, у меня <мол>, и гречишки нету*. Нхч.

В немногочисленных контекстах в корпусах Хсл. и ЛхТз. встречается форма винительного падежа:

(22) *Я того ж не помню, что раньше было, ну а при мне* ***такое ничего не говорили***. Хсл.
(23) *Ну, уже (ужо)* ***ничего такое не делаешь.*** Хсл.
(24) ***Не знаю*** *я* ***это ничего****.* ЛхТз
(25) *Нет, теперь* ***ничего это не признают***. ЛхТз.

Наблюдается некоторая зависимость формы объекта от того, в каком положении находится именная группа по отношению к местоимению *ничто*. Если *ничто* в препозиции: *ничего этого/это не знали*, доля генитива составляет 83 % (20 примеров из 24), если в постпозициии: *этого/это ничего не знали*, процент генитива несколько снижается и составляет 62 % (10 примеров из 16).

Рассмотренные корпуса различаются по частоте употребления местоимений *такой* и *этот* в данной конструкции. Местоимение *такой* преобладает в западнорусских корпусах Хсл. (13 примеров с местоимением *такой*, 5 — с *этот*) и Лжн. (только *такой*, 2 примера); только местоимение *этот* встречается в северо-восточном корпусе ЛхТз. (12 примеров), см. *Таблицу 2.*

Таблица 2

Употребление местоимений такой, этот и прилагательных в конструкции с местоимением ничто в усилительной функции

	такой	*этот*	**прилагательное**
Лжн.	2 (РП)	0	0
Хсл.	10 (РП), 3 (ВП)	1 (РП), 4 (ВП)	4 (РП)
Нхч.	1 (РП)	1 (РП)	1 (РП)
ЛхТз.	0	9 (РП), 3 (ВП)	1 (РП)

*3.3. **Местоимение** никакой*

Конструкции с местоимением *никакой* отмечены в корпусах Хсл., ЛхТз. и Нхч., при этом только генитивные формы встречаются в корпусе Нхч. (26), генитив преобладает также в корпусе ЛхТз. — 3 формы генитива (примеры 27–29), 1 аккузатива (30):

(26) *Этой, **плиты никакой не становите**, мне крест и всё. Я старая, мне ничего не надо, — приказывала так*. Нхч.
(27) *Да говорили, вот **не помню** я **никаких слов** уже*. ЛхТз.
(28) *Нет, наверное, **не пекли никакого торта***. ЛхТз.
(29) *Сроду не проверяли, они умерли, и век у них никто, **никакой крови не проверяли***. ЛхТз.
(30) *А так **никакие праздники не отмечали**, некогда было, все были в работе*. ЛхТз.

В корпусе Хсл. преобладают аккузативные формы:

(31) *Ну **трение никакое не создавать**, да, ну если трение создавать, тогда…* Хсл.
(32) *У нас-то на = **не играли никакие игры***. Хсл.
(33) *Ну, поводок, **поводок**, я ни = **никакой** (ниякий) **не делала***. Хсл.

Единственная форма родительного падежа встретилась в контексте, где, кроме местоимения *никакой*, усиливающего отрицание, есть другой «генитивный» фактор — сочетание глагола *иметь* с абстрактным существительным:

(34) *Я кровная россиянка, говорю, а к Белоруссии **никакого отношения не имею***. Хсл.

3.4. ***Сочетание*** *ни один*

В контекстах с сочетанием *ни один*, отмеченных в корпусах Хсл., Лх.Тз. и Нхч., употребляются обе формы объекта:

(35) *А* ***нашу ни одну хату не спалили***. Хсл.
(36) *Там* ***ни одно полено не возьмёшь***. ЛхТз.
(37) *Ну как это, это же обидно было, если* ***не вышибу ни одного яйца****, мне не дали*. ЛхТз.
(38) *Корова у нас отелилась, она телилась,* ***не перенашивала*** *ни грамма,* ***ни одного дня***. Нхч.

3.5. ***Повторяющийся союз*** *ни…(ни)*

Ниже рассматриваются четыре типа конструкций, последние два из которых характерны только для устно-разговорной речи. Всего в контекстах с союзом *ни… (ни)* отмечено 12 форм генитива, 15 аккузатива.

1) Перечислительный ряд с двумя и более однородными членами без обобщающего слова (*ни…ни…*). Такие контексты зафиксированы в корпусах Хсл. и ЛхТз., чаще употребляется форма винительного падежа (40, 41):

(39) *А мы раньше* ***не знали ни улицы, ни дому***. Хсл.
(40) ***Ни прощальные*** *никто* ***не делает, ни свадьбы***. Хсл.
(41) *А так она* ***ни письмо не напишет****,* ***ни это****, ну...* ЛхТз.

2) Перечислительный ряд с двумя и более однородными членами с обобщающим словом (*ни…ни…ничего*). В аккузативном корпусе Лжн. фиксируется винительный падеж (пример 42), в переходном корпусе Хсл. — родительный и винительный (43, 44).

(42) *Ну от скота,* ***ни молоко, ни яйца, ничего не давать***. Лжн. (42)
(43) ***Не хочу ни хат, ни квартиры, ни машины, ни тысяч, ничего***. Хсл.
(44) *Раньше мы* ***не делали ни салаты, ни…, ничего***. Хсл.

В устной речи часто встречается опущение второй части перечислительного ряда, вследствие чего возникает т. н. одноместный перечислительный ряд с обобщающим словом или без него. На возможность продолжения перечисления указывает перечислительная интонация.

3) Одноместный перечислительный ряд с обобщающим словом (*ни… ничего*). Подобные конструкции отмечены в корпусах Хсл., ЛхТз., Нхч. При этом в генитивном корпусе Нхч. в этой конструкции встретился только родительный падеж (примеры 45–48), в Хсл. и ЛхТз — обе формы, причем преобладает винительный (49–54), ср. с генитивом — два примера (55, 56).

(45) *Тогда все изо льна, из конопель все делали. А теперь* ***ни конопель не сеют, никого.*** *Никого. Теперь и гречихи-то и то не сеют*. Нхч.

(46) *Не-не-не,* ***ни крестиков, ничего не делали***. Нхч.
(47) *Раньше* ***ни прививок не делали***, ***ничего*** *не делали.* Нхч.
(48) *Знаете, отошло, и будто как бы и* ***не делали ничего, ни уколов, ничего***. Нхч.
(49) *А сейчас уже* ***ни ячмень не сеют*** *тута в колхозе,* ***ничего такого***. Хсл.
(50) *Болеют, не едят,* ***ни молочко, ничего не едят***. Хсл.
(51) *Никто никогда* ***ни травиночку не вырвал****, никто детеночка не подержал,* ***ничего***. Хсл.
(52) *Но, сейчас, Ивановна мне скажет, я не смотрю, она ничего* ***не знает, ни новости, ничего***. ЛхТз.
(53) *Туда* ***ни соду, ничего*** *я* ***не кладу****, да*. ЛхТз.
(54) *Кто и* ***ни пост, ничего не соблюдает***. ЛхТз.
(55) ***Не дашь*** *(даси),* ***ни подушки, ничего***? Хсл.
(56) *Мы* ***ни церкви, ничего*** *толком* ***не знали***. ЛхТз.

4) Одноместный перечислительный ряд без обобщающего слова (*ни…*). В разговорной речи возможен также одноместный перечислительный ряд без обобщающего слова. Такие конструкции встречаются во всех рассмотренных корпусах, в том числе в контексте без прямого объекта: *Неграмотные были — ни папа, ни мама, они* ***ни читать не умели***. ЛхТз. В аккузативном корпусе Лжн. отмечена только форма винительного падежа (57–58), в корпусах Хсл. и ЛхТз — обе формы (59–61, 62–63). Примечателен аккузатив в генитивном корпусе Нхч., видимо, обусловленый высоким референциальным статусом существительного *мать* (64).

(57) *Своих нет уже здесь. И* ***ни деньги не плотят***. Лжн.
(58) *Не мои, я не вышивала,* ***не вязала ни это самое****, вот эти скатерти, ну подзорины, это все это.* Лжн.
(59) *Гостей этих, ну на сватах ничего,* ***ни подарков никаких*** *(нияких) никто* ***не дарит****, просто приедут.* Хсл.
(60) *Мы вам* ***ни помощи*** *ничего* ***не окажем****, потому что не с чего было оказывать*. Хсл.
(61) *Я, говорит,* ***не знаю****, как его звать,* ***ни фамилии****, но он, говорит, на рынке всё время этот мужичок*. ЛхТз.
(62) *А сватья боится всего, она и* ***не открывает ни дверь*** *после девяти никому.* Хсл.
(63) ***Ни посуду не мыть****, ни убираться в комнате*. ЛхТз.
(64) *Он* ***ни матерь не хоронил****, но Ивана хоронил. Нет, Ивана тоже нет.* Нхч.

5) Повторяющийся союз *ни…ни*, соединяющий части сложного предложения, встретился в корпусе Нхч. (возможно, это два одноместных перечислительных ряда):

(65) *Ну как я, сколько я по воде шла, и так мои ноги, мне* ***ни чулка не одеть****, мне* ***ни штанов не одеть***. Нхч.

Таким образом, в разных типах сочетаний с союзом *ни…ни* в аккузативном корпусе Лжн. и переходных корпусах Хсл. и ЛхТз. преобладает винительный падеж,

в генитивном Нхч. — родительный, то есть предпочтение одной из альтернативных объектных форм зависит от типа корпуса (аналогичный результат в: [Малышева, Ронько 2020: 39–43]).

3.6. Сочетание нескольких факторов, усиливающих отрицание

Часто встречаются контексты, в которых сочетается сразу несколько факторов, усиливающих отрицание, например, местоимения *никакой* и *ничто* и сочетание «глагол знания + анафорическое местоимение» (см. п. 4):

(66) ***Никаких плёнок, ничего*** *ведь* ***этого не знали***. ЛхТз.

В корпусе Хсл. есть конструкция, когда местоимение *никакой* добавляется в одноместный перечислительный ряд с союзом *ни*, в этом случае возможна как форма генитива (см. пример 59), так и форма аккузатива (67):

(67) *Дак , ну , он (ён) на = прихо = пришёл сват , и мы* ***ни свадьбу не делали никакую*** *(ниякую)*. Хсл.

Количественные данные по употреблению форм прямого объекта в контекстах с усилением отрицания приведены в *Таблице 3.*

Таблица 3

Аккузатив и генитив в конструкциях с усилением отрицания

	ни		*ничто*		*никакой*		*ни-(ни)*		*ни один*	
	РП	**ВП**	**РП**	**ВП**	**РП**	**ВП**	**РП**	**ВП**	**РП**	**ВП**
Лжн.	0	0	2	0	0	0	0	3	0	0
Хсл.	1	0	15	7	1	3	5	6	0	1
ЛхТз.	1	0	10	3	3	1	2	5	1	1
Нхч.	1	0	3	0	3	0	5	1	1	0

Таким образом, преобладание генитива во всех корпусах наблюдается во фразеологизированных сочетаниях с частицей *ни* (*не дал ни копе*йки) и при наличии местоимения *ничто* (*не сказала ничего интересного*).

В конструкциях с местоимением *никакой,* повторяющимся союзом *ни-ни* и сочетанием *ни один* соотношение аккузатива и генитива зависит от корпуса: в генитивном корпусе Нхч. преобладает форма родительного падежа, в аккузативном корпусе Лжн. фиксируется только аккузатив в конструкции с *ни-ни*; в «переходных» говорах Хсл. и ЛхТз. соотношение аккузатива и генитива в этих конструкциях варьируется: при *ни-ни* в обоих корпусах преобладает аккузатив, при *никакой* в Хсл. — аккузатив, в ЛхТз. — генитив; в контекстах с *ни один* в «переходных» корпусах Хсл. и ЛхТз. встречаются обе формы (ср. преимущественно генитивные примеры в сочетаниях с *ни один* в [Малышева, Ронько 2020: 36]).

4. Статистика употребления аккузатива и генитива при отрицании без учета контекстов с анафорическими местоимениями

В электронных корпусах, материал для которых собирался с использованием этнолингвистических программ и вопросников, содержится большое количество контекстов, включающих сочетания глаголов знания и восприятия (*знать, помнить, слышать, видеть*), а также многозначного глагола *делать* с анафорическими местоимениями (*это, то, такое*): *этого/это не знаю, не помню, не слышала, не делали*.

В сочетании глагола знания или восприятия с анафорическим местоимением достаточно велика вероятность употребления формы родительного падежа при отрицании [Mustajoki, Heino 1991: 166–169; Падучева 2013: 150–153, ср.: Мустайоки 1985: 74–77]. Примеры употребления формы родительного и винительного падежей в сочетаниях с анафорическими местоимениями (1–4, 5–8):

(68) *А когда будет Сорок мученики? Я* ***не знаю такого***. Лжн.
(69) *Я не знаю, не говорили, я* ***этого не чула***. Хсл.
(70) *Шея — «ворот»? Не знаю. Я* ***этого не слышала***. Нхч.
(72) *Змей, прям клубками шевелятся. Я* ***такого не видела***. ЛхТз.
(72) *Ну вот, Варя Костылева, ну она сейчас уехадчи в город, нету ее здесь, больше нету, все ста… все молодые, никто* ***не знает это***. Лжн.
(73) ***Это*** *я* ***не помню***, ***не знаю такое***, *не в курсе дела*. Хсл.
(74) *А* ***это не знаю***. *Слова такого не встречалось*. Нхч.
(75) *Нет,* ***это*** *я* ***не слыхала***. ЛхТз.

Кроме предикатов со значением знания и восприятия, с анафорическими местоимениями широко употребляются и другие глаголы разных семантических классов: *хотеть, любить, говорить, сказать, спеть, писать, понять, пробовать* и др. Особенно много таких сочетаний в корпусе Нхч.:

(76) *Она* ***этого не любила****: «Вот что ты выкидываешь?»* Нхч.
(77) *Этого, этого не,* ***этого не пробовала***, ***этот не хочу***. *Я ж не дура эту отраву пить.* Нхч.

При этом в генитивном корпусе Нхч. преобладает родительный падеж, Против ожидания, генитив преобладает также в аккузативном копусе Лжн., однако примеров слишком мало для однозначных выводов. В Хсл. и ЛхТз. чаще встречается винительный. Соотношение аккузативных и генитивных форм в сочетаниях с анафорическими местоимениями показано в *Таблице 4.*

Таблица 4

Сочетания с анафорическими местоимениями

Источник	РП	ВП	всего
Лжн.	3 (60%)	2 (40%)	5
Хсл.	59 (40%)	88 (60%)	147
ЛхТз.	23 (40%)	35 (60%)	58
Нхч.	22 (73%)	8 (27%)	30

В рассматриваемом материале наибольшее количество контекстов с анафорическими местоимениями содержится в корпусах Хсл. и ЛхТз. (Хсл — 45 % всего материала, ЛхТз — 32 %; ср.: Нхч — 26 %, Лжн — 6 %). Высокий процент содержания в корпусе таких контекстов может повлиять на картину соотношения аккузатива и генитива (см.: [Малышева, Ронько 2020: 33–35]). В данном случае этого не происходит: при исключении из рассмотрения сочетаний с анафорическими местоимениями во всех корпусах несколько уменьшается доля генитива, но общая статистика соотношения генитива и аккузатива существенно не меняется, см. *Таблицу 5*:

Таблица 5

Соотношение форм генитива и аккузатива без учета контекстов с анафорическими местоимениями

Источник	РП	ВП	всего
Лжн.	15 (20 %)	61 (80 %)	76
Хсл.	54 (30 %)	127 (70 %)	181
ЛхТз.	43 (35 %)	81 (65 %)	124
Нхч.	50 (61 %)	32 (39 %)	82

5. Социолингвистический аспект

Исследованные корпуса содержат преимущественно аудиоматериалы, полученные от информантов 1930-х-1940-х годов рождения. В корпусах Лжн. и Хсл. имеются также записи от людей, рожденных в 50-е — 60-е годы XX в. Однако количество примеров от более молодых носителей говора относительно невелико (32 % в Хсл., 20 % — в Лжн.), и при исключении этих примеров из подсчетов общее соотношение аккузатива и генитива при отрицании также меняется лишь очень незначительно (33 % генитива в Хсл., 23 % — в Лжн.), ср. *Таблицу 1.*

Литература

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.

Кувшинская Ю. М. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: http://lingconlab.ru/lukhteza/, дата обращения 27.08.2021).

Малышева А. В., Ронько Р. В. Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ // Вопросы языкознания. 2020 № 4. С. 25–54.

Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. (Электронный ресурс: http://lingconlab.ru/luzhnikovo/, дата обращения 27.08.2021.)

Мустайоки А. Падеж дополнения при отрицании в русском языке: поиски новых методологических приемов в изучении старой проблемы. Slavica Helsingiensia, 2. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1985.

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Рыко А. И., Спиричева М. В. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: http://lingconlab.ru/khislavichi/, дата обращения 27.08.2021).

Рахилина Е. В. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 2008.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. Электронный ресурс: http://lingconlab.ru/nekhochi/, дата обращения 06.07.2021.).

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980.

Seržant I. A. The independent partitive genitive in North Russian. Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars. (Slavica Bergensia, 13.) Seržant I. A., Wiemer B. (eds.). Bergen: John Grieg AS, 2014, pp. 270–329.

Mustajoki A., Heino H. Case selection for the direct object in Russian negative clauses. Part II: Report on a statistical analysis. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1991.

Timberlake A. Hierarchies in the genitive of negation. Case in Slavic. Brecht R. D., Levine J. S. (eds.). Columbus: Slavica Publ., 1986, pp. 338–360.

Anna V. Malysheva
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
annamalys@mail.ru

The article presents data on the quantitative ratio of the forms of a direct object under negation on the material of dialect electronic corpora created in 2020–2021. The contexts with the strengthening of negation and the forms of anaphoric pronouns in the role of the object are considered in detail and the influence of these factors on the choice of case in a negative construction is investigated. It is shown that only in phraseological combinations with the particle *ни* and in combinations with the pronoun *ничто*, preferences for the genitive case are created, regardless of the type of corpus. The degree of influence of other means of strengthening negation (words and combinations *никакой, ни один*, repeated conjunction *ни-ни*) on the choice of the genitive is different and often depends on the type of corpus. New data from electronic corpora demonstrate the heterogeneity of dialects of the western dialect zone in terms of the ratio of genitive and accusative under negation and confirm the presence of genitive systems in the south-west of the European part of Russia.

Key words: Russian dialects, case syntax, direct object, genitive, accusative, negation, differentiated marking of arguments

References

Itskovich V. A. *Ocherki sintaksicheskoi normy* [An outline of syntactic norm]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)

Kuvshinskaja Ju. M. Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lukh and Teza rivers. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. (Available online at URL: http://lingconlab.ru/lukhteza/, accessed on 27.08.2021).

Malysheva A. V., Ron'ko R. V. [Russian object genitive of negation in modern dialect corpora and oral subcorpus of RNC] // *Voprosy jazykoznanija*, 2020, 4, pp. 25–54. (In Russ.)

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Luzhnikovo Corpus. 2021. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science. (Available online at URL: http://lingconlab.ru/luzhnikovo/, accessed on 27.08.2021.)

Mustajoki A. *Padezh dopolnenija pri otricanii v russkom jazyke: poiski novyh metodologicheskih priemov v izuchenii staroj problem* [Case marking of object in the context of negation in Russian: Searching for new methods for an old problem]. Slavica Helsingiensia, 2. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1985. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. (In Russ.)

Ryko A. I., Spiricheva M. V. Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. (Available online at URL: http://lingconlab.ru/khislavichi/, accessed on 27.08.2021.)

Rakhilina E. V. (ed.). *Ob"ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom yazyke* [The genetive of object with negation in Russian]. Moscow: Probel-2000, 2008. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., D'jachenko S. V., Korpechkova E. V., Malysheva A. V., Pekunova I. S., Tolstaja M. N. Corpus of the Nekhochi dialect. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory HSE University, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science. (Available online at URL: http://lingconlab.ru/nekhochi/).

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.

Seržant I. A. The independent partitive genitive in North Russian. Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars. (Slavica Bergensia, 13.) Seržant I. A., Wiemer B. (eds.). Bergen: John Grieg AS, 2014, pp. 270–329.

Mustajoki A., Heino H. Case selection for the direct object in Russian negative clauses. Part II: Report on a statistical analysis. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1991.

Timberlake A. Hierarchies in the genitive of negation. Case in Slavic. Brecht R. D., Levine J. S. (eds.). Columbus: Slavica Publ., 1986, pp. 338–360.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Н. В. Маркова
Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)
markova_nina@mail.ru

К ИСТОРИИ ОБОРОТА *ПОСВАТАТЬ НЕВЕСТЫ* В ОНЕЖСКИХ БЫЛИНАХ

Статья посвящена обороту *посватать невесты,* отмеченному в записях онежских былин XIX-XX вв. и являющемуся диалектным вариантом устойчивого фольклорного словосочетания *посватать невесту.* Формулы сватовства автор статьи рассматривает на фоне функционирования объектного генитива в онежских былинах последних веков и в онежских говорах этого периода; причины более широкого, чем в литературном языке, употребления родительного падежа прямого объекта видит в сохранении старого вариативного управления родительным/винительным падежом у глаголов мысли, речи, конкретного физического действия (*петь песен, рубить дров*) и других, а также в присутствии рефлексов древнего супина (*ходил ловить рыбы*), более явных в былинах и менее заметных в говорах. Зависимость падежа объекта от структуры глагольного компонента составляет особенность онежских говоров и былинного синтаксиса. Не замеченный в истории языка с объектным генитивом глагол *сватать* в текстах былин регулярно оказывается зависимым от глагола движения, то есть оказывается в трансформированной супинной конструкции с целевым значением, таким образом предопределяя падеж объекта. Учитывается в работе своеобразие территории говоров, граничащих с иноязычными диалектами. Высказывается предположение, что сохранению в онежских говорах старины — вариативного управления — способствует влияние со стороны финских говоров, для которых вариативность управления падежами объекта — единственное грамматическое средство выражения законченности/незаконченности действия (аккузатив/партитив). Под сомнение ставится высказанное ранее предположение о калькировании фольклорного оборота *kosia tytärtä — посватать невесты.* Автор приходит к выводу о решающей роли структуры глагольного компонента в выборе родительного падежа полного объективирования в фольклорной конструкции *приехал посватать невесты за князя.*

Ключевые слова: онежские былины, онежские говоры, объектный генитив, супинная конструкция, финский партитив.

В записях онежских былин XIX в. отмечена конструкция *посватать невесты* — вариант *посватать невесту,* видимо, локальная и ограниченная по времени бытования. Примечательная по грамматической семантике — выделяется на фоне общерусских и диалектных оборотов с объектным генитивом, который здесь тождествен аккузативу, — она относится к устойчивым словосочетаниям, таким как *калика перехожая, дума думать*.

В текстах онежских былин широко представлены глагольные словосочетания с родительным падежом прямого объекта, известные севернорусским и части среднерусских говоров [Кузьмина 1993: 62]. Сохраняются в былинах и архаичные глагольные словосочетания с номинативным объектом [Маркова 1996]. Заметим, что при регулярности употребления конструкций типа *жена отнять,* ср.: *А й как на что старому жениться мне? А еще стара взять да не надержишься, А й молодая взять да как чужа корысть.* Водлозеро Пудога ГIII,128, номинатив существительного *невеста* в объектной функции не зафиксирован, что безусловно подчеркивает разницу конструкций: независимость инфинитива в сочетании с номинативным объектом [Циммерлинг 2019: 332], а также семантическую разницу падежей: родительный в данном случае выражает намерение действия [Малышева 2008: 239], а форма именительного падежа тождественна винительному. Помимо этого, на наш взгляд, есть еще причины использования оборота *посватать невесты* именно в онежских былинах.

Разделяя взгляды специалистов на диалектную основу произведений устного народного творчества [Праведников 2010: 38], обратимся к функционированию глагольных конструкций с объектным генитивом в онежских говорах последних веков. Здесь, помимо активно используемых общерусских оборотов с родительным партитивным, регулярно отмечаются синтаксические диалектные различия: во-первых, частотные словосочетания с родительным падежом неполного объективирования при глаголах несовершенного вида типа *песен пели*; во-вторых, редкие словосочетания с родительным падежом полного объективирования, семантически тождественные словосочетаниям с винительным падежом, типа *здымать самовара*. Диалектные словосочетания с родительным падежом неполного объективирования в большинстве своем обусловлены фактами старорусского и древнерусского языка: в онежских говорах многие глаголы несовершенного вида сохраняют способность сочетаться с родительным падежом, утраченную к настоящему времени в литературном языке. Это глаголы мысли, речи, конкретного физического действия и многие другие, подробнее см.: [Малышева 2014: 123]. Приведем некоторые примеры: *денег дают, и конфет купишь* Толвуя Медв.; *блинов пекёт-пекёт-пекёт*; *бабушка знает частушек* Великая Губа Медв.; *тоже знает она песен* Бочилово Пуд. Вовлеченными в круг глагольных конструкций с объектным генитивом оказались словосочетания с заимствованными глаголами близкой семантики, ср.: *полно ты вярандать* ‘говорить’ *пустого-то* Таржеполь Прион.; *репсала* ‘пила’ *чаю дома* Суйсарь Прион. и др.

Резкое диалектное различие представляют собой словосочетания с родительным падежом полного объективирования, семантически тождественные общерусским

конструкциям с винительным падежом прямого объекта. В большинстве своем они содержат глаголы, некогда управлявшие винительным и родительным падежами объекта: *и попомнил этого слова*; *и зажги лампочки* (одна в комнате); *коровы кто купит, дак не будет жить корова* Ладва Прион.; *а мне дали квартиры* (одну); *этого уже носят?* Пудож; *как падчерицы-то повез в лес*; *она возьмет топор да собачке головы и отрубила*; *самовара здымать, уж я не здымаю* Шуньга Медв.; *иди вари обед да грей чайника*; *взял жених невесты*; *автобуса-то наа караулить* Палозеро Вытегор.; *не каюсь, что съездила Москвы поглядела* Анхимово Вытегор.

Кроме того, что в онежских говорах большой ряд глаголов сохраняет вариативное управление винительным/родительным падежом, здесь просматриваются следы древнего супина [Булаховский 1958: 230; Пеньковский 1975: 87]. В онежских говорах второй половины XX в. почти треть диалектных конструкций приходится на обороты с целевым инфинитивом и объектом достижения — рефлексам супинного оборота, в котором супин потеснен инфинитивом (глагол движения + инфнинитв + род. п.): *старик-то ушел в лес-то дров там рубить* Ладва Прион.; *мать ушла ягод брать* Пудож; *больная поехала, хоть, думаю, съездить еще раз мамы посмотреть* Шуньга Медв.; *поеду поглядеть племянницы да ребят* Толвуя Медв.; *съездить поглядеть Вытегры* Палозеро Вытегор.; *надо бы пойти костра проверить, засырел, наверное* Водлозеро Пуд.; *приедет посмотреть квартиры* Кажма Медв.; *на сплав ходили бревен катать* Ладва Прион. Как видим, в конструкциях этого типа свободно используются существительные не только неисчислимые, но и исчислимые. Вероятно, расширение супинной конструкции можно видеть и в оборотах с объектным инфинитивом, зависимым уже не только от глагола движения, но и некоторых других, а родительный падеж сохраняется, очевидно, под влиянием схемы «личный глагол + инфинитив + род. падеж» [Тимченко 1913: 137]. Ср.: *дядя Василий велел дубу рвать* Иламанча Прион.; *заставляли и косить, и бороновать, и дров рубить* Шуньга Медв.; *нанимать надоть колоть дров* Падмозеро Медв.; *выгоняли окопов рыть* Вытегра Волог.

В XIX в. в части говоров вокруг Онежского озера, по наблюдениям В. П. Мансикки над пудожским диалектом [Мансикка 1914], употребительны были словосочетания с глаголами, сохраняющими старое управление родительным падежом как неполного (*я бидова-то была писен петь*; *кринок купил*; *пас скота*; *сказок-то я мастерица была скзывать*), так и полного объективирования (*всю ночь проскзыват одной сказки*; *рыщет перевозу*; *посмотреть цюгунной дороги*; *дала совету*). Помимо этого, в материалах В. П. Мансикки прослеживается зависимость формы родительного падежа от состава глагольного компонента, примеры рефлексов супинного оборота составляют треть (12) из всех приведенных автором статьи (36): *воронка покупать пришол*; *старик ушел ловушек пускать*; *пошел воровать Илены Прекрасной*; *уехали рыбы смякать*; *я пойду доски строгать*; *пошел головы полоскать на бирёк*; *ушла пытаться кобылы*; *пошел веника моцить*; *дайте мне байны вытопить* [Мансикка 1914: 163–164].

Как видим, в современных и более раннего периода онежских говорах диалектные глагольные словосочетания с объектным генитивом являются грамматическими

архаизмами. Количественное выделение конструкций, исторически восходящих к древнерусскому супину, вероятно, составляет своеобразие этой территории, поскольку в целом «как для современных говоров, так и говоров конца XIX — начала XX века, имеющиеся материалы позволяют констатировать отсутствие зависимости падежа от формы глагольного компонента: предложения, в которых родительный падеж объекта сочетается с инфинитивом, зависящим от глагола движения, не характеризуются большей частотой употребления, чем предложения с другой глагольной формой» [Кузьмина 1993: 38].

В онежских былинах, записанных П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом в XIX в., общее число словосочетаний с родительным падежом семантического объекта — 461, из них диалектных 263. Подавляющее большинство общерусских примеров составляют партитивные словосочетания, в которых имя называет предметы делимые и исчислимые и сочетаются с глаголами сов. вида, а также с глаголами несов. вида с семантикой «брать», «давать», например: *Поди, брат названный, я тебе силы дам.* Колодозеро Пуд. ПР II, 291; *Ты пей до дна, то увидишь добра.* Мунозеро Пуд. ПР III, 431; *Ржи напахал, да домой выволочил… А я пива наварю да гостей назову* Кижи Р, 386 и под.

Примеры с родительным падежом временного пользования оказываются крайне редкими, ср.: *Ну, так дай же мне, отче, твоего лука, я пойду в чисто поле воевать-поляковать.* Пудож ПР III, 177.

Широкое употребление объектного генитива в онежских былинах, как и в говорах, объясняется прежде всего тем, что глаголы сохраняют вариативное управление родительным/винительным падежом, например: *Ещё наб у калики вистей спрашивать: Куда шла калика, а что видела?* Водлдозеро Пуд. ГIII, 61; *Напрасно бить удалых-добрых молодцев, Проливать крови горючия.* Сумозеро Пуд. ПР II, 173; *Мне сказали многи люди добрые, что охвочь-то млад отецкой сын Свежей рыбушки вылавливать* Кижи ПР III, 77; *Выручал он полону да русскаго* Рим Пуд. Г I, 137.

Отмечены также диалектные конструкции с родительным падежом полного объективирования, семантически тождественные конструкциям с винительным падежом, при глаголах, сохраняющих старое управление родительным падежом, например: *Ты меня жалеешь, души красной девицы, Иль своя есть какая обида великая?* Пудога ПР III, 19; *Приходит солнышко Владимир стольнокиевский А своей дочери еще спрашивает* Рим ГI, 183; *Еду я ко городу ко Киеву отдавать своей сестрицы родимыя за того за князя за Владимира* Толвуя ГI, 332.

Наблюдается в былинных текстах и закономерность в употреблении родительного падежа в конструкциях с инфинитивом, зависящим от глагола движения, например: *Не хватало гвоздя ему сердечнаго: Побежала она в торг на ярмонку Покупать гвоздя ему сердечнаго.* Кижи ПР II, 713; А *приехал посмотреть вашего города.* Сумозеро Пудож. ПР II, 195; *Послали меня вашего живота описывать* Пудож ПР II, 326; *Я теперь пойду кручинная, По полу пойду расхаживать, Цветно платьице донашивать, красной красоты додерживать, Черных чеботов дотаптывать.* Вытегра ПР III, 100–101. В конструкции с целевым инфинитивом, заменившим

древнерусский супин, могут быть вовлечены глаголы, в отношении которых нет свидетельств былого управления родительным падежом, ср.: *Я приехал ли посватать-то Опраксы королевичной И за солнышка Владимира* Кижи Г II, 362; *поедем-ко мы свадебки доигрывать.* Рим Пуд. Г I, 186; *пора мне съездить в во чисто поле, поразломать мне своего плеча багатырского.* Сумозеро Пуд. ПР II, 198.

Сватовство — одна из главных тем былинного эпоса. В ранних былинах, таких как «Садко», «Дунай», тема женитьбы, семьи отражает становление государственности Киевской Руси, формирование геополитических интересов (сватовство Владимира «на политовской княжне»). Сватовство оказывается в основе конфликта между богатырями Добрыней и Алешей. В былине более позднего времени «Хотен Блудович» нашел отражение социальный конфликт. Значительное число старин, в которых поется о сватовстве героя, записано в Обонежье, а основное количество записей одной из них — о Хотене Блудовиче приходится на онежские [Пропп 2006: 436]. Тема женитьбы, сватовства, возникшая в период зарождения государственности, остается актуальной и в современном мире, в эпоху преодоления глобализации.

В записях XIX в. былины «Дунай», лучшей из цикла о сватовстве, по мнению В. Я. Проппа, используется трехчленное словосочетание, соответствующее всем канонам обряда: *посвататься/сделать сватовство за + вин.п. на + пред.п.*: *Он за этой чарочкой посватался За того за князя за Владимира На прекрасной на Опраксы королевичны* ПР 1, 140; *Сделаем с тобой мы сватовство За того за князя за Владимира На моей-то дочери любимыя* ПР 1, 141. Заметим, что в устойчивом обороте может оказаться форма предложного падежа на *-ы*, омонимичная форме родительного падежа существительных этого типа склонения, что характерно для севернорусских говоров. Однако в былинных текстах простое трехчленное словосочетание чаще встречается в неполном виде, обычно без указания *за кого,* поскольку субъект этого действия известен из контекста: *А поехал я за добрым делом Засвататься на твоей дочери на Опраксии* Кижи ДН, 117. Герой может действовать самостоятельно, сватать за себя, что тоже исключает субъектный компонент словосочетания: *Тут она у князя у Владимира Посваталась на прекрасной дочери любимоей* Кижи Р, 154. Реже в условиях контекста остается упущенной форма *на ком*: *Я про то знаю, кого послать посвататься За тебя, за князя за Владимира* ПР I, 138. Значительно реже опущены оба распространителя: *И поезжай в тую землю в хоробрую литву, И добрым словом посватайся: Буде в честь не дают, так ты силой возьми, А столько привези Опраксу королевичну* Кижи ДН, 116.

Наравне с возвратными используются переходные глаголы *сватать/ засватывать/ повысватать/посватать/ подсватать/ подсватывать* с винительным падежом объекта: *«Я приехал, посол земли Гленския, Посватать-то твою любимую племницу, Племницу любимую себе, послу, в супружество»* Кижи Р, 406; *Стал он дочь свою просватывать.* Кижи. Р, 253. Единичными в записях онежских былин XIX в. оказываются синонимичные обороты: *Поди ты, Василиста, за меня замуж* Пудога ДН, 257.

Противопоставленным диалектным различием оказывается зафиксированный в пудожских и заонежских записях оборот *сватать + родительный падеж*: *Честна вдова Блудова жена Налила чару зелена вина, Подносила чару Часовой вдовы, Подносивши у ней дочери посватала За того Хотея за Блудовича.* Повенец ПР II, 11. 15. 16; *Я приехал ли посватать-то Опраксы королевичной И за солнышка князя Владимира.* Кижи Г II, 352; *И стали Настасьи подсватывать.* Марнаволок Пуд. ДН, 310; *Стал солнышко Владимир тут похаживать, Настасьи Никуличной посватывать.* Горка Пуд.ДН, 230, 231. Как видим, родительный падеж отмечен в былинах как в составе конструкции, восходящей к древней супинной, так и вне ее.

Глубокая архаичность языка старин соответствует их содержанию, язык былин во все времена был «древнее разговорной речи», и «в эпических песнях сохранились устаревшие слова и их формы, синтаксические конструкции, давно исчезнувшие фонетические и другие особенности» [Новиков 2000: 78]. Если в записях онежских былин XIX в. трансформированные супинные конструкции составляют 2/3 примеров с объектным генитивом, то в говорах этого времени на их долю приходится только треть диалектных примеров с объектным генитивом.

В былинах Обонежья XX в. фиксируются все известные XIX веку устойчивые словосочетания с глаголами *свататься/сватать,* хотя появляются случаи контаминации: *ай да замуж стал подсватывать* Заонежье, БС, 59; *стал Настасью он замуж подговаривать Пудож* Пудож БС, 485; *стал Олёшенька Настасьюшку замуж подговаривать* Пудож БС, 485; *замуж тебя будут подсватывать* Заонежье БС, 65. В качестве синонимичного фольклорному отмечается разговорный оборот: *Мололой Василий Окулович, Говорит он князю таковы слова: «А отдай-ка за меня свою племняньицу, Молодую Забаву, дочь Путятичну»*. БЗ, 156.

Словосочетания с возвратным глаголом употребляются в неполном виде: *Ну а сам Владимир На Апраксии королевичне сватался.* Пудож, БС, 490. Инфинитив возвратного глагола чаще зависит от глагола движения: *...приехал просвататце на твоей племяннице Мамелфе Тимофеевой* БЗ, 537; «*...Я есть посол земли Ляцкие, Приехал я свататься на Марье Путятичне*». Заонежье, РЭПК, 122. Регулярное использование глаголов *приехал, пришел* сказывается на замене формы *на ком* на *к кому: Приходит смелой Олеша Попович сын К Настасьи Микулишной свататьси.* Заонежье РЭПК, 95.

От словосочетаний с возвратными глаголами резко отличается единственный случай страдательной конструкции в заонежской записи былины о Добрыне и Алеше: *Ведь жена твоя просваталась За того Олешу за Поповича* БЗ, 308. Вероятно, объектный номинатив в приведенном страдательном обороте обусловлен регулярно употребляемым в этой былине выражением *жена отлучить*: *Как же можно от жива мужа жена отнять?* Кижи ПР I, 400; *А бьет он, сам выговаривает: Каково, собака, зде живитися, От живаго мужа жена отлучить?* Бураково Пудож. ПР II, 113; — *А каково, Олёшка, ти жениться здесь, От живого мужа жена отлучать?* Пудога ДН, 262.

Более употребительными оказываются переходные глаголы в устойчивом трехчленном и чаще неполном словосочетании: *Я приехал сватать вас, грит,*

за нашего за солнышка за князя за Владимира БЗ, 493; *Еще смелый-то Олёшенька Поповиц-то Да стал Настасьюшку да доць Микуличну, Да стал он сватать-то да посватывать...* Пудож РЭПК, 186; *И стал Олёшенька похаживать Молоду Настасью Микуличну засватывать* Заонежье БС, 420. Зависимость инфинитива *сватать* от глаголов движения в заонежских записях можно признать регулярной: *Ты приехал сватать младшу дочь через старшую.* Заонежье РЭПК, 95; *Я пришел сватать вашу дочь Апраксию-колевичну Как за нашего князя за Владимира* БЗ, 481;. *А я поеду от собаки Калина Сватать княженецкую племянницу.* Кижи БС, 31.

Несмотря на то, что в былинах XX в. еще наблюдается некоторая зависимость формы объекта от структуры глагольного компонента, например в былине «Дюк Степанович» при инфинитиве, зависимом от глагола движения во всех шести случаях используется объектный генитив: *Трех человек выбрали ехать туды Животов описывать*; *«А мы приехали ваших животов описывать»,* а в отсутствии целевого значения инфинитива (4 примера) употреблена форма аккузатива: *«Вам недолго наши сирочки животы описывать»* БЗ, 381–384, ко второй половине XX столетия форма родительного падежа при глаголах *сватать/посватать* практически не встречается, что указывает на утрату следов древнего супина не только в говорах, но и в языке былин. Единичные контексты с диалектной формой объекта относятся к записям 30-х-60-х гг. *Она поехала бытто сватать его дочери со своей хороброй дружиною, с мужней значит.* Космозеро СРСН, 52; *Олешенька Поповиць и приезжат опять. И стал Настасьи подсвадывать. Вот и высватал.* Пудож. ДН, 310; *И приходил сватать молодой жены Настасьи Микуличной.* Пуд. Последний пример заимствован из [Пеньковский 1975: 88].

Ограничение по времени и территории бытования словосочетания *сватать невесты* связано с обоими этими факторами. В целом наши наблюдения подтверждают вывод К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева о том, что «севернорусские говоры (прежде всего в иноязычном окружении) изредка дают примеры употребления супина в целевых конструкциях» [Горшкова, Хабургаев 1981: 344]. Именно иноязычное окружение, способствует, с одной стороны, сохранению в русских говорах исконных форм, а с другой — оказывает влияние на их преобразование. Поскольку русские говоры Карелии находятся в постоянном контакте с карельскими и вепсскими диалектами, исследователи давно обратили внимание на возможность влияния со стороны финского партитива на функционирование конструкций с объектным генитивом даже в литературном языке [Decsy 1967: 157–158]. Действительно, прибалтийско-финский партитив является единственным грамматическим средством выражения неполноты охвата объекта действием, а аккузатив — полноты; большинство финских глаголов управляет как партитивом, так и аккузативом. Вероятно, такое вариативное управление могло сказаться на сохранении глаголами вариативного управления винительным/родительным падежами и в онежских говорах. С учетом территориальной ограниченности нашего оборота, до сих пор не обнаруженного в записях других территорий, ранее было высказано предположение о калькировании устойчивого фольклорного оборота *посватать невесты* из финских говоров [Маркова 1988: 102] на том основании, что в финском языке глагол

с семантикой желания, намерения *kosia* ‘сватать’ относится к числу тех, которые управляют исключительно партитивом: *Torpan poika kosi talon tytärtä*. ‘Бедняк посватал дочь богатых родителей’ (буквально: *посватал дочери*) [Хакулинен 1955: 182]. Однако вариативность управления глагола *сватать* родительным/винительным падежом, семантика глагола и родительного падежа, а также регулярность употребления в конструкциях, исторически связанных с древним супином, ограниченность во времени функционирования свидетельствуют не в пользу калькирования, хотя не исключают некоторое поддерживающее влияние со стороны финского партитива, поскольку русские сказители находились в постоянном контакте с носителями финских говоров. Таким образом, глагол *сватать,* о былом управлении родительным падежом которого нет сведений, оказавшись в трансформированной супинной конструкции, некоторое время под ее влиянием мог управлять объектным генитивом. Однако это не сказалось на развитии вариативности в управлении глаголов *сватать/посватать* в дальнейшем.

Литература

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа. 1950. 411 с.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М. : Высшая школа, 1981. 359 с.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М. : Наука, 1993. 224 с.

Малышева А. В. Типы употребления количественного генитива исчисляемых существительных (на материале современных архангельских говоров и русских летописей) //Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М. : Наука, 2008. С. 232–247/

Малышева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах//Труды института русского языка им. В. В. Виноградова: III. Диалектология. М. : Наука, 2014. С. 120–144.

Мансикка В. П. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда// Изв. ОРЯС. СПб, 1914. Т. 19, кн. 4. С. 143–170.

Маркова Н. В. Родительный падеж прямого объекта в русском фольклоре Карелии// Язык русского фольклора. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1988. С. 96–104.

Маркова Н. В. Конструкции типа *косить/кошу трава* в русском фольклоре Карелии// Язык русского фольклора. Сб. научных трудов. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1996. С. 69–78.

Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб : Дмитрий Буланин, 2000. 374 с.

Пеньковский А. Б. О диалектных явлениях, генетически связанных с супином// Совещание по Общеславянскому лингвистическому аталасу (Гомель, 1975). М., 1975. С. 86–88.

Праведников С. П. Основы фольклорной диалектологии. Курск : Изд-во Курского государственного университета, 2010. 230 с.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 2006. 620 с.

Тимченко Е. К. Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1913. 278 с.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка / Пер. с финск. М.: Иностранная литература, 1955. Т. 2. 292 с.

Циммерлинг А. В. Кому *проспати заутреня и ловити рыба?* Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // Die Welt der Slaven, 2019, № 2. P. 299–337.

Decsy G. Is there a Finnic Substratum in Russian// Orbis, XVI, I 1967. P. 156–169.

Источники

БЗ — Былины Заонежья/ Сост. В. П. Кузнецова, А. С. Лызлова, Е. В. Марковская. Петрозаводск, 2018. 638 с.

БС — Былины Севера/ Под ред. А. М. Астаховой. Т. 2. М.; Л., 1951. 847 с.

Г I-III — Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом М.; Л., 1949–1951. Изд. 4. Т. I-III.

ДН — Добрыня Никитич и Алеша Попович/ Изд. под. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М. : Наука, 1974. 447 с.

ПР I-III — Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб, 1909. Изд. 2. Т. I-III.

Р — Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск : Карелия, 1989. Т. I. 490 с.

РЭПК — Русские эпические песни Карелии/ Изд. под. Н. Г. Черняева. Петрозаводск : Карелия, 1981. 310 с.

СН — Севернорусские сказки в записях А. Н. Никифорова. М.; Л. : Изв-во АН СССР, 1961. 386 с.

Список сокращений районов, относящихся к территории онежских говоров

Вытегор. — Вытегорский район Вологодской области

Медв. — Медвежьегорский район Республики Карелия

Прион. — Прионежский район РК

Пуд. — Пудожский район РК

Nina V. Markova
Petrozavodsk State University, Philology Institute
(Russia, Petrozavodsk)

THE SET EXPRESSION *POSVATAT' NEVESTY* IN ONEGO EPICS

The study tested the set expression *posvatat' nevesty* 'to woo the bride', noted in the records of Onega epics of the XIX-XX centuries as a dialect variant of a phrase *posvatat' nevestu*. The author considers the formulas of matchmaking against the background of the functioning of the object genitive in the Onega epics of the last centuries and in the Onega dialects of this period; he sees the reasons for the dialect use of the genitive case as the direct object in the conservation of the old variable government of the genitive/accusative case in verbs of thought, speech, specific physical action and others, and in the presence of reflexes of the ancient supin (*poiti lovit ryby*), wich is more obvious in epics and less noticeable in dialects. The dependence of the object case on the structure of the verbal component is a feature of Onega dialects and epic syntax. In the history of the language the verb *posvatat'* is not noticed with genitive object, and in the epic texts it is regularly depended on the verb of movement, thus the form of verb component determines the object case. The study takes into account the peculiarity of the territory of dialects bordering on foreign dialects. It is suggested that the influence of Finnish dialects, which are characterized by the variability of the control of the object cases — the only grammatical means of expressing the completeness/incompleteness of the action (accusative/partitive), contributes to the conservation of the variable verb government in Onega dialects. The previously expressed assumption about the calque of the folklore idiom *kosia tytärtä* 'to woo the bride' is daubtful. The author comes to the conclusion about the decisive role of the structure of the verbal component in the choice of the genitive case of complete object in the folklore construction *prishol svatat' nevesty*.

Key words: onego dialects, onego epics, genitive, partitive, object, old Russian supin.

References

Bulakhovcriy L. A. *Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. Kiyev: Radyanska shkola Pabl.,1950. 411 p.

Cimmerling A. V. *Komu prospati zautrenya I loviti ryba? Imenitelnyi padezh dopolneniya infinitiva kak predmet grammaticheskogo opisaniya* // Die Welt der Slaven, 2019, №2. P. 299–337. (in Russ.)

Gorshkova K. V., Haburgayev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 359 p.

Kuzmina I. B. *Sintaksis russkih govorov v lingvogtograficheskom aspecte* [The Syntax of Russian Dialects in Linguistic Geography Aspect]. Voscow: Nauka Publ.,1993. 224 p.

Malysheva A. V. [Quantative Genetive of Countable Nouns: Types of Usage (based on Contemporary Arkhangelsk Dialects)]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii III (IX)* [Material and Studies on Russian Dialectology III (IX)]. L. L.Kasatkin (Ed.). Moscow: Nauka Publ.,2008, pp. 232–247/ (in Russ.)

Malysheva A. V. [Partitive Genitive in Russian Chronicles and Contemporary Dialects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V.Vinogradova III Dialektologia* [Proceedings of the V. V.Vinogradov Russian Language Institute III Dialectology]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute Publ., 2014, pp. 120–144.

Mansikka V. [About the Dialect of North-East Part of Pudozh District] // Izv. ORYAS. Spb, 1914. Vol. 19, b. 4. P. 143–170.(in Russ.)

Markova N. V. [Verbal Constructions with Genetive Object in Russian Folk of Karelia] // *Yazyk russkogo folklora* [Russian Folk's Language]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ.,1988, pp. 96–104. (in Russ.)

Markova N. V. [Constructions of Type *kosit'/koshu trava* in Russian Folk of Karelia] // *Yazyk russkogo folklora*. Сб.научных трудов. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 1996, pp. 69–78. (in Russ.)

Novikov Y. A. *Skazitel' I bylinnaya tradiciya* [The Narrator and Epic Tradition]. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2000. 374 p.

Penkovskiy A. B. *O dialektnyh yavleniyah, geneticheski svyazannyh s supinom* [Dialect Phenomena Connected with Supin in Origin] // *Soveshcaniye po Obshceslavyanskomu lingvisticheskomu atlasu* (Gomel, 1975). Moscow, 1975, pp. 86–88. (in Russ.)

Pravednikov S. P. [Foundations of Folk Dialectology]. Kursk: Kursk State University Publ., 2010. 230 p.

Propp V. Y. [Russian Heroic Epos]. Moscow: Labirint, 2006. 620 p.

Timchenko E. K. [Genetiv Functions in South Russian Language Region] *Funkcii genitiva v yuzhnorusskoi yazykovoy oblasti*. Varshava: Varsh.uchebnyi okrug Publ., 1913. 278 p.

Hakulinen L. [Development and Structure of the Finnish Language] / Transl. from Finn. Moscow: Inostrannaya literatura, Vol. 2.1955. (in Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

А. В. Войтенко
Московский государственный областной университет
(Россия, Москва)
avoy@yandex.ru

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ ТАЛДОМСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье приведены примеры прозвищных именований, полученные в результате опроса жителей нескольких деревень Талдомского района Московской области. Наблюдения за диалектной антропонимией обследованной территории приводят к выводам о её структурном и семантическом разнообразии. Данные антропонимы представляется возможным рассматривать в двух основных аспектах: с точки зрения их образования и выяснения мотивационного признака. Наиболее продуктивным в структуре прозвищ является суффикс, представляющий собой словообразующий формант. Диалектная лексика является хранилищем древнерусских и праславянских архаизмов. В статье приводятся диалектные и исторические данные, позволяющие прояснить апеллятивную основу некоторых антропонимов. Прозвищные имена отражают реликты древнерусского принципа именования, включавшего для мужского населения пять более или менее регулярно повторяющихся компонентов: указание на происхождение из какой-либо местности или принадлежность к какому-либо народу; указание на должность, занятие, профессию; личное имя; указание на имя, прозвище или профессию отца, индивидуальное прозвище. Очевидна стойкость традиционной системы именования жены по мужу, реже — дочери по отцу. Основу диалектной ономастической лексики составляют микротопонимические и микроантропонимические образования. В ряду их производящих основ особое место занимают прецедентные имена.

Ключевые слова: ономастика, семантика, диалекты, антропонимия

Обследованные деревни Карачуново, Климово, Маклаково, Парашино, Полутьево, Смёнки Талдомского района Московской области относятся к территории «башмачников» — этнографической группы, впервые выделенной А. Ф. Войтенко (Ивановой) во время многочисленных экспедиций по Подмосковью в период сбора лексического материала для Словаря говоров Подмосковья и Лексического атласа Московской области. В опроснике по топонимике и микроантропонимии региона

прозвищам и фамилиям посвящены одиннадцать вопросов, ответы на которые дают представление о структуре и семантике именований, бытующих на данной территории. Данные антропонимы представляется возможным рассматривать в двух основных аспектах: с точки зрения их образования и выяснения мотивационного признака. На наблюдаемой территории отмечены основные типы прозвищ.

Коллективные прозвища, производные от названий деревень:

Параши *идут, это — мальчишки когда идут озорные. Вот* ***Никитинские, Параши*** *идут* (дальше не решается говорить, «непечатное» — А. В.) д. Парашино;

Полутьевские д. Полутьево;

Маклак, Маклаки, Маклаковские д. Маклаково;

Климачи д. Климово.

Коллективные прозвища по основному кустарному промыслу в прошлом:

Здесь были ***скорняки*** (Сотское, Мякишево, Квашонки); *Ахтимнеево —* ***башмачники*** (д. Карачуново, с/с Ахтимнеево).

Отфамильные (мотивированные официальными фамилиями):

Кулага (ф. Кулагин); *Кузьма* (ф. Кузьмичёв) д. Парашино;

Баран *— Баранов Витька; Рубец* (ф. Рубцов) д. Маклаково.

Среди них выделяются как самые распространенные женские прозвища на *–их(а)*:

Колтаниха (ф. Колтановы); *Бундючиха* (ф. Смирнова); *Бараниха* (ф. Барановы) д. Маклаково; *Крылиха* (ф. Крылова) д. Смёнки; *Лукьяниха* (ф. Лукьянова): *Маша Лукьяниха идет* д. Парашино.

С вариантом *–ях(а)*:

Кузяха (ф. Кузнецова). *Вон,* ***Кузяха*** *идет* д. Парашино.

Прозвища иллюстрируют стойкость традиционной системы именования жены по мужу. Реже — дочери по отцу:

Переходит прозвище, переходит. Вот Емельянов — прозвище ***Туснихин****, так и идёт. Бапку звали* ***Туснихина****, дочка* ***Тусниха*** д. Климово.

Им противопоставляются прозвища, образованные не от фамилий индивидов, а переходящие от старших родственников, зачастую такие прозвища выполняют дифференцирующую функцию, выделяя индивида или семейную ветвь из числа других однофамильцев/родственников:

Павлинин, Макушкин, Мановы, Мохины, Чуркины (у всех — фамилия Кузмичевы).

Имя отца как источник образования прозвища, зачастую претерпевшее фонетическое переоформление:

Трофимовы *— у отца — отец Трофим, дети —* ***Трофимовы*** д. Климово.

Прозвище/имя отца как источник прозвища, оформленное типичным для фамилий суффиксом *–ин(а):*

Их фамилия другая, отец был Кузьма. ***Кузьмины****, а на самом деле Смирновы* д. Карачуново.

Было отмечено фамильное прозвище мужчины, достоверно мотивированное именем прабабушки:

Вован ***Павли́нин****. Павли́на была прабабушка* д. Полутьево.

Прозвища, указывавшие на принадлежность к одной семье (не всегда совпадавшие с официальной фамилией):

Маралы*: Борька — сын, отец Василий, Славка — сын, а прозвище* ***Маралы****. Коля-Вася-Витя-Тоня. Кто-нибудь один идёт, а всех перечисляют*. д. Смёнки.

Различные прозвища, относящиеся к одному человеку:

Баран *— Баранов Витька.* ***Баран — три копейки****, он же —* ***Хромо****й* (ноги не было) д. Маклаково;

Седой, Колчак *— это у меня два прозвища* д. Карачуново;

Машка-Барашка, Колдунья (ф. Баранова) д. Полутьево.

Сложные, рифмованные прозвища, в том числе дразнилки:

Матаня — зовут Таня (упрощение рифмованного прозвища *Таня-Матаня?*); д. Парашино

Женя-Посе́ня, Женя-Посе́нька*, где мои трусе́нька? В поле пасется, всё домой несется* д. Смёнки;

Колястый-Бородастый, Колюха-Поросюха (записано от сестры) д. Смёнки;

Витька-титька *— колбаса / Кислая капуста / Съел мышонка без хвоста и сказал: как вкусно*! д. Смёнки.

Сведения о причинах и обстоятельствах — мотиве возникновения того или иного прозвища могут дать информанты, хорошо знакомые с объектом именования, обстоятельствами его жизни:

Васька ***Палёный****, он погорел* д. Маклаково;

Тетя Маруся, прозвали ***Пыльная****. Залезла за сухим молоком, наложила мешков, потом упала. Машка* ***Пыльна****я, Бугаева — фамилия, тётя Маруся* д. Смёнки.

Особенности внешности, изъяны здоровья:

Нога *— Толька Журавлев.* ***Толя Нога*** д. Карачуново;

Чернявый парень, зовут ***Цыган*** д. Карачуново;

Заика *— отец, а* ***Лобастый*** *— сын.* ***Лобастый*** *— Карявин Виктор, лоб большой*; д. Маклаково;

Суповой набор (о худощавой женщине) *Баранова Мария Ивановна* д. Маклаково;

Хромой (ноги не было) д. Маклаково;

Тяга *— Толька Жалябин, здоровый парень был* д. Маклаково;

Рыжый *— веснушки были* д. Климово;

Пузан *— толстый* д. Климово.

Психологический портрет, особенности поведения:

Лёня ***Пёс*** *— злой* д. Полутьево;

Кона *— называли Кольку Гаврилова давно с малолетства, он же* ***Заливон****, потому что врал всё время* д. Климово;

Коно́к *— фамилия Иванов Николай, а звали* ***Коно́к****. Стакана полтора выпьет и говорит, как тетерев на дереве. Коно́к — птица такая* д. Маклаково.

Речевая характеристика:

Прозвище у отца — ***Чай не мед с молитвой****. У отца поговорка была «чай не мед с молитвой»* д. Климово;

Бай, *«пойду, бай!» — прозвали* ***Бай****, зовут Сашка* (ф. Бархатов) д. Смёнки;

Дада *— говорила: «да-да, да-да-да»* д. Смёнки.

Прецедентные имена, вневременные и темпоральные, занимают значительное место среди производящих основ диалектных ономастических единиц:

Колчак *— мой дедушка служил и ходил на Колчака, на чердаке нашли буденовку, это от дедушки, он на Колчака ходил и стали звать Колчак*; д. Карачуново;

Шаляпин (ф. Кулагин) *маленький и сильно орал* д. Маклаково

Трумэн *— Серпушкин Сергей. Чорт его знает… Трумэн дома?* (там же).

Прозвища *Коно́к, Ляга, Матаня* образованы от диалектных апеллятивных основ и требуют пояснения.

Лексему *коно́к* с орнитологической семантикой целесообразно рассматривать как фонетический вариант общенародного названия птицы конёк, здесь мы видим пример широко распространённого в русских говорах явления — колебания мягкости и твердости согласных, ср. изменение *ри>ры* (*ристь>рысь*) [Шелепова 1994: 42]. Ср. *коно́к* ‘конёк’: *Катались в Масленку на конке, рыльчо круглое* ‘Деревянный самокат для катания с гор’ вшж., ктл., орч. [ОСВГ: 84–85]. Толкование информантом мотива прозвища: *Стакана полтора выпьет и говорит, как тетерев на дереве. Коно́к — птица такая* соответствует орнитологическому описанию поведения самца птицы конёк во время токования: выбрать сухую ветку или камень, далее следуют позывки и полет над выбранным местом с остальной песней.

По сведениям СРНГ в ряде значений слова *ляга*, относящихся к миру неживой природы (различные характеристики участков земли) и по большей части совпадающих с *ляда* общеславянского происхождения, отмечается также значение ‘трава [болотная?], похожая на осоку’. *Ляга — трава долгая, как осока лист, круглый корень у нее и крепкий* новосиб., сол.; *попасть в лягу* ‘попасть в беду’ арх; *Лига* и *ляга* ‘лягушка’ мещов., боров. калуж.; ‘бедро, ляжка’ тул., новг., волог.; *Закрой лягито!* свердл.; ‘ленивый человек; лентяй, лежебока’ смол., орл., брян.; *Тая девушка такая работница, а друг ей такей ляга* ельн. смол.; *Баба-ляга* ‘Баба-яга’ шунген. костром. [СРНГ 17: 254].

Матаня ‘милый, возлюбленный; милая, возлюбленная’ шуйск. иван., ветл., костром., ульян., пенз; *Коль женился, так про матань-то забудь* сарат., тамб., ворон., царицын., киров., свердл., чвал., урал., заурал., новосяб., нарым., том., кемер.; ‘подруга’ курган.; ‘частушка, в которой поется о матане (милом, милой)’ сарат. *Колокольчики забрякали, затопав вороной. Собирай матаня юбочки, приехав за тобой* шат. [СВГ: 74]; ‘танец сельской молодежи’ орл.; ‘вечернее гулянье, вечеринка колхозной молодежи’ орл. [СРНГ 18: 21].

Сложное рифмованное прозвище *Женя-Посеня* содержит в своём составе асемантический элемент — диалектную лексему *посеня* ‘подружка’ *Посеня — подружка моя* новг., соотносимое с *посень* ‘тень’: *Ты стань, а от тебя посень* кр. [НОС: 918], ср. древнерус. *посѣнити* ‘покрыть тенью, осенить’: *облаци же посѣнивше тму сътвориша* Шестоднев Ио. Екз. [СлРЯ XI-XVII 17: 161].

Стойкость традиции получения проживающим в среде диалектоносителей человеком прозвища, неизбежность такого рода дополнения к официальным

компонентам имени («здесь у всех есть прозвища» — неизменный мотив всех полевых записей) демонстрируют реликты древнерусского принципа именования, включавшего для мужского населения пять более или менее регулярно повторяющихся компонентов: указание на происхождение из какой-либо местности или принадлежность к какому-либо народу; указание на должность, занятие, профессию; личное имя; указание на имя, прозвище или профессию отца; индивидуальное прозвище. Не всегда все пять компонентов указывались при именовании одного лица. Приведенные примеры именований, наглядно демонстрируют и обязательность индивидуального прозвища в именовании мужчины, и закономерность именования женщины по мужу — именно эти принципиальные мотивы появления прозвищ мы наблюдаем в диалектной антропонимии.

Anna V. Voytenko
Moscow State Regional University
(Russian, Moscow)
avoy@yandex.ru

FROM OBSERVATIONS OVER THE ANTHROPONYMIC VOCABULARY OF THE TALDOM DISTRICT OF THE MOSCOW REGION

The article provides examples of nicknames obtained as a result of a survey of residents of several villages in the Taldomsky district of the Moscow region. Observations of the dialectal anthropony of the surveyed territory lead to conclusions about its structural and semantic diversity. It seems possible to consider these anthroponyms in two main aspects: from the point of view of their formation and clarification of the motivational attribute. The most productive in the structure of nicknames is the suffix, which is a word-forming formant. Dialectal vocabulary is a repository of Old Russian and Proto-Slavic archaisms. The article provides dialectal and historical data that make it possible to clarify the appellative basis of some anthroponyms. The nicknames reflect the relics of the Old Russian naming principle, which included five more or less regularly recurring components for the male population: an indication of origin from a certain locality or belonging to a certain people; indication of position, occupation, profession; personal name; indication of the name, nickname or profession of the father, individual nickname. The persistence of the traditional system of naming a wife by husband, less often — a daughter by a father is obvious. The basis of dialectal onomastic vocabulary is made up of microtoponymic and microanthroponymic formations. In the series of their production bases, precedent names occupy a special place.

Key words: onomastics, semantics, dialects, anthroponymy

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

С. В. Дьяченко
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
svet-lan-a@list.ru
И. Б. Иткин
Институт востоковедения РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

К УТОЧНЕНИЮ СИСТЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЗРЯЧИЙ* В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Статья посвящена рассмотрению системы значений прилагательного *зрячий* в русских диалектах и критическому разбору соответствующих словарных статей «Словаря русских народных говоров» (СРНГ). На основании анализа этих значений и разделения их на две группы (связанные с глаголом *зреть* ‘смотреть, видеть’ и связанные с наречием *зря* ‘напрасно, бесцельно’) делается вывод о том, что речь идёт о двух омонимах, которым должны соответствовать две разные словарные статьи. Непосредственно от глагола *зреть* ‘смотреть, видеть’ происходит лексема *зрячий* со значениями 1) ‘умный, знающий’, 2) ‘прозрачный, чистый’, 3) ‘≈ выглядящий как; на вид’, 4) ‘возможный, допустимый’. Напротив, лексема *зрячий* со значениями 1) ‘напрасный, бесполезный’, 2) ‘нехороший, дурного поведения’, 3) ‘случайный’, 4) ‘неприличный, непристойный’, 5) ‘обычный, будничный’ представляет собой результат переосмысления прилагательного *зрячий* как производного от наречия *зря* ‘напрасно, бесцельно’. Между тем, в СРНГ имеется три словарных статьи *зрячий* и, соответственно, выделяется три омонима: *зрячий*1 со значением 1) первой группы, *зрячий*2 со значениями 2), 3) первой группы и *зрячий*3 с шестью значениями, первые пять из которых представляют собой значения 1)–5) второй группы,

* Авторы выражают искреннюю благодарность А. В. Малышевой и С. И. Переверзевой за помощь в работе над статьёй, А. В. Тер-Аванесовой за важные критические замечания и уточнения, а также С. В. Лесникову, любезно предоставившему нам доступ к отсканированным версиям некоторых труднодоступных диалектных словарей.

Статьи СРНГ в настоящей работе воспроизводятся с незначительными сокращениями, которые мы далее специально не оговариваем.

а шестое в действительности является значением 4) первой группы. В статье также рассматриваются представленные в СРНГ словарные статьи *зрящий*, *здрячий*, *здрящий*, *зряшной*, *здряшной*, *зряшный*, которые в ряде случаев также нуждаются в уточнениях. Привлекается материал ряда других диалектных словарей.

Ключевые слова: диалектология, семантика, диалектная лексикография, «Словарь русских народных говоров», лексема *зрячий*.

В современном русском литературном языке прилагательное *зрячий* отличается абсолютной фонетической и морфологической устойчивостью и имеет одно-единственное значение — ‘способный видеть, не слепой’. Может показаться удивительным, что в говорах наблюдается совершенно иная картина, многие нюансы которой, как мы надеемся показать, представляют немалые трудности даже для очень опытных лексикографов.

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) имеется три словарных статьи с заглавным словом *зрячий*; очевидно, авторы словаря выделяют три диалектных омонима [СРНГ 11: 351–352]:

1. Зрячий, ая, ее. 1. Хороший, умный, дельный. Моск. 2. Много знающий, сведущий. Курск.

2. Зрячий, ая, ее. 1. Прозрачный, чистый (обычно о воде). *Зрячая вода*. Пск. 2. Чистый, без примеси. *Ну и щи, зрячая вода!* Олон. *На этом поле не рожь, а зрячая метла. Это не зерно, а зрячий песок. Корова из двух сосков одной зрячей кровью доит.* Петерб. — Ср. Зóркий[1]. (См. также пример из словарной статьи *зерéнье*: *В этой ржи мало зеренья — зрячая солома.* Петерб. [СРНГ 11: 266]).

3. Зрячий, ая, ее. 1. Напрасный, ненужный, бесполезный, ничего не сто<я>щий. Даль. Курск., Ряз. *Зрячее дело — пустое, напрасное дело*. Пск., Ленингр., Том. 2. Пустой, нехороший, дурного поведения[2]. *Шура, не ходи по глухим улицам, с девками зрячими не путайся, водкой не займайся.* Ряз. — Доп. *Ты, милашка, зрячая, тебя любить не для чего*. Моск. 3. Случайный. *Кто идёт? Я зрячих людей не пускала, ко мне не ходит зрячий народ, ко мне лишний народ не ходит. Да они, эти грибы так, зрячие, не вовремя*. Ряз. 4. Неприличный, непристойный. *Перед молодыми старику надо укромно сидеть, зрячие слова не говорить. Все она гудит, все она ругается, как попало начнет обличать зрячими словами.* Ряз. 5. Обычный, будничный. *Каришовые (чулки) носю по праздникам, по зрячим дням не носю, блюдешь все.* Ряз. 6. Возможный, допустимый. Пск., Твер. ~ **Зрячее ль дело.** Мыслимое ли дело, возможное ли дело. *Зрячее ль дело уйти не спросившись?* Пск., Твер.

Рассмотрим значения, приведённые в СРНГ, более подробно.

Лексема *зрячий*1, отмеченная в московских и курских говорах, бесспорно, происходит от глагола *зреть* ‘смотреть, видеть’. Семантический переход ‘(хорошее) зрение’ → ‘ум, знание, мудрость’ распространён чрезвычайно широко. Уже очень

[1] Зоркий, ая, ое. 1. Прозрачный, светлый, чистый, незамутненный. *Зоркая вода. Зоркая бутылка*. Пск. Зоркий лед. «Зоркий лед, иначе подзор — гладкий, чистый и свободный от снега молодой осенний лед». Пск. 2. Зоркая память. *У вас зоркая память*. Пск. [СРНГ 11: 341].

[2] Ср. также ярославское *зрячий* (*зрящий*) в значении ‘никуда и ни к чему не годный, не способный’, пример: *Ну и зрящая у меня дочь* [ЯОС 4: 127].

давно была установлена этимологическая связь между глаголами *видеть* и *ведать* — см., например, [Фасмер I: 283, 312]; одно из её проявлений — переход от др.-рус. **съвѣдѣтєль** (‘знающий’) к совр. рус. *свидетель* (‘очевидец’) [там же, т. III: 577]. Можно вспомнить также рус. *дальновидный* ‘предусмотрительный, умеющий предвидеть последствия’. Такое же или очень близкое значение прилагательное *зрячий* имеет и в других диалектных зонах. Так, в «Словаре вологодских говоров» приводится значение ‘грамотный, образованный’ с примером *Дети у них хорошие, зрячие* [СВГ 2: 177]; во «Фразеологическом словаре русских говоров Прибайкалья» находим выразительный афоризм *Зрячий не скажет – дурак не догадается* [ФСРГП 2006: 71].

Производность от того же глагола *зреть* значения *зрячий*2.1 также вполне очевидна: достаточно сослаться на рус. лит. *прозрачный* с тем же корнем. Что касается *зрячий*2.2, правильность предлагаемого в СРНГ толкования вызывает большие сомнения: щи не могут в буквальном смысле состоять только из воды, зерно тем более не может представлять собой песок; про «метлу без примеси» нечего и говорить. Точная интерпретация приведённых в словаре примеров в отсутствие контекста затруднена; дело ещё осложняет явно свойственный этому кругу употреблений прилагательного *зрячий* элемент гиперболизации, ср. пример из заонежских говоров (указан А. В. Тер-Аванесовой): *Суп — зряця соль* (сильно пересолен, т. е. **как бы** содержит видимую глазом соль). Если все приведённые примеры действительно отражают одно и то же значение (т. е., речь идёт именно о мелком зерне, по виду напоминающем песок, а не о зерне с сильной примесью песка, и т. д.), то, по нашему мнению, это значение ‘≈ выглядящий как; на вид’: пустые щи выглядят как вода, колосья ржи напоминают метлу и т. д. Связь с понятием зрения у этого значения реализуется даже более прямо и менее метафорически, чем в двух предыдущих случаях.

Поскольку связь с глаголом *зреть* ‘смотреть, видеть’ и у *зрячий*1, и у *зрячий*2.1, не говоря уж про *зрячий*2.2, просматривается вполне отчётливо (при этом — вопреки решению, принятому в СРНГ, — значения *зрячий*2.1 и *зрячий*2.2 не обнаруживают между собой никакой особенной близости по сравнению со *зрячий*1), кажется целесообразным объединение всех трёх данных значений в рамках единой словарной статьи.

Напротив, значения 1–5 лексемы *зрячий*3 представляют собой результат переосмысления прилагательного *зрячий* как производного от наречия *зря* ‘напрасно, бесцельно’. Эти значения в большинстве попали в СРНГ из словаря говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области (Деул.)[3]. Справедливо рассматривая прилагательное *зрячий* ‘напрасный, пустой’ как производное от *зря*, Т. В. Белова

[3] Лексема *зрячий* (и *зрящий*) представлена в Деул. следующими значениями (примеры опускаем, поскольку они в значительной части воспроизведены в СРНГ) [Деул.: 201]:

1. Нехороший, неосновательный, пустой.
2. Неприличный, непристойный.
3. Случайный.
4. Обычный, ничем не выдающийся.

на этом основании включает суффикс *-ч*(*ий*) в число «неизвестных литературному языку» суффиксов прилагательных, мотивированных наречиями [Белова 2005: 11–12]. Такая трактовка, однако, не вполне точна: *-ч*(*ий*) представляет собой не полноценный суффикс, а своего рода унификс, отсутствие которого в литературном языке определяется исключительно тем, что переразложение *зр-яч-ий* → *зря-ч-ий* произошло лишь в некоторых говорах, но не в русском языке в целом; в «городском» русском соответствующую клетку словообразовательной системы заполняет разг. *зряшный* ‘напрасный, бесполезный’.

При этом значение *зрячий*3.6 (‘возможный, допустимый’) также происходит напрямую от глагола *зреть* ‘смотреть, видеть’ и не связано с наречием *зря*: в качестве точной параллели ср. лит. *Виданное ли дело?* Этот факт подтверждается и географическим распространением значения 6 — не рязанским, а псковско-тверским.

Сходным образом обстоит дело и в «Новгородском областном словаре», где приводится одна словарная статья на лексему *зрячий* с тремя значениями [НОС: 113]:

Зрячий, -ая, -ее. 1. Чистый, прозрачный. — О воде. *Там у их в озере-то зрячая вода. Когда-то давно на этаком месте, может, зрячая вода стояла, это озеро, может, какое или ручей какой.* 2. Плохой, негодный. *Сейчас зрячее мыло, худое, плохое, ёно, наверно, от коростливых лошадей.* 3. Пустой, бесполезный. *Ето всё зрячее дило.*

Как представляется, значение 1 и значения 2–3 следует считать омонимами и давать в двух разных словарных статьях.

В некоторых источниках, например, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», приводится также лексема *зрячий* в значении ‘вызревший, спелый’ (пример: *Напали на зрячие ягоды* [СРГК 2: 258]), которая происходит от глагола *зреть* ‘поспевать, становиться спелым’ и, безусловно, является омонимом всем лексемам, рассмотренным выше.

Особого внимания заслуживает семантическая структура «отглагольных» значений прилагательного *зрячий*. Как известно, суффиксы *-ач-*/*-яч-* и *-уч-*/*-юч-* по происхождению представляют собой показатели действительных причастий настоящего времени; соответственно, в русском литературном языке прилагательные с этими суффиксами, в том числе *зрячий*, имеют **субъектную** интерпретацию: *зрячий человек* — ‘человек, **который** способен видеть’. Такую же субъектную интерпретацию имеет *зрячий*1, представляющее собой просто метафорический перенос исходного значения[4]. В то же время *зрячий*2.2 и *зрячий*3.6 имеют **объектную** интерпретацию: *зрячая метла* — ‘метла, **которую** (якобы) видно вместо ржи’ и т. п. (ср. литер. *зримый*), *Зрячее ль дело?* — ‘Разве это такое дело, **которое** кто-нибудь когда-нибудь видел?’ (ср. литер. *виданный*). В специально посвящённой данной проблеме статье С. М. Толстой отмечается, что «диалектные словари содержат примеры на противоестественную для действительных причастий «пассивную»,

[4] Для *зрячий* ‘спелый’ субъектная интерпретация тривиальна, поскольку это прилагательное образовано от непереходного глагола.

объектную семантику» [Толстая 2005/2019: 416]; как видно, прилагательное *зрячий* должно пополнить собой список случаев такого рода. При этом значение *зрячий*2.1 демонстрирует, возможно, ещё более редкую для прилагательных с суффиксами активных причастий **обстоятельственную** интерпретацию: *зрячая вода* — ‘вода, **сквозь которую** можно видеть’.

Помимо собственно лексемы *зрячий*, в СРНГ представлены также варианты *зрящий*, *здрячий*, *здрящий*. Некоторым значениям слова *зрячий* близки значения слов *зряшной*, *здряшной*, *зряшный*, которые мы тоже кратко рассмотрим.

Словарная статья *зрящий* в словаре одна, она включает 6 значений, которые полностью совпадают со значениями *зрячий*3 [СРНГ 11: 352]:

Зрящий, ая, ее. 1. То же, что 3. Зрячий (в 1-м знач.). Сарат., Астрах., Калуж. *Это, я гляжу, работа у тебя зрящая затеяна, ни к чему*. Новг. Волог. По-зрящему, в знач. нареч. Напрасно, зря. *Не работал, так, по-зрящему сидел дома*. Том. 2. То же, что 3. Зрячий (во 2-м знач.). Сарат. *Зрящий он человек-то*. Пенз. *Ну, они зрящие: карты, да вино пить. И она не плохая, не зрящая, я ее не корю. Он, жаних, взялси водку пить, по бабам ходить, ...надо его поженить..., так он хороший, да и поговорить он не зрящий.* Ряз. Моск. *Твой муж, девушка, зрящий: у его уж трое есть в Питере*. Калуж., Костром. || Озорной, любящий дурачиться; дурковатый. Тамб. 3. То же, что 3. Зрячий (в 3-м знач.). *Зрящие слова*. Ряз. 4. То же, что 3. Зрячий (в 4-м знач.). *Я не знаю, как это у вас вылетают слова зрящие*. Ряз. 5. То же, что 3. Зрячий (в 5-м знач.). Ряз. 6. То же, что 3. Зрячий (в 6-м знач.). Пск., Твер.

Соответственно, значение 6 лексемы *зрящий* следует вынести в отдельную статью, разграничив его и значения 1–5.

Вариант *здрячий* представлен двумя омонимами [СРНГ 11: 238] и в уточнении не нуждается:

1. Здрячий, яя, ее. Зрячий. Перм.

2. Здрячий, яя, ее. Напрасный, тщетный. Том.

*Здрячий*1 — это фонетический вариант лексемы, аналогичной по значению литературному *зрячий*, *здрячий*2 — фонетический вариант *зрячий*3.1.

Вариант *здрящий* представлен только одним значением — ‘пустой, ничтожный’, соответствующим значениям 1 и 2 *зрячий*3: *Здрящий парень. Здрящее дело* [СРНГ 11: 238], – и также не нуждается в уточнении.

Все варианты с суффиксом *-н-* (*зряшной*, *здряшной*, *зряшный*) объединяются значением ‘плохой, отрицательный’ [СРНГ 11: 238, 352] и, очевидно, производны от наречия *зря*. При этом прилагательное *зряшный* представлено двумя статьями:

Зряшно́й, а́я, о́е и зря́шный, ая, ое.

1. Ветреный, легкомысленный, непутевый. Зряшно́й. Влад., Вост.-Сиб., Иркут. Зря́шный. Перм. *У них сын такой зряшный, таков непутевов, ни нати больше. И в кого такая зряшная, только ей погулять, а сделать путем ничего не может.* Моск.

2. Горячий, взбалмошный. Зряшно́й. *Ванька-то приколотит меня, как узнает, он ведь у меня зряшной.* Сиб. = Зря́шный. Волог.

3. Зря́шный. Плохой, тяжелый. *Детство его было зряшное.* Влад.

Зря́шный, ая, ое. Плохо видящий, близорукий. *Глаза зряшные* — глаза, плохо различающие. Влад. [СРНГ 11: 352].

Отдельная статья *зряшный*2 кажется нам избыточной. Несмотря на то, что речь здесь идёт о глазах, значение, представленное в этом примере, не связано напрямую с глаголом *зреть* и, по сути, не отличается от значения 3 лексемы *зряшный*1[5].

Таким образом, словарные статьи прилагательных *зрячий*, *зрящий*, *зряшный*, входящие в 11-й выпуск СРНГ, требуют существенных изменений.

Литература

Белова Т. В. Прилагательные в языке и речи (деривация прилагательных в народной речи как результат структурно-семантических отношений слов). АКД. Тверь: б. и., 2005. 19 с.

Толстая С. М. Актантная структура глагола и семантика отглагольных имён: «субъектные» и «объектные» имена // Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 410–422.

Svetlana V. Dyachenko
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svet-lan-a@list.ru
Il'ya B. Itkin
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences /
National Research University "Higher School of Economics"
(Russia, Moscow)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ON THE SPECIFICATION OF THE MEANING SYSTEM OF THE ADJECTIVE *ZRYACHII* IN RUSSIAN DIALECTS

The article explores the meaning system of the adjective *zryachii* in the Russian dialects and provides the critical investigation of the correspondent entries in the "Dictionary of Russian folk dialects". The analysis of these meanings and their division into two groups (the ones related to the verb *zret'* 'to see' and the ones related to the adverb *zrya* 'in vain, aimlessly') allow to conclude that there are two homonyms, which should be described in two different dictionary entries. The lexeme derived immediately from the verb *zret'* is *zryachii* with the meanings 1) 'clever, knowledgeable', 2) 'limpid, clean', 3) '≈

[5] Любопытно отметить, что в сибирских говорах у лексемы *незряшный* зафиксировано значение 'незрячий'; пример: *Мой отец с фронта пришел незряшный* [СРГЦРКК 3: 57].

looking like; seemingly', 4) 'possible, admissible'. On the contrary, the lexeme *zryachii* with the meanings 1) 'vain, useless', 2) 'evil, of bad behavior', 3) 'stray', 4) 'indecent', 5) 'usual, everyday' is a result of reinterpretation of the adjective *zryachii* as a derivative of the adverb *zrya*. Meanwhile, the "Dictionary of Russian folk dialects" contains three headwords *zryachii*, and, correspondingly, three homonyms: *zryachii*1 with the meaning 1) of the first group, *zryachii*2 with the meanings 2) and 3) of the first group, and *zryachii*3 with six meanings, the first five of which are the meanings 1)–5) of the second group, and the sixth one is actually the meaning 4) of the first group.

The article also regards the entries *zryashchii*, *zdryachii*, *zdryashchii*, *zryashnoi*, *zdryashnoi*, *zryashnyi* in the "Dictionary of Russian folk dialects", which often require specifications, and draws on the data of the other dialectical dictionaries.

Key words: dialectology, semantics, dialectical lexicography, "Dictionary of Russian folk dialects", lexeme *zryachii*.

References

Belova T. V. *Prilagatel'nye v yazyke i rechi (derivatsiya prilagatel'nykh v narodnoi rechi kak rezul'tat strukturno-semanticheskikh otnoshenii slov). AKD.* [Adjectives in language and speech (derivation of adjectives in folk speech as a result of structural-semantic word relations). Summary of cand. philol. sci. diss.]. Tver, s.l., 2005. 19 p.

Tolstaya S. M. [Actant structure of the verb and the semantics of verbal names: "subjective" and "objective" names]. *Mir cheloveka v zerkale yazyka. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniyu i etnolingvistike* [The world of human in the mirror of language. Essays on the Slavic linguistics and ethnolinguistics] by Tolstaya S. M. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 410–422. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Е. В. Колесникова
Институт русского языка
им. В.В Виноградова РАН
(Россия, Москва)
el.kolesnikova@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЗЕЛЁНЫЙ* В РУССКИХ ГОВОРАХ

Происхождение прилагательного *зелёный* связывают с индоевропейской основой *ghel, цветовое значение которой синкретично. Цветовой диапазон, реализуемый лексемой *зелёный* в современных говорах, значительно шире, чем в литературном языке. В диалекте обнаруживается синкретизм выражения цвета, лексема может использоваться для обозначения сопредельных по спектру оттенков цвета: желтого, золотого, коричневого, голубого, синего. Диапазон различий значений диалектного и литературного слова *зелёный* достаточно велик: в говорах представлено гораздо больше значений. Многие из значений литературного языка в диалекте стилистически маркированы, лексема характеризуется иным набором парадигматических оппозиций по сравнению с литературным языком. В диалектах *зелёный* может вступать в синонимические или антонимические отношения с общерусскими прилагательными *красный*, *белый*, *черный.* Семантическая структура слова *зелёный* во многом соответствует лексеме *синий*. Прилагательные *сырой* и *зеленый* в говорах сохраняют архаические значения и также выступают в качестве синонимов.

Ключевые слова: семантика, общерусское слово, цветообозначение, русские говоры.

Происхождение прилагательного *зелёный* связывают с и.е.основой *ghel-;*ghel-. Собственно цветовое наполнение основы *ghel- синкретично: она могла означать ‘жёлтый’, ‘зелёный’, ‘серый’, ‘синий’, ‘голубой’ [Черных 1: 202]. М. А. Суровцева, вслед за Ю. Покорным, полагает, что и.е. корень *g’hel-/*ghel- имел два значения: ‘блестеть, сверкать’ и ‘быть зеленым, быть желтым’. Названия цвета ответвились от второго значения [Суровцева 1967: 42]. Этой же точки зрения придерживается и М. Фасмер, который относит лексему *зелёный* к группе *золото* и *желтый*, только с изменением гортанного звука [Фасмер 1: 416]. А. Мейе отмечает,

что производные *ghel- представляют собой «формы достаточно запутанные», также обращает внимание на то, что к этой группе относятся названия зелени (ст.сл. ѕєлиѥ) и желчи (ст.сл. ѕлъчь) с одной стороны, и (ст. сл. жлъчь) — с другой [цит. по Суровцева 1967: 42]. Н.Г. Нечипуренко полагает, что очевидное сопоставление желтого цвета с желчью неточно: «Фонетические варианты старославянских и древнерусских названий секрета печени, ведущие к исходному праслав. *zьlčь, ‘жёлчь’, заставляют считать близким славянскому названию жёлчи и имена зелёного цвета: праслав. *zelen‘зелёный’, рус. диал. зель‘зелень’ и др.» [Нечипуренко 1988, 52]. Лексический материал древнерусского языка и говоров подтверждает связь наименований секрета печени с обозначением зеленого цвета: ***зелёная болезнь*** ‘желтуха’ *Инъ члкъ имянем Сергии бѣ одержим недугом зеленою болѣзнию, бысть яко трава зеленъ и не можаша ясти хлѣба* (XVIIвв.) [СлРЯ XI-XVII 5: 370]; ***зялё́нка*** ‘желчный пузырь’ *Зялёнка рьзошлась, значит печинь бъльная*. смол. [ССГ 4: 136]; ***зе́лень*** ‘мешок с желчью’ *А как зарежышь, так с унутринистый кишки выкидывъиш, зелень*. смол. [ССГ 4: 137]; ***зе́лень*** ‘жёлчь’ *Вот тошни́т и всё! Потом воды́ попила кружечку — маленечко сорва́ло, так чувствую, зе́ленью, а свет не включала*. томск. [ПСДЛ 1: 757].

Цветовой диапазон, который реализует лексема *зелёный* в современных говорах шире, чем в литературном языке, в говорах обнаруживается синкретизм выражения цвета. Лексема может использоваться для обозначения сопредельных по спектру оттенков: желтого, голубого, синего.

Лексемы *зеленый*, *жёлтый* при обозначении цвета, могут заменять друг друга: *это мы зелёно раньше называ́ли (лимонно-жёлтый)*. арх. [АОС 13: 263]. Диалектные словари фиксируют лексемы ***зеленица*** и ***зеленик*** Licopodium complanatum L) — растения, используемые для окраски шерсти в жёлтый цвет арх. [Даль 1: 677; СРГК 2: 248]; *Для крашения шерстяных тканей, которым придает желтоватый цвет.* печор. [СРНГ 11: 247–248]; *Зелени́ца тянется, как цветы. Ее варишь-варишъ, дак жёлтый будет цвет, как курицы желтым.* перм. [СПГ 1: 324]. В сочетаниях ***зелёная лисица***, ***зелёный хорь*** ‘лисица’: *Лисица вы́куняла, лисица вышла*. смол. [Добровольский: 376], на наш взгляд, прилагательное *зеленый* реализует значение недифференцированного желто-зеленого оттенка цвета.

Сема ‘неоднородности цвета, с примесью желтого цвета’ актуализируется в обозначении некачественного беличьего меха в период линьки. Сочетание *белка зелень* зафиксировано «Словарем русского языка XI-XVII века»: *А на тѣ явленные денги и на отъ товарные купилъ он на Вишерѣ двѣ тысячи двѣсти бѣлокъ чистыхъ и зелени, полтретья сорока горносталей* (1684) [СлРЯ XI-XVII 5: 371]; а также отмечено в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVIII вв.»: *Да по другой выписи явил осталого непроданного товару: 7200 белки чистые, 250 белки зелени* (1678–1679) [СПЛСР 1: 37,73]. В СРНГ обнаруживаются производные: ***зелено́вая*** ‘белка, еще не утратившая летнего, рыжего цвета’ арх., (1873); ***зелень***‘шкурка белки с брюшком, обрамленным красной шерстью’ арх., (1863), перм. [СРНГ 11: 251; Полякова 1: 212]. Обратим внимание, что в архангельских говорах в этом значении функционирует сочетание *синяя белка: Си́няя бе́лка — в ле́тней пери́от. Си́няя*

бе́лка — э́то она́ не посьпе́ла йешшо́, она́ не посьпе́ла, йе́й не принима́ют. Си́няя — вот это она́ в ле́тний пери́од. То́ йесьть щита́йеца нечи́стая, то неспе́лая, неприго́жая арх. [ЭБД АОС].

Как отмечает Н. Г. Нечипуренко: «Можно предположить, что в этом сочетании и в диалектных лексемах сохранена семантическая особенность и.е. *ĝhel– обозначение одним словом двух цветов: *жёлтого* и *зелёного* / ср. др.-греч. χλωρος ‘изжелта-зелёный’; др.-инд. hári ‘зеленый, жёлтый’» [Нечипуренко 1988: 57].

Зеленый, синий и голубой цвета также могут не дифференцироваться в говорах. В смоленских говорах лексема *обзеленя́ть* толкуется‘красить зеленой или синей краской (дом, забор и т. п.)’: *Тёсым покрыли хату и обзилянили. Уси заборы вясной обзилиняли* [ССГ 7: 118].

М. В. Пименова, анализируя обозначение зеленого цвета на материале травников, лечебников, отмечает: «В тексте народного травника цветообозначение *зеленый* употребляется довольно редко / по сравнению с современными ботаническими описаниями/. Зеленый цвет обозначался в том случае, если стебель и листья травы имели яркий оттенок, выделяющийся на общем растительном фоне: *Черная черемица имѣетъ листвие зелены вельми и остры. Есть трава папоротникъ... зелена подлѣземлю. Трава адамова глава... былина зелена одна, толста... листики зелены невелики, въ ефимокъ шириною, продолговаты* [Пименова 1987: 63]. Исследователь вводит в научный оборот ранее не отмеченный уникальный материал использования прилагательных *синий* и *голубой* при характеристике растения: *Есть трава маточникъ, ростет по старым местам и межамъ, и по перелогамъ, собои синя, цвет синь, ниски кусточки сини ж. Собою синя... верху кусточки сини же* (мелисса лекарственная). *Есть трава ребина, ростом в стрелу, ... листочки и сама синя и крущата, долга по сторонам. Сама синя жь, листощки крещаты* (тысячелистник обыкновенный). *Есть трава одоленъ, ростет при реце, собою голуба* и др. Прилагательные *синий* и *зеленый* заменяют друг друга при описании одного и того же растения: *Мачиха и мать ростет с лопушником, одна сторона бела, другая зелена. Сверху зелена гладка и студена, а снизу негладка беловата тепла, называется мать с мачехою. Одна сторона бѣла, а друга синя* [Пименова 1987: 66]. С точки зрения М. В. Пименовой, прилагательные-цветообозначения *синий* и *зелёный* различаются, т. к. «прилагательное *зеленый* используется в тексте травника в тех случаях, когда обозначается цвет свежего, гладкого, отражающего солнечные лучи ярко-зеленого листа» [Пименова 1987: 67]. *Синий* же, по мнению исследователя, «употребляется при характеристике темно-зеленого, как правило, негладкого, опушенного цвета и листьев» [Пименова 1987: 67]. Данный тезис подтверждается материалом архангельских говоров, где растение Кукушкин лён обыкновенный (Polytrichum commune L.), имеет название *синий мох*, таким образом, при номинации объекта актуализируется сема тёмно-зеленого цвета: *До́м-отру́бят, дак во́т си́ни мо́х-откладу́т, ну, о́н цве́том-то зелёной, а у на́с-то си́ний. Си́ний мо́х — о́ни с сыро́го ме́ста, не з бо́ру, кру́гом (так) йо́лок там. А о́н не си́ний, он зелёный. Бе́лый мо́х-то на бору́ росьтёт, а си́ний — в ра́ды (но та́м борови́нка йе́сьть — быва́т там су́хонько ме́сто-то) (рады — болотистые места,*

на которых попадаются небольшие сухие участки — боровинки). Бе́лый мо́х йе́дят то́лько жыво́тныйе, а си́ний мох идёт ф стро́йку, синемо́шник называ́йеца, о́н в йело́вом лесу́ росьтёт. арх. [ЭБД АОС].

Однако в говорах прилагательное *синий* может обозначать и светлый оттенок зелёного цвета, так, например, цвет молодого, недавно появившегося на свет растения: ‘густой, ровно-зеленый’ (для обозначения молодых всходов зерновых)*: У Семёна жи́то-то все чи́сто — си́не-си́не.* арх. [СРНГ 37: 331].

Зеленый может выражать мутный оттенок зеленого цвета, тускло-зеленый цвет. Данный оттенок отмечен «Словарем русского языка XI-XVII века»: *Тма зелена бысть во очию мое*ю (XV в.). *Сего же терпя солнце, луча свои скы и бысть 3 день мѣсяць, мраку зеленуотъ запада приходящу* (XVI в.) [СлРЯ XI-XVII 5: 370]. В контексте этого значения приводится и устойчивое выражение *зелено вино*, обозначающее водку, плохо очищенную сивуху: *Другъ завелъ его в ызбу кабацкую поднесъ ему чару зелена вина и крушку поднесъ пива пьянова* (XVIII в.) [СлРЯ XI-XVII 5: 370]. Словосочетание *зелено вино* многократно повторяется в былинных и песенных текстах и, с точки зрения Т. А. Павлюченковой, является общефольклорным. Что касается цвета этого напитка, исследователь пишет: «В абсолютном большинстве примеров, где прилагательное выступает в контактной препозиции по отношению к определяемому существительному *вино* цветовое значение его стерлось, вместе с определяемым существительным прилагательное образует лексикализованное сочетание по значению равное одному слову вино, то есть «водка». Однако в некоторых случаях (всего около 10) прилагательное *зеленый* расположено в постпозиции или дистантной препозиции по отношению к существительному *вино*, то есть в позиции логического выделения определения. В таких случаях, по нашему мнению, цветовое значение прилагательного сохраняется» [Павлюченкова 1984: 157]. Наименование ***зеленое вино*** в значении ‘хлебная водка, сивуха’ известно современным говорам: *Белое вино так зеленым звали. Масковное вино зелёным звали*. сиб. [Бухарева: 80]. *Красное — бабам разъливáй, а зилёныйа вино — мужукам*. рязан. [Ванюшечкин: 146], субстантив ***зелёная*** *За глоток зелёной он и душу дьяволу продаст.* карел. [СРГК 2: 248]; брян. [СРНГ 11: 246], ***зелёное***, ***зелёное вино*** тверск., пск. [Даль 1: 677]; а также дериваты в указанном значении: ***зелене́ц*** псков., тверск. [СРНГ 11: 246]; ***зелену́ха*** псков., тверск., ярослав. [СРНГ 11: 249; ЯОС 4: 119]; ***зеленча́к*** нижегор. [СРНГ 11: 250].

Сема ‘мутности, отсутствия прозрачности’ реализуется при характеристике весеннего подтаявшего льда: *В мае начинает лед расколачивать, он зеленяк бывает весной, зеленый лед.* карел. [СРГК 2: 249]. Обратим внимание, что в этом же значении в говорах используется и прилагательное *синий*: Лед *на реке синий*. перм. [Акчим 5: 80]. *Лёт крепкий, синий, ён ня крышыцца — лидянец, кыта́цца мо́жна.* смол. [ССГ 6: 22]. *Вода верховая и есть на́слузок, анна выйдет наверх, снегом мешает, замёрзнет. На́слузок будет белый, а сине́ц си́ний, а под снегом — вода*. тверск. [Селигер 4: 78]. Устойчивое сочетание *по синему леду* встречается достаточно часто в деловых памятниках XVII-XVIIIвв. Н. Б. Бахилина считает данное сочетание достаточно древним, выстраивает его толкование на описании весеннего льда

в одном из памятников XVII века: *Оной ледъ находится между высокими каменными горами... видом со всѣм походит на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ же на поверхности шероховатъ и таковъ тропореховатъ от солнечнаго зною* [Бахилина 1975: 80]. И. С. Кузнецова, анализируя все контексты употребления данного сочетания, приходит к выводу, что *синий лёд* (*по синему льду*) обозначает ранний (осенний) и последний зимний пути на реке, то есть лед, еще не покрытый снегом [Кузнецова 1989: 54].

Этот же самый признак актуализируется в случаях характеристики состояния «помутнения, спутанности сознания», эксплицируемой в говорах в сочетании ***в глазах зелено***: *Ой, как пристала, аж в глазах зелено. Так я сегодня устал, что в глазах зелено.* печор. [ФСРГНП: 148]. *Раньше дяхчёнка ма́линька, а уж на паласе́. Жнёшь, как следует быть: це́льный у́павад жнёшь, не разгиба́сся, наро́бисся, шта в глазах зиляно́.* иркут. [ИОС 1: 185]. *Во якъ я сви́снулась абъ ледъ — ажно зелена в ачахъ стала, лица зъѣла здоровыга.* смол. [Добровольский: 818]. *Нарабо́тасся — в глазах зелено сделаица. И в глазах зелено бывает.* волгог. [СДГВО: 77]. Сема ‘помутнения сознания’ отмечено при обозначении угарного газа дериватом ***зелень***: *В зиму-то у нас в бане зе́лень была, истопишь дак.* перм. [СПГ 1: 324]; *Ох, какая у вас зе́лень в избе́, идите на улицу, а то угорите.* тверск. [ОСГКО: 77]; *Отворите трубу, вишь, зе́лени нашло — угори́те.* олон., пск. [СРНГ 11: 251]. Обратим внимание, что значение ‘угарный газ’ в говорах реализует также и словосочетание *синий дым* (*газ*): *На́до штоп си́него ды́му не́ было, си́ний ды́м быва́ет, угоре́ла, или на́до, штоб бы́ло прото́плено, а не прото́плено.* арх. [ЭБД АОС]. *Синий газ — это угарный газ, можно умереть.* твер. [Селигер 1: 166]. *А ту́т две́рычка у пе́чки, атайди́. И во́здух сюды́ шо́л. Часьть — на дво́р, ча́сьть — сюды́. Сижу́, карто́фычку пирбира́ю. Гляжу́, га́с си́ний, ды́м-та. Нахляба́тьси вить мо́жна яво́. Не́т, штоп сра́зу уйти́. Надыхаласи. Забале́ла. Во кака́я у мини́ нату́ра.* тамб. [СТГ: 121].

Лексема *зеленый* фиксируется в говорах в значении ‘свежий, молодой, не высохший, не лишенный живых, питательных соков, гибкости; живой’: *Зелена зе́ленько на веранде; Она гыт: «Ботва зелёна, гыт». Хороши все, зелены сидят* (огурцы)*, а у меня не знаю, кака по́моха на них напала. Так-то зелёненьки, хороши* (рассада) [ПСДЛ 1: 757]. *Это коноплё на вид и зелёное, но пухло-припухло* (сгнившее от времени) [Дуров: 349]. Сема жизнеспособности, не утраченной жизненной силы реализуется: в группе дериватов со значением ‘свежая трава, идущая на корм животным’: ***зелени́на*** карельск. [СРГК 2: 248]; ***зелёнка*** смол., том., кемер., новосиб., иркут., бурят., ленингр., моск., карел., перм., костром. [СРНГ 11: 248; Войтенко: 166; ССГ 4: 136; СЮГКК: 74; СРГП: 144; ИОС 1: 185; СРГК 2: 248; СПГ 1: 324; Ганцовская: 131]; ***зеленца́*** владим., ряз. [СРНГ 11: 249]; ***зе́лень*** том. [ПСДЛ 1:757]; ***зеленьё*** ряз. [СРНГ 11: 251; Деул.: 198]; ***зеля́нка*** перм. [Даль 1: 677]. В группе дериватов с общим значением ‘тонкие молодые ветви дерева, кустарника’: ***зелёнка*** перм. [Акчим 1: 343], ***зеленец***, ***зелёнка***, ***зелень*** оренбург. [Моисеев: 50]; к этой же группе можно отнести лексемы со значением ‘веник из свежих, зелёных веток’: ***зелене́ц*** пск., тверск. [СРНГ 11: 246]; ***зелени́к*** пск. [СРНГ 11: 251];

зеленый товар ‘изделия плетеныя изъ древесных прутьев, неочищенных от коры. Это преимущественно издѣлія изъ прутьевъ и палокъ поздней осенней заготовки, когда кора очень трудно отделяется от древесины, а потому и очистка прутьев затруднительна’ [Верёха: 524]; а также лексема ***зелени́к*** ‘крепкий здоровый лес’: *Выбирались из тайги ключо́м. Километров пять по воде шли — всё зеленник стоит, хоть бы одна суха́ра.* краснояр., [СЮРКК: 74] и др.

Обратим внимание, что это же значение ‘свежий имеющий жизненные соки, не сухой, живой’ обнаруживает и прилагательное ***сырой*** в говорах: *Есть лес сухой-сухой, без листьев, а есть сырой, с листьем, тяжелый*. волог. [СРНГ 43: 161]. Указанное значение является архаичным. В материалах «Словаря русского языка XI-XVII вв.» самые ранние упоминания датируются XI веком: *На дрѣвѣ вознесенааго проповѣда и на сусѣ дрѣва привязашятя, и того своими млтвами дьждь ми показуеши сыра и листвиемь съврьшеном одѣна на утврьждение блгочьстивыимъ* (XIв.); *От искры сыръ боръ загорается* (XVIIв.) [СлРЯ XI-XVII 29: 145] В устойчивых сочетаниях *сыр-бор* и *мать сыра земля*, а также в эпитете по отношению к дубу в фольклорных текстах: *возле дуба, дуба сырого*; *тут стоял да рос сыр матерый дуб* — прилагательное *сыр, сырой* используется в том же значении, что и *зелёный*: ‘не засохший, сохраняющий жизненные соки’. Таким образом, прилагательные *сырой* и *зеленый* в говорах сохраняют архаические значения, а также выступают в качестве синонимов.

В прилагательном *зеленый* в говорах реализуется идея не только жизнеспособности, но и самых первых этапов жизненного пути живого объекта, даже до его рождения. В донских говорах ***зеленой тёлкой*** называют еще нерожденное животное: *Зилёная тёлка — тилёнак, каторава нет ищо, а скоро будить, ево абична дарять на свадьби* [СРДГ 2: 29]; *Кричат на свадьбе: Зелёную, зеленую, зеленую! — Когда кто-либо подарит молодым (кинет на каравай) ближайший (будущий) приплод своей коровы* [СРНГ 11: 246].

В говорах зафиксирована группа дериватов со значением ‘молодые всходы хлебов, преимущественно озимых’: ***зелёнка*** тюмен. [СРНГ 11: 248]; ***зе́лень*** курск., орлов., калужск., рязан., брян., волгогр., смол., псков., свердл., красноярск. [СРНГ 11: 251; СДГВО: 77; Добровольский: 266; ССГ 4: 137; СЮГКК: 74; Ванюшечкин: 146]; ***зеле́нье*** терск. [СРНГ 11: 251]; ***зеленя́*** волгог., ряз. [Деул.: 198; СДГВО: 77]; ***зель*** тверск. [Селигер 2: 163]; ***о́зелень*** псков. [ПОС 23: 90].

Отмечена отдельная группа лексем, обозначающая завязь овощей или плодов: ***зелено́к*** тверск. [Опыт-Д: 67]; ***зелепу́пок*** волгогр., ряз. [СРНГ 11: 251; Деул.: 198]; ***зелепу́почка*** тамб. [СРНГ 11:252]; ***зелепу́тка*** рязан. [СРНГ 11: 252; Деул.: 198].

Также выделяется группа с общим значением ‘молодое животное или рыба, чаще первого года жизни»: ***зелене́ц*** ‘новорожденный детеныш тюленя’ арх., карел. [Даль 1: 677; СРНГ 11: 247; СРГК 2: 248; СГРС 4: 260]; ‘мальки рыб’ новг. [НОС 3: 331]; ***зелену́ха*** ‘щука вылупившаяся из икры в текущий сезон’ арх., [СГРС 4: 261]; ***зелёну́шка*** ‘щука в возрасте одного года’ новг. [НОС 3: 331]; ***зеленча́к*** ‘молодая необъезженная лошадь’забайк. [Элиасов: 135]; ***зеленчу́к*** ‘теленок, овца или другое животное в возрасте до года’ рязан., курск., тамб. [Даль 1: 677; СРНГ 11: 250];

зеленя́тник ‘телёнок в возрасте до года’ рязан., волгог. [СРНГ 11: 251; Деул.: 198; СДГВО: 77]; ‘малёк щуки, щурёнок’ рязан. [СРНГ 11: 251; Деул.: 198].

Хрупкость, неустойчивость первого этапа жизненного пути, а также его непредсказуемость актуальна и важна для носителя говора. От того, как пройдут эти первые дни появления животного или растения на свет, от ожидания приплода и урожая, зависит дальнейшая жизнь человека. В этом случае необходимо обратить внимание на сочетание *зеленый год*, которое может выражать амбивалентные значения как урожайного, удачного, так и напротив, неурожайного, голодного времени: *Зелёной го́т — ничео́ не пришло́, карто́шки — таки́ пу́люшки. Это оте́плийо г зелёному го́ду. На́с моро́с прихва́тит немно́шко, а мы́ та́к ы говори́м: у пинёжа́н уж зелёный го́т. На хле́п вы́меняла сапоги́, когда́ зелёный го́д бы́л. А иногды́ — зелёной го́т — хле́ба не ро́диця, по́сле войны́ бы́л и со́рок шэсто́й, и со́рок седьмо́й, и со́рок восьмо́й зелёныйе. А зелёной го́т — е́то у нас недо́шлы го́ды бы́ли, а хле́бу-то привезли́ ма́ло. Хле́п не роди́лся, се́мь ле́т подря́т хле́ба не́ было — зелёны го́ды.* арх. [ЭБД АОС]. *Когда зелёный год — дак осисто, если мороз не хряпнет да не убьёт*. арх. [СГРС 4: 261].

Т. Н. Бунчук отмечает: «*зелёный* получает амбивалентные характеристики: это и концептуальное выражение приближенности, если не к смерти, то к другой стороне мира, откуда ещё совсем недавно появился предмет (в широком и узком значении слова). Этому предмету (плоду, человеку, миру) еще надо достичь зрелости, чтобы окончательно войти в «круг» человеческой жизни, стать «своим» [Бунчук 2013: 21].

В этой связи в прилагательном *зеленый* актуализируется также сема ‘незрелости’, то есть состояния, когда объект еще не приблизился к расцвету своей жизненной силы, к эталону. В говорах функционирует достаточно большое количество номинаций, производных от прилагательного *зеленый*, с общим значением ‘незрелый’. Самая большая группа обозначает незрелые зеленые плоды и ягоды: ***зелёк***, ***зеле́нина, зелепу́жина*** тверск. [Селигер 2: 163]; ***зелене́ц*** волог., костром., арх., карел., владим., прикам., том., красноярск. [Даль 1: 677; СРНГ 11: 246; Ганцовская: 131; СРГК 2: 248; ВОС: 62; Акчим 1: 343; СГРС 4: 259]; ***зелени́ка*** ряз. [СРНГ 11: 247, Деул.: 198]; ***зелёнка*** тверск., арх. [Селигер 2: 163; СГРС 4: 260]; ***зелено́к*** псков., твер. [Даль 1: 677; Селигер 2: 162]; ***зелену́ха*** москов., ярослав., новг., тверск., волгогр., владим. [СРНГ 11: 249; СДГВО: 77; Опыт-Д: 67; ВОС: 62]; ***зеленча́к*** казан., волгогр., карел. [СРНГ 11: 249; СДГВО: 77; СРГК 2:248]; ***зеле́нчик*** перм. [Акчим 1: 343]; ***зе́лень*** олон., арх. [СРНГ 11: 251]; ***зеле́пка*** сков. [СРНГ 11:251]; ***зелепу́га*** орлов., псков., тверск., калуж., волгогр. [СРНГ 11:251; СДГВО,77; Селигер 2:163]; ***зелепу́ка*** тамб. [СРНГ 11:251]; ***зелепу́па*** владим. [ВОС: 62]; ***зелепу́пок*** калуж. [СРНГ 11: 251]; ***зелепу́почка*** тамб. [Опыт-Д: 67]; ***зелепу́х*** самарск., брянск., смол. [СРНГ 11: 252; ССГ 4: 126]; ***зеле́пу́ха*** новг., смол., пензен., курск., тверск., владим. [СРНГ 11: 252; Добровольский: 266; ССГ 4: 126; Селигер 2: 163; ВОС: 62]; ***зелепу́шка*** смол., тульск. [СРНГ 11: 251]; ***зель*** карел. [СРГК 2: 248]. Это же значение в говорах характерно и для лексемы *сырой*: *Сырую ягоду набрал и понёс на базар. Сырые помидоры кому надо*. забайк. [Элиасов: 402].

Прилагательное *зелёный* в диалектном языке реализует известное и литературному языку значение ‘молодой, юный, неопытный человек’: *Ты еше зелен учить мине*. смол. [Добровольский: 34]. Данное значение отмечается также у дериватов: ***зелёк*** *Ах ты, зялёк ты этакий* [Селигер 2: 162]; ***зелену́ха*** *Што ета так разошлась наша зиляну́ха*? смол. [ССГ 1: 137]; ***зеле́нчик*** перм. [СРНГ 11: 250]; ***зелепо́вка*** *Да ты еще зялепо́ўка, штоб ты знау*; ***зелепу́шка*** *А у церквы теперь анны старухи, даже мъладухъ нима, ня то шта зиляпу́шык*. В устойчивом сочетании ***зелёная ку́га*** *Ни лесь, ку́га зилёная*! *Ты ишо куга зилёная*. *Эх, ку́га зилёная*. волгогр. [СДГВО: 205]. Сема незрелости трансформируется в значении ‘умственно отсталый, недоразвитый человек’ перм. [Полякова 1: 212; Беляева: 199].

Обратим внимание, что и в этом значении прилагательное *зелёный* вступает в синонимические отношения прилагательными *синий* и *сырой*: *Си́ний-то были йешшо, таки́е моло́денькие, нам йешшо по петнацать-шеснадцать лет.*арх. [ЭБД АОС]. *Он совсем сырой, ничего не видел в жизни. Карел. Мало стало нынче лосей-то, он бежит за нами, сырой еще.* арх. [СРНГ 43: 162].

В нашей работе мы отводим от рассмотрения весь комплекс символических смыслов в структуре лексического значения прилагательного *зелёный*, а также его производных, связанных с болезнями, смертью (кладбищем), атрибуцией демонических существ, а также реализации семы экспрессивности [см. Бунчук 2013].

Диалектный материал показывает, что в говорах обнаруживается несколько иное, чем в литературном языке, восприятие зелёного цвета. Прилагательное *зелёный* обладает более широким семантическим потенциалом и иным набором парадигматических оппозиций по сравнению с кодифицированным языком. Необходимо отметить факт сохранения в диалектных идиомах архаических значений. Корень *–зел–/–зелен–* обладает значительным количеством положительных коннотативных сем, связанных с жизнеспособностью, молодостью, цветением, однако в большинстве случаев обозначает некоторое промежуточное, пограничное, зыбкое состояние в оценочной системе народного сознания. В диалектном языке прилагательное *зелёный* может вступать в синонимические или антонимические отношения с общерусскими прилагательными *красный*, *белый*, *черный* [Павлюченкова 1984, Колесникова 2012; Колесникова 2017].

Литература

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в современном русском языке. М.: Наука, 1975. 287с.

Бунчук Т.Н. Семантические структуры русского зелёный и коми веж в этнолингвистическом аспекте // Народная культура в слове и тексте: сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2013. С.18–27.

Колесникова Е.В. Семантика прилагательного *красный* в русских говорах // Труды Института русского языка РАН. Вып. 12. Диалектология. М.: «Нестор-История», 2017. С. 357–368.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательных *белый– черный* в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. М., 2012. С. 199–215.

Кузнецова И. С. История переносных употреблений цветообозначений в памятниках русской письменности XVII — XVIII веков: дис...канд. филол. наук /Москва, 1989. 270с.

Нечипуренко Н. Г. Этимологический анализ лексики цветообозначения (на материале латинских производных от и.е. *ghel-): дис... канд. филол. наук/ Томск, 1988. 173с.

Пименова М. В. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы / на материале травников, лечебников, иконописных подлинников/: дис...канд. филол. наук/ Ленинград, 1987.

Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: дис... канд. филол. наук/ М., 1984. 256с.

Суровцева М. А. К истории выражения цветовых значений в древнерусском языке 14–16вв.: дис... канд. филол. наук/ М., 1967.

Helen V Kolesnikova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russian, Moscow)
el.kolesnikova@bk.ru

SEMANTICS OF THE ADJECTIVE *GREEN* IN RUSSIAN DIALECTS

The origin of the adjective *green* is associated with the Indo-European stem *ghel, the color definition of which is syncretic. This fact is confirmed by the material of Russian sub-dialects, where adjectives *blue*, *green* and *yellow*, when designating color, can interchange each other. The color range, which implements the *green* lexeme in modern dialects, is much broader than in the literary language; the syncretism of color expression is found in the dialect. The range of differences between the meanings of the dialect and the literary word *green* is quite large: in dialects there are much more meanings. Many of the meanings of the literary language in the dialect are stylistically marked. The lexeme is characterized by a different set of paradigmatic oppositions compared to the literary language.

Key words: semantics, all-Russian word, color designation, Russian dialects.

References

Bahilina N. B. [History of color designations in the Russian language] *Istoriya cvetooboznachenij v sovremennom russkom yazyke.* M.: Nauka, 1975.

Bunchuk T. N. [Semantic structures of the Russian Green and KomiVezh in the ethnolinguistic aspect] *Semanticheskie struktury russkogo zeljonyj i komi vezh v*

jetnolingvisticheskom aspekte // [Folk culture in word and text] Narodnaja kul'tura v slove i tekste: sb. nauch. trudov. Syktyvkar, 2013. pp. 18–27.

Kolesnikova E. V. [Semantics of the adjective red in Russian dialects] *Semantika prilagatel'nogo krasnyj v russkih govorah* // . [Proceedings of the Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Vol. 12. Dialectology.] Trudy Instituta russkogo yazyka RAN. Vyp. 12. Dialektologiya M.: «Nestor-Istoriya», 2017. pp. 357–368.

Kolesnikova E. V. [Semantics of the adjective white in Russian dialects] *Semantika prilagatel'nyh belyj — chernyj v russkih govorah* // [Research on Slavic dialectology. Issue 16.] Issledovaniya poslavyanskoj dialektologii. Vyp. 16. M., 2012. pp. 199–215.

Kuznecova I. S. [History of long-term achievements of color designations in the monuments of Russian writing of the XVII — XVIII centuries] *Istorija perenosnyh upotreblenij cvetooboznachenij v pamjatnikah russkoj pis'mennosti XVII — XVIII vekov:* dis... kand. filol. nauk / Moskva, 1989.

Nechipurenko N. G. [Etymological analysis of the vocabulary of color designation (based on the material of Latin derivatives from I. E. * ghel-)]: *Etimologicheskij analiz leksiki cvetooboznacheniya (na material latinskih proizvodnyh ot i.e. *ghel-*) dis... kand. filol. nauk. — Tomsk, 1988.

Pavlyuchenkova T. A. [Adjectives with the meaning of color in the language of Russian epics] *Prilagatel'nye so znacheniem cveta v yazyke russkih bylin*: dis... kand. filol. nauk. M., 1984.

Pimenova M. V. [Semantics of color designations based on the monuments of ancient Russian literature / based on the material of herbalists, healers, iconographic originals*] Semantika cvetooboznachenij popamjatnikam drevnerusskoj literatury / na material travnikov, lechebnikov, i konopisnyh podlinnikov*/: dis...kand. filol. nauk/ Leningrad, 1987.

Surovceva M. A. [On the history of the expression of color values in the Old Russian language of the 14–16th centuries.] *K istorii vyrazheniya cvetovyh znachenij v drevnerusskom yazyke 14–16vv*.: dis... kand. filol. nauk. M., 1967.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Е. А. Нефедова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
eanefedova@gmail.com

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ НАМЕРЕНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

В статье представлен анализ семантики глаголов, обозначающих намерение совершить действие. Описаны два способа выражения намерения, характерные для говоров архангельского региона: лексический и словообразовательный. Определены предикаты, формирующие семантику намерения — ‘мысль’, ‘желание’, ‘воля’, выявлено их место в лексическом значении глаголов. Описаны условия реализации значения намерения в сочетаемости с глаголом в форме инфинитива или с предложно-падежной формой имени, конкретизирующими характер, место или условия предполагаемого действия. Глаголы со значением намерения, выраженным лексически, в говорах образуют несколько словообразовательных гнезд, содержащих единицы несов. и сов. вида. Ряд глаголов, гнезд не образующих, обладают ярко выраженной метафоричностью семантики намерения. У глаголов намерения, образованных лексическим способом, связь с производящим значением, его семантикой в структуре многозначного слова предопределяет различия, касающиеся характера вершинного смысла в самом значении намерения. Морфемный способ формирования семантики намерения представлен в статье глаголами с приставкой *по-,* образованными от глаголов, в своих первичных значениях обозначающих неоднонаправленное движение. Это глаголы *походи́ть, поезжа́ть, побега́ть, повози́ть*, соединение с приставкой *по-* в одном из ее значений переводит их в разряд глаголов однонаправленного движения. Значение намерения является производным в структуре соответствующих многозначных *по*-глаголов и выступает в них как общий вершинный смысл в подзначениях, содержание которых определяется контекстными условиями.

Ключевые слова: Архангельские говоры, значение намерения, лексический и словообразовательный способы выражения намерения.

Осуществление всякого осознанного действия может быть представлено в виде трех этапов: ‘намереваться делать (сделать) что-н.’ — ‘начать делать’ — ‘сделать’.

В статье рассматривается семантика глаголов, которые обозначают ситуацию, предшествующую началу действия и определяемую как ‘намерение совершить действие’[1]. По отношению к следующему этапу совершения действия такие глаголы являются предначинательными [Ровнова 2002: 218].

В «Новом объяснительном словаре» намерение определяется как ‘мысль человека о том, что он хочет сделать, и готовность прилагать усилия для того, чтобы сделать это’ [НОСС: 587]. Из этого определения может быть выведена общая формула намерения: *‘Я задумал сделать что-н., я хочу сделать это, я готов приложить усилия, чтобы сделать это’.* Таким образом, предикаты, формирующие семантику намерения — ‘мысль’, ‘желание’, ‘воля’. Действия, обозначаемые глаголами с семантикой намерения, выполняются активным субъектом. Основной мотивацией действия является желание субъекта, который для его осуществления готов приложить усилия. Субъект действия в подавляющем большинстве случаев — личность, действия которой осознаны.

В литературном языке семантика намерения не имеет формального выражения, она заключена в корнях слов, таких, как *намереваться, собираться, решить, думать, хотеть,* употребляемых в прямом или производном значении в сочетании с формой инфинитива глагола, обозначающего предполагаемое действие. Например, *собрался (намеревался, решил, хотел, думал) почитать, уехать, купить).*

В архангельских говорах значение намерения может быть выражено как лексически, корнем слова, так и с помощью префиксальных морфем. Остановимся на рассмотрении каждого из этих способов.

I. Лексический способ выражения намерения совершить действие

Глаголы с значением намерения в говорах образуют несколько словообразовательных гнезд, содержащих единицы несов. и сов. вида. Это слова с корневыми морфемами *намер-: намеря́ться, намерева́ть*; *бр-/бер-/бир-*: *бра́ться, собира́ться, добира́ться, собраться, забраться; лад-*: *ла́дить, зала́дить, зала́диться, нала́диться*; *дум-*: *ду́мать, вду́мывать, выду́мывать, здума́мываться.* Роль аффиксальных морфем у этих глаголов состоит в изменении видовой характеристики глагола. Кроме того, в говорах функционирует ряд глаголов, гнезд не образующих и носящих при этом ярко выраженную метафоричность семантики намерения: *вести́сь, встрева́ть, годи́ть, гони́ть, горди́ться, е́рпиться*.

Значение намерения в высказывании реализуется в условиях сочетаемости с глаголом в форме инфинитива или с предложно-падежной формой имени, конкретизирующими характер, место или условия предполагаемого действия.

Глаголы **намеря́ться (наме́риться), намерева́ть,** корневая морфема которых выражает идею намерения, реализуют ее в своем прямом значении: Они́ намере́юцца уйти́. Ево́ уш кто́-то намеря́лся пили́ть. А я́ уш фсё намеря́лась,

[1] Материал для исследования извлечен из картотеки «Архангельского областного словаря» и его 1–21 вып. [АОС].

намеря́лась, да фсё боя́лась в лес итти́. Цё писа́ть намеря́исси? Пять рас намеря́лся е́хать в О́лёму. Намеря́ецца дош, да не́когда вози́ть, дак ку́чат ку́чи (сена). Я сёдни намерева́ла сварить вермишэль.

В остальных глаголах это значение является производным в структуре соответствующих многозначных слов. Связь с производящим значением, его семантикой в структуре многозначного слова предопределяет различия, касающиеся характера вершинного смысла в значении намерения. Формула намерения, предлагаемая для каждой группы глаголов, различающихся вершинными смыслами, отражает эту особенность.

1. **Глаголы с вершинным смыслом '*мысль*'**

ФОРМУЛА НАМЕРЕНИЯ: '*Я задумал сделать что-н., я хочу сделать это, я постараюсь сделать это*'.

ИЛЛЮСТРАЦИИ[2]. **Ду́мать** — Ла́пами утя́пал свойи́ми, ду́мала сня́ть, да забы́ла. В оле́шник ду́маеш итти́ коси́ть? Когда́ заболи́ш, таг ду́маш умира́ть. О́й, ницео́ не огля́нуця, фсё равно́ пьют, ницё не понима́ют, штё за лю́ди тепе́рь — не зна́ю, не зна́ю, ка́г ду́маюд жы́ть.

Выду́мывать — Я выду́мывала-то по́л мы́ть.

Вду́мывать — Вну́цка пи́шэт: ба́бушка, не вду́мывай в ынвали́дной до́м.

Здума́мываться — А он здума́выйецца йещё пи́ть.

Замышля́ть — Ту́т што хто́ чео́ замышля́эт, тут йещё и збо́ньдить на́до, хто́ цем ко́рмиця дак. Сы́н-от приве́тливой тако́й, зу́бы золоты́, са́м ви́ду не пока́зыват, да замышля́йет.

Замечта́ть. Она́ замечьта́ла взя́муш за його́. Не́т, стро́го ходи́ли, и не замечьта́ш поцэлова́ть-то, ни в жы́сь дак ни в жы́сь Бо́жэ! А о́н уш по́сле замечьта́л до́м ыме́ть ф свойе́й дере́вне-то.

Держа́ть мечты — Куда́ за́фтра мечьты́-те дё́ржыш?

КОММЕНТАРИЙ. Семантика глаголов этой группы представляет начальный этап формирования намерения. Она основана на переосмыслении прямого значения слов, обозначающих мыслительные процессы: **ду́мать** — *'размышлять о чем-н.'*; **замышля́ть —** *'предполагать, задумывать, намереваясь сделать что-н.'*; **мечта́ть —** *'мысленно представлять что-н., созданное воображением'*.

Общая схема переноса: *'я задумал что-н. — я намерен осуществить задуманное'*.

2. **Глаголы с вершинным смыслом '*желание*'**

ФОРМУЛА НАМЕРЕНИЯ: *Я хочу сделать то, что я задумал, я постараюсь сделать это*'.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. **Хоте́ть** — Приходи́ла англича́нка, хоте́ла сожыга́ть Солофки́. Хоте́ла бат в Оне́гу йе́хать. Хоте́ли бокову́ху ста́вить. Йе́ду на ло́тке, хоте́л уж

[2] Иллюстративный материал подается в упрощенной транскрипции, принятой для АОС (см. [АОС 1: 50–52] и [АОС 17: 5–6]).

бота́льницю кида́ть. Хоте́ла би́ть коровё́нку — ста́ра, давно́шна, векове́цьна. Ростра́ивайецца, в инвали́дный до́м хо́чет итти́.

Ла́дить — Уци́ця не ла́дит бо́ле. Чео́ бусти́ся ла́диш-то? Я ла́дила взя́т фста́вить, а ту́т меня́ то́лкнула. Ла́дила взанаро́к прити́ к ва́м на бесе́ду. Ла́дила ву́тре йе́хать да опе́ть уш пра́зьник ла́жу взя́ть. Йего́ дотого́ доподзира́ли, уби́ть-то давно́ ла́дили. Ба́бушка сьтега́ть ла́дит меня́ — дра́вницею дак.

Зала́дить — Оди́н мужы́к зала́дил йе́хать. Я́ три сьтекля́нки зала́дила стерилизова́ть.

Зала́диться — Вот зала́дилась познако́мицца. Зала́дилася на у́лицу вы́кидать фсё́. При́ду, при́ду, зaлáжузь да при́ду.

Нала́диться — Кабы́ть вот нала́дилася босьти́ (корова).

За́риться — Я́ ужэ фчера́ за́рилась за гриба́ми итти́. За́ряця посмотри́ть. Лу́чче не за́рься капу́сту гу́сто сади́ть. Я́ вот ыш за́рюся за пре́сьницю се́сьти, ак опе́ть оддохну́. Сео́дни уж за́рilася шоп к Со́не-то сходи́ть, доро́га-то не прогребена́. Я́ не могу́ пе́ть, дак я́ не за́рюсь пе́ть-то. Она́ за йево́ за́рилась (замуж). Я ф ту́ субо́ту мы́лась, дак не за́рюсь (теперь мыться).

КОММЕНТАРИЙ. Семантика глаголов этой группы основана на переосмыслении значения глаголов с СП ‘хотеть’:

хоте́ть, ла́дить ‘*испытывать желание, хотеть, желать*’ — Та́к не хоте́ла итти́, дак силко́м вы́пехали, рукова́, лопоти́ну оторва́ли, во́т как пеха́ли. Захоте́ли даро́вых де́нек. Сади́тесь (за стол) за компа́нию, мо́жэ, зала́дите (поесть). Перемогла́ вот за Ста́сика (выйти замуж), цё́-то не зала́дила;

за́риться ‘*с завистью смотреть на что-л.; страстно желать, стремиться иметь что-н., завладеть чем-л.*’ — Не ходи́, не за́рься на э́ти де́ньги. У на́с Ири́ха вы́ходная де́фка, дак па́рни за́рились на йе́й.

Общая схема переноса: *‘я хочу чего-н. — я намерен осуществить свое желание’.*

3. **Глаголы намерения с вершинным смыслом ‘*воля*’**

ФОРМУЛА НАМЕРЕНИЯ: ‘*Я приложу усилия, постараюсь сделать то, что я задумал и хочу сделать’.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. **Замахну́ться** — Закры́т магази́н? — Так я́ замахну́лась итти́, на́до дойти́. Я уж замахну́лася вершы́ну отру́бить, вершы́на-то сыгра́ла, а я́ по ноге́ — э-э́сь! Па́лец! Ну коне́шно, Ива́н Миха́лычь замахну́лся, песя́т не́ было, но одна́ гру́ппа была́.

Встрева́ть. Он фстрева́йет итти́ на учя́сток!

Засыка́ться — Э́то три́-то (дома) засыка́лася купи́ть-то. Засыка́лася — ду́мала купи́ть и одду́мала, не ста́ла покупа́ть. Я засыка́лась купи́ть, да одду́мала. Засыка́лись, да ницё́ не вы́шло. Де́фки засыка́лись, засыка́лись, и ницё́, полы́ не покра́сили.

Е́рпиться. Йе́рпилась, йе́хадь бы́ло на́до, а пото́м одду́малась.

КОММЕНТАРИЙ. Необходимость волевых усилий для осуществления желания отражается в языке в виде семантической связи с глаголами, которые обозначают действия, производимые активным субъектом, прилагающим физические

или волевые усилия для его совершения: **замахну́ться** произвести быстрое, резкое движение, действия; **встрева́ть** ‘вмешиваться не в свое дело’.

Глаголом **засыка́ться** в архангельских говорах обозначаются действия, связанные с верчением, кручением, дерганьем, требующие физических усилий. [АОС 19: 196]. В СРНГ представлено слово **засы́чка**, вероятно, соотносящееся с **засыка́ться.** В его семантике выделяются семы *‘раздражение, несогласие, азарт’* [СРНГ 11: 80].

Глагол **е́рпиться**, однокоренной с **ерепе́ниться** ‘*необычным поведением стараться обратить на себя внимание’,* — Пошто́ вытяга́т, йерепе́нице-то, кра́сну ша́пку ишо́ оде́ла! О́й, завытега́йецця, йерепе́ницца, ни зна́йет, ка́к и ступи́ть — фсё форси́т.. Старание, необычность поведения, азарт предполагают активность поведения.

Общая схема переноса: *‘я прилагаю усилия, занимаясь чем-н., стараюсь делать что-н. — я намерен приложить усилия для осуществления задуманного’.*

4. **Глаголы намерения с дополнительным СП *‘действия, способствующие осуществлению намерения’***

ФОРМУЛА НАМЕРЕНИЯ: ‘*Я задумал сделать что-н., я хочу сделать и постараюсь сделать это, предприняв некие действия’.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ**. Зате́ивать** — Зате́ивают до́мы стро́ить. Фсё вот зате́ивала, што стро́ить-то на́до. Ма́ма фсё зате́ивала, што стро́ить-то, а ведь до́лжэн мушчы́на. Вот ты́ чево́-то зате́иваш, у ийо́ де́ньги йе́сь, дак о́н, ви́диш, чё-то зате́иват.

Заводи́ть — Пекчи́ за́фтра заво́жу, дак раствоpе́ю (тесто). Умира́ть заво́дит, оболокла́сь. Я́ заводи́ла гада́ть, даг дава́йте. Ра́ньшэ ко́йе-кто заводи́л де́лать сво́й кирпи́чь. Мы́ заво́дим зьде́сь пить чя́й. Мы́ йещё спа́ть не заво́дим ложы́цца. Посыла́й, ма́ма, де́нек, жэни́цца завожу́.

Вести́сь — Я́, виш, тепе́рь обряжа́ца вела́сь.

Сряжа́ться — Э́той зимо́й сряжа́лась к им йе́хать, вя́занку купи́ла да заболе́ла гри́бом. То́жэ фсё срежа́лись де́лать, вре́мя-то прошло́, деньга́ми затира́ фсё, де́нек не́ту. Я́ веть туды́ срежа́лась в жывоты́ (пойти в опекуны).

Собра́ться — Вот то́лько когда́ собра́лся ры́бу поци́сьтить, бродьня́к како́й! Каку́ тря́пку к шэ́йе привяза́ла, не дави́ця ли собрала́сь?

Бра́ться — На гуля́нку бере́ссе (идти)?

Добира́ться — Ни́нка прийе́хала кра́сить до́м, добира́лась. И Палести́на добира́юца войева́ть.

Засобира́ться — Немно́го мы с ни́м подружы́лись, и вза́муш черес три ме́сяца засобира́лась. А учи́ца на агроно́ма я́ засобира́лась, дак прецседа́тель га́ркнул: «Пойежа́й, Татья́на».

Гони́ть — Э́тот отю́г гони́ли к тому́ привяза́ть. Они́ не го́нят за ребя́тыма бежа́ть.

Мы́литься — Ю́ра мы́лился карто́шэцька вы́зданут (достать из подпола).

Намы́лить — Пу́сь иду́т пешко́м: намыля́т за́дницы и иду́т.

КОММЕНТАРИЙ. Семантика глаголов этой группы основана на переосмыслении их производящих значений, содержащих СП ‘делать, приготовлять, осуществлять что-н.’:

заводи́ть, сряди́ть ‘*затевать, устраивать, организовывать что-н.’* — Ра́ншэ собира́ли по́мочь — у ково́ семья́ malá, не́кому бы́lo жа́ть, по́мочь заводи́ли. Наве́рно петна́цать дне́й пра́зник заводи́ть. Вы́пусьтили ис комсомо́ла, за то́ што сва́дьбу сряди́л.

сряжа́ться, собира́ться *‘снарядиться, приготовиться к чему-н’* — Она́ и засрежа́лась в го́сьти, среди́лась и пойе́хала. Я́ собра́лся на «Де́нь села́», да до́ждь задрыста́л! Я фсё́ до вре́мя собрала́. До вре́мя собрала́сь-то.

зате́ивать ‘*делать что-н., заниматься чем-н.́* — Я́ не зна́ю, когда́ запоспе́ю: то то́, то друго́, не друго́, третьйо́, фсё́ зате́иваю. Она́ ся́ки приду́мывает зате́и, сё́ зате́иват.

вести́сь *‘осуществляться, проводиться’* — Э́тта (здесь) фсё́ у на́с убо́рка ведё́цця. Мытьйо́ ведё́ца.

гнать (гони́ть) *‘производить работу, связанную с выработкой чего-н’,* Йе́сьли ну́жно, дак они́ и дьнё́м го́нят све́т. Она́ робо́тат в го́спитале — ренге́н го́нит, и ка́к спузыре́ли ру́ки у не́й, ко́жа спузыре́ла! Де́вушка была́ меха́ником — кино́ гони́ла.

мы́лить *‘натирать мылом’* — Бе́лой ми́ди — дак мы́лом мы́лили, жо́лтой ми́ди — дак песко́м чи́сьтили. Ты́ одну́ замы́лил, другу́ замы́лил. Я кладу́ порошка́ белости́рки, да мы́лом намы́лю.

Общая схема переноса: *‘я занимаюсь чем-н., делаю что-н. — я намерен осуществить задуманное с помощью этих действий’.*

5. **Глаголы с семантикой намерения, сформировавшейся на основе экспрессивного фактора**

ИЛЛЮСТРАЦИИ. **Забуты́ливать —** В Ю́рому (пойти) забуты́ливали они́.

Горди́ться — Ба́пьки фсе́ на пе́нзию горды́цца (выйти)**.**

Вы́строиться — Фсё́-таки ф клу́п вы́строилсе (пойти). Они́ в ле́с-то вы́строились.

КОММЕНТАРИЙ. **Вы́строиться** — ‘пойти куда-н. строем’, в производном значении предполагаемое действие как бы осуществляется строем, возможно, подчиняясь кому-н. **Забуты́ливать** — пример формирования метафорического значения, осложненного словообразованием. Его основа — яркая эмоциональная оценочность ситуации, касающейся алкоголя. Значение глагола **горди́ться** можно объяснить смежностью двух ситуаций при эмоциональном к ним отношении: ‘гордиться заработанной честным трудом пенсией’ — ‘гордиться намерением выйти на пенсию’.

II. Морфемный способ выражения намерения совершить действие

В архангельских говорах представлены глаголы с приставкой *по-,* образованные от глаголов несов. вида **бе́гать, ходи́ть, вози́ть, езжа́ть**, в своих первичных значениях обозначающих неоднонаправленное движение. Это глаголы **походи́ть,**

поезжа́ть, побега́ть, повози́ть, соединение с приставкой *по-* переводит их в разряд глаголов однонаправленного движения.

Рассмотренная выше формула семантики намерения '*я хочу сделать то, что я задумал, я постараюсь сделать это'* у глаголов движения с приставкой *по-* составляет признак, образующий вершинный смысл значения. Само же лексическое значение глаголов определяется связью с производящим значением, а также сочетаемостью с глаголом-конкретизатором в форме инфинитива или с предложно-падежной формой имени, уточняющими характер, место или условия предполагаемого действия, процесса.

Рассматриваемые глаголы различаются своей актантной структурой: **походи́ть, поезжа́ть, побега́ть —** одноактантные, субъект действия, обозначенного глаголом, как правило, личность, действующая активно; **повози́ть —** двухактантный глагол, его актанты — активный субъект и пассивный объект или адресат действия.

1. **Одноактантные глаголы с вершинным смыслом '*намерение'***

Походи́ть (1) — *'собираться, намереваться идти, пойти куда-н., с какой-н. целью'* — Ребя́та похо́дят ве́цером купа́цця, я́ говорю́: ребя́та, не ходи́те — вас людове́юшко в воды́ возьмёт. Вы́сьтирано, я́ полоска́ть похожу́. Вы куда́-то походи́ли, пойдете́? Мужы́к в мо́ре ходи́л и опя́ть похо́дит, по ме́сяцу хо́дят на подво́дных ло́тках. Йе́сли кто́ похо́дит в ле́с, на́до йево́ благослове́сь отпра́вить. Я́ на рабо́ту похожу́, а вы́ поди́те, я́ не оста́влю вас.

(2) — *'собираться уйти куда-н., откуда-н.'* — Неу́жто Са́ша сечя́с из Бо́ру похо́дит?. КАРГ. Лкшм. И́рка похо́дит, скажы́: «до сведа́нья». Не́т, И́рушка к де́душку похо́дит (уходит). А я́ уже́ похожу́ домо́й.

(3).*'собираться бывать где-н., посещать что-н.'* — Когда́ я походи́ла в пе́рвой кла́с, па́па пла́тьйо купи́л. Они́ ф шко́лу походи́ли.

(4). *'собираться приступить к какой-н. деятельности, службе'* — Ты́ так што́, не ф теля́тницы похо́диш? Она́, наве́рно, в мона́хи похо́дит. В а́рмию походя́т, так пою́т.

(5). *'собираться воспользоваться правом на что-н.'* — О́н на пе́нсию похо́дит, Вале́р. Ва́ля-та похо́дит в декре́т. О́н ищё ли в о́тпуск похо́дит? Она́ в о́тпуск похо́дит, ма́тери помога́ть.

(6). *'собираться вступить в какую-н. организацию'* — Сусе́тка не походи́ла ф колхо́с до́лго.

(7). *'собираться вступить в брак'* — За́муж йещё́ не похо́дит? До́чи взя́муж похо́ди. За Оното́лья за́муж походи́т.

(8). *'собираться расторгнуть брак'* — Му́ш не зади́ржывал, што похожу́ (от него).

(9). '*собираться пойти, пролиться*' — Бу́тто опя́ть до́ждик похо́дит.

Побега́ть '*собираться, намереваться пойти куда-н., с какой-н. целью*' — Не по грибы́ побега́йете? Сео́дне в ле́с не побега́йете?

Поезжа́ть (1). ‘*собираться, намереваться ехать куда-н., с какой-н. целью*’ — Она́ домо́й пойежжа́йет. К ма́тери пойежжа́ют. Ты, О́сиповна, пойежжа́йеш в Мезень? Ду́ня за́втра черве́й пойежжа́т копа́ть на ко́ргу. Ни́на никуда́ не пойежжа́т учи́це?

(2).*‘собираться, намереваться уезжать откуда-н.*’ — Йещо́ не пойежжа́йете, де́вушки, домо́й-то? Пойежжа́йете? Боле не прийе́дете? Де́фки ко мне́ ходи́ли, а пото́м через ме́сец пойежжа́ть ста́ли. Вы за́утро пойежжа́йете или когда́? Ка́тя пойежа́йет, колобко́ф проси́ла зде́лать. Приходи́те, а то Ма́рья пойежжа́т.

КОММЕНТАРИЙ. Семантика намерения, выражаемая глаголом **походи́ть**, распространяется на разные действия и процессы. Их денотативная сфера определяется прежде всего семантикой производящего бесприставочного глагола *ходи́ть*[3], который можно охарактеризовать как широкозначный. Глагол **бе́гать** в [АОС 1: 137–139] представлен семью значениями, четыре из которых соотносятся с осознанными действиями активного субъекта, **побега́ть** наследует лишь одно из значений производящего глагола — *‘направляться, отправляться, приходить куда-н. с какой-л. целью’,* глагол **поезжа́ть** — два значения глагола **езжа́ть** : *‘отправляться куда-н., ехать’* и *‘выезжать откуда-н. куда-н., уезжать, переезжать’* [АОС 13: 78–79].

Эти значения явились производящей базой при формировании семантики намерения у *по*-глаголов движения.

2. Двухактантный глагол с вершинным смыслом ‘*намерение*’

Повози́ть (1). ‘*собираться, намереваться везти кого-н., что-н. куда-н., с какой-н. целью*’ — Я́ спроси́ла, куды́ йево́ пово́зят. Дву́х солда́тоф повози́ли в отпра́фку. Пойежжа́ют куда́-то, пово́зят кого́-то. Куда́ меня́ пово́зите, ме́ртво те́ло! Та́м бы похорони́ли. Ребёнка пово́зит к ма́тери.

(2). ‘*собираться, намереваться увезти кого-н., что-н. откуда-н.*’ — Ма́льчика-то пово́зят? Полоту́ху пово́зите-то с собой?

КОММЕНТАРИЙ. Глагол **повози́ть** из шести значений производящего глагола **вози́ть** [АОС 5: 23] наследует значение *‘привозить, доставлять на транспорте’,*

Это значение является производящей базой при формировании семантики намерения у глагола **повози́ть.**

Выводы

1. Глаголы с семантикой намерения, заключенной в корнях слов, образуют междиалектный синонимический ряд. Это тип синонимических отношений, сформировавшихся на основе процессов семантической деривации, в результате сближения вторичных значений глаголов друг с другом как при синонимии первичных значений, так и без нее (см. об этом в [Нефедова 2008: 36]). Связь с производящим значением в структуре многозначного слова обнаруживается в виде различий,

[3] Так, у глагола *заходи́ть*, представленного в [АОС 19], выделено 45 значений.

касающихся характера вершинного смысла в самом значении намерения. Лексическое значение каждого глагола этой группы может быть определено как *‘намереваться делать (сделать) что-н.*

2. У *по*-глаголов *‘намереваться делать (сделать) что-н.’* является общим для всех их значений компонентом, образующим вершинный смысл. Конкретизация намерения обеспечивается связью с производящим значением бесприставочных глаголов, а также контекстными условиями. Лексическое значение глаголов этой группы определяются следующим образом: *‘намереваться пойти (побежать, поехать, повезти* и т. д.)*’*.

3. Синонимичные значения намерения отмечены у многозначных слов, не имеющих общих сем в исходных значениях. Это можно рассматривать как показатель внутренней связи полисемии и синонимии, подтверждающий наблюдение Ю. Д. Апресяна о глубоком параллелизме системы значений многозначного слова и синонимического ряда, представляющими собой минимальные подсистемы в области лексической семантики [Апресян 2002: 7].

5. Действие собственно диалектного словообразовательного типа, послужившего формированию *по*-глаголов с семантикой намерения, территориально ограничено. По данным картотеки АОС, *по*-глаголы с семантикой намерения не представлены на юге архангельского региона, в говорах Коношского, Устьянского, Котласского, Ленского районов. В [СРНГ 30: 355] для *походи́ть* в значении ‘намереваться куда-л. пойти, собираться, отправляться куда-л., идти, выходить, уходить’ и *поезжа́ть* в значении ‘ехать; собираться ехать, уезжать [СРНГ 28: 283] дана более широкая северная география, кроме пометы «арх.», еще и «олон.», «печор.», «мурм.» и др.

4. Локализация синонимов и значений *по*-глаголов не обнаруживает сколько-нибудь компактных ареалов. Их представленность в разных говорах архангельского региона не связана с территориальным варьированием, она определяется условиями речевого употребления. Подобный тип отношений относится к *функциональному диалектному варьированию* [Нефедова 2008: 28].

Литература

Апресян Ю. Д. Об одной закономерности устройства семантических систем // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. Пятые шмелевские чтения, 23–25 февраля 2002 г. М., 2002.

Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008. 464 с.

Ровнова О. Начинательный способ действия в русских говорах // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. Тарту, 2002. С. 198–223

Elena A. Nefedova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

VERBS WITH INTENT SEMANTICS IN THE ARKHANGELSK DIALECTS

The article presents an analysis of the semantics of verbs denoting the intention to perform an action. Two ways of expressing intent characteristic of the dialects of the Arkhangelsk region are described: lexical and word-forming. The predicates that form the semantics of intention — 'thought', 'desire', 'will' — are determined, their place in the lexical meaning of verbs is revealed. The conditions for realization of the meaning of the intention in compatibility with the verb in the form of an infinitive or with the prepositional case form of the name, specifying the nature, place or conditions of the intended action, are described. Verbs with the meaning of intention expressed lexically form several word-forming nests in dialects, containing units of imperfect and prefect form. A number of verbs that do not form nests have a pronounced metaphorical semantics of intention. In the case of intention verbs formed in a lexical way, the connection with the generating meaning, its semantics in the structure of a polysemous word determines the differences concerning the nature of the vertex meaning in the meaning of the intention itself. The morphemic method of forming the semantics of intention is presented in the article by verbs with the prefix *po-*, formed from verbs that in their primary meanings denote a non-directional movement. These are the verbs *to walk, to go, to run, to carry*, the connection with the prefix *po*-in one of its meanings translates them into the category of verbs of unidirectional movement. The meaning of intention is derived in the structure of the corresponding polysemous *po*-verbs and acts in them as a common vertex meaning in sub-meanings, the content of which is determined by contextual conditions.

Keywords: Arkhangelsk dialects, meaning of intention, lexical and word-forming ways of expressing intention.

References

Apresyan YU.D. [On one regularity of the structure of semantic systems] *Problemy semanticheskogo analiza leksiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Pyatyye shmelevskiye chteniya, 23–25 fevralya 2002 g.* [Problems of semantic analysis of vocabulary. Abstracts of reports of the international conference. Fifth Shmelev Readings, February 23–25, 2002]. Moscow, 2002. 7–9 pp. (In Russ.)

Nefedova E. A. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v dialektnom prostranstve* [Polysemy and synonymy in the dialectal space]. Moscow, MAKS Press, 2008. 464 p. (In Russ.)

Rovnova O. [The initial mode of action in Russian dialects]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika. Novaya seriya VIII. YAzykovyye funktsii: semantika, sintaktika, pragmatika.* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New Series VIII. Language functions: semantics, syntactics, pragmatics] Tartu, 2002. 198–223 pp. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Е. Л. Березович
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
berezovich@yandex.ru
О. Д. Сурикова
Уральский федеральный университет
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Екатеринбург, Россия)
surok62@mail.ru

ИМЕНА ЗМЕЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРАХ: ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ РЯДОВ*

Статья посвящена поиску формальных и семантических принципов организации одной из разновидностей ономастических микросистем — имен змей в восточнославянских заговорах от укуса змеи. Списки имен змей в заговорах могут состоять из разного количества лексических единиц с различным ономастическим статусом и происхождением – отапеллятивных, отантропонимических и квазиантропонимических. Наиболее доступные для интерпретации ряды именований змей — двучленные, те, в которых ключевую роль играет оппозиция по роду, проявляющаяся семантически и грамматически. Другая разновидность списков имен змей, в основе которой лежит смысловое единство, — перечни характеристических определений змей или имен, связанных с ними генетически. В основу характеристических определений положен ряд устойчивых номинативных признаков: место обитания змеи, ее цвет, особенности поведения, способ передвижения, внешний вид, вредоносное воздействие на человека и т. д. Однако во многих случаях для рядов змеиных имен выявляются только формальные закономерности сочленения элементов. К ним относятся: 1) рифмовка элементов ряда; 2) акрофония; 3) соотносительность слоговой структуры имен; 4) усечение / наращение основы лексемы-«застрельщика»; 5) реализация модели «2+1» (объединение имен в такие тройки, где первые два элемента тесно связаны, а третий существенно отличается от них).

* Исследовательская работа О. Д. Суриковой выполнена при финансовой поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17–18–01373.

Авторы выражают благодарность своему постоянному соавтору и дорогому другу Т. А. Агапкиной за предоставленные материалы и ценные замечания, высказанные при обсуждении статьи.

Ключевые слова: имена змей, мифонимы, ономастические микросистемы, восточнославянские заговоры, язык фольклора, лингвофольклористика, семантико-мотивационная реконструкция.

В исследованиях, посвященных лингвопрагматике фольклора, утверждается мысль о неслучайности возникновения в произведениях народного творчества тех или иных языковых единиц: очень часто они вводятся в тексты в соответствии с прагматическими установками жанра, что свидетельствует о плотной спаянности «плана содержания» и «плана выражения» фольклорных текстов. Это хорошо работает в применении к заговорам: в магических текстах непосредственная связь между интенциями и средствами их выражения должна соблюдаться особенно последовательно. Однако поиск закономерностей, согласно которым реализуется эта связь, зачастую осложняется характерным для заговоров обилием «темной» лексики. Слова с затемненной внутренней формой в заговорах нередко являются именами собственными, называющими объекты и персонажей мифологического центра. Системное применение принципов семантико-мотивационной реконструкции в ряде случаев позволяет восстановить их этимологический смысл и причины введения в текст.

Отдельное проблемное поле представляют собой **имена змей** в восточнославянских заговорах: это наиболее обширный ономастический класс (в сравнении с количеством собственных имен других объектов и персонажей в магических текстах), содержащий огромное количество элементов, которые на первый взгляд кажутся немотивированными или даже глоссолалическими. При этом имена змей в заговорах часто образуют ряды — **микросистемы из взаимосвязанных элементов**. Микросистемы, или ряды, о которых идет речь, могут состоять из разного количества лексических единиц (двух, трех и более) с различным ономастическим статусом и происхождением — отапеллятивных (с ясной внутренней формой), отантропонимических и квазиантропонимических, ср.: «…Пад тыми камнями / С'ядзели тры жабухы. / Адна — *Шыпуха*, / Друга — *Сипуха*, / Трэцця — *Шкрабуха*» (Гомел.) [ПЗ: № 659], «…а в той колоді три цариці, три зміїщі: *одна Софія, другая Половія, третя Доминикія*» (Киев.) [Зорі: 286]; «…в том гнездище три царевны – *Хивря, Вивря и Олипа*…» (Чернигов.; рукоп.) [Гринченко 1901: 62] и др.

Ясно, что постоянное «накручивание» таких рядов в тексте не случайно, а мотивировано поэтикой и прагматикой заговора. Значит, их изучение должно пролить свет на принципы организации заговорных текстов. Вместе с тем их можно рассматривать в качестве частного случая такого явления, как формальная или содержательная связанность имен собственных в системе языка и в тексте: оно реализуется во многих ономастических разрядах, но до сих пор недостаточно изучено (к примеру, есть исследования Ф. Б. Успенского и А. Ф. Литвиной о системных связях антропонимов [Литвина, Успенский 2006: 31–70], наши работы о семантических микросистемах в топонимии [Березович 1992; и др.]). Это явление имеет исключительную значимость для понимания системности в ономастике, поэтому каждое свидетельство здесь служит определенным вкладом в общую копилку и этапом в осмыслении указанного феномена.

Как устроены тексты, в которых встречаются ряды имен змей, каковы текстовые условия появления рядов? Это восточнославянские заговоры от укуса змеи, причем чаще — белорусские и украинские; из русских — тексты, зафиксированные на южных и западных территориях Европейской России. В основе большинства таких заговоров лежит сюжетообразующий мотив обращения в мифологический центр, который представляет собой последовательность вписанных друг в друга ландшафтных объектов: море – остров – камень – царь змей; поле – дерево – гнездо – руно – царь змей и т. п. В «центре мира» находится главная змея, наделенная властью и способная избавить человека или скотину от последствий укуса. Для этого протагонист заговора обращается к ней с требованием унять своих подопечных, вынуть из человека яд и т. д. Именно эта находящаяся в центре главная змея в большинстве случаев наделяется именем собственным.

При этом имя собственное старшей змеи регулярно предваряется родовым термином *змея*, *змей*, *уж*, а также указанием на ее высокий статус — *царица, царь*, реже *король*, *барыня*, *сударыня*, *атаман*, *голова*, *мать*, *главный змей*, *старшая змея* и т. п. Представление о том, что у змей есть царь, характерно в целом для славянской мифологии змей [см.: Гура 1997: 293–298] и связано с такими базовыми свойствами, приписываемыми змеям, как множественность, а также своего рода иерархическая организованность: множество змей понимается как семья (с матерью или отцом во главе), войско (возглавляемое царем или атаманом) или «общество», в котором есть главный змей и его слуги.

Ряды (или перечни) собственных наименований змей возникают, как правило, в результате расширения состава змей, находящихся в мифологическом центре (т. е. «умножения» количества главных, старших змей): главных змей, может быть две, три и более. Тексты содержат указания на приписываемые им родственные связи: в них идет речь о муже и жене; муже, жене и их детях; детях главной змеи; сестрах; сестре и тетке главной змеи и т. д.[1]

В других заговорных текстах характер отношений между главными змеями не обозначен, речь идет о трех (или ином количестве) царицах, трех царях — или просто о змеях. В последнем случае члены ономастических рядов могут «склеиваться» с помощью порядковых числительных («на тым дубе гняздо, у тым гняздзе ляжаць 5 змей: *адна Ульяна, другая Марія, трецція Сафія, чацвертая Шкурапея, пятая Пераскева*» (Могилев.) [Зам-09: № 628]) или просто являются перечислительными бессоюзными рядами («*Змяя Ягипа, змяя Улляна, змяя Шкурапея*» (Гомел.) [ПЗ: № 673]), иногда даже лишенными родового термина *змея*, а представляющими собой списки имен («Заговарюю я *Арину, Марину, Катрину, Магдалену, Голубею, Авдокею, Шкурлупею, Настасею*» [БС: № 277]).

Перейдем к изучению **способов связи между элементами**, **составляющими ряд**. Наиболее доступные для интерпретации ряды именований змей — двучленные: такие, в которых названы «мужская» и «женская» змеи (как правило, муж и жена). Принцип организации обсуждаемых двучленных рядов — участие в них

[1] Более подробно о мотиве родства змей в восточнославянских заговорах см. [Агапкина 2013].

однокоренных лексем, **противопоставленных по грамматическому показателю рода**. В качестве основы именования могут выступать апеллятивы с прозрачной (или восстанавливаемой) внутренней формой или антропонимы, причем суффиксация антропонимов нередко реализуется по моделям, характерным для апеллятивной лексики (ср. *Павлик* и *Павл**ица***, *Яков* и *Яков**ица*** и др. случаи ниже).

Образование оппозита по роду осуществляется в рамках следующих моделей:

▪ мужская форма → женская форма, путем суффиксации. Эта модель наиболее продуктивна. Здесь чаще всего используется суффикс *-иц/-ыц*, встречается также суффикс *-іх*, нулевая суффиксация. Вот примеры: *Півон* и *Півон**іха*** < ? *пить*, «сосущая змея (?)» («На Сіянская гарэ стаіць курган, што ў том кургане сядзіць *Півон і Півоніха*…» (Минск.) [Зам-09: № 639]); *ярец* и *яр**ица*** < *ярый*, «яростная, злая змея» («…на тих гнездах *ерец и ярыца*. *Ярец и ярица*, прашу я тибе и чада тваего, вазми щучаго зуба, выйми еда сваего…» (Гомел.) [ПЗ: № 702]); *Павлик* и *Павл**ица***, *Жаглик* и *Жагл**ица*** < *жаглить* ‘жалить, кусать’, «жалящая змея» («*Царь Павлик, царь Жаглик, царица Павлица, и царица Жаглица*, царица Рупія и царица Протупея — упрошаем вас: закланайця свою заклятую черь!» (Могилев.) [БС: № 332]); *Яков* и *Яков**ица*** («*Гад Яков, гадзина Яковица!* Гад, гад! возьми свой яд» (Ковен.) [Шейн 2: № 54]); *Скурупей* и *Скурупя**ица***[2] ***(****«Царь змѣй Скурупей и царица змѣйца Скурупяица*, сабярайтя сваихъ змей…» (Смол.) [Добр. 1: 180, № 1]);

▪ женская форма → мужская форма, путем усечения или смены финали. Здесь используются нерегулярные словообразовательные модели: *Ир* и *Ирица* < укр. *ириця* ‘водяная ящерица, Triton’ («*Царь змѣиный Ир и царица Ирица!* Лютых своих змѣй унимай, лихо жало вынимай» (Смол.) [Шейн 2: № 52]); *Хавронья* и *Хавроний* («*Царь Хавроний и царица Хавронья*, уймите своего гада, гада-супостата» (Нижегор.) [НЗ: № 112]);

▪ женская форма → мужская форма, путем подбора антропонимной «пары» (метатеза, созвучие): *Василий* и *Василиска* < *василиск* («В чистом поле стоит ракитов куст, под тем кустом лежит серая *змея Василиска и змей полоз Василий*…» (Забайкал.) [Логиновский 1904: 43]); *Елена* и *Леон* («…а в одним гнизди *царь Леон*, а в другом гнизди *цариця Елена*…» (Харьк.) [Липский 1890: № 17]); *Еленьця* и *Елей* («…в первом гнизди сам *царь Елей*, в другому гнизди — *царыца Еленьца*…» (Чернигов.) [Малинка 1902: *233*]).

Если элементы пар, имеющие словообразовательную противопоставленность по роду, «замкнуты» друг на друга, то другая разновидность ономастических

[2] Ср. здесь образование окказиональной формы на *-ица* при существовании устойчивой формы *Скурупея* (ср. то же ниже — *Еленьця*). Это происходит, вероятно, по аналогии с другими женскими именами змей на *-ица*, т. е. в результате выравнивания по модели. О продуктивности последней в заговорах свидетельствует не только множество приведенных нами обозначений змей, но и апеллятивные пары в заговорах от укуса змей, ср.: *вуж* и *вужица*, *ящир* и *ящарица*, *слепень* и *слепница* («…унимайте вы слуг своих *вужа и вужиц, ящира и ящарицу, слепня и слепницу*» (Литва) [Романова 2003: № 41]); *гад* и *гадиница*, *едун* и *едуница* («*Гад-гадиница, едун-едуница*, бери свой яд!» (Рус. в Литве) [ФСЛ 2: № 851]); *гад* и *гадица*, *яд* и *ядуница* («Аны шопчут-ропчут про *гада, про яда, и про гадицу, про ядуницу*…» (Пск.) [Чернышев 1928: 359]») и др.

рядов имеет более свободную структуру, поскольку ориентирована на список. Речь идет о **перечнях обозначений змей с характеристическими определениями**. В заговорах такие перечни «преследуют цель выявить и назвать именно ту змею (тот вид змей), которая причинила вред человеку или скотине» [Агапкина 2013: 441]. В основу характеристических определений положен ряд устойчивых номинативных признаков: место обитания змеи, ее цвет, особенности поведения, способ передвижения, внешний вид (например, наличие рогов и др.), вредоносное воздействие на человека и нек. др. [подробно см.: Там же], ср.: «Уговарюю я старую портупею, скулупею, *подкутную, подмежную, хлявную, кустовую, боровую, курчавую, придорожную, водовую*…» (Могилев.) [БС: № 349] и мн. др.

Т.А. Агапкина указывает, что «подобные перечни видов змей восходят к широко известной греческой и древнеславянской апокрифической молитве апостола Павла от змеи, неоднократно публиковавшейся по материалам южнославянских и древнерусских сборников XIV–XVIII вв. <…> которая была распространена у восточных славян и в более поздних списках» [Агапкина 2013: 443].

Характеристические определения имеют статус нарицательных слов, но в ряде случаев их статус сдвигается в сторону проприальности. Ср., например, следующий контекст: «Середи трех кустов, середи трех частых лежит черное руно, переярошное, перелетовое — сам царь *Сопецкий*[3], змей *Скарбецкий*» (Влг.) [Виноградов 1: № 82]. Здесь пара *Сопецкий — Скарбецкий* имеет игровое «фамильное» оформление, а значит, статус имен собственных, но внутренняя форма этих имен читаема, а соседство с рядом определений руна (*черное*, *переярошное*, *перелетовое*) тоже отбрасывает на обсуждаемые слова «отблеск нарицательности». Показательны также такие случаи: «*Поляха, Домаха*, я вас прошу и вялю уняць своих дзяцей и выниць своё жалы з раба божаго» (Могилев.) [БС: 179, № 81]; «…ты *царица сипуха, а другая хрипуха, а третьтяя салопаха*[4]*, сунимай своих слуг старых и малых» (Гомел.) [БС: № 340] и т. д. С одной стороны, эти названия змей за счет прозрачной внутренней формы больше, чем другие лексемы, обозначающие змей в заговорах, приближены к нарицательным словам. С другой стороны, многие из этих имен созданы в рамках единой словообразовательной модели, а также соседствуют в текстах с родовыми и статусными терминами (змея*, *царь* и т. д.), что повышает уровень условности, конвенциональности их функционирования, сообщает им некоторые свойства «ярлыка», «наклейки», присущие именам собственным. Ономастичность подобных единиц усиливается, когда они не просто функционируют в ряду гомогенных образований (как в контекстах, приведенных выше), но попадают в гетерогенное окружение и упоминаются наряду с антропонимами и именами с затемненной внутренней формой, см.: «*Мяжища и Кусьцища и третьція* ***Саўра***, упрошаем жа мы вас, — заклинайця свою заклятую черь» (Могилев.) [БС: № 312]; «*Змея* ***Машка****, змея Крапивка, змея Василиска*, у вас есть в море яр песок, у меня

[3] Ср. рус. диал. *сопеть* ‘жадно есть’, т. е. *змей Сопецкий* — «жрущая змея».

[4] Ср. укр. *солопити* ‘лизать, высовывать язык’ [ЕСУМ 5: 349], т. е. *салопахой* змея названа по признаку ее раздвоенного языка, который то и дело показывается изо рта.

в роте крепость щи замки» (Тюмен.) [Темплинг, Туров 1992: 56] и т. п. В таких случаях контекстные партнеры как бы отбрасывают «отсвет» собственной ономастичности на отапеллятивные обозначения, а последние «заражаются» им.

Видимо, подобные **смешанные списки** — одна из самых старых разновидностей перечисления наименований змей в восточнославянских заговорах, ср. текст из лечебника последней трети XVII в.: «Аще кого змия уяст: и ты возьми ковшик чист, и зачерпни воды, и говори над ковшиком над водою сия имяна: *Сарра и Зуфа домониха, путиха, воротва, марта*, Ивана Идунина ковшик, 3-ж, и дай уязвенному пити, а остатком уязвенного окати, будет здрав (б/м) [Лахтин 1912: №272].

На примере этих текстов видна **эволюция именования змей в заговорах** — можно предположить следующую последовательность: функционирование в заговорах и апокрифических молитвах (молитве апостола Павла от змей) перечней характеристических определений змей → необходимость не только идентифицировать змею (по окрасу, месту обитания и пр.), но и персонализировать ее, выделить из множества ей подобных, чтобы «полноправно» наделить ее полномочиями магического субъекта, находящегося в мифологическом «центре мира»[5] → возникновение в текстах отантропонимных номинаций, которые лучше всего отвечают этой задаче → возникновение смешанных перечней названий змей, отличающихся бóльшим ономастическим «зарядом», чем гомогенные списки характеристических определений → возникновение перечней «чистых» имен змей, совпадающих с антропонимами, без «примеси» характеристических определений.

Интересная флуктуация «смешанного» этапа — ситуация, когда характеристические по своему происхождению обозначения змей настолько «пропитываются» ономастическим «пафосом» контекста, что начинают имитировать антропонимы (или же подбираются антропонимы / антропонимоподобные единицы, созвучные употребительным характеристическим определениям), ср.: «…у первом кошали *Ульляна, у другом Арина, у третьтям Солопея* < ~ *солопаха*>, — вынимайтя свое змяиное жало» (Гомел.) [БС: №291]; «Ёсь самая старша *Пуцимѣя* < ~ *пуциха*[6], *‘путевая змея’*>, *Расхоцимѣя, старая Соломонида* <~ *солома*, ‘змея, живущая в соломе’>, — вынь гэто жигало з раба божжаго» [БС: №322] и др.

Однако не всегда «змеиные антропонимы» можно связать со значимыми апеллятивами по созвучию или аналогичному контекстному окружению — и мы приходим к самой сложной для анализа разновидности ономастических списков — к двух- или многочленным рядам наименований змей, состоящим из **отантропонимических образований и «темных» слов**, **функционирующих как ИС**. Для таких ономастических рядов сложно или невозможно предложить семантическую реконструкцию, поэтому при их описании мы будем пытаться выявить формальные закономерности сочленения элементов.

---

[5] Эти два первых этапа могут развиваться и параллельно: первый — в сторону характеристических определений, второй — в том случае, когда заклинания от змей встраиваются в систему мифологического центра с его маркированностью центрального персонажа.

[6] Ср.: «*Пуциха*, подмяжиха, моховая, боровая, колодная змія, вынь свой зуб с білаго тѣла, з яснаго лица, з горючія крыви» (Могилев.) [БС: №313].

В.Н. Топоров в большой статье, посвященной самым разным аспектам функционирования и происхождения заговорного текста, кратко пишет о «неком внешнем принципе организации» (т.е. формальном, а не семантическом) скоплений имен, принадлежащих разным объектам и персонажам: это членение на пары и триады, ритмизация именных фрагментов, сочетание имен приблизительной одной длины, использование акрофонического принципа, принцип рифменного сочетания [Топоров 1993: 90].

А.С. Архипова и Ф.Р. Минлос, исследуя сочетания собственных имен в пределах фольклорных текстов (в основном восточнославянских), справедливо указывают, что они «в меньшей степени семантичны, чем окружающий текст, и в большей степени фонетически “отточены”» [Архипова, Минлос 2003: 258], а значит, в таких текстовых синтагмах необходимо искать фонетические и просодические закономерности. Среди них называются: максимальный фонетический контраст инициалей парного сочетания (примеры из восточнославянских заговоров: *Захарий* и *Макарий*, *Листрица* и *Мистрица* и др.); ритмическая организация элементов именной пары — совпадение количества слогов в элементах, их уменьшение (*Звериона* и *Виона*) или увеличение (*Марья* и *Маремьяна*) во втором элементе; текстообразующий принцип «2+1» — объединение имен в такие тройки, где первые два элемента тесно связаны (имеют равное количество слогов и/или рифмуются между собой), а третий существенно отличается от них (*Ариды*, *Мариды*, *Макариды*; *Ефет*, *Сафет*, *Еракий* и др.) [Там же: 259–262].

Наше исследование рядов именований змей в восточнославянских заговорах подтверждает справедливость наблюдений коллег. Развивая их, **перечислим формальные приемы**, **определяющие построение рядов имен в заговорах**.

1. Рифмовка (или совпадение финалей) элементов

1а. Рифмовка всех ономастических элементов ряда: *Арина* и *Катерина* («…пад тым рунцом ляжить змѣя Скарпея; іость у ней сестры *Арина*, *Катерина*» (Смол.) [Добр. 1: 184, №5]); *Ганна* и *Оляна* («Мала вона собі дві дочки: Одна *Ганна полуоліянна*, а друга *Оляна полуоліяна*» (Подол.) [Зорі: 282]); *Кулаго* и *Булаго* («Ти, *Кулаго*, ти, *Булаго*, ущувай свої діти…» (Житомир.) [Гладкий 1999: 286]); *Сохвея*, *Шурпея*, *Марея* («…а ў чорном руни три змяи: одна *Сохвея*, а другая *Шурпея*, а третьтяя дива *Марея*» (Гомел.) [БС: №293]) и мн. др. Ср. также ряды имен с одинаковым суффиксальным оформлением (диминутивным): *Ульянка*, *Наталка*, *Маланка* («С чего ты распускаешь усих своих дочерей: *Ульянку*, *Наталку*, *Маланку* и всех своих шевелей?» (Могилев.) [Врадий 1898: 246]); *Машка*, *Крапивка*, *Василиска*.

Отдельно следует упомянуть обширную группу ономастических рядов, где «застрельщиком» рифмы и ритма выступает имя змеи *Шкуропея* (и его варианты)[7]:

[7] Об этом имени, инициирующем целое морфо-семантическое поле змеиных обозначений в заговорах, о его происхождении, путях проникновения в фольклорные тексты, а также ономастическом статусе см. нашу отдельную работу: [Агапкина и др. 2021б].

Шкуропея и *Прасковея* («Змѣя-*Шкуропея*, зьмѣя *Прасковея*, вынь ты свой яд» (Могилев.) [БС: 178, №78]); *шкурупея*, *Данилея*, *Сохвея* («…у том гняздзѣ змѣя *шкурупея*, другая *Данилея*, третьцяя *Сохвея*, — собирай ты своих слуг» (Могилев.) [БС: №284]); *Шкурупея*, *Партупея*, *Настасея*, *Марея* («И у томъ руни шерсти сядить змія *Шкурупея*, змія *Шкурупея*, змія *Партупея*, змія *Настасея*, змія *Марея*» (Смол.) [Добр. 1: 182, №4]) и др.

1б. Попарная (или более) рифмовка элементов в многокомпонентных рядах[8]: *Марья* и *Дарья* — *Марина* и *Кацярина* («…уйми свою *Марью, Дарью, Марину, Кацярину*, от яросьци, от вопохоли» (Витеб.) [БС: №279]); *Пусиха* и *Росиха* — *Сохва* и *Солохва* («*Пусиха, Росиха, Сохва-Солохва*!» (Могилев.) [Шейн 2: №56]); *Палагея* и *Сихвея* — *Малгарита* и *Стипанида* («А ня выниш ты жала с гнядэй лошади яд свой, то будить табе на усих сястер на ваших аканчэніе: на *Палагею*, на *Сихвею*, на *Малгариту*, на *Стипаниду*» (Смол.) [Добр. 1: 187, №9]) и др.

Рифмоваться между собой могут не только ономастические элементы рядов; бывают случаи, когда перечень имен змей делится на несколько сегментов: рифмующиеся между собой ИС (одна группа или более), а также ИС, рифмующееся с собственным эпитетом, см.: *змей* и *Веремей* — *Марья* и *Дарья* — *Арина* и *Катерина* — *Ходосья* и *Долосья* («*Змей Веремей, змея Марья, змея Дарья, Арина, Катерина, и Ходосья, и Долосья*, и ты змея Скуронина…» (Калуж.) [РЗЗ: №1967]). Рифмоваться между собой способны также характеризующие определения, стоящие рядом с группой рифмованных имен собственных: *Кіліяна* и *Іліяна* — *цариця* и *Веретениця*[9] *(«…а в гнізді цариця: одна Кіліяна, друга Іліяна, а третя — цариця Веретениця*» (Екатеринослав.) [Новіцький 2007: №73в]); *Гарадым* и *Сакадым* — *змяюха* и *палятуха*[10] («Цар *Гарадым*, цар *Сакадым*, *змяюха-палятуха*, бойся хрысціянскага духа» (блр.) [Зам-09: №570]).

Принцип ритмизации — ключевой для функционирования именных фрагментов в заговорах от укуса змей, поэтому нередко встречаются случаи, когда ономастические единицы срифмованы с апеллятивами из ближайшего контекстного окружения: *Сохва* и *Вохва* – *Гараська* и *сила уразьска* («Ох вы гады, ох вы змѣи: одна *Сохва*, другая *Вохва*, третьця *Гараська*, сила *уразьска*…» (Могилев.) [БС: №300]); *Даніла* и *няміла* — *Рад* и *яд* («Вуж *Даніла*, твая жаласць *няміла*, вуж *Рад*, бяры свой *яд*» (Минск.) [Зам-09: №601]). Неоднократно появляется рифма *перина* и *Катерина*, см.: «На море на океяне, стоит дуб-скородуб, на том дубе — тесовая коровать, на коровати — пуховая *перина*, на той на *перине* лежит змей-скоропей, змея *Катерина*» (Калуж.) [РЗЗ: №1963] и др.

---

[8] В некоторых сложных для формальной интерпретации ономастических рядах рифмуются хотя бы некоторые компоненты: *Стахвея* и *Палагея* в ряду *Курдодзин*, *Буйма*, *Стахвея*, *Палагея*, *Кочагар*, *Агапъя* (Могилев.) [БС: №334]; *Куртупея* и *Черепея* в ряду *Ева*, *Куртупея*, *Черепея*, *Вад* (Могилев.) [БС: 177, №76]; *Гаўрыла* и *Даніла* в ряду *Гаўрыла і Даніла, вада и красная гадзюка* (Гомел.) [Зам-09: №610] и т. д.

[9] Ср. рус., укр. *веретеница* и под. ‘медяница, Anguis fragilis’.

[10] Определение *палятуха* соотносится с глаголом *палить* ‘жечь’ («опаляющая змея» — такая, которая причиняет резкую, жгучую боль своим укусом).

2. Акрофония (в терминологии В.Н. Топорова), или совпадение инициалей элементов[11]: *Сакадын* и *Савра* («Ты вуж *Сакадын*, змея *Савра*, какая етага раба (имярек) укусила…» (Дальневост., укр. переселенцы) [Георгиевский 1929: №1]); *Сакатін* и *Саварова* («…а в тому дубі цар *Сакатін* і цариця *Саварова*…» (Житомир.) [Гладкий 1999: 287]); *Сандомир* и *Самостей* («Боровый *Сандомир*, моховый *Самостей*, сунимайтя своих слуг» (Гомел.) [БС: №350]); *Сокодын*, *Солома*, *Савра*, *Солопея*, *Шкурапея* («…прошу вас гады и цябе, вуж, добрый муж, вуж *Сокодын*, змяю саму *Солому*, и змяю *Савру*, и змяю *Солопею*, и змяю *Шкурапею*» (Могилев.) [БС: №283]).

3. Соотносительность слоговой структуры имен

3а. Равное количество слогов в элементах ряда: *Са-хон*, *Ав-рам* и *Сар-цон* («…у том гняздзѣ лежаць три вужи, три цари: первый *Сахон*, другій *Аврам*, третьцій *Сарцон*» (Ю.-Зап. Брян.) [БС: 184, №103]); *Ва-си-ли-са*, *По-ла-ге-я* и *Фек-лис-ти-я* («Саме большие жала у царя и у царицы, *у Василисы, у Полагеи и у Феклистии*» (Иркут.) [Овчинников 1910: 27, №8]) и мн. др.

3б. Увеличение количества слогов в последующих элементах (по сравнению с предыдущими): *Сас* и *Хав-ра* («*Сас* муж, а царица *Хавра*, унимай своих слуг и подруга подколодных, подболотных» (Могилев.) [БС: 181, №92]); *Са-ур* и *Е-лена* («…под тем дубом сидит царь *Саур* и царица *Елена*, они вместе беседовали и от гнуса змея…» (Забайк.) [Толмачев 1911: 63]); *Я-ги-па*, *Ул-ля-на* и *Шку-ра-пе-я* («…пад тым курганом ляжыть три змяи. Змяя *Ягипа*, змяя *Улляна*, змяя *Шкурапея*» (Гомел.) [ПЗ: №673]) и мн. др.

3в. Уменьшение количества слогов в последующих элементах (по сравнению с предыдущими)[12]: *Са-ва-тей* и *Хев-ра* («Сам *Саватей*, сударыня *Хевра*!» (Курск.) [Майков 1992: №182]); *Ка-те-ри-на* и *Га-лич*; *шку-ра-пей-ни-ца*, *Ва-сі-лі-ца* и *Ка-ды-ня* («па той жа раце плыла гадыня-*шкурапейніца* і царыця *Васіліца* і цар *Кадыня*» (Гомел.) [ТЗС: №121]) и др.

4. Усечение / наращение основы лексемы-«застрельщика»

4а. Регрессивное усечение основы (первый элемент представляет собой результат усечения второго элемента на 1–2 первых слога, с сохранением одинаковых или похожих финалей): *Лаха* и *Малаха* < *Маланья* («Ёсь у бѣлом свѣщи три вужаки: одна *Лаха*, другая *Малаха*, а третьція Чорная подмежная…» (Могилев.) [БС: №315]); *Гея* и *Палагея* («…ў том яйцы три зьмяи: одна *Гея*, другая *Палагея*, третьція Шкуропея» (Могилев.) [БС: 180, №88]); *паха* и *верепаха* < *черепаха* («Гад змяя *паха*, гад змяя *верепаха*, гад змяя шкурлупея» (Могилев.) [БС: №281]).

4б. Прогрессивное наращение основы (второй элемент представляет собой результат наращивания первого элемента на 1–2 первых слога): *Мария-Полумария*,

[11] Во всех обнаруженных нами случаях акрофония основана на повторении свистящих и шипящих, т.е. звуков, имитирующих «змеиный язык». Вероятно, это одно из проявлений вербальной магии.

[12] Это более редкая разновидность слоговой структуры, чем предыдущие два типа.

Анна-Полуанна, *Лукерья-Полулукерья* («…посилай ти три сестри: *Марію-Полумарію, Анну-Полуанну, Лукерью-Полулукерью*, нехай виймуть зуб від гадини рябої...» (Екатеринослав.) [Новіцький 2007: №72б]); *Саул-Осаул* («…на тим дуби высоким 40 гнизд высят, а в тих гниздах сидят *Саул-Осаул* и барыня Хивря…» (Харьков.) [Любарский 1890: 2]).

5. Реализация модели «2+1» — когда первые два элемента тесно связаны (имеют равное количество слогов и/или рифмуются между собой), а третий существенно отличается от них[13], см. о ней [Архипова, Минлос 2003].

В изучаемых текстах модель представлена следующими примерами: *Хивря*, *Вивря* и *Олипа*; *Гася*, *Зося* и *Явгиньня* («…над тыми да тридевять гадюками да три старших: одна *Гася*, другая *Зося*, третьтяя *Явгиньня*» (Гомел.) [БС: №345]); *Хава с Хавою* и *Сакатун*[14] *(«…у том гняздзѣ Хава с Хавою* и зьмѣй *Сакатун*» (Могилев.) [БС: 178, №77]) и др.

В целом ряде случаев один из элементов ряда — какое-либо имя из гнезда с вершинным словом *Шкурапея*: *Марина*, *Катерина* и *Шкарупета* («…а в том гнезди из семи дубов ветье и царь Египет и три царицы: царица *Марина*, царица *Катерина*, царица *Шкарупета*» (Чернигов.) [Семенцова 1892: 285]); *Салоха*, *Лізуха* и *Курапея* («…у тым гняздзе тры змяі-гадзюкі. Первая — *Салоха*, другая — *Лізуха*, трэцяя — змяя *Курапея*» (Гомел.) [Зам.: №346]); *Рабѣя*, *Шкуропея* и *Ульляна* («Ёсь жа у свѣци три змяи: змѣя *Рабѣя*, змѣя *Шкуропея* и змія *Ульляна*» (Могилев.) [БС: 183, №98]) и др.

А.С. Архипова и Ф.Р. Минлос, описывая модель «2+1», отмечают, что связь между элементами триады может быть не только формальной: «Часто это устойчивая пара имен, а третье имя употребляется вместе с ними окказионально» [Архипова, Минлос 2003: 263]. «Змеиный» материал подтверждает такую особенность: в составе ряда из трех элементов действительно могут проявиться смысловые «поддержки». Они могут состоять в отношениях контекстного партнерства на уровне прецедентных имен, а также в семантизации исходных апеллятивов (одного или двух) в ряду, ср. пару *Мяжища* и *Кусьцица*, выступающую в составе ряда «*Мяжища* и *Кусьцица* и третьція *Саўра*, упрошаем жа мы вас, — заклинайця свою заклятую черь» (Могилев.) [БС: №312]. Такая семантическая связь более «надежна», чем прецедентное контекстное партнерство, она «оттеняет» окказиональность третьего члена.

Вот два варианта рядов, внутри которых наблюдается «семантизация» (притом что есть необходимая формальная связь элементов — рифмой и ритмом):

▪ внутри ряда есть «семантизированный» бином, ряд включает рифмованные отапеллятивные характеристические определения (с «читаемой» внутренней

[13] В редких случаях указанная модель реализуется в обратном порядке — «1+2»: *Єла*, *Сохвія* и *Мархвія* («Посилає своїх: *Єлу, Сохвію, Мархвію*…» (Чернигов.) [УНМ: 108]).

[14] Вероятно, *Сакатун* и подобные формы (*цакадзін*, *Сокатын* и др.) можно связать с блр. *сакатаць*, укр. *сокотати*, рус. *сокотать* ‘кудахтать, щелкать, стрекотать, шипеть и пр.’; в таком случае они называют змею по признаку издаваемых ею звуков.

формой) + отантропонимическое имя и/или «темное» слово: *сипаха*, *рыпаха* и *картатын* («*Сипаха — рыпаха — картатын*, грецками крупами, чорным маком выпущай з раба божаго росу» (Могилев.) [БС: №282]); *Сукропея*, *Яркая* (< *ярая*) и *Пераяркая* («…под чорным руном ляжиць змѣя *Сукропея*, и змѣя *Яркая* и змѣя *Пераяркая* — три сестры» (Могилев.) [БС: №299]);

▪ внутри ряда есть семантизированный номенклатурный термин, ряд включает рифмованные и/или однокоренные отантропонимные наименования и/или «темные» слова + отапеллятивное характеристическое определение: *Хария*, *Хаврия* и *веретельница* («*Харие* и ты, *Хаврие*, и ты, *веретельнице*, в море на дне все воздвижение на тебе…» (укр.) [Стороженко 1892: 127]); *Мархва*, *Пархва* и *Полюха* («У тых подушках ляжиць три зьмяицы, три царицы: одна *Мархва*, другая *Пархва*, третьція *Полюха*» (Ю.-Зап. Брян.) [БС: 184, №102]); *Федора*, *Федосья* и *Сопега* («…а на дубе три сестры гнездо свили, одна *Федора*, другая *Федосья*, третья *Сопега*…» (б/м; XVIII в.) [ОЧ: *162*]).

Говоря о причинах появления модели «2+1», А.С. Архипова и Ф.Р. Минлос пишут о принципе троичности, а также отмечают, что эта модель «является реализацией каких-то более общих закономерностей, например отличия последнего элемента списка от всего списка» [Архипова, Минлос 2003: 264]. Мы поставили бы несколько иной акцент. Думается, ряды «2+1» являются **моделью «всеохватности»**, поскольку ряд устроен по принципу «какой-то + такой же + совсем другой». Первые два компонента создают некую инерцию множественности, а третий элемент, «ломая» ряд, но вместе с тем вписываясь в него, указывает на то, что этот ряд описывает максимальное разнообразие случаев.

***

Подведем итоги. Имена змей в заговорах нередко встречаются в виде пар или рядов и тяготеют к объединению в микросистемы, объединенные на основе формальной (чаще) или содержательной связи. Если думать о том, как мотивировано возникновение этих рядов внутренними потребностями заговорного текста, то стоит признать, что они являются весьма нетривиальной реализацией инерционных механизмов заговора; ср. об этих механизмах у С.М. Толстой: «Совместное действие и сложение разных ритмических импульсов в текстах заговоров создает своего рода инерцию ритма и порождает нанизывание одинаковых форм, моделей и конструкций, которое служит дополнительным средством “связывания” текста внутри отдельных блоков и фигур и между ними» [Толстая 2015: 322]; среди проявлений таких механизмов — «таксономическая» инерция (перечислительные формулы), лексическая инерция (тавтологии), семантическая инерция (синонимические ряды) и др. [Там же: 323–332]. Микросистемы имен тоже служат целям **связывания текста**, причем перед нами очень сложный (хоть и эффектный) способ связи, поскольку для его осуществления нередко приходится не выбирать из уже готового списка имен, а производить новые. Перечисляя змеиных персонажей и указывая на их взаимоотношения друг с другом, исполнитель заговора укрепляется в мысли о «познанности» их мира, что **усиливает действенность заговора** в его сознании.

Сказанное свидетельствует в пользу внутренней мотивированности рядов имен змей в заговорах. Если смотреть на эти ряды с другой стороны (не от текста, а от самого феномена микросистемности в ономастике, о котором говорилось выше), то надо отметить, что заговорный материал расширяет и углубляет наши представления о возможностях имен собственных образовывать взаимосвязанные ряды. Как мы указывали, этот феномен изучен недостаточно, поэтому некоторые авторы склонны абсолютизировать его принадлежность к какому-то одному ономастическому разряду. Против такой абсолютизации свидетельствует обнаружение данного феномена все в новых сферах ономастики, в нашем случае — в фольклорной мифонимии. В то же время мы не можем говорить о его универсальности: микросистема — очень сложное явление и в когнитивном плане, и в плане лингвистической техники, поэтому в ономастических системах, сложившихся по законам естественной номинации, количество рядов взаимосвязанных наименований не может быть высоким. Правильнее считать, что это явление — при всей своей эксклюзивности — закономерно возникает в ономастических системах в тех случаях, когда в рядах есть особая семиотическая потребность. В случае с именами змей в заговорах потребность определяется реализацией магической функции текста, о которой шла речь выше, а также внутренней тенденцией к упорядочению именника, являющегося «распространенным» и иерархически организованным: действительно, другие объекты заговорного ономастикона единичны (по одному имени требуется океану, острову, дубу и пр.), в то время как «сообщество» змей множественно, структурированно и функционально, чему способствует связь их имен.

Литература

Агапкина Т. А. Восточнославянские заговоры от укуса змеи: темы и сюжеты, локальные особенности и славянские параллели // XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации: в 2 т. Т. 2: Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. М., 2013. С. 434–466.

Агапкина Т. А., *Березович Е.* Л., *Сурикова О.* Д. Имена змей в восточнославянских заговорах: *Скоропея* // 2021б. В печати.

Архипова А. С., *Минлос Ф. Р*. Формальные закономерности в сочетаниях имен // Именослов. Заметки по исторической семантике имени / сост. Ф. Б. Успенский. М. : Индрик, 2003. С. 258–265.

Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии : дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1992.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997.

Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М. : Индрик, 2006.

Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор / отв. ред. Т.М. Николаева. М. : Наука, 1993. С. 3–103.

Источники

БС – *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск, 1891.

Врадий В. Три заговора и народные воззрения на змей в Могилевской и Херсонской губерниях // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 245–246.

Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4 // Дальневосточный исследовательский университет. Труды. 1929. Сер. 3. №8. С. 17–26.

Гладкий М. Скотарські замовляння поліщуків // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження. Вип. 2 : Овруччина. 1995 / наук. ред. С. Павлюк, М. Глушко. Львів, 1999. С. 273–292.

Гринченко Б.Д. Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов : Земская типография, 1901.

Добр. — *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1891. Ч. 1.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: у 6 т. / ред. О.С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

Зам. — Замовы / уклад., сістэм. тэкста у, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Зам-09 — Замовы / уклад. У.А. Васілевіч, Л.М. Салавей ; уступ. арт. Л.М. Салавей. Мінск : Беларусь, 2009.

Зорі — Ви, зорі зориці. Українська народна магічна поезія (Замовляння) / упор. М.Г. Василенка, Т.М. Шевчук. Київ : Молодь, 1991.

Лахтин М.Ю. Старинные памятники медицинской письменности // Записки Московского археологического института. М., 1912. Т. 17.

Липский В. Малороссийские заклинания в Харьковском уезде // Харьковские губернские ведомости. 1890. Ч. неоф. №88. С. 1.

Логиновский К.Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков // Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отделения РГО. Владивосток, 1904. Т. 9. Вып. 1.

Любарский Н. О деревенских знахарях и их заговорах // Южный край. 1890. №3172.

Майков 1992 — Великорусские заклинания / сб. Л.Н. Майкова. СПб. ; Париж : Европ. Дом, 1992.

Малинка А. Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов : Тип. Губ. земства, 1902.

НЗ — Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX веков) / сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Коровашко. Н. Новгород : [б. м.], 1997.

Новіцький Я. Твори : у 5 т. Запоріжжя : Тандем, 2007.

Овчинников М. П. Материалы для изучения народного знахарства и отреченной литературы в Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1910. Т. 39. С. 24–35.

ОЧ — Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002.

ПЗ — Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / сост., подгот. текстов и примеч. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2003.

РЗЗ — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М. : Изд-во МГУ, 1998.

Романова М. В. Русские заговоры из архива Е. Р. Романова // Slavjstica Vilnensis. 2003. P. 217–234.

Семенцова 1892 — Сборник Ирины Антоновны Семенцовой, доставленный из с. Будниц Кролевецкого у. Черниговской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1892. Т. 4. С. 285–288.

Стороженко 1892 — «Малорусские суеверия, коим мало кто верил, 1776 года» (рукопись А. И. Чепы) / публ. Н. В. Стороженко // Киевская старина. 1892. Т. 36. С. 119–130.

Темплинг В. Я., *Туров С. В.* Бытование заговора в современной деревне Зауралья // Религия и церковь в Сибири. Вып. 3 : Письменные и устные источники заговоров. Тюмень, 1992. С. 39–66.

ТЗС — Таямніцы замоўнага слова / уклад., сістэм. тэкстаў, уступны арт., каментарыі і рэдаг. І. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. Гомель : Беларускае агенцтва навуковатэхнічнай и дзелавой інфармацыі, 1998.

Толмачев П. М. Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив. 1911. № 2. С. 63–75.

УНМ — Українська народна магія. Поетика. Психологія / упор. Т. Полковенко. Київ : Бібліотека українця, 2001.

ФСЛ — Фольклор старообрядцев Литвы. Тексты и исследования. Т. 2 : Народная мифология. Поверья. Бытовая магия / изд. подгот. Ю. С. Новиков. Вильнюс : Изд-во Вильнюсск. пед. ун-та, 2009.

Чернышев В. И. «Пушкинский уголок», его быт и предания // Известия РГО. 1928. Т. 60. Вып. 2. С. 327–360.

Шейн П. В. Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. : Тип. Имп. АН, 1893. Т. 2.

Elena L. Berezovich
Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russia)
berezovich@yandex.ru
Olesia D. Surikova
Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russia)
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
surok62@mail.ru

NAMES OF SNAKES IN EAST SLAVIC CHARMS: PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF ONOMASTIC CHAINS

The article is devoted to the search for formal and semantic principles of the organization of such onomastic microsystem as the names of snakes in East Slavic charms against a snake bite. Lists, or chains, of snake names can contain a different number of lexical units with different onomastic status and origin. The most clear chains are the binomial ones, those in which the opposition by gender plays a key role — it manifests semantically and grammatically. Another kind of chains of names, which is based on semantic unity, are lists of characteristic definitions of snakes or names which related to them genetically. The basis of the characteristic definitions is a designation for the habitat of the snake, its color, behavior, mode of movement, appearance, harmful effects, etc. However, in many name chains, only formal patterns of articulation of elements are revealed. These include: 1) rhyming of the elements of the chain; 2) acrophony; 3) correlation of the syllabic structure of names; 4) shortening/extension of the basis of the lexeme-beginner; 5) implementation of the "2+1" model (combining names into such triples, where the first two elements are closely related, and the third is significantly different from them).

Keywords: snake names, mythonyms, onomastic microsystems, East Slavic charms, language of folklore, semantic and motivational reconstruction.

References

Agapkina T.A. [East Slavic Charms against a Snake Bite: Themes and Plots, Local Features and Slavic Parallels]. *XV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). Doklady rossiiskoi delegatsii. T. 2: Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki* [15th International Congress of Slavicists (Minsk, 2013). Reports of the Russian Delegation. Vol. 2: Writing, Literature, Folklore of the Slavs. History of Slavic Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 434–466. (In Russ.)

Arkhipova A.S., Minlos F.R. [Formal Patterns in the Combinations of Names]. *Imenoslov. Zametki po istoricheskoi semantike imeni* [The Name List. Notes on the Historical Semantics of the Name]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 258–265. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Semanticheskie mikrosistemy v russkoi toponimii* [Semantic Microsystems in Russian Toponymy]. Ekaterinburg, 1992. 263 p.

Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.

Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of the Name of the Russian Princes in the 10–16th centuries. Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 904 p.

Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in the Text and Ritual]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2015. 528 p.

Toporov V. N. [On Indo-European Charm Tradition (Selected Chapters)]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Zagovor* [Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Charms]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 3–103. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Н. В. Большакова
Псковский государственный университет
(Россия, Псков)
bolshakova55@yandex.ru

ЛИНГВОЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРИ ОПИСАНИИ РЕАЛИИ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА*

В статье отражены итоги комплексного исследования одной этнографической реалии. Объектом изучения является деталь механической прялки — приводной рычаг, соединяющий подножку с колесом и придающий колесу вращательное движение. При этом сам рычаг, представляющий собой узкую планку, совершает быстрые скачкообразные движения вверх-вниз.

Источниками материала служат данные псковских говоров. Особое внимание уделено зоне псковско-белорусского пограничья и сравнительному аспекту белорусских и пограничных русских говоров. Рассмотрены системные лексико-семантические связи наименований реалии в аспекте множественности номинации. Выявлены доминирующие мотивационные типы наименований приводного рычага самопрялки. В работе показана связь двух мотивационных моделей, словообразовательно реализуемых отглагольной суффиксацией (*вилюн*, *махалка*) и семантической деривацией (метафорическим переносом на основе энтомологической лексики — *блошок*, *мотылёк*, *скачок*), что обусловлено моторно-визуальным характером оценки самого движения приводного рычага самопрялки.

Отдельная часть работы раскрывает специфику наименования *мальчик*, которое в своей диалектной семантике реализует универсальную семантическая модель, связывающую понятия ‘маленький ребенок’ и ‘зрачок’ (псковское *мальчики в глазах* — ‘рябит в глазах’). Территориальная отмеченность данного наименования приводного рычага самопрялки в пределах Псковской области локализует его преимущественно в южнопсковских говорах, то есть в зоне псковско-белорусского пограничья. Лингвогеографические особенности слова позволяют автору установить типологическую связь данного наименования (смоленское *мальчик* — ‘зрачок’)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–512–00003.

с функционированием слова *лялька* в белорусских говорах. По данным белорусской диалектографии, лексема *лялька* также отражает универсальную семантическая модель: ‘маленький ребенок/маленький человечек’ ~ ‘зрачок’. Последующее формирование значения ‘кукла как игрушка’ стало доминирующим и в литературном белорусском языке вытеснило все остальные. Этнокультурная роль куклы, в частности обладание символикой «заигрывания», функционально соотносит с ней рычаг самопрялки как предмет использования его в коммуникативных практиках молодежных гуляний.

Ключевые слова: Лингвоэтнографический контекст, множественность номинации, псковские говоры, *мальчик*, белорусские диалекты, псковско-белорусское пограничье.

Номинативная множественность, будучи одной из характерных черт диалектной лексики, в общей теории номинации не оценивается как языковая избыточность, а объясняется защитной реакцией языковой системы, при которой в целях «самосохранения» происходит дублирование единиц, «препятствующее нарушению или разрушению материального состава» [Маковский 1980: 24–25]. Несомненно, актуальностью должен обладать и сам характер лексики, отмеченный этим свойством, и номинируемая реалия.

Этнографическая деталь в свете номинативной множественности. Основным источником исследования в работе является лексика псковских говоров, отраженная в «Псковском областном словаре с историческими данными» и его картотеке. Составленный на этой базе региональный этнолингвистический словарь зафиксировал как номинативные и словообразовательные параллели ряд наименований: *вилюн*, *мальчик*, *махалка*, *мигалка*, *мигалочка* и др. — для одной и той же этнографической реалии — приводного рычага механической прялки, соединяющего подножку и колесо. По внешнему виду деталь представляет собой узкую деревянную планку с двумя сквозными отверстиями на концах для крепления. Интенсивная работа прялки часто приводила к поломке детали, поэтому для восстановления ее уже не прибегали к сложной выточке. В результате в сохранившихся старинных точеных прялках планка имеет вид простой (не фигурной) рейки, как правило, подновленной по сравнению с самим корпусом самопрялки [Традиционный быт 2012: 91, 111–113, 136–137].

Суммарные данные этнолингвистического словаря, «Псковского областного словаря» и его картотеки отражают номинативный ряд, включающий 15 наименований, отмеченных на территории современной Псковской области: *ванечка*, *ванюшка*, *вилюн*, *мальчик*, *мальчишка*, *матрёшка*, *махалка*, *мигалка*, *мигалочка*, *мигач*, *мотыль*, *мотылёк*, *поскакальчик*, *поскакуй*, *скакалка*, *скачок, собачка, шатун* [ПОС 3: 32; 4: 17; 17: 382–383, 385; 18: 58, 218, 220, 407].

Выявленный по псковским материалам ряд наименований данной этнографической реалии, разумеется, неконечный. Так, «льняной словарь» А. В. Громова отмечает свой лексемный ряд костромских наименований: *майка*, *маятник*, *мотыга*, *водило*, а также *дощечка* и *линейка* [Громов 1992: 21].

Основные мотивационные типы наименований приводного рычага самопрялки. Состав рассматриваемого номинативного ряда неоднороден. Однако единство ему придает общее свойство производности наименований. Производный характер слов-синонимов — существенное свойство системных отношений, позволяющее типологизировать исходную базу дериватов.

Бóльшая часть слов представлена отглагольными существительными, передающими характер быстрого периодического движения вверх-вниз (*вилюн*, *махалка*) и визуального впечатления от такого движения (*мигалка*, *мигач*), а также обоих признаков нерасчлененно: *Хто вилюн называит, хто мальчик. Вилюн-та он правда виляит*. Вл. *Прясь нильзя, махалку сламали*. Пл. *Мигалка, яна верьте калясо, мигалачка*. Печ. *Сабачка, ну мальчик, мигач. Саидиняйит калисо с падношкай*. Остр. *Етая палачка, катора калесо вертя? Па-фсякаму называю. Хто скакалка, хто скачок. В Борках да в Устраву, в бывалишыя-та время яну звали паскакуй. А топеря у фсих матыль называицца*. Стр. *Паскакальчик ишше скачком аль матыльком заву*. Сер.

Интересным и, на наш взгляд, убедительным является наблюдение над спецификой глаголов с моторно-визуальной семантикой в русском языке, в том числе и в диалектной речи, из которого следует, что быстрота и периодичность движения, с одной стороны, и зрительное впечатление — с другой, «тесно взаимосвязаны и не доминируют один над другим», что обусловлено физиологическими свойствами зрительного анализатора [Симонова 2007: 156]. В связи с этим, например, наименование *мотыль* может быть семантически соотнесено с глаголом, ср.: *мотать* ‘двигать из стороны в сторону’ (*Парни косой мотают, а травы нет*. Порх.), *мотаться* (*Маташшся везь день как матыль*. Остр); *мотыля́ться* ‘покачиваться, переваливаться с боку на бок’ [ПОС 18: 396, 407, 408], *моты́ляться* ‘шататься (о пьяном)’ [СРНГ 18: 307]. В обоих случаях слово *мотыль* является отглагольным дериватом — с материально выраженным суффиксом либо как результат нулевой суффиксации (ср. *ковыль — ковылять*). Ср. также: *шатыль-мотыль* — «межд., означающее шаткую походку ребенка»: *Шатыль-мотыль и хлопъ задкомъ!* [Носович II: 707].

Между тем среди наименований приводного рычага самопрялки есть слово *скачок* (*Сидим с прялкам, только скачки в прялках мигают*. Сер. *Там главная скачок*. Пск. *Калясо ф прялке, скачок куль каляса, падношка*. Пск. *Паножа топаиш, а скачок калисо вертит*. Пск. *Скацок скаца и вертя калясо, на нис ногу ставиш, и скацок бегае, калясо вертя*. Сер. *Скачок крутя калясо*. Сер.), связанный в диалектной речи с образом насекомого, совершающего скачкообразные движения. По данным картотеки «Псковского областного словаря», *скачком* называют кузнечика, сверчка (*Скачок за печку забрался, всю ночь там трещал*. Локн., *Скачки в землянках жыли*. Пск.), стрекозу (*Над рекой летают скачки*. Оп.). Для слова *скачок* данные СРНГ указывают на тот же круг насекомых, добавляя еще саранчу [СРНГ 37: 399–400].

В псковском материале зафиксировано слово *блошóк* (без цитаты) с нечетким, «приблизительным», определением — «прыгающая часть самопрялки» [ПОС 2:

44]. Без сомнения, речь идет о той же реалии — приводном рычаге. Не исключено, что свое суффиксальное оформление слово *блошок* получило по аналогии с широко распространенным *скачок*.

Возвращаясь к слову *мотыль*, можно предположить, что оно претерпевает переосмысление и пополняет группу наименований, связанных с семантической деривацией на основе метафоры. Наличие диминутива *мотылёк*, как представляется, поддерживает эту версию. В итоге структурная модель с суффиксом *-ок* объединяет уже группу номинаций: *блошок*, *мотылёк*, *скачок*.

Таким образом, помимо группы наименований, мотивированных непосредственно глаголами с моторно-визуальной семантикой, выделяется энтомологическая мотивационная модель: ‘насекомое, совершающее скачкообразные движения’ → ‘подвижная деталь самопрялки, при работе совершающая быстрые движение вверх-вниз’. Несмотря на различия в деривационном плане, обе модели отражают связь наименований с общим признаком быстрого скачкообразного движения — характерным свойством подвижной детали самопрялки.

Наименование *мальчик* в семантико-деривационном и ареальном аспектах. Слово *мальчик* в псковском диалектном материале представлено содержательными, этнографически выразительными контекстами: *А ф сынапряхе мальчик есь, палачька ат падношки идёт, к калясу*. Локн. *А санапряху нагой крутять. Мальчик надет на жалеза, от он и крутит, дярявянный, мальчикам называли. Он надет ў калясо, куда спицы ставили, палки такии тачёныи*. Пуст. *На топалку топали, а ыт топалки шла палачька; матрёшка называлъсь; кто мальчикам звал. Матрёшка падымаица и вертит калисо*. Пуст. *А етат, каторый калисо паварачиваит, така палачька к падношки приделана — ета мальчик*. Остр. *Мальчик, штоп кълясо крутил бы, вверх и внис, привязываецца к таптанию*. Остр. *Мальчик саединяет калясо с падношкай. Падношка — на ей топать нагой, прясьть*. Остр. *Мальцик — а ето когда прядёш, ён колесо крутя*. Оп. [ПОС 17: 382–383]; *На коромысел одеётся деревянный мальчик, один кончик мальчика одеётся на коромысло колеса, а второй привязывается к подножке*. Вл. [Традиционный быт 2012: 111].

Несомненным является производный характер слова *мальчик*, однако мотивационный признак неочевиден. Затруднения в мотивировке этого наименования испытывают и сами диалектоносители: *Хто вилюн называит, хто мальчик. Вилюнта он правда виляит, а мальчик ни знаю*. Вл. [Там же].

Обращает на себя внимание также география фиксации слова в пределах Псковской области: если большинство наименований отмечены в разных районах на территории псковского исторического ядра, то лексема *мальчик* фиксируется преимущественно в южной и юго-восточной зоне — во всяком случае, не севернее Островского и Опочецкого районов. Характерной особенностью данной территории является ее пограничное положение с Белоруссией. К зоне псковско-белорусского пограничья относится также фиксация синонимичного слову *мальчик* наименования *матрёшка* (*На топалку топали, а ыт топалки шла палачька; матрёшка называлъсь; кто мальчикам звал. Матрёшка падымаица и вертит калисо*. Пуст.) [ПОС 17: 382].

В диалектных словарях белорусского языка наименований приводного рычага самопрялки нам не встретилось (см. оцифрованные материалы по белорусской диалектографии на сайте НАН РБ: https://philology.by/fund), за исключением одного случая отражения лексемы *мальчэ́к* в значении ‘слупок у калаўроце, які служыць для падтрымання рагатки’ (столбик в самопрялке, который служит для поддержки рогатки): *Нада зрабіць мальчэка ў санапратку і ў мальчэк нада прыбіць скураток, а то вывалюцца вілачкі* [Шаталава 1975: 103]. Следует признать, что речь здесь, по-видимому, идет о другой детали механической прялки, служащей для регулирования натяжения нити. См. указание на двух разных «мальчиков» в псковских говорах: *Два мальчика, рагачь фпрягать. Мальчика фсегда два*. Кр. [ПОС 17: 383]. Несомненно, для уточнения этнографических и семантических деталей требуется специальное обследование этой номинации в белорусских говорах, т. к. очерченный ареал в псковских говорах не случайно отсылает к белорусской территории.

***Мальчик* как репрезентант образа маленького ребенка/маленького человечка**. Слово *мальчик* (*malьčikъ) с отсылкой к русским и белорусским диалектам, а также к русско-белорусскому пограничью (брянские, смоленские данные) отражает целую серию значений, в том числе и прядильно-терминологических (но не связанных с приводным рычагом) [ЭССЯ 17: 181–182]. Одним из источников информации указывается СРНГ, где семантическое поле наименования *мальчик* равно 12 позициям [СРНГ 17: 344–345].

Соответственно указанным словарям, *мальчиком* называется как ребенок мужского пола, так и дитя («вообще»). В семантическом спектре слова *мальчик* выделяется значение ‘зрачок’ с территориальной пометой «смол.», исходным источником для которого стал «Смоленский областной словарь»: *Дѣўка, што-то не видитъ мальчикъ — глазъ мой нѣшта спортился: короглазина наростаетъ* [Добровольский 1914: 397] (*короглазино* — ‘бельмо’) [Там же: 345].

На псковский диалектный источник (*мальчики в глазах* ‘рябит, зеленеет в глазах’) известного пушкинского оборота *и мальчики кровавые в глазах* указывает В. М. Мокиенко [СРФ: 365]. К сожалению, выражение не нашло отражения в соответствующих опубликованных выпусках «Псковского областного словаря». С аналогичным значением ‘рябит в глазах’ отмечено *как мухи ходят перед глазами*: *Как глаза паднимеш — перед глазам как мухи ходя, движа што-та*. Остр. [ПОС 19: 87–88]. Словарь Михельсона, помимо выражения *мальчики в глазах*, фиксирует оборот *угланчики в глазах бегают*, где первый компонент тюркского происхождения со значением, близким к русскому *мальчик* [Михельсон]. Все это сближает обороты по структуре, семантике и внутренней форме.

Лингвистике известна универсальная семантическая модель, связывающая понятия ‘зрачок’ и ‘маленький ребенок’ [СРФ: 365]. Так, в лат. *pūpa* — ‘девочка’, ‘кукла’, но *pūpilla* — ‘девочка-сирота’, ‘зрачок’, ‘зеница’ [Дворецкий 1976: 835–836]. Аналогом в русском языке является слово *мальчик*: общерусское ‘ребенок мужского пола’, диалектные ‘дитя’, ‘зрачок’ [СРНГ 17: 344–345].

В белорусском языке (а также в украинском и польском) данную семантическую модель реализует слово *лялька*. По данным «Этимологического словаря

белорусского языка» значение ‘детская игрушка, кукла’ является новым; в развитии архаичных сейчас значений усматривается следующая последовательность: первоначально прасл. *l’al’a*, возникшее из детской речи (ср. *baba*, *mama*, *tata*) для наименования ребенка, маленького человека, позднее стало обозначать зрачок на основе отражения в глазу образа маленького человечка [ЭСБМ 6: 120–121].

В белорусском литературном языке *лялька* употребляется в новом значении, в то время как диалектная речь сохраняет архаичные следы в семантике слова. Правда, старые семантические связи уже утрачивают актуальность. Так, словарь Носовича отражает весь комплекс значений, однако показывает, как время перестраивает семантическую структуру слова *лялька*: «1. Кукла; (2. Забава, утеха); 3. Дитя. Ёму ляльку давъ Богъ; (4.); 5. Зрачекъ, берется за весь глазъ. У его лялька выкацилась. Кабъ тобѣ ляльки твое выкацились!» [Носович II: 275–276]. Пятитомный словарь северо-западных говоров Белоруссии вовсе разводит как омонимы *лялька* I ‘кукла, игрушка’ и *лялька* II в значении ‘зрачок’: *У оку чорнянькая — гэта лялька*. [СПЗБ: 715].

Этнографическая природа куклы и ее сакральные функции в связи со славянскими наименованиями раскрыты в статье Т. В. Невской, которая выводит сложную мотивацию, предшествующую формированию значения ‘кукла как игрушка’, а именно вводит семантическое звено «душа предка женского пола → (имеющая магическую силу) фигурка предка женского пола» [Невская 1993: 35–36].

Завершая рассмотрение основного объекта исследования (приводной рычаг самопрялки) на фоне системно или типологически соотнесенных явлений, приведем значимые этнокультурные сведения, позволяющие теснее связать эту этнографическую реалию с «кукольной темой». В традиционном обществе семейно-брачные отношения, пронизанные идеей репродуктивности, имеют особую культурную ценность, т. к. способствуют защите и самосохранению социума. Общение крестьянской молодежи, включавшее игры и обряды, широкое применение имели различные предметы и символические действия с ними. Так, «коммуникативные практики с символикой заигрывания» осуществлялись с использованием кукол [Морозов 2011: 225–228]. Вечерние молодежные посиделки — *супрядки* — проходили в два «этапа»: вначале девушки, пришедшие со своими прялками, работали, затем проходило собственно гуляние. Сигналом к окончанию работы был своеобразный ритуал, когда кто-то из парней надламывал ту самую деталь прялки — приводной рычаг [Традиционный быт 2012: 136]. «Сломать майку» можно было также, отплатив девушке за отказ участвовать в играх (вероятно, эротического характера): *Бывало, на биседках не пойдешь с парнём в барабу — он майку сломаёт у санопрядки* [Громов 1992: 21].

Вывод. Таким образом, лингвоэтнографический контекст, под которым понимается совокупность данных системно-языкового и экстралингвистического содержания, дает возможность выявить релевантные с позиции исследователя свойства и признаки предмета культуры в синтезе с его номинативными характеристиками. Привлечение к лингвистическому анализу совокупного гуманитарного знания отвечает самой природе предмета, существующего для человека в его признаках,

оценках и функции. Как показывает проведенное исследование, в традиционной культуре предметное и символическое, языковое и обрядовое тесно взаимосвязаны, что делает результативным использование лингвоэтнографического контекста как метода научного исследования.

Литература

Громов А. В. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: Словарь. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ин-т, 1992. 118 с.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 1976. 1096 с.

Маковский М. М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М. : Наука, 1980. 210 с.

Михельсон — Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона [Электронный ресурс]. URL: https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 16.04.2021)

Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). М. : Индрик, 2011. 352 с.

Невская Т. В. Славянские названия куклы по материалам Лингвистического атласа Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990 / отв. ред. В. В. Иванов. М. : Наука, 1993. С. 35–38.

Симонова Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов с моторно-визуальной семантикой в русском языке // Вестник КГУ. 2007. № 3. С. 154–158.

Традиционный быт — Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н. В. Большакова. Псков : ЛОГОС Плюс, 2012. 284 с.

Шаталава Л. Ф. Беларускае диялектнае слова. Мінск : Навука і тэхніка, 1975. 208 с.

Natalia V. Bolshakova
Pskov State University
(Russia, Pskov)
bolshakova55@yandex.ru

LINGUO-ETHNOGRAPHIC CONTEXT IN DESCRIBING THE REALITY OF TRADITIONAL LIFE

The article reflects the results of a comprehensive study of one ethnographic reality — the drive lever of a mechanical spinning wheel. The sources of the material are the data of Pskov dialects. Special attention is paid to the Pskov-Belarusian border area and the comparative aspect of Belarusian and border Russian dialects. The system and typological connections of a large group of realia names are considered. The dominant

motivational types and their interrelation are revealed, due to the motor-visual nature of the assessment of the movement of the self-spinning drive lever itself.

A separate part of the work reveals the specifics of the name *мальчик*, which in its dialect semantics implements the universal semantic model ‘little child’ ~ ‘pupil’ (*мальчики в глазах* — ‘ripples in the eyes’). Dialect data indicate the localization of this name mainly in the Southern Moscow dialects, that is, in the area of the Pskov-Belarusian border, while the remaining 14 words are distributed in the central zone of the Pskov historical core. The linguistic and geographical features of the word allow the author to suggest a typological connection of this name with the functioning of the word *лялька* in Belarusian dialects. According to the Belarusian dialectography, the lexeme *лялька* also reflects a universal semantic model: ‘little child/little man’ ~ ‘pupil’. Ethnocultural data indicate a functional convergence of the traditional doll and the lever of self-spinning as objects of use in the communicative practices of youth festivities.

Key words: Linguoethnographic context, multiple nominations, Pskov dialects, “*мальчик*”, Belarusian dialects, Pskov-Belarusian border area.

References

Dvoretskii I. Kh. *Latinsko-russkii slovar’* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1976, 1096 p. (In Russ.)

Gromov A. V. *Leksika l’novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe : slovar’* [The vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River: dictionary]. Yaroslavl’, IaGPI Publ., 1992, 118 p. (In Russ.)

Makovskii M. M. *Sistemnost’ i asistemnost’ v yazyke: Opyt issledovaniya antinomii v leksike i semantike* [Systemicity and asystemicity in language: The experience of studying antinomies in vocabulary and semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 210 p. (In Russ.)

Morozov I. A. *Fenomen kukly v traditsionnoi i sovremennoi kul’ture (Krosskul’turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma)* [The doll phenomenon in traditional and modern culture (Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism)]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 352 p. (In Russ.)

Nevskaya T. V. Slavyanskie nazvaniya kukly po materialam Lingvisticheskogo atlasa Evropy [Slavic names of dolls based on the materials of the Linguistic Atlas of Europe]. *Obshcheslavyanskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniya. 1988–1990*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 35–38. (In Russ.)

Shatalava L. F. *Belaruskae diyalektnae slova* [Belarusian dialect word]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1975, 208 p. (In Bel.)

Simonova N. A. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov s motorno-vizual’noi semantikoi v russkom yazyke [Lexical and semantic group of verbs with motor-visual semantics in the Russian language]. *Vestnik KGU*, 2007, no. 3, pp. 154–158. (In Russ.)

Traditsionnyi byt pskovskikh krest’yan (Opyt regional’nogo etnolingvisticheskogo slovarya) [Traditional life of Pskov peasants (Experience of the regional ethnolinguistic dictionary)]. Pskov, LOGOS Plyus Publ., 2012, 284 p. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Е. В. Иванцова
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Россия, Томск)
ekivancova@yandex.ru

ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ В РЕЧИ НОСИТЕЛЙ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ*

В статье исследуются злопожелания в говорах Среднего Прибья по данным Томского диалектного корпуса и архива записей спонтанной речи жителей сибирского старожильческого села. Анализируются состав номинаций субъектов и объектов в формулах недобрых пожеланий, их изначальные мотивы, выражавшие интенцию говорящего. Рассматриваются функциональные особенности злопожеланий в современных условиях их бытования: вариативность звуковой оболочки, трансформация устойчивых словосочетаний некогда сакрального характера в языковые средства выражения негативных эмоций, различные по степени сниженности. Источники свидетельствуют о сохранении практики использования проклятий в конфликтных ситуациях между сельчанами и в то же время указывают на процесс постепенной утраты верования в силу таких оптативных выражений. Злопожелания в речи диалектоносителей демонстрируют многие близкие черты, выявленные на славянском и русском областном материале (структура формул, ряд номинаций субъектов, основные мотивы, изменение функций этих клише в наши дни). Некоторые отличия среднеобских говоров вторичного образования в сравнении с материнскими наблюдаются в составе формул негативных пожеланий и их архаических компонентов, значительном влиянии городского просторечия на диалектную подсистему.

Ключевые слова: злопожелания, русские диалекты, среднеобские говоры, народно-речевая культура, диалектный корпус.

Еще в конце XX в. Н. И. Толстой писал, что «в почти полном небрежении лингвистов остается народная „полуфразеология»» как особый клишированный вид текста [Толстой 1995: 24]. С началом нового столетия в перечне обозначенных ученым «полуфразеологизмов» активизировалось прежде всего изучение

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ «Томский диалектный корпус как новый ресурс для изучения народно-речевой культуры", № 19–012–00320.

благо- и злопожеланий. Они привлекают ученых как значимая составляющая народной культуры, в которой отражается мировоззрение ее носителей, система ценностей и норм поведения, константы и трансформации выражений, восходящих к глубокой древности. Пожелания блага изучены в большей степени, чем противопоставленные им недобрые пожелания. Последние рассматривались в работах В. Н. Гришановой, И. В. Козельской, Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой, Л. В. Маркиной и др. В то же время злопожелания неполно отражены в словарях, не во всех случаях выявлены их этимологические истоки, слабо изучены состав и функциональные особенности таких формул в диалектном дискурсе различных регионов.

В русских говорах Сибири они до сих пор почти не изучались. В статье рассматриваются злопожелания, отраженные в говорах среднеобского бассейна. Основным источником анализа послужили данные Томского диалектного корпуса [ТДК] объемом свыше 2,6 млн словоупотреблений. Привлекался также авторский архив записей спонтанной речи жителей с. Вершинино Томской обл. (1981–2004 гг.).

Под злопожеланием понимается относительно устойчивое выражение желательности осуществления чего-л. плохого. Такое выражение предполагает наличие говорящего, который его произносит, объекта адресации и субъекта, выступающего в качестве наказующей силы. Вопрос о субъекте злопожеланий решается неоднозначно. Н. А. Трофимова говорит о том, что подлинным «исполнителем негативного пожелания предполагаются высшие силы (Бог, святые, духи или нечистая сила)» [Трофимова 2012: 62]. Отмечается, что в славянских проклятиях в этой функции часто выступает Бог [Виноградова, Седакова 2009: 287]. В то же время В. Н. Гришановой установлено, что в недобрых пожеланиях говора с. Борилово Орловской обл. «как карающие, наказующие осознаются носителями говора силы непонятные, необъяснимые, опасные» [Гришанова 2001: 468]. Другие публикации на русском диалектном материале подтверждают эти наблюдения. Кроме нечистой силы в составе субъектов злопожеланий называются болезни, природные явления, чужеземцы/иноверцы, животные, несчастья, опасные орудия [Гришанова 2001; Козельская 2004; Березович, Сурикова 2020].

В злопожеланиях среднеобских говоров также отсутствуют упоминания Бога, а круг номинаций **субъектов**, которые могут причинить адресату вред, уже, чем в выделенном исследователями перечне. Большинство их связано с обозначениями болезней. Имеется обобщенное название нездоровья *хворо'ба*, но преобладают наименования опасных заразных заболеваний: *кулю'ха* ‘лихорадка, малярия’, *лихома'нка* ‘то же’ и *холера.* Среди других тяжелых болезней упоминаются также *паралич* и его диалектный синоним *роди'мица***.**

Обозначения нечистой силы в злопожеланиях представлены прежде всего чёртом и лешим. В редких случаях встречаются упоминания дьявола, беса и ляда[1]. В нескольких формулах функцию воздействия выполняют представители животного

[1] Точная семантизация субъекта злопожелания в этом случае (как и в ряде других) не всегда возможна. Так, при слове *ляд* Далем дается значение ‘всё негодное и недоброе, дух пакостей, нечистый, чёрт’, но также и ‘тяжкая и безобразная болезнь, проказа’ [Даль 2: 286].

мира: волки, кошка, жаба, моль. Семантика субъектов в выражениях *якорь тебя/его/её/их* и *халу'дара тебя подери* для носителей среднеобских говоров затемнена. В отношении этимологии этих лексем высказываются разные версии, однако единство мнений пока не достигнуто.

Объекты злопожеланий отражают их антропоцентрическую организацию: обычно это люди **(***Вас всё мамы-папы жалеют, холера вас дери***)**, значительно реже — животные и насекомые (*Брысь! Чтоб тебя язвило!*; *Будь она проклята'я, муха*), негативно оцениваемые ситуации **(***Ну, чёрт её бей, войну!*).

В составе **изначальных мотивов,** выражавших интенцию говорящего в злопожеланиях, можно выделить

— насылание болезни. Прямые пожелания заболеть вообще или определенным тяжелым недугом немногочисленны: *Хай на их хвороба придёт*; *Нет на тебя паралича.* Чаще всего болезни выступают в виде персонифицированного зла, которое призывают с целью захватить человека, овладеть им (*холера взяла бы тебя, побрала бы тебя; лихоманка тебя возьми, чтоб вас холера поймала, паралич возьми*), оказать физическое воздействие (*холера его бей, холера вас дери, чтоб тебя холера хватила*[2]), погубить (*роди'мица его уходи*[3]). Редки формулы, в которых пожелание болезни указывает при этом на поражение конкретного органа *(холера тебя за живот).*

В безличных злопожеланиях обозначаются и характеризующие болезнь действия: *чтоб вас заразило*, *чтоб их пятнало*; *чтоб тя я'звило*. Глаголы *пятнать* и *язвить* указаны В. И. Далем в значении 'поражать сибирской язвой' [Даль 3: 553; 4: 676], однако в некоторых формулах (*язви их лихорадкой холерной*; *язви его в душу*) они, вероятно, имеют более обобщенную семантику тяжелого поражения болезнью или негативного воздействия вообще;

— лишения возможности пользоваться тем или иным органом тела, функционально соотносимым с нарушением каких-либо поведенческих норм. Так, в адрес лентяя, не умеющего запрячь лошадь, отмечено злопожелание лишения рук*: Отбил бы тебе руки. Здоровый мужшына. Лодырь, работать не хочет.* В ситуации похвалы ребенка, расцениваемой в народной культуре как вызывающей сглаз, недоброе пожелание связано со ртом или языком нарушающего запрет и выступает как оберег: «*Жа'бина вам в рот» — это как «типун тебе на язык». А жа'бина — это жаба такая большая*;

— нежелательного физического воздействия, направленного на адресата: *чтоб его кошка лягала, моль бы тебя хватила;*

— смерти. Мотив смерти обозначается непосредственно (*чтоб вам подохнуть*; *чтоб ты сдохла*; *будь ты пропа'стная*[4]) или через причины ее преждевременного достижения (*чтоб тебе башку сломить*; *чтоб их разорвало*; *хоть бы его волки съели*; *задави вас усе'х*). Со смертью, очевидно, связаны и некоторые злопожелания

[2] У Даля в значении 'треснуть, ударить' [Даль 4: 544].

[3] В этом значении глагол *уходить* отмечен в [Даль 4: 526].

[4] *Пропа'сть* в среднеобских говорах имеет значение 'умереть'.

с глаголом *провалиться: Жили бедно, ходили на людях работали, на двадцать копеек пололи. Сду'маешь, чтоб они провалились. У них пока рабо'ташь, тода' поешь, а с собой крошки не дадут*;

— причинения зла нечистой силой. Демонологический персонаж призывается для того чтобы забрать, захватить человека, овладеть им (*леший возьми тебя, леший тебя побрал*, *чёрт побери, чтоб вас дьявол взял*), в том числе через силу слова *(бес его помяни);*

— перемещения адресата в мифический локус нечистой силы: *пошёл к чёрту; иди к чёрту, подь ты к лешему; ну его к ляду; чёрт тебя унеси, чтоб тебя чёрт увёл, уведи её леший;*

— сексуальной сферы, маркированной лексемами известной триады русского мата (*ё* твою мать; пошлите вы на х***). Исследователи истоков обсценных выражений соотносят их с областью древних мифологических злопожеланий, связанных с чёртом или псом, в которых номинации субъектов со временам эллиптизировались [Успенский 1994 (1983); Мокиенко 1994];

— декларацию проклинания кого-, чего-либо. Заметим, что объектом таких пожеланий в среднеобском дискурсе, как правило, становится гнус (*Комар, мошка', паут, это вот будь он проклят. Потому что покою не даёт*; *А мошка', ох, будь она проклята! Хуже комара*), человек — гораздо реже (*Будь она проклята, тварь*).

Мотивы злопожеланий сохраняют рудименты древних языческих верований и отражают аксиологические установки народной культуры, в составе которых главными ценностями выступают здоровье (ср. злопожелания болезни, увечий), жизнь (ср. злопожелания смерти) и нормы морали, поскольку формулы недобрых пожеланий звучали как призыв к высшим силам с целью наказания нарушающих эти нормы.

Рассматривая **функциональные особенности злопожеланий в современных условиях** их бытования, следует отметить несколько моментов.

Наш материал показывает высокую вариативность этой «полуфразеологии», что отражается как на ее форме, так и на семантике.

Звуковая оболочка пожелания может варьироваться за счет замены глагольного или именного компонента синонимичным (*холера взяла/побрала бы тебя*; *кулю'ха/лихома'нка тебя возьми),* их модификации в приставочные образования, усиливающие экспрессивность (*я'зви/разъя'зви тебя, пятна'й/распятна'й тебя, якорь/проя'корь вас*). Вариативность создается также за счет изменения грамматической формы глагола: *подь ты к чёрту / пошёл к чёрту / пошли вы к чёрту / иди к чёрту.*

Во многих случаях можно говорить о реализации принципа развертывания/свертывания некоторых моделей злопожеланий, связанного с их функционированием в устной речи и отчасти эллипсисом сниженной лексики: ср. *я'зви (кого) / я'зви (кого) в душу; чтоб они провалились / провались она / да провались пропадом; пошлите вы на х**/ пошла ты* и др.

Хотя злопожелания восходят к устойчивым выражениям сакрального характера, магическим ритуалам, древним обрядам, в наше время они утрачивают свой сакральный смысл и, претерпевая семантические изменения, становятся средством

выражения негативных эмоций, пополняющим состав сниженных и экспрессивно-эмоциональных единиц.

Градус их сниженности обусловлен отношением говорящего к адресату, ситуацией, порождающей негативную реакцию, используемыми субъектом языковыми средствами. Характер пейоративной коннотации этих словосочетаний также вариативен.

Слабая степень сниженности проявляется в высказываниях, соотносимых с ухудшением физического или психического состояния говорящего (*Замёрз! Чтоб тебя пятнало!; Е'то кошёвки, назывались у нас кошева'. Не могу спо'мнить, подь ты к лешему*), реализуется в ситуациях недовольства при контактах с близкими (*Светочка, ну куды' ты полезла. (...) Мариша, держи её, ну, никакой по'мочи, якорь их*) или причиняющими неудобства домашними животными (*Кы'соньки-то мои, паралич возьми, рассаду-то сгрызли*). В контекстах их употребления встречаются диминутивы, бранные лексемы крайне редки. Такие «полуфразеологизмы» (в основном с изначальным мотивом болезни или затемненной внутренней формой) функционально близки к междометиям, выражающим сиюминутные эмоции досады, легкого раздражения.

Более сниженными можно считать злопожелания *провались она, провались пропадом, будь (кто) проклят* в высказываниях о тяжелых, дискомфортных для говорящего ситуациях, обстоятельствах. Здесь клише с изначальным мотивом смерти или декларации проклятия приобретают семантику эмоционального отторжения, отстранения: *Лён этот сеяли мы, лён этот рвали; потом эти вот стоянки ставишь, потом молотили, потом расстилали. (...) Вот, потом мнут, да треплют, да чешут, на мешки пряли, да ткали, да провались она эта [работа]. Вспоминать дак неохота даже*.

Максимально сниженными являются пожелания зла, вызванные осуждением поступков адресата, нарушающего нормы морали и/или вызывающего у говорящего враждебные чувства: *Иди к чёрту. Татарская морда. Он я'зви его отца убил, да суда' попал*. В таких контекстах формулы негативных пожеланий содержат мотивы, связанные со смертью, нечистой силой, болезнью или сексуальной сферой; часто сочетаются с бранной лексикой, в том числе обсценной: *Ах ты шельма ты такая, ро'жу выставила. чтоб тебя чёрт увёл!*; *А дед, спишь что ль, ну и холера ж тебя возьмёт, пёс вшивый!*; *Только как во дверь зашёл, я как взглянула на него — царица, мать небесная, как я за него замуж пойду? (...) Я говорила: «Хоть бы его волки съели». Раньше волков много было; Сам говорит: «Ненавижу этих сатанистов, б***ь! Бандиты они. Живут за счёт людей, на х**! Какие это попы? Так, проходимцы»*. Интонация высказываний передает гнев, ненависть, осуждение, презрение. Сами злопожелания приобретают характер бранных фразеологизмов.

В работах с привлечением материалов недавних диалектологических экспедиций у носителей говоров отмечаются гендерные различия использования обсценных негативных пожеланий [Гришанова 2001] и высокий уровень их табуированности, не позволяющий собирателю фиксировать их [Маркина 2019]. Наши данные показывают несколько иную картину. Старшее поколение диалектоносителей независимо от пола в большинстве случаев воздерживается от мата при посторонних,

но в речи многих женщин 20–30-х годов рождения и младше злопожелания с обсценными элементами встречаются, в том числе в присутствии диалектологов. Вместе с тем в речевой практике разных возрастных групп наблюдается широкое распространение эвфемистических замен матерных клише: *Какая-то утром рано приходит бабка, говорит: «Отвези меня в Подгорное (...)». Он её послал на' три буквы, говорит: «Я только приехал, ещё спать хочу»*; *Иди ты в пим дырявый! Иди ты! Не умеешь*; *А чеча'с они [сыновья] от меня отошли, начинаю чё я ни предлагать — они посылают на фиг*; *У нас одна здесь: никогда не посо'дишь чай пить. Я грю, ну едрит твою мать, да это что такое за человек* и др.

Зафиксированная в ТДК диалектная речь среднеобского бассейна с середины XX в. по настоящее время отражает сложные ментальные процессы, связанные с употреблением злопожеланий.

Тексты носителей народно-речевой культуры хранят воспоминания, в которых информанты свидетельствуют о действенной силе недобрых пожеланий во времена их молодости. Это подтверждает, например, рассказ о материнском проклятии непослушной дочери, вопреки воле родителей тайком вышедшей замуж: *Сестра убе'гом шла [замуж], она знала, приехали с задов, она мела в се'нех, как была, так и уехала. Мать сказала: «Чтоб как е'тот веник высох, чтоб так и ты высохла». Сбылись материны слова*. Сохранился и рассказ диалектоносительницы о причинившем вред здоровью дружки на свадьбе пожелании, которому научил девушек старик: *А вот мы на одной свадьбе были, нас тут старичок научил. (...) Подсели к нему [дружке] сзади на кошёвку-то, он и говорит: «Ну-ка, что вы настали здесь, слазьте». Нас взял, спихнул. Ну я была тоже неробкая: «Ну, Алексей, чтоб тебе задриста'ться!» (...) Приехали свадьба. Дружке надо заводить молодых в сэ'ркву, а дружка пересра'лся. (...) Пока венчали да всё, он опять уго'йкал. Дед слепой был, он всё знал, что делать, но самому-то неудобно. (...) Ну и приехали домой, молодых заводить в избу, а он опять уж весь уго'йкался. (...) Сколь, недели две-полторы гуляли, он всё на пече' ляжа'л.*

В материалах диалектного дискурса имеются свидетельства утраты запретов использования тех или иных злопожеланий. Так, принятое в прошлом табуирование отсыла ребёнка к чёрту (*Одна женишшына наругала мальчишку: «Чтоб тебя чёрт уташшыл». Он убежал, заблудился. Не могли найти*) заменяется повседневной речевой практикой (*У нас всё старухи так ругаются — «пошёл к чёрту», на ребятишек часто так называ'т*). Разрушение старых верований осознается диалектоносителями: *Раньше черти наказывались. Как что, то людям померещится. А сейчас сами черти. Скажешь так: «Уведи её леший». И человек уйдёт и не вернётся. Раньше много такой чу'ды было. Много казалось вечерами. А сейчас нет. Сами черти стали.*

В то же время записи рубежа XX–XXI вв. отражают пеструю картину коммуникации сельчан, в которой злопожелания-проклятия неоднозначно воспринимаются деревенскими жителями разных поколений. Такие ситуации наблюдались в с. Вершинино, где в течение четверти века сбор материала велся методом включения в языковое существование сельского социума. В одном из эпизодов пожелание смерти принадлежит молодой женщине, которая не одобрила планы мужа и его

друзей на рыбалку: *Они собрались дом**о**й. А Юра собира'тся рыбачить, и Гена… ну, там ешо кто-то, Рамиль, наверно. На рыбалку собираются. А Марина вроде неохота ей. Не пуска'т. Они идут. Она гыт: «Чтобы вы сдохли там, утонуть бы вам!» — Марина на Юру. Ну и Гена не пондра'вилось, никому не пондра'вилось это слово-то её*. В двух других эпизодах участвовали вершининцы средних лет. Односельчанка высказала злопожелание в адрес соседки, овцы которой зашли в ее огород и вытоптали посадки *(И так и Лида — обозлилась и прямо всё… «Чтобы, гыт, у вас ничё не было в огороде, ничё не родило'сь ба!»),* а пьяный агрессивный муж использовал проклятие, не найдя у соседей свою жену *(«Куды' она девалась? Куды'?» Она гыт: «Не знаю. Халат надела, у меня гыт попросила, а куды' ушла в каку' сторону, я не знаю». Он: «О, чтоб у вас всё провалилось! Чтобы у вас ничё не родило'сь да! И пчёлы чтоб ваши все пропали, и свиньи чтоб все сдохли у вас!»).* В обоих случаях обвинители желают нанесения ущерба хозяйству адресата. Заметим, что эти эпизоды содержат злопожелания, не отмеченные в устойчивых формулах носителей говоров, однако оптативные высказывания о преждевременной смерти, неурожае и гибели скота в спонтанной речи вписываются в систему мотивов таких формул в славянской речевой культуре. Реакция непосредственных участников этих коммуникативных ситуаций была резко негативной и вызвала конфликты, поскольку оптативы воспринимались как реальная опасность. При этом в процессе обсуждения данных случаев подругами-односельчанками преклонного возраста (1909 г. рождения) высказанные угрозы были оценены скептически.

Таким образом, злопожелания в дискурсивной практике диалектоносителей среднеобского региона демонстрируют многие черты, выявленные на широком славянском и русском диалектном материале: в них совпадают структура устойчивых формул, ряд номинаций упоминаемых в них субъектов (с преобладанием болезней и нечистой силы), основные мотивы, тесно связанные с аксиологическими установками традиционной народной культуры, изменение функций этих языковых единиц в современных условиях.

Однако злопожелания в речи носителей вторичных говоров Среднего Приобья представлены значительно беднее в сравнении с материнскими говорами. Это касается и типологических групп субъектов (в нашем материале отсутствуют как наказующие силы природные явления, «чужие» люди, несчастья, орудия), и состава номинаций субъектов совпадающих групп (болезней, нечистой силы). Доля архаизирующейся диалектной лексики в них также меньше. В то же время наблюдается явное влияние городского просторечия, за счет которого активизируются обсценные злопожелания и происходит пополнение этой системы эвфемизмами.

Литература

Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Наименования нечистой силы в русских проклятиях // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 67. С. 5–27.

Виноградова Л. Н., Седакова Л. А. Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 286–294.

Гришанова В. Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 467–471.

Козельская И. В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 25 с.

Маркина Л. В. Бранные формулы как средство выражения вербальной агрессии в диалектной коммуникации // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2019. № 7(140). С. 157–161.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

ТДК — Томский диалектный корпус [Электронный ресурс] URL: http://losl.tsu.ru/corpus (дата обращения: 15.07.21). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Трофимова Н. А. Онтология злопожелания // Ученые записки. Т. 17: Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода. СПб.: СПбИВЭСЭП, 2012. С. 52–66.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. М., 1994. С. 53–128.

Ekaterina V. Ivantsova
National Research Tomsk State University
(Russia, Tomsk)
ekivancova@yandex.ru

ILL WISHES IN THE SPEECH OF THE MIDDLE OB DIALECTS SPEAKERS

The ill wishes in the Middle Ob dialects according to the data of the Tomsk dialect corpus and the archive of records of spontaneous speech of the Siberian old-time village residents are examined in the article. The composition of the nominations of subjects and objects in the formulas of ill wishes and their initial motives, which expressed the intention of the speaker, are analyzed in the article. The functional features of ill wishes in the modern conditions of their existence are considered: a high variability of the sound shell, the transformation of stable phrases of a once sacred nature into linguistic means of expressing negative emotions, varying in degree of reduction. Sources testify to the persistence of the practice of using curses in conflict situations between villagers and at the same time point to a process of gradual loss of faith due to such optative expressions. Ill wishes in the speech of dialect carriers demonstrate many close features identified in the Slavic and Russian regional material (the structure of formulas, a number of nominations of subjects, the main motives, the change in the functions of these cliches these days).

Some differences between the Middle Ob dialects of secondary formation in comparison with the maternal ones are observed in the composition of the formulas of ill wishes and their archaic components as well as the significant influence of urban vernacular on the dialect subsystem.

Key words: ill wishes, Russian dialects? Middle Ob dialects, folk speech culture; dialectal corpus.

References

Berezovich E. L., Surikova O. D. [Names of evil spirits in Russian curses] *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya,* 2020, no 67, pp. 5–27. (In Russ.).

Vinogradova L. N., Sedakova L. A. [The Curse] *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Tom 4. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 2009, pp. 286–294.

Grishanova V. N. [Stable combinations with the meaning of the unkind wishes of the speakers of the dialect] *Slavyanskii al'manakh 2000*. Moscow, 2001, pp. 467–471. (In Russ.).

Kozel'skaya I. V. Sintaksicheskaya struktura i komponentnyi sostav dialektnykh ustoichivykh vyrazhenii so znacheniem nedobrogo pozhelaniya kak otrazhenie mirovospriyatiya nositelei govorov. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Syntactic structure and component composition of dialect stable expressions with the meaning of an unkind wish as a reflection of the world perception of dialect speakers]. Orel, 2004. 25 p.

Markina L. V. [Expletive formulas as a means of expressing verbal aggression in dialect communication] *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo peduniversiteta. Filologicheskie nauki,* 2019, no 7(140), pp. 157–161. (In Russ.).

Mokienko V. M. [Russian swear words: censored and obscene] *Rusistika.* Berlin, 1994, no 1/2, pp. 50–73. (In Russ.).

Tolstoi N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 512 p.

TDK — *Tomskii dialektnyi korpus.* Elektronnyi resurs [Tomsk Dialect Building. Electronic resource] Available at: http://losl.tsu.ru/corpus ((accessed 15.07.21), for registered users.

Trofimova N. A. [The ontology of ill wishes] *Uchenye zapiski, vol. 17. Sovremennye problemy filologii, mezhkul'turnoi kommunikatsii i perevoda. SPb.: SPbIVESEP*, 2012, pp. 52–66. (In Russ.).

Uspenskii B. A. [The mythological aspect of Russian expressive phraseology] *Uspenskii B. A. Izbrannye Trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow, 1994, pp. 53–128.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

К 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

С. В. Бромлей

К 100-летию со дня рождения

РУССКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Софья Владимировна Бромлей, которой в этом году исполнилось 100 лет со дня рождения, — выдающийся диалектолог, автор и редактор Диалектологического атласа русского языка, прекрасный организатор науки и удивительный человек. Софью Владимировну всегда отличал острый ум, логическое мышление, способность структурировать большие объемы разнородной лингвистической информации. Она внесла огромный вклад в развитие русской и восточнославянской диалектологии и лингвогеографии, в разработку методов структурной диалектологии. Исследования Бромлей остаются актуальными и по сей день. Нам посчастливилось работать под ее руководством, и, несмотря на большую разницу в возрасте, которая нас разделяла, Софья Владимировна была демократичной в общении, прислушивалась к чужому мнению, на первом месте для нее всегда была наука, а не личные отношения. Будучи ее учениками, мы до сих пор используем разработанные ею методы анализа диалектного материала и опираемся на ее труды. Ниже публикуются фрагменты из основополагающей статьи С. В. Бромлей о возможностях исторической интерпретации русского диалектного ландшафта[1].

И. А.Букринская, О. Е.Кармакова

В статье обосновывается ценность диалектологических атласов в целом и Диалектологического атласа русского языка в частности для изучения национальных языков, в первую очередь в их историческом развитии.

Ключевые слова: лингвогеография, история языка, Диалектологический атлас русского языка,

Современный этап в развитии диалектологии характеризуется созданием лингвистических атласов и широким привлечением их данных — как собранных для атласов материалов, так и самих карт атласов — для различных аспектов изучения национального языка. На базе атласов создаются исследования, в которых их

[1] Полный вариант статьи см. *Бромлей С. В.* Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М., 2019

данные рассматриваются в ретроспективном плане для воссоздания истории языка в разных ее аспектах , строятся классификации говоров. <…>

Однако использование диалектологических атласов как источника изучения исторического развития языка по-прежнему остается ведущим направлением в разработке их данных. Ценность лингвистических атласов в этом плане определяется тем, что они дают одинаковую по своей содержательности языковую информацию со всей охватываемой атласом территории, т. е. фактически — синхронный срез состояния языковой системы в ее территориальном варьировании. Полнота территориального охвата и одновременно строгая сопоставимость лингвистических данных из каждого отдельного обследованного для атласа пункта картографируемой территории являются именно теми качествами лингвистического атласа, которые компенсируют отрывочный, «точечный» характер (как во временном, так и в территориальном аспекте), а также неполную сопоставимость языковых данных, содержащихся в памятниках письменности, принципиальное преимущество которых как историко-лингвистического источника состоит обычно во временной определенности — прикрепленности к определенному прошлому при возможной также определенности в их территориальной приуроченности.

Данные современных диалектов, представленные на картах атласа, в силу того что они охватывают сплошной диалектный континуум, т. е. обладают свойством непрерывности, широко допускают системное в лингвогеографическом смысле истолкование разнообразной информации, заложенной в территориальном варьировании лингвистических явлений, в том числе и возможность исторической реконструкции. К тому же историческая информация, содержащаяся в территориальном варьировании языка, отраженная на картах атласа, по своему характеру универсальна. Она может относиться и к области собственно истории языка — развитие его структуры на разных частях территории, и к области формирования территориальных диалектов, т. е. данные атласов обслуживают историческую диалектологию во всем ее объеме, как структурном, так и территориальном. Задача лингвистов, поставивших своей целью извлечь из материалов атласа такого рода информацию, — разработка действенной методики исторической интерпретации данных лингвогеографии. Она, естественно, предполагает и опору на данные изученных памятников письменности разных эпох и разной территориальной приуроченности, и привлечение данных по диалектам других ближайших родственных языков, и учет различного рода экстралингвистических факторов. <...>

Ценность данных лингвистического атласа того или иного языка для изучения его истории определяется целым рядом факторов различного характера, из которых главными представляются следующие: 1) степень сохранности диалектов на момент сбора материалов для атласа; 2) методика собирания этого материала; 3) теория и методика, положенная в основу самого картографирования.

Оценка ДАРЯ с учетом этих факторов дает в общем достаточно благоприятную характеристику его как источника изучения истории русского языка, которую мы и попытаемся дать ниже.

Очевидно, что для целей истории языка первостепенное значение имеет степень сохранности диалектов, отраженная на картах атласа. Последняя выражается прежде всего в четкости изоглосс, картографированных в атласе языковых явлений. Именно наличие изоглосс, противопоставляющих определенные по своим очертаниям ареалы, открывает возможность их сопоставительного изучения для разработки различных аспектов исторической диалектологии. Для изучения формирования территориальных диалектов, а также для построения их современной группировки особенную роль играет повторяемость изоглосс и их конфигураций. Образующиеся при такой повторяемости пучки изоглосс, пересекающие территорию в разных направлениях, объективно свидетельствуют о наличии диалектов как социально-территориальных языковых общностей, пережиточно сохраняющихся в качестве наследия донациональной (феодальной) эпохи истории общества. Пучки изоглосс являются объективной основой для выделения диалектов, структурные особенности которых определяются совокупностью самих лингвистических признаков, на основе которых они выделились.

Как показывают выполненные карты ДАРЯ, а их в нашем распоряжении уже около 300, большая часть диалектных различий русского языка на фонетическом и морфологическом уровнях имеет четкую территориальную локализацию, реализующуюся в некотором наборе типов изоглосс и соответствующих им ареалов, каждый из которых подтверждается десятками конкретных изоглосс различных языковых явлений, составляющих данный «пучок изоглосс». Особенно частотны те из них, на основе которых выделяются два основных наречия русского языка и среднерусские говоры.

Среди карт атласа имеются, конечно, и карты, характеризующиеся размытыми ареалами, как результат значительного территориального разброса диалектных вариантов. Однако отсутствие на этих картах четко очерченных ареалов, которые выявляли бы целостные территориальные массивы, характеризующиеся тем или иным языковым вариантом, нельзя отнести за чет стирания диалектных различий. Подобный характер имеют, как правило, лишь карты, которые посвящены тем точкам языковой структуры, где в момент фиксации диалектов происходили процессы перестройки отношений, т. е. шел живой процесс, как известно, всегда выражающийся в сосуществовании элементов старого и нового, в наличии языковых вариантов, отбор которых в результате становления новой нормы, соответствующей вновь формирующимся языковым закономерностям, требует определенного, иногда достаточно длительного. времени. Вскрывая элементы динамики в развитии структуры диалектного языка, такие явления представляют для истории языка не меньший интерес, чем явления, характеризующиеся четкой локализацией своих диалектных вариантов.

Следует отметить, что характер распространения тех членов междиалектных соответствий, которые совпадают с реализацией явлений в литературном языке, хотя и свидетельствует о том, что русские говоры в момент их фиксации отражают в своей структуре влияние норм национального языка, разное в различных ее элементах, однако это влияние выражено не столь значительно, как об этом часто можно слышать. «Литературный» вариант крайне редко присутствует повсеместно

или же равномерно рассеян по всей территории; его распространенность в сосуществовании с тем или иным «диалектным» вариантом обычно сама по себе образует достаточно определенные ареалы. Таким образом, вполне четко обрисовываются как территории раздельного бытования соответствующих членов диалектного различия, так и зона их сосуществования.

При этом нередко то, что ранее считалось совмещением литературного и диалектного вариантов, при более внимательном анализе соответствующего материала оказывается позиционной закрепленностью соответствующих языковых разновидностей. Так, в фонетике обнаруживаются неизвестные или мало известные ранее виды позиционного врьирования звуков: оказывается, что звуки, обычно принадлежащие разным системам, одна из которых по данному признаку совпадает с литературной (например [в] и [w] или [г] и [γ]), выступают в пределах одной диалектной системы в качестве аллофонов одной фонемы (т. е. замещая друг друга в разных позициях и исключая друг друга в одной позиции). Таким образом, поверхностная характеристика подобных систем как систем, которым свойственно сосуществование литературного и диалектного вариантов, фактически вуалирует этот важнейший для истории языка тип переходных систем, который по праву должен привлечь к себе серьезное внимание историков языка, так как их изучение способно обнаружить механизмы скрытых от нас в веках завершившихся языковых процессов.

Итак, на основании проведенного фронтального картографирования диалектных различий в ДАРЯ можно констатировать, что этот атлас отражает этап хорошо сохранившейся территориальной дифференциации языка как пережиточной формы социально-языковой действительности донационального периода развития. Хорошая сохранность диалектов позволяет плодотворно оперировать всем арсеналом лингвогеографических данных, отраженных в ДАРЯ, используя их, в соответствии с накоплением в отечественной и зарубежной лингвистике опытом ретроспективного анализа, для разработки всех аспектов исторической диалектологии <…>

Из сказанного не следует, конечно, что атлас вообще не отражает процессов влияния ЛЯ на говоры. Отнюдь не приводя к «стиранию» диалектов, это влияние проявляется на картах атласа достаточно отчетливо и по-разному сказывается в разных звеньях языковой системы. Поэтому для изучения этого влияния, как в дальнейшей разработки вопросов , связанных с проблемой диалектной основы ЛЯ и роли диалектной стихии в развитии его норм в разные периоды истории, карты ДАРЯ также явятся важнейшим источником. Следует лишь не забывать, что проблемы, возникающие при изучении фактов сосуществования «диалектного» и «литературного» не могут быть изолированы от изучения междиалектных взаимодействий и изучения общих тенденций развития русского (и шире — восточнославянских) языковых систем. Лишь при этом условии можно будет избежать излишней прямолинейности выводов.<…>

Само построение атласа, теоретические основы принятого в нем подхода к лингвистическому картографированию, реализованные в структуре его карт, также небезразличны для его характеристики как источника сведений по исторической диалектологии русского языка.

Для плодотворного использования материалов, представленных на картах атласа, в любых аспектах, в том числе и в первую очередь историческом, существен прежде всего принцип построения карт, на основе которого определяется объект картографирования.

В соответствии с разработанной в трудах Р.И. Аванесова и лингвогеографов, принадлежащих его школе, теорией картографирования, которая базируется на системном понимании соответствий в пределах диалектов одного языка, объектом картографирования всегда является факт языка как элемент его системы, выделенный в соответствии с тем местом, которое он занимает в соотнесенных по данному признаку частных диалектных системах. Таким образом, объект картографирования не произволен, он определяется структурой языка в его данном состоянии. Именно местом в системе языка того или иного диалектного различия, например, для явлений фонетического уровня, определяется картографирование каждого из явлений фонетики безотносительно к лексике, т.е. в принципиально неограниченном круге слов (например., оканье — аканье), в определенном классе словоформ (например, тогда картографируется фонетика определенной чаще безударной, флексии), или же в отдельном «данном» слове (например, распространение [и] на месте ударенного *е* в слове *деверь*).

Другим важным принципом картографирования является то, что в атласа последовательно отражаются разнокачественные структурные отношения между вариантами картографируемого явления. В соответствии с таким подходом члены междиалектного соответствия «противопоставляются на картах не однолинейно, в одном ряду, а с учетом их структурных связей», т.е. карта показывает «различными графическими средствами иерархию противопоставлений, многопланность структурных связей вариантов картографируемого явления» [Вопросы теории 1962: 22]

Подобного рода построение карт облегчает использование их данных в любом аспекте. Для историков языка оно также раскрывает широкие перспективы, так как для ретроспективного осмысления развития языка как структуры — (а именно такое изучение диктуется требованиями современного языкознания) в их распоряжении предоставлен не сырой недифференцированный материал, которые еще предстоит осмыслять и классифицировать, определяя его системную значимость, а отдельные кирпичики или целые блоки, составляющие структурно вычленимые элементы современных диалектных систем в представленных ими территориальных оппозициях, с дифференциацией разных планов их противопоставлений. На таких картах можно увидеть не только распространение того или иного языкового элемента, на них просматриваются и отдельные его признаки, связывающие или противопоставляющие данный факт как член междиалектного соответствия с другим его членом. Такая объемная характеристика картографируемых явлений позволяет и ретроспективное их изучение вести с учетом пространственной проекции этих признаковых характеристик, что значительно увеличивает возможность и степень достоверности исторической интерпретации диалектных фактов.

Одним из основных методов извлечения исторической информации из карт атласа является, как известно, сопоставления изоглосс структурно связанных явлений. Оно проливает свет не только на исторические процессы, связывающие два или несколько сопряженных в развитии языка явлений, но и на их относительную хронологию. С этой точки зрения непосредственно нацеленными на решение историко-диалектологических задач являются карты атласа, а они достаточно многочисленны, на которых дается прямое сопоставление ареалов также сопряженных в истории языка явлений. Оно дает возможность понять те ограничения, которые на той или иной территории накладываются на возможность проявления какого-либо языкового признака, связать появление на определенной территории той или иной инновации с наличием на ней языковой особенности, определившей ее появление, установить некоторые закономерные соответствия между особенностями территориального распространения структурно связанных явлений, которые можно экстраполировать на более ранние эпохи в их развитии, выявить множество частных, ранее неизвестных или лишь умозрительно выдвигавшихся закономерностей, управляющих актуальными на отдельных территориях распространения русского языка процессами.

Литература

Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова.М.,1962.

On the 100th anniversary of her birth

Sofia V. Bromley

RUSSIAN DIALECTOLOGICAL ATLAS AS A SOURCE OF STUDYING THE HISTORY OF THE LANGUAGE

The article substantiates the value of dialectological atlases in general and the Dialectological Atlas of the Russian language in particular for the study of national languages, primarily in their historical development.

Key words: linguogeography, history of the language, Dialectological atlas of the Russian language

References

Voprosy teorii lingvisticheskoi geografii. Pod red. R. I. Avanesova [Problems of the theory of linguistic geography. Ed. by R. I. Avanesov]. Moscow, 1962.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова,
(Россия, Москва)
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРАХ (АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье дан анализ лексического материала современных западных среднерусских говоров, собранный в экспедициях 2018–2019 гг. (Вышневолоцкий р-н Тверской области), а также лингвогеографическая интерпретация исследованных идиомов с использованием карт Диалектологического атласа русского языка и Лексического атласа русских говоров. По мнению авторов, лексические различия являются важными элементами при классификации диалектов и служат их диагностическими характеристиками. Как следует из приведенного материала, вышневолоцкие говоры, несмотря на их географическое положение в центре Европейской части России, находятся в хорошей сохранности на всех языковых уровнях. Большая часть отмеченных явлений характеризует северо-западную диалектную зону, а граница их распространения во многом совпадает с границей Новгородской феодальной республики середины XIVв., куда входили вышневолоцкие и торжокские земли в отличие от других тверских.

Ключевые слова: современные тверские говоры, лингвогеография, диалектная лексика, изоглоссы западных говоров, диалектные зоны

Лексический материал важен для классификации говоров и для лингвогеографических исследований не менее, чем фонетический и морфологический, хотя ареалы лексических явлений часто не совпадают с ареалами других языковых ярусов. В связи с этим так значим проект «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ), задуманный в 90-е годы XX в. И. А. Поповым и реализующийся сейчас усилиями диалектологов центральной России под руководством С. А. Мызникова и Т. И. Вендиной. Существует мнение, что диалектная лексика быстро исчезает под натиском литературного языка, на самом деле, как показывает опыт последних экспедиций, составления словарей, многие лексические особенности сохраняются в говорах, а некоторые из них становятся *регионализмами*. Напомним, что «…регионализмом является языковая единица (большей частью — лексическое средство),

которая находится в повседневном речевом обиходе всех носителей языка в том или регионе полиэтнического языкового сообщества независимо от их социального положения, возраста, пола и может обозначать реалию, имеющую в литературном языке иное наименование» [Майоров 2018: 155].

Среднерусские говоры были выбраны нами для обследования, поскольку хотелось понять, какова степень сохранности идиомов, располагающихся в центральных областях России, на перекрестке миграционных потоков. С этой целью несколько лет назад отдел диалектологии обследовал восточные среднерусские окающие говоры Муромского района Владимирской области, результаты их изучения были опубликованы [Дьяченко и др. 2015; Букринская, Кармакова 2017]. Материалом для данной статьи послужили западные среднерусские акающие говоры Вышневолоцкого района Тверской области (д. Лужниково и д. Бухолово). Сотрудниками отдела во время экспедиций 2018- 2019 гг. в указанные говоры была записана речь информантов преимущественно 1930–1940-х годов рождения. Кроме того, в работе использованы карты и материалы Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ)[2].

Исследуемые идиомы относятся к Селигеро-Торжковским говорам северо-западной диалектной зоны и находятся на самой границе с северо-восточной и с центральной зонами, по классификации Захаровой–Орловой. Их система включает отдельные черты этих диалектных объединений, именно поэтому Селигеро-Торжковские говоры не были названы *группой* говоров [Захарова, Орлова 1970]. Обследованные нами вышневолоцкие говоры хорошо сохраняют основные черты западной и северо-западной диалектных зон. Назовем черты западной зоны.

1. Форма И. п. мн. ч. местоимения 3-го лица *оны́* (сосуществует с *оне́*, характерной для северо-востока [ДАРЯ II, к. 68], и литературной формой *они́*); из записей 2019 г.: *оны́ за мной хорошо́ глядя́т*, *оне́ люби́ли носи́ть*, *оне́ уже там пришо́тцы*, *они́ в лес пошли*.

2. Форма И. п. и В. п. ед. ч. ж. р. местоимения *тот* — *та́я* и *ту́ю* [ДАРЯ II, к. 70, 71]; форма И. п. ед. ч. ср. р. *то́е* [ДАРЯ II, к. 74]; 2019 г.: *та́я избá былá*, *та́я эне́ргия*; *в ту́ю сто́рону*, *ту́ю фотографию да́ли мне*.

3. форма И. п. ед. ч. местоимения 3-го лица м. р. *йон* с начальным *–j-* (наряду с литер, атурной формой *он*) [ДАРЯ II, к. 64].

4. Форма В. п. ед. ч. местоимения 3-го лица ж. р. *ею* [ДАРЯ II, к. 67]; 2019 г.: *яю́ назна́чили, яю́ туда́ положи́ли* (в больницу), *яю́ до́лго лечи́ли, ею́ оставля́ть боя́лась.* Эта черта и объединяет и различает псковские и новгородские говоры. Объединяет тем, что в В. п. местоимение имеет окончание *–у-*. При этом в псковских говорах это форма — *ону́*, а в новгородских и примыкающих к ним вышневолоцких — *ею́*.

[2] Для ДАРЯ было обследовано несколько деревень в Вышневолоцком районе, которые находились недалеко от д. Лужниково: д. Емельянова Гора — 7 км от Лужниково, д. Язвиха — около города , д. Фёдоров Двор — 19 км к юго-зап. от Лужникова.

5. Предложения со сказуемым (главным членом), выраженным причастием[3] [ДАРЯ III, ч. 1, к. 1]: 2019 г.: *у меня́ половики́ наткáвши*; *(мамка) полотéнцев наткáвши*, *сколько напря́вши, мóстик был сдéлавши*; *крыша стои́т съéхатчи, холодéц был навари́вши*, см. подробнее [Малышева, Тер-Аванесова 2020].

Отдельного упоминания заслуживает диалектная форма И. п. местоимения *тот — той* (*той год*, *той коромы́сл бельё носить*), зафиксированные в обследованных говорах. Форма с основой на *–j-* (*той*, *тый*, *тэй*) образовалась от старого указательного местоимения *тъ* «осложнением по типу прилагательных» с отражением особой судьбы редуцированных [Галинская 2016: 310–311, см. также Бевзенко 1960]. Форма *тэй* характерна для юго-западной диалектной зоны, по северо-западной диалектной зоне рассеяны отдельные небольшие ареалы и населенные пункты с формами *тый* и *той*. И только в говорах между Вышним Волочком и Торжком есть компактный ареал формы *той* [ДАРЯ II, к. 69]. В говоре также зафиксирована диалектная форма И. п. указательного местоимения *этот — этой* (*сам э́той вáленок длúньше, éтый брат*).

Среди черт северо-западной диалектной зоны следует отметить *две древние черты*, хорошо сохранившиеся в современных говорах***:***

1. распространение окончания [ы]/[и] в Д. п. и П. п. сущ. ж. р. 1 склонения у всех типов основ (в безударном и ударном положении) [ДАРЯ II, к. 2]; 2019 г.: *к бáбы, к воды́, к жаны́, по зямлú, по úзби, к Пáски, к тёти Клáвы, на машúны, на воды́, на горы́, на доскú* (почета), *на рабóты, на рекú, на рукú, в головы́, в цéрквы*. Об истории этих синкретических форм см. в статье Е. А. Галинской в настоящем сборнике, а также [Галинская 1991].

2. наосновное ударение у глаголов прошедшего времени ж. р. ед. ч., которые по происхождению являются формами *l-* причастий: *брáла, дáла, звáла, пря́ла, сня́ла, ткáла: мамка пря́ла на прялке*, *она ткáла*; *брáла нас*.

Подробное описание подобной системы дано в статье С. Л. Николаева [Николаев 1995]: *l*-причастия обоих типов от глаголов исконно односложных и исконно двусложных, ставших односложными в результате выпадения редуцированных, имеют наосновное ударение. В праславянском для этих глаголов была характерна подвижность ударений, а в современных говорах происходило выравнивание ударения и в итоге сохранилось неподвижное наосновное ударение.

Пограничное положение вышневолоцких говоров обусловило их специфику, например, появление интересных контаминированных форм, таких, как *тéе* ([тéйе], [тéйи], [тéйа]: *тéи я́блоки всé вися́т улúфшы, тéи-тъ ушлú, в тéи годá*). Компактный ареал данной формы охватывает часть говоров Тверской (между Вышним Волочком, Старицей и Тверью) и Новгородской областей (говоры вокруг Боровичей на север и восток). Форма *тéе* возникла на границе западной диалектной зоны, где распространена форма *ты́е*, с северо-восточной и юго-восточной зонами, в которых представлена литературная форма *те*. Небольшие ареалы формы

[3] В учебнике [Касаткин, Русская диалектология с. 208–209]) эти формы названы деепричастием.

тée отмечены в говорах Ленинградской области, т. е. тоже на стыке распространения *тыíе* и *те* [ДАРЯ II, к. 75].

Еще один пример связан с семантикой лексемы *мост*: в юго-западных и западных говорах, включая псковские, а также в Заонежье *мост* обозначает ‘пол’ [ДАРЯ III, ч. 1, к. 11]. В этом же значении употребляется в восточных белорусских [ДАБМ, к. 336] и в некоторых украинских говорах, например черниговских, граничащих с белорусскими и русскими. В северо-восточной и центральной диалектных зонах лексема *мост* имеет значение ‘сени’, а в обследованных нами вышневолоцких говорах — ‘пол в сенях’. Небольшие ареалы лексемы *мост* в этом значении отмечаются на стыке зон, а также разбросаны по всей территории северного наречия и во многих говорах значения ‘сени’ и ‘пол в сенях’ сосуществуют.

Обратимся к описанию лексического своеобразия вышневолоцких говоров. В экспедициях при опросе информантов всякий раз мы устанавливаем, насколько известен носителям традиционного говора и носителям региолекта тот круг лексики, который входит в Программу собирания сведений для ДАРЯ. Помимо ответов на эту Программу были записаны и проанализированы тексты, являющиеся автобиографическими рассказами и представляющие монологическую речь с небольшим количеством вопросов диалектологов. Как показывает опыт многочисленных экспедиций, в говорах сохраняется в пассивном запасе фрагменты традиционной лексики, которые отражают старые способы ведения хозяйства (например, наименования сельскохозяйственных культур, процессов, орудий, а также ушедших обрядов). В более сохранном виде находятся номинации, связанные с устройством крестьянского жилища, участка, где стоит дом, домашней утвари, построек для скота, в том случае, если сохраняется традиционный крестьянский дом, а также названия терминов родства, растений, грибов, ягод, пищи, элементов ландшафта. Такого рода лексика используется и средним поколением.

Лексика, связанная с сельским хозяйством и представленная в материалах ДАРЯ, в обследованных говорах сохранилась в традиционном слое говора. Эти черты характерны для западных территорий.

Жúто ‘ячмень’, *жúтница* ‘амбар для хранения зерна’: *жúто кóлкое — ячмéнь, зярнó хранúли в жúтницах, в жúтнице мóжно спать*. Слова *жúто*, *жúтница*, *жúтище* ‘поле из-под ячменя’ приведены в [Зализняк 2004: 739]. Семантика лексемы *жúто* имеет важное диагностическое значение и противопоставляет разные славянские языки и диалекты [ОЛА, вып 3. 2000], на территории русских говоров выделяются три значимых ареала: указанный северо-западный — *жúто* ‘ячмень’, северо-восточный и центральный — *жúто* ‘общее родовое название зерновых культур’ и юго-западный ареал, который продолжается на Украине и в Белоруссии, — *жúто* ‘рожь’ [ДАРЯ III, ч. 1, к. 53].

Молотúлка ‘цеп’, *бúло* ‘бьющая часть цепа’: *молотúли цепáм, а потом стали называть молотúлкой* [см. Букринская, Кармакова 2000].

Бáбка ‘укладки снопов зерна и льна в поле’: *когда жáли, в бáбки стáвили*. Ареал названия охватывает западную диалектную зону и белорусские говоры [ДАРЯ III, ч. 1, к. 50; Клепикова 2006].

Ка́литка ‘брюква’ (позже стали называть *кузи́ха*). Дериваты с этим корнем образуют в северо-западных говорах компактный ареал, охватывающий Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую области [ДАРЯ III, ч. 1, к. 58; НОС 2010]. Существуют разные гипотезы относительно этимологии этих наименований [Мызников 2019].

Таска́ть лён ‘выдергивать с корнем, убирая лён с поля’: *на́ поле таска́ли лён*. Названия процесса уборки льна противопоставляют псковские говоры, где отмечено сочетание *тяга́ть лён*, новгородским. По этому признаку вышневолоцкие объединяются с Новгородскими говорами и Ладого-Тихвинской группой северного наречия [ДАРЯ III, ч. 1, к. 57, НОС 2010]

Толока́ ‘коллективная помощь при устройстве печи’: *толоко́й пе́чку кла́ли*. В материалах ДАРЯ слово обозначает любой вид коллективной помощи [ДАРЯ III, ч. 1, к. 55], является признаком западной диалектной зоны. В обследованных говорах значение сузилось, так как в реальных условиях сохранился лишь один конкретный вид помощи.

Упря́жка ‘период работы без перерыва’, в этом значении отмечено в материалах ДАРЯ [ДАРЯ III, ч. 1, к. 55]. В современных говорах употребляется в значении ‘длительный промежуток времени’: *я це́лую упря́жку с соседкой простояла* [НОС 2010].

Только в пассивном запасе (что было подтверждено специальным опросом) находятся старые наименования рукавиц с одним пальцем: *дя́нки*, *дяни́цы, дени́цы* ‘вязаные рукавицы’ На момент сбора материала для ДАРЯ (1954 г.) приведенные номинации широко употреблялись и были «живой» лексикой [ДАРЯ III, ч. 1, к. 35]. Эта карта интересна тем, что показанные названия вязаных рукавиц образуют четкие ареалы, репрезентативные для членения русского лингвистического пространства. На ней противопоставлены три основных территории: северо-западная диалектная зона, о которой мы уже сказали (наименования с корнем *дя-*/ *де-*), юго-западная диалектная зона с образованиями от корня *вяз-* : *вязе́нки*, и восток, где зафиксировано *ва́режки* — будучи литературным, вытеснило традиционные названия. На границе ареала лексемы *дя́нки* (тверские, новгородские, ярославские) возникает форма с похожей словообразовательной моделью, но от корня *вяз-* — *вязя́нки*. В Новгородском словаре приведен пример синонимичного употребления номинаций *дя́нка* и *вязя́нка* [НОС 2010: 154].

Бо́льшая часть лексики, связанная с устройством крестьянского жилища, утварью, хозяйственными постройками, названия растений, грибов, ягод, ландшафта остается, как уже говорилось, в активном употреблении. Рассмотрим некоторые наиболее интересные номинации (остальные будут приведены в Приложении к статье).

В говоре сохраняется слово *ка́рзина, ка́рзинка* ‘лесенка у печки, лавочка-ступенька’. Лексемы *ка́рзина, ка́ржина* даны во многих диалектных словарях, где первым стоит значение ‘ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий люк в подполье с подъемной крышкой’ [СРНГ 13: 88, 90]. На карте ДАРЯ показано распространение приведенных лексем в указанном значении. Это компактный ареал

в соседних с вышневолоцкими тверских говорах [ДАРЯ III, ч. 1, к. 7]. С. А. Мызников различает два основных значения: ‘подполье’ и ‘ящик-лежанка, имеющий вход в подполье’, про последнее значение он пишет: «…не имеет соответствия ни в прибалтийско-финских, ни в балтийских языках, что дает возможность предположительно видеть в этом не только переосмысленное русскими говорами прибалтийско-финское влияние, но и субстратное балтийское». Об этимологии слова (см. подробнее [Мызников 2019: 258–260]. Значение, аналогичное вышневолоцкому, т. е. ‘скамеечка около печи’, зафиксировано в словарях как третье [ОСГКО; НОС 2010].

В материалах ДАРЯ 1954 г. для обозначения пространства между потолком и крышей информанты называли два слова-синонима: *черда́к* и *по́дволок.* В настоящее время употребляется *черда́к*, а *по́дволок, по́дволка* находятся в пассивном запасе (*по́дволок раньше*). Судя по карте, варианты *по́дволок*, *подволо́к* не образуют ареалов, отмечаются только в отдельных говорах Тверской и Новгородской областей. Более частотной является форма ж. р. *по́дволока*, имеющая ареалы в северо-восточной диалектной зоне [ДАРЯ III, вып. 1, к. 9; НОС 2010].

Лексема *чула́н* ‘кухня’. У Даля — ‘стряпная в избе, за перегородкой’, с пометой *твер*. [Даль IV: 614], приведено и в словарях: «отгороженное место в избе против русской печи для приготовления пищи и хранения кухонной посуды, кухня» [ОСГКО: 277; НОС 2010]]. Широко употребляется по северо-западу и, по-видимому, является семантическим регионализмом.

В говоре встретилось показавшееся нам любопытным слово *молосто́вник* ‘глиняная посуда, в которой замешивают тесто для пирогов’: *молосто́вник — это гли́няный для пирого́в, раствори́ть те́сто*. Лексемы *молосто́в* ‘глиняный горшок для белого теста, обвитый берестой’ и *молосто́вник — белое тесто растворяют в молосто́внике* — приведены в словаре [ОСГКО; Даль II; СРНГ]. В Псковском словаре отмечено с другим значением: *молосто́вка*, *молосто́вок, молосто́к* ‘молочник’ [ПОС 18], Новгородским словарем не фиксируется. Слово *молоствъ* ‘горшок для молока или масла’ отмечено в берестяных грамотах, А. А. Зализняк предполагает, что оно, как и некоторые другие слова, «обнаруживается в Юго-Западной Руси, а отчасти также в зап.-слав. языках» [Зализняк 2004: 221, 225, 761].

В речи диалектоносителей разных поколений широко употребляется наречие *гора́з* ‘очень’ (*не гора́з уста́ла*, *не гора́з интересова́лась*). Ареал его распространения совпадает с границами северо-западной диалектной зоны, являясь одним из ее диагностических признаков. Приведенная форма отражает свойственное говору упрощение групп согласных: *гора́зд → гора́з*, например: *шес*(т)*ь, мос*(т)*, подме́сь*(ти). Наречие встретилось и в речи жителей Вышнего Волочка, поэтому можно предположить, что оно является северо-западным регионализмом [ДАРЯ III, ч. 2, к. 99; ОСГКО; НОС 2010]. У А. А. Зализняка приведена близкая форма «**горозно** *н*. (вероятно, вариант к горазно ‘очень’): горъзно 831», а в грамоте 685 — форма *гъраз* [Зализняк 2004: 725, 726].

В описываемых говорах лексема *огоро́д* отмечена в достаточно узком значении ‘место под посадку картофеля’, а наиболее распространенным в русских говорах

выступают значения ‘изгородь вообще или определенного типа’ (северо-восточная диалектная зона) и общерусское ‘место, на котором находятся грядки с овощами или др. посадками’ [см. подробнее: Мораховская 1996: 170].

Для обозначения места, где сажают различные овощи, кроме картофеля, в говоре используется слово *лу́ковник*, которое в Словаре В. Даля и СРНГ в подобном значении не отмечено, обычно *луковником* называют пирог с луком. Лексема *лу́ковик* ‘участок земли, где растет лук’ с пометой *тихв*. есть в [НОС 2010: 527].

Северо-западную локализацию имеет лексема *лог* ‘луг, низкое широкое место’: *на логу́ пасётся бурая корова*. В этом же значении в [Опыт 1852] с пометой новг., твер., у Даля есть следующее замечание: *въ твр*. употрб. *вм*. лугъ [Даль II: 262], фиксируется в словаре тверских говоров [ОСГКО], в [НОС 2010: 514] ‘заливной луг, низкое место у реки’. О. Н. Трубачев по поводу этого слова в албанском пишет: «Алб. *log* ‘луг’ предположительно заимствовано из славянского **log*ъ, но близкие значения ‘лощина, низина’ последнее обнаруживается только в восточнославянском» [Трубачев 2002: 456]. В [СРНГ 17] указано большое число значений у рассматриваемой лексемы, есть и близкое:‘низкое, часто сырое место; низина’. В говорах южного наречия *лог* означает ‘овраг’ или ‘пологий овраг’ [ДАРЯ III, ч. 2, к. 78]. В литературном языке употребляется в значении ‘широкий и длинный овраг’ [Шведова 2008].

Встретилось в речи информантов слово *боча́г* ‘низина, где течет ручей’, у Даля и в [СРНГ 3: 140; НОС 2010] приводится с похожими, но все же другими значениями ‘впадина, яма, заполненная водой; глубокая лужа’.

В пределах северо-западной диалектной зоны два небольших компактных ареала образует глагол *бля́ет* (об овце) [ДАРЯ Ш, ч. 1, к. 71], меньший из которых охватывает вышневолоцкие и торжокские говоры, а бо́льший –широкой полосой говоры Обонежья, доходя до Тихвина и Белого озера. Наиболее распространенной в русских говорах является форма с ударением на окончании: *блеёт*, *блиёт*, *бляёт*, где произношение корневого гласного связано с фонетической системой говора. Древняя звукоподражательная основа имеет соответствия в других и.-е. языках, как отмечается в этимологическом словаре: «Ономатопоэтическая природа этих образований не позволяет рассматривать отношения вокализма в плане регулярной апофонии» [ЭССЯ 2: 115].

Глагол *туля́тся* ‘прячутся’ встретился в речи носителей традиционного говора: *во́лки где-то туля́тся*. В подобном значении приведен в [СРНГ 44: 231–232]: *Тули́ться*, несов. 1. Прятаться, таиться. *Что ты тулишься за спинами, выходи вперед*; у Даля — ‘прятаться, скрываться, хорониться, притаиться’… *Девка тулится*, *твр.* [Даль IV: 441]. Другой акцентный вариант — *ту́литься* с тем же значением дан в [НОС 2010]. Подробная этимология глагола **tuliti/*tulati* на широком славянском фоне рассмотрена в [Куркина 2021; см. также Мызников 2020]. Слово *тулъ* м. (или *тула* ж.) ‘укрытие, тайное место’: В. ед. *въ тоулѣ* отмечено в берестяных грамотах [Зализняк 2004: 224, 809].

Номинация *коте́тка* ’шелковый или шерстяной платок с цветами и кистями’находится в активном запасе информантов старшего и среднего

поколения. В [СРНГ 15: 104; НОС 2010], как и в словаре [ОСГКО], указано значение без уточнений –‘головной платок’, в последнем словаре слово приведено с корневым *–а*: *каке́тка*, *кате́тка*. Судя по словарям, слово имеет западную локализацию.

В говоре употребительны прилагательные-антонимы *соло́щий* ‘человек с хорошим аппетитом’, *ляда́щий* ‘человек с плохим аппетитом’. *Соло́щий* в том же значении приведено в [СРНГ 39: 305; НОС 2010: 1119]: . 1. Обладающий хорошим аппетитом, неразборчивый в еде (о человеке); поедающий любой корм, прожорливый (о скотине). Вышневол. Твер., 1820. *Парень-то он хороший да только шибко солощий. Его не накормишь.* Твер. *У тебя Иван солощий, что хошь съест.* Калин.; то же в словаре [ОСГКО]. У Даля указан глагол *солощить*, *несов., неперех.* Есть со вкусом, наслаждаясь, лакомиться; привередничать, выбирать пищу по своему вкусу [Даль IV]. Судя по пометам, слово имеет западную локализацию.

А у лексемы *ляда́щий* [СРНГ 17: 262] наиболее распространенными являются значения, связанные с физическим состоянием человека: ‘болезненный, слабый здоровьем’, ‘худой’. Исходя из географических помет в словаре, *ля(е)дащий* о человеке, который плохо ест, у которого плохой аппетит, употребляется только в Вышневол., Камен. Твер. [СРНГ 17: 318].

Прилагательное *ме́шкотный* ‘медленный’, *ме́шкотный самовар*, *ме́шкотно* ‘долго, медленно’ записаны от людей старшего поколения, наречие *ме́шкотно* приводится в [НОС 2010].

В речи разных поколений хорошо сохраняются диалектные названия растений, грибов, многие из них, как следует из карт «Лексического атласа русских говоров» и словарей [ОСГКО; НОС 2010], характеризуют именно северо-западную диалектную зону, например: *стреки́ша*, *стрека́ва* ‘крапива’ [ЛАРНГ 1, к. 151], *красу́льник* ‘иван-чай’ (кипрей), *горя́нка,* ‘сыроежка’ [ЛАРНГ 1, к. 201; к. 190], *гладе́ны* ‘вид грибов для соления’, *печу́ра* ‘белый гриб’ [ЛАРНГ 1, к. 171], *борово́й* ‘белый гриб в сосна́х’, *островно́й* ‘белый гриб в смешанном лесу’, *маслёхи* ‘маслята’, *серу́шки* ‘пластинчатые грибы, годные для соления’, *дубя́нки* ‘дубовики’, ‘крепкий гриб типа сыроежки’, *слоя́ми грибы растут*, т. е. кучками.

Ряд общерусских слов в говоре употребляется в ином по сравнению с литературным языком (ЛЯ) значении: *соблюда́ть* ‘беречь, хранить’: *моя газе́тина, я ею́ всё соблюда́ла*, в [НОС 2010] приведена форма *соблюди́ть* ‘сберечь, сохранить’; *запа́рить* ‘заварить чай’, то же [НОС 2010]; *сгри́бются* ‘сморщатся’, есть и в [НОС 2010]; *изломáться на работе* ‘потерять здоровье’; *спрове́доваться* ‘ходить друг к другу в гости, поддерживать отношения’; *череда́* ‘очередь’: *по череды́ работали*, *подошла наша череда́*, то же в [ОСГКО; НОС 2010]; глагол с отрицанием *не до́йдет* ‘не иметь возможности, сил что-то сделать’: *плясать не до́йдет*, в [НОС 2010] приведено вторым значением с ударением на окончании; *кро́мка* ‘горбушка, краешек хлеба’, то же в [НОС 2010].

Отмечено довольно много слов, которые образованы от того же корня, что и в ЛЯ, но имеют другую словообразовательную структуру: *ножни́* ‘ножницы’: *ножни́ — овечек стричь*, *ножня́м стригли́*; *ле́сни* ‘лестница в подпол’

(употребляются и литературные формы: *но́жницы*, *ле́стница*), приведено с ударением на корне — *но́жни* — в [НОС 2010]; *газе́тина* ‘газета’: *у мя газе́тину-то и взя́ли — дай нам в музей*, *я взяла́ эту газе́тину почита́ть*; *мали́нина*, *малиня́жина* ‘ветка малины’: *мали́нину оторвё́т… привя́жем ни́точкой…к малиня́жины ру́чку, а черни́лу де́лали из свё́клы* (описание того, из чего дети делали ручки в войну); *молочи́на* ‘молоко’: *малачи́ны нет, па*[р’]*е́с* (парез) *у каро́вы*, [НОС 2010], суффикс *–ин*, по нашим наблюдениям, гораздо более продуктивен в западных говорах; *полову́шки* ‘домотканые половики’: *ляжа́ли полову́шки но́вые*; *голову́шки* ‘головки льна, которые ели во время голода’: *от льна голову́шки пекли*; *кладову́шки* ‘кладовки’; *бо́лька* ‘болячка’: *коря́вые яблоки*, *в бо́льках*; *двое́шки* ‘двойняшки’, *бода́стый* ‘бодливый’, *рога́стый* ‘рогатый’, *плодли́вая* ‘плодовитая’: *плодли́вая коза* [НОС 2010]; *давнё́шний* ‘старинный, давний’, *голодова́ть* ‘голодать’, *жа́литься* ‘жаловаться’, *копна́ть* ‘делать копны’, *сгодя́* ‘погодя’: *немного сгодя́*. Встретилось несколько примеров вторичной имперфективации: *снопы́ сва́живаем на гу́мны*, *сна́шивать се́но на вила́х на́до;* форма причастия: *сво́женные* (*ка́мни*).

Записаны лексикализованные формы, отражающие фонетические особенности: *кружё́вник*, *мезе́нец*, *свё́рстник*, *запрё́г, пропрё́г*.

Как видно из приведенного материала, вышневолоцкие говоры, несмотря на их географическое положение в центре Европейской части России, находятся в хорошей сохранности на всех языковых уровнях. В них зафиксировано много разнообразной диалектной лексики не только в пассивном, но и в активном употреблении. Бо́льшая часть отмеченных явлений имеет именно западную и северо-западную локализацию. Границы распространения некоторых из них во многом совпадают с границами Новгородской феодальной республики середины XIV в., куда входили вышневолоцкие и торжокские земли в отличие от других тверских. На наш взгляд, здесь усматривается историческое противопоставление восточных и западных территорий центральной Руси.

В заключение приведем таблицу лексических и морфологических черт, которые различают говоры двух обследованных деревень Вышневолоцкого р-на, расположенных на расстоянии 30 км друг от друга: д. Лужниково (на юго-запад от Вышнего Волочка) и д. Бухолово (на юг от ВВ). Таблица еще раз свидетельствует о диагностических свойствах лексики.

д. Лужнико́во	**д. Бу́холово**
ба́йня	ба́ня
‘плакать по покойнику’ пла́кать го́лосом	вопе́ть го́лосом
свекро́вка, свекро́вушка, свекру́шка	свекро́вь
жи́тница	амба́р
коте́тка ‘нарядный платок с цветами'	шалё́нка ‘небольшой холодный платок'
шалё́к ‘теплый платок’	вя́занка ‘небольшой шерстяной вязаный платок'
‘миска для замешивания теста для пирогов’	

д. Лужнико́во	**д. Бу́холово**
молосто́вник	раство́рник
‘крапива’	
стреки́ша	стрека́ва
печь глинобитная	печь из кирпича
коромы́сл (м.р.)	коромы́сло (ср.р.)
его́шный яю́ (В .п.)	ево́нный ей (В.п.)

Приложение

Лексика, собранная по Программе ДАРЯ в д. Лужниково

Жилище и приусадебное пространство

Уса́дьба ‘место, на котором расположен дом с участком’, *дом* ‘крестьянская жилая постройка, пятистенок’, *изба́* ‘крестьянская жилая постройка, сруб’, ‘комната в доме’, *перёд* ‘передняя часть дома’, *пе́чка* глинобитная, *ка́рзинка* ‘пристройка к печи в виде небольшой лавочки-ступеньки’, *чула́н* ‘отгороженное место в избе для приготовления пищи’, *се́ни* ‘коридор’, *черда́к* (раньше *по́дволок*), *по́дпол* ‘место под домом для хранения продуктов’, *клеть* ‘кладовка’, *мост* ‘пол в сенях’, *мосни́чина, мосни́ца, мосни́чки* ‘доска на полу, ступеньки’; *лу́ковник* ‘участок при доме, где сажают овощи, кроме картофеля’, *огоро́д* ‘участок, на котором сажают картофель’, *зау́лок* ‘место перед домом, часть участка’, *изгоро́да* ‘изгородь’, *ба́йна* ‘баня’.

Помещение для содержания скота и др. хозяйственные постройки

Двор ‘помещение для скота, при доме’, *клев* ‘место для скота (внутри двора)’, *сара́й*, *сара́ина*, *сараю́шка* ‘помещение для сена и хозинвентаря’, *сенни́к* ‘пристройка для хранения сена’, *жи́тница* ‘постройка для хранения зерна’, *засе́ки*_‘ящики для зерна внутри житницы’.

Домашняя утварь

Кры́нка, кри́нка ‘посуда для молока с узким горлом’, *молосто́вник* ‘глиняная миска, где растворяют тесто для пирогов’, *горшо́к* ‘глиняная посуда’, *кувши́н* ‘сосуд с узким горлом’. *квашня́, квашо́нка* ‘деревянная посуда, где растворяют тесто для хлеба’, *чугу́н* ‘посуда для приготовления еды в печи’, *полкомо́йник* ‘деревенская мебель с ящичками’, *масти́на* ‘корзина из лучины’, *ку́зов* ‘большая ёмкость квадратной формы из лучины’, *валёк* ‘орудие для выколачивания белья’, *коромы́сл* ‘деревянное приспособление для переноски ведер с водой’, *ухва́т* ‘приспособление для вынимания горщков из печи’, *ножни́* ‘ножницы’.

Сельскохозяйственная лексика

Ба́бки ‘укладки снопов зерновых культур и льна в поле’, *таска́ть лён* ‘убирать лен’, *копна́* ‘большая укладка ржи или льна’, *копна́ть* ‘делать копны из ржаных или льняных бабок’, *омёт* ‘большая укладка соломы’, *стог* ‘укладка сена’, *сквирда́*

‘длинная укладка снопов’, *ри́га* ‘постройка для сушки снопов’ (*полати были в ригах, там сушили*), *гувно́* ‘место для обмолота снопов’, *цеп*, *молоти́лка* ‘ручное орудие для молотьбы’, *колоту́шка* ‘приспособление для обмолота льна’, *жи́то* ‘ячмень’, *жнивьё*, *жнивьи́ще* ‘названия сжатого поля’, *паха́ть* ‘окучивать картошку’, *ти́на* ‘ботва картошки, проросшая картошка’, *морко́шка* ‘морковь’, *ка́литка*, *ка́лига*, позже стали называть *кузи́ха* ‘брюква’, *о́зим* ‘всходы зерновых, посеянные осенью’.

Лексика, связанная с животными

Кл́уха, клу́ша ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’; *цыпля́тница* ‘курица, которая водит цыплят’, *ковла́тая* ‘безрогая’, *суя́гная*, *я́говая* ‘о беременной овце’, *овца́ е́гнится*, *сужерёбая* ‘о беременной лошади’, *ло́шадь жере́бится*, *плодли́вая* ‘плодовитая, о козе’ (*плодли́вая — ро́дит по четы́ре, по пять*), *рога́стая* ‘с большими рогами’, *бода́стая* ‘бодливая’, *овца бля́ет*, *курица кво́хче, квы́кает насе́дка* , *ко́шка вя́кает*.

Еда

Гу́ща ‘еда, которую приготовляли из толченого ячменя, прежде на поминки’, *виту́шка с песќм* ‘витое выпечное изделие’, *колобу́шка* ‘пирог с творогом’, *баба́шки*, *блинки́* ‘блины’, *овся́ный кисе́ль* ‘густое кушанье из овсяной крупы, которое резали ножом, положено было подавать и на поминках’.

Лексика природы

Вёдро ‘хорошая погода’, *боча́г* ‘низина, где течет ручей’, *лог* ‘луг, низкое место, где пасется скот’, *бор* ‘сосновый лес’, *ельня́к* ‘еловый лес’, *стреки́ша, стрека́ва* ‘крапива’, *красу́льник* ‘иван-чай’(кипрей), *горя́нка,* ‘сыроежка’, *гладёны* ‘вид грибов для соления’, *печу́ра* ‘белый гриб’, *борово́й* ‘белый гриб в сосна́х’, *островно́й* ‘белый гриб в смешанном лесу’, *маслёхи* ‘маслята’, *серу́шки* ‘пластинчатые грибы, годные для соления’, *дубя́нки* ‘дубовики’, ‘крепкий гриб типа сыроежки’, *кружёвник* ’кружовник’.

Названия одежда

Де́льницы, *дя́нки* ‘вязаные рукавицы’, *шуба́рки* ‘рукавицы из овчины’, *чу́ни* ‘обувь, сплетенная из толстых веревок’ перешло на другой вид обуви ‘высокие галоши’, *коте́тка* ‘шелковый платок с цветами и кистями’, *шалёк* ‘зимний шерстяной платок’, *скидо(ы)вать* ’снимать одежду’.

Наречия

Гора́з(*д*) ‘очень’, *ла́дно, испра́вно* ‘хорошо’, *ле́тось* ‘в прошлом году’, *ме́шкотно* ‘медленно’, *но́нче, ны́нче,* ‘недавно’, *досю́дова, лёгко, куды́, туды́, си́льно, мале́нько*.

Обычаи

Посиде́лки ‘вечерние собрания молодежи с работой’, в настоящее время это ‘праздничные встречи для общения’, *вечёрки, вечери́нки* ‘собрания молодежи

для развлечения, без работы', *гуля́нье* 'праздник в избе с танцами', *толока́* 'помощь в работе при установке печи', у*пря́жка* 'часть рабочего дня до перерыва', такое значение было раньше, сейчас 'длительный промежуток времени', *пла́кать го́лосом* 'голосить по покойнику'.

Обряды

Остановимся подробнее на реликтах архаического сознания носителей диалектов. У старшего, отчасти и среднего поколения, живы представления о возможности колдуна навести порчу: *сде́лать* 'навести порчу': *сде́лали на пироге*, от сглаза начинали зевать и слабеть; *отде́лать* 'снять порчу', молитву от сглаза читали *на соль* (*заговоры на соль*), а потом этой солью приправляли пищу. *Кто старший в семье или самый младший, могли заговаривать грыжу.*

Люди, которые наводили или снимали порчу назывались *колдунами* (*колдунье̊*). Отмечено выражение *поко́н колдуно́в* 'род, поколение'. Чтобы защититься от действия колдунов *во двор пиха́ли осиновые поле́шки*.

Фразеологизмы, встретившиеся в потоке речи: *На́ нос грязь не ва́лится. Не спотыка́юсь об грязь! По́тчевать мо́жно, нево́лить грех. Ходи́ть дубо́м* 'во весь рост'. *Ес*(т)*ь не наля́чь*! 'невозможно заставить есть'.

Литература

Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960. 372 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Ареальный портрет муромских говоров // Труды Института русского языка им.В. В.Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. — С. 221–239.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Названия орудия для ручной молотьбы и его деревянных частей // Восточнославянские изоглоссы . Вып. 4 М., 2006. — С.146–160.

Галинская Е. А. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.

Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2016. 416 с.

Дьяченко С. В., Букринская И. А., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году. РЯНО. 2015. № 2 (30), С. 217–244.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. — 872 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. 166 с.

Клепикова Г. П. Названия укладок снопов (в поле) // Восточнославянские изоглоссы. Вып.4. М., 2006. — С. 161–171.

Куркина Л. В. К проблеме омонимии в славянской лексике (на материале слав. **tuliti*/**tulati* 'бродить' и **tuliti* 'прижимать, укрывать' // Славянское слово во времени и пространстве. М.: Индрик, 2021. — С.48–54.

Майоров А.П. Регионализмы и диалектные слова в русском языке XVIII века // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М., 2015 — С. 154–156.

Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Селигеро-торжковский говор деревни Лужниково и ее окрестностей // РЯНО 2020. №2 (40), С. 227–291.

Мораховская О.Н. Крестьянский двор.История названий усадебных участков. М.: Наука. 1996.– 200 с.

Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов.М.; СПб.: Нестор-История. 2019. — 1064 с.

Николаев С.Л. Ударение формы l-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на согласный // Восточнославянские изоглоссы 1995. — Наука.1995. С. 12–14.

Трубачев О.Н. Из лексических комментариев к поискам прародины славян // Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. — С.453–460.

Irina A. Bukrinskaya*, *Olga E.Karmakova
Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

ON THE FUNCTIONING OF DIALECT LEXICS IN WESTERN RUSSIAN DIALECTS

The authors analyze the lexical material of modern Western Central Russian dialects collected in the expeditions of 2018–2019. (Vyshnevolotsky district, Tver region). Russian Dialectological Atlas maps and Lexical Atlas of Russian dialects are used to provide a linguistic and geographical interpretation of the studied idioms. According to the authors, lexical differences are important elements in the classification of dialects and serve as diagnostic characteristics. As follows from the proposed material, the Vyshnevolotsk dialects, despite their geographical location in the center of the European part of Russia, are in good preservation at all language levels. Most of the observed phenomena characterize the north-western dialect zone. The border of their distribution largely coincides with the border of the Novgorod feudal republic of the middle of the XIV century, which included the Vyshnevolotsk and Torzhok lands, unlike other Tver ones.

Key words: modern Tver dialects, linguogeography, dialect lexics, isoglosses of Western dialects, dialect zones

References

Bevzenko S. P. Istorichna morfologiya ukraïns'koï movi. [The historical grammar of the Ukrainian language].Uzhgorod. 1960. 372 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Areal description of Murom dialects] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. XII. Dialektologiya. — Moscow., 2017, pp. 221–239. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Names of the tool for manual threshing and its wooden parts] // Vostochnoslavyanskie izoglossy. Vyp. 4 [East Slavic isoglosses. Vol. 4]. Moscow, 2006, pp.146–160. (In Russ.)

Galinskaya E. A. [Towards the history of syncretic nominal forms in the North-Eastern dialects of Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1991, no 5, pp. 28–36. (In Russ.)

Galinskaya E. A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya [The historical grammar of the Russian language. Phonetics. Morphology]. Moscow, 2016. 416 p. (In Russ.)

D'yachenko S. V., Bukrinskaya I. A., Isaev I. I., Karmakova O. E., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. [Report on the expeditions of the Department of Dialectology and Linguogeography in 2014 (Institute of Russian Language)] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* . 2015. № 2 (30), pp. 217–244. (In Russ.)

Dyyalektalogichny atlas belaruskai movy. [Dialectological atlas of the Belarusian language]. Minsk, 1963. (In Bel.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. [The Ancient Novgorod dialect], Moscow, 2004. 872 p. (In Russ.)

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka*. [Dialect Division of the Russian language]. Moscow, 1970. 166 p. (In Russ.)

Klepikova G. P. [The name of the sheaf stacks in the field] // Vostochnoslavyanskie izoglossy. Vyp.4. [East Slavic isoglosses. Vol. 4]. Moscow, 2006. — pp.161–171. (In Russ.)

Kurkina L. V. [On the problem of homonymy in the Slavic vocabulary (based on the material of Slav. * tuliti/ * tulati 'to wander' and *tuliti 'to press, to hide] // *Slavyanskoe slovo vo vremeni i prostranstve*. [Slavic word in time and space]. Moscow, 2021, pp.48–54. (In Russ.)

Maiorov A. P. [Regionalisms and dialect words in the Russian language of the XVIII century] // *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 26–28 oktyabrya 2018 g*. [Actual problems of Russian dialectology. Proceedings of the international conference on October 26–28], Moscow, 2015, pp. 154–156. (In Russ.)

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. [Seligero-Torzhkovsky dialect of the village of Luzhnikovo and its surroundings] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2020. № 2 (40), pp. 227–291. (In Russ.)

Morakhovskaya O. N. *Krest'yanskii dvor.Istoriya nazvanii usadebnykh uchastkov*. [A peasant's yard. History of the names of manor plots].Moscow, Nauka Pub. 1996. 200 p. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkii dialektnyi ehtimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov*. [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions.] Moscow; SPb.: Nechstor-Istoriya. 2019. 1064 p. (In Russ.)

Nikolaev S. L. [The stress of the *l*-participle form of the feminine singular from verbs of the mobile accent paradigm from monosyllabic bases to a consonant] // Vostochnoslavyanskie izoglossy 1995 [East Slavic isoglosses 1995]. Moscow. Nauka Pub. 1995, pp. 12–14. (In Russ.)

Trubachev O. N. [From lexical comments on the search for the ancestral homeland of the Slavs] // *Ehtnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya.* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research. Iz leksicheskikh kommentariev k poiskam prarodiny slavyan] // M., 2002, pp.453–460. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Е. А. Галинская
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ НОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА С КОНЦА XVI ДО СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

В статье рассматриваются некоторые языковые особенности новгородского диалекта конца XVI в., видоизменившиеся или нивелировавшиеся за последующие четыре столетия. Основным источником для исследования послужила «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. (РГАДА, фонд 1144, опись 1, №№ 1, 4), материал которой сравнивается с картами ДАРЯ, а в некоторых случаях с диалектологическими записями конца XIX — начала XX в. и с данными новгородских рукописных текстов делового содержания первой половины XVII в.

1. По крайней мере до второй половины XVII в. устойчивым рефлексом **е* в ударных слогах был звук [и], с середины XIX в. эта особенность стала нивелироваться, так что к середине XX в. в новгородских говорах на месте **е* звучит преимущественно [е]. 2. Неполное оканье зародилось в новгородских говорах в первой половине XVII в., причем во втором и последующих предударных слогах процесс шел медленно, а в заударных слогах более активно. 3. В конце XVI в. фонема /в/ реализовалась в слабых позициях как звуком [w] (*[ў]), так и глухим шумным [ф]. В первой половине XVII в. остается лишь шумная реализация, что сохраняется в дальнейшем. 4. Предлог ув имевшийся в конце XVI в., в первой половине XVII в. употребляется меньше и впоследствии из новгородских говоров исчезает. 5. В конце XVI в. сосуществовали два типа падежного синкретизма в единственном числе слов **ā*-склонения: Р.-Д.-М. с окончанием -ѣ и Р.-Д.-М. с окончанием *-ы/-и*. В современных новгородских говорах присутствует лишь второй тип, который победил в них к началу XVIII в.

Ключевые слова: русская историческая лингвогеография, новгородские говоры, рефлексы **е*, неполное оканье, реализации фонемы /в/, предлог *ув*, падежный синкретизм.

Исследования А. А. Зализняка показали, что в Новгородской земле XI–XV веков существовали **древнепсковский** диалект (совокупность местных говоров

Псковской земли и, возможно, смежных с ней частей Шелонской и Водской новгородских пятин[1]), **совокупность восточноновгородских говоров** и диалект самого Новгорода и непосредственно прилегающих к нему районов, то есть **древненовгородский диалект в узком смысле слова**. При этом древнепсковский диалект и древненовгородский диалект в узком смысле слова составляли единство, которое А. А. Зализняк обозначил как древний новгородско-псковский диалект, делившийся соответственно на два поддиалекта [Зализняк 2004: 5–6].

Предки носителей древнего новгородско-псковского диалекта в какой-то момент явно оказались обособленными от остальных праславян, о чем свидетельствуют черты, которые отличают этот диалект от всех других славянских языков:

1) отсутствие свистящих эффектов II палатализации (ср.: **а ꙁамъке кѣле а двьри кѣлѣ** ‘а замок цел и двери целы’ *Новг. бер. гр. № 247, XI в.,* **на Нѣжькѣ** *Новг. бер. гр. № 526, втор. треть XI в.,* **к Лоуꙗкѣ** *Новг. бер. гр. № 156, сер. XII в.*) [Там же: 41–45];

2) отсутствие эффектов 3-й палатализации для **х* (ср.: **вхого** *Новг. бер. гр. № 211, сер. XIII в.,* **со вхими** *Новг. бер. гр. № 492, втор пол. XIV в.,* **вхоу** *Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г.*) [Там же: 45–47];

3) окончание **-е** в И.п. ед. ч. тв. вар. **ŏ*-склонения (ср.: **ꙁамъке** *Новг. бер. гр. № 247, сер. XI в.,* **погосте** *Новг. бер. гр. № 834, сер. XII в.,* **кожюхе** *Новг. бер. гр. № 141, посл. треть XIII в.*) [Там же: 99–102];

4) синкретизм родительного дательного и местного падежей в единственном числе **ā* -склонения: в древненовгородском диалекте в узком смысле слова имелось окончание **-ѣ** и в твердом, и в мягком вариантах (типа Р.-Д.-М. **рꙋкѣ**, **ꙁемлѣ**) [Там же: 96], а для древнепсковского диалекта восстанавливается флексия **-ѣ** в твердом варианте и флексия **-и** в мягком варианте (типа Р.-Д.-М. **рꙋкѣ**, **ꙁемли**) [Зализняк 1993: 214–216].

После того как носители будущего новгородско-псковского диалекта переселились с прародины на нынешний русский северо-запад, их говор развивался во многом не так, как диалекты других племен, обосновавшихся на восточнославянской территории, так что в древнейшую письменную эпоху он отличался от остальных восточнославянских диалектов рядом фонетических и морфологических особенностей, которых насчитывается более 25, что является весьма значительным числом для раннего периода. Ср. таблицу, составленную по материалам книги [Зализняк 2004]:

Древний новгородско-псковский диалект	**Остальные восточнославянские диалекты**
Фонетика	
Отсутствие эффектов II палатализации	Наличие эффектов II палатализации
Местоимение *въхъ* с отсутствием эффекта III палатализации	Местоимение *вьсь* с наличием эффекта III палатализации
*tl, *dl > [kl], [gl]	*tl, *dl > [l]
*zgj, *zdj, *skj, *stj > [ž’g’], [š’k’]	*zgj, *zdj, *skj, *stj > [ž’ď’ž’], [š’ť’š’]

[1] О новгородских пятинах см. [Неволин 1853].

Древний новгородско-псковский диалект	Остальные восточнославянские диалекты
[вл’] > [л’] (ср. **цереленаѧ** «червленые» *Новг. бер. гр. № 439, рубеж XII/XIII вв.*)	–
[мл’] > [н’] (ср. **енюци** *Новг. бер. гр. №* 227 *вт. пол. XII в.*, **докни** *Новг. бер. гр. №* 437, *рубеж XII/XIII вв.*)	–
Именное склонение	
Р. ед. **ā*-склонения тв. вар.: ок. **-ѣ**	Р. ед. **ā*-склонения тв. вар.: ок. **-ы**
Р. ед. **ā*-склонения мягк. вар.: ок. **-и** (древнепсковский диалект)	Р. ед. **ā*-склонения мягк. вар.: ок. **-ѣ**
Д.-М. ед. **ā*-склонения мягк. вар.: ок. **-ѣ** (древненовгородский диалект в узком смысле слова)	Д.-М. ед. **ā*-склонения мягк. вар.: ок.-**и**
И.-В. мн. **ā*-склонения тв. вар.: ок. **-ѣ**	И.-В. мн. **ā*-склонения тв. вар.: ок. **-ы**
И. ед. муж. **ŏ*-склонения тв. вар.: ок. **-е** (сущ., кр. прил., прич. на *-л-* и на *-н-*, неличн. мест.)	И. ед. муж. **ŏ*-склонения тв. вар.: ок. **-ъ**
М. ед. **ŏ*-склонения мягк. вар.: ок. **-ѣ**	М. ед. **ŏ*-склонения мягк. вар.: ок. **-и**
И. мн. муж. **ŏ*-склонения: ок. **-ѣ**	И. мн. муж**ŏ*-склонения: ок. **-и**
В. мн. муж. тв. вар. **ŏ*-склонения: ок. **-ѣ**	В. мн. муж. тв. вар. **ŏ*-склонения: ок. **-ы**
И.-В. дв. ср. **ŏ*-склонения: ок. **-а**	И.-В. дв. ср. **ŏ*-склонения: ок. **-ѣ**
Адъективное склонение	
И. ед. муж. тв. вар.: ок. **-еи**	И. ед. муж. тв. вар.: ок. **-ъjь**
Р. ед. муж. и ср.: ок. **-аго**	Р. ед. муж. и ср.: ок. **-ого**
Д. ед. муж.: ок. (**-уму**?), **-аму**	Д. ед. муж.: ок. **-ому**
М. ед. муж. и ср. тв. вар.: ок. **-ѣмь**	М. ед. муж. и ср. тв. вар.: ок. **-омь**
Р. ед. жен.: ок. **-ѣѣ**, **-ѣи**	Р. ед. жен.: ок. **-ыѣ**, **-оѣ**
Д.-М. ед. жен. тв. вар.: ок. **-ѣи**	Д.-М. ед. жен. тв. вар.: ок. **-ои**
И.-В. мн. жен.: ок. **-ѣѣ**	И.-В. мн. жен.: ок. **-ыѣ**
Местоименное склонение	
Р. ед. муж. и ср.: ок. **-ога**	Р. ед. муж. и ср.: ок. **-ого**
Тв. вар. Т. ед. муж. и ср., Р-М. дв., Р., М., Т. мн.: **-и** в окончании	Тв. вар. Т. ед. муж. и ср., Р-М. дв., Р., М., Т. мн.: **-ѣ** в окончании
Глагол	
Императив мн. ч. глаголов I-II кл.: суф. **-и-**	Императив мн. ч. глаголов I-II кл.: суф. **-ѣ-**
Действ. прич. наст. вр. от гл. I и II кл., И.п. ед. ч. муж. и ср. р.: ок. **-’а** (**несѧ**)	Действ. прич. наст. вр. от гл. I и II кл., И.п. ед. ч. муж. и ср. р.: ок. **-а** (**неса**)

Таким образом, в раннедревнерусский период восточнославянское диалектное членение было таким: северо-западные новгородско-псковские говоры противопоставлялись всем остальным. При этом все восточнославянские диалекты стали переживать общие процессы, например одинаковое прояснение сильных редуцированных вне сочетаний с плавными и не перед [j].

В период существования древненовгородского государства происходило взаимодействие западных новгородских говоров с восточными как результат контакта их носителей, и, если бы это государство сохранило самостоятельность, мог сформироваться особый восточнославянский язык [Зализняк 2004: 7]. Но в позднедревнерусский период в связи с контактами новгородско-псковской земли с центральными княжествами некоторые языковые особенности стали расшатываться, что заметно, например, в постепенной экспансии стандартных русских окончаний

в именное и адъективное новгородское склонение, а в XV веке произошло покорение Новгорода (1475 г.), в начале XVI века — Пскова (1510 г.). И древненовгородский и древнепсковский диалекты подчинились по политическим причинам конвергентному процессу в пределах русского государства. После покорения Новгорода во многом изменился состав населения, в новгородской земле появились в довольно больших количествах носители центральных говоров. Так, в 1480 г. 8000 семей были переселены в московские города, а имения их отобраны, причем на их место были перемещены москвичи [Новгород Великий (история) 1897: 247]. В итоге новгородский диалект утратил многие свои древнейшие специфические особенности и стал развиваться как один из великорусских говоров, сочетая некоторые сохранившиеся особенности с новыми.

Новгородский диалект нового типа хорошо документирован письменными памятниками делового содержания начиная с конца XVI века. Одним из таких памятников являются хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов уникальные рукописи, которые содержат крепостные записи на холопов — записные книги старых и новых крепостей, которые велись в Новгороде с 1 декабря 1597 г. по 31 января 1598 г.: «Книга записная кабалам на холопей» (РГАДА, фонд 1144, опись 1, №1, 201 л., записи конца XVI века занимают листы 1–141), далее — **К1** и «Книга кабальная записей на разных лиц» (РГАДА, фонд 1144, опись 1, №4, 230 лл.), далее — **К4**. На самом деле исходно это была одна рукопись, но еще в конце XIX в., когда она находилась в Московском архиве Министерства юстиции, документ был разделен и оформлен по отдельным переплетам. Рукопись К4 в 1898 г. была опубликована под названием «Записная книга крепостным актам XV-XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву» [Русская историческая библиотека, 1898: 1–214 третьей пагинации], так что название «Записная книга» закрепилось и, видимо, поэтому обе рукописи на сайте РГАДА называются одинаково: «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву». В записной книге (далее — **ЗК**) насчитывается 9 почерков, причем есть такие, которые присутствуют и в рукописи №1, и в рукописи №4.

ЗК отражает достаточно много интересных фонетических и грамматических особенностей, но далее речь пойдет только о тех из них, которые впоследствии видоизменились или нивелировались. Сравнение будет проводиться с картами Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ I] и [ДАРЯ II], материалы для которого собирались в середине XX в., а в некоторых случаях с диалектологическими записями конца XIX — начала XX века и с данными новгородских рукописных текстов делового содержания первой половины XVII века. Материал источников будет даваться в упрощенном написании: омофоничные буквы **я**, **ѧ**, **ꙗ** передаются буквой **я**, **о** и **ѡ** — буквой **о**, **з** и **ѕ** — буквой **з**, **і** десятеричное — восьмеричным **и**, **ѳ** — буквой **ф**.

Как и другие рукописи новгородского происхождения конца XVI века, ЗК отражает результаты изменения этимологического **ě* в [и] под ударением во всех положениях в слове: перед твердыми и перед мягкими согласными, а также

в абсолютном конце слова. Эта черта унаследована от древненовгородского диалекта. Примеры многочисленны, так что далее будут приведены не все из них.

Замена **ѣ** на **и** перед твердыми согласными

бигае^{т} К1–76, *ди*^{в}*ка* К1–98, *у дида* К1–114 об., *крипо*^{с}*ти* К1–5 об., К4–227 об., *Кра*^{с}*нослипова* (Р.п.) К4–226 об., *Ме*^{д}*видевъ с҃нъ* К1–2, *надилу* (Р.п.) К1–88 об., *намистника* (Р.п.) К4–224, *с…нимкою* (=немой) К1–99, *челови*^{к} К1–125, *во вси*^{х} К1–91, *вели*^{д} К1–110 об., *згорила* К1–43 об., и т. д.

Замена **ѣ** на **и** перед мягкими согласными

^{ди}*ти* К1–3, *дити* (исправлено на *детеи*) К4–226, *жена*^{т} *… на Луки*^{р}*и* К1–28, *о*^{т} *… намистьника* К1–76 об., *влади*^{т} К4–191 об., *в обии*^{х} *кабала*^{х} К1–104 об., *не умие*^{т} К4–3 и т. д.

Замена **ѣ** на **и** в конце слова

дви К1–22 об., *жени* (Д.п.) К4–160 об., *в су*^{ди} К4–182 об., *соби* К4–212, *во двори* К4–212 и т. д.

Есть и случаи обратной (гиперкорректной) замены **и** на **ѣ**, например: *о*^{т} *здвѣже*^{н}*я ч*^{с}*тна*^{г} *кр*^{с}*та* К1–130 об., *в пятѣ ру*^{б}*лехъ* К1–101 об., *на нѣ*^{х} К1–2 об., *Орѣнку* К1–82, *Дмѣтре*^{и} К1–90, *бѣти челомъ* К1–108 об., *з де*^{т}*мѣ* К1–90 об., К4–147 об., *того* ^{ж} *днѣ* К1–98 об., *о*^{ч}*мѣ* (Т. п.) К1–127 об. и т. д.

Такая же картина наблюдается в текстах первой половины XVII в., то есть по крайней мере до середины этого столетия устойчивым рефлексом **е* в слоге под ударением был звук [и].

В современных же новгородских говорах уже почти не обнаруживается случаев произношения [и] на месте **е*: перед мягкими согласными звучит [е] [см. ДАРЯ I, карта 41], а перед твердыми — в основном [е], и только в некоторых населенных пунктах в окрестностях Новгорода (к северу и северо-западу от озера Ильмень) в этой позиции произносится [и] [см. ДАРЯ I, карта 40]. Если обратиться к записям новгородских говоров конца XIX — начала XX века, то выяснится, что ситуация была примерно такой же, как и в середине XX века. В говорах к западу от озера Ильмень на месте **е* звучал [и] [Соловьев 1904: 4, Каринский 1898: 96]; к востоку же от озера Ильмень, на правой стороне Волхова, рефлексом **е* был гласный [е], причем В. Ф. Соловьев, говоря об этом, добавляет, что такой же была ситуация и 50 лет назад (то есть в середине XIX века) [см.: Соловьев 1904: 4–5]. Впрочем, возможно, что распространенность [и] на месте **е* в интересующем нас регионе сто лет назад была большей, чем сейчас, ведь влияние литературного языка на современные говоры становится все сильнее и сильнее.

Изменения, которые можно проследить на диахронической оси, произошли в течение последних четырех столетий и в области безударного вокализма.

Современные новгородские говоры относятся к неполно окающим, хотя наряду с неполным оканьем есть территории, где фиксируется полное оканье [ДАРЯ I, карты 9, 11]. В ЗК во втором предударном слоге наблюдается этимологически верное употребление букв **а** и **о**, что, строго говоря, могло бы просто свидетельствовать о выучке писцов, если бы те же самые писцы не отражали достаточно свободно свою фонетику в случае, например, с рефлексами **е*. Но на самом деле в данном

случае орфография не противоречила произношению, поскольку аканье во втором предударном слоге еще распространено не было, что доказывается показательным случаем правильного написания буквы **о** в позиции, где под влиянием акающего произношения в русской орфографии (в том числе современной) закрепилась буква **а**: *на Ростегая* (прозвище) К1–71. Не менее показательна орфографическая передача встречающихся в большом количестве имен греческого происхождения и их производных с буквой **о**, которая соответствует их древнерусскому произношению, например, *Олексѣи* К4–137 об., *за Офоромѣико*^{м} К4–113, *Огрофѣна* К4–54 и мн. др., хотя встречаются и написания с **а**, например: *Але*^{к}*сѣе*^{ц} К1–3, *на ... Але*^{к}*сиева сн҃а* К4–20, что может быть объяснено влиянием книжной орфографии. Кроме того, есть следующие примеры, казалось бы, противоречащие предположению о различении [а] и [о] во втором предударном слоге: *на*^{в}*горо*^{т}*ца* (В.п.) К1–89, *наугоро*^{д}*ца* (В.п.) К4–146 об., *о*^{т} *намѣстнѣка наугоро*^{д}*цково* К4–146 об., *на*^{в}*горо*^{ц}*кими де*^{ц}*гами* К4–160 об., *для наугоро*^{ц}*ки*^{х} *намѣстнико*^{в} К4–202 об. и т. д. Но эти случаи непоказательны, поскольку написания слов «новгородец», «новгородский» и их производных с буквой **а** уже давно были обнаружены в памятниках письменности северного происхождения, которые не отражают аканья вообще, см. [Владимиров 1878: 13]. И, наконец, есть следующий случай написания **а** вместо **о** во втором предударном слоге: *акътября* (Р.п.) К4–14 об. По-видимому, его можно объяснить межслоговой ассимиляцией гласных, известной на русском Севере.

В новгородских рукописях первой половины XVII века (в челобитных грамотах и хозяйственных книгах) есть уже надежные примеры замены **о** на **а**, но их очень мало при том, что объем исследованных текстов в два раза превышает объем ЗК (720 лл. против 371 л.) и эти тексты разнообразнее по содержанию, чем ЗК: *в Паозе*^{р}*(ь)е* Новг.1, л. 70[2], *ка г(о)*^{с}*(у)д(а)ри* Новг. 6, л. 2, <в пустоши> *Навоселица*^{х} Новг. 9, дело 5, л. 1 (2 р.). Есть и два не слишком убедительных примера, где **а** пишется перед **а** следующего слога, что может быть результатом описки (предуведомление буквы следующего слога) или отражением межслоговой ассимиляции гласных: <пустошь> *Рагачова* Новг. 7, л. 218, <пустошь> *Лашаково* Новг. 3, л. 186.

Сходная картина наблюдалась и в начале XX века, когда, судя по описанию новгородского диалекта, которое осуществил В. Ф. Соловьев, неполное оканье в предударных слогах все еще находилось в стадии зарождения. Так, он приводит обычные для говора случаи типа *Олексѣи, Олександръ, Опросинья, Омельян*, но замечает, что в двух деревнях он наблюдал редкие случаи замены [о] на [а], например *аномель* / *аномнясь* (намедни), *аногдась* [Соловьев 1904: 5]. В селе Спасо-Пископицы Новгродского уезда при [о], например, в слове *робота́ть* отмечено *онометь* (недавно) и *анометь*, *оржано́й* и *аржано́й* [Шахматов 1896: 23]. Таким образом, достаточно регулярное неразличение [а] и [о] во втором предударном слоге — это особенность, которой примерно 100 лет.

В заударных слогах неразличение [а] и [о], которое сейчас присутствует во многих новгородских говорах, например на большой территории к востоку от озера

[2] Список источников с расшифровкой сокращений см. в конце статьи.

Ильмень (впрочем, часто в сосуществовании с полным оканьем в заударных слогах) [ДАРЯ I, карты 17, 18, 19], имеет другую динамику развития, чем во втором предударном слоге. В ЗК нет указаний на развитие неполного оканья, поскольку все имеющиеся в рукописи случаи замены **о** на **а** могут быть так или иначе объяснены:

Примеры *Тиха*^{н} (2 р.) К1–62 об., 63, *у Тихана* К4–156, *Тиха*^{н}*ко* К1–65, *Симанова* (Р.п.) К4–8, *Сима*^{н}*ка* (В.п.) К4–121, *Симанова* (Р.п.) К4–8, *Конано*^{в} *сн҃ъ* К4–114 — объясняются характерной еще для древненовгородского диалекта заменой **о** на **а** внутри христианских имен, о которой писал А. А. Зализняк [Зализняк 2004: 205].

В написании *апостала* (Р.п.) К4–6 можно предположить описку (предуведомление буквы следующего слога) или межслоговую ассимиляцию гласных.

А вот в деловых текстах первой половины XVII века некоторое количество случаев замены **о** на **а** уже обнаруживается, причем примеров больше, чем во втором предударном слоге:

з де^{в}*каю* Новг. 5, дело 19, л. 4, *выслугаю* Новг. 4, дело 7, л. 1, *Но*^{в}*гаро*^{д} Новг. 5, дело 17, л. 1, *Ворано*^{в} Новг. 5, дело 2, л. 8, *на прожита*^{к} Новг. 6, л. 246, *с сыни*^{ш}*ка*^{м} *и* ^{з} *дочери*^{ш}*камъ* (Т. ед.) Новг. 4, дело 7, л. 1, *в тово хлѣба мѣста* Новг. 2, л. 70, *Микиткина поместье* Новг. 7, л. 6. Учитывая чистый характер этих примеров, можно добавить и те, где замена **о** на **а** происходит в соседстве с буквой **а**, так как на фоне приведенных выше написаний они тоже могут быть сочтены отражающими неполное оканье, а не описками или результатом межслоговой ассимиляции гласных: *и*^{з} *Новагорада* Новг. 6, л. 148, *полутара годы* Новг. 47, л. 100, *жалава*^{н}*(ь)я* (Р. ед.) Новг. 5, дело 3, листы не пронумерованы, *прикащикава жи*^{т}*ница* Новг. 5, дело 40, л. 10.

Следовательно, неполное оканье стало зарождаться в новгородских говорах в первой половине XVII века, причем во втором и последующих предударных слогах процесс шел медленно, а в заударных слогах более активно.

Существенные изменения произошли на протяжении последних четырех веков и в области реализации фонемы /в/. Новгородские берестяные грамоты демонстрируют произношение *[w]* (*[ў]*) *в соответствии с /в/ в слабых позициях: оу неи 449 (посл. четв. XII в.), оузѧти 534 (XIII в.) и др., но замена* ***в*** *на* ***оу*** *есть только в начале слова. В ЗК нет случаев мены букв* ***в*** *и* ***у*** *в этой позиции, но имеются пропуски* ***в****, которые могут косвенно служить указанием на билабиальный характер реализации /в/: кабала … на якуша васи*^{п}*ева тре*^{х} *рубле*^{х} К1–105 об., *гонялися за тѣми е*^{г} *бѣ*^{г}*//лыми лю*^{д}*ми погоню* К4–6 об.//6. То же наблюдается и в середине фонетического слова перед согласным: *не спомня*^{т} К4–147, *а холо*^{п}*стве де у ни*^{х} *ро*^{ди}*лися* К1–2, *да кабалѣ ж написано* К4–10 об., *и кабала*^{х} *написано* К1–106 об. Но есть и абсолютно надежные примеры, указывающие на произношение *[w] или [ў] в середине слова перед согласным: Маурица* К4–212 об., *Маурицу* К4–212, с *Маурицею* К4–204. Это имя *Маврица*, поскольку в той же кабальной записи два раза встречено его орфографически правильное написание: *Маврица* К4–212 об., *Ма*^{в}*рица* К4–213. *Следует заметить, что передача реализации фонемы /в/ буквой* ***у*** *в середине слова перед буквой согласного уникальна, так как в памятниках древнерусской и старорусской письменности подобное орфографическое явление практически не встречается. Исключение составляет написание слов «новгородец», «новгородский»*

с буквой ***у*** *на месте* ***в****, которое фиксируется во многих рукописных источниках XVI–XVII веков разной локализации, в том числе в московских документах, см. [Галинская 2002: 29]. А. А. Гиппиус предположил, что* в позднедревнерусский период в говорах, развивших [в] губно-зубное, билабиальное [w] могло сохраняться именно в словах «новгородец», «новгородский» [Гиппиус 1996: 164–165]. *Подобные примеры имеются и в ЗК: ноугоро*д*ца (В.п.) К4–38 об., 134, 142, 211 об., 215 об., наугоро*д*ца* (В.п.) К4–146 об., *е*г *жену ноугоро*т*ку Марину* К4–84, *рубль ноугоро*ц*кои* К4–140 об., *ноугороцкого намѣстнѣка* (Р.п.) К4–140 об. и т. д. Есть и написания с **ѡ**: *рубль наѡгоро*т*цко*и К4–21 об. и с **ѡ**в: *наѡ*в*гор*т*ца* (В.п.) К4–21. Примечательно, что в конце XIX века в говорах пограничных районов Крестецкого и Тихвинского уездов Новгородской губернии, где так же, как и сейчас, [w] перед согласным уже не звучал, отмечено произношение *ноугоро?цкой* [Соболевский 1897: 35], так что возможно, что в словах «новгородец», «новгородка», «новгородский» произносился даже не [w] (*[ў]*), а гласный полного образования.

Наряду с отражением позиционного *[w]* (*[ў]*) в ЗК есть недвусмысленные свидетельства того, что фонема /в/ в начале и середине фонетического слова перед глухим согласным могла реализоваться также и в звуке [ф]: *у Фторого* (имя собственное) К1–96, 96 об. (2 р.), *у Фторо*г К1–97 (2 р.), *Фторому* К1–97 об., *лѣта ѣ҃з сто фтораго* К1–97, *Витофтова* (Р.п.) К4–121 об. (производное от русского варианта литовского имени *Vytautas — Витовт). Это значит, что в конце XVI века шел процесс вытеснения позиционного [w]* (*[ў]*) *позиционным [ф].*

Современные новгородские говоры уже не знают произношения *[w]* (*[ў]*), *им* свойственна реализация фонемы /в/ звонким губно-зубным [в] в сильных позициях и звуком [ф] — в позициях оглушения [ДАРЯ I, карты 56, 57, 58]. Нет указаний на произношение *[w]* (*[ў]*) *и в описаниях новгородских говоров конца XIX — начала XX века; в рукописях первой половины XVII века его отражение тоже не обнаруживается, в них отражено лишь позиционное [ф]*, например: *ф прошло*м Новг. 4, дело 12, л. 4, *во сто два*т*ца*т *фторо*м *году* Новг. 8, л. 285, *Сафка* Новг. 7, л.16. Следовательно, устранение *[w]* (*[ў]*) *и окончательное укрепление позиционного [ф] произошло на протяжении первой половины XVII века.*

В говорах западной части южнорусского наречия и на юге Псковской группы сейчас *распространен предлог ув (ув отца, ув уха), тогда как современные новгородские говоры его не знают* [ДАРЯ I, карта 59]. Генетически этот предлог связан с [w] губно-губным, поскольку он, по-видимому, появился, когда в соответствии с [в] в начале фонетического слова возникло произношение [у] полного образования, см., напр. [Соболевский 1907: 123, Шахматов 1915: 290–291, Образование…1970: 37], которое, в свою очередь, становится возможным там, где звонкий губной спирант имеет билабиальный характер [см.: Образование…1970: 35]. Поэтому неудивительно, что в новгородском диалекте конца XVI века, еще знавшем позиционное [w] (*[ў]), предлог ув присутствовал, о чем свидетельствуют многочисленные случаи его употребления*. В основном он встречается перед гласным [о] и в одном случае — перед [а] в заимствованном имени собственном. Ср. некоторые примеры: *ув отца* К4–229, *ув о*т*ца* К1–41об., *ув о*т*писе* К1–33, *ув отписи* К1–33, *ув*

обию^{х} К4–212 об., *ув Обо*^{л}*нянинова* К4–169, *ув О*^{в}*до*^{т}*и* К1–17 об., *ув Оди*^{н}*цова* К4–229 об., *ув Ододурова* К4–158, 221, *ув Озжогина* К4–159, *ув Оле*^{к}*сия* К4–28 об., *ув Оле*^{к}*сѣя* К4–229 об., *ув Олексѣика* К1–89 об., *ув О*^{н}*дрѣя* К1–117, *ув О*^{н}*дрѣева* <человека> К1–117 об., *ув О*^{н}*дрѣевы дочери* К4–152, *ув О*^{н}*дрѣяна* К4–17 об., *ув Ори*^{н}*ки* К1–57, *ув Оста*^{ш}*ки* К4–204, *ув Осипа* К1–133, *ув Офона*^{с}*я* К4–105, *ув А*^{х}*мета* К1–23, К1–23 об. Примечательно, что в новгородских рукописях первой половины XVII в. предлог *ув* отражается крайне ограниченно, и это свидетельствует о начавшейся в этот период тенденции к его исчезновению, что может быть связано с экспансией реализации /в/ как [ф] в том числе в качестве предлога перед глухими согласными.

Из области морфологических явлений представляет интерес судьба падежного синкретизма в единственном числе **ā*-склонения. В древненовгородском диалекте в узком смысле слова, как было сказано выше, присутствовал синкретизм родительного дательного и местного падежей и общей флексией при твердых и мягких основах был *-ѣ*. В современных новгородских говорах также наблюдается синкретизм тех же падежных форм, но с окончанием *-ы/-и* (Р.-Д.-П. *воды*, *земли*) [ДАРЯ II карты 1, 2]. Процесс смены падежного синкретизма шел постепенно, что свидетельствуется новгородскими памятниками письменности разных веков, см. [Галинская 1991], при этом была эпоха, когда оба типа падежного синкретизма сосуществовали примерно в равных количествах, и конец XVI века принадлежит как раз этой эпохе. В ЗК можно наблюдать указанную ситуацию на примере существительных и именных форм притяжательных прилагательных. Здесь не будут приводиться нормативные формы дательного и местного падежей с окончанием *-ѣ* и родительного падежа с окончанием *-ы/-и*, поскольку они неинформативны для выявления типа падежного синкретизма. Продемонстрируем только наличие форм родительного падежа на *-ѣ* и форм дательного и местного падежей на *-ы/-и*. Правда, в некоторых примерах пишется не **ѣ**, а **е** в связи с орфографической заменой **ѣ** на **е**, которая в ЗК регулярна в безударных позициях, а под ударением встречается спорадически. Иногда в окончаниях родительного падежа на месте диалектной флексии *-ѣ* пишется буква **и**, но это связано с описанным выше переходом **ě* в [и] во всех позициях под ударением и в том числе в конце слова. Далее приводятся примеры диалектных флексий обоих типов.

Родительный падеж

Окончание *-ě: *у кабалѣ* К1–95 и др., *у кабали* 85 об., *у каба*^{ли} К4–229 об., *и* <у> *кабали* К4–226 об., 227, *у Ивановѣ дочери* К1–100 об., *з Боркове улицы* К1–128 об., *у данои* <…> *руки Миките* <…> *да Ждана* К4–174.

Дательный падеж

Окончание -ы/и: *грамоты не умѣетъ* К4–188, *да*^{л} *своеи сестры* К1–125, *дали* <...> *сестры своеи* К4–18 об., *да*^{л} *сестры своеи* К4–217, *зятю* <...> *да сестры* К4–173 об., *зятю* ^{ж} <...> *и сестры* К4–217, *доста*^{л}*ся Дружины* К4–16 об., *да*^{л} <…> *Микиты* К4–213, *выда*^{л} *И*^{л}*и* (т. е. Илье) К4–124.

Местный падеж

Окончание -ы: *в кабалы* К1–1 и др. (регулярно), *в тои* ^{ж} *кабалы* К1–118, *на кабалы* К4–143 об., *на другои жены* К1–114 об., *в жены* К4–195 об., *на* <...>

Игнашовы дочери 36 об., *на* <...> *Яковлевы дочери* К4–136, *на* <...> *Федоровы дочери* К4–136 об.

Как показал А. Л. Мирецкий, в новгородском диалекте на протяжении XVII века в склонении существительных с основой на твердый согласный происходила борьба между двумя типами падежного синкретизма, которая сводилась к постепенному вытеснению форм на *-ѣ* и все большему распространению форм на *-ы* (после заднеязычных — на *-и*). К концу XVII века формы родительного, дательного и местного падежей на *-ы/-и* стали в новгородской речи господствующими, о чем говорит значительное количество таких форм при полном отсутствии или при единичных формах родительного падежа на *-ѣ* в документах конца XVII века [Мирецкий 1966: 9–10]. Это значит, что существующий сейчас в новгородских говорах синкретизм родительного, дательного и местного падежей на *-ы/-и* сложился в целом к началу XVIII века.

Таким образом, диахронное изучение новгородских говоров позволяет выстроить некоторые хроноизоглоссы, которые пополняют наши представления об исторической лингвогеографии русского языка.

Источники

ЗК1 — «Книга записная кабалам на холопей», 1597–1598 гг., 201 л. — РГАДА, ф. 1144, оп. 1, № 1.

ЗК4 — «Книга кабальная записей на разных лиц», 1597–1598 гг., 230 л. — РГАДА, ф. 1144, оп. 1, № 4.

Новг. 1 — «Новагорода сметной список приходу и росходу дворцовым денежным и всяким доходам и сборам», 1620–1621 г., 88 л. — РГАДА, фонд 137, оп. 1 (45. Новгород), № 13.

Новг. 2 — «Список новгородским денежным четвертным окладным и неокладным всяким доходам», 1621 г., 128 л. — РГАДА, фонд 137, оп. 1 (45. Новгород), № 13 б.

Новг. 3 — «Новагорода книга оброчным и необрочным всяким землям и угодьям и кто оными владеет», 1646 г., 308 л. — РГАДА, фонд 137, оп. 1 (45. Новгород), № 32.

Новг. 4–10 челобитных 1619 г. из оклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1245, ст. № 42768.

Новг. 5–82 челобитных и 2 полюбовных памяти 1622 г. из оклеенных и неоклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1246, ст. № 43363.

Новг. 6–7 челобитных и 1 поручная запись 1627 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа (Новгородский уезд) — РГАДА, фонд 1209, оп. 1243, столбец № 23458.

Новг. 7–32 челобитных и 1 поручная запись 1626–1629 гг. из неоклеенных столбцов Поместного приказа (Новгородский уезд) — РГАДА, фонд 1209, оп. 1243, ст. № 23459.

Новг. 8–18 челобитных 1630 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа (Новгородский уезд) — РГАДА, фонд 1209, оп. 1243, ст. № 23460.

Новг. 9–26 челобитных 1639 г. из оклеенных столбцов Поместного стола Новгородской приказной избы — РГАДА, фонд 1209, оп. 1245, ст. №42788.

Литература

Владимиров П. В. Несколько данных для изучения северновеликорусского наречия в XVI и XVII ст. (По рукописям Соловецкой библиотеки). Казань: Унив. тип., 1878. 39 с.

Галинская Е. А. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. №5. С. 28–36.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М. : Изд. Московского университета, 2002. 271 с.

Гиппиус А. А. «Ноугородцы» (Об одной орфографической аномалии в староверикорусских текстах) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М. : Индрик, 1996. С. 152–168.

Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 годов. М. : Наука, 1993. С. 191–321.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М. : Языки славянской культуры, 2004. 882 с.

Каринский Н. М. О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа // Русский филологический вестник. 1898. Т. 40. №3–4. С. 92–124.

Мирецкий А. Л. Склонение имен существительных в новгородской деловой письменности XVII века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ленингр. гос. ун-т. Л., 1966. 20 с.

Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 414 с.

Новгород Великий (история) // Энциклопедический словарь. Т. XXI / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. 480 с.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В. Г. Орлова. М. Наука, 1970. 456 с.

Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб. : Археографическая комиссия. 1898. 818 с.

Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1897.110 с.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. *М. :* Унив. тип., *1907. 309 с.*

Соловьев В. Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии // Сборник ОРЯС. Т. 77. №7. СПб., 1904. С. 1–60.

Шахматов А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 2. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1896. 45 с.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг. : Тип. Импер. Акад. наук, *1915*. XXVIII, L, 367 с.

Elena A. Galinskaya
Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russia)
eagalinsk@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF THE NOVGOROD DIALECT FROM THE LATE 16TH TO THE MIDDLE 20TH CENTURY

The article describes some of the features of the Novgorod dialect that have changed or lost from the end of the 16th century to the middle of the 20th century. The study is based on handwritten document of the late 16th century *Book of Old and New Servage in Novgorod presented to Clerc Dmitry Alyabyev in 1597–1598*. (RGADA, fond 1144, register 1, N° 1 and 4) with the use of materials from manuscripts of the first half of the 17th century, the dialectological atlas of the Russian language and descriptions of Russian dialects of the late 19th — early 20th centuries.

1. Until the second half of the 17th century the sound [i] was a reflex of Old Russian **ě* in stressed syllables. Beginning from the middle of the 19th century this particularity began to be lost, so by the middle of the 20th century in Novgorod dialects in accordance with the etymologic **ě* sounds mainly [e]. **2.** The change in the vocalism of the second pre-stressed and post-stressed syllables began in the first half of the 17th century, but in the second and subsequent pre-stressed syllables the process was slow, and in the post-stressed syllables it was more active. **3.** At the end of the 16th century the phoneme /v/ was represented in weak positions in two ways — both with the sounds [w] and [f]. In the first half of the 17th century only [f] remains. **4.** From Novgorod dialects gradually disappeared the preposition «uv». **5.** At the end of the XVIth century two types of case syncretism in the singular **ā*-declension coexisted: Gen.-Dat.-Loc. with the ending *-ѣ* (yat') and Gen.-Dat.-Loc. with the ending *-y/-i*. In modern Novgorod dialects there is a second type, which became the only one by the beginning of the 18th century.

Key words: Russian historical linguistic geography, Novgorod dialects, reflexes of *ě, vocalism of unstressed syllables, realization of the phoneme /v/, preposition *uv*, case syncretism.

References

Vladimirov P. V. *Neskol'ko dannykh dlya izucheniya severnovelikorusskogo narechiya v XVI i XVII st. (Po rukopisyam Solovetskoi biblioteki)*. [Several data for the study of the North Great Russian dialect in the 16th and 17th centuries. (Based on the manuscripts of the Solovetsky Library)]. Kazan', University Publ.,1878, 39 p. (In Russ.)

Galinskaya E. A. [Towards the history of syncretic nominal forms in the North-Eastern dialects of Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1991, no 5, pp. 28–36. (In Russ.)

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte* [Historical phonetics of Russian dialects in the linguo-geographical aspect]. Moscow, Moscow University Publ., 2002, 271 p. (In Russ.)

Gippius A. A. [“Nougorodians” (About one spelling anomaly in Old Great Russian texts)]. *Rusistika. Slavistika. Indoevropeistika. Sbornik k 60-letiyu A. A. Zaliznyaka* [Russian studies. Slavic studies. Indo-European studies. Collection for the 60th anniversary of A. A. Zaliznyak]. M. : Indrik Publ, 1996, p. 152–168. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [To the study of the language of birchbark letters]. V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 godov*. [Novgorod letters on birch bark. From excavations 1984–1989] Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 191–321. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskij dialect* [The Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. 872 p. (In Russ.)

Karinskii N. M. [About some dialects along the rivers Luga and Oredezh]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1898, Vol. 40, no 3–4, pp. 92–124. (In Russ.)

Miretskii A. L. *Sklonenie imen sushchestvitel’nykh v novgorodskoi delovoi pis’mennosti XVII veka*. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Declination of nouns in Novgorod business writing of the 17th century. Dr. phil. sci. diss. abstract]. Leningrad, 1966. 20 p. (In Russ.)

Nevolin K. A. *O pyatinakh i pogostakh novgorodskikh v XVI veke, s prilozheniem karty*. [About the “pyatins” and settlements of Novgorod in the 16th century, with a map attached]. St Petersburg, Imperial Academy of Science Publ., 1853. 414 p. (In Russ.)

Novgorod Velikii (istoriya) [Velikii Novgorod (history)]. *Entsiklopedicheskii slovar’. T. XXI*. [Encyclopedic Dictionary. Vol. XXI] / Ed.: Brokgauz F. A., Efron I. A. St Petersburg, Publ. House of I. A. Efron, 1897. 480 p. (In Russ.)

Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov (Po materialam lingvisticheskoi geografii). [Formation of the North Russian dialect and Central Russian dialects (Based on the materials of linguistic geography)]. Ed.: Orlova V. G. Moscow, Nauka Publ., 1970. 456 p. (In Russ.)

Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 17. [Russian Historical Library. Vol. 17]. St Petersburg, Archaeographic Commission, 1898. 818 p. (In Russ.)

Sobolevskii A. I. *Opyt russkoi dialektologii. Vyp. 1. Narechiya velikorusskoe i belorusskoe* [Essay on Russian dialectology. Issue 1. Great Russian and Belarusian dialects]. St Petersburg, Publ. House of M. Merkushev, 1897. 110 p. (In Russ.)

Sobolevskii A. I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka.* [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow, University Publ., 1907. 309 p. (In Russ.)

Solov’ev V. F. [Features of the dialect of the Novgorod district of the Novgorod province]. *Sbornik ORYaS* [*Miscellany of the Department of the Russian Language and Philology*], vol. 77, no 7. St Petersburg, 1904. S. 1–60. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. Materialy dlya izucheniya velikorusskikh govorov. Vyp. 2. [Materials for the study of Great Russian dialects. Issue 2]. St Petersburg, Imperial Academy of Science Publ.,1896. 45 p. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. *Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka* [Essay on the oldest period in the history of the Russian language]. Petrograd, Imperial Academy of Science Publ.,1915. XXVIII, L, 367 p. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

В. А. Пыхов
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
pyhov2007@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ БЕЛКИ (SCIURUS VULGARIS) В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

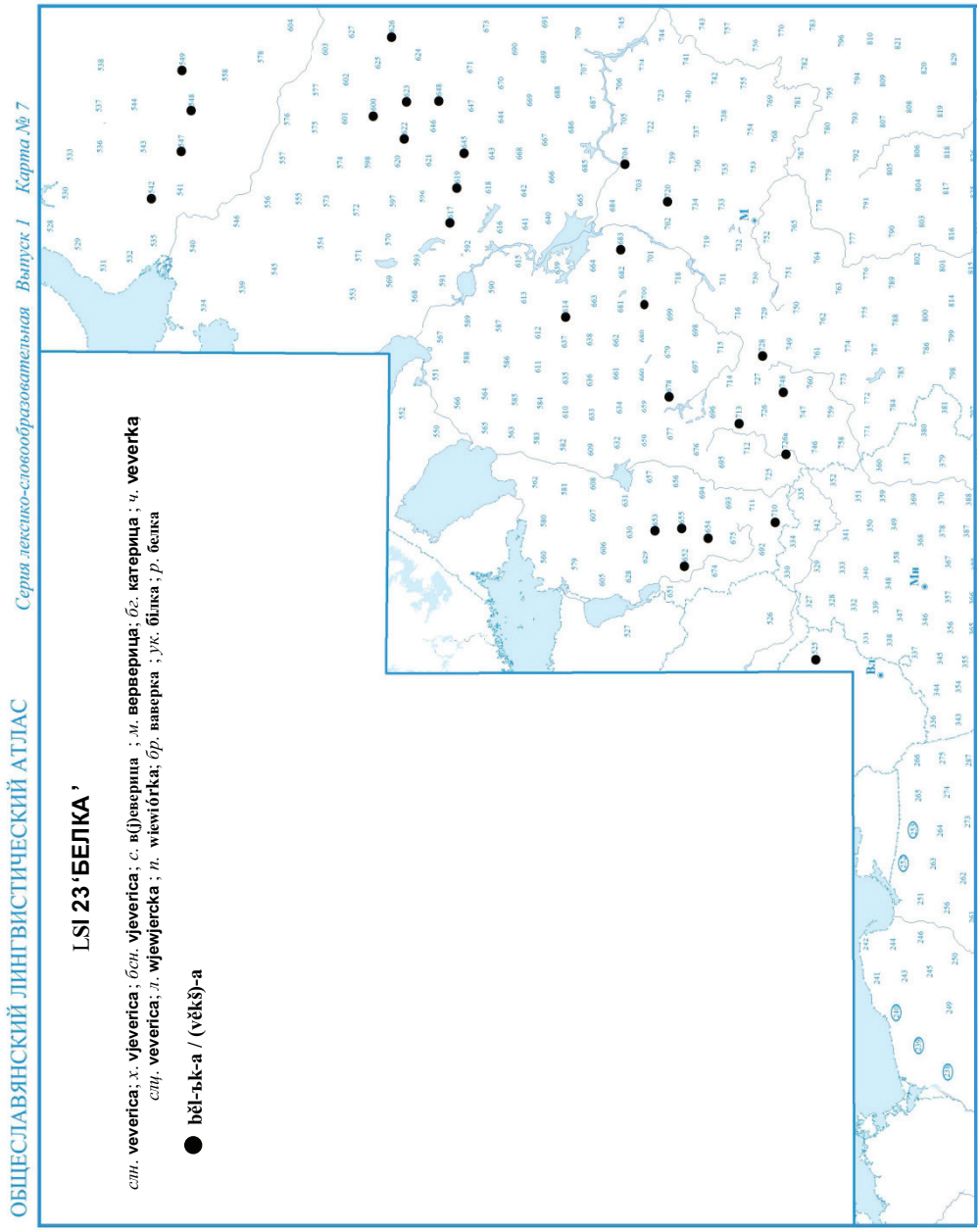
В статье анализируются диалектные номинации белки. Помимо территориального распределения указанных наименований, дается подробное описание обширного ареала параллельного употребления двух наиболее частотных лексем, обозначающих белку. При исследовании номинаций по необходимости привлекаются этимологические данные, рассматриваются лексико-словообразовательные цепочки наименований, представленные в отдельных говорах, и указаны причины вариативности. Выявляются мотивационные признаки, лежащие в основе диалектных обозначений белки. Приводится иллюстративный материал в виде двух лингвистических карт.

Ключевые слова: русские диалекты, диалектная лексика, лингвистическая география.

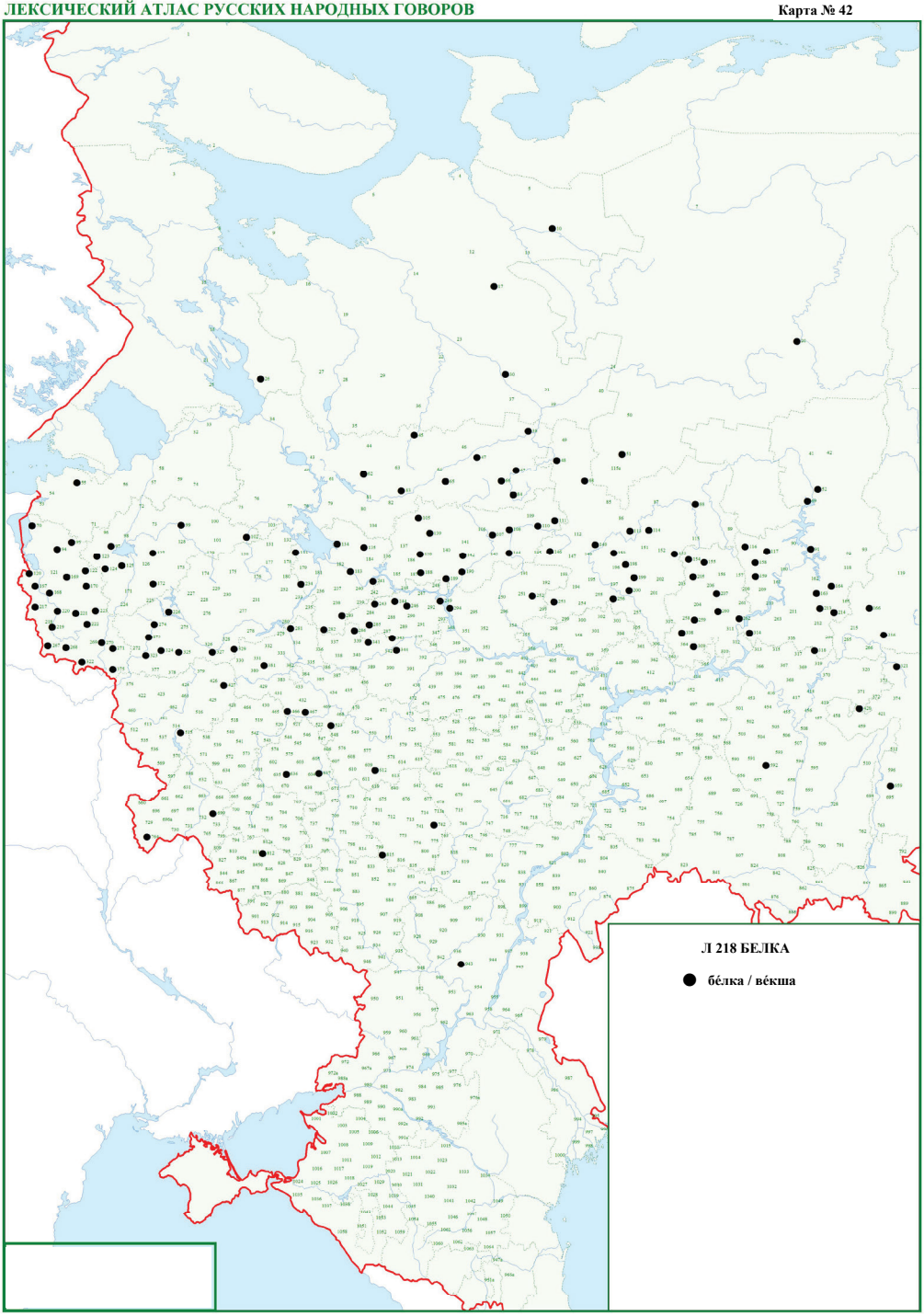
Наименования белки, зверька, обитающего во многих регионах России, отличаются большим разнообразием: (*бе́лка, ве́верка, ве́кша, верхо́вка, дупля́нка, кедро́вка, мысь, оре́шница, петро́вка, попрыгу́нья, ры́жик*). В основе этих названий лежат различные мотивационные признаки: соотнесенность с цветом (*бе́лка ~ бе́лица ~ бели́ца ~ бельчо́на ~ белу́шка ~ бели́шка ~ беля́нка*; *ры́жая ~ ры́жик ~ рыжу́ха ~ рыжехвостка*; *бурохво́стка*); со способом передвижения (*лету́нья ~ попрыгу́нья*) и местом передвижения (*верхо́вка*); с местом обитания (*дупля́нка*); с продуктами потребления (*кедро́вка* и *оре́шница*), а также соотнесенность со временем добывания меха (*петро́вка*)[1].

Наиболее распространенной на территории русских диалектов является лексема *бе́лка*.

[1] Статья основана на материалах карт: Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1 «Животный мир». Изд. 2-е, испр. и доп. (карта № 7, авт.: В. Коннова, Т. Шалаева) (в печати); Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ). Вып. 2 «Животный мир» (карта № 42, авт. М. В. Флягина) (в печати); см.также [Флягина 2017].


ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС
Серия лексико-словообразовательная Выпуск 1 Карта № 7
LSl 23 'БЕЛКА'
сл. **veverica**; *х.* **vjeverica**; *бсн.* **vjeverica**; *с.* **в(ј)еверица** ; *м.* **верверица**; *бг.* **катерица** ; *ч.* **veverka**
слц. **veverica**; *л.* **wjewjercka** ; *п.* **wiewiórka**; *бр.* **ваверка** ; *ук.* **білка** ; *р.* **белка**
běl-ьk-a / (vĕkš)-a

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ **Карта № 42**



Дериваты с корнем *бел-* употребляются параллельно с лексемой *бе́лка* и довольно часто совместно с другими лексемами, не образуя четких ареалов.

Форма *бе́лица* отмечается в севернорусских говорах: вологодск., на территории Кировской обл. (параллельно с *ве́кша*), Удмуртии (также параллельно с *ве́кша*)]; в среднерусских говорах: псковск. (параллельно с *беля́нка* и *ве́кша*), тверск. (параллельно с *ве́кша*), нижегородск. (параллельно с *ве́кша* и *рыжу́ха*)]; на территории Башкирии (параллельно с *ве́кша*); а также в южнорусских говорах: тамбовск. (параллельно с *ва́верка, ве́верка* и *ве́кша*), брянск. и на территории Астраханской области.

Акцентологический вариант *бели́ца* фиксируется в курск. и на территории Марийской Республики.

Форма *белу́шка* представлена на территории Карелии и в псковских говорах (параллельно с *ве́кша*), а форма *бели́шка* — в курских говорах.

Форма *беля́нка* отмечается в среднерусских говорах: псковск. (параллельно с *бели́ца* и *ве́кша*) и владимирск., а форма *бельчо́на* — в тамбовск. (параллельно с *оре́шница*).

Второй по степени распространенности в русских диалектах является лексема *ве́кша,* предположительно заимствованная из финно-угорских языков [Фасмер и др.].

Нередко лексемы *бе́лка* и *ве́кша* употребляются параллельно в одном и том же говоре. Если на карте ОЛА (см. карту 1) такое параллельное употребление указанных лексем лишь отмечается спорадически: в старожильческих говорах в Литве (на западе), среднерусских говорах (псковск. и тверск.), а также в ярославск. (на севере) и смоленск. (на юге), то на карте ЛАРНГ (см. карту 2), охватывающей бо́льшую территорию и превышающей частоту обследованных пунктов более чем в три раза (1064 населенных пункта против 300), четко выделяемый ареал параллельного употребления лексем *бе́лка* и *ве́кша* занимает значительное пространство.

В распространении параллельного употребления лексем *бе́лка* и *ве́кша* в русских говорах выделяются три ареала (западный, центральный и восточный), различающиеся по своей территории и степени насыщенности.

Наиболее густой западный ареал включает псковск., новгородск., и тверск. говоры. Самый протяженный и наиболее разреженный центральный ареал включает владимирск., ивановск., нижегородск., ярославск., костромск. говоры и говоры на территории Кировской области. Восточный ареал охватывает пермск. говоры, а также говоры на территории Кировской, Свердловской, Челябинской областей и Удмуртии.

За пределами этих обширных ареалов параллельное употребление лексем *бе́лка* и *ве́кша* отмечается на севере в архангельских говорах, в говорах на территории Карелии и Республики Коми, на юге — в смоленских, рязанских, курских, тамбовских говорах, и, кроме того, в говорах на территории Волгоградской области и в Башкирии.

Лексемы *бе́лка* и *ве́кша* не всегда являются семантическими дублетами. Как явствует из иллюстративного материала, они могут различаться: «когда… шерсть

бывает желтою, называют векшей, а осенью, когда шерсть серая, а кожа, напротив, белая, — белкою» волог. [Аникин РЭС 6: 199].

В материалах ЛАРНГ представлены и единичные наименования с *веки-*: *ве́кошь* — на территории Удмуртии (также параллельно с *ве́кша* и *бе́лка*), *ве́кошка* — пермск. (параллельно с *ве́кша*, *дупля́нка* и *петро́вка*), *ве́шка* — костромск. (параллельно с *ве́кша* и *бе́лка*).

В СРНГ отмечена форма *ве́кушка* (Сев.-Двин., арх.) [СРНГ 4: 103].

Форму *во́кша* [Даль I: 232] без указания места и нижегор. [СРНГ 5: 36], А. Е. Аникин квалифицирует предположительно как искаженное слово *ве́кша* [Аникин РЭС 8: 121] или допускает, что вариант *во́кша* обусловлен притяжением к диалектному *во́ко* ‘глаз’ [Аникин РЭС 6: 199].

Форма *о́кша* (ˈokša) фиксируется в псковск. ОЛА [ср. мар. o’ksa ‘деньги’ [Фасмер I: 281] параллельно с формой *вя́кша* (ˈv’akša) [ср. чув. vakša ‘белка’ [Фасмер I: 287].

Формы *ва́верка* — тамбовск. (параллельно с *бе́лица*, *ве́верка*, *ве́кша* и *бе́лка*) и курск. (параллельно с *бе́лка*), *ве́верка* — тамбовск. и волгоградск. (параллельно с *бе́лка*), *вывю́рка* фиксируются в ЛАРНГ на территории Ростовской области (параллельно с *бе́лка*). Кроме того, отмечены форма *вевё́рка* с пометой зап. [Даль I: 174] и форма *ве́верица* –арх. [СРНГ 4: 89], в материалах ОЛА формы *вавё́ра* (vaˈv’ora) и *вавё́рка* (vaˈv’orka) — старожильческий говор на территории Латвии (параллельно с *бе́лка*), характеризуемые А. Е. Аникиным как балтизмы [РЭС 5: 307]. Все эти формы восходят к праславянским *věver-ica и *věver-ъka, представленным во всех славянских языках [Аникин РЭС 6: 158].

Лексема *мысь* (диал. от *мышь* < *mūs ‘серая’ [Фасмер III: 25], одна из древних лексем, употребляемая в тексте раннего памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», отмечается в среднерусских — псковск. (параллельно с *бе́лка*), новгородск. (параллельно с *ве́кша*) и тверск., а также в уральских говорах на территории Свердловской области (параллельно с *бе́лка*, *ве́кша* и *кедро́вка*), образуя микроареалы на западе и востоке русского лингвистического ландшафта.

Кроме лексем, образующих обширные ареалы, в материалах ЛАРНГ представлены лексемы, отраженные лишь в отдельных говорах:

дупля́нка фиксируется в пермск. (параллельно с *бе́лка*, *ве́кша*, *ве́кошка* и *петро́вка*), в говорах на территории Удмуртии (параллельно с *бе́лка* и *ве́кша*) и в курск.;

лету́нья отражается в ярославск. (параллельно с *бе́лка*) и в ивановск. (параллельно с *бе́лка* и *попрыгу́нья*) говорах;

попрыгу́нья представлена в ивановск. и воронежск. (параллельно с *бе́лка)*;

ры́жик отмечается во владимирск. (параллельно с *бе́лка*) и говорах на территории Башкирии (параллельно с *бе́лка* и *беля́нка*).

Наименования с корнем *рыж-* фиксируются в вологодск. (*ры́жая* (subst.) параллельно с *бе́лка*) и в нижегородск. (*рыжу́ха* параллельно с *бе́лка*, *бе́лица* и *ве́кша*), а также в говорах на территории Республики Коми (*рыжехво́стка* параллельно с *бе́лка*, *ве́кша* и *бурохво́стка*).

Наряду с перечисленными лексемами, в материалах ЛАРНГ отражаются разнообразные единичные названия, представленные в целом ряде говоров: в пермск. (*петро́вка* от ‘беличья шкурка, добытая летом, около Петрова дня’ Сиб., Иркут. [СРНГ 26: 330] параллельно с *бе́лка*, *ве́кша*, *ве́кошка* и *дупля́нка*), в говорах[на территории Республики Коми (*бурохво́стка* параллельно с *бе́лка*, *ве́кша* и *рыжехво́стка*) и в говорах на территории Свердловской области (*кедро́вка* параллельно с *бе́лка*, *ве́кша* и *мысь*), в рязанск. (*верхо́вка* параллельно с *бе́лка*) и в тамбовск. (*оре́шница* параллельно с *бе́лка* и *бельчо́на*) говорах.

Основная причина появления эксклюзивных лексем связана с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира, с той номинативной логикой, в соответствии с которой происходит его лексическая параметризация. Наличие эксклюзивов в диалектах порождено их динамичностью, стремлением к активному воспроизводству отличительно характеризующих лексем.

В отдельных говорах разнообразные наименования белки выстраиваются в лексико-словообразовательные цепочки, включающие от трех до пяти единиц: *бе́лка ~ бе́лица ~ ве́кша* (Кировск. обл.); *бе́лка ~ ве́кша ~ дупля́нка* (Удм.); *бе́лка ~ ве́кша ~ ве́кошь* (Удм.); *бе́лка ~ белу́шка ~ ве́кша* (псковск.); *бе́лка ~ ве́кша ~ мысь* (псковск., говоры на территории Свердл. обл.); *бе́лка ~ бе́лица ~ ве́кша* (тверск., говоры на территории Башкирии); *бе́лка ~ лету́нья ~ попрыгу́нья* (ивановск.); *бе́лка ~ беля́нка ~ ры́жик* (владимирск.); *бе́лка ~ бельчо́на ~ оре́шница* (тамбовск.); *бе́лка ~ ве́кша ~ рыжехво́стка ~ бурохво́стка* (говоры на территории Респ. Коми); *бе́лка ~ ве́кша ~ мысь ~ кедро́вка* (говоры на территории Свердл. обл.); *бе́лка ~ бе́лица ~ беля́нка ~ ве́кша* (псковск.); *бе́лка ~ бе́лица ~ ве́кша ~ рыжу́ха* (нижегородск.); *бе́лка ~ бе́лица ~ ве́верка ~ ве́кша* (тамбовск.); *бе́лка ~ ве́кша ~ ве́кошка ~ дупля́нка ~ петро́вка* (пермск.).

Материалы ЛАРНГ и ОЛА наглядно свидетельствуют о многообразии языковых средств, используемых диалектоносителями для обозначения белки: лексических (*бе́лка, ве́верка, ве́кша, верхо́вка, дупля́нка, кедро́вка, мысь, оре́шница, петро́вка, попрыгу́нья, ры́жик*), словообразовательных (*бе́лица, бели́шка, белу́шка, беля́нка, бельчо́на, бело́чка*; *бурохво́стка; вавёрка*; *ве́кошка, ве́кушка*; *петро́вочка*; *ры́жая (substant.), рыжу́ха, рыжехво́стка*), фонетических (*вавёра, ва́верка, вевёрка, вывю́рка; во́кша, вя́кша*), акцентологических (*бе́лица ~ бели́ца)*.

Вариативность при номинации белки создает своеобразие каждого из диалектов, является характерной чертой русских говоров, заметно выделяющей их внутри лингвистического пространства Славии.

Литература

Флягина М. В. Названия белки и ее детеныша в русских народных говорах: лексико-словообразовательный аспект (по данным ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2017. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 516–522.

V. A. Pykhov
V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)
pyhov2007@yandex.ru

NAMES OF SQUIRRELS (SCIURUS VULGARIS) IN RUSSIAN DIALECTS (LINGUISTIC AND GEOGRAPHICAL ASPECT)

The article comprehensively analyzes the Russian dialect nominations of belka. The territorial distribution of the specified names is reflected. A detailed description of the extensive area of parallel use of the two most frequent lexemes denoting a protein is given. When studying the nominations, etymological data are involved, if necessary. The lexical and word-forming chains of protein names presented in individual dialects are considered, and the reasons for variability are indicated. The motivational signs underlying the dialect designations of the protein are revealed.

Key words: Russian dialects, dialect vocabulary, linguistic geography.

Referens

Flyagina M. V. [The names of a squirrel and its cub in Russian folk dialects: lexical and word-formation aspect (according to the data of the LARNG)] // *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian dialects. Materials and research]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. pp. 516–522.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ИСТОРИЯ НАУКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова
Костромской государственный университет
(Россия, Кострома)
gantsovsky_n@mail.ru, g_neganova@ksu.edu.ru

Г. З. ШКЛЯР И КОСТРОМСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁНОГО

В статье определяется роль Г. З. Шкляра, белорусского и российского лингвиста середины XX в., в систематическом изучении говоров Костромской области, освещается его научно-методическая деятельность в период работы в Костромском педагогическом институте в 1940–60-е гг.: организация диалектологических экспедиций и сбор материалов для ДАРЯ, формирование картотеки Костромского областного словаря, создание научных работ. Его труды помогают осознать костромские говоры как целостную, но сложноустроенную систему и высветить их место в диалектном членении русского языка и шире — в говорах славянских языков. Исследуя особенности фонетического и грамматического строя, лексического состава говоров Костромской области, он дифференцирует их на западные и восточные, что обусловлено их различным происхождением, особо выделяет территорию акающих говоров, позднее получившую название Костромского (Чухломского) акающего острова. Программные славистические произведения учёного о белорусско-польских словарных отношениях и об употреблении звательной формы как средства выражения обращения в современном белорусском языке, рассматриваемые в статье, важны для понимания роли диалектной среды в формировании основных черт лексического строя славянских языков и судьбы их древнейших грамматических категорий в литературном языке.

Ключевые слова: костромская диалектология, Г. З. Шкляр, славянские языки, диалектное членение и костромские говоры

В 2020 г. в издательстве «Беларуская навука» увидел свет первый академический выпуск избранных трудов Герцеля Залмановича Шкляра [Шкляр 2020], белорусского и российского лингвиста, научная деятельность которого приходится на середину XX в. До войны он трудился в Белорусской академии наук как

лингвист широкого профиля: гебраист-лексикограф и славист, специалист в области теории, истории, современного состояния грамматики, лексикологии, лексикографии белорусского и русского языков. С августа 1941 г. после эвакуации из Минска Г. З. Шкляр оседает в Костроме и до конца своей жизни преподаёт дисциплины филологического цикла в Костромском педагогическом (вначале учительском) институте имени Н. А. Некрасова, продолжает заниматься научной работой, главным образом, по изучению местных диалектов.

Как в Белоруссии, так и в России, к сожалению, его научная, учебная и общественно-просветительская деятельность до последнего времени была малоизвестна. Этому в значительной мере способствовала как исключительная скромность Г. З. Шкляра, так и та репрессивная политическая обстановка, которая была характерна для СССР в 30–50-е гг. прошлого столетия, когда замалчивались достижения и просто результаты научной и образовательской деятельности многих учёных. Многие обстоятельства жизни и творчества учёного лишь в недавнее время раскрылись благодаря поисковой деятельности исследователя его биографии В. К. Сморчкова, в течение ряда лет руководившего музеем Костромского государственного университета. В поисках архивных материалов о лингвисте большую роль сыграли белорусские учёные из Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси В. Н. Курцова и И. Л. Копылов.

Г. З. Шкляр (1904–1966), окончив Белорусский государственный университет, с 1930 г. работал в Институте языкознания Белорусской академии наук. Он входил в несколько исследовательских групп, сам вёл некоторые темы, в составе авторских коллективов занимался созданием вузовских учебников по белорусскому языку, совместно с С. Л. Рохкинд подготовил «Еврейско-русский словарь», до сих пор остающийся лучшим изданием подобного рода.

В Костромском пединституте Г. З. Шкляр возглавил работу по сбору материала для ДАРЯ и созданию картотеки Костромского областного словаря (КОС). Сохранился датированный 1948 г. документ, в котором учёный описал этот важный момент своей биографии [Шкляр 2020: 44]. В 1947 г. в Костроме прошло межобластное диалектологическое совещание, организованное АН СССР. В научном мероприятии приняли участие С. С. Высоцкий, С. В. Бромлей, А. В. Миртов; Г. З. Шкляр выступил с итогами диалектологической экспедиции по Костромской области, что было одобрено собравшимися, и прочитал доклад «Местные особенности в языке Н. А. Некрасова».

Основу картотеки КОС составляли собственноручные выписки Герцеля Залмановича из трудов деятелей Костромской губернской учёной архивной комиссии и Костромского научного общества по изучению местного края, произведений писателей-костромичей XIX — начала XX в., некоторые итоги полевой деятельности. Затем в 1970 г. работа по её созданию была возобновлена Н. С. Ганцовской, и материалы Г. З. Шкляра органически влились в новую побуквенную картотеку. По сути, Г. З. Шкляр стал зачинателем систематического научного изучения говоров Костромской области как в теории, так и на практике. (Более детально

о костромском периоде деятельности Г. З. Шкляра см. в [Ганцовская, Сморчков 2016; Шкляр 2020: 33–36].)

Проблемы изучения костромских диалектов обозначены уже в первых, 1940-х гг., работах Г. З. Шкляра, известных благодаря составленному им списку: «Состояние и задачи изучения говоров Костромской области» (зачитана на 1-й областной конференции научного общества краеведов), «Особенности говоров центральных районов Костромской области (по материалам экспедиции)» (рукопись была направлена в сектор диалектологии Института русского языка АН СССР и, по информации её автора, принята к печати[2]), «Местные особенности в языке произведений А. Ф. Писемского» (зачитана на посвящённом 125-летнему юбилею писателя заседании кафедры русского языка и литературы КГПИ). Итоги почти двадцатилетних диалектологических исследований Г. З. Шкляр суммирует в своих последних публикациях — «К вопросу о происхождении народных говоров Костромской области» (1963) [Шкляр 2020], «Словарные особенности говоров Костромской области в языке писателей-костромичей (по материалам картотеки Костромского областного словаря)» (1966) [Шкляр 2020], «Язык старокостромской деловой письменности и народные говоры Костромской области» [Шкляр 2020]. К изучению говоров Г. З. Шкляр подходил с убеждением, что «подлинно научное изучение… говоров должно быть историческим» и что говоры Костромской области, «как и другие говоры русского языка, должны изучаться в их движении и развитии» [Шкляр 2020: 176].

Согласно «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе» 1915 г., рассуждает исследователь, определяя отношение костромских говоров к различным группам севернорусского наречия, они целиком, за исключением говоров заволжской части Костромского района, относятся к восточной группе севернорусских говоров. Однако новые данные, полученные им при собирании полевых материалов, позволили дифференцировать также группу говоров западных районов Костромской области, которые «по своим особенностям ближе стоят к южной группе севернорусских говоров» [Шкляр 2020: 144]. Шкляр связывает это с историей славянского заселения края, которое шло в основном двумя различными путями: северные и восточные земли осваивались главным образом выходцами с севера и северо-запада, из Новгородской земли и новгородских колоний на Севере — носителями речи новгородских словен; западные районы — пришельцами из Ростово-Суздальской земли, носителями речи смоленских кривичей. В дальнейшем эти различия «поддерживались и углублялись тем, что западные и восточные территории области были в течение длительного времени политически и административно разобщены друг от друга» [Шкляр 2020: 146]. «Два потока славянского переселения на территорию Костромской области, разумеется, не были полностью разобщены и изолированы друг от друга, — замечает Г. З. Шкляр. — Оба эти потока естественно сталкивались между собой, вклинивались друг в друга, перекрещивались и смешивались. Этим следует объяснить то, что на территории области

[2] Сведениями, где была опубликована статья, в настоящее время не располагаем. — *Н. Г., Г. Н.*

имеются говоры, совмещающие особенности восточной и южной группы северно-русских говоров» [Шкляр 2020: 147].

Характеризуя фонетические особенности говоров различных районов, исследователь обращает особое внимание на своеобразие звукового строя говоров Костромского заречья (бывшая Шунгенская волость), отличающихся от остальных говоров Костромского района и прилегающих ярославских говоров (в начале XX в. особенности зарецкого шунгенского говора описал член Костромского научного общества Н. Н. Виноградов [Виноградов 1904], служили они объектом внимания и костромских диалектологов [Ганцовская 2011; Неганова 2011]). Он объясняет это тем, что столетиями здесь компактно проживали потомки переселенцев не с запада, как на окружающих территориях, а с севера.

Среди массива оканья, ёканья и еканья в северо-западной части области дифференцируется сплошная территория акающих говоров. Г. З. Шкляр склонялся к предположению о появлении в костромском крае акающего населения в результате заселения опустевшей в начале XVII в. местности выходцами из среднерусских областей. Позднее это предположение получило подтверждение в работах Н. С. Ганцовской, исследовавшей лексику говоров данной местности, в настоящее время именуемой Костромским (Чухломским) акающим островом; Л. Л. Касаткин в этих говорах открыл новый тип диссимилятивного яканья [Ганцовская 2007; Касаткин 2002].

Следует отметить, что в качестве ценного источника диалектной лексики Г. З. Шкляр рассматривал произведения писателей, связанных с костромским краем: А. Ф. Писемского, С. В. Максимова, А. А. Потехина, И. М. Касаткина [Шкляр 2020: 158–176].

Анализируя словарный состав костромских говоров в аспекте русского языка в целом и – шире — славянских языков, Г. З. Шкляр отмечал, что «подавляющая масса слов, распространённых в говорах области, является общерусскими», удельный вес областных слов, по его данным, как правило, не превышает трёх процентов [Шкляр 2020: 158]. Среди последних в основном слова, которые встречаются и в других говорах, чаще всего в говорах соседних областей. Однако многие из них зафиксированы и в более отдалённых местах, некоторые даже в белорусском и украинском и других славянских языках, что «свидетельствует о единстве русского языка в его говорах, о глубоких исторических связях между всеми славянскими языками вообще и восточнославянскими языками в особенности, о древности и исконности этих слов в говорах Костромской области» [Шкляр 2020: 171]. Ряд таких слов выявлен им в памятниках старокостромской деловой письменности XVI–XVII вв. [Шкляр 2020].

Во второй половине XX в., отмечал Г. З. Шкляр, система народных говоров Костромской области сохраняла «в целом свои основные черты, отражающие сложные пути исторического развития, проделанные населением края с древнейших времён» [Шкляр 2020: 149].

Монография Г. З. Шкляра «Белорусско-польские словарные отношения (к вопросу о языковом родстве славянских наций)» [Шкляр 1953], в виде рукописи

хранящаяся в лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета, отражает основное содержание его будущей диссертации. Она получила одобрение виднейших советских диалектологов того времени — проф. Р. И. Аванесова и А. В. Миртова. Впервые в сокращении, с комментариями Н. С. Ганцовской, монография была опубликована в 2020 г. [Шкляр 2020]; методология её исполнения зиждется на основах сравнительно-исторического языкознания и характеризуется глубоким и обстоятельным рассмотрением затрагиваемых проблем, убедительностью контрастивного анализа лексики родственных языков, проведённом на широком иллюстративном фоне текстов образцовых литературных произведений, особым вниманием к историко-диалектной базе сравниваемых языков.

Г. З. Шкляр подчёркивает тот факт, что все славянские языки чрезвычайно близки между собой, и близость между языками славянских наций охватывает все стороны этих языков – и словарный состав, и грамматический строй, и звуковую систему, и что в древности эта близость была большей, а также то, что группы славянских языков, как и их любые другие языковые группировки, не извечны: «они… до оформления современных групп славянских языков пережили период сложных взаимоотношений…» [Шкляр 1953: 13]. Учёный признает: «...нет в белорусском языке таких звуковых черт, которые бы выделили его из среды других восточнославянских языков и сблизили бы его с другими, не восточнославянскими языками» — и выражает несогласие с точкой зрения А. А. Шахматова, считавшего наряду с радимичами ляшскими племенами в одних своих работах вятичей, в других — дреговичей [Шкляр 1953: 15]. «Точно так же нет в белорусском языке ни одной грамматической особенности, которую можно было бы объяснить как результат влияния польского языка» [Шкляр 1953: 26]. Г. З. Шкляр пишет о том, что белорусская народность оформилась в составе Великого княжества Литовского в XV–XVI столетиях и что государство это было с самого начала не просто литовским, а литовско-русским и что «белорусский язык… окончательно сложился как самостоятельный язык, отличный от других восточнославянских языков, русского и украинского, приблизительно в 15–16 столетии» [Шкляр 1953: 30]. Г. З. Шкляр подчеркивает (и это согласуется с шахматовской концепцией возникновения языков из диалектных группировок), что на почве объединения отдельных говоров западной группы восточнославянских языков «в результате сближения их между собой и взаимного влияния друг на друга, в результате схождения их и взаимной нивелировки слились в единый белорусский язык, который, как и всякий язык, имеет ряд говоров, но в то же время представляет собой единое целое» [Шкляр 1953: 35].

Г. З. Шкляр считает необходимым, при определении полонизмов в белорусском языке учитывать не только данные литературного языка, но и говоров, показания родственных языков, показания памятников письменности [Шкляр 1953: 43], он приводит ряд диалектизмов в русском языке, которые являются общераспространёнными словами в белорусском и польском языках, и протягивает к ним параллели в памятниках письменности, доказывая, что эти слова — общеславянские.

Как известно, своеобразие того или иного языка во многом определяют заимствования. Разрабатывая эту тему, Г. З. Шкляр даёт много полезных сведений для

понимания истории и географии иноязычных слов, общих для белорусского, польского и русского языков. Таковы слова литовского происхождения в белорусском языке *сцірта* ‘скирда’, *венцер* ‘вентер’, *свіран* ‘амбар’, *жвір* ‘гравий’, *лайдак* ‘лентяй’, которые имеются в польском языке, частично и в русском, но полонизмами не являются. С особенно детальной проработкой, выявляющей этнокультурный аспект анализируемой лексики, дана им характеристика слов в белорусском и польском языках (часть из них имеется и в русском языке) немецкого происхождения [Шкляр 1953: 84–86]. Относительно слов латинского происхождения, общих белорусскому и польскому языку — *глеба, гонор, импэт, літара, мэта, акуляры, сэнс, аркуш, густ*, он пишет: «В белорусский же язык, следует думать, как и вышеприведённые слова немецкого происхождения, проникли через посредство польского языка. В Белоруссии латинский язык никогда большого распространения не имел. Он не был здесь ни языком религии, ни языком духовной культуры. Поэтому эти слова не могли быть заимствованы непосредственно из латинского языка» [Шкляр 1953: 95–96]. Однако далее есть оговорка о том, что в XVI–XVII столетиях деятели белорусского Просвещения некоторые латинские слова могли вводить в свои произведения независимо от польского языка [Шкляр 1953: 97].

Обращает на себя внимание дифференцированный подход автора к материалу исследования: он описывает не только литературный язык разных функциональных и временных форм существования, но и диалекты белорусского языка в связи с их социальным расслоением, близкие к жаргонам. Так, он говорит о наличии полонизмов в отдельных белорусских говорах среди определённых слоёв населения (встречаются в документах при описании говоров и в фольклорных материалах), например, в Виленской губернии, Бобруйском уезде Минской губернии, Витебском уезде [Шкляр 1953: 135–139], и относит эти слова, неизвестные основной массе белорусского крестьянства, к «жаргону так называемой шляхты» — потомкам разорившихся мелкопоместных дворян, находившихся под влиянием польской культуры и любивших «пересыпать свою речь польскими словами и выражениями» [Шкляр 1953: 138]. Г. З. Шкляр делает вывод: «Слов действительно польского происхождения, действительно перешедших в белорусский язык, действительно распространённых в живой речи массы белорусского населения и употребляемых и в литературном языке, как мы видели, немного. Если не считать производных слов, возникших в самом белорусском языке, а также неславянских слов, пришедших в белорусский язык через польский язык, то количество полонизмов в белорусском языке не превысит несколько десятков слов» [Шкляр 1953: 139].

Большое исследование Г. З. Шкляра «Звательная форма как средство выражения обращения в современном белорусском языке» [Шкляр 2020: 193–213] важно для понимания многих лингвистических проблем, в частности, роли диалектной среды в развитии древнейших грамматических категорий в литературных языках разных славянских стран: «…вопрос об употреблении этой формы представляет значительный интерес не только для грамматики белорусского языка, но и для уяснения взаимоотношений между тремя восточнославянскими языками — русским, украинским и белорусским» [Шкляр 2020: 194]. Указывая, что использование звательной формы

в качестве обращения в белорусском литературном языке, в отличие от украинского, встречается «весьма редко» — по сути дела это «только незначительная группа личных имён существительных первого склонения мужского рода и небольшая группа личных собственных имён» [Шкляр 2020: 211], Г .З. Шкляр убедительно связывает этот факт с влиянием различных групп белорусских говоров на функционирование белорусского литературного языка: «причины редкого употребления в белорусском литературном языке существительных в звательной форме объясняются диалектной основой современного белорусского языка», в основу которого легли центральные белорусские говоры [Шкляр 2020: 210–211].

По той же схеме, что и у Г. З. Шкляра, в недавнее время в [Ганцовская, Неганова 2018] рассматривались случаи употребления звательной формы в произведениях классика белорусской литературы Максима Богдановича, имя которого не вошло в список писателей в указанной работе учёного. Выводы оказались те же, но ещё более суженные, что неудивительно: М. Богданович в незначительной степени опирался на белорусские диалекты, поскольку большую часть жизни прожил в России, а в своём знании белорусского языка в основном ориентировался на образцовые произведения белорусских писателей и газетную публицистику (правда, ценил и знал белорусский фольклор).

Труды Г. З. Шкляра по изучению костромских говоров помогают осознать их как сложную, но целостную систему и определить их место в диалектном членении русского языка и в более широком лингвогеографическом контексте — в пределах Славии.

Литература

Виноградов Н. Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. II, 100 с.

Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.: Наука, 2007. 228 с.

Ганцовская Н. С. Неофициальные формы топонимов как источник изучения типологии говоров (на материале очерка Н.Н . Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда») // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. статей по материалам междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 255–259.

Ганцовская Н. С., Неганова Г. Д. По следам Г. З. Шкляра: судьба звательной формы в белорусском языке (на материале произведений М. Богдановича) // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 3. С. 176–180.

Ганцовская Н. С., Сморчков В. К. У истоков систематического изучения костромских говоров: Герцель Залманович Шкляр // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исследований всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 122–130.

Касаткин Л. Л. Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // Материалы и исследования

по русской диалектологии. I (VII): к 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 25–40.

Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика в исследовании Н. Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 260–263.

Шкляр Г. З. Белорусско-польские словарные отношения (к вопросу о языковом родстве славянских наций): монография. Кострома, 1953. 289 с. [Машиноп., хранится в УНИЛ «Лексикология и лексикография» КГУ].

Шкляр Г. З. Выбраныя працы. Моўная спадчына / уклад.: В. М. Курцова [і інш.]; навук. рэд.: В. М. Курцова, Н. С. Ганцовская. Мінск: Беларуская навука, 2020. 259 с.

Nina S. Gantsovskaya, Galina D. Neganova
Kostroma State University
(Russia, Kostroma)
gantsovsky_n@mail.ru, g_neganova@ksu.edu.ru

G. Z. SHKLYAR AND KOSTROMA DIALECTOLOGY AS PART OF THE SCIENTIST'S SLAVIC ACTIVITY

The article defines the role of G. Z. Shklyar, a Belarusian and Russian scientist of the mid-twentieth century, who laid the foundation for a systematic scientific study of dialects of the Kostroma region. His scientific and methodological activities during his work at the Kostroma Pedagogical Institute in the 1940s and 1960s are reviewed: the organization of dialectological expeditions and the collection of materials for the Dialectological atlas of the Russian language, the formation of a card index of the Kostroma regional dictionary, the creation of scientific works, etc. His works help to understand the Kostroma dialects as an integral but complex system and highlight their place in the dialectal division of the Russian language and, more broadly, in Slavic dialects. Studying the features of the phonetic and grammatical structure, the lexical composition of the dialects of the Kostroma region, that is, dealing with the problem of the internal division of the Kostroma dialects, G. Z. Shklyar differentiates them into western and eastern ones, the originality of which is due to their different origins. He emphasizes the territory where people pronounce unstressed «о» as «а», later received the name of the Kostroma (Chukhloma) island where they say «а». The program Slavic works about Belarusian-Polish dictionary relations and the use of vocative form as a means of expressing address in the modern Belarusian language are important for understanding the role of the dialectal environment in the formation of the main features of the lexical structure of Slavic languages and the fate of their ancient grammatical categories in the literary language.

Key words: Kostroma dialectology, G. Z. Shklyar, Slavic languages, dialectal division and Kostroma dialects.

References

Vinogradov N. N. *O narodnom govore SHungenskoi volosti Kostromskogo uezda* [About the vernacular of the Shungen volost of the Kostroma county]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk [Imperial Academy of Sciences Print], 1904. II, 100 p. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. *Leksika govorov Kostromskogo akayushchego ostrova: problemy tipologii* [The vocabulary of the dialects of the Kostroma's akayushchy island: problems of typology]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 228 p. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. *Neofitsial'nye formy toponimov kak istochnik izucheniya tipologii govorov (na materiale ocherka N. N. Vinogradova «O narodnom govore SHungenskoi volosti Kostromskogo uezda»)* [Unofficial forms of toponyms as a source of studying the typology of dialects (based on the essay by N. N. Vinogradov "On the folk dialect of the Shungen volost of the Kostroma county")]. Semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi: sb. statei po materialam mezhdunar. nauch. konf., Intern. Sci. Conf. "Semantics and functioning of language units in different types of speech"]. Vol. 2. YAroslavl': Izd-vo YAGPU [Yaroslavl State Pedagogical University Publ.], 2011, pp. 255–259. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S., Neganova G. D. *Po sledam G. Z. SHklyara: sud'ba zvatel'noi formy v belorusskom yazyke (na materiale proizvedenii M. Bogdanovicha)* [In the trail of G. Z. Shklyar: the fate of the vocative form in the Belarusian language (based on the material of the works of M. Bogdanovich)]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, No 3, pp. 176–180. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S., Smorchkov V. K. *U istokov sistematicheskogo izucheniya kostromskikh govorov: Gertsel' Zalmanovich SHklyar* [At the origins of the systematic study of Kostroma dialects: Herzel Zalmanovich Shklyar]. *Russkie narodny`e govory`: proshloe i nastoyashhee: materialy` vseros. nauch.-prakt. konf. «Vtory`e Gromovskie chteniya»* [International Scientific Conference "Second Gromov Readings"], Kostroma, 17–18 okt. 2014. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2015, pp. 122–130. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka, tipologiya russkikh govorov i status CHukhlomskogo akayushchego ostrova* [Dialectal division of the Russian language, the typology of Russian dialects and the status of the Chukhloma's akayushchy island]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. I (VII): k 100-letiyu so dnya rozhdeniya R. I. Avanesova. Moskow: Nauka, 2002, pp. 25–40. (In Russ.)

Neganova G. D. *Landshaftnaya leksika v issledovanii N. N. Vinogradova «O narodnom govore SHungenskoi volosti Kostromskogo uezda»* [Landscape vocabulary in the study of N. N. Vinogradov "On the folk dialect of the Shungen volost of the Kostroma county"]. Semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi: sb. statei po materialam mezhdunar. nauch. konf. [Intern. Sci. Conf. "Semantics and functioning of language units in different types of speech"]. Vol. 2. YAroslavl': Izd-vo YAGPU [Yaroslavl State Pedagogical University Publ.], 2011, pp. 260–263. (In Russ.)

SHklyar G. Z. *Belorussko-pol'skie slovarnye otnosheniya (k voprosu o yazykovom rodstve slavyanskikh natsii)* [Belarusian-Polish vocabulary relations (on the question of the linguistic relationship of the Slavic nations)]: monogr. Kostroma, 1953. 289 p. [Typescript]. (In Russ.)

SHklyar G. Z. *Vy`brany`ja pracy. Moўnaya spadchy`na* [Selected works. Linguistic heritage]. SHklyar G. Z. *Vybranyya pratsy. Moўnaya spadchyna* [Selected works. Linguistic heritage]. Comp.: V. M. Kurtsova [i insh.]. Sci. ed.: V. M. Kurtsova, N. S. Gantsovskaya. Minsk: Belaruskaya navuka [Belarusian Science Publ.], 2020. 259 p. (In Belarus., in Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Л. Я. Костючук
(Россия, Псков)
anh57@yandex.ru

«ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ» — РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ Б. А. ЛАРИНА

Воплощение коллективом ленинградцев и псковичей идеи Б. А. Ларина создать новаторский «Псковский областной словарь с историческими данными» показало правоту выбора объекта. Словарь содержит богатый материал, демонстрирующий своеобразие псковских говоров на разных уровнях в прошлом и настоящем. Диалектный материал, а также привлечение данных других наук позволили сделать серьезные открытия.

Ключевые слова: современный областной словарь полного типа, исторический дифференциальный словарь, синхрония и диахрония, соседство с носителями финно-угорских и балтских языков.

В 2020 г. составители «Псковского областного словаря с историческими данными», как и весь коллектив Ларинской школы, отметили 60-летие Межкафедрального словарного кабинета (МСК) имени выдающегося ученого Б. А. Ларина, который вместе со своими учениками устоял после запрета начатой в довоенное десятилетие работы над «Древнерусским словарем» и наметил новые оригинальные планы, прежде всего в лексикографии. Коллектив под руководством учителя начал подготовительную научную работу и сбор материала. С 1945 г. собирали данные псковской речи, участвуя по заданию Академии наук в программе «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), а с 1948 г. и для планируемого «Псковского областного словаря». У самого Б. А. Ларина был богатый опыт по организации экспедиций, в которых он сам участвовал даже в период эвакуации, знакомясь с севернорусскими говорами. Ученики проводили исследования по диалектологии и истории языка с максимальной полнотой сбора и обработки материалов, этим материалам мы доверяем до сих пор, работая с Картотеками по говорам и по памятникам. Б. А. Ларин (как академик Литовской АН) при сборе псковского материала предполагал учитывать и данные старожильческих, псковских по происхождению, говоров в Эстонии, Латвии, Литве. В Западном Причудье (Эстония) уже в 1946 г. были обследованы 7 пунктов, в 1947 г.— 6, в 1960 г.— 3.

Так начиналось и сотрудничество диалектологов, историков языка из Пскова (под руководством С. М. Глускиной, ученицы Б. А. Ларина) с ленинградцами, в результате возник единый ларинский коллектив для работы над «Псковским областным словарем с историческими данными». Справедливы слова Д. С. Лихачева о том, что Б. А. Ларин, «самый образованный ученый нашего времени», был и прекрасным организатором науки, творческих исследовательских содружеств [Лихачев 1977: 5, 7]. В марте 1960 г. в Пскове прошла первая межвузовская конференция по региональной лексикографии с участием диалектологов из соседних республик, изучающих старожильческие русские говоры старообрядцев, исходно псковские: старообрядцы покинули родные места и обосновались в ближнем и дальнем зарубежье. Тогда была обсуждена и принята ларинская «Инструкция Псковского областного словаря» [Ларин 1961]. В предисловии к опубликованному по результатам конференции сборнику редактор Б. А. Ларин сжато, но информативно точно отозвался о значимости каждой статьи, заключив: «<…> разнообразие содержания, свежесть материалов и некоторые итоги исследований вызовут интерес к этой книге» [Ларин 1964: 4]. Так, в словарной практике, в научной работе подтверждается истинность случаев типа *мяхо, опояхаться* вместо привычных *мясо, опоясаться,* обоснованных С. М. Глускиной в статье «Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах» [Глускина 1964], которая «<...> обогащает сравнительно-историческое языкознание» [Ларин 1964: 3]. Ученица следовала принципам учителя в подходе к материалу: полнота фактов по всем доступным на момент изучения источникам, выяснение территориальных данных, использование карт в приложении, учет достижений смежных наук.

Б. А. Ларин давно задумал создать на филфаке ЛГУ научный центр, чтобы объединить словарников для выполнения научных тем по составлению словарей. Талантливого лингвиста, филолога поддержал ректор А. Д. Александров, и 1 сентября 1960 г. был открыт Межкафедральный словарный кабинет (МСК). Новаторские научно-исследовательские идеи касались создания словарей разных типов, что предполагало и сотрудничество с другими вузами. До сих пор ПОС, результат работы авторов двух вузов, привлекает и новых участников. Старшее поколение помнит первые регулярные словарные семинары, экспедиции, первые опыты словарных статей, затем работу с редактором. Прекрасной школой были наши приезды на словарные семинары в МСК, которые вел Б. А. Ларин. Его кончина весною 1964 г., конечно, невосполнима. Но наш коллектив, не прекращая работы, научился отстаивать право на продолжение того, что было основано и завещано Учителем (в 1967 г. вышел первый выпуск словаря, издание которого продолжается до настоящего времени).

Обратимся к отдельным необычным фактам, сохраненным в Картотеке, в выпусках ПОС. Внимательный словарник на их материале при желании и возможности занимается исследованием, которое может оказаться открытием. Так, С. М. Глускина в середине 60-х гг., работая с Картотекой, обратила внимание на случаи *кевина, кеп, кедить* и др. вместо ожидаемых *цевина, цеп, цедить* и др., где во всех славянских языках присутствует звук **[ц] ([с])**, поскольку эти корни в древности

после звука ***k** имели звук ***ě**, что привело к проявлению общеславянского закона II палатализации заднеязычных согласных. И только в псковских говорах обнаружены следы отсутствия этого процесса. Тщательное и всестороннее исследование научных источников никаких намеков на объяснение причин указанного явления не принесло. Знакомство же исследователя с данными археологии показало: кривичи, предки псковичей, появились у Псковских озер в середине I тыс. н.э., оказавшись на несколько веков в изоляции от славян, но рядом с балтами и финно-уграми (в языке последних сочетания типа [ке] обычны). В это время и происходила, как было доказано в истории славистики, II палатализация, а у предков псковичей она задержалась [Глускина 1968: 26–43]. К сожалению, Б. А. Ларин уже не узнал об этом, а С. М. Глускиной на выступлении в Москве пришлось пережить со стороны одного известного ученого категорическое, резкое отвержение всех доказательств своего открытия. Тем не менее, З. Штибер тут же попросил разрешения опубликовать статью автора в польском журнале. А через много лет А. А. Зализняк, нашедший в новгородских грамотах слово *келе* ‘цел’, которое буквально потрясло и испугало его как разрушающее научные традиции, на докладе о своем открытии неожиданно узнал от коллег, что это явление было обнаружено на псковском материале С. М. Глускиной. На основании переписки двух ученых А. А. Зализняк признал первенство коллеги и назвал это открытие «эффектом Глускиной», предложив ввести его в вузовские курсы истории и диалектологии русского языка, что и было осуществлено, прежде всего ларинцами. В 2017 г. ученый собирался выступить на юбилейной Псковской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода выпуска 1 ПОС, но помешало нездоровье, поэтому его доклад был прочитан С. М. Толстой, а статья А. А. Зализняка с присланными им копиями писем С. М. Глускиной к нему была опубликована в нашем юбилейном сборнике [Зализняк 2017: 142–155].

Так восторжествовала истина. Стойкости ларинцы учились у Учителя, которого в 1949 г. на открытом Ученом совете ИЯМ и ЛО ИРЯ несправедливо обвинили в антипатриотизме и космополитизме за титанический труд по расшифровке, изучению, подготовке комментариев трех иностранных источников с записями русской речи прошлых веков (этот труд явился ценным свидетельством состояния русского языка XVI–XVII вв.). К этому моменту были опубликованы два источника из трех (сейчас переизданы все три в одном томе [Ларин 2002]). Мы знали об этом событии, знали, что Б. А. Ларин своим ярким, логичным ответом отстоял истину и право исследователей использовать подобные памятники для познания истории родного языка. «Услышать» же обвинительные речи и мудрые, смелые контрдоводы Б. А. Ларина в защиту истинной науки довелось по стенограмме, обнаруженной Л. Ю. Астахиной, в ее докладе на Псковской конференции 2003 г [Астахина 2003]. Справедливо пишет прекрасный специалист по лингвистическому источниковедению: «<…> Следует с благодарностью признать большой удачей, что за эту работу еще в 30-е гг. взялся ученый такой образованности и эрудиции, как Б. А. Ларин, которого увлек титанический труд и оказался ему по силам» [Астахина 2003: 16].

В мировой науке со второй половины XX в. начали публиковать и исследовать известные еще с XIX в. русско-немецкие разговорники. Р. О. Якобсон, знавший труды Б. А. Ларина, высоко оценивал ПОС и сразу по выходе в 1970 г. в Копенгагене созданного в Пскове Русско-немецкого разговорника Т. Фенне 1607 г. [ТФ] прислал по экземпляру в МСК, С. М. Глускиной для составителей ПОС и Л. А. Творогову, уникальному по своей судьбе и деятельности создателю Древлехранилища Псковского музея. Это бесценный источник для ПОС и для исследователей псковских говоров в синхронии и диахронии, помогающий обнаруживать и решать некоторые важные языковые загадки.

В 1998 г. в Краковском университете фототипически был опубликован русско-немецкий разговорник XVI в. Т. Шрове, подготовленный коллективом под руководством В. Витковского, известного ученого-слависта, интересовавшегося и диалектологией. Во второй половине XX в. он бывал на диалектологических конференциях в Прибалтике с участием псковичей. Он, а потом и его ученики присылали нам результаты своей работы над публикацией двух разговорников, предшествующих ТФ, также созданных на материале псковской речи. Сначала порадовал нас уже расшифрованный ими, но без параллельной кириллицы (что проведено в ТФ) Разговорник Т. Шрове XVI в. [ТШ], при этом исследователи в нем дали отсылки на подобные фразы в ТФ. Этот прием помогает в использовании ТШ в научных исследованиях и наводит на мысль о бытовании для этого памятника раннего протографа, как и для так называемого Анонимного разговорника XVI в., исследованного А. Фаловским (участником краковского коллектива) [Fałowski 1996]. Учет этих разговорников, различающихся временем создания, позволяет сопоставлять варианты записей с отражением псковской речи XVI–XVII вв.

Довольно рано, после подготовки первого выпуска ПОС, в нашем распоряжении появился еще один уникальный и прекрасно подготовленный для издания древний источник — «Новые псковские грамоты XIV–XV веков» [НПГ]. Историк Л. М. Марасинова обнаружила их в ЦГАДА в отделе XVII в. среди спорных земельных дел, в ходе которых заявители XVII в. отстаивают право на свою землю, доставшуюся от предков, предъявляя копии (подлинник только «Духовная Акилины, жены князя Федора» 1417–1421 гг.). Писцы всех документов были местными и не очень профессиональными, поэтому в источниках обнаруживается особенности местной псковской речи, что ценно и для исторической части ПОС, и для исследований любого уровня языка. Изданием исследования Л. М. Марасиновой заинтересовались не только лингвисты, но и историки, географы, краеведы.

При пополнении уникальными лексемами исторической части ПОС приходилось предварительно проводить хотя бы небольшое исследование. Так, когда речь идет о границах участков, имена с частью *заор-* проверяются по «Пояснительному словарю»: *заоръ*, м.р., ‘край пашни к дороге, лесу или ручью, который не засевается’ [Марасинова 1966: 182]. Составитель же словарной статьи, знакомясь с контекстами, заметил: словоформа *до заоре* не м.р., а ж.р. с псковской спецификой совпадения формы Р.п. с формой Д.п. Значит, пополнено гнездо с основой *заор-* с учетом истории: в обеих частях статьи *Заор*, м.р.; а *Заора*, ж.р. — отдельная статья только

для исторической (слово не зафиксировано в современных говорах). Многих исследователей интересовали слова с древним индоевропейским корнем *ор-* с объединяющей семой ‘пахать’. Напомним замечательные по актуальности содержания, а также по логике и форме донесения до слушателей и читателей доклад, а потом и статью Л.Ю. Астахиной о неожиданных для нас лексических соответствиях в псковских и владимирских источниках [Астахина 1991]. «Введение в научный оборот Псковской судной грамоты в 1867 г. <…> обогатило русский язык словами *изорникъ* (вар. *зорникъ*), *изорничь*» [Астахина 1991: 113], ведь нигде, кроме псковско-новгородского ареала, подобной структуры слов не обнаруживалось. Неожиданно при просмотре рукописей во Владимирском архиве в хозяйственной «Ужинной и опытной книге» конца XVII в. С.И. Котков встретил выражение *изорные десятины*, значение которого было трудно объяснить. Как основатель особого научного направления «лингвистическое источниковедение», он понимал необходимость получения максимально полного материала для выяснения смысла текста и значения слов. Именно Астахиной Котков поручил поиски контекстов с указанным сочетанием. Ей встретилось свыше 100 контекстов с *изор-*, но ни одного подобного. Уже заканчивалась подготовка к публикации тома деловых памятников Владимирского края. И вдруг в «Памяти строителя Суздальского Покровского монастыря 1631 г. <…> о межевании монастырских и крестьянских земель» обнаружились контексты: «<…> а тѣ *мнстырские изорницы* по десятине земли да крестьянские пашни четверть десятины <…> смежно»; «две десятины *мнстырские земли*»; «а земля худа, и потому вы тое земли и не вмѣривали *в мнстырские изорницы*», «тѣ лужки буде пригодятца *в мнстырскую пашню под пар в изорницы* и хлѣбу на них начаятца быт <…> *в мнстырскую ж пашню и изорницы*» [Астахина 1991: 115]. Сравнение обнаруженного текста с примером С.И. Коткова показало, что *изорницы* и *изорные* сочетаются только с прилагательным *монастырские* и встречаются в однотипных контекстах, и это привело к обоснованному выводу с учетом исторических сведений: в данный регион слова с корнем *ор-* и приставкой *из-/изо-* принесли псковичи, переселенные во владимиро-суздальский регион после насильственного присоединения Пскова к Москве и сохранявшие особенности своей речи даже в инодиалектном окружении.

Для авторов и исследователей ПОС настольными книгами стали местные грамоты в издании Л.М. Марасиновой и Разговорник ТФ с особым планом выражения лексем. Первые случаи необычного сочетания [гл] вместо [л] в корне встретились в слове *егла* в грамотах №9 XIV–XV вв. и №27 1469–1487 гг. как вариант *к ель* [ПОС 10, 127]. Данная лексема называет заметный знак в направлении границ участка. В современных говорах до выхода соответствующего выпуска ПОС вариант не был зарегистрирован. И вдруг позже, на практике, слово *егла* прозвучало в речи очень старой, но энергичной бабушки. А в ходе работы с Разговорником ТФ и для сравнения с ТШ в текстах о торговых расчетах с большим количеством слов с корнем *чет-/чт-/че-* наблюдаем: «Я с тобой управился / *сочклесь,* да тебѣ уплатил» [ТФ: 343/3]; «Я с тобой розлѣзлесь / росплатился / смолвился / *розочклесь* / да я тебѣ не виновате» [ТФ: 342/6], где в синонимах с данным корнем («К тому товару *причлось* / у тово товару *причёт* есть» [ТФ: 342/3]) в прошедшем времени

только м.р. ед.ч. при отсутствии гласного появляется [кл]. Эти случаи, конечно, были интересны и не давали покоя лингвистам. А при перепроверке для ПОС примеров типа «*везут лошать с сеном*» вместо *ведут* и «*ведут покойника*» вместо *везут* коллега, выросшая в Пыталовском регионе, когда часть его до 1940 г. входила в Латвию, отметила, что такое словоупотребление является нормой в латышском языке. Анализ показал наличие у латышского глагола *vest* обоих значений, в отличие от литовского. В то же время в словарях балтских языков обнаружено много слов с собственно «своими» и с общими с русским языком корнями с наличием [kl] и [gl]: в латышском и литовском *egle*, в русском *ель*; в литовском *gerkle* ‘горло человека, животного’, а *gurkles* (с чередованием в корне) ‘горло у бутылки’ — в русском же оба значения у многозначного слова *горло*.

В 2010 г. ученики Б. А. Ларина опубликовали замечательный том «А. А. Шахматов. Русская диалектология: лекции» в редакции Б. А. Ларина, который еще в 1941 г. подготовил этот труд к печати, поскольку слушал и записал лекции в 1919–1920 гг. [Шахматов 2010]. В лекциях изложена и удивительная находка Л. Л. Васильева, рано скончавшегося ученика А. И. Соболевского, который только в псковских говорах встретил случаи *вегли, сегли, сустрекли* вместо *вели, сели, сустрели*. А. И. Соболевский предполагал в этом случае западное (польское) влияние. А. А. Шахматов не был согласен с этой гипотезой и искал другое объяснение, но в лекциях допустил название этой черты «наносною» [Шахматов 2010: 53–56]. Ранний уход ученого оставил вопрос открытым. Как уже говорилось ранее, С. М. Глускина показала, что отсутствие II палатализации только в псковских говорах объясняется достаточно длительной изоляцией предков псковичей от всех славян при взаимодействии их с племенами древних финно-угров. Используя методику и логику этих доказательств, можно (после знакомства с позицией А. А. Шахматова) обнаруженные [гл], [кл] объяснить следующей причиной: влиянием языков балтов, с учетом наличия [кл] вместо [тл] и у глаголов прошедшего времени м.р. ед.ч. Изоляция задержала изменение специфически восточнославянского изменения сочетаний *dl, *tl в *l.

Традиционные псковские конференции, встречи на диалектологических конференциях в Прибалтике во второй половине XX в., где в те годы существовал активный интерес к судьбе народного языка (старожильческих русских говоров) в иноязычном окружении, знакомство с исследованиями русских (псковских) говоров в Польше и с фиксацией этих же говоров торуньскими учеными в 10-е гг. XXI в., с исследованиями говора и культуры старообрядцев в Западном Причудье Эстонии — все это взаимно обогащает участников встреч, а постоянная лексикографическая работа над ПОС способствует поискам нового, ответов на необычное и, конечно, подтверждению известного.

Литература

Астахина Л. Ю. Б. А. Ларин о «сомнительных» источниках по истории русского языка и об историческом словаре // Псковские говоры: синхрония и диахрония / ред. Л. Я. Костючук. Псков : ПГПИ, 2003. С. 26–22.

Астахина Л. Ю. Лексические соответствия в псковских и владимирских источниках // Псковские говоры и их окружение / ред. Л. Я. Костючук. Псков : ПГПИ, 1991. С. 113–119.

Глускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком **[ch]** в псковских говорах // Псковские говоры. I / ред. Б. А. Ларин. Псков : ПГПИ, 1962. С. 28–57, карта.

Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II / ред. коллегия Б. Л. Богородский, С. М. Глускина, И. Т. Гомонов и др. Псков: ПГПИ, 1968. С. 26–43.

Зализняк А. А. К столетию со дня рождения Софьи Менделевны Глускиной // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию С. М. Глускиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Ч. 2 / ред. Н. В. Большакова, Л. Я. Костючук. Псков : ЛОГОС, 2017. С. 142–155.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л. : ЛГУ, 1961. 46 с.

Ларин Б. А. Предисловие // Псковские говоры. I / ред. Б. А. Ларин. Псков : ПГПИ, 1962. С. 3–4.

Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : СПБГУ, 2002, 686 с.

Лихачев Д. С. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М. : Просвещение, 1977. С. 5–10.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / ред. А. М. Сахаров. М. : МГУ, 1966. 212 с.

Шахматов А. А. Русская диалектология : лекции / под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб. : Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2010. 264 с.

Fałowski A. “Ein Rusch Boeck…”: rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku: Analiza językowa. Kraków, 1996. 180 s.

Источники

НПГ — *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков / ред. А. М. Сахаров. М. : МГУ, 1966. С. 46–75.

Marasinova L. M. *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov* [New Pskov Manuscripts from the 14th — 15th Centuries]. Ed. A. M. Sakharov. Moscow, Moscow State University, 1966. 212 pp.

ТФ — Tönnies Fenne’s Low German Manuall of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

ТШ — “Einn Russisch Buch” Tomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Kraków, 1997.

Larisa Ya. Kostiuchuk
(Russia, Pskov)
anh57@yandex.ru

PSKOV REGIONAL DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA — BRINGING TO LIFE BORIS LARIN'S IDEA IN THE ACADEMIC ACTIVITIES OF THE PSKOV RUSSIAN LANGUAGE DEPARTMENT)

Implementation of Boris Larin's idea to create the innovative Pskov Regional Dictionary with Historical Data by the group of scholars from Leningrad and Pskov has confirmed the correct choice of the object: abundant data, peculiarity of the dialect on various levels in the past and the present. Reasonable conclusions and use of the data from other academic disciplines result in profound thinking and even discoveries.

Keywords: Contemporary regional full type dictionary, historical differential dictionary, synchrony and diachrony, neighborhood of Finno-Ugrian and Baltic native speakers.

References

Astakhina L. Yu. [Larin on "Disputable" Sources of the Russian Language History and on a Historical Dictionary]. *Pskovskie govory: sinkhroniya i diakhroniya* [Pskov Dialect: Synchrony and Diachrony]. Ed. L. Ya. Kostiuchuk. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute, 2003, pp. 16–22. (In Russ.)

Astakhina L. Yu. [Lexical Concordance in the Sources from Pskov and Vladimir]. *Pskovskie govory i ikh okruzhenie* [Pskov Dialect and Their Setting]. Ed. L. Ya. Kostiuchuk. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute, 1991, pp. 113–119. (In Russ.)

Gluskina S. M. [Morphonologic Monitoring of the Sound [ch] in the Pskov Dialect]. *Pskovskie govory. I.* [Pskov Dialect. I]. Ed. B. A. Larin. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute, 1962, pp. 28–57, map. (In Russ.)

Gluskina S. M. [On the Second Palatalisation of Guttural Consonants (based on the North-Western dialects)]. *Pskovskie govory. II.* [Pskov Dialect. II]. Ed. B. L. Bogorodsky, S. M. Gluskina, I. T. Gomonov et al. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute, 1968, pp. 26–43. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [On the 100th Anniversary of Sofya Mendelevna Gluskina's Birth]. *Pskovskie govory i ikh issledovateli (k 100-letiyu S. M. Gluskinoi i 50-letiyu vykhoda I vypuska «Pskovskogo oblastnogo slovarya s istoricheskimi dannymi»)*. [Pskov Dialect and Its Researchers (on the 100th anniversary of S. M. Gluskina's Birth and 50th anniversary of publication of Volume I of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)]. Part 2. Ed. N. V. Bolshakova, L. Ya. Kostiuchuk. Pskov, LOGOS, 2017, pp. 142–155. (In Russ.)

Likhachev D. S. [Boris Aleksandrovich Larin]. *Larin B. A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie (Izbrannye raboty)* [Larin B. A. History of the Russian Language and General Linguistics (Selected Works)]. Moscow, Prosveshchenie, 1977, pp. 5–10. (In Russ.)

Larin B. A. *Instruktsiya Pskovskogo oblastnogo slovarya* [Pskov Regional Dictionary Guidelines]. Leningrad, Leningrad State University, 1961. 46 pp.

Larin B. A. [Foreword]. *Pskovskie govory. I.* [Pskov Dialect. I]. Ed. B. A. Larin. Pskov, Pskov State Pedagogical University, 1962, pp. 3–4. (In Russ.)

Larin B. A. *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoi rechi Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov* [Three Foreign Sources of Colloquial Speech in Moscow Rus of the 16th — 17th Centuries]. St Petersburg, St Petersburg State University, 2002. 686 pp.

Shakhmatov A. A. *Russkaya dialektologiya: lektsii* [Russian Dialectology: Lectures]. Ed. B. A. Larin. With attached assay "*Drevneishie sud'by russkogo plemeni*" [The Earliest History of the Russian People]. St Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St Petersburg State University, 2010. 264 pp.

Fałowski A. "Ein Rusch Boeck…": rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku: Analiza językowa. Kraków, 1996. 180 pp.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Л. А. Климкова
Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Арзамас)
dialekt_arz@mail.ru

ДИАЛЕКТНЫЙ СУБСТРАТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ФИЛОЛОГА

В статье на основе саморефлексии рассматривается один из компонентов языковой личности филолога высшей категории — диалектный лексический субстрат. Особое внимание обращено на дискурсную, текстовую реализацию единиц диалектного субстрата исходя из прагматической направленности общения, приведены тексты, иллюстрирующие разную прагматику: отмечается, с одной стороны, своеобразная заданность употребления диалектных лексем, извлекаемых из долговременной памяти, из пассивного словарного запаса языковой личности, в текстах жанра воспоминаний, с другой стороны, — спонтанность употребления нетерминологической, характеризующей, коннотативно окрашенной лексики, находящейся в оперативной памяти личности, используемой в коммуникативном пространстве семьи, молодежной аудитории с учебными и воспитательными целями. Показательно применение сравнительно-сопоставительного метода в восприятии и рассмотрении текстовой реализации единиц диалектного субстрата и материала других диалектных микросистем, художественных произведений, при этом *свое* четко отграничивается от *несвоего*, вторичного, привнесенного в языковую личность или наблюдаемого. В заключение подтверждается вывод не просто о возвращении человека в зрелом возрасте к своим речевым истокам, а о сохранности его на протяжении всей жизни и актуализации в соответствии с характером общения при проявлении эпистемического и мнемического уровней языковой личности, ее индивидуальности.

Ключевые слова: языковая личность, филолог, рефлексия, диалектный субстрат, диалектное слово, текстовая реализация, актуализация, прагматика

Детальная разработка идеи человеческого фактора в языке и речи в русле антропоцентрической парадигмы языкознания привела к выделению и изучению феномена *языковая личность* (наряду с *языковая картина мира*) и созданию теории коммуникативной персонологии.

Понятие *языковая личность* (ЯЛ), введенное В. В. Виноградовым при анализе языка художественной литературы для изучения языковых личностей автора

и персонажа [Виноградов 1994], получило в русистике глубокое осмысление . К настоящему времени явление *языковая личность* предстаёт в различных аспектах: собственно лингвистическом, лингвостилистическом, лингвокультурологическом, лингводидактическом, социо- и психолингвистическом, когнитивном, коммуникативно-деятельностном, прагматическом, ценностном, поведенческом и иных, как полипараметрическое образование; выработана многоуровневая модель ЯЛ, причем базовой является трехуровневая, предложенная Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987]; создана разветвленная типология ЯЛ; проанализированы конкретные ЯЛ разного социумного статуса и т. д. (подробнее см.: [Климкова 2021].

К числу модельных ЯЛ относится диалектная, описанная на разном региональном материале Л. П. Батыревой, К. И. Демидовой, Е. В. Иванцовой, О. А. Казаковой, Т. С. Коготковой, В. Д. Лютиковой, Р. Ф. Пауфошимой, З. В. Сметаниной, В. П. Тимофеевым, О. В. Тимофеевой и др..

Рассмотрение ЯЛ в динамике приводит к выделению типа ЯЛ в статусе *бывший*: бывший диалектоноситель, бывший сельский житель [Власкова 2012]. При конкретизации этого статуса выделяется ЯЛ бывшего сельского жителя, имеющего высшее филологическое образование (такая ЯЛ описана [Климкова 2021]). Дальнейшая детализация связана с актуализацией внимания к ЯЛ филолога высшей категории. В качестве таковой мы предлагаем свою, описание которой основано на самонаблюдении. в продолжение положений, высказанных в [Климкова 2018].

Наша ЯЛ — это личность человека, до шести лет говорившего по-белорусски, в шесть лет попавшего в тогда Горьковскую область (в с. Селякино Арзамасского района), усвоившего нормы диалектной микросистемы, затем закончившего среднюю школу, филологический факультет Арзамасского педагогического института им. А. П. Гайдара, московскую аспирантуру, докторантуру, без малого 60 лет проработавшего в названном институте преподавателем лингвистических дисциплин, всю свою трудовую жизнь пропагандировавшего нормы литературного языка.

Таким образом, это ЯЛ не просто филолога, а диалектолога, профессионально занимающегося изучением русских народных говоров и преподаванием диалектологии.

В связи с тем, что часто ловила и ловлю себя на употреблении в своей речи слов родного говора и в связи с изучением феномена *языковая личность* (в частности, моей бывшей студентки, филолога [Климкова 2021]), мне стало интересно, в каком объеме, в какой степени сохранились местные слова в моем лексиконе. Диалектная субстратная лексика в нашей ЯЛ неоднородна по ряду признаков. Прежде всего она делится на своеобразную терминологическую, или идентифицирующую, называющую реалии сельского обихода, и нетерминологическую, характеризующую. Первую группу составляет лексика разных тематических групп (ТГ). В их числе: крестьянское жилище, его части; интерьер дома; предметы домашнего обихода, утварь; хозяйственные постройки; растения; пища; одежда; обувь и др.: *передняя*, *задняя* «комнаты в избе», *чулан* «кухня — отгороженная часть задней комнаты перед русской печью», *терраска* «летняя комната как часть коридора», *мост*

«коридор», *пóдловка* «чердак», *пóдмост* «пространство под мостом, коридором», *подклéт*, *подклéть* «помещение под жилой частью избы, используемое для разных хозяйственных нужд», *пóдпол* «подполье, ход, лаз в подполье», *западня́* «подъемная крышка в подполье», *станни́к* дощатая перегородка, отгораживающая кухню (чулан) от комнаты», *кóйник* «широкая лавка (топчан в избе возле входной двери), на которой спали», *божни́ца*, *божни́чка* «полка для икон(ы)», *поли́ца* «навесной настенный открытый шкафчик для посуды из нескольких полок, часто закрываемый занавеской», *залáвок* «лавка в чулане для кухонной утвари»; *подтóпок* «небольшая печка для обогрева передней комнаты в доме», *задергýшка* «занавеска на нижней половине окна, укрепленная на шнурке», *келья*, *кельёнка* «небольшой, старый, ветхий дом, избёнка», *городьбá* «забор», *черепýшка* «глиняный горшок», *пáхталка* «маслобойка, приспособление, посуда для сбивания масла из сметаны», *пáхтанье* «жидкость, остающаяся после сбивания масла», *плетю́ха* «большая корзина для сена», *пéстер(ь)* «заплечный короб из лыка, берёсты», *кокýрка* «баранка», *берéмя* «охапка», *кáнтарь* «безмен, ручные весы»; *погребýшка* «постройка над погребом», *предбáнок* «предбанник»; *вы́дерка* «гвоздодёр», *падóг* «палка, используемая при ходьбе», *пóмочь* «коллективная помощь в выполнении каких-то работ: в строительстве дома, в уборке урожая, например картофеля», *посиделки* «вечерние собрания молодежи», *увéй* «затенённый участок земли, в тени», *тряпи́шник* «старьёвщик», *всклень* «до краёв», *ковáлок* «большой кусок (мяса, сала)», *коси́ца* «сугроб», (играть в) *кулю́чки* — «(играть в) жмурки», *комохá* «болячка на губах», *комохá (бьёт)* «дрожь, лихорадка», *курья́нка* «бородавка», *грáмотка* «бумажка», *сéрен* «наст», *ягóдник* « место, где растут ягоды», *кули́га* «место, где много ягод», *стани́ца* «место, где много грибов, семья грибов», *пригóн* «место встречи скота с пастбища», *пай* «участок луга, наделяемый одной семье», *помы́вка* «мытьё, уборка», *стоило* «место полуденного отдыха и дойки коров на пастбище во время зноя», *шóбоны*, *шобоньё* «старая, рваная одежда», *шабёр* «сосед», *шабрёнка* «соседка», *сухотá* «забота», *запóн* «фартук», *восéй(ка)* «недавно, на днях», *обáливать* «окучивать», *мули́ть* «сеять (о мелком дожде)», *потьвéдать* «попробовать на вкус», *присудóбить* «приспособить», *узопрéть* «вспотеть», *перески́нуться* «переодеться», *присусéдиться* «присоединиться», *перехвати́ть* «перекусить» и др.

Объемный пласт в нашем лексиконе составляет диалектная нетерминологическая, характеризующая лексика — коннотативная: эмотивная, экспрессивная, оценочная, причем доминирует отрицательная коннотация. Например: *раскрыли́ться* «рассердиться, возбудиться, расфыркаться», *подсурóпить* «оказать медвежью услугу», *мантýлить* «лениться, отлынивать от работы» (Мантýлин — прозвище лентяя), *гнусéть* «долго и нудно ныть, хныкать, плакать», *заходи́ться* «сильно плакать», *сварга́нить* «сделать что-либо кое-как», *настропали́ть* «настроить против кого-то, подговорить на что-то», *(на)клýсить* «(с)делать что-то плохое, (на)творить, проказничать, шалить», *перетурбáчить* «перевернуть всё вверх дном, нарушить порядок», *перетюхля́ть* «перемять, раскрошить», *спровáдить* «избавиться от кого-то», *супроти́вничать* «упрямиться, упираться», *огóреть* «приобрести что-то, чаще с большим трудом, по прошествии какого-то времени», *трости́ть* «повторять одно

и то же», *оту́добеть* «с трудом прийти в себя, выздороветь», *навара́кать* сделать что-либо небрежно, неаккуратно, кое-как», *пу́рхаться* «делать что-либо долго, возиться», *хлы́здать* «бегать туда-сюда без дела, хлопая дверью», *изгиля́ться* «издеваться», *разнагиша́ться* «раздеться догола или почти догола», *набу́здаться* «наесться, напиться до отвала», *разнутри́ться* «разнервничаться», *ходить гандибо́бером* «зазнаваться, задаваться», *приши́питься* «притаиться», *ута́кать* «уладить», *ше́метом* «очень быстро», *распрочу́хать* «распробовать, почувствовать на вкус, разобраться в чем-либо», *охолону́ться* «успокоиться», *обра́зить* «улучшить, сделать привлекательнее», *(на)брыля́ть* «(на)бросать, (раз)бросать что-либо в сердцах», *растырыка́ть* «с трудом расшевелить, разбудить», *дуро́м (недуро́м) вопить (зевать, орать)* «очень громко кричать», *напха́ться* «навязаться», *устробу́читься* ([у] здесь лексикализованный) «пристально глядеть, уставиться на кого-, что-либо», *смухо́ртиться* «скривиться, сморщиться, нахмуриться, насупиться», *казни́ться* «страдать, мучиться», *сверби́ть* «беспокоить, тревожить», *сну́лый* «вялый, сонный», *попере́шный* «упрямый», *я́тный* «яркий», *шарова́ристый* «расторопный, шустрый», *мому́ка* «угрюмый, нелюдимый, неразговорчивый человек», *оля́кыши* «неудавшиеся пироги», *полазу́шник* «непоседливый, шаловливый ребёнок», *кулёма* «о неопрятном, неряшливо одетом человеке», *голодя́й* «голодный человек, голодающий», *позо́рник* «бесстыдник», *жадо́ба* «очень жадный человек» и др.

Во второй группе особо выделяются экспрессоиды (экспрессивы) — слова с расширенным семантическим объемом за счет включения ряда гипер- или гипосем. Например: *растово́кать* «совершить любое действие, приводящее к проявлению объекта или к его изменению»: развернуть, развязать, освободить, разделить, расстегнуть, разбросать, открыть, отбить, объяснить, разбудить и др. (*растовокай простынку, платок, куртку, семена, банку: растовокай ему что к чему* и т. д.*); подтово́кать* «подоткнуть, подложить, подкатить, подсунуть и т. д.»; *хмыста́ть* «делать что-либо быстро, с силой»: тереть, рвать, обрывать, стирать, освобождать и др. *(хмыстать пол, вишню, белье, веник* и т. *д.)*; *курпа́жина* «место скопления» — ягод, грибов, травы, кустов, деревьев, каких-либо других растений; *басты́льник* «о любой высокой траве с толстым стеблем» и др. [Климкова, Пестрикова 1991: 87–89].

В памяти ЯЛ хранятся и системные отношения диалектных слов:

– вариативность*: приступка — приступок «*ступенька*», боковушка — боковинка «*занавеска на спинке кровати*», набирка — набирушка — набирок «*туесок для сбора ягод*», потонеть–потончеть–потоньшеть* «стать тоньше», *стойло — сто́ило, изваз́якаться — изваз́юкаться, ошмётки — осмётки «*изношенная обувь*», подзо́р — подве́с, шмы́ргать — смы́гать* «шумно втягивать воздух носом, хлюпать носом, шмыгать», *тенето́ — тене́ты — тенёты* «паутина» и др.;

– синонимия: *приступка — казёнка* «ступенька для влезания на печь», *поце́пка — пер(е)весло́* «дужка ведра», *дрын — оря́сина* «прут, палка», *несусве́тный — набелсве́тный* «такой, который проявляется в высшей степени» (неряха, лентяй и т. д.), *синий — плохой — пало́й* «худой», *(на)буро́вить — (на)дудо́нить — (на) пруди́ть* «налить до краёв, через край», *ухаля́статься — ухайда́каться* «сильно,

до изнеможения устать, измучиться, намучиться», *пáкать — ýтькать* «тяжело, много работать», *извазя́каться — изварáкаться* «испачкаться», *чалдóнить — гвáздать* «пачкать, грязнить», *чадúть — кадúть* «дымить, курить», *изнахрáтить — изурóчить — искорнáть* «исковеркать, сломать, испортить», *хлы́здать — хмыстáть — хлыстáть* «бесцельно проводить время, бегая по соседям, друзьям», *наблаты́каться — наблошнúться* «научиться, приобрести навыки», *растовóкать –раздербáнить* «разделить, раздергать», *запхáть — запсóтить* «убрать, спрятать что-либо и забыть, где лежит», *подсурóпить — подсудóбить* «подсунуть, навязать что-либо обременительное, ненужное, непригодное» и др.;

— энантиосемия*: обры́биться* «1.получить что-либо, поживиться чем-то; 2.потерпеть неудачу, не получить желаемого» и др.;

— холо-партитивные отношения (примеры см. ниже, в частности, в группе имен, называющих части дома, части русской печи, детали убранства кровати);

— гиперо-гипонимические отношения, например, в ТГ «растения»: *песúка* «сурепка обыкновенная», *конёвник* «конский щавель», *дя́гильник* «дягиль» и др. (см. далее один из текстов) и др.;

— эпидигматические отношения: *тенéтник* «1. паук; 2. путаник, тот, кто плохо разбирается в чем-то, путает себя и других», *ухаля́статься* «1. сильно, до изнеможения устать, измучиться, намучиться; 2. угореть (в бане)» и др.

Особый лексический пласт интересующей нас ЯЛ составляют микротопонимы и микроантропонимы. Через всю жизнь ЯЛ проходят виконимы: улицы и части; микрогидронимы; микроспелеонимы; микрооронимы; микродромонимы; микродримонимы [Климкова 2006].

Таким образом, в результате рефлексии ЯЛ выявлена объемность и разнообразие ее диалектного субстрата.

Диалектная лексика в структуре ЯЛ отличается также по степени актуальности-неактуальности и по дискурсной реализации. Так, терминологическая, бытовая лексика активизируется в определенных коммуникативных ситуациях, в частности, в общении с диалектоносителями, бывшими односельчанами. Скажем, приехали мы в родное село, хотим пройти в родительский дом, а ключа нет. Соседка спешит на помощь. Создается такое диалогическое единство:

— *Люсь, погляй в* ***погребýшке****, мож, там ключ висит.*

— *Да обычно он висел в* ***пóдмосте****, на гвоздике, сбоку. А сейчас его нет.*

— *Может, под* ***приступкóй****? Племяш, мож, туда положил его.*

— *Нет нигде: ни в* ***погребýшке****, ни в* ***пóдмосте****, ни под* ***приступкóй****. Я уж и в* ***подклéти*** *смотрела.* Диалог гармонизированный: оба коммуниканта знают отмеченные диалектные слова, употребляют их как привычные.

Своеобразная заданность употребления диалектной лексики прослеживается в текстах жанра воспоминаний, в рассказах о былом житье-бытье, в том числе в молодежной аудитории, своим детям. Здесь используются единицы пассивного словарного запаса ЯЛ, находящиеся в её долговременной памяти, поскольку и объективно, в самом говоре, многие из них являются историзмами. Приведем некоторые примеры таких текстов.

А в голодные годы, после войны, в сорок шестом, сорок восьмом годах (в войну как — я не помню, маленькая ещё была), есть совсем нечего было: ранней весной на полях собирали перезимовавшую картошку, из неё пекли лепёшки, а они чё-ё-ёрные. Собирали и ели ***опе́стушки*** *(полевой хвощ),* ***око́тушки*** *(первоцвет),* ***ню́ньку*** *(молодую осоку),* ***конёвник*** *(конский щавель) анис, конечно, обычный щавель,* ***столбунцы́*** *(стебли щавеля, молодые цветоносы),* ***просви́рки*** *(просвирник или просвирняк, семейства мальвовых, ели его незрелые плоды в виде зелёных лепёшечек),* ***дя́гельник*** *(тоже молодой), потом пошли ягоды. Лепешки пекли из молодых липовых листьев, суп был из крапивы, в селе и в окрестностях все липы обдирали и сжинали всю крапиву. А когда появилась картошка — стало легче. Её и тёрли, пекли из неё* ***смоле́нски****, вроде хлеба, без муки, а они синие-пресиние. Еле выжили; хорошо, что у нас корова была, да* ***веде́рница****, много доила, можно сказать, спасла нас.*

Кстати, такие тексты являются своеобразными документами эпохи.

В рамках вузовских курсов «Русская диалектология», «Говоры Нижегородского края», курса «Этнолингвистика» в магистратуре, элективного курса по диалектной лексике в лицее, гимназии обучающимся предлагаются/предлагались информативные тексты с реализацией диалектных слов той или иной тематической направленности. Так, рассказывается, например, о том, что сельский дом раньше, в моем детстве и юности, имел другой интерьер. Сейчас он, по большей части, такой же, как и в городской квартире. Раньше же непременным его атрибутом была русская печь. Дается подробная информация о ее устройстве, в том числе через демонстрацию рисунков, называются её части, детали с приведением, толкованием соответствующих слов из своего говора: *свод, чело, под, шесток, заслонка, горнушка, опечек, подпечек (подпечка), запечек, отдушка, печурка* (чаще всего во мн. ч. *печурки*), *казёнка, приступка* и др., а также — названий сопутствующих реалий, типа: *като́к* «приспособление в виде круглого деревянного валика с выемкой посередине, который подкладывался под ухват, чтобы легче было двигать чугуны», *отыма́лка* «тряпка для подхватывания горячих чугунов» и др.

Местом для постели, спанья были *ко́йник (ко́нник*) «деревянный топчан, широкая лавка», *койка* «металлическая кровать» с предметами (деталями) украшения: *подзо́р, подве́с* «простыня с кружевом, спускавшаяся ниже покрывала при застилании кровати, или специальная отдельная занавеска с кружевом, прикрепляемая к стойкам спинок кровати», *бокови́нка, бокову́шка* «занавеска на спинке кровати (с кружевом сверху», *накиду́шка* «накидка на подушки».

В текстах такого типа реанимированная диалектная лексика, проявляя некогда актуальный хронотоп, помимо чисто информационной функции, приобретает и коннотативную, поскольку на нее проецируется эмоционально-экспрессивная окрашенность самого жанра воспоминаний, через призму отношения *своё*; *до боли родное; незабываемое; ушедшее, но милое*. При этом создаются, проявляются своеобразные отношения доверительности.

Нетерминологическая, характеризующая, изначально коннотативная лексика имеет иную дискурсную реализацию: лишена заданности, специальной интенции,

нарочитости, ее использование спонтанное, неожиданное для самой личности, происходит своего рода «выплеск» слова в определенной коммуникативной ситуации. Например: — *Ну что,* ***обры́бился*** *твой сосед? Он думал, что ему* ***обрыбится****, когда соседи уедут, думал, что участок ему отойдет. Ан нет, ничего ему не* ***обрыбилось****, как ни старался. — А она* ***махи́ть*** *полную кастрюлю на плиту (в сердцах со всей силой, можно сказать, со всей дури).*

Такая лексика активно использовалась нами в общении со своими детьми как реакция на тот или иной поведенческий акт, причем, как правило, с синонимической дефиницией: — *Что ты* ***гомози́шься*** *— вертишься, крутишься, лежи спокойно, пора спать. — Сын, не раскачивайся на стуле,* ***изнахра́тишь*** *его.*

— Как-как, мам?! Что за слово? ***Измахратишь****?!*

*— Из****нахра́тишь.*** *Это значит сломаешь его, испортишь.*

— Нет в твоей работе никакой ***спорины́****: очень медленно дело идёт, не управимся к сроку, пожалуй. — Ты что хромаешь? Ногу* ***сбеди́л****? — Друг у тебя вон какой* ***шарова́ристый****. И ты* ***пошарова́ристей*** *будь, порасторопней, побыстрее все делай, а то так и будешь отставать. — Что ты* ***устробу́чился*** *в телевизор! Книжку лучше почитай. — На улице уже* ***ни жужлёнка****, ни души, никого, а его всё нет и нет. — Дедушка вон как* ***распорази･л*** *ногу-то: налетел на гвоздь, долго не заживает. — Смотри, там гвоздь: можешь* ***сбру́шиться****, пораниться, ногу или руку* ***сбру́шишь****. — Не подходи к корове: она может* ***сбру́шить*** *тебя,* ***запыря́ет****, она* ***пыря́чкая****. — Ты меня прям* ***разнутри́ла****, доча, растревожила, обеспокоила. —* ***Извара́кала*** *пальто, надо почистить. — Что ты* ***подвызы́киваешь*** *его, не надо его дразнить. — Вон твой друг* ***побежал взля́гышки****, не догнать —* ***у́шлый****, хитрый. — Твой друг прямо-таки* ***назо́ла****, всё у него не так, как надо, жалко его даже,* ***назо́люсь*** *на него. — Давай-ка, дочка,* ***спрово́рим*** *с тобой ужин, пока наши мужчины не пришли; надо опростать вон ту кастрюлю. — Не надоело* ***дябе́ть*** *у телевизора? — Да не* ***голосите*** *вы, не кричите, успокойтесь. — У тебя пуговица* ***на ли́почке****, чуть держится. — Мама о своих детях* ***сухоти́тся*** *— беспокоится, заботится.*

Такое использование диалектных слов характерно и как реакция на свои собственные действия, на свое поведение, во внутренней, внутренней озвученной речи. Например: — *Ну и* ***го́дно*** *мне: не надо было возникать! (*так мне и надо*!,* с выражением досады, относительно ситуации, когда в автобусе сделала замечание матерящимся людям, а ответ получила отборную брань). — *У меня* ***недоровьё*** *приключилось (*неприятность, неблагополучие*). Как бы* ***недоровьё*** *какое не вышло. У меня с ноутбуком* ***недоровьё*** *случилось. — Так* ***ухайда́калась*** *в саду, никакой моей моченьки нет, еле ноги волоку,* ***без про́дыху*** *вваливала. — Куда я его* (ключ) ***запсо́тила, запха́ла****! Недавно ведь видела (*с досадой, с негодованием, с возмущением относительно своей забывчивости).

Осуществляется сознательная вставка диалектного слова в речь для создания художественного эффекта, для оживления атмосферы общения; в студенческой (филологической) аудитории эта интенция может совмещаться с учебной, познавательной, проверочной, контролирующей: — *Ну, друзья мои, вы и* ***раздухари́лись****!*

*(*Это реплика-замечание студентам на кураторском часе. И сразу мой вопрос аудитории: Что за слово я употребила? Как думаете, что оно значит? Общими усилиями находится ответ: диалектное слово, собственно лексическое, синонимическая дефиниция, синонимический ряд — расшумелись, разошлись, разговорились, раскричались, разволновались).

Эффективным является использование диалектного слова в качестве своеобразного «зацепляющего крючка». Например, в начале занятия по диалектной лексике после этикетных формул аудитории предлагается фраза *«Назо́люсь я теперь на ваше поколение»* и вопрос о сути выраженного состояния. Так начинается работа с незнакомым (или не всем знакомым) диалектным глаголом *назо́литься* «испытывать жалость, сочувствие, сострадание к кому-либо, сострадать, печалиться», функционирующим в арзамасских говорах; кроме выявления, оформления дефиниции, выясняется актуализация в обозначенной ситуации (фразе) составляющих её сем, определяется тип слова в соответствии с диалектными различиями (собственно лексическое), приводится деривационно связанный с ним субстантив *назо́ла* «человек, вызывающий жалость, сожаление, сочувствие, сострадание; огорчение, печаль, досаду». Ассоциативное воспроизведение диалектного слова в тексте предваряется, сопровождается тем или иным вводом: *выражаясь внелитературным словом; используя народное слово; как говорят в нашем селе* и под. Необычное для носителей литературного языка слово сразу привлекает внимание слушателей, превращаясь в изобразительно-выразительное средство. Такой же цели служит имитация диалектной речи в целом. Действенны здесь фольклорные тексты малой формы: паремии, загадки, присловья, частушки. Они служат хорошим материалом для наблюдения, анализа, рассуждений. Рефлексирующая ЯЛ имеет богатый банк таких текстов для устного спонтанного воспроизведения, что оживляет, обогащает общение, в том числе на занятиях по курсам «Русская диалектология», «Говоры Нижегородского края».

Именно сохранность в памяти личности своеобразия микросистемы говора, усвоенной в детстве, причем всех ее уровней, позволяет свободно выдавать диалектные тексты, тексты в диалектной огласовке, с передачей всех диалектных черт, причем имитация основана на ретроспекции.

Факт наличия диалектного компонента ЯЛ филолога проявляется и в том, что при восприятии и употреблении диалектного (местного) слова срабатывает сравнительно-сопоставительный метод, причем двунаправленного действия: от своего слова к ино(микро)системному и, напротив, от ино(микро)системного к своему. Так, например, при чтении студенческой работы по лексике говора с. Абрамова Арзамасского района, расположенного примерно в 15 км от нашего села, сразу же фиксируются общие слова или лексические параллели из нашего говора (внемикросистемный параллелизм), типа: наши *ухайда́каться* к *ухандо́каться*, *трынды́че́ть — трынды́чить, тараба́рить — тараба́нить, гунд́явить — гундря́вить, (о)песту́шки — пе́стики, станни́к — стами́к, уве́й — зуве́й, кобе́ниться* («кривляться, ломаться») — *кебе́ниться, изгиля́ться — изгаля́ться, ше́метом — ше́ментом, подто́пок — подто́пка, растырыка́ть — растырлы́кать,*

изнахра́тить — изнахря́чить, бегать взля́гышки — бегать навзгля́гошки, мому́ка «угрюмый, нелюдимый, неразговорчивый человек» — *мому́ка* «странно одетая, неопрятная девушка», *гра́мотка* «бумажка» — *гра́мотка* «фантик», *ушлый* «хитрый» — *ушлый* «умный», *растеле́житься «*растянуться, свободно разместиться, занять много места» — *растеле́житься* «надолго растянуть работу» и др.

Сравнительно-сопоставительный план с участием нашего материала реализуется и при обучении студентов, при усвоении ими названных выше курсов. Здесь и сами студенты приводят примеры, извлечённые из своих микросистем.

Надо сказать, что для молодого поколения сельских жителей бо́льшая часть приведенных диалектных слов является агнонимами, особенно те единицы, что отражают ушедший в прошлое быт. Какая-то часть жителей и среднего поколения имеет очень приблизительное представление о некоторых словах и обозначенных ими реалиях, и то только по воспоминаниям о рассказах (пра)бабушек — (пра)дедушек.

Ассоциативное оживление в памяти «своего» диалектного слова происходит при чтении художественного текста как реакция на употребленные в нем диалектизмы, и возникает сопоставительный, оценочный план, типа: *а у нас называют не так;* или *и у нас тоже так; и у нас есть такое слово; а у нас по-другому называют (говорят)* и т. д., соответственно выстраиваются системные отношения. Этот аспект реализуется и при изучении произведений писателей (так называемых «деревенщиков», «почвенников»): М. Н. Алексеева, В. И. Белова, В. Г. Распутина, В. А. Солоухина, В. М. Шукшина и др., в том числе наших земляков: А. П. Гайдара, Н. И. Кочина, С. И. Шуртакова и др. Показателен здесь и следующий факт: несмотря на то, что анализируемая (рефлексирующая) личность в течение всей своей трудовой жизни преподает названные выше дисциплины и занимается, начиная со студенческих лет, собирательской диалектологической деятельностью, в её памяти и общении субстратная диалектная лексика, усвоенная в детстве, четко отграничивается от вторичной, привнесенной из других говоров или наблюдаемой в них.

Таким образом, даже небольшая часть диалектного лексического материала, хранящегося в памяти ЯЛ филолога, бывшего сельского жителя, диалектоносителя, свидетельствует о наличии в нем диалектного субстрата, о его объеме, богатстве, многообразии по ряду признаков: лексико-грамматическому, лексико-семантическому, тематическому, по системным отношениям, степени актуальности-неактуальности, текстовой реализации исходя из прагматики общения, в том числе при активизации сравнительно-сопоставительного аспекта восприятия диалектных единиц.

Представленный материал еще раз убеждает нас в том, что целесообразным является мнение не просто о возвращении (тем более — регрессе) человека в зрелом возрасте, в старости к своим языковым, речевым истокам, в частности к диалектному субстрату (ср. например, воззрения Т. С. Коготковой, Ф. Л. Скитовой, Л. Е. Калнынь, Т. И. Вендиной), а о сохранении его на протяжении всей жизни человека и актуализации в соответствии с прагматикой, с характером общения [Климкова 2018; Климкова 2021].

Диалектный субстрат и характер его реализации органично вписывается в интеллектуальный потенциал языковой личности филолога, проявляет её эпистемический и мнемический уровни, индивидуальность.

Литература

Виноградов В. В. Личность // История слов. М.: Толк, 1994. С. 271–309.

Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2012. 283 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1987. 263 с.

Климкова Л. А., Пестрикова Н. Е. Диалектная лексика с расширенным объемом значения // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Тезисы докладов. Красноярск: Красноярский педагогический институт, 1991. С. 87–89.

Климкова Л. А. Языковая личность бывшего диалектоносителя: речевая рефлексия // Актуальные проблемы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 120–122.

Климкова Л. А. Диалектный компонент языковой личности бывшего сельского жителя // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021. СПб.: ИЛИ РАН, 2021 (в печати).

Климкова Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. Арзамас: АГПИ, 2006.

L. A. Klimkova
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch
(Russia, Arzamas)
dialekt_arz@mail.ru

DIALECTAL SUBSTRATUM OF THE PHILOLOGIST'S LANGUAGE PERSONALITY

After revealing the fact that the phenomenon of a language personality, which has a multi-layered form and an extensive typology, is well studied in Russia, the article considers one of the components of a language personality of a highly qualified philologist.

Based on the self-reflection, the author shows the dialect lexical substratum of his own language personality using rich factual material (own personal dialect vocabulary which is still in memory from childhood) to show its volume, theme diversity, etc. Special attention is given to the discourse, textual realization of the dialectal substratum based on the pragmatic communication focus. The article includes texts which illustrate different pragmatism. On the one hand, it shows dialect words from the long term memory and

passive vocabulary in the texts of "memoire" genre, on the other — spontaneity in using non-terminological, connotatively colored words from the main memory which are used in family communication, between student and for educational purposes.

The author uses comparative method to consider the text implementation of his own dialectal substratum and materials of other dialect microsystems, artistic works, thus "own" vocabulary units delimit from "alien" ones.

To conclude the author proves the rightness of the opinion shown in previous studies that a mature person not only returns at an older age to using own dialect vocabulary, but keeps it safe in memory throughout all life and renews it according to the nature of communication and epistemic level of the language personality as well as individuality.

Key words: linguistic personality, philologist, self-reflection, dialectal substratum, dialect word, text implementation, actualization, pragmatism.

References

Vinogradov V. V. *Lichnost'* [Personality]. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994, pp. 271–309. (In Russ.)

Vlasokva M. V. *Yazykovaya lichnost' byvshego sel'skogo zhitelya* [A linguistic personality of a former rural citizen. PhD thesis: 10.02.01]. Kirov, 2012. 283 p. (In Russ.)

Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and a linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 163 p. (In Russ.)

Klimkova L. A. *Yazykovaya lichnost' byvshego dialektonositelya: rechevaya refleksiya* [A linguistic personality of a former dialect speaker: speech reflection]. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnoi konferentsii 26–28 oktyabrya 2018* [Topical issues of the international conference, 26–28 of October 2018]. Moscow, Institute of the Russian Language after Vinogradov V. V. Publ., 2018, pp. 120–122. (In Russ.)

Klimkova L. A. *Dialektnyi komponent yazykovoi lichnosti byvshego sel'skogo zhitelya* [Dialect component of a former rural citizen linguistic personality]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)]. Saint Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., 2021. (submitted to the press) (In Russ.)

Klimkova L. A., Pestrikova N. E. *Dialektnaya leksika s rasshirennym ob"emom znacheniya* [Dialect vocabulary with an expanded volume of meaning]. *Koordinatsionnoe soveshchanie po problemam izucheniya sibirskikh govorov kafedr russkogo yazyka vuzov Sibiri, Urala i Dal'nego Vostoka 2–4 oktyabrya 1991* [Conference on the problems of studying Siberian dialects of the Russian language departments of universities in Siberia, the Urals and the Far East 2–4 of October 1991]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Pedagogical Institute Publ., 1991, pp. 87–89. (In Russ.)

Klimkova L. A. *Mikrotoponimicheskii slovar' Nizhegorodskoi oblasti (Oksko-Volzhsko-Surskoe mezhdurech'e)* [Microtoponymic dictionary of the Nizhny Novgorod region (Oka-Volga-Sura interfluve). Three volumes]. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2006. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ГОВОРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ

О. Ю. Крючкова
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru

РЕЧЬ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ-СТАРООБРЯДЦА (ФЕНОМЕН «СМЕШАННОГО ТЕКСТА»)

Рассматривается специфика речи диалектоносителя-старообрядца, обусловленная синтезом равнозначных для языковой личности культурных кодов — бесписьменной традиционной народной культуры и книжно-письменной культуры старообрядчества. Источником культурно-языкового влияния, формирующим коммуникативную компетенцию языковой личности диалектоносителя, становится также литературный язык средств массовой информации. Результатом взаимодействия разных лингвокультурных систем, проницаемости межидиомных границ является «смешанный» тип текста, объединяющий элементы разных социально-функциональных подсистем: диалектизмы разных уровней, разнородные лексико-фразеологические и грамматические средства (просторечные, книжные, устаревшие единицы, единицы религиозной сферы).

Речь диалектоносителя-старообрядца представляет собой особую форму коммуникации. Оставаясь типично диалектной, она отмечена заметным влиянием книжно-письменной, в том числе церковнославянской традиции, репрезентирует синтез религиозной и бытовой культур, религиозного и бытового дискурсов.

Специфика речи грамотного диалектоносителя-старообрядца служит хорошей иллюстрацией к высказанному нами ранее положению о нетождественности признаков устности и бесписьменности коммуникации, о существенном влиянии грамотности на речь диалектоносителей, о необходимости разграничивать при изучении русской диалектной речи свойства, порождаемые, с одной стороны, устностью коммуникациии и, с другой стороны, отношением диалектоносителей к бесписьменной vs письменной культуре.

Ключевые слова: русские диалекты, традиционная народная культура, культура старообрядчества, взаимодействие языковых идиомов.

Речь диалектоносителей, принадлежащих старообрядческому направлению русского православия, представляет собой особую форму коммуникации. Специфика коммуникативного поведения диалектоносителей-старообрядцев обусловлена синтезом укорененных в их сознании лингвокультурных систем — традиционной народной культуры с ее аграрным характером, циклическим восприятием мира, ориентацией на традицию, коллективностью, бесписменностью [Захаров 2004] и культуры старообрядчества, характеризующейся такими признаками, как **маргинальность** (следствие отторжения от доминирующей церкви, **замкнутость)**, ощущение **избранности как особой связи с Богом, обостренное** само**сознание, самодостаточность,** традиционализм, эс**хатологизм** [Никитина 2009: 13], [Данилко 2013]. Результатом культурного синтеза является не просто суммирование названных признаков, но их взаимоналожение, ведущее к усилению и своеобразной модификации одних черт, существенному изменению других. Так, усиленным оказывается свойство традиционализма, присущее обеим взаимодействующим культурам, причем ориентация на традицию имеет явно выраженную религиозную направленность. К числу доминантных черт старообрядческой культуры относится ее книжно-письменный характер (см., напр., [Никитина 1995]), что вступает в противоречие с бесписменностью народной традиции и обусловливает своеобразие речи диалектоносителей-старообрядцев.

Проследим специфику речевого поведения данной группы диалектоносителей на материале речи типичного носителя двух названных типов культур. Объектом анализа стали записи речи Акимова Михаила Родионовича (далее АМР) 1920 г.р. (умер в 2010-х гг.) — потомственного старообрядца, коренного жителя с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области (в селе представлены две конфессиональные группы — старообрядцы и последователи официальной церкви, что связано с историей формирования села, см., напр.: [Бибикова 2000], [Никитина 2008]). АМР считался главным старовером, в молельном доме (*в моленной*) он читал прихожанам церковные книги; имел начальное образование (4 класса), до обучения в школе учился грамоте по религиозным книгам. АМР — участник Великой Отечественной войны.

Записи бесед с АМР (общий объем — более 19 тыс. словоупотреблений) сделаны сотрудниками Саратовского университета в ходе диалектологических экспедиций в с. Белогорное в 1996–2009 гг. По оценке С. Е. Никитиной, материалы, собранные на территории бывшей Самодуровки, имеют значительную ценность, поскольку «Самодуровка — образец концентрации старообрядческой культуры», она «стоит в первом ряду знаменитых старообрядческих поселений»; «записанные там устные тексты могут служить выразительной иллюстрацией специфики старообрядческой устной культуры» [Никитина 2008: 53].

Фонетические и грамматические особенности речи информанта соответствуют чертам местного среднерусского окающего говора, характеризующегося неполным оканьем; ёканьем; утратой интервокального йота со стяжением гласных (*знат*, *выбирашь*, *слушут*, *подбёгам*); функционированием стяженных форм прилагательных и местоимений (*старша, праведну*, *церковны, которы*, *всяки*); употреблением

изменяемых постпозитивных частиц (*на роботу-ту*, *сёлы-ти, дом-от*); окончаний –ими у сущ. в твор. п. мн. ч. в безударном положении после заднеязычных согласных (*палкими*); использованием в им. п. мн. ч. местоименной формы *оне*, в твор. п. ед. ч. — *с нём*; наличием в глагольных формах возвратного постфикса –си (*отказалси, собираемси*), спецификой глагольных основ и типов спряжения (*мне осколок вынали*; *у меня рана не затягалась*; *в Саратов я не часто ездю*; *мы в любой праздник не радовамси*; *угащивают же ведь*; *видют*, *ходют*, *ездют*; *текёт*, *напекёт*, *секётся*); употреблением деепричастий на –мшы в предикативной функции (*мы с нём брякнёмши/ <…> ну и раз/ второй раз/ третий раз/ брякнулись*) и др.

Диалектный характер речи АМР проявляется также в общедиалектных особенностях ее строения (см. [Гольдин 1997]):

– отказ от косвенной речи в пользу прямой, ср.: *и не сказал что// «я ризу принял»*; *когда же/ ей* [Богородице]*/ когда/ этот… Иоанн Богослов-то сказал/ что… «у тебя сын воскрес»*);

– изобразительность речи, ср.: *командир взвода послал нас/ двоих/ за патронами <…> вон как вон как соседи живёт/ …ну мы/ мы с нём побежали/ <…> подбёгам/ а там машину/ налаживут/ эти банки/ таке вот таке длины/ и таке вот ширины/ <…> и вот/ по две банки/ одну/ с этой стороны/ другу с этой*);

– совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего повествования, ср.:

[описание военного времени] *слёз-то сколько*!*/ крику-то сколько*!*/ батюшки!/ а он стрелят/ бьёт// бьёт/ стрелят/ батюшки!/ идёт/ идёт с винтовками/ по это/ бёгут/ бёгут/ бёгут/ <…> и вот мина-то взорвалась около меня/ сразу/ я ток учуял «вжж»/ и сразу// эх!/ я/ под это-то/ и покатилси/ в этот/ в овраг-от я/ и упал/ упал/ шо такое?!// шо такое?!*

В речи АМР находит выражение свойственный диалектоносителям процедурный тип знания, эксплицируемый в коммуникативных ситуациях, в которых в общении на литературном языке ожидаются сообщения декларативного характера (см.: [Гольдин, Крючкова 2008]). Ср. эмпирико-событийный тип содержания речи диалектоносителя вопреки вопросам диалектолога, стимулирующим обобщенно-логические построения:

– А вот если, например, такая примета… вдруг сама упадет икона? Это к чему? — *а-а/ это случаи бывают// ну ведь это смотря где она упадёт// если у меня упадёт — значит несчастье будет у меня/ если у тебя — значит у тебя// —* Ну это к несчастью, да? — *да// да-да// вот / мы молились у одной… у одной старушки годины пять лет справляли <…> я слышу — пол трещит/ «треск/ треск/ треск»/ …я оборачиваюсь/ тихонькя к этой/ к одной певице…/ я ей говорю/ «Авдюх/ слышишь пол трещит?»/ она говорит/ «да»/ я говорю/ «покойник будет»// и сразу два покойника вот это/ обпились-то которы*.

С точки зрения лексического состава речь диалектоносителя гетерогенна. В ней используются единицы разных функциональных групп:

– собственно диалектные, в том числе семантические и словообразовательные диалектизмы (*маненько*, *теперьче/тепереча*, *ноне*, *смыкать* ‘терпеть, держать пост’, *урядить* ‘украсить, нарядить’, *разряжаться* ‘раздеваться, снимать одежду’,

фатера ‘жилое помещение, место посиделок деревенской молодежи’, *зыбка* ‘колыбель’, *козулки* ‘колени’, *спонадобиться* ‘понадобиться’, *жаворонки* ‘маленькие сдобные булочки в форме жаворонков’, *сибирка* ‘нарыв’, *тенёта* ‘паутина’, *кулугур* ‘старовер’, *встречь* ‘навстречу’, *обряд* ‘фасон, тип одежды’, *обпиться* ‘выпить слишком много алкоголя, упиться’, *утрось* ‘утром’, *усадьба* ‘земельный участок’). К словообразовательным диалектизмам примыкают индивидуальные новообразования, репрезентирующие характерную черту диалектного словообразования — образование «индивидуальных слов по неиндивидуальным регулярным словообразовательным моделям» [Деул.: 17]. Ср.: *истускнеть* ‘потускнеть в большой степени’: [о старых иконах] *и она уже вся <u>истускнела</u> вон// разве она такая была?// видишь/ вон края-то как облезли*; *погрешно* ‘грешно’: *оне в церкви делают украшают иконы/ художества/ а художество — это очень <u>погрешно</u>*; *и в честь праздника мы не выпивам/ ничего/ мы такие торжества не делам// это <u>погрешно</u>*; *срамба* ‘срам’: *гляжу/ идут/ в одных трусах/ да батюшки!/ да что уж это! <…> женщина! имеет двух детей/ сын/ дочь/ и она эдак идёт/ а?/ <u>срамба</u>!*; *надтихнуть* ‘притихнуть’: *а потом/ когда маненьки <u>надтихло</u> всё это…*; *неподсильный* ‘непосильный’: *раньше ведь каки налоги-ти были/ <…> <u>неподсильны</u> были налоги-то*.

– общерусская разговорно-просторечная лексика (*маленько, слыхать, эдакий*, *захватить* в знач. ‘застать’ (*вот меня война захватила*), *убить* в знач. ‘израсходовать, неразумно истратить деньги’ (*скоко средствов убили на эт-то!*), *разбегаться* в знач. ‘разводиться’, *свидеться*, *уважать* в знач. ‘любить, ценить’ (*я уважаю птиц*), *меньшой*, *брательник*, *баба* ‘жена’, *больно* в знач. ‘очень’, *порешить* ‘убить’, *таскать* ‘носить’, *помереть*, *моментом* ‘тотчас, мигом’);

– лексика, тяготеющая к литературно-книжной сфере (*брать во внимание, не иметь представления*, *администрация, наставник*, *предложить, вручить*, *организовать*, *сформировать*, *преподаватель*, *продукция*, *квартировать*, *странствовать*, *адвокат*, *указание, гибель*, *предать смерти, гонения, исключительно, актив, ходатайствовать, общество, общественный, согласно* (предл.), *за исключением* (предл.), *абсолютно, бракосочетание, участвовать, художество*, *торжество, умиление, беззаконие*);

– устаревшая лексика (*сход* ‘собрание’, *почто* ‘зачем; почему’, *дерева* (мн.ч.), *сказывать* ‘рассказывать (сказки)’, *управа, вкупе* ‘вместе’, *глаголить* ‘говорить, сказать’, *истово* ‘истинно, правильно’, *укрух* ‘ломоть, кусок хлеба’, *чело* ‘лоб’, *рамо* ‘плечо’);

– новая лексика (*телефон, телевизор, реклама, мультики*, *мультфильм*, *рюкзак, НЛО*);

– специальная (военная) лексика: *танк, пулемёт, пулемётчик, командир взвода, боец, полевой госпиталь, снаряд, воронка, винтовка, блиндаж, связисты, землянка, снайпер, фляжка*, *патроны*).

Разные социально-функциональные языковые подсистемы образуют своеобразный сплав в речи диалектоносителя-старообрядца. Являясь типично диалектной, речь АМР отмечена заметным влиянием книжно-письменной, в том числе церковнославянской культуры. Элементы письменного книжно-письменного дискурса

вливаются в устную диалектную речь (характерное для речи старообрядцев «вхождение письменных текстов в процессы повседневной коммуникации» было отмечено Е. С. Данилко [Данилко 2013: 65]); в свою очередь, диалект проникает в религиозный дискурс, «даже и в речь богослужебную» [Никитина 2008: 44].

В речи АМР устаревшие, книжные лексические единицы контактируют с собственно диалектными формами, ср. [диалог с диалектологом]: — А как Вы ухаживали за своей женой? Сначала, когда ещё не были женаты? — *Ну как/ ну как ухаживал/ как* ***любовницы ухаживат****?* (слово *любовники* в церковнославянской палатализованной форме, употреблено в устаревшем значении ‘влюбленные’).

Функциональная ограниченность устаревшей лексики иногда (но не всегда) осознается говорящим, что стимулирует его к метакомментариям, ср.: *крест должен быть сложенный/ двоеперстие/ и надо класть на* ***чёло****/* ***это вот называется лоб — чёло****/ на пуп/ на левое рамо… на правое рамо/ его надо/ и чтобы/ стук креста слышно было на раме*.

Отмечается параллельное употребление устаревших и новых литературных форм, ср.: *земляк/ вот школу построил/ управлени…/* ***управление*** *построил <…> а он всё-таки вот/* ***управу*** *построил*.

Насыщенность речи диалектоносителя-старообрядца книжно-литературными и новыми лексическими единицами сочетается с диалектными особенностями их употребления. Во-первых, слова, не полно усвоенные из литературного языка, подвергаются типичным для носителей диалекта фонетическим модификациям: *телевизер*, *радиво*, *проздравление*, *проздравлять*, *поспештвовать* (поспешествовать), *ихуировать* (эвакуировать), *акуация* (эвакуация), *мэтээсы* (МТС), *мянинник* (именинник), *ликавизация* (коллективизация), *редуктор* (реактор), *нелэо* (НЛО).

Неполная освоенность некоторых единиц литературной лексики подчеркивается метатекстовыми комментариями говорящего, ср.: *а то у меня внучка научиласи/ <…> да вот* ***адвокатов*** *что ль/ как она называются/ <…>* ***адвокат*** *что ли/ да вроде эдак она говорила*; *вот сумки таскаете в школу/ как он?//* ***рюкзак*** *шо ль называтся/ аль как?*; [о гибели подводной лодки «Курск»] *уж вот утрось сказали/ что… что вот оне закрыли <…> оне вот* ***радиатор*** *что ль…/ или* ***редуктор****/ не знай чёго/ чё-то/ не помяну*.

Во-вторых, типичной для речи АМР является сочетаемость книжно-литературных единиц с диалектными, разговорно-просторечными формами, их употребление в одном узком контексте. Ср.: *к воды ходить я* ***не в состоянии***; *меня наведуют* [дети, живущие в городе]*/ и мне всё* ***продукцию*** *заготовют на неделю*; [о старообрядцах-безбрачниках] *оне вот доживают/ до шестьдесят лет/ женщина/ если с мужчиной живёт/ <…> она… и говорит/ <…> «я больше* ***прекращаю*** *с тобой жизню жить/ <…> я иду в моленну»/ монашка/ «а ты как хочешь»/ вот такая у них ерунда*.

В-третьих, литературные единицы используются в речи АМР с изменением их литературно-нормативных значений и/или нормативной для них лексической и грамматической сочетаемости. Ср.: *мне принесли извещение уплатить* ***обложение*** (в речи АМР *обложение* — слово с предметным значением (‘налог’),

употребляется в роли управляемого); *если наши братья/ то я гляжу — они без шапки* [в отличие от попов в церкви]*/ и* ***борода венчает****/ как по-божьи/ как… есть в уставе* (наблюдается расширение значения глагола *венчать* за счет элиминации семантического компонента ‘сверху’); [о крещении в церкви] *а ложку-ту он суёт ведь/ каждому/ одно и то же// и вот те пожалуйста и зараза//* ***дезинфекция*** (в знач. ‘инфекция’).

К особенностям речи АМР относятся конструкции, расчлененно, аналитически выражающие единое значение. Среди них характерные для диалектной речи тавтологические конструкции *жизню жить*, *старые старики, поминать помянники*; конструкции типа двандва ([о патриархе Никоне] *он своё взял/ церква отнял/ всё отнял/ всё возглавил/ своё всё/ причастия/ убавлено-прибавлено у него*), конструкции литературно-книжного характера *дать согласие*, *оказывать помощь*, *брать во внимание*, *не иметь представления*; индивидуальные выражения: *крест делать* (‘креститься’), *насмешку давать* (‘насмехаться’), *...лет тому назад прошло*. Разнообразие аналитических конструкций речи АМР свидетельствует об их полимотивированности — как народно-поэтической и древнеписьменной традициями, использующими разные виды «тождесловия», так и литературно-публицистическим дискурсом, в недрах которого развиваются аналитические способы выражения смысла.

Значительное место в лексическом составе речи диалектоносителя-старообрядца занимает лексика, связанная с религиозной сферой (*верой*): названия верховного существа и сына Божьего (*Бог, Господь, Исус Христос*), действий и состояний верующих (*молиться, моление*, *поститься*, *класть/положить поклоны, грех*), религиозных обрядов, служб (*пост, причастие, служба, венчание, крещение, начало класть* ‘совершать религиозный обряд (при венчании, проводах в армию)’, *сделать обрясчение/обрячение* ‘совершить обряд венчания’, *кадить, проповедовать, панихида/панафида, Вселенска/Родительска всемирна панихида, лития, миропомазание, большая вечерня, малая вечерня, полуночница, утреня, молебен, воскресна служба*), религиозных текстов (*писание*, *святцы, Библия, требник, псалтирь, устав, синодикт* (синодик), *Евангелие, Золотоустье, Цветная триодь, молитва «Богородица дева радуйся», акафист*), религиозных праздников и дат (*Пасха/Паска, Рожество/Рождество, Родительска/Родительска суббота, Богоявление, Троица, Усекновение головы/главы* [Иоанна Предтечи], *Успенье/ Успенье Богородицы/Успенье пресвятой Богородицы, Преображенье, Мясоед*), мест религиозных отправлений (*молельная/моленная/моленна*, *церковь*), атрибутов религиозной обрядовости (*риза, крест, икона, образа, кадило/кадильница, венец, купель*), имена лиц — святых, религиозных деятелей, служителей — и человекоподобных существ — врагов веры (*Богородица, Никола Чудотворец, Иоанн Креститель*, *Иоанн Богослов*, *Иоанн Предтеча*, *патриарх Никон*, *пророк, инок, поп, дьякон, настоятель, антихрист, сатана*), названия религиозных объединений и направлений (*приход*, *монашки, монашья вера, поповцы, беспоповцы, брачники, безбрачники, православные, християне*), оценка вероисповедания (*праведная вера, еретики* ‘приверженцы официальной церкви’, *крещенье еретическо /*

христианско), устойчивые выражения с теонимами (*Господи сохрани*; *с ангелом тебя* (поздравление с именинами); *Бог даёт дурак живёт*; *без Бога не до порога*; *по Божью велению; кесарю кесарево, а Богу Богово*).

Речь АМР изобилует отсылками к текстам эсхатологического содержания, в основном — апокалиптическим пророчествам, сопоставлениями предсказаний с реальной современной жизнью, явления которой интерпретируются «как приметы последних времен» [Данилко 2013: 66], ср.: *народятся девицы бесстыжие лица// они сейчас и пострижены/ и в этих/ ходят в штанах*. В подобном ключе выдержаны рассуждения о паутине, покрывшей земное пространство, железной птице и железном коне как предвестниках конца света.

Речевые фрагменты, апеллирующие к письменным источникам, нередко включают церковнославянские фонетические и грамматические формы, ср.: *там опять написано…/ «смешавшися языци/ и навлекоша все дела дияволские»*. Устойчивой в таких фрагментах является предикативная конструкция с глагольной связкой в настоящем времени: *там в писании есть писано*; *у нас есть в уставе сказано*; *а с еретиком/ тоже есть написано/ с еретиком/ вот не пить/ и не есть/ и не вкупе Богу молиться*.

Религиозная лексика функционирует в речи АМР в «диалектной аранжировке» (*Рожество*, *Паска*), либо (чаще) в окружении характерных для говора фонетических и грамматических диалектизмов, ср.: [сопоставление старообрядческих и церковных канонов] *в этим/ в* ***писании****-ти// у нас/ у нас-ту* ***по-божии писании****-то/ а оне вроде тоже* ***по-божии****/ но по-другому совсем*.

Синтез религиозной и бытовой культуры, религиозного и бытового дискурсов, выражается, с одной стороны, в семантических модификациях религиозной лексики, претерпевающей в речи АМР «обытовление», а с другой стороны, в специфическом употреблении лексики хозяйственной или специальной сферы, используемой в контекстах религиозной тематики. Так, вышедший из употребления глагол *услужать*, восходящий к лексике религиозной сферы (в «Материалах» И. И. Срезневского фиксируется глагол ѹслѹжати в знач. ‘служить, поклоняться’), используется информантом в бытовом значении, ср.: *мне принесли извещение… уплатить за услуги/ а мне кто будет* ***услужать****?/ мне восемьдесят лет будет// мне с кого требовать?// у меня вот сейчас воды нету вот// сейчас страдаю из-за воды…* (мотивационное отношение *служить* → *услужать* замещается отношением *услуга* → *услужать*, в котором абстрактное значение религиозного служения преобразуется в конкретно-бытовое значение оказания услуги, помощи); слово *Библия* употребляется в расширительном значении ‘книга, содержащая ценные исторические сведения’: *вот токо у кого она/ хто её таит/ не знай/* ***Библия****/ нашего сёла вот/ специально сёла нашего* ***Библия*** *вот/ в ней всё указано/ откуда-т появились самодуры/ и почёму она Самодуровка*.

Нерелигиозная лексика, включенная в контексты религиозной тематики, также испытывает семантические изменения. Ср: *и надо всем хозяйничает Бог*. Глагол *хозяйничать* имеет здесь положительную коннотацию, не свойственную в данном значении литературному употреблению (ср. в МАС: хозяйничать в 4-м

знач. — ‘бесцеремонно распоряжаться, делать что-л. по своему усмотрению’). Выражаемая диалектоносителем положительная оценочность связана, по всей видимости, с безусловно положительным для носителя традиционной народной культуры коннотативным потенциалом данного слова в его основном первичном значении ‘вести хозяйство, заниматься хозяйством’. Метафорическое переосмысление в речи АМР получает сельскохозяйственный термин *инкубация* (‘искусственное выведение птенцов в инкубаторах’): *то были грамотные по-старому писанию/ а мы/ уж/ остались// как все выражаются/* ***инкубация*** [посредством приведенной метафоры оценивается новое поколение староверов, утрачивающее строгое знание норм писания в сравнении со старшим поколением].

Лексемы разных дискурсивных сфер вступают в речи АМР в отношения лексической синонимии, напр., *настоятель* и *председатель*: *Павел… Анатольевич/ он* ***председатель****/ этой моленной//* ***председатель*** *этой общины нашей <…> это* ***настоятель****/ а ёму… этому* ***председателю****… вот письмо даже это вот ёму перешлите <…> там… внутри кладбища моленна/ молельный дом/* ***настоятель*** *Портнов*.

В рассказе о земной жизни Иисуса Христа для обозначения его спутника используются слова *связной, адъютант, мужчина*, Иисусу приписываются конкретные бытовые действия (*ширкать колос*), простые человеческие эмоции (*осерчать, серчать*), вместе с тем выражена идея о глобальной бытийной значимости описываемой ситуации (*а то бы не существовало бы человека*): *коґда Исус Христос ходил по земле <..> у нё был/ как сказать/ связной// и вот подходит/ к одному окошку/ ну и/ стучит… «ґосподи/ Исусе Христе сыне божий помилуй меня грешного/ помилуй/ подайте Христа ради»/ просит// а женщина-то <…> в чулане-ти блины пёкла <…> а Исусу Христу не подала… он осерчал// и коґда вышел… из сёла-то <…> как взял* [колос] *рукой-то от земли эдак вот/ и начал ширкать/ а ёго-то/ этот/ ну как/ адъютант/ и схватил/ сверху-ту/ «да что ты ґоворит/ ґосподи/ что ты делаешь?// ты поморишь/ весь народ/ ну хлеба-то не будет»// <…> вот он осерчал/ кода шёл/ кода шёл/ значь серчал/ и от земли и ширкнул/ он бы всё сширкнул/ а вот с нём который был/ мужчина-то/ он/ и ухватил сверху/ колос-то и остался// а то бы не существовало бы человека*.

Бытовая тематика в речи АМР перетекает в рассуждения на тему религии, при этом тематически разноплановые фрагменты не отделены друг от друга какими-либо средствами тематического переключения. Ср.:

трактор не добьёшьси// стал спрашивать/ «Валерий Иваныч/ мне бы скосить усадьбу надо»/ «дядя Миш/ нет солярки»// вот ты вещь какая! … и бензин/ вон опять всё передают/ ещё дороже будет// в десять раз повысится// и поневоле мы всё время будем стоять// и машины/ и трактора — всё// а лошадка всё работат/ всё/ и привезёт/ и вспашет// вот так вот// и опять есть писано// «как первые мученики во царствие сходили/ так и последние пойдут// от морского песку дождёва капель — все пойдут во Христа».

В целом монологические фрагменты речи АМР представляют собой тип «смешанного» текста, объединяющего элементы разных языковых подсистем:

диалектизмы разных уровней, разнородные лексико-фразеологические и грамматические средства (просторечные, книжные, устаревшие единицы, единицы религиозной сферы). Феномен «смешанного» текста формируется, как отмечает Г. П. Нещименко, в условиях проницаемости межидиомных границ [Нещименко 2003]. Интенсивное взаимодействие разных социально-функциональных языковых подсистем, эффект их «смешения» как отличительное свойство языковой компетенции диалектоносителя-старообрядца обусловлено синтезом прежде всего двух равнозначных для языковой личности культурных кодов — бесписьменной традиционной народной культуры и книжно-письменной культуры старообрядчества. Дополнительным источником культурно-языкового влияния, расширяющим диапазон коммуникативной компетенции языковой личности диалектоносителя, становится литературный язык средств массовой коммуникации.

Специфика речи грамотного диалектоносителя-старообрядца служит, на наш взгляд, хорошей иллюстрацией к высказанному нами ранее положению о нетождественности признаков устности и бесписьменности коммуникации, о существенном влиянии грамотности на речь диалектоносителей, о необходимости разграничивать при изучении русской диалектной речи свойства, порождаемые, с одной стороны, устностью коммуникациии и, с другой стороны, отношением диалектоносителей к бесписьменной vs письменной культуре [Гольдин, Крючкова 2017].

Литература

Бибикова М. Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII — XIX веков // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 186–189.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. … д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3(9). М.: Наука, 2008. С. 398–413.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Заметки о речи устной, речи бесписьменной и языковом сознании диалектоносителей // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Вып. 12. Диалектология. С. 263–271.

Данилко Е. С. «Далекие земли» в «последние времена»: эсхатология и утопия в современной старообрядческой среде // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М.: Ин-т русского языка РАН, 2013. С. 65–69.

Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7(243). С. 105–114.

Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М.: Наука, 2003. 279 с.

Никитина С. Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста // История и география русских старообрядческих говоров. М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. С. 84–92.

Никитина С.Е. Устные жанры в конфессиональной культуре (старообрядцы в сопоставлении с молоканами и духоборами) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 36–64.

Никитина С. Е. Человек и социум в народно-конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Ин-т языкозн. РАН, 2009. 354 с.

Olga Ju Krjuchkova
Chernyshevsky Saratov State University
(Russia, Saratov)
vpks@rambler.ru

OLD BELIEVER'S DIALECT SPEECH (A "MIXED TEXT" PHENOMENON)

The author considers the specific features of Old Believer's dialect speech. These features result from the synthesis of cultural codes, equivalent for the linguistic personality, — unwritten traditional popular culture and written literary culture of Old Belief. The literary language of mass media also becomes a source of cultural and linguistic influence forming the communicative competence of the speaker's linguistic personality. The result of the interaction of different linguistic and cultural systems and the transparency of inter-idioms boundaries is a "mixed" type of text combining the elements of various social and functional subsystems, such as different levels dialect elements, heterogeneous lexical, phraseological and grammar means (vernacular language, bookish and obsolete units, units from the religious sphere).

The Old Believer's speech is a particular form of communication. Remaining typically dialect, it is marked with a noticeable influence of literary, including Church Slavonic tradition, and represents a synthesis of religious and everyday culture, of religious and everyday discourse.

The literate Old Believer's dialect speech specific is a good illustration to the aforementioned theses about the inequivalence of oral and unwritten communication, about the considerable impact of literacy on the dialect speakers' language, about the necessity to distinguish, when studying Russian dialect speech, the peculiarities conditioned by the oral character of communication, on the one hand, and by the belonging of dialect speakers to the unwritten vs. written culture, on the other hand.

Key words: Russian dialect speech, traditional folk's culture, Old Belief culture, interaction of language idioms.

References

Bibikova M.Ju. [The Old Belief of the city Volsk and Volskiy district in the XVII — XIX centuries]. *Saratovskoe Povolzh'e v panorame vekov: istorija, tradicii, problemy*

[Volga Region near Saratov through the centuries: history, traditions, problems]. Saratov, 2000, pp. 186–189. (In Russ.)

Gol'din V. E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii. Diss. Dokt. filol. nauk v vide nauch. dokl*. [Theoretical Problems of Communicative Dialectology. Dr. philol. sci. diss.]. Saratov, 1997, 52 p. (In Russ.)

Gol'din V. E., Krjuchkova O.Ju. [Text and Knowledge in Dialect Communication]. *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 2008, no. 3 (9), pp. 398–413. (In Russ.)

Gol'din V. E., Krjuchkova O.Ju. [Notes on the speech oral, non-literate and the linguistic mindset dialect speakers]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, 2017. no. 12. Dialektologija, pp. 263–271. (In Russ.)

Danilko E. S. ["Distant lands" in the "last times": eschatology and utopia in modern Old Believers' environment] *Russkie staroobrjadcy: jazyk, kul'tura, istorija* [Russian Old Believers: language, culture, history]. Moscow, The Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2013, pp. 65–69. (In Russ.)

Zaharov A. V. [Traditional culture in modern society]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Research]. Moscow, 2004, no. 7 (243), pp. 105–114. (In Russ.)

Neshchimenko G. P. *Jazykovaja situacija v slavjanskih stranah* [Linguistic situation in Slavic countries]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 279 p. (In Russ.)

Nikitina S. E. [Old Belief as a Confessional Culture: The View of Ethnolinguist]. *Istorija i geografija russkih staroobrjadcheskih govorov* [History and Geography of Russian Old Believers' Dialects]. Moscow, The Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 1995, pp. 84–92. (In Russ.)

Nikitina S. E. [The oral genres in confessional culture (Old Believers in comparison with Molokans and Dukhobors)] *Russkie staroobrjadcy: jazyk, kul'tura, istorija*. [Russian Old Believers: language, culture, history]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. pp. 36–64. (In Russ.)

Nikitina S. E. *Chelovek i socium v narodno-konfessional'nyh tekstah (leksikograficheskij aspekt)* [Man and Society in popular confessional texts (lexicographic aspect)]. Moscow, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2009. 354 p. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

А. И. Рыко
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
aryko@mail.ru

О ЯЗЫКЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-СТАРООБРЯДЦЕВ В НЕВЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В юго-западной части Невельского района сейчас не осталось старообрядцев, но можно обнаружить некоторые следы их пребывания здесь в течение двух столетий. В воспоминаниях старшего поколения местных жителей используются этнонимы «москали» и «скобари» для обозначения старообрядцев. Часто их называют «особой нацией», что предполагает прежде всего конфессиональные отличия. Большая часть местных жителей не замечала никаких особенностей в языке старообрядцев, хотя некоторые информанты утверждают, что он был «более чистым», то есть ближе к стандартному языку. Известно, что старообрядцы, жившие в южной части Псковской области в XVII–XIX вв., были выходцами из более северных районов (т. е. носителями среднепсковских или новгородских говоров). В отличие от старообрядцев, оказавшихся в иноязычном окружении (в приграничных регионах Литвы и Латвии), «невельские» старообрядцы, видимо, почти полностью ассимилировались в лингвистическом отношении, сохранив лишь некоторые свои черты. В статье анализируется идиолект уроженки бывшей старообрядческой деревни, в котором обнаруживаются некоторые черты, отличающие его от говора других информантов, указывающие на неполную ассимиляцию с окружающими диалектами. Это отсутствие белорусского отражения протославянских «редуцированных» гласных перед [j], отсутствие начального [j] в местоимениях 3 л., отсутствие протетического [v] перед гласными [o], [u] в начале слова, отсутствие белорусской формы 3 л. глагола *быть* [jos’t’]. Кроме того, отмечена «новгородская» синкретическая система окончаний Р.-Д.-П. пп. ед. ч. существительных *а*-склонения и окончание Р. ед. адъективного склонения с губной согласной (*-ово*).

Ключевые слова: старообрядцы, южнопсковские говоры, невельские говоры, пограничные русско-белорусские говоры, народные этнонимы.

1. Старообрядцы появились в окрестностях Невеля в конце XVII в. Известно, что основатель федосеевского толка старообрядчества Феодосий Васильев,

выходец из Новгородских земель, основал общежительство на территории тогдашней Речи Посполитой около Невеля в с. Русаново (ныне Окнийская волость Новосокольнического р-на Псковской обл.) в 1699 г. Невельское общежительство просуществовало до 1707 г., после чего его обитатели переместились в Вязовскую волость Великолукского уезда, потом какое-то их количество перебралось в Юрьевский уезд, еще позже (после 1719 г.) часть старообрядцев вернулись на территорию Псковской губернии, другая — в Речь Посполиту [Iwaniec 1977; Яковлева 2009; Кожурин 2016].

До сих пор в невельских говорах бытуют этнонимы «москали» и «скобари», которыми обозначают старообрядцев, хотя старообрядческих деревень в юго-западной части Невельского р-на не сохранилось, а выходцы из них не поддерживают традицию. Поскольку отдельные общины старообрядцев в XVII–XIX вв. мигрировали по югу Псковской области, трудно сказать, к какому периоду могут восходить этнонимы «москали» и «скобари». Как утверждает К. Я. Кожурин, «скобарями» называли жителей деревень, расположенных севернее озера Язно, а «поляками» — тех, кто жил южнее (что соответствует границе между Россией и Речью Посполитой после Первого раздела) [Кожурин 2016]. Возможно, в Невельском р-не «скобарями» (или «москалями») называли старообрядцев, пришедших в более поздние времена с территорий, расположенных севернее озера Язно.

2. Часто жители Невельского р-на говорят о старообрядцах как об «особой нации» («москалях» или «скобарях»), что предполагает в первую очередь наличие особой веры, отмечают, что у них была своя церковь, где священником могли выбрать любого человека. Многие информанты указывают на замкнутость «москалей» («скобарей») при общении с остальным населением, некоторые информанты говорят даже о некоторой их агрессивности. Одни информанты утверждают, что «москали» жили в тех же деревнях, что и «русские», другие — что были «москальские» деревни. Также все говорят, что сейчас такого разделения нет, все перемешались и «особая нация» перестала существовать. Что касается языка, то, как правило, утверждают, что он у «москалей» был таким же, как и у остальных, некоторые отмечают его бо́льшую «чистоту» (т. е. близость к литературному). Одна из информанток охарактеризовала речь «москалей» как «более грубую», подробнее см. [Рыко 2016]. Информант (ЖИГ) из другой (северной) части Невельского р-на сообщил, что речь старообрядцев отличалась и была «больше на Я и больше на Г», что, видимо, можно связать с границами сильного / диссимилятивного яканья и смычного / фрикативного /g/, которые отделяют невельские говоры от псковских[1].

2.1. *мъскалú да́ / жы́ли / у е́тым / забы́лъ ту́ю дярёўню / у Тъпаршы́ни тут мъскалú бы́ли / и яшшо́ у е́тым / у Дъминико́ви мъскалú / и яшо́ там ɣде́-тъ кълъ Нъвъхъва́нска па-мо́йму / бы́ли / ну сичас я́ ни зна́ю йúх / мо́жъ хто́ и ъцста́ўшы //*

[а кто такие эти москали?]

а-а яны́ такúи лю́ди как и мы́ / то́ка анú .../ у йих .../ у на́с как свяшэ́ньник / у на́з жъ у́чуть / и ўсё / а та́м приме́рнъ / хо́ш и тебе́ / вы́бируть и ўсё // (БВИ)

[1] Список информантов см. в конце статьи.

2.2. *мъскалú / мъскалú былú у нáс у сасéдний дярéўни там / Хóтькъвъ / тáм мъскалú адны́ былú //*

[а кто это такие? они как-то по-другому говорят?]

у нúɣ друɣáи вéра / у úɣ другáя вéра / ни тáк у цэ́ркви мóлюцъ // мы ж .../ у тýю цэ́ркву хóдим / ɣдé и рýскии и биларýскии / а у йúх аднá / друɣáи цэ́рква // (ГРП)

2.3. [а москали это кто такие?]

стъравéр / стъравéры //

[староверы? а откуда у вас тут староверы?]

а стъравéры я ни знáю аткýдъвъ анú / ну жылú аны́ нъ... ну друɣúи .../ нáцыя друɣáи / ну аны́ такúи сáмыи лю́ди / цэ сáмыи / ни узнáиш / ўóт / тóлькъ яны́ / как рáньшы / я ни знáю / а кáк рáньшы ръскáзывъў дéт там бáбъ ръскáзывъли / штó [...] анú / éтъ / яны́ ужý и [э] кáк / и с аднóй крýшки ни пилú / и за... за рýчку [...] за дьвéри ни брáлись / нáдъ вы́тиридь былó / ну и штó яшшо ?/ штó-тъ я тáк штó .../ аддéльнъ аны́ / а патóм ужý тут как пóсьли вайны́ ужý / ўóт стъравéры жылú / и у нáс / аны́ и пъжанúлися / дá / Мúтя [...] стъравéр жы́ў нъ сáмъм канцý тáм / éли там / дóм стъял / а [...] нявéстъ жылá так .../ а у нáс и бóльшъи чáсьть сваú съ сваúм жанúлиси //

[а староверы они в тех же деревнях жили?]

дá / дá //

[и в Емельянках были?]

дá //

[а так в каждой деревне или не во всех они были?]

нé / а ɣдé вазмóжнъзь былá / анú вóт жылú / у éтъй / Карóлиха там / нéт ей щáз дярéўни тóй / пóсьли вайны́ жылú // патóм [...] тáм навéрнъ двá хъзя́инъ стъравéръў жылó / и усё̃ // а патóм у кáждъй дярéўни //

а ɣдé у йúх / усю́дых / ɣдé рýскии / ɣдé стъравéры / ɣде штó // анú ужý абрусéли усé // (ШНВ)

2.4. *а э́тъ скъбарú лю́ди тут éсьць / э́тъ аддéльныи //*

[а вот кто они?]

а я́ ни знáю што яны́ / ну éтъ у úх вот / кáк их тáм нъзывáють / кáк йих ?/ у ме ɣдé-тъ запúсъна / ну́ / ну у нáс ё̃сь у дярéўни скъбарéй // э́тъ скъбарú друɣúи... [э] друɣáи нáцыя / у йúɣ друɣáи нáцыя / дá / аны́ ни тáк как мы́ / рýскии //

и мнóуъ éтых / и у ґъръдáх тяпéрь жывéть éтых скъбарё̃ў / éты скъбарú рáньшы жылú аддéльна / дирéўни бы́ли аддéльна / у йúɣ былá нáцыя друɣáя / а тяпéрь пóсьли вайны́ ўсё̃ съйидинúлъсь //

[они отличаются тем, что они другой нации? а говорят они как?]

тáк сáмъ ґъвъря́т / тáк сáмъ ґъвъря́т / дáжъ... ну́ / ну хтó кáг ґъварúт / чы́стъ ґъвъря́т //

[а они раньше чем-то отличались?]

у йúх вéра свъя́ / дá / у йúх вéра свъя́ //

[а выглядят, говорят так же?]

а ґъварáт тáк / бъльшынствó ґъваря́ть пачы́шшы как мы́ / вот тáк кáк-тъ у йúх пълучáиць / ў друɣúх / вóт / úли пъприéхъччы аткýда или аттýдъ / тýд збóр дружы́ны ужэ́ вéсь / тут ўся́чыны / хтó аткýдъ прийижджáить // (ПВП)

2.5. *я зна́ю / штъ мъя́ мъма́ша хади́лъ ў Дъминико́въ / ту́т шшыта́ли / каки́и-тъ скъбари́ //*

[ой, а кто это такие скобари?]

во́т / мъскали́ тут у на́с таки́и / скъбари́ / их нъзыва́ли // и на́шы / вот на́шы жы́тили у Лу́тнъ ни хади́ли у цэ́рькву / хътя́ бли́жы / Дъминико́въ да́льшы / ну та́м пръвъсла́внъи тъка́я бы́лъ цэ́рькъ //

[а скобари и москали это одно и то же?]

ну наве́рнъ //

ну́ / про́стъ ръзуаво́р у и́х [...] тако́й / тяжо́лый како́й-тъ / ну и были́ ане́ ъдде́льнъи на́цыя / как шыта́ли / ме́снъи тут // уде́-тъ ани́ ни были́ адде́льнъи на́цыя //

[а что значит более тяжелый разговор?]

ну такъ... уру́бый тако́й / ну ту́т ужэ́ ъдина́къвъ ста́ли / я́ ня по́мню //

[а их так и называли москали или скобари? может, их дразнили как-то?]

да́ / мы́ и дражни́ли их та́к / мальчы́шыг бы́лъ дра́жним / мъскали́ / скъбари́ //

[а они вас как дразнили?]

а́ / на́с фся́къ / ане́ такии сярьди́тыи бы́ли / рууа́лися / и ма́тъм / ишэ́ мы ни уме́ли / ни пънима́ли / ани́ быва́лъ нас ма́тъм ъбзаву́т // (СЛС)

3. Нам удалось записать только одну информантку, родившуюся когда-то в старообрядческой деревне, — Валентину Григорьевну Федоренко, род. в 1940 г. в д. Ковалиха Туричинского (в прошлом Доминиковского) сельсовета. И она сама, и ее соседи до сих называют ее «москалкой». Она отметила, что «москали» разговаривали несколько иначе по сравнению с соседними деревнями:

пъ-ра́знъму / у на́с у Къвали́хи бо́льшы как [...] мъскали́ нъзывали́ //

ну ўо́т мы и ръзуъва́ривъли ка́к-тъ тро́хъ [...] ни та́к / туд бо́льшы на «у» / а мы́ [...] ка́к-тъ [...] пъмя́хчи // а та́к пашти ъдина́къва // (ФВГ)

Очевидно, что такая характеристика, как «помягче», слишком абстрактна для того, чтобы соотносить ее с какими-либо лингвистическими чертами, а утверждение, что все остальные говорят «больше на *у*», по отношению к южнорусскому говору звучит странно, поскольку в невельских говорах (в том числе в идиолекте этой информантки), как и во всех южнорусских говорах, фрикативная реализация [*γ*] обычна. Действительно, по большинству черт говор В. Г. Федоренко не отличается от говоров остальных информантов. См. подробное описание современного состояния говора в [Рыко 2017].

3.1. Тем не менее В. Г. Федоренко довольно точно указывает одну из черт, противопоставляющих «москальский» говор всем остальным, — адъективное окончание Р. ед. м. р. с губным -*о*[*в*]*о*, а не с заднеязычным -*о*[*γ*]*о*. У ее говора есть и другие особенности — в нем мы не находим характерных для Невельского р-на «белорусских» черт.

3.2. В формах местоимения 3 л. у всех информантов в разном соотношении присутствуют варианты с начальным *j* или без него. Йотированные формы местоимения 3 л. характерны как для западного ареала русских говоров [ДАРЯ II: карты 64, 68], так и для всего массива белорусских, включая литературный язык. Согласно ДАРЯ, в юго-

западной части Невельского р-на имеется островок, где отмечены формы местоимений ж. р. без йотации (в п. 281 (Шульги) исключительно, в пп. 280 (Залоги), 282 (Дубище) — наряду с йотированными) [там же: карта 64]. В м. р. во всем исследуемом регионе «в соответствии с *он* отмечена форма <*j*>*он*», формы мн. ч. также здесь могут быть йотированными или нейотированными [там же: карта 64]. У всех информантов из соседних деревень йотированные формы присутствуют в том или ином количестве. Иногда преобладают йотированные формы (ЩВН), чаще всего йотированные формы редки у местоимения мн. ч., но преобладают у местоимений ж. р. и м. р. (СЗЕ, ШНВ, ПВП, БЗИ, также, видимо, БВИ и КВЯ), в ряде идиолектов йотированные формы в большинстве представлены только у местоимений ж. р., а в остальных формах — нейотированные (СЛС, ММТ). Только «москальскому» говору йотация местоимений 3 л. не свойственна вовсе.

Наши данные по местоимениям 3 л. удобно представить в таблице:

	ж. р.		**м. р.**		**мн. ч.**	
	ина	*ана*	*ён*	*он*	*яны*	*аны*
Козлы	**50**	2	**30**	1	**21**	13
Емельянково (СЗЕ)	**34**	8	*14*	*13*	18	**32**
Емельянково (ШНВ)	**25**	14	**22**	12	14	**50**
Ермошино	**42**	5	**16**	11	10	**29**
Тетёркино	**32**	13	**24**	6	3	**9**
Дудчино	**27**	8	9	**13**	15	13
Косцы	**13**	1	2		16	19
Глинчино	**25**	6	–	**18**	7	**40**
Церковище	*17*	*16*	1	**20**	1	**20**
Ковалиха	1	**9**	1	1	–	**7**

3.3. Формы И. п. ед. ч. прилагательных м. р. с окончаниями *-ый* под ударением (*молод*[*ы́й*]), а также после заднеязычных согласных со смягчением основы (*пло*[*хи́*]*й*) характерны для городокско-невельского диалекта и смоленских говоров [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 128] и упоминаются Е. Ф. Карским в качестве характерной белорусской черты [Карский 1903: 14]. ДАРЯ показывает, что такие окончания характерны для всей юго-западной части Невельского р-на [ДАРЯ II: карта 42]. У большинства информантов они встречаются регулярно, с небольшим количеством исключений (СЗЕ, ШНВ, ЩВН, КВЯ, ПВП, БЗИ). Например: *таке́й*; *таки́й* (16); *друγи́й* (3); *каке́й*; *каки́й* (2), *каке́й-тъ*; *каки́й-тъ* (3); *сьвяты́й* (3); *Ива́н Цвятны́й* (3); *бальшы́й* (8). Единственное исключение — цитирование чужой речи: *како́й сла́wнинькъй* (СЗЕ). Только у информантки-«москалки» отмечены исключительно стандартные рефлексы напряженных редуцированных: *тако́й* (3). Отсутствие этой диалектной черты в ее говоре (в глагольных формах [ы]-рефлексы напряженных редуцированных у нее не зафиксированы) можно объяснить не только влиянием литературного языка, но и особенностями говора переселенцев-старообрядцев.

3.4. В «москальском» говоре форма 3 л. ед. ч. глагола *быть* произносится как *йесь* (*йе́сьть*), т. е. в соответствии с русской литературной нормой, а не как *ёсь*, что характеризует белорусскую литературную норму и белорусские диалекты. Правда,

в говорах окружающих деревень оба варианта также распределены неравномерно. У одних информантов преобладает «белорусский» вариант (БЗИ, ПВП), у других примерно с одинаковой частотой употребляются оба варианта (СЗЕ, ШНВ, ЩВН), у третьих, как и в «москальском» говоре, только «русский» (КВЯ, БВИ, ММТ).

3.5. Наличие протетического [*в*] перед гласными /*о*/, /*у*/ в начале слова обычно считают одной из характерных черт современного белорусского языка, отличающей его от других восточнославянских [Аванесов 1964: 139.]. В современных невельских говорах эта особенность представлена неравномерно: в одних говорах (СЗЕ, ШНВ) — достаточно последовательно, в других она отмечена в одной-двух лексемах (ММТ, КВЯ, ЩВН, ПВП, БВИ). В «москальском» говоре (а также у БЗИ и СЛС) протетический [*в*] отсутствует.

3.6. Система Р.-Д.-П. пп. ед. ч. существительных *а*-склонения «новгородского» типа, т. е. с полным синкретизмом на *-ы*, отличает этот говор от всех соседних. Распространение форм Д.-П. пп. ед. ч. с окончанием *-ы*(*-и*) у существительных ж. р. на *-а* с твердой и мягкой основой (*к жоны*, *к земли*) наряду с распространением форм Р. п. ед. ч. с окончанием *-е* в современных работах описывается как различные системы *gen.-dat.-loc*. В Невельском р-не, как и в говорах Псковской группы и в части тверских говоров, распространены синкретические системы с варьированием показателей, в том числе с противопоставлением «ударной» и «безударной» разновидностей склонения у основ, оканчивающихся на парный твердый [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 123–124]. В записанных нами говорах представлены в основном синкретические системы с варьированием показателей или в зависимости от ударения, или в зависимости от конечного согласного основы. Почти во всех случаях на исходную систему окончаний накладывается литературная система.

Если выбор окончания зависит от ударения, то в ударных окончаниях Р.-Д.-П. ед. употребляется *-ы*, в безударных *-и* (*ѣ*) в основах на губные и зубные парные (СЗЕ, ШНВ, ЩВН, КВЯ, ПВП). Если выбор окончания зависит не от ударности/безударности, а от исхода основы — на губной или зубной, то у основ на губные (ударных и безударных) наблюдается синкретизм окончаний Р. и Д.-П. на *-и* (*ѣ*), у основ на зубные — синкретизм на *-ы*. Основы на заднеязычные, возможно, отражают синкретическую систему на *-е́* (*ѣ*) с наложением литературной системы. Такой тип вариативности окончаний наблюдается у БВИ.

В «москальском» же говоре представлена синкретическая система «новгородского» типа — с единым окончанием *-ы* в Р. и Д.-П. у основ на губные и зубные независимо от ударения: Gen. *-ы* (7) *сало́мы*; *каро́вы*; *по́сьли вайны́* (2); *с сасны́*; *капу́сты*; *рабо́ты*; Dat.-Loc. *-ы* (5) *к трубы́*, *к ма́мы*; *у цэ́рьквы той*; *нъ сва́дьбы*; *ў ха́ты*. Такие системы широко представлены в новгородских говорах и говорах новгородского происхождения [Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013: 144–148].

4. Старообрядческие говоры (видимо, примерно того же происхождения) на территории пограничных районов Литвы и Латвии также обнаруживают черты новгородско-псковской локализации, однако благодаря иноязычному окружению они не подвергались ассимиляции на протяжении долгого времени. Так, этим говорам

свойственны такие псковские (и южно-новгородские) черты, как сильное аканье и яканье, твердое /ч/, протетический /в/ перед /о/ и /у/, делабиализация (*ро́зъм*, *па́зъха*), лабиализация (*мужуки́*), второе полногласие, окончание *-ы* в Д.-П. ед. *а*-склонения, совпадение Д. и Т. мн., употребление предикативного деепричастия на *-ши*, окончание *-ы* в И. мн. (*сёлы*, *глазы*), йотированные местоимения 3 л. и т. д. [Čekmonas 2001: 111–122]. Сохранение этих черт указывает на псковское происхождение балтийских старообрядцев. В то же время, как показывает наш материал, невельские «москали», оказавшись среди белорусско-русских говоров, испытали сильное влияние с их стороны, сохранив лишь некоторые свои «исконные черты».

5. Таким образом, говоры переселенцев-старообрядцев в Невельском р-не Псковской обл., несмотря на большую степень ассимилированности с местными (белорусскими) говорами, до недавнего прошлого продолжали сохранять ряд отличительных черт. При этом некоторые из них (отсутствие специфического рефлекса напряженных редуцированных, отсутствие начальной йотации местоимений 3 л., отсутствие протетического [*в*] перед гласными /*о*/, /*у*/ в начале слова, отсутствие *ёсь* — белорусской формы 3 л. ед. ч глагола *быть*) указывают на неполную ассимиляцию с окружающими говорами. Другие черты — «новгородская» синкретическая система окончаний Р.-Д.-П. ед. ч. существительных *а*-склонения и, возможно, окончание Р. ед. адъективного склонения с губным согласным (*-ово*) — подтверждают, что невельские старообрядцы были выходцами из новгородских земель.

Список информантов

БЗИ — Быкова Зинаида Михайловна, род. в д. Тетёркино Стайкинского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1936 г., зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, д. Туричино того же района, 2016 г.;

БВИ — Бордяхова Валентина Игнатьевна, род. в д. Дудчино Стайкинского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1927 г.; зап. автора, д. Шекино того же района, 2016 г.;

ГРП — Глазко Раиса Петровна, род. в д. Мочулища Россонского р-на Витебской обл. в 1933 г.; зап. автора, д. Краснополье того же района, 2016 г.;

ЖИГ — Желамский Иван Григорьевич, род. в д. Ласино Невельского р-на Псковской обл. в 1932 г.; зап. автора в д. Чернецово того же района, 2020 г.;

КВЯ — Коваленко Валентина Яковлевна, род. в д. Косцы Невельского р-на Псковской обл. в 1934 г., зап. автора, д. Косцы, 2016 г.;

ММТ — Михайлова Мария Тимофеевна, род. в д. Церковище Топорского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1932 г., зап. автора, д. Церковище, 2016 г.;

ПВП — Проскочилова Валентина Петровна, род. в д. Ермошино Туричинского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1931 г.; зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, д. Новохованск того же района, 2016 г.;

СЗЕ — Сюртукова Зинаида Егоровна, род. в д. Емельянково Новохованского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1936 г., зап. автора, д. Шекино Туричинского с/с того же района, 2016 г.;

СЛС — Скоромнова Лидия Сергеевна, род. в д. Глинчино Туричинского (ранее Доминиковского) с/с Невельского района Псковской обл. в 1925 г.; зап. автора, д. Глинчино, 2016 г.;

ФВГ — Федоренко Валентина Григорьевна, род. в д. Ковалиха Туричинского (ранее Доминиковского) с/с Невельского района Псковской обл. в 1940 г.; зап. автора, д. Доминиково того же района, 2016 г.;

ШНВ — Шебанова Надежда Владимировна, род. в д. Емельянково Новохованского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1933 г.; зап. автора, д. Емельянково, 2016 г.;

ЩВН — Щербакова Валентина Никифоровна, род. в д. Козлы Соминского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1927 зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, д. Туричино того же района, 2016 г.

Литература

Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н. Системы соотношения gen. и dat.-loc. *а*-основ в восточнославянских языках // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 144–148.

Нарысы па беларускай дыялекталогіі / рэд. Р. І. Аванесав. Мн. : Навука і тэхніка, 1964. 415 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 128–179.

Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 466 с.

Кожурин К. Я. Староверы Псковского Поозерья. Пустошкинский район. Литагент Ридеро, 2016. 78 с.

Рыко А. И. О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья // Севернорусские говоры. Вып. 15. СПб., 2016. С. 71–88.

Рыко А. И. Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности // Лексический атлас русских народных говоров. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2017. С. 453–497.

Яковлева Т. И. К истории невельских и пустошкинских староверов // Невельский сборник. Вып. 15. СПб., 2009. С. 143–152.

Čekmonas V. Russian varieties in the southeastern Baltic area: rural dialects // Circum-Baltic languages. Vol. 1: Past and Present / eds. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam, 2001. P. 111–122.

Iwaniec E. Z dziejów staroobrędowców na ziemiach polskich. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. 294 p.

A. I. Ryko
Saint-Petersburg State University
(Russia, Saint-Petersburg)
aryko@mail.ru

ABOUT THE LANGUAGE OF THE OLD BELIEVERS IN THE NEVEL DISTRICT OF THE PSKOV REGION

There are no Old Believers left in the southwestern part of the Nevelsky district now, but some traces of their stay here for two centuries can be found. The ethnonyms "Moskali" and "Skobari" to denote the Old Believers are still used in the language of the older generation of local inhabitants. The Old Believers are often called a "special nation", which implies, first of all, confessional differences. Most of the locals did not notice any peculiarities in the language of the Old Believers, although some informants say that their language was "more clean", so it was more approximate to the standard language. It is known that the Old Believers who lived in the southern part of the Pskov region in the XVII–XIX centuries came from more northern regions (they spoke Middle-Pskov or Novgorod dialects). Unlike the Old Believers who lived in a foreign-speaking environment (in the border regions of Lithuania and Latvia), the Nevel Old Believers, apparently, almost completely assimilated linguistically, retaining only some of their original features. The article analyzes the idiolect of a native of a former Old Believer village, which reveals some features that distinguish it from the dialect of other informants. These features indicate incomplete assimilation with the surrounding dialects. These are the absence of the Belarusian reflection of proto-Slavic "jers" before [j], the absence of the initial [j] in the forms of 3rd person pronouns, the absence of the prosthetic [v] before the vowels [o], [u] at the beginning of the word, the absence of the Belarusian form of the 3rd person verb "*to be*" [jos'ť']. In addition, syncretic system of endings Gen.-Dat.-Loc. Sg. nouns of *a*-declension and the ending Gen. Sg. adjectival declination with a labial consonant (*-ovo*).

Key words: Old Believers, South Pskov dialects, Nevel dialects, border Russian-Belarusian dialects, folk ethnonyms.

References

Abramenko O. A., Nikolayev S. L., Ter-Avanesova A. V., Tolstaya M. N. [The systems of correlation of endings of Genitive, Dative an Locative of the former a-stems in the East Slavic dialects: comparative aspect]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 16: Grammatika slavyanskikh dialektov. Mekhanizmy evolyutsii. Utraty i innovatsii. Istoriko-tipologicheskiye yavleniya* [Studies in Slavic Dialectology. Issue 16: Grammar of Slavic dialects. Mechanisms of evolution. Losses and innovations. Historical and typological phenomena]. Moscow, 2013, pp. 144–148. (In Russ.)

Narysy pa bielaruskaj dyjaliektalohii. [Essays in Belarus dyalectology] Ed. R. I. Avaniesav. Minsk : Navuka i technika, 1964. 415 p. (In Belorus.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. Ye., Ter-Avanesova A. V. [The dialects on the border of Byelorussia and Russia]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 13: Slavyanskiye dialekty v situatsii yazykovogo kontakta (v proshlom i nastoyashchem)* [Studies in Slavic dialectology. Issue 13: Slavic dialects in a situation of language contact (past and present)]. Moscow, 2008, pp. 128–179. (In Russ.)

Čekmonas V. Russian varieties in the southeastern Baltic area: rural dialects. *Circum-Baltic languages. Vol. 1: Past and Present* / eds. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam, 2001, pp. 111–122.

Iwaniec E. *Z dziejów staroobrędowców na ziemiach polskich* [From the history of the Old Believers in the Polish lands]. Warsaw, 1977. 294 p. (In Pol.)

Karskiy Ye. F. *Belorusy. T. 1. Vvedeniye v izucheniye yazyka i narodnoy slovesnosti* [Belarusians. T. 1. Introduction to the study of language and folk literature]. Warsaw, 1903. 466 p. (In Russ.)

Kozhurin K. Ya. *Starovery Pskovskogo Poozer'ya. Pustoshkinskiy rayon* [Old Believers of the Pskov Poozerye. Pustoshka district]. Litagent Ridero, 2016. 78 p. (In Russ.)

Ryko A. I. O lingvisticheskoy samoidentifikatsii zhiteley russko-belorusskogo pogranich'ya [On the linguistic self-identity of villagers living in border zone of Russia and Belarus]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 15, 2016, pp. 71–88. (In Russ.)

Ryko A. I. Pogranichnyye govory Nevel'skogo rayona Pskovskoy oblasti: raznoobraziye i stepen' sokhrannosti [Border dialects of Nevelsky district of the Pskov region: the diversity and degree of preservation]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical Atlas of Russian Dialects]. SPb. : Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2017, pp. 453–497. (In Russ.)

Yakovleva T. I. K istorii nevel'skikh i pustoshkinskikh staroverov [To the history of the Nevelsky and Pustoshkinsky Old Believers]. *Nevel'skiy sbornik* [Nevel miscellanea], 15. SPb., 2009, pp. 143–152. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

С. Гжибовский, М. Глушковский, Д. Пасько-Конэчняк
Университет Николая Коперника
(Польша, Торунь)
stefgrzy@interia.pl, gluszkowski@mail.ru, dorotapasko@poczta.onet.pl

СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ГОВОРА СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ

Говор старообрядцев, проживающих на северо-восточной окраине современной Польши, выводится из псковской диалектной зоны и исторически входит в состав прибалтийского диалектного старообрядческого ареала, являясь его самой западной ветвью. В последнее время говор подвергается сильному польскому воздействию, что проявляется прежде всего в его лексике, но также в синтаксисе и фонетике. Несмотря на это, он представляет большую ценность сам по себе, состоит из самых разнообразных пластов языковой системы, в которой можно найти своеобразные языковые явления, специфические только для него, и такие, которые соотносят его с другими этнолектами в их временной и пространственной перспективе.

Следует отметить архаические формы, неизвестные другим русским говорам, своеобразные инновации, основанные на русских или на польских источниках. Одним из важных явлений в этом говоре и в русских говорах Прибалтики является наличие многих слов, созвучных с польскими лексемами (условно названных «полонизмами»), а также с белорусскими (диалектными и общебелорусскими). Некоторые из них не встречаются в русских материковых говорах. Это поддерживает тезис о русском старообрядческом ареале в Прибалтике и Польше и о роли белорусской языковой стихии в его формировании. Многие лексические единицы известны также в других русских говорах, прежде всего в сопредельных с ареалом псковских, смоленских и брянских.

Ключевые слова: русский говор в Польше, говоры старообрядцев, русский прибалтийский диалектный ареал, лексика, лексические заимствования, языковые контакты, полонизмы.

В работах о распространении русского языка в Прибалтике В. Н. Чекмонас [Čekmonas 2001] выдвинул тезис, что деревенские диалекты в странах Прибалтики появились в результате массового бегства старообрядцев за пределы Российского государства. Это переселение в XVII–XVIII вв., описанное также в исторических

исследованиях [Iwaniec 1977; Поташенко 2006; Зеньковский 2009; Таранец 2012 и др.], получило, таким образом, поддержку в ряде аргументов, основанных на лингвистических данных. Они позволили В. Н. Чекмонасу убедительно доказать, что основная масса переселенцев говорила на диалектах близлежащего великорусского ареала, т.есть на новгородском и псковском, причём в Латгалии и Литве это были в основном юго-восточные псковские говоры [Čekmonas 2001: 120]. Этот тезис был позже развёрнут и уточнён в статье, написанной В. Н. Чекмонасом вместе с Н. Морозовой [Морозова, Чекмонас 2007].

Самая западная зона расселения старообрядцев на этой территории находится в настоящее время в северо-восточной Польше [Pastuszewski 2016: 8, карта]. С одной стороны, это говор староверов, проживающих в треугольнике городов Сувалки — Сейны — Августов и вокруг него, а с другой — уже отмирающий говор мазурских староверов, история которых связана с переселением части сувалкских старообрядцев в 30-е гг. XIX века в Восточную Пруссию.

История говора старообрядцев в Польше

О ранних этапах языковой ситуации говора (XVIII–XIX вв.) можно судить по некоторым косвенным данным. На её формирование оказали влияние внешние исторические и социальные условия, а также особенности функционирования старообрядческих общин. Поэтому можно предполагать, что в это время основным языком повседневной коммуникации в старообрядческих общинах на территории современной Польши был русский говор. В большинстве случаев это был также первичный язык. Для некоторой части жителей старообрядческих общин, а именно для тех, которые не нуждались в контактах с окружающим польским населением, это был также единственный язык. Вследствие соседских контактов появлялось и русско-польское двуязычие, но оно не могло быть всеобщим. Есть свидетельства, что женщины, занимающиеся домашним хозяйством, вплоть до 1920-х гг. могли не знать польского языка. Причины этой ситуации довольно ясны. Во-первых, после Венского Конгресса 1815 г. эта часть Польши отошла к Российской Империи и с течением времени там усиливалась роль русского языка, так как всё: администрация, школьное обучение и всякая общественная деятельность — подверглось русификации, хотя и не сразу. Во-вторых, на этой территории проживало, по некоторым данным, около 10 тыс. старообрядцев, то есть они составляли самодовлеющую группу населения, почти исключительно занимающуюся сельским хозяйством и вполне достаточную для удовлетворения своих экономических, культурных и духовных потребностей. Они не были оторваны от общерусского языка. Контакты с одноверцами в России у них были не ограничены, и, кроме того, они поддерживали прочные связи со старообрядцами в Литве, Беларуси и Латвии, используя при этом свой говор и русский язык. Можно предполагать, что развивалась так называемая диглоссия или даже триглоссия, т. е. такая ситуация, когда в домашнем и повседневном общении между соседями и вообще между членами общины использовался свой говор, для общения с русской администрацией, в школе, в армии

и подобных ситуациях — русский литературный язык, которому обучали в школах. Ещё в одной очень важной сфере — в духовной жизни — в исполнении религиозных потребностей (молитвы, литургия, уроки Закона Божьего и т. д.) использовался церковно-славянский язык, которым большинство членов общины владело по крайней мере пассивно. Некоторая часть могла владеть им также активно, т. е. писать тексты (например, в помянниках), используя элементы этого языка. На это могло накладываться также знание польского языка как языка общения во всём регионе, что можно уже рассматривать как переход к двуязычию.

Одним из важных явлений в жизни старообрядческих общин в прошлом является склонность к изоляции от внешнего мира, от не-старообрядческих групп, и это ещё один аргумент в пользу представленной выше характеристики языковой ситуации старообрядцев на территории современной Польши в XIX и начале XX века. Следует иметь в виду также и то, что во время I Мировой войны они были эвакуированы в Россию и в течение нескольких лет имели непосредственный контакт с общерусским языком.

Ситуация коренным образом изменилась после 1918 г., т. е. после того как обсуждаемые старообрядческие общины, вместе со старообрядцами в части Литвы, большой части Беларуси и некоторой части Латвии (южной Латгалии), вошли в состав восстановленного польского государства — II Речи Посполитой. Но это в продолжение почти всего межвоенного периода могло быть внешним фактором и не нарушало основ внутреннего уклада староверских общин. Они были всё ещё самодовлеющими и изолированными, население было гомогенным, занималось прежде всего сельским хозяйством. Высоким престижем обладали внутренние ценности — древлеправославие, свои обычаи и свой язык. Поэтому основным языком домашнего и внутреннего соседского общения был свой говор, его коммуникативная роль была, кажется, даже сильнее, чем раньше, поскольку произошёл разрыв с русским языковым материком и с диалектами одноверцев, оставшихся в СССР. Но этот разрыв не сразу сказался на языковой ситуации, т. к. ядро общин составляли лица, прошедшие языковую социализацию до 1915 г. и отчасти укрепившие русские основы своей речи в эвакуации в России. Кроме того, у них были контакты с многочисленным старообрядческим населением тех частей современной Литвы, Латвии и Беларуси, которые входили в состав II Речи Посполитой и где были важные старообрядческие центры.

Но внешние условия были уже другими. Прежде всего, произошла смена языка государственной администрации, судебного исполнения, армии и школы. Для тех, кто нуждался в контактах с администрацией, необходимым стало знание польского языка, а поскольку в довоенной Польше существовала обязанность школьного обучения по крайней мере на начальном уровне, то молодые старообрядцы должны были обучаться польскому языку, и таким образом поколение, вырастающее в 20–30-е гг. XX в., становилось двуязычным — естественно, с разным уровнем владения польским языком. В этом поколении уже, кажется, не было лиц, которые не знали бы польского языка [Гжибовский, Глушковский 2008: 204–205].

Русский говор был в общине первичным языком и основным кодом общения, но в нём уже обнаруживалось польское влияние, прежде всего в лексике,

касающейся административных и общественных институций. Разрыв с русским языковым материком сказался, кстати, в почти полном отсутствии в речи польских старообрядцев так называемых советизмов. Значение же церковнославянского языка было таким же прочным, как и раньше.

II Мировая война сказалась на языковой судьбе старообрядцев в Польше самым решительным образом. Численность населения староверских общин в сувалкском регионе, который в 1939 г. был занят Германией, резко сократилась. Это было следствием переселения большинства старообрядцев в СССР (в Литву) в апреле 1941 г. согласно договору между СССР и Германией об обмене населением. Сейчас в деревнях этого региона или вообще нет старообрядцев, или живут отдельные семейства, которые уклонились от вывозки или сумели вернуться на свои подворья после войны.

Августовский район, занятый в 1939 г. Красной Армией, а немцами лишь в 1941, имел несколько другую судьбу. В 1943 г. жители д. Габове Гронды (Gabowe Grądy) и Бур (Bór) были вывезены на принудительные работы в Германию. После войны вернулись также не все, по всей вероятности около половины, но сами деревни были восстановлены и до сих пор являются единственными в Польше деревнями компактного проживания старообрядцев.

По некоторым данным, количество старообрядческого населения в этих двух регионах сократилось примерно с 10 тыс. в 1939 до 2 тыс. в 1945 г. С этого времени в результате многих процессов, затрагивающих не только старообрядцев, их численность продолжает уменьшаться [Гжибовский, Глушковский 2008: 204–205]. Согласно нашим наблюдениям, в настоящее время здесь проживает не более тысячи старообрядцев, причём большинство из них — это уже жители городов Сувалки и Августов, что также сказывается на языковой ситуации.

Ситуация подверглась резкому изменению и по другим причинам. Говор старообрядцев в Польше становится полностью островным, т. е. отрезанным не только от общерусского языка, но также от языка одноверцев в Литве, Беларуси и Латгалии. Это начинает выразительно проявляться, когда взрослеют и начинают преобладать поколения, родившиеся после войны. Всеобщее обучение на уровне семилетки, а потом восьмилетки уже в самом начале приводит к упрочению двуязычия, но поколению рождённых в 1950–1960-е гг. можно ещё приписывать первичность русского говора и статус его как основного кода. Двуязычность и отрыв от общерусской базы, однако, приводит к сильному влиянию польского языка, что можно было заметить в речи подростков и детей в начале 1970-х гг. Они говорили «по-своёму», т. е. на своём диалекте, но с польской фонетикой и со многими лексическими и синтаксическими полонизмами. Это составляло резкий контраст с речью их дедушек и бабушек, у которых сохранялся чистый псковский говор почти без польских примесей, что было отмечено в ранних исследованиях говора (см. раздел «Характеристика говора»).

Начиная с 1970-х гг. наблюдается также смена многих ценностей в жизни общины, ослабевает тенденция к самоизоляции от внешнего мира, от польских соседей и от того, что несёт цивилизация. Сказывается влияние СМИ, прежде всего

телевидения. Молодёжь начинает учиться в городах и устраиваться там на работу. Появляются смешанные браки, в семейный обиход которых входит польская речь. В староверских семьях становится нормой говорить с детьми по-польски, что объясняется желанием уберечь детей от языкового шока при поступлении в школу. Поэтому во многих случаях в молодом поколении польский язык также приобретает статус первичного и основного кода, равноправного с говором. В городах, куда переселяются многие старообрядцы этих регионов, русский говор вытесняется из этой роли. В школьном возрасте польская речь начинает играть роль основного средства общения и становится более престижной, чем родной говор, который сохраняется лишь в семейном кругу. В деревнях Габове Гронды и Бур говор всё ещё имеет статус языка соседского общения. В других деревнях и в городах новые поколения переходят почти полностью на польский язык. Однородный ещё для нынешнего старшего поколения говор начинает расслаиваться, разобщаться и поразному проявляться у разных носителей. С одной стороны, есть примеры использования говора как первичного, основного и развитого кода также у некоторых молодых членов общины, а с другой стороны, есть многочисленные примеры использования его как вторичного, ограниченного кода, состоящего из небольшого корпуса выражений и слов, касающихся семейного или самого простого соседского обихода. Между этими крайностями есть целая гамма разновидностей языковой ситуации и отношений между языками [Głuszkowski 2011: 209–242]. Снижается уровень владения церковнославянским языком, который пассивно знают только представители старшего поколения, хотя надо отметить, что вследствие всеобщего участия в религиозной жизни общины и обучения основам древлеправославия в школах сохраняется его косвенное знание.

Иначе, несомненно, формировалась языковая ситуация говора в мазурском регионе, где уже в XIX в. он становится полностью островным и подвергается влиянию местного польского говора, на котором говорила основная масса сельского населения Восточной Пруссии, а с течением времени и воздействию немецкого языка, который употреблялся в администрации, школе и армии. Численность старообрядческого населения на Мазурах после II мировой войны резко сократилась с 2 тыс. в 1945 г. до едва 50 в настоящее время в результате миграции старообрядцев в Германию в 50–70-е гг. XX в. Русским говором пользуются лишь некоторые пожилые старообрядцы, и, следовательно, нет коммуникативной общности между поколениями.

Наши исследования касаются речи староверов прежде всего сувалкского и августовского регионов, данные из мазурского региона используются косвенно.

Характеристика говора

Говор старообрядцев в Польше исследовали в 50–60-е гг. XX в. И. Грек-Пабис [Grek-Pabisowa 1968, 1983, 1999] и И. Марыняк [Maryniakowa 1976, 1982], когда он имел ещё статус первичного и основного кода и сохранял основные диалектные черты, в немногом лишь затронутые польским и / или немецким влиянием. В их

работах содержится аргументация в пользу псковского происхождения говора, который рассматривался как единый, несмотря на некоторые различия между регионами. С начала XXI в., в частности по инициативе Л. Л. Касаткина, староверским говором сувалкского и августовского регионов стали интересоваться исследователи из Университета Николая Коперника в Торуни. Начало положила наша совместная поездка с Л. Л. и Р. Ф. Касаткиными в Габове Гронды в 1998 г. Именно тогда оказалось, что говор подвергается сильному польскому воздействию, заметному прежде всего на фонетическом и лексическом уровнях. Поэтому в первую очередь была поставлена задача изучения этого влияния, и в 2002 г. на конференции «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы» в Москве были представлены предварительные исследования этого процесса, названного гибридизацией, в фонетике говора. В последующие годы эта задача стала темой ряда работ, в которых анализу подвергались вопросы польского воздействия на лексическую [Paśko-Koneczniak 2011, 2016] и антропонимическую систему говора [Ziółkowska-Mówka 2019], а также социо- и психолингвистические аспекты двуязычия у старообрядцев в Польше [Głuszkowski 2011; Гжибовский, Глушковский 2013]. В последнее время торуньские исследователи разрабатывают комплексную документацию говора. Первым её этапом является публикация избранных текстов [Rosyjska gwara 2016], записанных при помощи славистической транскрипции, основанной на латинице. Её сопровождает русский транскрипт, близкий к орфографической записи, но отражающий его основные фонетические черты (безударный вокализм, твёрдость-мягкость согласных и т. д., подробности в [Rosyjska gwara 2016: 26–30]).

Комплексная разработка позволила выдвинуть тезис, что говор старообрядцев в Польше сам по себе представляет собой большую ценность и его следует подвергнуть всестороннему анализу, обращая внимание на все явления, свидетельствующие о его своеобразии, в том числе и вытекающие из польского влияния. По ходу такой разработки оказалось, что, как и каждый живой этнолект, он состоит из самых разнообразных пластов языковой системы, в которой можно найти специфические только для него языковые явления, но также и такие, которые соотносят его с другими этнолектами в их временной и пространственной перспективе.

Говор сохраняет основные псковские диалектные черты (см. об этом [Grek-Pabisowa 1968: 167–171]). В фонетике это сильное аканье и яканье, отвердение согласных [č], [c] и сочетания [šč], взрывной характер [g] (за исключением части церковной лексики), слияние приставки и предлога *у-* с *в-* (см. примеры ниже) при сохранении консонантного характера [v] и замены его глухим [f] в позициях нейтрализации глухих и звонких согласных. В модифицированной корреляции по твёрдости-мягкости (см. ниже) удерживается мягкость [r’] во всех позициях, также в редких случаях реликтовой мягкости второго полногласия (*пе́рьвый*, *цэ́рькав*, *наверьх*). Изредка встречаются мягкие конечные губные согласные (*цэ́рькавь*, *кровь*, *семь*). Выдерживается мягкостная корреляция среди губных и заднеязычных согласных в сочетаниях типа [CV]. Удерживается (хотя и не всегда последовательно) различие между сочетаниями C’V : C’jV. В группе переднеязычных произошло постепенное вытеснение палатализованных [t’, d’, s’, z’, n’] палатальными [ć, ʒ́, ś, ź, ń], что вместе

с «отвердением» [l’] → [l] и заменой твёрдого [ł] глайдом [w] привело к «полонизации» консонантной системы говора[1]. В середине прошлого столетия, по данным И. Грек-Пабис [Grek-Pabisowa 1968: 58–59], этот процесс лишь зарождался, в XXI в. его можно считать завершённым в речи молодого поколения старообрядцев.

Из других явлений псковского наследия следует отметить:

1) употребление деепричастий прошедшего времени и сложного прошедшего времени (plusquamperfect) в функции сказуемого (***папёршы*** *на по́ля*; *я* ***ради́вшы*** *в саракавы́м гаду́*; *не́мец* ***был спря́тавшы*** *там*; *другой* ***был спря́тавшы*** *в стагу́ се́на*; *тут* ***бы́ли нае́хаччы*** *мно́га* и др.);

2) слияние форм Тв. п. мн. ч. с Д. п. (*по́ля засла́на бы́ла* ***э́тым ка́ртачкам***; *ра́зам е́хали* ***фурма́нкам***; *ужэ́ с* ***лапа́там*** *идут*; *а тут герма́ньцы с* ***винто́вкам***; *никаки́м* ***судьба́м*** *ня́льзя́*; *зача́ли гавари́ть* ***всем езыка́м***; ***гвазда́м*** *прибива́ть*);

3) синкретизм форм П., Д. и Р. пп. ед. ч. существительных *а*-склонения. П. п.: *па пра́вай* ***стараны́*** *— ате́ц, па ле́вай* ***стараны́*** *— дья́вал*; *па* ***вайны́*** *и ужэ́ бы́ла лу́чшэ жыть*; *паста́вили на* ***вышыны́***; *сидя́т яны́ там в* ***ха́ты***; *кра́сная апа́ска* (повязка)[2] ***на руки́***; *то в* ***цэ́рквы*** *бы́ла*; *на* ***вайны́*** *дру́га нет*. Д. п.: *хате́ла* ***ма́мы*** *забра́ть е́ту сестру́ на́шу*; *и до́ма в платку́ на́да хади́ть* ***жэ́ншчыны***; *к* ***рабо́ты*** *чалаве́ка не наймёш*; *к* ***Фи́мы***;

4) специфические формы сравнительной степени прилагательных и наречий (*тапе́рь бы́дта* ***лягóшэ*** *жыть*; *пе́рва бы́ла мне* ***лягóша***; *на шма́льцу аны* ***сладо́шчые***; *ади́н тако́й сталабо́к о!* ***тало́шчы***; ***ху́шчые*** *— называли их паку́лы — пря́ли* ***тало́шчэ***);

5) усечённые формы типа *мног*, *тож* (*там бы́ла* ***мног*** *пра́видных люде́й*; *ате́ц* ***тож*** *сиди́т на небесе́х;* ***тож*** *идём в цэ́рькву мали́цца*);

6) случаи второго полногласия (*сталóб*, *сталабо́к*, *верёх, чало́нак*), и ряд других особенностей[3].

Эти же признаки отмечают также исследователи русских староверских говоров в странах Прибалтики [Čekmonas 2001: 112–117; Морозова, Чекмонас 2007: 66–68; СГСЭ 2008: 11–14], что позволяет и говор староверов в Польше включить в прибалтийский старообрядческий диалектный ареал.

Аргументы для этого решения можно найти, исследуя также словарный состав говора[4].

В лексиконе говора отражается целый спектр явлений, которые свидетельствуют о его уникальности и своеобразии. С одной стороны, это архаизмы и уникальные

---

[1] Подробнее [Гжибовски 2010а: 73–75].

[2] При цитировании оригинальных высказываний в скобках здесь и далее приводится перевод слов, заимствованных из польского языка.

[3] См. также [Paśko-Koneczniak 2011: 30–32] и др.; ср. [Аванесов, Орлова 1965: 285, 288; Касаткин 2005: 270–271].

[4] Исследуя лексические особенности говора старообрядцев в Польше для настоящей публикации, мы использовали доступные лексикографические разработки русских, а также белорусских говоров, иногда также и русские исторические словари.

диалектизмы, связывающие говор с его историей и происхождением. А с другой — окказиональные инновации неопределённой мотивации или мотивированные польским влиянием. Параллели для многих из них находим, естественно, в псковских говорах, но также в смоленских, новгородских и брянских, в русских говорах в Прибалтике (чаще всего в Литве), а также (что оказывается очень важной чертой) в белорусских[5].

Причиной лексических сходств, также тех, в которых заметно влияние польского языка, бывают старые заимствования, относящиеся к периоду до раскола и эмиграции. Слова, актуально входящие в состав лексикона старообрядцев Польши, как, например, *бля́ха* или *будава́ть*, могли сохраниться в их языке с XVI в., когда впервые отмечались в русском языке [Doroszkiewicz 1991: 14], но могли также исчезнуть и затем вновь появиться под влиянием контакта с польским окружением в XIX или XX вв. Решающим для этого вопроса могло бы быть диахроническое исследование лексикона старообрядческого острова в Польше. Однако из-за отсутствия документов, фиксирующих состояние говора на протяжении нескольких веков, сравнение настоящего состояния с историческими документами и словарными ресурсами русских говоров в странах Прибалтики, белорусских говоров в Беларуси, Литве и Латвии, а также псковско-новгородских говоров на их исконной территории позволяет делать лишь осторожные выводы о происхождении и времени заимствования отдельных лексем.

Ниже рассматриваются уникальные диалектные образования, уходящие своими корнями в историческое прошлое русского языка (архаизмы), а также лексемы, не существующие в других говорах и литературном языке или имеющие другую семантику. Многие из них созвучны с польскими, а также с белорусскими словами или же не имеют аналогов ни в одном из этих источников. Полный анализ лексики говора, включающий все зафиксированные нами по ходу исследования лексемы независимо от их происхождения и статуса, будет производиться на дальнейших этапах исследования говора, частью которого должен быть его полный словарь, включающий также материал словаря, изданного в 1980 г. И. Грек-Пабис и И. Марыняк [SGS].

Архаизмы

Небольшая часть лексики говора, которая неизвестна другим русским диалектам, отчасти также литературному языку, носит явно архаические черты и имеет аналоги в исторических памятниках русской письменности.

Таким является наречие *и́ста* в высказывании, обосновывающем использование *подручника* при поклонах в моленне: *в яво́ кла́няесся,* (*и*)*бо…, зямля́, хо́дют … в кама́шах* (ботинках) *хо́дют …, гря́зна мо́гет быть. А тут му́си быть* (должно быть) ***и́ста***. Здесь, по всей вероятности, следует усматривать значение типа ‘как следует, по-настоящему, по-божьему’. Наречие *исто* в таком значении отмечается

[5] О роли белорусского языка в формировании псковских говоров см. [Аванесов 1949: 233].

в русских исторических словарях [СДРЯ, т. IV] и [СРЯ XI–XVII 6]. В диалектах известно прилагательное *и́стый*: ‘истинный’ (о Боге) [ПОС 13] и ‘верный, обязательный’ [СРНГ 12]. Сходная форма (*и́сты*) с той же семантикой зафиксирована Я. Станкевичем для белорусского языка [Станкевич], а в словаре пермских говоров в сходном значении найдём *и́стовой* [СПГ 1]. Противоположное значение ‘плохо’, если верить составителям Словаря русских говоров Карелии, зафиксировано у наречия *и́сто* в Пудожском р-не [Герд 2], хотя иллюстративный материал (*исто платье пошито*, *живут-то исто*) не совсем убедителен. Если это не ошибка составителей словаря, то этот случай можно объяснять энантиосемией. Положительное же значение в этих говорах приписано производному *и́стово* [там же]. Тем не менее, если наречия рассматривать как особую часть речи, а не форму имени прилагательного, говор старообрядцев в Польше стоит в этом отношении особняком и ближе всего к исконному употреблению лексемы *и́сто*.

Очередным примером является употребление архаической огласовки частицы, предваряющей ссылку на чужое или общее мнение. В русском литературном языке и большинстве говоров такую функцию выполняет *де* или *дескать* [Даль I; ПОС 8, 9]. Вариант *де* восходит к более древнему *дѣй* (*дей*) [СРЯ XI–XVII 4], отмеченному также в псковских памятниках письменности XII–XVII вв. [ПОС 9]. Именно в этой огласовке частица появилась у старообрядцев в Польше в высказывании: *В шпита́ль к до́ктарю зайдёш, ня ма́еш де́нег —* ***дей****: и ня ле́чся. Бо ён как тебя́ вы́лечыт, то за две няде́ли но́ги вы́тенеш*. Её значение по сравнению с исходным, по-видимому, несколько модифицировано, оно ближе к обозначению следственных отношений — ‘то; следовательно’ и т. п., хотя возможно и близкое к исконному толкование ‘то, как говорят, (и)’. В доступных словарях русских диалектов такая огласовка не встретилась. В белорусских говорах появляется форма *дзей* [Мяцельская 1], имеющая другой, однако, статус — это существительное со значением, близким к исходному: ‘слухи, молва’. Встретились также производные образования *дзе́йка* [Мацкевіч 2], *дзе́йкі* ‘то же’ и *дзе́йкаць* [Крапіва], [Мацкевіч 2] ‘распускать слухи’. Говор староверов в Польше, по всей вероятности, ближе всего к исконному состоянию, по крайней мере в формальном отношении — это частица, а не существительное.

Архаическая огласовка, по всей вероятности, проявилась в форме *яма́ем* (*и вот мы* ***яма́ем*** *таки́х в дяре́вне*), вместо обычной для говора *маем*, заимствованной из польского языка (и созвучной, кстати, с белорусской [Мацкевіч 3]) и обозначающей, как и в польском, разные посессивные отношения (см. раздел «Белорусские параллели»). Менее частотна в говоре форма *имеем*, восходящая к общерусской. Огласовка *ямаем* может выводиться из архаического варианта глагола *имати*: *емати* [СДРЯ III], а также [Даль I; СРНГ 12; ПОС 13], где *имать* имеет также значение ‘иметь’. Начальное сочетание [ja] — рефлекс яканья, свойственного говору старообрядцев в Польше.

Своеобразными архаизмами в говоре можно считать существительное *кашчу́ны́* (‘проказы, связанные с празднованием кануна Рождества Христова — *кутейника*’) и глагол *кашчу́нничать* (‘проказничать, устраивать кашчуны’). Основой для такой

квалификации могут быть др.-рус. *кощоунити*, *кощунати* и *кощоуна* в [СДРЯ IV], где преобладают значения типа ‘лицедействовать, устраивать представление’ или ‘суесловие, сказки, праздная суета, веселье, лицедейство’. Сходную семантику предлагает также [Срезневский I]. В иллюстративном материале этих словарей, однако, можно найти и моменты, указывающие на обозначение греховного поведения, святотатства. Они выносятся на первый план в [СРЯ XI–XVII 7], где *кощунити*, *кощунати* и *кощуна*, которым наряду со значениями ‘шутить, насмехаться’ и ‘шутовство, насмешка’ приписывается обозначение греха или кощунства в современном понимании этого термина. Показательно также, что в обоих случаях существительные в иллюстративном материале, как и нашем говоре, употребляются в формах мн. ч. В современном русском языке и диалектах *кощунство* и *кощунствовать* связаны только с понятием святотатства [Даль II; Кузнецов]. То же самое касается блр. *кашчу́нны*, *кашчу́нства* [Крапіва] и болг. *кощунство* [Речник 7]. Ни в одном из доступных русских источников не отмечена возможность обозначения этими словами народного обычая безнаказанно проказничать, устраивать шалости ради шутки во время кутейника.

Своеобразные диалектные формы и инновации

Уникальность говора старообрядцев в Польше, как и, кажется, всяких местных разновидностей языка, заключается в образовании специальных лексем, свойственных только им. В случае нашего говора этому способствовал постоянно укрепляющийся островной его характер. Поиски номинаций для возникающих всё время новых явлений действительности в условиях изоляции от родственных говоров приводили к заимствованию слов из языка окружения (польского, на Мазурах также немецкого), а также и к языковому творчеству.

Это творчество может заключаться в оригинальном словопроизводстве, основанном на лексемах, выступающих в говорах и / или в общерусском языке.

Инновационным является существительное *мытю́ба* (*Ну и по́сле сляза́ют с паталка́ и там сабе́ мо́юцца. Ета есть* ***мытю́ба***) — ‘мытьё’. В псковских говорах отмечается всего лишь *мытьба́* [ПОС 19; СРНГ 19; Даль II].

Уникальна форма указательного местоименного прилагательного *таки́йшый* (***таки́йшые*** *мо́дники жэ́ничыны ешчо́ есть*), обозначающая, по мнению носителей говора, высшую степень проявления какого-нибудь признака — ‘настоящий, истинный; такой, как следует’. По говорам известны целые словообразовательные ряды этого адъектива с разным стилистическим и семантическим наполнением: *таке́ичкий*, *тако́ечкий*, *таки́сенький*, *таке́нечкий* и т. п. [СРНГ 43; Расторгуев], *таку́щий* и *таке́нный* [НОС], *таке́нный* и *такененький* [Королёва], *таку́сенький* [ССГ 10] и *такю́шенький* [ССГ 11, дополн.]. Форма *таки́йший*, ориентированная, по всей вероятности, на компаративные формы адъективов, пока что является достоянием только говора старообрядцев в Польше.

В говоре удерживаются лексемы, известные отдельным русским говорам, прежде всего псковским. Из них можно отметить глагол *муля́ть* ‘усердно работать,

трудиться’ (*в Варша́ве што там седя́т, а мы на их* ***муля́им***), находящий аналог в пск. *мули́ть* [ПОС 19], а также в новг. *муля́каться* [НОС] со сходными значениями. В других русских и белорусских говорах этот глагол имеет другую семантику: ‘мешать, беспокоить’ или ‘жать, тереть’, ‘причинять боль’, но также ‘баловаться’ и др. [ССГ 6; Добровольский; СРНГ 18; Расторгуев; Крапіва; Мацкевіч 3]. В белорусских говорах близким к искомому обозначению труда можно считать *муля́ць* ‘копать, выбирать картошку’ в гродненских говорах [СРЛГ]. Огласовка этого глагола в нашем говоре созвучна с белорусской (*муля́ть — муля́ць*), в русских говорах доминирует огласовка с тематическим *-и-* — *мули́ть*. Такая огласовка выступает как вариант также и в нашем говоре.

Псковское начало отзывается в значении ‘большое количество’ у существительного *ку́чка* (*на́да што день со́рак два зло́та заплати́ть. Так вот де́сить дней и ужэ́* ***ку́чка****, а други́и де́сить дней и о! ужэ́ така́я* ***ку́чка***!), ср. [ПОС 16]. То же самое касается значения ‘сальный, неприличный’ у прилагательного *жи́рный* (*Запаёт жы́рную* [песню, частушку], *а ба́бы смяю́цца, аж ... за бака́ бяру́цца*), ср. [ПОС 10].

Для обозначения шнурка или нитки для нательного креста в русских говорах, в том числе и псковских, используются слова с корнем *гайтан- / гейтан- / гитан-*: *гайта́н*, *гайтано́к*, *ге́йта*, *гайтани́на*, *гайта́шек* и т. п. [ПОС 6]. Ср. также *гита́н*, *гита́нчик* в [СРНГ 6; Даль I] ‘нитка, шерстяной шнурок’, *гойта́н / гойтя́н*, *гайта́н*, *гойта́нчик*, *гайта́шек* и др. в [АОС; Герд 1; СПГ]; *гонта́й / ганта́й* или *гонта́я / ганта́я*, *ганта́йчик* в [НОС] ‘шнурок для нательного креста’; *гайта́н* [ССГ 3] ‘узкая ленточка для украшения чепца’. В старообрядческих говорах Прибалтики зафиксированы формы *ганта́й* [МСРСГП] и *ганта́ешек* ‘шнурок или тесьма для нательного креста’ [СГСЭ]. У старообрядцев в Польше выступила форма *гиташо́к*, записанная в [SGS] как [*g’ьjtašÈok*]: *Када́-та всё на* ***гиташка́х*** *наси́ли,* ***гиташо́к*** *называ́ли е́та.., верёвачку, то* ***гиташо́к****. А тапе́рь-ка ужэ́ на цэ́пках и крясткі́.* Она появляется также в псковских говорах как вариант для *гайта́н* [ПОС 6, в конце статьи *гайта́н*]. В других говорах она не отмечена.

В приведённом выше высказывании интересна также форма *це́пка* для обозначения цепочки (*на* ***цэ́пках*** *и крясткі́*). В русских говорах это существительное или является деминутивом для *цепь* [ССГ 11], или же обозначает ‘крюк для подвешивания детской колыбели’ [Даль IV, ст. *цѣплять*; НОС], ‘часть дверного замка’, ‘цевку’ и т. п. [ССРНГ; СПГ]. Таким образом, эту форму тоже можно считать диалектной инновацией исследуемого говора.

Интерес вызывает также вариантная огласовка существительного *малчанёнок* ‘мальчик, парень’ с твёрдым [ł], мн. числ. *малчаня́ты* (*мы —* ***малчаня́ты*** *мало́дыи*; ***малчаня́ты*** *— па два́дцать год, то си́лы ме́ли, не?*). Эта лексема находит параллель в псковских и новгородских говорах [ПОС 16; НОС], а также в русских говорах в Прибалтике [МСРСГП; СРНГ 16, со ссылкой на русские говоры Эстонии, Латвии и Литвы], где зафиксированы слова *мальченёнок*, *мальчинёнок* с мягким [l’]; сходная огласовка свойственна и белорусской параллели с тем же значением — *мальчаня́* [Мацкевіч 3]. Огласовка в говоре старообрядцев в Польше стоит особняком.

Появляются неясные или искажённые формы слов, быть может окказиональные, требующие дальнейших поисков или интерпретаций. К таким относится название мясоеда *мя́сель* (*зимо́й на кане́ц* ***мя́сели*** *ти, е́сли, зна́чыт, ражаство́ и пато́м* ***мя́сели****, то на кане́ц* ***мя́сели*** *е́стя*). В диалектных словарях отмечены различные варианты этой, существенной для старообрядцев, номинации, обозначающей время, когда можно есть мясо перед пасхальным постом: *мясе́ц*, *мя́сове́д*, *мя́сове́дь*, *мя́совец*, *мя́сод*, *мя́содь*, *мя́соть*, *мя́сыдь*, *мя́сыт*, *мясое́жа* и др. [ПОС 19; СРНГ 19; Королёва; Даль II], см. также словари русских говоров Прибалтики [МСРСГП; СГСЭ]; формы *мясае́д*, *мисае́т* зафиксированы также в белорусских говорах [Мацкевіч 3].

К неясным или искажённым следует отнести также не имеющую пока прямых аналогов в русских говорах форму ***требе́шчут*** — о поведении молодых аистов в гнезде (*как принесёт им ... яду́ принесёт, то э́ты там при э́тым с крыльём* ***требе́шчут***). Возможно, это индивидуальная инновация, мотивированная глаголом *трепещут*. В говоре можно отметить единичные случаи озвончения согласных в экспрессивных высказываниях, например *крыджыт* вместо *кричит*. Можно указать также возможную к ней параллель в диал. *требеши́ть* [СРНГ 45] ‘говорить вздор, бессмыслицу’.

Оригинальным является дериват ***ма́мчик*** (уменьш. к *мама*). Это, кажется, диалектная инновация, но можно отметить словообразовательное сходство с *ма́мча́* в калужских [СРНГ 17] и *ма́мца* в смоленских говорах [Добровольский].

Специфические инновации, мотивированные польским влиянием

Самыми интересными, подчас загадочными являются инновации, основанные на польских лексических единицах: целых лексемах, отдельных морфах в их гибридной комбинации с русскими, с неоднозначной и не до конца ясной мотивацией. Воздействие польской речи, которой, как уже было отмечено, старообрядцы в Польше в настоящее время пользуются наравне, а подчас даже лучше, чем своим исходным говором, проявляется в неожиданных и на первый взгляд не связанных с польским лексических образованиях, для которых нет аналогов в доступных словарях русских диалектов.

Ниже несколько таких примеров с попытками их толкования и определения статуса.

Один из информантов, говоря о необходимости быстрых наказаний за экономические преступления, выразил это следующим образом: *От! и бу́дут тяну́ть аны́ э́ту спра́ву* (дело) *три го́да, чты́ри го́да, валку́ют, валку́ют* (раскатывают, т. е. тянут канитель) *и наканец завалку́ют* (полностью закатают) *яну́. ... А тако́ва то пави́нна* (надо)*,* ***о! вшчо́лнули*** (возбудили судебное дело)*, прикры́ли, и седи́.* Ключевым для этого отрывка является глагол *вшчо́лнули*, которого нет в русском языке и для которого нет русского аналога. Зато есть польский, но не прямой аналог — это глагол *wszcząć* ‘возбудить (процесс, судебное дело и т. п.)’. Вопрос, однако, в том, что среди форм этого глагола в польском языке нет образований

с суффиксом *-ną-*, которые могли бы обосновывать появление суф. *-ну-* в русской форме *вшчолнули*. Поэтому это не непосредственное заимствование польской лексемы, а русский дериват, возникший на её основе. Заимствования польских глаголов с морфом *-czą(ć)* (например, *zacząć*) в говоре оформляются обычно при помощи соответствующего ему этимологически морфа *-ча-* в основах прош. времени сов. вида (например, *зача́ли гавари́ть всем езыка́м* — об апостолах; *лю́ди зача́ли ей памага́ть* — о девушке, попавшей в беду, и т. п.). Этот морф альтернирует с морфами *-чн-* (*е́сьли то́ка зачнёш гавари́ть*) и *-чын-* (*зачына́ем пра́знавать*) в других основах этого глагола. Адаптация польск. *wszcząć* по этой модели привела бы к нежелательным с точки зрения приличия формам *вшчать, вшчали*[6], ассоциируемым с процессом испускания мочи (ср. польск. *szczać*), что, кажется, и является причиной появления непрямой адаптации. Появление же цепочки [oł] в русском восприятии можно объяснять реализацией носового гласного [õ] (*ą*) как сочетания [o] с глайдом [w], восходящим к [ł].

Очередным выражением, не находящим пока аналога в доступных русских словарях, является форма *асумлялися* в высказывании: *Ра́ншэ так бая́лись Бо́уа,* ***асумля́лися***. Из контекста вытекает значение, связанное с понятием совести, — ‘имели совесть’. В доступных русских словарях глагол *осумляться* или *осумиться*, как и возможные варианты *усумляться*, *усомляться* в значении ‘иметь совесть, совеститься’ не отмечен. [СРНГ 24] и [ПОС 21] фиксируют лишь *осумиться* ‘огорчиться’, [СРНГ 24] — *осумниться* ‘сомневаться’, [Даль II] приводит *усо(у)мниться* ‘сомневаться’. Нет также форм с корнями: *-сумн- / -сомн-*, *-сумл- / -сомл-* для обозначения ‘совести’. И нет также аналогов в польском и белорусском языках. Форма *осуми́ться* с близким искомому, но не тождественным ему значением ‘образумиться’ отмечена лишь в смоленских говорах [ССГ 7]. И если перед нами не дериват этого глагола, то, по-видимому, диалектная индивидуальная инновация, основанная, по всей вероятности, на польск. *sumienie* и / или блр. *сумленне* ‘совесть’.

Следующая форма, для которой нет прямого соответствия ни в русских или белорусских говорах, ни в польском языке, — это *атлягло́сь* в высказывании, излагающем переживания после смерти любимой сестры: *То я была́ бяре́менная Ириной и так о́чэнь пла́кала. И э́та всё* ***атлягло́сь*** *на Ири́ну, на рябёнка, што я так плака́ла* (ибо впоследствии Ирина тоже часто плакала). Глаголы *отлегать(ся)*, *отлежать(ся)*, *отлечь(ся)* и т. п. в [ПОС 24; СРНГ 24; Даль IV; Кузнецов] не дают оснований для значения ‘повлиять’, ‘перенестись’ или ‘отразиться’. Они связаны со значениями ‘отклониться назад’, ‘лежать’, ‘перестать чувствовать’ [ПОС 24], ‘уклоняться, отлынивать’, ‘полегчать’, ‘ослабеть (о морозе)’ [СРНГ 24], *отлагаться* в значении ‘отделяться’, ‘отклониться’ [Даль II], сходные значения и в современных словарях. Также *отлегну́ть* (о прекращении боли) в [ССГ 7] и *отлегло́*, *отлегну́ло* (об уменьшении холода или печали) [Добровольский], не дают оснований

[6] Такая адаптация, кажется, произошла в белорусском языке, где по говорам отмечены формы *ушча́ць* [Жыдовіч 1977], *uščáć* [Varłyha] ‘начать’.

для требуемого значения. Блр. *адлéгчы* [Станкевич, статья *лéгчы*] ‘сделаться легче’, *адлягáць* [Крапіва] ‘отлегать’ и [Мацкевіч 1] ‘поправляться’ и ‘таять’ тоже не позволяют усматривать в них источник этой инновации. Можно, однако, обратить внимание на польск. *odłożyć się* и рус. *отложиться* — для обозначения накопления чего-либо, т. е. ‘накопиться’, как возможные основы для формы *отлягло́сь*, которую можно считать индивидуальной диалектной инновацией: она встретилась у одного информанта, склонного к словотворчеству.

Интересным является употребление сущ. *аплáта* в высказывании: *Нáда с э́тым дéлыть интерéс, где ес*(*ть*) ***аплáта***. Это слово могло бы считаться заимствованием польского *opłata* ‘плата, вознаграждение, денежный взнос’, но связь с польским источником оказывается не простой, т. к. как из дальнейшего контекста следует, что информант имеет в виду не вознаграждение, а выгодный, дающий прибыль бизнес. Основой для него является не *opłata*, а глагол *opłacać się* ‘быть прибыльным, выгодным, приносить прибыль’. Следовательно, это индивидуальная инновация, косвенно мотивированная польским глаголом.

Загадочным является высказывание: *Жóнка меня́ бы давнó* ***вапрáла*** *и ушлá*. Для его интерпретации следует найти какие-нибудь аналоги для глагола *вопрала*. В словарях русских диалектов (кстати, и в псковском, а также, что является очень знаменательным, в русских говорах Литвы, Латвии и Эстонии) можно найти глагол *прать* в значениях ‘стирать’, ‘жать, гнести, мять’ и ‘сильно бить, колотить’ [СРНГ 31; Даль III]. Корень этого глагола для обозначения стирки есть в русском языке и диалектах в виде дериватов *прачка*, *праник*, *пральник*, *прачечный* и т. п. Есть также дериват сов. вида с ударным префиксом *вы́-* для обозначения стирки [ПОС 6; СРНГ 5; Даль I]. Процитированный пример, как представляется, не может считаться искажённой формой сов. вида с предполагаемым слиянием [у] (*вы*) ↔ [а] (**ва*) в безударном слоге. Такое слияние изредка встречается в исследуемом говоре, но не в ударной позиции. Говор же последовательно сохраняет ударность префикса *вы́-* в исконно русских глаголах сов. вида и отглагольных дериватах. Колебания встречаются лишь в заимствованиях из польского языка (см. раздел «Акцентуация новых заимствований»). Следовательно, надо искать другое объяснение этой формы. Обращение к польскому языку оказывается не совсем простым, так как и в польском есть видовая пара *prać* — *wyprać*, с теми же значениями, что и у аналогичных русских глаголов, т. е. с обозначением и стирки и побоев. Но в польском для обозначения стирки есть ещё дериват *uprać* ‘постирать’. И хотя он не связан с понятием побоев, именно в нём можно усматривать основу для формы *вапрала*. В исследуемом говоре предлог и приставка *у-* сливаются повсеместно с *в-* (ср. постоянное *в нас* вместо *у нас*; *в тебя́* — *у тебя́*; *в никавó* — *у никаво*; *вмела* — *умела*; *вмирать* — умирать; *вкрасть*, *вкрал* — украсть, украл, *вспéла* — успела и др., см. также раздел «Общая характеристика говора»). Такое замещение префикса *у-* в глаголе, восходящем к польск. *uprać*, даёт образование *впрать*, в котором префикс *в-* перед группой согласных может выступать со ступенью чередования [о], и таким образом могла возникнуть форма *вопрать*, дающая в безударной позиции замену [о] на [а] — *вапрáть*, *вапрáла,*

в которой сохраняется сема ‘избиение’. Перевод: *Жена меня бы давно* ***избила (поколотила)*** *и ушла*.

Интересным является деминутив *кизилёнычык* в отрывке: *А* ***кизилёнычык****, ма́леньк(ий) кизя́чэк тако́й, ... хади́л кала ма́тки кабы́лы*, в котором идёт речь о войне в восприятии мальчика. Это своеобразный дериват польского регионального *kiziak* ‘жеребёнок’, который появляется здесь также в деминутивной форме *кизя́чэк*, являющейся прямым заимствованием из польского (ср. *kiziaczek*), но наряду с этим и с существенной модификацией — заменой польск. суффикса *-ak- / -ač-* интерфиксальным *-ил’-* и наложением русского деминутивного суффикса *-oponček-* для обозначения детёныша животного. В [SGS] зафиксирована форма *k’iz’il’Èonъk*, см. также *k’iz’Èicъ* ‘молодая кобыла’ [там же].

Приведённые примеры не исчерпывают группы специфических инноваций говора, возникших под влиянием польских лексем и значений. Их гораздо больше, некоторые имеют очень прозрачные польские мотивации (*кля́мачка* ‘дверная задвижка’, ср. польск. *klamka*), иные кажутся искажениями соответственных польских лексем (*мацу́ка* ‘мачеха’, ср. *macocha*; *ненаганёный* ‘безупречный’, ср. *nienaganny*; *скре́пунцца* ‘становиться сильнее’, ср. *krzepnąć*; *ута́мничаны* ‘посвящённый в тайну, секретный’, ср. *wtajemniczony*), другие ещё ждут своей расшифровки и толкования. К интересным следует отнести предполагаемую инновацию *подаёк* — для обозначения механизма, подающего нитки в кроснах. Источниками для него могут быть рус. *подаво́к* [Даль III, статья *подавать*] и польск. *podajnik*, в связи с чем можно его рассматривать как гибридное образование: ***podaj****nik* — *подаво́****к***.

«Полонизмы», общие для русских старообрядческих говоров Прибалтики и Польши и для белорусского языкового ареала

В наших исследованиях на первых порах особое внимание отводилось словам, формам и конструкциям, для которых есть параллельные образования в польском языке. Их условно можно назвать «полонизмами». В Приложении к сборнику текстов [Rosyjska gwara 2016: 246–283], в котором опубликована лишь небольшая часть записанного на электронные носители материала, около 700 таких слов (на около 1300 всех статей). Д. Пасько-Конэчняк, прослушавшая все записанные нами тексты, выделила более 2 тыс. лексем, которые можно считать заимствованными из польского языка [Paśko-Koneczniak 2016][7]. «Полонизмы» в русских и других восточнославянских говорах известны давно, особенно в сопредельных с районами распространения польского языка в Великом княжестве Литовском. Древний пласт полонизмов в псковских диалектах отметила в своих исследованиях о словарном составе говора старообрядцев в Польше И. Грек-Пабис [Grek-Pabisowa 1983, 1986], им уделяет много внимания также В. Н. Чекмонас [Čekmonas 2001: 127–130], см. также [Морозова, Чекмонас 2007: 67–68].

[7] Примеры таких «полонизмов» приводятся ниже в разделе «Белорусские параллели».

По ходу комплексной разработки выявилось также и то, что многие из «полонизмов» нашего говора выступают в русских старообрядческих говорах в Прибалтике. Им посвящена статья [Гжибовский 2017], в которой представлены слова, восходящие к польским или созвучные с ними, отмеченные нами в говоре старообрядцев в Польше и одновременно имеющие свои прямые или косвенные параллели в русских старообрядческих говорах Прибалтики, а также во многих случаях в белорусском языке и / или его говорах[8]. В упомянутой статье есть полная документация выявленных при подготовке к изданию тома [Rosyjska gwara 2016] «полонизмов», имеющих свои параллели в исследуемом нами говоре и в русских говорах Прибалтики. Поэтому здесь они будут лишь сгруппированы с точки зрения того, в каких странах Прибалтики они обнаружены.

Большинство слов, созвучных с польскими и зафиксированных в нашем говоре, но неизвестных другим русским диалектам, выступает в русских говорах в Литве. Можно предполагать, что они переняты из польского языка[9]. Но наша задача заключается не в решении вопроса о заимствованиях, а всего лишь в указании их сходства (созвучия) с польскими лексемами. Как правило, они имеют свои параллели в белорусских говорах. В нашем выборе текстов это следующие слова и выражения: ***валкова́ть*** (польск. *wałkować*) ‘катать, раскатывать’; ***ва́лэк***, ***ва́лак*** (*wałek*) ‘ролик, вал (в кроснах)’, ‘валик (под голову)’; ***габлява́ть*** (*heblować*) ‘строгать’; ***ди́к*** (*dzik*) ‘кабан, вепрь’; ***дыва́ник*** (*dywanik*) ‘коврик’, ср. *дыва́н*; ***задрятава́на***, искаж. *-дрят-* вместо *-друт-* / *-дрот-*, (*zadrutować*) ‘оплести проволокой’ и ‘проде(ва)ть проволоку в нос свиньи’ в рус. говорах в Литве и в блр. языке; ***каменица, камяница*** (*kamienica*) ‘каменный дом’; ***ко́мин*** (*komin*) ‘дымоход, труба’; ***паку́лы*** (*pakuły*) ‘пакля’; ***пасава́ть*** (*pasować*) ‘подходить, соответствовать, годиться’; ***пе́вна***, ***пэ́вна***, ***на пе́вна***, ***на пэ́вна*** (*pewnie*, *na pewno*) ‘наверное, вероятно’, ‘несомненно, наверняка’; ***перепали́цца*** (*przepalić się*) ‘перегореть’; ***притуль́ный*** (*przytulny*) ‘уютный, нежный’[10]; ***сгади́цца***, ***сго́дицца*** (*zgodzić się*) ‘согласиться’; ***спали́ть*** (*spalić*) ‘сжечь’; ***так са́ма*** (*tak samo*) ‘так же’; ***тарта́к*** (*tartak*) ‘лесопильный завод’; ***тынк*** (*tynk*) ‘штукатурка’.

В русских говорах в Латвии исключительная связь только с польским источником, то есть отсутствие параллелей в других русских говорах в Прибалтике, может быть представлена в виде предполагаемой кальки: ***кусо́к*** ‘большое расстояние’, ср.

---

[8] Постулат искать белорусские параллели и учитывать в большей степени роль белорусского языка в формировании русских старообрядческих говоров в Прибалтике и, как справедливо оказывается, говора старообрядцев в Польше, выдвинула Елена Коницкая из Вильнюсского университета в прениях на Международной научной конференции «Славяне и балты: взаимодействие языков и культур в прошлом и настоящем», посвященной 80-летию со дня рождения профессора В. Н. Чекмонаса (17–18 ноября 2016 г.).

[9] О роли польского и белорусского языка в формировании русских старообрядческих говоров в Литве и Латгалии см. также [МСРСГП: 5].

[10] В рус. говоре в Литве *притульный* имеет значение ‘плотно прилегающий’ [МСРСГП; СРНГ 32], в других русских говорах Прибалтики значение, близкое к искомому, можно отметить у глагола *притули́ться* ‘приютиться’ [МСРСГП].

польск. *kawał drogi*, и в существительном ***патэ́льня*** (*patelnia*) ‘сковорода’, зафиксированном также в белорусских говорах.

Больше слов и выражений из русских говоров в Латвии, неизвестных русским материковым, отмечено также в Литве и в белорусском языке: ***або́ра*** (*obora*) ‘скотный двор’; ***дать / давать ра́ду*** (*dać radę*) ‘смочь, справиться’[11]; ***жвиро́вня*** (*żwirownia*) ‘гравийный карьер’[12]; ***зда́тный*** (*zdatny do czego*) ‘годный (для чего)’, ‘способный’; ***неканéшна*** (*niekoniecznie*) ‘необязательно’; ***палу́дне*** (*południe*) ‘полдень’; ***пры́шчывка*** (*pryszczawka*) ‘прыщ’; ***пу́шка*** (*puszka*) ‘коробка’; ***сбунтова́цца*** (*zbuntować się*) ‘взбунтоваться’[13]; ***скреба́ть***, ***скряба́ть*** (*skrobać*) ‘скрести, чистить’; ***шчапи́ть*** (*zaszczepić*) ‘(с)делать прививку’.

Значительное количество «полонизмов», появляющихся в русских говорах Литвы и Латвии и созвучных с единицами, отмеченными в старообрядческом говоре в Польше, наблюдается в псковских и / или смоленских, брянских и других русских говорах наряду с белорусскими: ***а́бы́*** (*aby*) ‘лишь бы, чтобы’; ***але́й*** (*olej*) ‘растительное масло’; ***ба́бка*** (*babka*) ‘баба, вид кулинарного изделия, кулич’; ***будава́ть*** (*budować*) ‘строить’; ***бля́ха*** (*blacha*) ‘противень’ и ‘жесть’; ***бляша́ный*** (*blaszany*) ‘жестяный’[14]; ***бридко́й*** (*brzydki*) ‘некрасивый’; ***ва́пны*** (*wapno*) ‘известь’[15]; ***дрот*** (*drut*) ‘проволока’; ***дуси́цца*** (*dusić się*) ‘давиться’[16]; ***дыхави́ца*** (*dychawica*) ‘астма, удушье’; ***жабра́к*** (*żebrak*) ‘нищий’; ***заро́бить*** (*zarobić*) ‘заработать’; ***кало́к*** (*kołek*) ‘небольшой кол’; ***ка́на*** (*kana, kanka*) ‘бидон’; ***капту́р*** (*kaptur*) ‘верхняя часть дымохода’ и ‘капюшон’; ***кля́мачка*** (уменьш.) (*klamka*) ‘(дверная) ручка’; ***марко́тна*** (*markotno*) ‘грустно, тоскливо’; ***му́сеть*** *(му́шу*, *му́сиш*, *му́сил)* (*musieć*, *muszę*, *musisz*) — выражение долженствования ‘быть должным’; ***пара́дить***, ***пара́дицца*** (*poradzić* и *poradzić się*) ‘посоветовать(ся)’; ***паса́г*** (*posag*) ‘приданое’, а также ‘вещи, приготовленные для погребения’; ***пильнава́ть*** (*pilnować*) ‘следить, сторожить’; ***ра́да*** (*rada*) ‘совет’; ***ра́ицца*** (*raić*) ‘сватать, рекомендовать’; ***распу́ста*** (*rozpusta*) ‘разврат’; ***скры́нка*** (*skrzynka*) ‘ящик, сундук’; ***скуба́ть*** (*skubać*) ‘щипать’; ***стадо́ла*** (*stodoła*) ‘рига, сарай’; ***сталок*** (*stołek*) ‘столик, табурет’; ***таба́ка*** (*tabaka*) ‘(нюхательный) табак’; ***ша́фа*** (*szafa*) ‘шкаф’.

В русских говорах в Эстонии (за исключением литовской и латвийской зоны) созвучие с предполагаемым польским источником, русскими говорами, а также с белорусским языком словари отмечают в единичных случаях: ***приёмный*** и ***прие́мный*** (*przyjemny*) ‘приятный’, ***запале́нье*** (*zapalenie*) ‘воспаление’; ***ле́тась*** (*latoś*) ‘в этом году, этим летом’ или ‘в прошлом году, прошлым летом’.

---

[11] Указание на смоленские говоры в [СРНГ 33] не подтверждаются словарями смоленских говоров, см. [ССГ 9; Добровольский].

[12] См. *жвир* ‘гравий’ [МСРСГП] и блр. *жвіро́ўня* ‘большой песчаный холм, где брали гравий’ [РСВ 1].

[13] В рус. говорах значение другое: ‘сбиться с толку, ошибиться’ [СНРГ 36; ССГ 9].

[14] В рус. говорах в Литве известно также сущ. *бляша́нка* [МСРСГП].

[15] Форму *вапна* отмечает [Расторгуев] для брянских говоров и [СРНГ 2] для смоленских говоров, но [ССГ 2], как и [ПОС 2], не фиксируют этой лексемы.

[16] Ср. *дуси́ть* ‘душить’ [МСРСГП; СРНГ 8] и блр. *дусі́ць* [Мацкевіч 2].

Чаще это наблюдается вместе с проявлением его в русских говорах Литвы и Латвии, а также в других русских говорах и, естественно, в белорусском языке. Вот слова, отмеченные в Эстонии и Литве: ***дамавóй*** (*domowy*) ‘домашний’; ***зашкóдить*** (*zaszkodzić*) ‘принести вред здоровью’; ***придéлить*** (*przydzielić*) ‘признать, назначить, прикрепить’; ***хлóпец*** (*хлóпцы*) (*chłopiec*) ‘мальчик, парень’; ***цыбýля*** (*cebula*) ‘лук’; ***чáсам***, ***чáсэм*** (*czasem*) ‘иногда’.

Значительная часть созвучных с польскими слов, обнаруживаемая в русских говорах в Эстонии, имеет свои параллели в говорах Литвы и Латвии, в материковых русских говорах (псковских, новгородских, смоленских, брянских и проч.) и, естественно, в белорусском языке: ***агýльный*** (*ogólny*) ‘общий’; ***аж***, ***áжно*** (*aż*) ‘даже, прямо-таки, как вдруг, пока (не)’; ***áлé, áли*** (*союз*) (*ale*) ‘но’; ***ахóта*** (*ochota*) ‘желание’; ***балéя*** (*balia*) ‘лохань’; ***бурáк*** (***цукрóвый***) (*burak cukrowy*) ‘(сахарная) свёкла’; ***вкладáть*** (*wkładać*) ‘вкладывать’; ***выглядáть***, ***выглядывать*** (*wyglądać*) ‘выглядеть’; ***высповядáцца***, ***выспавядывацца*** (*wyspowiadać się*) ‘исповедоваться’; ***гай*** (*gaj*) ‘роща’; ***дóбра*** (*dobrze*) ‘хорошо’; ***дóсыть*** (*dosyć*) ‘достаточно, хватит’; ***дражнúть*** (*drażnić*) ‘дразнить’; ***жáлицца*** (*żalić się*) ‘жаловаться’; ***зачáть***, ***зачынáть*** (*zacząć, zaczynać*) ‘начать, начинать’; ***здóлеть***, ***сдалéть*** (*zdołać*, *zdoleć*) ‘смочь, справиться’; ***камáш*** (*kamasz*) ‘ботинок’; ***картофля́ный*** (*kartoflany*) ‘картофельный’; ***кмúнэк*** (*kminek*) ‘тмин’; ***кóла, кала*** (*koło*) ‘около, при, рядом с, вблизи’; ***ля́лечка*** (*laleczka*) ‘куколка’; ***мóжэ***, ***можэ́т***, ***мóжат***, ***мóжа*** (вводные слова) (*może*) ‘быть может, возможно, кажется, наверное’; ***пакýта*** (*pokuta*) ‘покаяние’; ***пóпюл***, ***пóпел***, ***пóпил*** (*popiół*) ‘зола, пепел’; ***прать*** (*prać*) ‘стирать’; ***пытáть***, ***пытáцца*** (*pytać* и *pytać się*) ‘спрашивать’; ***пя́стка*** (*piąstka*) ‘горсть’; ***рáзам***, ***рáзым*** (*razem*) ‘вместе’; ***рóзум*** (*rozum*) ‘рассудок, ум’; ***скалéчыцца*** (*skaleczyć się*) ‘искалечиться’; ***складáть***, ***сложы́ть*** (*składać / złożyć*) ‘складывать, заворачивать’; ***слúна*** (*ślina*) ‘слюна’; ***слýхать*** (*słuchać*) ‘слушать’; ***смак*** (*smak*) ‘вкус’; ***шалéть*** (*szaleć*) ‘бушевать, безумствовать, проказничать’; ***шаткавáть*** (*szatkować*) ‘шинковать’; ***шпýля*** (*szpula*) ‘катушка, цевка’.

Исключение белорусского языка из этого состава источников касается единичных примеров (***абскрябáть*** (*obskrobać*) ‘очистить от кожуры, шелухи’) и может быть случайным, т. к. в белорусских говорах есть формы *скрабáць* и *наскрабáць*.

Интересным в этом отношении является употребление местоимения ***што*** в сочетаниях с существительными типа *день*, *ночь*, *раз* и т. п., которые находят параллели в польских сочетаниях *co noc*, *co dzień*, *co rok*, *co rusz* и др., обозначая сходные временные отношения — регулярную повторяемость какого-нибудь явления: ‘каждую ночь, каждый день, год, раз’ и т. д. Например, *анá* ***што ноч*** *ка мне прихадúла*; *ну и* ***што раз*** *красивéйшых привóзите дéвушэк к нам*; *бо* ***што день*** *говоря́т normalnie* (т. е. по-польски); *нáда* ***што день*** *сóрак два злóта заплатúть.* Эта конструкция зафиксирована также в русских говорах Литвы и Эстонии (ср. *что день* [СГСЭ] ‘каждый день’, а также производные *чтоденно*, *чтодённо* и *чтоденный*, *чтодённый* [МСРСГП] ‘ежедневно, ежедневный’). Широко распространённой и весьма продуктивной она оказывается в белорусских говорах, в которых отмечены *што году* ‘каждый год’, *што дня* и *што дзень* ‘каждый день’, *што нóчы*

‘каждую ночь’, *што ты́дня* и *што ты́дзень* ‘еженедельно’, а также *штадзе́нны* и *штадзе́нна* ‘ежедневный, ежедневно’, *штаме́сячна* ‘помесячно’ [Станкевич]; *штове́чар* ‘каждый вечер’, *штогадзі́на* ‘каждый час’, *штого́д* ‘каждый год’, *штодзе́нь* ‘ежедневно’, *штоле́та* ‘каждое лето’, *штоме́сяц* ‘ежемесячно’, *штоно́ч* ‘каждую ночь’, *штора́з* ‘каждый раз’, *штоты́дзень* ‘каждую неделю’ [Крапіва]; *штове́чар*, *штогадзі́ну*, *штодзе́нь*, *штоме́сяц*, *штора́с*, *штонядзе́лю* и *штодзённы* ‘каждый вечер, час, день, раз, каждое воскресенье, ежедневный’, а также *што́рань* ‘каждое утро’ [РСВ 2], *што раз* ‘каждый раз’ [СБРФ], *шторо́чно*, *шторо́чный* ‘ежегодно, ежегодный’ [Носович]; *штонядзе́лі*, *штонядзе́лю* ‘каждую неделю’ [Юрчанка 3]; а также основанные на деминутивах *штонядзелячкі* и *штосуботачкі* ‘каждое воскресенье’ и ‘каждую субботу’ [Гілевіч]. Такие дериваты в диалектах, относимых к великорусским, встретились пока только в близких белорусским западно-брянских говорах, ср. *штого́д*, *штоде́нь*, *штодня́*, *штове́чар*, *штоно́ч* ‘каждый год, день, вечер, каждую ночь’ [Расторгуев].

Белорусские параллели

Количество белорусских параллелей для «полонизмов», в говоре старообрядцев в Польше и в русских старообрядческих говорах в Прибалтике, как видно из приведённого материала, чрезвычайно велико. Таким образом, участие белорусской языковой стихии в формировании этих говоров оказывается значительным. Итак, среди около 1300 слов (исключая имена собственные и германизмы в речи мазурских старообрядцев), для которых в томе [Rosyjska gwara 2016] потребовались объяснения в Приложении, почти для половины имеются белорусские прямые или косвенные параллели[17]. Около 150 из них не имеют польских параллелей, т. е. они являются русскими и / или белорусскими диалектизмами без польского влияния или какого-либо соотношения с польскими лексемами.

Среди них следует выделить те, которые встретились в русских говорах в Прибалтике, т. к. они являются ещё одним аргументом в пользу существования старообрядческого диалектного ареала в этом регионе, в Польше и, по всей вероятности, в Беларуси. В нашем материале к ним относятся следующие единицы[18]: ***атказа́ть*** ‘ответить’; ***беля́к***, ***бе́лик*** ‘род одежды домашнего изготовления’; ***бёрды*** ‘ткацкий станок или его часть’; ***бо́бочка***, ***бабина́***, ***бабинка́*** ‘бусина (у лестовки)’; ***боле́зьня*** ‘болезнь’; ***бу́льба*** ‘картофель’; ***вдать*** ‘выдать, предать’; ***вперёд*** ‘прежде, сперва, раньше’; ***вью́шка*** ‘цевка, шпуля для ткацкого станка’; ***ина́кшый*** и ***ина́кша*** ‘иной’

[17] Прямой параллелью являются единицы, которые имеют сходный фонетический состав, аналогичный грамматический статус и словообразовательную структуру, а также семантическое сходство. У косвенных могут появляться различия в словообразовательной структуре, грамматическом статусе и / или семантике.

[18] Полная документация и аргументация такой их квалификации находится отчасти в [Rosyjska gwara 2016], поэтому здесь и ниже представлены лишь списки лексем с их общим значением или значением, отмеченным в исследуемом нами говоре. В сносках по мере необходимости приводятся дополнительные сведения.

и ‘иначе’; ***ирва́ть*** ‘рвать’; ***ки́нуть*** ‘отказаться, оставить’; ***ключ*** ‘колодец’ или ‘круг из колодца’; ***ко́лька*** ‘сколько’; ***крепа́ть*** ‘начинять’; ***крупе́йня***, ***крупе́нька*** ‘каша или суп из крупы’; ***кры́лус*** ‘клирос’; ***ку́жаль***, ***ку́жыль*** ‘лён, куделя’ и ‘льняное полотно’; ***ма́лец***, ***ма́лиц*** ‘мальчик’; ***напасле́д*** ‘напоследок, под конец’; ***наснава́ть*** ‘накрутить на сновальню’; ***палюбо́вница*** ‘любовница’; ***пано́жы*** ‘деталь ткацкого станка’; ***паро́зный*** ‘порожний’; ***пра́ник*** ‘валёк для стирки белья’; ***пужа́ть*** ‘пугать’; ***пушча́ть*** ‘отпускать, давать свободу’; ***сачы́ть*** ‘искать, высматривать’; ***стебану́ть*** ‘хлестнуть, ударить’; ***су́прядки*** ‘посиделки, вечеринка’; ***талака́***, ***тулака́*** ‘толока’; ***тёртка*** ‘тёрка’; ***тяга́ть*** ‘рвать, собирать урожай’.

Большинство слов, не имеющих параллелей в польском языке, не отражено в словарях русских говоров Прибалтики. Это, однако, не означает реального их отсутствия, т. к. эти говоры пока не исследованы в полном объёме, см. высказывание М. Ф. Семеновой в Предисловии к [МСРСГП: 6–8]. В нашем материале это следующие слова: ***абрази́ть*** ‘привести к пониманию, образумить’; ***абра́тна*** ‘снова, опять’; ***агляда́цца*** ‘делать домашнюю работу, присматривать, приводить в порядок’; ***аде́ржывацца***, ***адяржа́цца*** ‘останавливаться, остановиться’; ***адея́лка*** (уменьш.) ‘одеяло’; ***азя́блый*** ‘озябший’; ***аткли́кывацца*** ‘отзываться’; ***атку́ль***, ***атсу́ль***, ***атсю́ль***, ***аттуль***, ***аттуля*** ‘откуда, отсюда, оттуда’; ***ба́йня*** ‘баня’; ***бреха́ть*** ‘говорить неправду, врать’; ***бру́ква*** ‘брюква’; ***бу́дный*** (день) ‘будничный’; ***бурдо́вый*** ‘тёмно-красный’; ***буч*** и ***бу́чыть*** ‘сосуд для стирки и кипячения белья’ и ‘стирать бельё’; ***вара́чывать***, ***вара́чыть*** ‘переворачивать сено’; ***вара́чывацца***, ***вара́чыцца*** ‘возвращаться, вернуться’; ***вы́крутить*** ‘просверлить’; ***выку́пы*** ‘выкуп за невесту’; ***гадави́на*** ‘годовщина смерти и её празднование’; ***грым***! — звук падения, ср. *грымнуть*(*ся*) ‘упасть’; ***гульня́*** ‘гулянка, вечеринка’; ***даве́дить*** ‘проведать’; ***даку́ль*** ‘до какого места’; ***де*** ‘где’; ***дя́дя*** ‘взрослый мужчина’; ***дярю́га*** ‘плаун, дереза’; ***жыгну́ть*** ‘ужалить, обжечь’; ***завали́ть***, ***завали́цца*** ‘заставить упасть’, ‘упасть’; ***згаро́да*** ‘забор’; ***здро́гнуть*** ‘промёрзнуть’; ***зяле́зный*** ‘железный’; ***ишчэ́*** ‘ещё’; ***кали́*** ‘когда’; ***ка́менька***, ***ка́минка*** ‘каменная печь в бане’, ‘баня’; ***като́рый*** ‘некоторый’; ***клюку́шки*** ‘вид игры’[19]; ***кружа́ло*** ‘карусель’; ***куст*** ‘место рождения’, ‘группа, связанная родственными отношениями’[20]; ***ла́ставачка*** ‘ласточка’; ***липи́на*** ‘липа’; ***листаво́й*** ‘лиственный’; ***ли́ханька*** ‘горюшко’; ***лу́жына*** ‘лужа’; ***люби́цца***, ***люби́лись*** ‘любить друг друга, быть влюблёнными’; ***маладе́нец*** ‘новорождённый ребёнок’; ***мо́да*** ‘традиция, обычай’; ***набра́ть***, ***набра́цца*** ‘употребить’ (о наркотиках), ‘наесться, напиться’; ***на́добный***, ***на́дабный*** ‘нужный, необходимый’; ***налажа́ть*** ‘надевать’; ***намага́ть*** ‘напирать’; ***на́пись*** ‘надпись’; ***незна́ма*** ‘неизвестно’; ***обру́с*** ‘полотенце’; ***пабі́цца*** ‘ушибиться’; ***пага́нка*** ‘поганка, мерзавка’; ***паджыло́й*** ‘пожилой’; ***пазы́чка*** ‘ссуда, заём’; ***пакла́дный*** ‘покладистый’; ***паку́ль*** ‘пока’; ***па́рилка*** ‘отделение в бане, где парятся’; ***пачу́ть*** ‘услышать’; ***пе́сельник***, ***пе́сельница*** ‘человек, любящий петь’; ***пинжа́к*** ‘пиджак’; ***пиха́ть*** ‘совать, толкать’;

[19] В блр. *кулюку́шкі* ‘игра в прятки’, а также *кулюкава́ць* и *кулікава́ць* ‘разыскивать спрятавшихся в игре’ [Станкевич]; ср. также *кулю́ка* [НОС] ‘тот, кто водит в игре в прятки’.

[20] Ср. блр. *с харо́шаго куста́* [Мацкевіч 2, см. *куст*] ‘из хорошего рода’.

пласто́к ‘плоский отрезанный кусок’; ***плат*** ‘платок, шаль’; ***пляска́ть*** ‘хлопать в ладоши’ и ‘бить, ударять’; ***пра́льник*** ‘валик для стирки белья’; ***пятро́вка*** ‘Петров пост’; ***ра́дива*** ‘радио’; ***си́льна*** ‘очень’; ***спаради́ть*** ‘родить’; ***сталоб*** и ***сталабо́к*** ‘столб’ и ‘столбик’; ***станови́цца*** ‘останавливаться’; ***сцать*** ‘мочиться’; ***счыта́ть*** ‘читать по списку’; ***стека́цца*** ‘отдавать жидкость, стекать’; ***стиряга́цца*** ‘остерегаться, беречься’; ***та́лька*** ‘ручное мотовило’, ‘моток пряжи’; ***та́мы-ка*** ‘там’; ***то́е***, ***то́я*** ‘то, это’; ***ту́кать*** ‘стучать, колотить’, ‘бить и толкать’; ***тяжо́к*** ‘беременность’; ***хабо́ры*** ‘поборы, взятки’; ***ча́шка*** ‘тазик, миска’; ***чуть*** ‘слышать’ и ‘чувствовать’.

Из оставшихся около тысячи единиц для почти 200 можно указать только польский источник, т. е. можно считать, что они являются действительными заимствованиями из польского языка. Поскольку они выходят за пределы обсуждаемой в настоящей статье проблематики, их презентация носит выборочный характер. Это, например: ***абхади́ть*** (*obchodzić*) ‘отмечать, праздновать’; ***всесть*** (*wsiąść*) ‘сесть (в вагон)’ и ***ссесть*** (*zsiąść*) ‘высадиться, выйти (из вагона)’; ***вю́рки*** (*wiórki*) ‘стружки’; ***гало́нзка*** (*gałązka*) ‘ветка’; ***заладава́ть*** (*załadować*) ‘нагрузить’ и ***розладава́ть*** (*rozładować*) ‘разгрузить’; ***кро́пнуть*** (разг. *kropnąć*) ‘убить, шлёпнуть’; ***крэ́ха*** (*krecha*) ‘кредит у продавца’; ***лята́рка*** (*latarka*) ‘фонарик’; ***мату́ра*** (*matura*) ‘аттестат зрелости’; ***нави́нуцца*** (*nawinąć się*) ‘попасть, подвернуться под руку’; ***неаго́леный*** (*nieogolony*) ‘небритый’; ***некшталцо́ный*** (*niekształcony*) ‘необразованный’; ***о́бцый*** (*obcy*) ‘чужой’; ***паправи́ны*** (*poprawiny*) ‘продолжение свадьбы’; ***па́ра***, ***па́ру*** (*para*, *parę*) ‘несколько’; ***тя́хнуть*** (*ciachnąć*) ‘резануть’; ***учти́ть*** (*uczcić*) ‘отметить, почитать’; ***фо́рса*** (разг. *forsa*) ‘деньги’; ***хлапа́к*** (*chłopak*) ‘парень’; ***хлоп*** (*chłop*) ‘мужик, мужчина, человек’ и ‘муж’.

Есть также некоторое количество «полонизмов», которые прямо или косвенно соотносятся только с русскими источниками, т. е. которых нет ни в белорусском языке, ни у старообрядцев Прибалтики. Они тоже не показательны для аргументации в пользу существования прибалтийского старообрядческого ареала. Например: ***атла́мок*** (*odłamek*) ‘осколок’; ***загро́да*** (*zagroda*) ‘двор, усадьба’, а также ‘изгородь’; ***заника́ть*** (*zanikać*) ‘исчезать, утрачиваться’; ***запу́кать*** (*zapukać*) ‘постучать’; ***малжэ́ньства*** (*małżeństwo*) ‘брак, супружество’; ***оле́йный*** (*olejny*) ‘масляный’ (о красках); ***пакрути́ть*** (*pokręcić*) ‘перепутать, ошибочно представить’[21]; ***перерабо́танный*** (*przepracowany*) ‘переутомлённый, истощённый’[22]; ***приде́лать*** ‘сделать внебрачного ребёнка’[23].

«Полонизмов» же, зафиксированных в русских говорах Прибалтики и белорусских словарных источниках (общих и диалектных), в Приложении к выбору текстов [Rosyjska gwara 2016] оказалось около 120 (они представлены выше, см. раздел «“Полонизмы”...»). А таких, которые имеют параллели в польском и белорусском,

[21] Ср. рус. *крути́ть* ‘хитрить, мошенничать’ в [ССГ 6].

[22] Ср. *перерабо́тать* ‘утомить, изнурить работой’ в русских говорах Карелии [Герд 4].

[23] Это может соотноситься с *приде́лать* ‘приворожить (о любовном объекте)’ в пермских говорах [СПГ].

а также встречаются в русских «материковых» говорах, но не в русских говорах Прибалтики (что, однако, может быть следствием недостаточного их исследования), в рассмотренном материале отмечено самое большое количество — около 400.

Только в белорусских источниках встретилось около 230 таких лексем, созвучных с польскими. Вот примеры наиболее показательных: ***абхади́ть*** ‘касаться, волновать’; ***адмо́вне*** ‘отказ’ (резолюция на прошении); ***адпра́ва*** ‘выходное вознаграждение, проводы’; ***атбыва́цца*** ‘иметь место, совершаться’; ***ашу́ст*** ‘обманщик, мошенник’; ***ашчандза́ть*** ‘экономить’; ***вы́рушыть*** ‘отправиться в путь’; ***жа́дный*** ‘никакой, ни один’; ***жэгна́цца*** ‘креститься’; ***здо́льный*** ‘способный’; ***кале́йна*** ‘по очереди’; ***кане́шна*** ‘обязательно, непременно’; ***коц*** ‘одеяло’; ***назви́ска*** ‘фамилия’; ***наи́сть*** ‘нагрянуть’; ***нара́зе*** ‘пока что’; ***настрэ́нчыть*** ‘рекомендовать’[24]; ***непапра́вный*** ‘неправильный’; ***па ча́се*** ‘после всего’; ***пастару́нак*** ‘(полицейский) участок’; ***прахо́вывать*** ‘прятать, укрывать’; ***приму́с*** ‘принуждение’; ***ро́вэр*** ‘велосипед’; ***рэ́шта*** ‘остаток, остальное’, ‘сдача’; ***сапсу́цца*** ‘испортиться’; ***трускáвка*** ‘клубника’; ***тярли́ца*** ‘мялка’; ***у́рлёп*** ‘отпуск’; ***футри́на*** ‘дверной или оконный косяк’; ***цьвя́ртка*** ‘четвертинка (водки)’; ***чуть*** ‘чувствовать’; ***шатко́вница*** ‘шинковка’[25]; ***шты́вный*** ‘несгибаемый, жёсткий’; ***шчу́плый*** ‘худощавый, тонкий’; ***шчур*** ‘крыса’[26] и др.

В свою очередь «полонизмов», имеющих параллели в русских и белорусских словарях, в исследуемом материале зафиксировано около 180. Ниже приводится выбор наиболее показательных: ***ат!*** — выражение недовольства, возражения; ***бра́ма*** ‘ворота’; ***гани́ть*** ‘гнать’; ***га́рнуцца*** ‘собираться, льнуть друг к другу’; ***гарысава́ть*** ‘рыскать, шататься’[27]; ***за́стрик*** ‘укол’; ***ла́пать*** ‘ловить’; ***ла́тва*** ‘легко, без труда’; ***маёнтак*** ‘имение’; ***му́си*** (вводное слово) ‘должно быть, кажется’; ***надайти́(ть)*** ‘встретить’, ‘появиться, надвинуться’; ***напра́вды*** ‘в самом деле’; ***нахади́ть*** ‘надвигаться, овладеть’; ***ну́дицца*** ‘скучать’; ***пабра́цца*** ‘пожениться’; ***пада́тки*** ‘налоги’[28]; ***пазно́кти*** ‘ногти’[29]; ***пара́дить*** ‘посоветовать’; ***пия́к*** ‘пьяница’[30]; ***припа́сть*** ‘случаться’, ‘оказаться’; ***разабра́цца*** ‘раздеться’; ***сдава́цца*** ‘казаться’; ***спра́ва*** ‘дело, (судебное) дело’; ***став*** ‘пруд’; ***тра́пить*** ‘попасть, оказаться’; ***тро́ху*** и ***тро́шки***, ***тро́шэчку*** ‘немного, немножко’; ***хля́пнуть*** ‘шлёпнуть’; ***шо́па***, ***шо́пка*** ‘сарай, сарайчик’; ***штафе́тка*** ‘доска в палисаднике, штакетнике’.

Стоит, однако, отметить, что некоторые из белорусских параллелей для «полонизмов» зафиксированы в словарях, материал для которых собирался также

---

[24] В смоленских говорах было зафиксировано *настры́нченный* ‘выученный’, ‘намуштрованный’, ‘напуганный’ [Добровольский].

[25] Ср. *шатко́вка* в брянских говорах [Расторгуев]; *шатко́вница* выступает у русских на Украине, ср. также укр. *шатківниця*.

[26] В смоленских говорах *щур* ‘мышь’ [Добровольский].

[27] Ср. *гарѣзовать* ‘баловаться’ [Добровольский] и *гарэзава́ць* [Крапіва; Станкевич; Мацкевіч 1] ‘озорничать, шалить, проказничать’; польск. *grasować*.

[28] *Пада́тки* зафиксировано в русском говоре на Буковине [СРНГ 27].

[29] Ср. *пазно́коть* ‘длинный ноготь’ в смоленских говорах [ССГ 8].

[30] См. *пия́к* в [СРНГ 27, русские на Буковине].

в белорусских говорах на территории Польши и / или Литвы и Латвии (например, [Мацкевіч]). Их носители в Прибалтике являются соседями носителей польских «кресовых» говоров, что и может объяснять обилие «полонизмов» в их языке. Таких лексем в нашем материале оказалось около 90, например: *агалíць*, *брак*, *жвірóўня*, *зачáть*, *злáпаць*, *калдуны́*, *калéйна*, *крэ́тка*, *лáтвы*, *лéкаж*, *лёды*, *лíна*, *ляпёнка*, *маёнтэк*, *млячáрня*, *мундýр*, *мýсиць*, *мыслíвы*, *нажачóны*, *назвíска*, *настрэ́нчыць*, *нáфта*, *павéтра*, *павíнен*, *пеленгня́рка*, *пýшка*, *самахóд*, *сталёвы*, *трóха*, *трóшку*, *тынк*, *тэсцёва*, *шмальц*, *шóпа*, *шпітáль*, *шпалéры*, *шрýба*, *штыўны, шчур*, *шыкавáць* и мн. др.). В отдельных случаях есть непосредственная ссылка на польскую речь (ср. комментарий *як палякі казалі* к слову *забáва* ‘вечарынка’ в [Мяцельская]). Их можно считать несомненными заимствованиями из польской речи.

Следует привести примеры ярких белорусизмов в исследуемом говоре. Это в первую очередь наречие *калúсти*, ср. блр. *калíсці* ‘когда-то, прежде’, [Крапіва; Мацкевіч 2]; произв. *калúшний*, ср. *калíшні* ‘прежний’ [Крапіва]; *ничóга*, ср. *нічога* ‘ничего’. Это также идиома *тóе и сёе* ‘(и) то и сё’, *ци* (и отчасти *чы*) как вопросительные частицы и разделительные союзы, и мн. др.

Интересным с точки зрения соотношения как с польским языком, так и с белорусскими говорами является глагол *меть* (и встречающийся иногда его литературный вариант *иметь*), имеющий следующую парадигму личных форм: наст. вр. *мáю*, *мáеш*, *мáет*, *мáем*, *мáют*; пр. вр. *мел*, *мéла*, *мéли*. В говоре старообрядцев в Польше он употребляется для выражения почти всех семантических отношений, которые в польском языке выражаются при помощи глагола *mieć*. Это: 1) разнообразные посессивные отношения (*я мáю дóчки*, *брат мáет женý*); 2) определение возраста (*сестрá мáет двáдцать лет*, *я мéла сем год*); в сочетании с инфинитивом: 3) указание на предстоящее событие с оттенком долженствования (*ешчó гóдик мáет учы́цца*), 4) долженствование (*што мáю дéлать*); при отрицании: 5) отсутствие возможности выполнить какое-нибудь действие (*не мéли што купля́ть*). Из русских говоров лишь в смоленском отмечается форма *маю* [Добровольский, статья *имѣю* и *мáю*], но только в посессивном значении (*коня маю*, *другого маю*).

В восточнославянских языках, особенно в русском литературном и великорусских диалектах, посессивные отношения чаще всего выражаются при помощи конструкции *у* + Р. п. (*у кого есть*). На западных рубежах восточной славянщины ситуация выглядит по-другому. Особо интересный случай представляет белорусский литературный язык, в котором параллельно с конструкцией *у* + Р. п. употребляются конструкции с глаголом *меть* под влиянием польского языка [Сегень 2001: 124]. Старообрядцы, проживающие в Польше, употребляют преимущественно конструкцию с *меть* (по образцу польск. *mieć*), а русская конструкция *у* + Р. п. изредка появляется в речи тех информантов, которые находились под влиянием общерусского языка. По всей вероятности, конструкция с *меть* могла появиться в говоре исследуемой группы еще до их миграции в Польшу, например, из белорусских диалектов, а потом польский язык стал фактором, поддерживающим сохранение и продуктивность данной синтаксической структуры [Глушковски 2010: 328].

В белорусском языке этот глагол появляется с основами *ме*(*ць*) и *ма*(*ць*) и имеет соответственно разные парадигмы личных форм, в том числе и аналогичные формам исследуемого говора (*маю*, *маеш*, *маіць*, *маем*, *маеце*, *маюць*; *меў*, *мела*, *мелі*) [Мацкевіч 3]. Как и в нашем говоре, в белорусском языке глагол *мець* выступает в конструкциях, обозначающих разнообразные посессивные отношения [Крапіва, п. 1: *мець уласны дом*; Станкевич, пп. 1–3; Мацкевіч 3, пп. 1–3: *аднаго абруса маю*], определение возраста [Мацкевіч 3, п. 4: *шэсць гадоў мела*], с инфинитивом — указание на предстоящее событие [Мацкевіч 3, п. 10а: *сын мая да войска ісці*], долженствование [Крапіва, п. 3: *маю ехаць у горад*; Станкевич, п. 5; Мацкевіч 3, некоторые примеры в п. 10а][31], а при отрицании — отсутствие возможности выполнить какое-нибудь действие [Мацкевіч 3, п. 10б: *ні мела с кім кінуць*].

В белорусском языке встречается ещё дериват *ме́цца* с двумя значениями: 1) ‘намереваться’, например: *ён меўся прыйсці* [Мацкевіч 3] и *ён меўся вярнуцца ўчора* [Крапіва] и 2) ‘чувствовать себя’: *ні знаю, як іна цяпер маецца* [Мацкевіч 3]. Сходство с польским языком наблюдается лишь при втором значении, ср. польск. *miał się dobrze* (‘ему было хорошо’). Но в говоре старообрядцев в Польше такое употребление этого глагола пока не появилось. Зато встретилось высказывание: *Ну и та́мка* ***ме́лся*** *... Ста́лин дать то́я, што тут в По́льшчэ ме́ли старавéры*, с явным обозначением намерения. Это употребление, кажется, выходит за пределы польского влияния и указывает на чёткую связь говора старообрядцев в Польше с белорусским языковым ареалом.

Интересным является также пример *ме́ние* ‘имущество’. Эта лексема без начального *и-* не встречается в словарях русских диалектов. Её, вероятно, можно объяснить вариантностью глагольного корня *иметь* |// *меть*. Такая вариантность отмечена в белорусском: *именне* // *менне* ‘имя’ [Барадулін]. Можно также отметить *ме́ньне* ‘имущество’ [Станкевич]. Как своеобразную дополнительную основу для приведённого варианта можно привести также польск. *mienie* ‘то же’. Следовательно, в форме *ме́ние* можно усматривать воздействие на говор двух начал: белорусского и польского.

Взаимодействие белорусского и русского диалектного (смоленского) начала следует усматривать в слове *юр*, у которого ряд значений (например, ‘вир’ [Шаталава]), но также значение ‘похоть, вожделение’, которое появилось в нашем говоре в рассказе о том, каким должен быть наставник: *Ну, далжо́н быть ста́ршый поп, ну ужо́ тако́й, что ужо́ он ета́т* ***юр*** *перебичава́л.* В смоленских говорах значение ‘половой инстинкт’ отмечает [Добровольский], приводя также *юри́ть* ‘заигрывать’, *юрли́вый* ‘похотливый’ [там же]. В другом смоленском источнике ([ССГ 11]) это значение преподносится эвфемистически: ‘безудержное веселье, безрассудство’. Сходное толкование приводит [Расторгуев] для *заюры́ть* ‘заиграть, закрутить’. Словари [Даль IV, см. *юръ* в: *юрить*); НОС] связывают *юр* с другой семантикой (сильный ветер, обрыв, стая рыб и т. п.), но [Даль IV] фиксирует также *юрови́ха*

[31] Высказывания типа *я имею вам сказать*, встречающиеся на юго-западных окраинах распространения русского языка в городах, по-видимому, имеют другой источник.

‘резвая девка’, где можно усматривать оттенок действительного значения. Его эксплицитное выражение находим в белорусских источниках, в которых тоже встречаются эвфимистические определения: [Varłyha, см. *jur*] — ‘подвижность, беспокойствие, нетерпение’, [Мацкевіч 5] — ‘возбуждение, шалость, хорошее настроение’, [Носович] — ‘шалость, своевольство, выходящее из пределов благопристойности’, [Барадулін] — ‘страсть’. Прямое значение приводят [Станкевич] — ‘половое возбуждение’, ‘увлечение’, [Крапіва] — ‘похоть, сладострастие’. Это подкрепляется глаголом *юры́ць*: [Крапіва] — ‘возбуждаться’, [ЭССЯ 8, см. *jur*] — ‘высказывать половое вожделение’, [Барадулін] — ‘разжигать страсть’, *юрэ́ць* [Станкевич] — ‘вожделеть’; оно же в наличии в прилагательном *юрлі́вы* [Крапіва] — ‘похотливый, блудливый’ и отчасти в идиоме *юрава́я пара́* ‘течка у волков’ [Крапіва; Мацкевіч 5]. Таким образом, говор старообрядцев в Польше в данном случае, по-видимому, следует белорусско-смоленской семантической модели. Польск. *jurny* ‘похотливый’ и *jurność*, в которых мы на первых порах усматривали основу диалектной инновации, оказываются тут ни при чём.

Акцентуация новых заимствований (конец XX — начало XXI вв.)

Влияние польского языка заметно прежде всего в лексике, потому что лексика реагирует первой на связь с другим языком. Вследствие этого наиболее подверженной польскому влиянию является лексическая система, т. к. именно в ней обозначение новых реалий, связанных с цивилизационным прогрессом, заимствуется или калькируется с польского языка [Paśko-Koneczniak 2011; 2016]. Заимствованные лексемы приспосабливаются к говору в фонетическом, акцентуационном, морфологическом и словообразовательном отношениях, сохраняя семантику, свойственную польскому языку [Grek-Pabisowa 1999: 212–227; Paśko-Koneczniak 2011: 84].

Интерес вызывает акцентуация заимствованной лексики. На ударение в говоре старообрядцев, проживающих в Польше, может влиять польский пенультиматизм, но, несмотря на это, большое число заимствований из польского не придерживается принципов пенультиматизма и присваивает ударение в соответствии с русскими правилами акцентуации. Например, заимствования с суффиксом *-а́к-* или *-е́ц-* ведут себя как русские дериваты с этими морфами, т. е. передают ударение гласному окончания (*веша́к*, *вешака́*, *вешаки́* ‘вешалка’; *пия́к*, *пиякі́, пиякóв* ‘пьяница’; *краве́ц*, *кравцóм*, *кравцы́* ‘портной’), постоянно выдерживается ударность приставки *вы́-* у глаголов сов. вида (*вы́шаравать* ‘вымыть’, *вы́тлумачить* ‘объяснить’, *вы́лудить* ‘выманить’, *вы́хавать* ‘воспитать’) [Гжибовский 2010б: 52; Paśko-Koneczniak 2011: 85–86]. Но следует отметить, что среди заимствованных слов появляются акцентуационные варианты, из которых одни формы соответствуют принципу морфематизма русского ударения, а другие — принципу польского пенультиматизма [Пасько-Конэчняк 2010: 199; Paśko 2010: 186–187]: *пляца́к* // *пляца́ки* ‘рюкзак’, *агульня́к* // *агу́льняк* ‘лицей’, *студъява́ть* // *студъёвать* ‘учиться в вузе’.

Старообрядцы привыкли к лексике польского происхождения, и заимствования не воспринимаются ими как чуждые. Заимствования обогащают говор новыми

лексемами, являясь одновременно свидетельством динамики и развития русского островного говора. Следует подчеркнуть, что, несмотря на процесс полонизации говора, сохранился основной запас исконной русской лексики, в котором соблюдаются принципы русской акцентуации.

Заключение

Кроме представленных выше лексических особенностей говора старообрядцев в Польше, вытекающих из истории её носителей и языковой ситуации в прошлом и настоящем, естественно, есть и такие, которые наблюдаются в других русских диалектах. К ним можно отнести общерусскую (*дамой*, *хадить*, *батюшка*, *власти*, *красивый*, *учитель*, *большой* и т. п.) и оформленную согласно диалектным нормам лексику (*ба́йня* ‘баня’, *гаво́рка* ‘говор, речь’, *замну́ть* ‘замкнуть’, *ирва́ть* ‘рвать’, *о́ммарак* ‘обморок’, *анна́* ‘одна’, *престь* ‘прясть’, *йисть* и *съйисть* ‘есть’ и ‘съесть’, *суда́рыня* — обращение к матери, *цэ́рква* ‘церковь’, *яди́м* и *яду́т* ‘едим’ и ‘едят’ и т. п.). Есть также номинации, специфические для старообрядческих общин (*христосла́вить* и *христосла́вцы*, *ле́стовка / ле́сенка*, *подру́чник*, *куте́йник*, *ма́тушка* ‘настоятельница монастыря’, *стоять богослуженье*, *моле́нна* и *моле́нная* и др.), а также такие элементы, которые являются общими для говора и языка окружения (*там — tam*, *я — ja*, *дом — dom*, *просить — prosić*, *молиться — modlić się*, *религия — religia*, *православие — prawosławie*, *школа — szkoła*, *дети — dzieci* и т. п.).

Но самой яркой и достопримечательной особенностью этого говора является наличие в нём архаических элементов, специфических инноваций, большого количества «полонизмов» и включение его в русский прибалтийский старообрядческий диалектный ареал, в формировании которого, как представляется, большую роль сыграла также белорусская языковая стихия.

В настоящем исследовании использованы доступные лексикографические источники, многие из которых ещё не завершены ([ПОС; СРНГ; АОС]). Их недостающие выпуски (прежде всего [ПОС]) могут внести уточнения и коррективы в представленные выше результаты наблюдений. Следует также учесть, что около 80% записанного на электронные носители материала нашего говора ещё предстоит подвергнуть расшифровке и тщательному языковому анализу. Он может содержать элементы, которые подтвердят наши наблюдения, но также, вопреки ожиданиям, могут внести в него существенные дополнения, тем более что полевые исследования говора старообрядцев в Польше торуньскими исследователями продолжаются.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов Р. И., *Орлова В. Р.* (ред.) Русская диалектология. М., АН СССР, 1965.

Гжибовски С. Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше // Studia Rossica Posnaniensia. XXXV. Poznań, 2010. S. 67–76.

Гжибовски С. Фонетические особенности русского говора старообрядцев в Польше // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту, 2010. С. 43–55.

Гжибовский С. К вопросу о диалектной общности русского говора старообрядцев в Польше и русских говоров Прибалтики // Slavistika Vilnensis 62. 2017. С. 151–171.

Гжибовский С., *Глушковский М.* Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бор (Польша) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 200–214.

Гжибовский С., *Глушковский М.* Диглоссия и сферы употребления польского языка и русского говора в общине старообрядцев Сувальско-Августовского региона (Польша) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2013. С. 379–389.

Глушковски М. Функционирование старообрядческого говора в Польше на примере одного идиолекта // Die Welt der Slaven LV. 2010. S. 213–333.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М. : Квадрига, 2006.

Касаткин Л. Л. (ред.) Русская диалектология. М. : Akademia, 2005.

Морозова Н., *Чекмонас В.* Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения // Ю. Новиков. Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 1. Сказки. Пословицы. Загадки. Вильнюс, 2007. С. 51–70.

Пасько-Конэчняк Д. Вариативность лексических заимствований из польского языка в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту, 2010. С. 193–203.

Поташенко Г. Староверие в Литве. Вторая половина XVII — начало XIX вв. Исследования, документы, материалы. Vilnius : Aidai, 2006.

Сегень Б. Прыназоўник у сістэме адной усходнеславянскай гаворкі Беласточчыны. Беласток : Университет в Беластоке, 2001.

Таранец С. Старообрядчество в Российской Империи (конец XVII — начало XX века). Т. 1–2. Киев, 2012.

Čekmonas V. Russian Varieties in the Southeastern Baltic Area. Rural dialects // The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact. V. I. Past and Presence / ed. by Östen Dahl and Maria Koptjevskaja-Tamm. 2001. P. 101–136.

Doroszkiewicz M. Studia nad wpływami polskimi na rosyjską leksykę gwarową. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1991.

Głuszkowski M. Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011.

Grek-Pabisowa I. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław–Warszawa–Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968.

Grek-Pabisowa I. Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983.

Grek-Pabisowa I. Polonizmy w gwarach pskowskich // Język i jego odmiany w aspekcie porównawczym // Prace Slawistyczne 53. Wrocław, 1986. S. 183–194.

Grek-Pabisowa I. Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa : SOW, 1999.

Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII−XX w. Warszawa : PWN, 1977.

Maryniakowa I. Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław — Warszawa — Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976.

Maryniakowa I. Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982.

Pastuszewski S. Przegląd źródeł i opracowań do badań staroprawosławia, Bydgoszcz : Świadectwo, 2016.

Paśko D. Adaptacja akcentuacyjna zapożyczeń z języka polskiego do rosyjskiej gwary staroobrzędowców w ośrodku augustowskim // Staroobrzędowcy za granicą / red. M. Głuszkowski i S. Grzybowski. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK. S. 181–188.

Paśko-Koneczniak D. Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011.

Paśko-Koneczniak D. Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regiony suwalsko-augustowskiego, Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016.

Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów / pod red. M. Głuszkowskiego i S. Grzybowskiego. Toruń : UMK, 2016.

Ziółkowska-Mówka M. System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / red. M. Głuszkowski i S. Grzybowski, Toruń : Eikon, 2019.

Словари

АОС Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. Т. 1–15. М. : МГУ, 1980–2013.

Барадулін Р. Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна. Мінск : Кнігазбор, 2013.

Герд А. С. (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Герд. Вып. 1–6. СПб : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996–2005.

Гілевіч Н. Дыялектны слоўнік. Лексіка. Фразеалагізмы. Прыказкі, прымаўкі, прыгаворкі. Параўнанні. Мінск : Беллітфонд, 2005.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I−IV. М. : Русский язык, 1978 (1880–1882).

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Жыдовіч М. А. (рэд.). Матэрыялы для для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / пад рэд. Жыдовіч. Мінск : БДУ імя В. І. Леніна, 1977.

Крапіва К. (рэд.). Беларуска-расейскі слоўнік. Менск: Беларуская энцыклапедыя, 2012. Для Интернета подготовлено: 4-е выд., перапрац. и дап. пад рэд. А. Лукашанца, НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры ім. Якуба Коласа і Янкі Купалы.

Королёва Е. Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils : Saule, 2013.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб : Норинт, 2000.

Мацкевіч Ю. Ф. (рэд.). Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, у пяци тамах. Т. 1–5. Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.

МСРСГП — *Немченко В. Н.*, *Синица А. И.*, *Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963.

Мяцельская Е. С. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. Т. 1 / пад рэд. Е. С. Мяцельскай. Мінск : Універсітэцкае, 1990.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870 (перепечатка: München: Verlag Otto Sagner, 1984).

НОС — *Левичкин А. Н.*, *Мызников С. А.* (сост.). Новгородский областной словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. В. П. Строгова. СПб. : Наука, 2010.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Изд-во Ленинградского / С.-Петербургского университета, 1967–2013.

Расторгуев П. А. Словарь народных говоров западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск : Наука и техника, 1973.

Речник на българския език. Т. 1–15. София : Институт за български език БАН, 1977–2013.

РСВ — Рэгіанальны слоўнік Віцебшчыны. Ч. 1. Віцебск, 2012; Ч. 2. Віцебск, 2014.

СБРФ — *Мяцельская Е. С.*, *Камароўскі Я. М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск : Выд. БДУ ім. В. І. Леніна, 1972.

СГСЭ — *Паликова О. Н.*, *Ровнова О. Г.* Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–X. М. : Русский язык / Азбуковник, 1988−2013.

СПГ — Словарь пермских говоров. Вып. 1 / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь, 1999.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка X–XVII вв. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРЛГ — Слоўнік рэгіанальнай лексікі Гродзеншчыны / пад рэд. М. А. Даніловіча, П. У. Сцяцко. Гродна, 1999.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. М.–Л.–СПб : Наука, 1965–2011.

СРЯ XI−XVII — Словарь русского языка XI−XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.

ССГ — Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск : Смоленский педагогический институт, 1974–2005.

ССРНГ — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969.

Станкевич Я. Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь. New York: Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation, без года.

Сцяцко П. У. Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. Гродна, 2005.

Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова. Мінск : Навука і тэхніка, 1975.

Юрчанка Г. Ф. Сучасная народная лексіка. З гаворкі Мсціслаўшчыны. А–Н. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1993; Т. 2–3, Мінск: Беларуская навука, 1996–1998.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. М. : Наука, 1981.

SGS — *Grek-Pabisowa I.*, *Maryniakowa I.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980.

Varłyha A. Krajovy słoŭnik Łahojščyny (Краёвы слоўнік Лагойшчыны). New York : Zaranka, 1970.

S. Gzhibovskii, M. Glushkovskii, D. Pas'ko-Konechnyak
Nicholas Copernicus University
(Poland, Toruń)
stefgrzy@interia.pl, gluszkowski@mail.ru, dorotapasko@poczta.onet.pl

PECULIAR ITEMS IN THE VOCABULARY OF OLD BELIEVERS IN POLAND

Old Believers' dialect in contemporary Poland can be regarded as the western part of the Russian Dialectal Old Believers' Area in the Baltic States. It was formed in the 18–20th centuries on the basis of some Pskovian dialects. In recent years, it has been strongly influenced by Polish, predominantly in vocabulary, but also in syntax and phonetics. Nevertheless, the dialect is of great value itself, since it contains many diverse strata of its linguistic system, where some linguistic peculiarities can be found. Some of them are specific only to the dialect at issue, others correlate it with other tongues with respect to temporal and spatial perspective.

Among the peculiarities there are archaic forms unknown in other Russian dialects, peculiar innovations based on Russian or Polish linguistic items. One of the very important phenomena in the dialect under discussion and in Russian dialects in the Baltic States is a significant number of words which are consonant with Polish lexical items (provisionally called „Polonisms" in the paper), and with Byelorussian as well. Some of them are absent in Russian „continental" dialects. This situation supports the above-mentioned thesis of the existence of the Russian dialectal Old Believers' area in the Baltic States and Poland, and of the Byelorussian linguistic influence in forming the area. Many of the

peculiarities, however, are present in some Russian dialects, mainly in those contiguous to the area in the vicinity of Pskov, Smolensk and Briansk.

Key words: Russian dialect in Poland, Old Believers' dialects, Russian dialectal area in the Baltic States, vocabulary, lexical borrowings, language contacts, Polonisms.

References

Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Essays on Russian dialectology]. Vol. 1. Moscow, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. 340 p.

Avanesov R. I., Orlova V. R. (eds.) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, AN SSSR, 1965. 304 p.

Čekmonas V. Russian Varieties in the Southeastern Baltic Area. Rural dialects. *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact. Vol. I. Past and Presence*. Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins, 2001, pp. 101–136.

Doroszkiewicz M. *Studia nad wpływami polskimi na rosyjską leksykę gwarową* [Studies on Polish influence on the Russian dialectal lexis]. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1991. 163 p.

Gzhibovski S. [Hybridization of the Russian Old Believer dialect in Poland]. *Studia Rossica Posnjaniensia*, 2010, vol. XXXV, pp. 67–76. (In Russ.)

Gzhibovski S. [Phonetic peculiarities of the Old Believers' Russian dialect in Poland]. *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XIII. Razvitie i variativnost' yazyka v sovremennom mire* [Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XIII. The development and variation of language in the contemporary world] vol. I. Tartu, 2010, pp. 43–55. (In Russ.)

Gzhibovskii S. [About dialectal community of the Russian dialect of the Old Believers in Poland and the Russian dialects in the Baltic states]. *Slavistika Vilnensis* 2017, No. 62, pp. 151–171. (In Russ.)

Gzhibovskii S., Glushkovskii M. [Sociolinguistic situation of the Old Believers in the villages of Gabowe Grądy and Bór (Poland)]. *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* [Russian Old Believers: language, culture, history. Collected works for the 14th International Congress of Slavists]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2008, pp. 200–214. (In Russ.)

Gzhibovskii S., Glushkovskii M. [Diglossia and the domains of usage of the Polish language and Russian dialect in the community of the Old Believers in Suwałki-Augustów region (Poland)] *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* [Russian Old Believers: language, culture, history. Collected works for the 14th International Congress of Slavists]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2013, pp. 379–389. (In Russ.)

Glushkovski M. [Functioning of the Old Believer Russian dialect in Poland against the example of one idiolect]. *Die Welt der Slaven*, 2010, vol. LV, pp. 213–333. (In Russ.)

Głuszkowski M. *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego* [Sociological and psychological

conditions of bilingualism of the Old Believers in Suwałki-Augustów region]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. 346 p.

Głuszkowski M., Grzybowski S. (eds.) *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów* [Russian dialect of the Old Believers in North-East Poland. Selection of texts]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016. 284 p.

Grek-Pabisowa I. *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* [The Russian Old Believers' dialect in Olsztyn and Białystok voivodships]. Wrocław–Warszawa–Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. 199 p.

Grek-Pabisowa I. *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy* [Vocabulary of the Russian Old Believer dialect island in Poland. The development and contemporary state]. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 199 p.

Grek-Pabisowa I. [Polishisms in Pskov dialects]. *Język i jego odmiany w aspekcie porównawczym. Prace Slawistyczne* 53 [Language and its varieties in the comparative aspect. Slavistic works 53]. Wrocław, 1986, pp. 183–194.

Grek-Pabisowa I. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów* [Old Believers. Sketches on history, language and customs]. Warszawa, SOW, 1999. 346 p.

Iwaniec E. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII-XX w.* [From the history of the Old Believers in the Polish lands 17th–20th cent.]. Warszawa, PWN, 1977. 294 p.

Maryniakowa I. *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce* [Participles in the Russian dialect of the Old Believers living in Poland]. Wrocław—Warszawa—Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. 112 p.

Maryniakowa I. *Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce* [Syntactivc functions of infinitives in the Pskov dialect and the dialect of the Old Believers living in Poland]. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982. 114 p.

Kasatkin L. L. (ed.) *Russkaya dialektologiya*. Moscow, Akademia, 2005. 288 p.

Morozova N., Chekmonas V. [Dialects of the Old believers in Lithuania: peculiarities and problems of genesis]. *Fol'klor staroobryadtsev Litvy. T. 1. Skazki. Poslovitsy. Zagadki* [Folklore of the Old Believers in Lithuania. Vol. 1. Fairytales, proverbs, riddles]. Vil'nyus, Izdatelstvo vil'nyusskogo pedagogicheskogo universiteta, 2007, pp. 51–70. (In Russ.)

Paśko D. [Acentual adaptation of Polish borrowings in the Russian Old Believers' dialect in Augustów region]. *Staroobrzędowcy za granicą* [Old Believers abroad]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2010, p. 181–188.

Pas'ko-Konechnyak D. Variativnost' leksicheskikh zaimstvovanii iz pol'skogo yazyka v russkom govore staroobryadtsev, prozhivayushchikh v Pol'she. *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XIII. Razvitie i variativnost' yazyka v sovremennom mire* [Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XIII. The development and variation of language in the contemporary world]. Vol. I. Tartu, 2010, pp. 193–203. (In Russ.)

Paśko-Koneczniak D. *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie* [The influence of Polish language on the lexical

reseources of the Old Believers' dialect in Suwałki region]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. 284 p.

Paśko-Koneczniak D. *Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regiony suwalsko-augustowskiego* [Dictionary of Polish borrowings in the Old Believers' dialect in Suwałki and Augustów region]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016.

Pastuszewski S. *Przegląd źródeł i opracowań do badań staroprawosławia* [Review of sources and works for research on the Old Believerism]. Bydgoszcz, Świadectwo, 2016. 387 p.

Potashenko G. *Staroverie v Litve. Vtoraya polovina XVII — nachalo XIX vv. Issledovaniya, dokumenty, materialy*. Vilnius, Aidai, 2006. 543 p.

Segen' B. *Prynazoŭnik u sisteme adnoi uschodnueslavianskai havorki Bielastoččyny* [Pronouns in the system of an East Slavic dialect in the Białystok region]. Belastok, Universitet v Belastoke, 2001. 232 p.

Taranets C. *Staroobryadchestvo v Rossiiskoi Imperii (konets XVII — nachalo XX veka)* [Old Believerism in the Russian Empire (late 17th — early 20th century]. Vol. 1–2. Kiev, Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy; Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva Ukrainy, 2012. 704 p.

Zen'kovskii S. A. *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believerism]. Moscow, Kvadriga, 2006. 687 p.

Ziółkowska-Mówka M. *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce* [The anthroponimical system of the Old Believers living in Poland]. Toruń, Eikon, 2019. 470 p.

Dictionaries

AOS — *Arkhangel'skii oblastnoj slovar'* [Arkahngel'sk district dictionary]. Vol. 1–15. Moscow, MGU, 1980–2013.

Baradulin R. *Vushatski slovazbor Ryhora Baradulina* [The Vushat vocabulary by Ryhor Baradulin]. Minsk, Knigazbor, 2013. 244 p.

Gerd A. S. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [The dictionary of Russian dialects in Karelia and neighbouring districts]. Vol. 1–6. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996–2005.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Vol. I–IV. Moscow, Russkii yazyk, 1978 (1880–1882).

Dobrovol'skii V. N. *Smolenskii oblastnoi slovar'* [Smolensk district dictionary]. Smolensk, 1914. 1022 p.

ESSYa — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov* [The ethymological dictionary of the Slavic languages]. Vol. 8. Moscow, Nauka, 1981. 252 p.

Hilevich N. *Dyyalektny sloŭnik. Leksika. Fraziealahizmy. Prykazki, prymaŭki, pryhavorki. Paraŭnanni* [The dialectal dictionary. Lexis, phraseologisms. Proverbs, sayings, sentences. Comparisons]. Minsk, Bellitfond, 2005. 176 p.

Jurčanka G. F. *Suchasnaja narodnaja lieksika. Z havorki Mscislaŭshchyny. A–N.* [The contemporary dialectal lexis. From the dialect of Mstislav region. A–N] Vol. 1. Minsk, Navuka i technika, 1993; Vol. 2–3, Minsk, Belaruskaya navuka, 1996–1998.

Krapiva K. (ed.). *Bielaruska-rasiejski sloŭnik* [The Belarussian-Russian dictionary]. Minsk, Belaruskaya entsyklapedyya, 2012. www.slounik.org/krapiva/18_30.

Koroleva E. E. *Dialektnyi slovar' odnoi sem'i (Pytalovskii raion Pskovskoi oblasti)* [The dialectal dictionary of one family (Pytalov region of Pskov district]. Daugavpils, Saule, 2013. 354 p.

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The great explanatory dictionary of Russian]. St. Petersburg, Norint, 2000. 1534 p.

Mackievič Ju. F. (ed.). *Sloŭnik belaruskikh havorak paŭnochna-zakhodnyai Bielarusi i jaje pahranichcha, u piaci tamach* [The dictionary of Belarussian dialects of the North--West Belarus and its borderlands. In 5 volumes]. Vol. 1–5. Minsk, Navuka i tekhnika, 1979–1986.

Miaciel'skaja E. S. *Sloŭnik havorak central'nych rajonau Bielarusi* [The dictionary of the dialects of central Belarussian districts]. Vol. 1. Minsk, Universitetskae, 1990. 292 p.

MSRSGP — Nemchenko V. N., Sinitsa A. I., Murnikova T. F. *Materialy dlya slovarya russkikh starozhil'cheskikh govorov Pribaltiki* [Materials for the dictionary of the Russian Old Believer dialects of the Baltic states]. Riga, Latviyskii gosudarstvennii universitet, 1963. 362 p.

NOS — Levichkin A. N., Myznikov S. A. (eds.). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [The Novgorod district dictionary]. 2nd edition, corr. and suppl. St. Petersburg, Nauka, 2010. 1464 p.

Nosovich I. I. *Slovar' belorusskogo narechiya* [The dictionary of the Belarussian dialect]. St. Petersburg, 1870 (reprinted: München, Verlag Otto Sagner, 1984). 756 p.

Paśko-Koneczniak D. *Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego* [Dictionary of Polish borrowings in the Russian Old Believers' dialect in Suwałki-Augustów region]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016. 166 p.

POS — *Pskovskii oblastnoi slovar' c istoricheskimi dannymi* [The Pskov district dictionary with istorical data]. Vol. 1–24. Lenignrad(St. Petersburg), Izd-vo Leningradskogo (S.-Peterburgskogo) universiteta, 1967–2013.

Rastorguev P. A. *Slovar' narodnykh govorov zapadnoi Bryanshchiny (Materialy dlya istorii slovarnogo sostava govorov)* [The dialectal dictionary of the Western part of the Bryansk region (Materials for the lexical composition of the dialects)]. Minsk, Nauka i tekhnika, 1973. 296 p.

Rechnik na b"lgarskiya ezik [The dictionary of Bulgarian lanaguage]. Vol. 1–15. Sofiya, Institut za b"lgarski ezik BAN, 1977–2013.

RSV — *Rehianal'ny sloŭnik Viciebshchyny* [The regional dictionary of the Vitebsk region]. Vol. 1. Vitsebsk, 2012. p. 303; Vol. 2. Vitsebsk, 2014. 357 p.

Šatalava L. F. *Bielaruskaje dyjalektnae slova* [The Belarussian dialectal lexis]. Minsk, Navuka i technika, 1975. 207 p.

SBRF — Miaciel'skaja E. S., Kamaroŭski Ya. M. *Sloŭnik bielaruskai narodnai frazialohii* [The dictionary of the folk phraseology]. Minsk, Vyd. BDU im. V. I. Lenina, 1972. 320 p.

Sciacko P. U. *Sloŭnik narodnai movy Zel'venshchyny* [The dictionary of the dialects of the Zelvensk region]. Grodna, HrDu, 2005. 144 p.

SGS — Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* [The dictionary of the Old Believers living in Poland]. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980. 404 p.

SGSE Palikova O. N., Rovnova O. G. *Slovar' govora staroverov Estonii* [The dictionary of the Estonian Old Believers]. Tartu, 2008. 160 p.

SDRYa — *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [The dictionary of the Old Russian language 11th–14th cent.] Vol. I–X. Moscow, Russkii yazyk / Azbukovnik, 1988−2013.

SPG *Slovar' permskikh govorov* [The dictionary of Perm dialects]. Vol. 1. Perm', Knizhnii Mir, 1999. 606 p.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka X–XVII vv.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language 10th–17th cent.]. Vol. I–III. St. Petersburg, 1893–1903.

SRLG — *Sloŭnik rehianal'nai leksiki Hrodzienshchyny* [The dictionary of the regional lexis of Grodno region]. Hrodna, 1999. 151 p.

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The dictionary of the Russian dialects]. Vol. 1–44. Moscow–Leningrad (St. Petersburg), Nauka, 1965–2011.

SRYa XI−XVII — *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [The dictionary of the Russian language 11th–17th cent.]. Vol. 1–30. Moscow, Nauka, 1975–2015.

SSG — *Slovar' smolenskikh govorov* [The dictionary of Smolensk dialects]. Vol. 1–11. Smolensk, Smolenskii pedagogicheskii institut, 1974–2005.

SSRNG *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo raiona Ryazanskoi oblasti)*. Moscow, Nauka, 1969. 612 p.

Stankievič Ja. *Belorussko-russkii (velikolitovsko-russkii) slovar'* [The Belorussian--Russian (Great Lithunian-Russian) dictionary]. New York, Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation, without year of publication. 305 p.

Varłyha A. *Krajovy słoŭnik Łahojščyny (Krajovy sloŭnik Lahojshchyny)* [The country dictionary of the Lahoysk region]. New York, Zaranka, 1970. 172 p.

Žydovič M. A. (ed.). *Materyyaly dlya sloŭnika minska-maladzechanskich havorak* [Materials for the dictionary of Minsk-Maladechno dialects]. Minsk, BDU imya V. I. Lenina, 1977. 142 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

М. Глушковский, М. Група-Долиньска, А. Павлячик
Кафедра славянских языков Университета Николая Коперника
(Польша, Торунь)
gluszkowski@mail.ru, magdalena.grupa1@gmail.com, a_pawlaczyk@wp.pl

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ

Биографический метод является классическим методом качественной социологии и других социальных наук. Его использование может быть полезно и в языкознании: понятия языковой биографии используются на разных уровнях языкового анализа. Исследовательская группа научных сотрудников, аспирантов и студентов Университета Николая Коперника проводит на территории Польши с 1999 г. исследования билингвизма старообрядцев, в которых биографические материалы послужили предметом анализа как в социолингвистическом, так и в чисто лингвистическом плане, а языковой и социолингвистический материал собирался с использованием биографического интервью (по возможности также личных документов и мемуаров). Целью данной статьи является попытка упорядочить терминологию и систематизировать методологические приемы, а также представить преимущества применения биографического метода в процедурах сбора материала и его анализа на примере исследований различных аспектов двуязычия старообрядцев, проживающих в Польше. Благодаря продолжительному контакту с информантами и лонгитюдной перспективе удалось проследить развитие отдельных идиолектов на протяжении около 20 лет, провести диахронический анализ изменений фразелогических ресурсов, а также описать другие явления в условиях польско-русского билингвизма диалектного острова старообрядцев в Польше.

Ключевые слова: старообрядцы в Польше, русские говоры старообрядцев, двуязычие, биографический метод, идиолект, фразеология, методология, гуманистическая социлогия, лонгитюдные исследования.

Биографический метод: основные положения

Биографический метод и «человеческий коэффициент» (*humanistic coefficient*) являются столпами, на которых базируется гуманистическая социология. Изначально социология и другие социальные дисциплины ориентировались

на естественные науки и их методологию, но в первые десятилетия XX в. стало развиваться новое направление, учитывающее так называемый «человеческий коэффициент», т. е. то, что, по словам Ф. Знанецкого, «отличает культурные данные от природных, которые не зависят от опыта людей» [цит. по: Ганжа, Зотов 2002: 119]. Очень важно, что культурные данные всегда кому-то принадлежат, они никогда не являются ничьими [Znaniecki 1934: 37]. Несмотря на то что понятие «человеческого коэффициента» впервые появилось в «Социологическом методе» Ф. Знанецкого в 1934 г. [Znaniecki 1934], его идея, не обозначенная отдельным термином, была реализована и в более ранних работах польского социолога, в частности в его пятитомном труде «Польский крестьянин в Европе и Америке», в котором он вместе с У. И. Томасом ввел в научный оборот понятие биографического метода [Thomas, Znaniecki 1918: 1–86]. Идея данного типа исследований заключалась в сборе материала, который был непосредственно связан с жизнью членов исследуемой общины и представлял ее различные аспекты: У. И. Томас и Ф. Знанецкий анализировали переписку польских эмигрантов в Америке с их семьями, оставшимися на родине; Л. Кшивицки и Ю. Халасинский в своих исследованиях социальной ситуации польских крестьян в 1930-е гг. с целью сбора материала объявляли конкурсы на мемуары среди жителей деревень. Благодаря этому появился термин «мемуаристический метод», связанный с этим же теоретическим подходом [Thomas, Znaniecki 1918; Krzywicki 1935; Chałasiński 1984 (1938)].

Таким образом, в рамках разрабатываемой нами методологической перспективы применяются несколько сходных методов: биографический, личных документов и мемуаристический. Мемуаристический метод можно считать специфическим типом исследования личных документов (мемуары как форма автобиографии), его отношения с биографическим методом осложнены неоднозначностью данной идеи. Я. Леонски отмечает, что все термины, перечисленные выше, используются социологами часто как синонимы, и поэтому пытается навести порядок с учетом различий в их понимании в современной науке. Он считает, что биографический метод предполагает:

1) методологическую перспективу;

2) использование биографического материала как предмета анализа;

3) определенный способ сбора данных и их анализа [Leoński 1993: 25].

В первом случае биографический метод тесно связан с достижениями Ф. Знанецкого и его гуманистической социологией и включает в себя две следующие позиции. Во втором случае биографический материал, например личная переписка, является предметом анализа; в третьем — внимание уделяется не столько данным, сколько путям их накопления и методологии анализа.

Биографический метод широко применяется в исследованиях различных социальных и социолингвистических процессов. Очень часто бывает трудно разделить перечисленные подходы: так, в исследованиях Ю. Халасинского он применялся в рамках определенной методологической перспективы, а предметом анализа являлись мемуары польских крестьян, собранные именно с этой целью (исследователь сознательно поощряет информантов к подготовке биографического материала).

Однако бывает и так, что в конкретном исследовательском проекте биографический метод понимается более узко. Например, М. Рак, анализируя польский язык в диахроническом плане, опирается на такие личные документы, как завещания польских крестьян [Rak 2017], которые были опубликованы ранее [Łosowski 2015]. Нельзя также говорить о биографической перспективе как таковой, потому что М. Рак занимается исторической диалектологией и не анализирует влияние биографических факторов на язык авторов завещаний.

Роль идиолекта и биографии в лингвистике

Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» предлагал сосредоточиться на языке, понимаемом как сверхиндивидуальная структура, т. е. *langue*, в то время как индивидуальная речь (*parole*) была им определена как изменяющаяся и не подвергающаяся объективному описанию [de Saussure 1961: 25]. Утверждения основоположника структурализма, согласно которым система знаков является социальным фактом и ее необходимо исследовать лишь в сверхиндивидуальном аспекте, стали определяющими в мировой лингвистике на многие десятилетия [de Saussure 2004: 266–267]. Исследования языкового поведения индивидов перестали играть определяющую роль; Р. Якобсон называл идиолект «фикцией», а Р. Барт «иллюзией» [Barlow 2013: 1].

Однако индивидуальный подход бывает часто уместен в «нетипичных» ситуациях, т. е. в условиях языкового контакта или нестандартных вариантов языка — диалектов, социолектов или жаргонов: все нестандартные коды существуют прежде всего в форме вариантов. Поэтому не случайно появление в работах У. Вайнрайха, которые могут считаться манифестом структуралистической диалектологии , дефиниции идиолекта как «полной совокупности языковых нравов отдельного индивида в данный период» [Weinreich 1968 (1954): 389]. Вариантизация является одной из характеристических черт диалектной речи, а лучшим источником для ее исследований является идиолект [Нефедова 2002: 251].

Анализ идиолектов[1] в диахроническом и синхроническом планах может проводиться с применением биографического метода. Один из его вариантов связан с идеей «языковой биографии» (*language biography*, *Sprachbiographie*) и широко используется в немецкой социолингвистике, например [Franceschini, Miecznikowski 2004; Busch 2011], в том числе и под названием «языкового портрета» (*language portrait*) [Bellet 2016]. В данной исследовательской парадигме языковая биография опирается на нарративы информантов, которые могут быть представлены в различных формах и чаще всего служат материалом для анализа способа приобретения второго языка или воспроизведения процесса двуязычной языковой социализации.

[1] В русскоязычном языкознании и социолингвистике рядом с «идиолектом» употребляется понятие «языковой личности», см., например, [Королева 2007], а в польском — «życiorys językowy» (языковое описание жизни), которое применялось в исследованиях идиолектов писателей [Lewaszkiewicz 2017: 58–59], но последние обзоры в данной области показывают, что понятие и метод «языковой биографии» могут использоваться очень широко [Miodunka 2016].

Бывает так, что языковая биография или портрет являются составляющими «личного языкового портфолио» (European Language Portfolio) — вспомогательной системы, предложенной Советом ЕС для тех, кто изучает иностранные языки, опирающейся на самооценку языковой компетенции [Council of Europe 2021].

Под языковой биографией может также подразумеваться своеобразное описание хода жизни (*linguistic curriculum vitae*). Т. Левашкевич использует данный подход в процессе комплексного описания языковой ситуации общины польских репатриантов — переселенцев из окрестностей Новогрудка. Данная группа принадлежит к разряду «нетипичных» языковых общин из-за многоязычия, использования нестандартного варианта польского языка (язык восточного пограничья, так называемая *polszczyzna kresowa*), а также своего миграционного характера, поэтому в исследованиях ее языка необходимо учитывать всю совокупность индивидуальных вариантов. Биографии, содержащие довольно детальную информацию об изменениях жизненных обстоятельств, были составлены на основании интервью и включенного наблюдения [Lewaszkiewicz 2017: 58–69]. Т. Левашкевич, опираясь на данные синхронического исследования, пытался описать также изменения, происходящие в языке отдельных информантов и общины в целом в диахронической перспективе.

Преимущества многостороннего использования биографического метода

Биографический метод в широком понимании позволяет полностью совместить синхронию с диахронией при проведении долговременных обследований. Такой подход применялся сотрудниками Университета Николая Коперника[2] в исследованиях билингвизма старообрядцев на территории Польши, проводившихся эпизодически с 1999 г. и систематически с 2004 г. Во-первых, биографический метод рассматривался в качестве методологического ориентира. Во-вторых, языковой и социолингвистический материал собирался с использованием биографического интервью[3], а по возможности также личных документов и мемуаров. В-третьих, биографические материалы послужили предметом анализа как в социолингвистическом (языковая биография и эволюция билингвизма в зависимости от влияния социальных и психических факторов), так и в чисто лингвистическом плане (анализ сохранившихся черт средневеликорусского диалекта и влияния польского языка на русский говор старообрядцев).

Наиболее ярким примером результатов долгосрочного исследования является описание идиолектов отдельных представителей трех поколений старообрядцев

[2] В 1999–2018 гг. состоялось 17 экспедиций сотрудников, аспирантов и студентов Университета Николая Коперника под руководством проф. С. Гжибовского, а в 2000 г. — совместная экспедиция с сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

[3] Использование свободного интервью на биографические темы вместо стандартизованного диалектологического опросника позволяет эффективно отвлечь внимание информанта от искусственной ситуации исследования, собрать более натуральный материал, по возможности близкий к повседневному общению.

сувалкско-августовского региона в северо-восточной Польше. С 1999 по 2017 г. большинство информантов были опрошены по несколько раз. В рамках микросоциолингвистических исследований каждый из идиолектов был описан с учетом критериев усвоения языка, его употребления носителями в дошкольном, школьном и зрелом возрасте. Одновременно проводился и макросоциолингвистический анализ, предметом которого были языковые и социолингвистические явления на уровне избранных возрастных групп — поколений [Głuszkowski 2011: 114–250].

Методологическая направленность на исследование биографий и использование биографического метода в процессе сбора языкового материала позволяют провести глубинный анализ в разных планах. В данной статье сосредоточимся на исследованиях конкретной проблемы на примере фразеологии в условиях контакта двух сходных языковых систем, а также на комплексном исследовании идиолекта на фоне языковой общины.

Биографический метод в исследованиях фразеологии

Исследование фразеологии, как правило, нелегкая задача, а сбор диалектного фразеологического материала в общине, родной говор которой насыщен польскими элементами и оборотами, представляется задачей особенно сложной. Во-первых, у говора старообрядцев нет ни языковой нормы, ни графической формы[4] и отсутствует контакт с родной территорией и русскоязычным населением, вследствие чего фразеологические ресурсы русского говора относительно беднее ресурсов общеупотребительного русского языка и его диалектов, а фразеологический пласт изобилует польскими элементами, которые проникают в него под влиянием польского культурно-языкового окружения. Во-вторых, использование фразеологизмов часто обусловлено темпераментом информанта. В-третьих, уровень знания отдельных кодов довольно разнообразен. Все это порождает необходимость учета как можно большего количества информантов для сбора необходимого числа подтверждений использования единиц. И здесь важную роль играет языковая биография, в которой содержатся социолингвистические факторы, влияющие на формирование мировоззрения и знание языков.

Старообрядческая тематика является достаточно популярной в современной Польше. Начиная с 60-х годов XX века отдельные проблемы, связанные с ней, такие как история [Grek-Pabisowa 1999: 53–64; Iwaniec 1977], культура [Iwaniec 1977; Grek-Pabisowa 1999: 281–289; Grek-Pabisowa 1999: 291–299] и русский говор старообрядческой общины, неоднократно становились объектом интереса исследователей. В процессе изучения языка старообрядцев анализу подверглись практически все его уровни: фонетический [Grek-Pabisowa 1968: 24–69; Гжибовский 2010: 43–55], лексический [Grek-Pabisowa 1983; Paśko-Koneczniak 2011],

[4] Существуют единичные примеры текстов на русском говоре, представляющие собой своего рода попытку его интерпретации и не всегда последовательного отражения фонетических особенностей в письменной форме [Павлячик 2017: 269–279].

морфологический [Grek-Pabisowa 1968: 71–157], синтаксический [Grek-Pabisowa 1968: 158–164, Paśko-Koneczniak 2008: 431–438]. Уделялось пристальное внимание отдельным вопросам: акцентуации [Пасько-Конэчняк 2015: 89–100], использованию причастий [Maryniakowa 1976], антропонимии [Ziółkowska-Mówka 2014: 99–109; Ziółkowska-Mówka 2015: 101–114], языковой ситуации староверов в Польше и функционированию языков польских старообрядцев [Głuszkowski 2011, Гжибовский, Глушковский 2013].

Фразеологическая система русского говора польских старообрядцев до недавнего времени не была объектом комплексного описания[5]. Исследования, которые проводились в течение нескольких последних лет, позволили обнаружить достаточно бедные фразеологические ресурсы с явно выраженными следами присутствия польского языка. Их изучение является частью более объемного проекта сотрудников Университета Николая Коперника в Торуне, цель которого — анализ функционирования русского говора старообрядцев в условиях русско-польского билингвизма и влияния польского языка на русский говор. Его разработка с самого начала велась с применением биографического метода, и языковые биографии информантов, собранные ранее торуньскими учеными, позволили достаточно быстро составить список потенциальных опрашиваемых.

Суть биографического метода состоит в сборе сведений о знании информантами языков, их отношении к ним, а также рассмотрении этих данных с учетом социолингвистических факторов, которые могли оказать влияние на любую из находящихся в контакте систем [Głuszkowski 2011: 127, Miodunka 2016: 52–53]. Анализ языкового поведения информантов, их образа жизни и отношения к собственной культурной идентичности часто помогают найти объяснение определенных фактов. Ярким примером отражения отношения к родной культуре и идентичности является случай с идиолектом информанта М-1977[6], который демонстрирует выделяющиеся на фоне всей общины знания не только русского говора, но и польского языка. Его речи присуща также особенная продуктивность в области фразеологии: опрашиваемый оперирует богатыми средствами русского говора и польского языка, а также без проблем создает новые конструкции на основе перевода польского образца с употреблением слов из родного диалекта [Grupa 2017]. М-1977, безусловно, владеет развитым кодом, его высказывания спонтанные, образные, а по характеру он человек открытый, смелый и общительный. Информант неоднократно отмечал, насколько важен для него родной говор, который является основным средством общения в семье, несмотря на то что жена информанта происходит не из общины староверов. В его речи польские вставки и переключение кодов встречаются очень редко, зато часто встречаются фразеологические кальки и полукальки, обусловленные польскими конструкциями. Это можно объяснить чувством принадлежности

[5] Единичные упоминания и примеры появлялись на полях исследований других систем языка [Grek-Pabisowa 1968; Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980; Paśko-Koneczniak 2011, 2013].

[6] Здесь и дальше используются следующие обозначения: М — мужчина, Ж — женщина, число — год рождения информанта.

к этно-религиозной группеи нежеланием переходить на польский язык в процессе общения на говоре. Таким образом, описанная ситуация стимулирует процесс заимствования из польского языка как лексем, так и фразеологизмов полностью. Следует также добавить, что в идиолекте М-1977 присутствуют фразеологизмы польского происхождения, которые не используются другими информантами. В данном идиолекте одни и те же примеры функционируют в неизменном формально-смысловом виде. Это позволяет рассматривать их как воспроизводимые, а следовательно, и включать их в реестр ресурсов фразеологизмов русского говора, тем более что используемые информантом фразеологические единицы понятны другим членам сообщества. Ниже представлены примеры высказываний, включающие в себя фразеологические кальки, записанные в разные годы:

[…] няха́й ребя́ты са́мы сидя́т, а где ста́ршыи няха́й не прихо́дют яны́ к нам. Бо гаварю́, бо ста́ршыи то ма́ют сваи́ *tematy*. Яны́ бо́ле гаваря́т на таки́е *tematy*, что ребя́ты не пави́нна слу́хать, как са́мые **ста́рыи быки́**[7] збе́руцса[8] (2001);

[…] така́я гара́ бальша́я бы́ла, и то́ж(е) там а́лбо са́нки (...) на са́нки дваёх, пае́хали в кусты́. Деревя́ныи са́нки *na pół*, пат па́ху, пашёл к ба́чки. *Tata*, па́па сде́лай, бо палама́лись. **Ста́рыи быки́**, гавари́т, е́здить на са́нкаф па пятёх (2015).

Очень показателен также пример речи информанта, произношение которого близко к норме литературного языка: в его высказываниях почти отсутствуют польские вставки, а лексические заимствования являются разовыми, как и фразеологические кальки и полукальки. В рассказах М-1950 фиксируются фразеологические единицы, но своим происхождением они обязаны русскому говору или литературному русскому языку:

[…] ишли́ в шко́лу что́бы не сиде́ли с, так вы́ражусь, **с раздви́нутым ртом**[9]. Вот, что́бы бы́ло все паня́тна […];

[…] лю́ди не лю́бят, кагда́ им **пра́вду в глаза́ гавари́шь**[10] […]

Уникальная языковая ситуация М-1950 связана с его проживанием вдали от других старообрядцев и частыми контактами с русскоязычным населением в Литве.

Важным фактором социолингвистического характера, который следует учитывать при исследовании фразеологии, является также возраст информантов. Большинство представителей старшего поколения начали изучать польский язык в подростковом возрасте, контактируя с польскими соседями и польской администрацией. На русском говоре они общались с раннего детства в родном доме

[7] Польск. *stary byk* ‘о мужчине, который не женился и ведет себя неадекватно своему возрасту, как ребенок’.

[8] Фрагменты высказываний записаны с помощью упрощенного фонетического транскрипта, разработанного С. Гжибовским [Paśko-Koneczniak и др. 2016: 26–30].

[9] Рус. *разинуть рот* ‘прийти в изумление, недоумение’.

[10] Рус. *резать правду в глаза* ‘говорить прямо, открыто кому-либо правду’.

и говорят на нем до сих пор. Благодаря этому в речи представителей старшего поколения, по сравнению с младшими поколениями, чаще встречаются пословицы и поговорки из русского говора и разговорного русского языка, в том числе и относящиеся к материальной и духовной культуре староверов: *Все аста́вил для радны́х, то́льки са́ван взял ат них*; *Бох лес не сравня́л, а люде́й пада́вне*[11]; *За харо́шим мужико́м женка маладе́ет*[12]. Наличие паремических конструкций в идиолектах представителей старшего поколения связано также с тем, что они родились во время Второй мировой войны или спустя несколько лет после ее окончания, в то время, когда община староверов в Польше только начинала постепенно выходить из изоляции, в которой она пребывала в польском культурно-языковом окружении [Гжибовский, Глушковский 2008: 205].

Многостороннее использование биографического метода в исследованиях идиолекта

Несмотря на преимущества использования широко понимаемого биографического метода в исследованиях разных аспектов двуязычия, основной областью его применения является анализ отдельных идиолектов. Среди старообрядцев, проживающих в Польше, можно найти информантов, язык которых значительно отличается от языка остальных членов общины. Яркий пример тому Ж-1943 — информантка из августовского региона, которая свободно общается как на русском говоре, так и на польском языке, использует богатый словарный материал и сложные синтаксические конструкции. Корни этого явления мы видим в ее биографии.

Языковой материал, который был собран в ходе общения с информанткой Ж-1943, позволяет отметить, что в речи старообрядцев, в частности представителей старшего поколения, сохранились черты псковского диалекта, обнаруженные И. Грек-Пабис в процессе систематического исследования островного русского диалекта в Польше [Grek-Pabisowa 1968]. Применение биографического метода позволяет изучать:

— идиолект на фоне речи общины староверов,

— эволюцию языка и языковой ситуации в зависимости от социальных, культурных и экономических изменений в общине староверов,

— состояние говора в синхроническом плане и его изменения, происходящие в диахронической перспективе.

Использование биографического метода в интервью позволяет сквозь призму речи одного человека рассматривать разные языковые явления, имеющие место в говоре старообрядцев. В высказываниях Ж-1943 имеют место фонетические особенности, подтверждающие псковское происхождение русского говора, например сильное аканье: *ана́*, *дачка́*, *даму́*, и яканье: *пяку́*, *ничаво́*. В говоре Ж-1943 (как и других членов общины) наблюдается произношение *в* вместо безударного *у*

[11] Рус. псковск. *Бог и леса не сровнял, не только людей*.

[12] Рус. *За хорошим мужем жена молодеет*.

в предлогах: ***в каво́*** *каса́, но то плятýт касý*; ***в каво́*** *стриженые вóласы*; *и пабýдиш трóху* ***в нас***, а также в неприкрытом начальном слоге: *а* ***в ц'е́ц'и*** *была карóва*; *то лучше ты бы меня* ***вдарил***; *так силна* ***вдарил***. К явлениям того же порядка следует отнести протетический йот в третьем лице личных местоимений: *а* ***ён*** *ешчó был*; *то* ***ён*** *стая́л*; *а* ***яны́*** *хадúли*, и в указательных местоимениях: *йи* ***е́та*** *ну што, ну и целуют*; *радúтели* ***е́ты****, ну и* ***е́ты****, што запрошены на сфадьбу*; *ну* ***е́тава*** *внучка*, что объясняется особенностями уподобления форм косвенных падежей личных местоимений [Касаткин 2005: 137].

Старообрядцы августовского региона произносят *щ* как два звука, без палатализации *ш+ч*: *жéншчыны*, *ешчó*, *крéшченый*, *сфéшчы.* Кроме того, они регулярно твердо произносят русский литературный мягкий согласный *ч'*: *ничавó*, *дачкá*, *атвячáет*, *сейчас*, *внучка*. Для них типична также замена русских палатализованных согласных [t'], [d'], [s'] польскими палатальными среднеязычными [ć], [ʒ́], [ś]. Это явление прослеживается регулярно у Ж-1943:

[t'] > [ć]: *зя*[ć], *пя*[ć], *кре*[ść]*ú*[ć], *бá*[ć]*ушкам*;

[d'] > [ʒ́]: *é*[ʒ́]*ем*, *ра*[ʒ́]*úтели*, *бý*[ʒ́]*ет*, *мла*[ʒ́]*éнец*;

[s'] > [ś]: *прине*[ś]*ú*, *ф*[ś]*о*, *называ́л*[ś]*а*, [ś]*удá*.

В говоре информанта сохранились также грамматические формы, псковского происхождения [Grek-Pabisowa 1968: 71–158]:

— окончание *-ы/-а* у сущ-х I скл. Им. мн. (*фсе школы пакóньчыли* ***сыны́***; *чорные* ***гла́зы*** *имел*);

— окончание *-ы* у сущ-х II скл. Пр. ед. (*жыл сто пять лет* ***в Кла́йпеды***; *были там за границей были* ***в Масквы́***);

— употребление глагола *меть* для выражения принадлежности (*и я* ***маю*** *внука*; *я ешчó* ***маю*** *там такую тóрбу*);

— диалектная форма глагола *хотеть* во 2 л. мн. ч. (*боршчý не* ***хочете***).

В высказываниях Ж-1943 имеют место наиболее характерные примеры результатов языкового контакта [Paśko-Koneczniak 2011: 54–59], присутствующие в речи большинства представителей исследуемой нами группы:

— примеры переключения кода: цитирование: *то ён стая́л и гавари́л*РУС ***babcia, ja żaden Jefim, ja Kamil***[13]ПОЛЬСК, а также вставки: *и мéл* ***rozum***[14] *там*; *вот такóй* ***blondyn***[15] *а барадá бы́ла ры́жая*; *такóй мéла* ***zamiar***[16] *я*; *другое* ***pokolenie***[17]; *то тóш пришла такая* ***kobieta***[18]; *кино такое* ***objazdowe***[19];

— заимствования:

ʒ́áłka (рус. участок): *я ешчó мáю там такую тóрбу на дзя́лки*;

mlečárńa (рус. молочный завод): *тагдá не бы́ла етых млечáрниф*;

[13] Бабушка, я же не Ефим, я Камиль.

[14] рассудок

[15] блондин

[16] намерение

[17] поколение

[18] женщина

[19] объездное (объездной кинотеатр)

šfág'er (рус. шурин): *éта шфáгер мой*;

zaprôšennyj (рус. приглашенный): *ну йи éты что запрóшены на сфадьбу*;

— синтаксические кальки: *уже так пад вéчер* (под влиянием польск. временной конструкции *pod* + вин. падеж; ср. рус. *к вечеру*).

Приведенные выше примеры встречаются в речи многих молодых информантов, языковая компетенция которых в области русского говора сводится к коммуникативному минимуму, а основным средством общения является польский язык.

Материал, содержащий наиболее типичные черты диалекта польских старообрядцев, можно собрать практически любым способом, а многие из явлений заметны уже после короткого включенного наблюдения. Однако речь полностью двуязычных информантов может послужить источником богатейшего материала. Поскольку некоторые интервью сводятся лишь к кратким ответам на вопросы исследователей, то только благодаря объему записей речи лучших информантов можно попытаться составить корпус, позволяющий проводить количественный анализ и использовать хотя бы простейшие статистические методы [Paśko-Koneczniak и др. 2016].

Ж-1943 принадлежит к числу информантов, способных непрерывно говорить на русском диалекте несколько десятков минут, не прибегая к польскому языку. Она родилась в деревне, а старообрядческий говор являлся ее первым языком, который ей удалось сохранить на высоком уровне даже после переезда в город. Поэтому ее идиолект представляет собой хороший источник для исследований языка исследуемой группы, а благодаря роли в общине Ж-1943 (она пишет стихи и поет), позволяет провести анализ проникновения в ее речь и произведения таких инноваций, как, например, ласкательные формы, не зафиксированные ранее в речи старообрядцев целой общины в Польше.

Использование биографического метода в исследованиях говора старообрядцев связано также с изучением личных документов. Интересными с лингвистической точки зрения являются поэтические произведения Ж-1943. Иханализ показал, что в текстах прослеживаются не только черты средневеликорусского диалекта, но и влияние польского языка: информантка выработала своеобразную систему записи, которая не опирается на правила правописания русского литературного языка, использует одновременно кириллицу и латинский алфавит с элементами польской орфографии. К числу фонетических особенностей, которые зафиксированы в текстах, можно отнести следующие:

— сильное аканье: *ani*, *wada*, *Масква*, *ана*;

— произношение *щ* как двух отдельных звуков *ш+ч*: *iszczo*, *żenszczyny*, *kriesz-czenie*, *маршчинка*, *свешчу*, *ишчо*;

— твердое произношение *ч*: *wieczerinki*, *chacz*u, *oczeń*, *uczoba*, *czudnyj*;

— смену корреляции по твердости-мягкости:

[ť] > [ć]: *raściot*, *ciepier*, *wypić*, *skazać*, *ścichi*;

[ď] > [ʒ́]: *idziot*, *dzieła*, *dzieriewieńka*, *sieriedzinie*;

[s'] > [ś]: *wsiegda*, *maliłaś*, *wsiakije*, *śmiejaliś.*

В стихотворениях находим также примеры диалектной лексики: *baćjan* (рус. аист), *bo* (рус. *потому что*), *garast* (рус. *очень*).

Выводы

Биографический метод и метод личных документов используются в классических социальных науках, в том числе, в исследованиях, проводимых с использованием качественных методов. Данный подход не чужд и языкознанию, а польза от его применения растет пропорционально «нетипичности» исследуемых языковых ситуаций. Поскольку община старообрядцев в Польше двуязычна и отношения между двумя кодами осложнены их статусом (литературный язык и диалект), присутствует еще и третий язык — церковнославянский — в литургической сфере, то многие языковые явления удается проследить прежде всего на уровне идиолектов, которые исследуются с помощью биографического метода. В диахронических исследованиях он помогает определить сущность процессов, ставших причиной языкового сдвига, происходящего на глазах исследователей.

Литература

Ганжа А., *Зотов А.* Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. 2002. №3. С. 112–120.

Гжибовски С. Фонетические особенности русского говора старообрядцев в Польше // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире. I. Тарту, 2010. С. 43–55.

Гжибовский Ст., *Глушковский М.* Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бор (Польша) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 200–214.

Гжибовский Ст., *Глушковский М.* Диглоссия и сферы употребления польского языка и русского говора в общине старообрядцев Сувальско-Августовского региона (Польша) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2013. С. 379–389.

Касаткин Л. Л. (ред.) Русская диалектология. М. : Akademia, 2005.

Королева Е. Е. Диалектная языковая личность // Filologija. 2007. №12. С. 103–109.

Нефедова Е. А. Идиолект как источник диалектного варьирования // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / ред. Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов. М. : Наука, 2002. С. 251–262.

Павлячик А. Как пишут староверы (на примере поэтических произведений староверки старшего поколения августовского региона) // Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami / red. K. Dembska, D. Paśko-Koneczniak. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2017. S. 269–279.

Пасько-Конэчняк Д. Предварительные замечания об акцентуации существительных в русском говоре старообрядцев, проживающих в сувальско-августовском

регионе Польши // Rosja w dialogu kultur / red. K. Dembska, M. Głuszkowski. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2015. S. 89–100.

Barlow M. Individual usage: a corpus-based study of idiolects. 2013. URL: http://michaelbarlow.com/barlowLAUD.pdf

Bellet S. Sprachenportraits — ein introspektives Instrument für das eigene Spracherleben. 2016. URL: http://www.ph-vorarlberg.ac.at/fileadmin/user_upload/RED_zentrum/RED_ forsch/ docs/SB ellet_Sprachenportraits.pdf

Busch B. Biographisches Erzählen und Visualisieren in der sprachwissenschaftlichen Forschung' // ÖdaF-Mitteilungen. 2011. №2. URL: https://heteroglossia.net/fileadmin/user_ upload/busch_2011_ODaF.pdf

Chałasiński J. Młode pokolenie chłopów. T. 1. Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1984 (1938).

Council of Europe. The European Language Portfolio. URL: https://www.coe.int/en/web/portfolio

de Saussure F. Kurs językoznawstwa ogólnego. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 261 p.

de Saussure F. Szkice z językoznawstwa ogólnego, Warszawa : Wydawnictwo Akademickie Dialog, 2004. 321 p.

Franceschini R., *Miecznikowski J.* Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien. Bern—Berlin—Bruxelles—Frankfurt am Main—New York—Oxford—Wien : Peter Lang, 2004.

Głuszkowski M. Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011.

Grek-Pabisowa I. Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa : SOW, 1999.

Grek-Pabisowa I. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław–Warszawa–Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968.

Grek-Pabisowa I. Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983.

Grek-Pabisowa I., *Maryniakowa I.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980.

Grupa M. Osobliwości idiolektu przedstawiciela średniego pokolenia staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego // Emigrantologia Słowian. 2017. №3. С. 33–39.

Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII−XX w. Warszawa : PWN, 1977.

Krzywicki L. Pamiętniki chłopów. T. 1. Warszawa : Instytut Gospodarstwa Społecznego, 1935.

Leoński J. Różne sposoby ujmowania metody biograficznej w socjologii // O biografii i metodzie biograficznej / red. T. Rzepa, J. Leoński. Poznań : Wydawnictwo Nakom, 1993. S. 25–32.

Lewaszkiewicz T. Język powojennych przesiedleńców z Nowogródka i okolicy. Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2017.

Łosowski J. (и др.. Testamenty chłopów polskich od drugiej połowy XVI do XVIII wieku. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015.

Maryniakowa I. Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław—Warszawa—Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976.

Miodunka W. T. Biografia językowa jako jedna z metod badania dwujęzyczności // Bilingwizm polsko-obcy dziś. Od teorii i metodologii badań do studiów przypadków / red. R. Dębski, W. T. Miodunka. Kraków : Księgarnia Akademicka, 2016. S. 49–87.

Paśko-Koneczniak D. Kilka uwag o wpływie języka polskiego na składnię rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru // Słowianie w Europie. Historia. Kultura. Język. III / red. K. Pietrzycka-Bohosiewicz, A. Wawrzyńczak, B. Gołąbek. Kraków : Collegium Columbinum, 2008. S. 431–438.

Paśko-Koneczniak D. Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011.

Paśko-Koneczniak D. Wpływ języka polskiego na idiomatykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie // Dialog kultur. Języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi / red. J. Mędelska, E. Titarenko. Bydgoszcz : Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2013. S. 49–57.

Paśko-Koneczniak D. , *Ziółkowska-Mówka M.*, *Grupa M.*, *Grzybowski S.*, *Jaskólski A.*, *Głuszkowski M.*. Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016.

Rak M. Testamenty chłopów polskich jako źródło badań dialektologicznych, historycznojęzykowych i etnolingwistycznych (uwagi wstępne). Выступление на 75-м Съезде Польского лингвистического общества. Лодзь, 18–19 сентября 2017.

Thomas W. I., *Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Monograph of an Immigrant Group. Volume I. Primary Group Organization. Boston : The Gorham Press, 1918. p. 526.

Weinreich U. Is a structural dialectology possible? // Readings in the Sociology of Language / ed. J. A. Fishman. The Hague : Mouton, 1968. P. 305–319.

Ziółkowska-Mówka M. Rosyjskie imiona pochodne starowierek z Suwalszczyzny. Budowa słowotwórcza i ładunek emocjonalny // Staroobrzędowcy za granicą II. Historia, religia, język, kultura / red. D. Paśko-Koneczniak, M. Ziółkowska-Mówka, M. Głuszkowski, S. Grzybowski. Toruń : Eikon, 2014. S. 99–109.

Ziółkowska-Mówka M. Motywy kierujące polskimi starowiercami przy wyborze imienia dla dziecka // Rosja w dialogu kultur. T. 1 / red. K. Dembska, M. Głuszkowski. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2015. S. 101–114.

Znaniecki F. The Method of Sociology. New York : Rinehart & Company, 1934.

M. Głuszkowski, M. Grupa-Dolińska, A. Pawlaczyk
Department of Slavic Languages (Nicolaus Copernicus University)
(Poland, Toruń)
gluszkowski@mail.ru, magdalena.grupa1@gmail.com, a_pawlaczyk@wp.pl

THE USE OF THE BIOGRAPHICAL METHOD IN RESEARCH ON BILINGUALISM OF THE OLD BELIEVERS IN POLAND

The biographical method is one of the classic method in qualitative sociology and other social sciences. It can be useful not only in sociolinguistics, but also in linguistics. The concepts of biographical method and linguistic biography are used at different levels of linguistic analysis. A research group of scientific workers, PhD and MA students of the Nicolaus Copernicus University has been conducting research on bilingualism of the Old Believers in Poland since 1999. In our works, the biographical method was used not only as a methodological guideline; biographical materials served as the subject of analysis both in sociolinguistic and purely linguistic terms. Moreover, linguistic and sociolinguistic material was collected with a help of biographical interviews (if possible, also personal documents and memoirs). The aim of this article is an attempt not only to organize terminology and systematize methodological approaches, but also to present the advantages of using the biographical method in the process of gathering the material its analysis against the example of research on various aspects of bilingualism of Old Believers living in Poland. Thanks to long-term contact with informants and a longitudinal perspective, it was possible to trace the development of individual idiolects for about 20 years, to carry out diachronic analyzes of changes in phraseological resources, as well as to characterize other phenomena occurring in the conditions of the Polish-Russian bilingualism of the Old Believer dialect island in Poland.

Key words: Old Believers in Poland, Russian Old Beliers' dialects, bilingualism, biographical method, idiolect, phraseology, methodology, humanistic sociology, longitudinal studies.

References

Barlow M. Individual usage: a corpus-based study of idiolects. 2013. Available at: http://michaelbarlow.com/barlowLAUD.pdf (accessed 26.08.2021).

Bellet S. [Language portraits — an introspective instrument for your own language experience]. 2016. Available at: https://www.ph-vorarlberg.ac.at/fileadmin/user_upload/RED_SOZ/PDFs/SBellet_Sprachenportraits.pdf (accessed 26.08.2021). (In Ger.)

Busch B. [Biographical narration and visualization in linguistic research]. ÖdaF--Mitteilungen. 2011. №2. Available at: https://heteroglossia.net/fileadmin/user_upload/busch_2011_ODaF.pdf (accessed 26.08.2021). (In Ger.)

Chałasiński J. *Młode pokolenie chłopów* [The young generation of peasants]. Vol. 1. Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1984 (1938). 604 p.

Council of Europe. *The European Language Portfolio*. Available at: https://www.coe.int/en/web/portfolio (accessed 26.08.2021).

de Saussure F. *Kurs językoznawstwa ogólnego* [Course in general linguistics]. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 261 p.

de Saussure F. *Szkice z językoznawstwa ogólnego* [Sketches on general lingusitics], Warszawa, Wydawnictwo Akademickie Dialog, 2004. 321 p.

Franceschini R., Miecznikowski J. *Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien* []. Bern—Berlin—Bruxelles—Frankfurt am Main—New York—Oxford—Wien, Peter Lang, 2004. 254 p.

Ganzha A., Zotov A. [The humanistic sociology of Florian Znaniecki]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. №3. p. 112–120. (In Russ.)

Głuszkowski M. *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego* [Sociological and psychological conditions of bilingualism of the Old Believers in Suwałki-Augustów region]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. 346 p.

Grek-Pabisowa I. *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* [The Russian Old Believers' dialect in Olsztyn and Białystok voivodships]. Wrocław–Warszawa–Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. 199 p.

Grek-Pabisowa I. *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy* [Vocabulary of the Russian Old Believer dialect island in Poland. The development and contemporary state]. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 199 p.

Grek-Pabisowa I. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów* [Old Believers. Sketches on history, language and customs]. Warszawa, SOW, 1999. 346 p.

Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* [The dictionary of the Old Believers living in Poland]. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980. 404 p.

Grupa M. [The peculiarites of the idiolect of a representative of the middle-aged generation of the Old Believers in Suwałki-Augustów region]. *Emigrantologia Słowian*, 2017, №3, pp. 33–39. (In Pol.)

Gzhibovski S. [Hybridization of the Russian Old Believer dialect in Poland]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2010, vol. XXXV, pp. 67–76. (In Russ.)

Gzhibovskii S., Glushkovskii M. [Diglossia and the domains of usage of the Polish language and Russian dialect in the community of the Old Believers in Suwałki-Augustów region (Poland)] *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s''ezdu slavistov* [Russian Old Believers: language, culture, history. Collected works for the 14th International Congress of Slavists]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2013, pp. 379–389. (In Russ.)

Gzhibovskii S., Glushkovskii M. [Sociolinguistic situation of the Old Believers in the villages of Gabowe Grądy and Bór (Poland)]. *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s''ezdu slavistov* [Russian Old Believers: language, culture, history. Collected works for the 14th International Congress of Slavists]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2008, pp. 200–214. (In Russ.)

Iwaniec E. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII-XX w.* [From the history of the Old Believers in the Polish lands 17th–20th cent.]. Warszawa, PWN, 1977. 294 p.

Kasatkin L. L. (ed.) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Akademia, 2005. 288 p.

Koroleva E. E. [The dialectal linguistic individual]. *Filologija*, 2007, № 12, pp. 103–109. (In Russ.)

Krzywicki L. *Pamiętniki chłopów* [Peasants' diaries]. Vol. 1. Warszawa, Instytut Gospodarstwa Społecznego, 1935. 723 p.

Leoński J. [Various approaches to the biographic method in sociology]. *O biografii i metodzie biograficznej* [On biography and biographic method]. Poznań, Wydawnictwo Nakom, 1993, pp. 25–32. (In Pol.)

Lewaszkiewicz T. *Język powojennych przesiedleńców z Nowogródka i okolicy* [The language of the after-war resettlers form Novogródek and its surroundings]. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2017. 511 p.

Łosowski J. *Testamenty chłopów polskich od drugiej połowy XVI do XVIII wieku* [Wills of Polish peasants from the second half of the 16th to the 18th century]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015. 519 p.

Maryniakowa I. *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce* [Participles in the Russian dialect of the Old Believers living in Poland]. Wrocław—Warszawa—Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. 112 p.

Miodunka W. T. [Language biography as one of the methods in the research on bilingualism] *dziś. Od teorii i metodologii badań do studiów przypadków*. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2016, pp. 49–87. (In Pol.)

Nefedova E. A. [The idiolect as a source of dialectal variation]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* I (VII) [Materials and studies on Russian dialectology]. Moscow, 2002, pp. 251–262. (In Russ.)

Pas'ko-Konechnyak D. [Introductory remarks on the stress system of nouns in the Russian dialect of the Old Believers living in Poland]. *Rosja w dialogu kultur* [Russia in the dialogue of cultures]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK 2015, pp. 89–100. (In Russ.)

Paśko-Koneczniak D. [The influence of Polish language on the idioms of the Russian Old Believers' dialect in Suwałki region]. *Dialog kultur. Języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wilekiego, 2013, pp. 49–57. (In Pol.)

Paśko-Koneczniak D. Kilka uwag o wpływie języka polskiego na składnię rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru // *Słowianie w Europie. Historia. Kultura. Język. III*. Kraków, Collegium Columbinum, 2008, pp. 431–438.

Paśko-Koneczniak D. *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie* [The influence of Polish language on the lexical resources of the Old Believers' dialect in Suwałki region]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. 284 p.

Paśko-Koneczniak D., Ziółkowska-Mówka M., Grupa M., Grzybowski S., Jaskólski A., Głuszkowski M. *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce.*

Wybór tekstów [Russian dialect of the Old Believers in North-East Poland. Selection of texts]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016. 284 p.

Pavlyachik A. [How the Old Believers write (againct the example of poetic works of an elderly Old Believer from the Augustów region]. *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami* [Contemporary studies on the Russian language and its varieties]. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2017, pp. 269–279. (In Russ.)

Rak M. [Wills of Polish peasants as a source of dialectological, historical-linguistic and ethnolinguistic research (introductory remarks)]. Paper given at the 75th Polish Linguistic Association Annual Meeting in Łódź, 18–19th September 2017. (In Pol.)

Thomas W. I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America. Monograph of an Immigrant Group*. Volume I. *Primary Group Organization*. Boston, The Gorham Press, 1918. 526 p.

Weinreich U. Is a structural dialectology possible? *Readings in the Sociology of Language*. The Hague, Mouton, 1968, pp. 305–319.

Ziółkowska-Mówka M. [Motives driving Polish Old Believers when choosing a name for a child]. *Rosja w dialogu kultur* [Russia in the dialogue of cultures]. Vol. 1. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, 2015, pp. 101–114. (In Pol.)

Ziółkowska-Mówka M. [The Russian derivative female names of the Old Believers from Suwałki region. The structure and emotional content] *Staroobrzędowcy za granicą II. Historia, religia, język, kultura* [Old Belivers Abroad II. History, religion, language, culture]. Toruń, Eikon, 2014, pp. 99–109. (In Pol.)

Znaniecki F. *The Method of Sociology*. New York, Rinehart & Company, 1934. 361 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Д. Пасько-Конэчняк
Университет Николая Коперника
(Польша, Торунь)
dorotapasko@poczta.onet.pl

АКЦЕНТУАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПОЛЬШЕ

Русский говор старообрядцев, проживающих в сувальско-августовском регионе Польши, испытывает сильное воздействие польского языка на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Морфологическая система подвержена влиянию в наименьшей степени. В говоре до сих пор сохранились многие псковские диалектные черты. Влияние польского языка наиболее заметно в лексике, где можно отметить большое количество заимствований. Лексический запас старообрядцев пополняется названиями новых реалий из окружающей действительности (лексика, связанная с администрацией, школьным обучением, медицинским обслуживанием, сельским хозяйством, политикой и другими сферами жизни). В русском говоре старообрядцев прочно удерживается свободное и подвижное ударение. В большинстве случаев это касается также заимствований из польского языка. Акцентуационные варианты наблюдаются не только у существительных, но и у прилагательных. Этот акцентуационный параллелизм распространён в русских говорах. В статье дан анализ акцентуации имен прилагательных, заимствованных из польского. Автор приходит к выводу, что основная часть заимствований из польского языка следует принципам морфематизма русского ударения, но есть также заимствования, которые используют принцип польского пенультиматизма.

Ключевые слова: старообрядцы Польши, русские говоры, языковые контакты, акцентные парадигмы и субпарадигмы, языковые заимствования, акцентуация прилагательных.

Старообрядцы проживают в Польше на северо-востоке в сувалкско-августовском регионе. Габове Гронды (Gabowe Grądy) и Бур (Bór) —самые крупные и компактные старообрядческие деревни, где они составляют большинство жителей [Гжибовский, Глушковский 2008: 200; Paśko-Koneczniak 2011: 26; 2016: 11]. Остальные проживают в городах Августов, Сувалки, Сейны и несколько

семей — в деревнях. В статье использован материал, собранный участниками научных экспедиций кафедры славянской филологии Университета Николая Коперника в Торуни в 1999–2015 гг. Исследования проводились главным образом в сувалкско-августовском регионе, поэтому материал говора старообрядцев мазурского региона оставляется в стороне. Приводимые примеры заимствованных прилагательных выбраны из словаря заимствований из польского языка в русском говоре старообрядцев [Paśko-Koneczniak 2016].

Русский говор старообрядцев, проживающих в Польше, является островным. Он находится в польскоязычном окружении и не имеет непосредственного территориального контакта с русским языком [Пасько-Конэчняк 2010: 194; Grek-Pabisowa 1983a: 14]. В говоре сохранились многие псковские диалектные черты: сильное яканье и аканье, протетический согласный *в*-, формы сравнительной степени с суффиксом *-оше* (*sład'oše*[1], *l'ag'oše*), совпадение форм Д. и Тв. пп. мн. ч. существительных, совпадение форм Р., Д. и П. пп. существительных на *-а* в ед. ч. (*k m'atk'ï*, *v m'atk'ï*), конструкции с предикативными деепричастными формами [Grek-Pabisowa 1968: 168–171; ср. Аванесов, Орлова 1965: 110; Касаткин 2005: 117, 172, 270–271; Paśko-Koneczniak 2011: 30–32].

Русский говор подвергается влиянию польского языка на всех уровнях [Глушковски 2010: 175; Гжибовски 2011: 47; Paśko-Koneczniak 2011]. Влияние польского языка наиболее заметно в лексике, где отмечено большое количество заимствований. Лексический запас старообрядцев пополняется названиями новых реалий из окружающей действительности: *budav'ać* рус. 'строить', ср. польск. 'budować'; *budovń'ičyj* рус. 'строитель', ср. польск. 'budowniczy'; *l'ad'ufka* рус. 'холодильник', ср. польск. 'lodówka'; *pust'ak* рус. 'пустотелый кирпич', ср. польск. 'pustak'; *śl'ïm'ak* рус. 'улитка', ср. пол. 'ślimak'; *tavaž'ysk'ïj* рус. 'общительный', ср. польск. 'towarzyski'; *vak'acji* рус. 'каникулы', ср. польск. 'wakacje'; *v'atr'ak* рус. 'ветряная мельница', ср. польск. 'wiatrak', см. [Paśko-Koneczniak 2011: 132–184; 2016]. Заимствованные лексические единицы приспосабливаются к языковой системе говора в фонетическом, акцентуационном, морфологическом и словообразовательном отношениях [Grek-Pabisowa 1983b: 49–63; Paśko-Koneczniak 2011: 81–99; 2013: 393].

По С. Гжибовскому, «одной из черт этого диалекта является формирование его под сильным влиянием польского языка, в результате чего возникает то, что иногда определяется как смешанный язык. Процесс же, ведущий к его образованию, скорее всего следует называть гибридизацией, под которой, на наш взгляд, следует понимать такое смешение языковых систем, когда одна из них составляет основную структурную базу для функционирования элементов как первой, исконной системы (т. е. системы родного языка), так и системы вторичной, чужой, которая со временем начинает играть все бóльшую роль в возникающем этнолекте» [Гжибовский 2010: 70]. Старообрядцы являются двуязычным обществом и употребляют русский говор и польский язык попеременно, а выбор языка зависит от коммуникативной ситуации [Пасько-Конэчняк 2013: 391; ср. Paśko-Koneczniak 2011:

[1] При записи диалектной лексики применяется упрощённая фонетическая транскрипция.

43–45]. По мнению М. Глушковского, «выбор польского языка или русского диалекта зависит от престижности языка и от поколения, к которому принадлежат адресант и адресат, социальных условий речевого акта (напр. присутствие людей, не принадлежащих к общине) и тематической сферы» [Głuszkowski 2011: 332; ср. Пасько-Конэчняк 2013: 391]. На русском говоре лучше всего общаются лишь самые пожилые старообрядцы, родившиеся до войны или в военное время [Гжибовский 2010: 68]. Для младших старообрядцев русский говор не является первичным языком, а польский язык считается более престижным, и они овладевают им уже дома [Гжибовский 2010: 70; Paśko-Koneczniak 2011: 44].

Настоящая статья посвящена вопросу акцентуации прилагательных[2], заимствованных из польского языка, и является предварительной разработкой вопроса.

Ударение в русском языке «представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ)» [Зализняк 2010: 8]. Русское ударение связано с морфологическим членением, и «оно может быть закреплено за определённой морфемой» [Зализняк 2010: 9; ср. Grzybowski 1996: 14–15; 1998: 118–121].

В русском говоре старообрядцев «пока ещё прочно удерживаются русские акцентуационные отношения, т. е. свободное и подвижное ударение, это касается также большинства заимствований из польского языка, где ударность привязывается к морфеме» [Гжибовский 2010: 76], например: *v'eš'ak, v'ešak'a* (рус. 'вешалка', ср. польск. 'wieszak'). В некоторых заимствованиях можно отметить применение польского пенультиматического ударения: *p'ap'eš*, *pap"eža* (рус. 'папа римский', ср. польск. 'papież'), *agulń'aka* в Р. п. ед. ч. (рус. 'общеобразовательный лицей', ср. польск. 'liceum ogólnokształcące', в говоре И. п. ед. ч. agulń'ak // ag'ulńak). Набор словоформ одного слова не всегда совпадает с его морфологической парадигмой, например, у прилагательных сравнительная и превосходная степени не считаются частью парадигмы, а трактуются как производные слова [Зализняк 2010: 13–14]. Зализняк разделяет морфологические парадигмы на так называемые субпарадигмы [Зализняк 2010: 14]. Парадигма прилагательных делится на атрибутивную субпарадигму (полные формы) и неатрибутивную (краткие формы) [Зализняк 2010: 14]. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-(и)й* и у местоименных прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам*) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме [Зализняк 2010: 14].

Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения: *a* — постоянное ударение на основе и *b* — постоянное ударение на окончании. В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем *a* и *b*, представлена (только у слова *сам*) схема *f*, в которой в И. п. мн. ч. ударение падает на основу, а в прочих формах на окончание. В адъективных неатрибутивных субпарадигмах — схема *c*, в которой ударение на окончании в ед. ч. ж. р., на основе в ед. ч. ср. р. и во мн. ч. [Зализняк 2010: 15–16].

[2] Порядковые числительные и страдательные причастия пр. вр. относятся к прилагательным, поскольку они склоняются, как прилагательные.

Среди неатрибутивных субпарадигм А. А. Зализняк выделяет ряд схем с колебаниями [Зализняк 2010: 16].

В акцентуации неатрибутивных субпарадигм непроизводных прилагательных (а также производных с суф. *-н-*, *-к-*, *-л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение) действуют особые правила, потому что их акцентуация в малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм [Зализняк 2010: 25]. Колонным ударением в группе словоформ является ударение на одном и том же слоге по счёту от начала [Зализняк 2010: 9; Olechnowicz 1977: 11], например: *d'obryji*, *d'obryx*, *d'obrym*; *kar'otk'ij*, *kar'otkava*, *kar'otkamu*, *s kar'otk'im*.

В говоре старообрядцев употребляются полные и краткие формы имён прилагательных, но краткие формы встречаются редко. Полные формы выступают в роли определения, а краткие (включая также краткие формы причастий) — в роли составного именного сказуемого: *xaź'ajin n'užen*, *ǯed b'ol'en*, *mał'oda kab"eta*, *ja ńe žan'at, xaraš'a ǯ'efka*, *xv'ora jan'a*, *v'in'o xał'odna*, *my s'yty*, *cv'at'y kraś'ivy*, *p'iśm'o nap"isana* [Grek-Pabisowa 1968: 105]. И. Грек-Пабис несколько раз отметила употребление краткой формы прилагательного в винительном падеже в роли определения: *mał'odu žan'u vźał*, *xar'ošu m'eł kar'ofku* [Grek-Pabisowa 1968: 105]. Среди полных форм исконно русских прилагательных в говоре можно отметить прилагательные с безударными окончаниями *—ый*, *-ий* (*до́брый*, *коро́ткий*), которые во всех падежах ед. и мн. ч. имеют неподвижное ударение на основе, и прилагательные с ударным окончанием *-ой* (*долго́й*), у которых во всех падежах ед. и мн. ч. неподвижное ударение на окончании [Grek-Pabisowa 1968: 106–107]. В нашем материале не зафиксированы заимствованные из польского прилагательные в форме И. п. ед. ч. с ударным окончанием *-о́й*. Однако в одном случае ударение в других формах (ср. *Drot tak'oj t'ońeńkyj i draćan'yje šč'otk'i b'yl'i i čes'al'i jav'o*; *Šč'otka drućan'aja*) позволяет постулировать формы с ударным *-ой*: *draćan'oj**[3] // *drućan'oj** (рус. 'проволочный', польск. 'druciany').

В говоре у прилагательных наблюдаются акцентуационные варианты: *t'ołčanyj — tałč'onyj* 'толчёный', *dvaj'uradnyj — dvajur'odnyj* 'двоюродный', *traj'uradnyj — trajur'odnyj* 'троюродный', *pl"isavyj — pl'is'ovyj* 'бархатный', ср. [Grek-Pabisowa 1983a: 94]. Это своего рода акцентуационный параллелизм, который распространён в русских говорах. Отмечаются также акцентуационные варианты прилагательных с окончаниями *-ый* / *-о́й*: *gr'ubyj — grub'oj* 'гру́бый', *t'ołstyj — tałst'oj* 'то́лстый', *sm"irnyj — sm'irn'oj* 'сми́рный', *ś'ilnyj — śiln'oj* 'си́льный', *r'odnyj — radn'oj* 'родно́й', *pr'ostyj — prast'oj* 'просто́й', *l'ń'anyj — al'ńan'oj* 'льняно́й' [Grek-Pabisowa 1983a: 94–95]. В нашем материале отмечаем единичные акцентуационные варианты заимствованных прилагательных: *v'yxavanyj — vyxav'anyj* (рус. 'воспитанный', польск. 'wychowany').

Некоторые из отмеченных заимствованных прилагательных не дают однозначного решения о месте их ударения: польское пенультиматическое на предпоследнем

[3] Знак * обозначает, что прилагательное выступило в высказывании не в И. п. м. р. ед. ч., а в прочих падежах.

слоге или русское морфонологическое. Не все отмеченные нами прилагательные выступили в формах с двуслоговыми окончаниями.

Ниже приводится список заимствованных из польского языка прилагательных с учётом их акцентуации.

Прилагательные с постоянным колонным ударением (постоянное место ударения определяется ударением в польской форме прилагательного в им. п.)

akal"ičnyj* рус. ‘окрестный’, польск. ‘okoliczny’: *‚Očeń l ʼub ʼil ĩ jix akal ʼičnyje ʒer ʼevńi zatʼo što xaraš’o rab’otal ĩ*;

apšar'ovyj* рус. ‘территориальный’, польск. ‘obszarowy’: *Apšar’ovuju dapłʼatu v ‘etam gadʼu dʼal ĩ*;

bezr'adnyj* рус. ‘беспомощный’, польск. ‘bezradny’: *Safś’em b’yl ĩ bezr’adnyje*;

beton'ovyj рус. ‘бетонный’, польск. ‘betonowy’: *Beton’ovyje krug ʼi*;

budavl'anyj рус. ‘строительный’, польск. ‘budowlany’: *Ładav’ał fšo, c’ement, c’egły, fś’ak ĩje mater ʼały budovl’anyje*;

bž'oz'ovyj рус. ‘бирюзовый’, польск.‘brzozowy’: *V ʼeńik, tak ʼije v ʼitk ĩ bžoz’ovyje*;

cement'ovyj рус. ‘цементный’, польск. ‘cementowy, zrobiony z cementu’: *Budav’ał dam’y, ńe j’ety, ńe cementʼovyje, ʒer ʼev ʼannyj ć’eśla był*; *P ĩvń’ica tak’aja był’a cementʼovyja*; *N’ada v’yl ĩć tʼamka mur’afku tak’uju cementʼovuju*;

ceratk'ovyj* рус. ‘клеёночный’, польск. ‘ceratkowy, zrobiony z ceraty’: *Fś’ak ĩje ceratk’ovyje*, *što cer’ata m’og ʼet l’ež’ać*;

ćek'avyj* рус. ‘интересный’, польск.‘ciekawy’: *To što ćek’avaje*; *Ńičev’o ćek’avava tam ń’e była*; *A my tak ʼije ʒ‘eći kak to ʒ‘eći ćek’avyje p’omńu*;

čekolad'ovyj* рус. ‘шоколадный’, польск.‘czekoladowy’: *M’asu čekoladʼovuju my ʒ‘ełajem*;

čf'artyj* рус. ‘четвёртый’, польск.‘czwarty’: *X’oʒit f kl ʼasu čf’artuju*; *Tak m’ama na ńev’o nazv’ała (...)*, *čf’artava v’engl ĩk*;

dodatk'ovyj* рус. ‘добавочный’, польск. ‘dodatkowy’: *M’ajud zafšegdʼa dodatk’ovyje p ʼeń’onʒe*;

demb'ovyj* рус. ‘дубовый’, польск.‘dębowy’: *L ĩstk’a s č’ornaj par ʼečk ĩ*, *demb’ovava l ĩstk’a*;

ekolog"ičnyj* рус. ‘экологический’, польск. ‘ekologiczny’: *Tap ʼer ʼa ekolog ʼičnyje d’axy ʒ‘ełajet*; *I śm ʼet’ana i jajc’o jeść ekolog ʼičnyje*;

elektr"ičnyj рус. ‘электрический’, польск. ‘elektryczny’: *Pl ʼitka elektr ʼičnaja*;

ʒ́ur'avyj* рус. ‘дырявый’, польск. ‘dziurawy’: *Pažyč’yła at kolež’ank ĩ (...) tak’uju ʒ́ur’avuju bl’usku*;

f'ajnyj рус. ‘отличный’, польск. ‘fajny’: *Tam tap ʼer ʼ pabudav’ał sab ʼe x’atku f’ajnuju*;

fsp'ulnyj рус. ‘совместный’, польск. ‘wspólny’: *Jaz’yk našl ʼi tak’oj fsp’ulnyj*; *J’eta ńe jim ʼeła ńičev’o fsp’ulnava*;

g'ĩnekolog"ičnyj* рус. ‘гинекологический’, польск.‘ginekologiczny’: *Pašł’a na aper’acyju g ĩnekolog ʼičnuju*;

głemb'ïn'ovyj* рус. ‘глубинный’, польск. ‘głębinowy’: *Jan’a m’ajet v’ykapana głemb ïn’ovuju*;

gum'ovyj рус. ‘резиновый’, польск. ‘gumowy’: *‚Eta kal’es’o gum’ovaje*; *Tak’uju ł’otku gum’ovuju napomp’ujem*;

gž'ečnyj* рус. ‘вежливый’, польск. ‘grzeczny’: *Jan’y gž’ečnyje tak’ije*;

gžyb'ovyj* рус. ‘грибной’, польск. ‘grzybowy’: *Z’upy gžyb’ovyje ʒ‘ełajut*;

xorob'ovyj* рус. ‘по болезни’, польск. ‘chorobowy’: *Star’ałśa na r’entu xorob’ovuju*;

igl'astyj* рус. ‘хвойный’, польск. ‘iglasty’: *L ïść’astyje, igl’astyje, dup, sasn’a*;

inval’ickyj* рус. ‘инвалидный’, польск. ‘inwalidzki’: *Śejč’as ja na r’enty inval’ickaj, m’aju r’entu inval’ickuju*;

jednostr'onnyj рус. ‘односторонний’, польск. ‘jednostronny’: *Jeść ślup jednostr’onnyj*; *Ńikak’ova śl’ubu ńe dast, ńi jednostr’onnava, ńikak’ova*;

kanad'yjsk'ïj* рус. ‘канадский’, польск. ‘kanadyjski’: *Ž‘onka b’er’ot kanad’yjskuju r’entu*;

kartafl’anyj рус. ‘картофельная мука’, польск. ‘mąka kartoflana’: *Kartafl’anaja muk’a*;

kul’avyj* рус. ‘хромой’, польск. ‘kulawy’: *Jan’a tak’aja b’aba kul’avyja*;

l'ïść'astyj* рус. ‘лиственный’, польск. ‘liściasty’: *S l ïść’astava dž’eva, s l ïść’astava smał’y ńet*; *L ïść’astyje, igl’astyje, dup, sasn’a*;

ł‘adnyj* рус. ‘красивый’, польск. ‘ładny’: *Tud bl’iska to tak’ije ł’adnyje j’agady*;

mel’jarav'anyj рус. ‘мелиорированный’, польск. ‘meliorowany’: *Mel’jarav’anyje ź’eml’ï*;

muze'alnyj* рус. ‘музейный’, польск. ‘muzealny’: *Už’e st’al’ï muze’alnyje kaść’oły*;

naxl'anyj* рус. ‘пьяный’, польск. ‘nachlany, pijany’: *Naxl’anyje j’exal’ï*;

ńevyleč'alyj* рус. ‘неизлечимый’, польск. ‘niewyleczalny’: *Kad’aśći gruźl’ica, čux’otka, był’a ńevyleč’alnaja*;

patstav'ovyj* рус. ‘основной’, польск. ‘podstawowy’: *Jeść ‘azbučka i mal’itfy patstav’ovyje*;

raspušč‘alnyj* рус. ‘растворимый (кофе)’, польск. ‘rozpuszczalny (o kawie)’: *Tak’aja raspušč’alnaja*;

rel’ïg’ijnyj рус. ‘религиозный’, польск. ‘religijny’: *Ś‘ilna rel’ïg’ijnyje, kag b’yl’ï, kak p’ośćil’ï*;

samoxod'ovyj* рус. ‘автомобильный’, польск. ‘samochodowy’: *Brał pr’ïc’epu j’etu samoxod’ovuju*;

śf’erk'ovyj* рус. ‘еловый’, польск. ‘świerkowy’: *J’eta sa śf’erk’ovava, s mał‘odava*.

Прилагательные, повторяющие акцентуацию польской основной формы (в собранном материале не выступили формы с двуслоговыми окончаниями)

abuvń'ičyj* рус. ‘обувной’, польск. ‘obuwniczy’: *Ja był’a na šk’ol’e abuvń’ičej, ‘obuv’ ʒ‘ełal’ï*;

advr'otnyj* рус. ‘обратный’, польск. ‘odwrotny’: *V ‘angl’ïji f tr’ox m’est’ax n’ada advr’otnym, advr’otnaj str’onaj j’exać*;

buržuaz'yjnyj рус. ‘буржуазный’, польск.‘burżuazyjny’: *Tap”er’ buržuaz’yjnyj žont*;

cv'anyj рус. ‘ловкий’, польск. ‘cwany’: *J’etat mał’odyj to cv’anyj*;

cyv”ilnyj рус. ‘гражданский’, польск. ‘cywilny’: *V mal’ennuju paj’exal’ĭ błaγosłavl’acca, sp’erv’a f cyv’ilnyj, tam paj’exal’ĭ, zap’ĭs’al’ĭś*;

x'ojnyj рус. ‘щедрый’, польск.‘hojny’: *Nu x’ojnyj kak l’ort, i tak ast’ałśa l’ort*;

kar'anyj рус. ‘наказываемый’, польск. ‘karany’: *Tr’oxa tam był kar’anyj i zvolń’il’ĭ jev’o*;

lž'ejšyj рус. ‘более лёгкий’, польск. ‘lżejszy’: *Ńem’eckyj j’eśća lž’ejšyj at r’el’ig’ĭji*.

Отглагольные прилагательные (причастия)

Отглагольные прилагательные относятся к производным словам. По Зализняку, «в категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов)» [Зализняк 2010: 10]. Важнейшей чертой, отличающей в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов) от акцентуации непроизводных, является почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа [Зализняк 2010: 30; ср. Курилович (1946) 1962: 438; Федянина 1976: 15]. Для производных слов характерны две схемы ударения: схема *a* (ударение всегда на основе) и схема *b* (ударение всегда на окончании) [Зализняк 2010: 30]. В современном русском языке формы страдательных причастий прошедшего времени на *-анный* (*-янный*) имеют ударение на основе, а ударение на суффиксе возможно только у причастий с односложной основой (*да́нный*, но *про́данный*, *со́зданный*) [Федянина 1976: 282]. Если в инфинитиве ударение падает на основу, то в причастии ударение на том же слоге основы, но если в инфинитиве ударение на окончании, то в причастии ударение падает на предыдущий слог [Федянина 1976: 282]. В заимствованных отглагольных прилагательных можем заметить связь с ударением мотивирующего слова:

atxav’anyj рус. ‘воспитанный’, польск. ‘odchowany’: *R’eb’onak atxav’anyj*; *J’ety ʒ’eći m’am ĭny atxav’anyje* (ср. в говоре *xav’ać* рус. ‘воспитывать’, польск. ‘chować, wychowywać’);

pabudav’anyj рус. ‘построенный’, польск. ‘pobudowany’: *Pabudav’anyj j’ejnyj dom* (ср. в говоре *pabudav’ać* рус. ‘построить’, польск. ‘pobudować’);

raskšyžav’anyj рус. ‘распятый’, польск. ‘rozkrzyżowany’: *R’uk ĭ b’yl ĭ raskšyžav’anyje* (ср. польск. ‘rozkrzyżować’);

v’yxavanyj // ***vyxav’anyj*** рус. ‘воспитанный’, польск. ‘wychowany’: *Naš p’apa f tyx staran’ax był v’yxavanyj*; *Jan’y v ʒ’ar”evńi v’yxavanyje*; *Ja v’yxavanyja t’uta*; *K’aśa vyxav’anyja t’uta* (ср. в говоре *v’yxavać* рус. ‘воспитать’, польск. ‘wychować’).

Представленные выше данные позволяют утверждать, что огромная часть заимствований из польского языка следует принципам морфематизма русского ударения, но есть также заимствования, которые используют уже принцип польского пенультиматизма. Для заимствованных из польского языка прилагательных обычно применяется русская стратегия акцентуации на основе. В нашем материале

некоторые прилагательные не выступили в формах с двуслоговыми окончаниями, поэтому трудно однозначно определить их акцентуационный тип. Нельзя решить, имеем дело с русской морфематической или польской пенультиматической акцентуацией, хотя на основании доминирующей группы заимствований можно предположить и в их случае применение принципа морфематизма. Постановка ударения на последнем слоге основы перед односложным окончанием этому не противоречит. Приведённые примеры являются не только свидетельством сохранности русского принципа акцентуации, но также развития говора, в котором заимствования из польского языка играют заметную роль, обогащая его, но в то же время подчиняясь его закономерностям.

Литература

Аванесов Р. И., Орлова В. Г. Русская диалектология. М. : Наука, 1965. 304 с.

Глушковски М. Территориальная разновидность говора польских старообрядцев (на примере избранных идиолектов сувальского и августовского регионов) // Staroobrzędowcy za granicą / red. M. Głuszkowski, S. Grzybowski. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2010. S. 171–180.

Гжибовский Ст. Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше // Studia Rossica Posnaniensia XXXV. Poznań, 2010. S. 67–76.

Гжибовский Ст. Русский островной говор в польском языковом окружении // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / отв. ред. С. Гжибовский, В. А. Хорев, М. Волос. М. : Квадрига, 2011. С. 45–59.

Гжибовский Ст., *Глушковский М.* Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур (Польша) // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 200–214.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской // Труды по акцентологии. Т. I. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 3–428.

Касаткин Л. Л. (ред). Русская диалектология. М. : Academa, 2008. 282 с.

Курилович Е. Система русского ударения // Очерки по лингвистике. М. : Издательство иностранной литературы, (1946) 1962. С. 437–444.

Пасько-Конэчняк Д. Вариативность лексических заимствований из польского языка в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире I. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. С. 193–203.

Пасько-Конэчняк Д. Функционирование административной и школьной терминологии в русском говоре старообрядцев, проживающих в сувальско-августовском регионе Польши // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М. : Языки славянских культур, 2013. С. 390–400.

Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М. : Русский язык, 1976, 304 с.

Głuszkowski M., Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. 147 s.

Grek-Pabisowa I. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław–Warszawa–Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1968. 200 s.

Grek-Pabisowa I. Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983a. 200 s.

Grek-Pabisowa I. Zapożyczenia w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce. I. Typy zapożyczeń i sposoby przyswajania wyrazów polskich // Studia z Filologii polskiej i słowiańskiej 22. Warszawa : Instytut Slawistyki PAN, 1983b. S. 47–64.

Grzybowski S. Aspekty morfonologiczne konfrontacji fonologicznej języków słowiańskich // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Slavica 1 — Nauki Humanistyczno-Społeczne. Z. 1. Toruń, 1996. S. 13–23.

Grzybowski S. Morfonologiczne uwarunkowania konfrontacji zjawisk akcentuacyjnych w języku rosyjskim i polskim // Z polskich studiów slawistycznych, seria IX, Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 117–122.

Olechnowicz M. Akcent rosyjski. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977, 159 s.

Paśko-Koneczniak D. Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń :Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. 224 s.

Paśko-Koneczniak D. Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016. 166 s.

D. Paśko-Koneczniak
Nicolaus Copernicus University
(Poland, Toruń)
dorotapasko@poczta.onet.pl

ACCENTUATION OF BORROWED ADJECTIVES FOUND IN THE RUSSIAN DIALECT USED BY OLD BELIEVERS LIVING IN POLAND

The Polish language strongly influences the Russian dialect of Old Believers living in Suwałki-August region of Poland at all linguistic levels, including phonetic, lexical, morphological and syntactic ones. The morphological system falls under this influence less than others do. Many Pskov dialectal features are still preserved in the Old Believers' speech. The influence of the Polish language is most noticeable in the vocabulary, in

which a large number of borrowings can be noted. The lexical stock of the Old Believers is enriched with the names of new elements in the surrounding reality (vocabulary associated with administration, education, medical care, agriculture, and other spheres of life). In the Russian dialect of the Old Believers, a free and mobile stress is firmly held. In most cases, this also applies to borrowings from the Polish language. In the dialect discussed, accentuation variants are observed not only in nouns but also in adjectives. The existence of variants in accentuation is widespread in other Russian dialects. The article analyses the accentuation of adjectives borrowed from Polish. The author comes to the conclusion that the majority of borrowings from the Polish language follow the morphonological rule of stress in Russian; however, there are also borrowings that use the penultimate stress adapted from Polish.

Key words: Old Believers from Poland, Russian dialects, Russian-Polish bilingualism, stress paradigms and subparadigms, borrowings, accentuation of adjectives.

References

Avanesov R. I., Orlova V. G. *Russkaja dialektologija* [Russian dialectology]. Moscow : Nauka Publisher, 1965. 304 p.

Glushkovski M. [Territorial Variety of Polish Old Believers' Dialect (on the Example of Chosen Idiolects of the Suwałki-Augustów Region)] // Staroobrzędowcy za granicą [Old Believers Abroad] / eds. M. Głuszkowski, S. Grzybowski. Toruń : Nicolaus Copernicus University Press, 2010, pp. 171–180. (In Russ.)

Gzhibovskij St. [Hybridisation of the Russian dialect of Old Believers in Poland] // Studia Rossica Posnaniensia XXXV. Poznań, 2010, pp. 67–76. (In Russ.)

Gzhibovskij St. [The Russian isolated dialect in the Polish language environment] // Linguistic, literary and cultural contacts of Russian and Polish / eds. S. Gzhibovskij, V. A. Horev, M. Volos. Moscow : Kvadriga, 2011, pp. 45–59. (In Russ.)

Gzhibovskij St., Glushkovskij M. [The sociolinguistic situation of Old Believers in Gabowe Grądy and Bór villages (Poland)] // *Russkie staroobrjadcy. Jazyk. Kul'tura. Istorija* [Russian Old Believers: language, culture, history] / ed. L. L. Kasatkin. Moscow : Languages of Slavonic Cultures, 2008, pp. 200–214. (In Russ.)

Zaliznjak A. A. *Ot praslavjanskoj akcentuacii k russkoj* [From Proto-Slavic accentuation to Russian] // *Trudy po akcentologii* [Accentuation difficulties]. T. I. Moscow : Languages of Slavonic Cultures, 2010, pp. 3–428.

Kasatkin L. L., ed. *Russkaja dialektologia* [Russian dialectology]. Moscow : Academa, 2008. 282 p.

Kurilovich E. *Sistema russkogo udarenij*a [System of stress in Russian] // *Ocherki po lingvistike*. Moscow : Foreign Languages Publishing House, (1946) 1962, pp. 437–444. (In Russ.)

Pas'ko-Konjechnjak D. [Variation of lexical borrowings from the Polish language in the Russian dialect of Old Believers living in Poland] // *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika XIII. Razvitie i variativnost' jazyka v sovremennom mire I.* Tartu : University of Tartu Press, 2010, pp. 193–203. (In Russ.)

Pas'ko-Konjechnjak D. [Functioning of administration- and school-related terminology in the Russian dialect of Old Believers living in Suwałki-August region of Poland] // *Russkie staroobrjadcy. Jazyk. Kul'tura. Istorija* [Russian Old Believers: language, culture, history] / ed. L. L. Kasatkin. Moscow : Languages of Slavonic Cultures, 2013, pp. 390–400. (In Russ.)

Fedjanina N. A. Udarenie v sovremennom russkom jazyke [Stress in contemporary Russian]. Moscow : Publishing House "Russian Language", 1976. 304 p.

Głuszkowski M. Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego [Sociological and psychological conditions of bilingualism of the Old Believers in Suwałki-Augustów region]. Toruń : Nicolaus Copernicus University Press, 2011. 347 p.

Grek-Pabisowa I. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim [The Russian dialect of Old Believers in Olsztyn and Białystok Voivodeships]. Wrocław–Warsaw–Cracow : The National Ossoliński Institute, The Polish Academy of Sciences Press, 1968. 200 p.

Grek-Pabisowa I. Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy [Vocabulary of the Russian dialectal island of Old Believers living in Poland: development and the current state]. Wrocław–Warsaw–Cracow–Gdańsk–Łódź : The National Ossoliński Institute, The Polish Academy of Sciences Press, 1983a. 200 p.

Grek-Pabisowa I. [Borrowings in the Russian dialect of Old Believers in Poland. I. Types of borrowings and ways of assimilating Polish words] // Studia z Filologii polskiej i słowiańskiej 22. Warsaw : the Institute of Slavic Studies at the Polish Academy of Sciences, 1983b, pp. 47–64.

Grzybowski S. [Morphonological aspects of the phonological confrontation of the Slavonic languages] // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Slavica 1 — Nauki Humanistyczno-Społeczne. Z. 1. Toruń, 1996, pp. 13–23. (In Pol.)

Grzybowski S. [Morphonological determinants of the confrontation of accentuation phenomena in Russian and Polish] // Z polskich studiów slawistycznych, seria IX, Językoznawstwo. Warsaw, 1998, pp. 117–122. (In Pol.)

Olechnowicz M. Akcent rosyjski [Stress in Russian]. Wrocław–Warsaw–Cracow–Gdańsk : The National Ossoliński Institute, 1977. 159 p.

Paśko-Koneczniak D. Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie [The influence of Polish on the vocabulary in the Russian dialect of Old Believers in Suwałki region]. Toruń : Nicolaus Copernicus University Press, 2011. 224 p.

Paśko-Koneczniak D. Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego [A dictionary of Polish borrowings in the Russian dialect of Old Believers in Suwałki-Augustów region]. Toruń : Nicolaus Copernicus University Press, 2016. 166 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

И. П. Кюльмоя
Тартуский университет
(Эстония, Тарту)
irina.kulmoja@ut.ee

БАНЯ В «ЛЕКСИКОНЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ЭСТОНИИ»[1]

Исследователи кафедры русского языка Тартуского университета работают над созданием «Лексикона традиционной культуры старообрядцев Эстонии». Цель Лексикона — описать мир старообрядцев Эстонии, собрать факты и явления уходящей народной культуры этого национального меньшинства страны, дать представление о его говоре, показать сходное и различное в культуре живущих рядом народов. Предпринимается попытка зафиксировать имеющуюся диалектную лексику, а также уходящие или ушедшие явления быта, обряды, традиции и т. д. Издание предполагает совмещение научного и популярного знания. Толкования и комментарии к словарным статьям представлены на двух языках: русском и эстонском, что позволит эстонскому читателю приблизиться к культуре местных старообрядцев. Собранный материал распределяется по трем томам Лексикона, которые условно называются «Дом и домашнее хозяйство», «Вера и обычаи», «Труд и природа». В построении Лексикона сочетаются идеографический и алфавитный принцип. В настоящее время завершается работа над первым томом, ориентированным на повседневную жизнь старообрядческой семьи, на действия внутри и возле дома, в значительной степени — на деятельность женщины, матери семейства. В качестве примера в статье приводятся фрагмент Лексикона, посвященный бане.

Ключевые слова: старообрядцы Эстонии, традиционная культура, лексикон, русские говоры, диалектная лексика, баня.

Старообрядцы в Эстонии живут компактно на острове Пийриссаар и западном побережье Чудского озера, где в двух маленьких городах и ряде деревень

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта № 14299 «Составление “Лексикона традиционной культуры старообрядцев Эстонии”» государственной программы Эстонии «Eesti keel ja kultuurimälu II» (Эстонский язык и культурная память II), а также гранта 5.1.9/106–1 Программы поддержки традиционной культуры Причудья Министерства культуры ЭР.

и поселков имеются моленные и в определенной мере еще сохраняется традиционный уклад жизни и диалектные особенности языка. Однако, как и всюду, традиционный уклад жизни уходит, в силу преклонного возраста уходят и носители говора, в котором постепенно исчезают довольно долго сохранявшиеся архаичные черты [Ровнова, Кюльмоя 2008]. Так, например, сейчас уже почти не встретишь употребления формы давнопрошедшего времени (*У меня* ***была*** *Таня* ***родилась***), еще бытовавшей в речи наиболее пожилых респондентов десять лет назад, редкостью стали членные прилагательные, бывает трудно получить объяснение значения некоторых диалектных лексем или описание исчезающих реалий.

Эта ситуация заставила задуматься о том, чтобы сохранить память об этом своеобычном культурном наследии. После более чем полутора десятков лет исследования русских говоров и культуры староверов Эстонии на кафедре русского языка Тартуского университета возникла идея создания «Лексикона традиционной культуры старообрядцев Эстонии». Определенным стимулом и прообразом для его составления послужил «Лексикон эстонской народной культуры», содержащий около 1000 словарных статей [Eesti 2007], в которых, кроме описания артефактов с иллюстрациями, приводятся также их соответствия на немецком, английском, финском и русском языках. Цель создаваемого Лексикона — описать мир старообрядцев Эстонии, собрать факты и явления уходящей народной культуры этого национального меньшинства страны, дать представление о его говоре, показать сходное и различное в культуре живущих рядом народов.

Материал, на основе которого составляется Лексикон, собирался в течение многих десятилетий. Часть его, собранная в 1920–1930-х гг., хранится в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда (Тарту) и представляет собой собрание рукописных материалов, частично уже оцифрованных. Часть — на кафедре русского языка Тартуского университета как в виде аудиофайлов, записанных сотрудниками кафедры в последние десятилетия, так и рукописных записей, сделанных во время диалектологических практик 1950–1980 гг. студентами отделения русской филологии Тартуского университета. Уже в начале работы над Лексиконом рукописные записи кафедры были оцифрованы. Небольшая часть материала представлена в статьях и изданиях в виде расшифрованных диалектных текстов. Источником материала являются и два небольших словаря этих говоров [МСРСГП; СГСЭ]. В них отражается лексика начиная с последних десятилетий XIX в. до наших дней. Таким образом, в Лексиконе предпринимается попытка зафиксировать имеющиеся и реконструировать уходящие или ушедшие явления быта, обряды, описать диалектную лексику и т. д. Издание предполагает совмещение научного и популярного знания, поэтому может представлять интерес как для специалистов, так и для непосвященного читателя. Толкования и комментарии к словарным статьям будут представлены на двух языках: русском и эстонском. Это позволит эстонскому читателю приблизиться к культуре местных старообрядцев, которые на протяжении столетий являются частью эстонского культурного ландшафта.

Словарной части Лексикона предпослан краткий этнографический очерк с историческими и культурологическими сведениями о старообрядцах Эстонии, краткая

характеристика говора, описаны структура и принципы словаря. После словарной части располагается алфавитный указатель всех диалектных слов и выражений, встретившихся в речевых иллюстрациях, а также перечень источников примеров.

Собранный материал распределяется по трем томам Лексикона, которые на данном этапе условно называются «Дом и домашнее хозяйство», «Вера и обычаи», «Труд и природа». В настоящее время завершается работа над первым томом, который ориентируется в первую очередь на повседневную жизнь старообрядческой семьи, на действия внутри и около дома, в значительной степени — на деятельность женщины, матери семейства. Труд мужчины традиционно был связан с пространством вне дома — озером, отходными промыслами, он будет отражен в третьем томе.

В первом томе представлены такие разделы, как 1) **дом**: устройство и планировка жилища, жилая и хозяйственная части дома; 2) **предметы быта**: хозяйственная утварь, мебель; 3) **кухня** и печь, кухонная утварь; 4) **хозяйство**: хлев, скот, баня. Несмотря на преимущественно предметную семантику единиц словаря, в него включаются и глагольные словарные статьи: речь идет о диалектных глаголах, называющих трудовые и сопутствующие им действия типа *обряжáться* (по хозяйству), *загнетúть* (печь, самовар), *шмунúть* (лук, белье), *заморúть* (об углях) и т. п. Каждый раздел открывается статьей, описывающей данную часть хозяйства в целом. После нее внутри тематического раздела располагаются в алфавитном порядке диалектизмы, связанные с данной темой. Таким образом в построении Лексикона сочетаются идеографический и алфавитный принцип.

Словарная статья, отражающая название артефакта, включает заголовочную лексему, имеющиеся номинативные и фонетические параллели, толкование значения с комментариями на русском и эстонском языках, при наличии — эстонское соответствие. Иллюстративная часть статьи содержит рисунок или фото, а также развернутые контексты употребления лексемы в говоре с отсылкой ко времени и месту записи, при наличии — фразеологизмы с заголовочным словом или его синонимами, ссылку на другие источники использования слова. При отборе иллюстрирующих контекстов авторы исходят из культурологической, фактографической и лингвистической ценности языкового примера, а при определении его объема — из сюжетной полноты соответствующего контекста. В данной статье из соображений экономии места приводятся не все словарные статьи и не все примеры речевого употребления. Поскольку Лексикон научно-популярный, то речевые иллюстрации представлены в упрощенной орфографической записи, отмечаются прежде всего фонетические особенности в области вокализма (яканье), в меньшей мере консонантизма, которые вариативны и хуже сохранились. Примеры речевого употребления внутри статьи Лексикона расположены по географическому принципу мест записи — с севера на юг (от д. Лохусуу и г. Муствеэ до д. Любница и деревень острова Пийрисаар). При речевых иллюстрациях из диалектологического архива кафедры русского языка источник не указывается, во всех других случаях ссылка на источник примера имеется. В качестве примера приведем несколько сокращенный раздел из Лексикона, посвященный бане.

БАНЯ

Бани в Причудье использовались не только для того, чтобы мыться, париться и стирать белье, но и для того, чтобы коптить мясо, сушить лук и цикорий, в них также сушили, разбирали и складывали рыболовные сети. Баня могла быть отдельной специальной постройкой вблизи дома или находиться в крытом дворе рядом с другими хозяйственными помещениями.

«Жители Причудья вне дворов (обычно на берегу) ставили только бани. Еще в конце XIX в. бань было немного — 2–3 на деревню. Планировка бань та же, что и повсюду в западных районах Европейской части России, т. е. белорусско-украинская, с печью-каменкой у входа (устье печи обращено к продольной стенке) и с полком, пристроенным в ряд печи, т. е. за нею. Предбанников, по рассказам стариков, не было. В этом отношении причудские бани сходны и с древними русскими, и с эстонскими банями» [Рихтер 1976: 118]. Примерно до середины XX в. бани обычно строили на берегу озера, позже стали строить на участке у дома или в крытом дворе.

Баня всегда вот так подальше <от дома>. Раньше сушили луки́ и мясо коптили <в бане>. А топилась по-чёрному, а теперь дым идёт в трубу. Коптить и теперь можно, только жара будет невыносимая, теперь не коптят в банях. Уже по-другому коптят. Маленьких детей тоже в бане мыли. Ванночка была или что. В будни в доме мыли, а в субботу обязательно в бане. <…> В бане-то и сетки <рыболовные сети> сушили и потом разбирали, ночам не спали (Большие Кольки, 2014).

Еще в 1960-е гг. «все бани топились по-черному. Труба была, но дым попадал в нее через дверку под потолком, пройдя через “каменку”. Когда вода в котле доходила почти до кипения и в печи оставались только угли, дверку в трубе закрывали и оставляли баню “выстаиваться”, чтобы ушел угарный газ — “чад”» [Гришаков 2013: 238]. Трубу для выхода дыма называли *душником*[2], реже *дымником.* Если дверки в трубе не было, трубу затыкали заглушкой, которую тоже могли называть *душником,* это же слово обозначало и отверстие для воздуха. Во второй половине XX в. бани по-черному стали перестраивать и строить печи с дымоходом, в который дым шел прямо из топки.

А баня така́ была. Я девчонка ещё была, помню, может, год 12–13, там на горы́ была. Дом сейчас уже переделанный. Так всё «пряник» <называли>, это прозвище. И там была баня, эта баня была, как это сказать, она топилася по-чёрному. Была только каменка сделана, здесь были накладены эти ка́меньи (Калласте, 2016).

В бане могло быть два или три помещения: *при́передок* или *коридо́р*, т. е. предбанник (иногда называют также кухней, если в нем есть плита и летом там готовят еду), в котором раздевались, и собственно баня / *байня*, в которой мылись и парились и где находилась печка — ка́менка — с нагревающимися при топке камнями и котлом для воды. На пол бани могли класть специальные решетки — *редёлки*. Третьим помещением могла быть *сушилка* для лука и цикория.

[2] Здесь и далее курсивом в тексте выделены заголовочные слова статей, представленных в данном разделе.

— Если кто-то сушил лук, там <в бане> бы́ла сушилка — это одно помещение. Тогда коридоршик и тогда вот это, где моются, парятся. — Мылись, парились — это одно помещение, не было отдельного? — Не, не было, не было, всё было одно. — А для сушки лука было всё-таки закрытое помещение, со стенами? — Да, да, шо там сырости бы не было, пару сырого не было бы (Большие Кольки, 2016).

Печку топили дровами из лиственных пород, особенно если баня топилась по-черному. Для образования пара бросали *корцо́м* воду на горячие камни в каменке. Камни для нее не полагалось собирать с берега.

Ка́меньи были с полей собраны, а не с берега. Нельзя было с берега. Потому что это угар, угореть можно. Это отец-покойник мне говорил (Калласте, 2016).

Парились на полке́ чаще всего березовыми вениками, которые заготавливали летом до Иванова дня (7 июля), по другим сведениям, между Ивановым днем по новому календарю (Яанипяэв, который отмечают эстонцы) и Ивановым днем по старому календарю, т. е. между 24 июня и 7 июля. Встретилось также утверждение, что веники заготавливали начиная с Иванова дня и до Ильина дня (2 августа). В лечебных целях могли париться веником из *стрека́вы* <крапивы>.

Веничная пора после Иванова дня, после нашего Иванова дня. Вот 7 июля будет Иван день, вот после этого. Раньше-то они осыпа́лися. А после Иванова дня тогда пора. Так это тоже мать говорила (Калласте, 2016).

Мылись мочалкой из лыка или кусков тенети́ны <рыболовной сети>, чтобы появились *сухора́дки*, и мылом, которое раньше варили сами для мытья и стирки.

В Калласте мы жили, мочалки были из тенети́н <старой рыбачьей сети>. Из стрека́вы <крапивы> веники делали, чтоб лечиться (Калласте, 2017).

Воду для бани когда-то брали из озера, считая, что именно озерная вода лучше всего.

Раньше, когда мы жили коло озера, <воду> с озера носили. И если заходит буря, должна быть вода заготовлена. Там вода мягче. В колодце, говорят, моешь-моешь и не домыть. Там мало щёлочи. А которая с озера, ну, я точно гарантировать не могу, может быть, в колодцах тоже разная вода. Ну, сосед к соседу или на озеро ходили за водой. Там вода мягкая (Калласте, 2016).

Грели воду в котле, холодную наливали в бочку, ушат или бак, а для мытья — в *ки́пки* (*ша́йки*). Вытирались *утира́льником* (*ути́ркой*), *ба́йным* полотенцем или снятой с тела одеждой.

Идя в баню, обязательно снимали нательный крест, поскольку баня считалась нечистым местом. «Собираясь в баню, набожные люди крест оставляли дома, но пояса не снимали, полагая, что “без пояса и порога переступить нельзя”» [Рихтер 1996: 82].

И придёт <бабушка> из бани, вымоется снова: лицо и руки, потому что в бане вода — это тоже поганая. Тогда только может сесть чай пить (Новая Казепель, 2009) [Ровнова 2010].

Мылись обычно по субботам и накануне праздников, полагалось делать это до захода солнца, по некоторым высказываниям, до пяти часов вечера, когда начиналась служба в моленной. Первыми шли в баню мужчины, после них женщины. Маленьких детей могли мыть в бане, младенцев и в доме.

На праздник на великий баня должна была быть стоплена раньше. На праздник мыться был грех. Говорили, что черти придут. Но а бани-то были не в каждого. Чтобы до солнечного заката были все вы́мывши. Если долго в бане, это грехом считалось. Хозяин дверь снимет. Уже тогда идёт ночная служба в моленной, тогда более религиозными люди были. Сейчас-то мы в любое время можем вымыться. Первые <шли> мужчины. Бывало, если мужчины на работе где-то, то позже шли и ничего. А некоторые не хотели. Жёны не имели права раньше мужиков в баню идти. Были мужики корыстные (Калласте, 2016).

Это мать-покойница говорила, что пойдёшь мыться <в субботу вечером> в воскресенье тоже, это тоже великий грех. Мать-покойница всё говорила: «Кровью обливаться». Я в воскресенье никогда в баню не хожу. Никогда не моюсь (Калласте, 2016).

Белье стирали в деревянной *трено́ге*, используя мыло и щёлок (*шшо́лок*) — едкое средство для стирки, которое получали, заливая золу кипятком и давая ей настояться, затем настой сливали с золы и им стирали. Половики стирали летом на озере, используя *пра́льные па́лки*, сушили там же на специальных козлах.

Лук сушили на *пола́тях* (*пола́тьях*), которые могли быть специально устроены в бане или в предназначенном для сушки лука и цикория помещении — *суши́лке* с большой низкой кирпичной печью.

В бане также рожали, лечили и лечились.

Вот что была за болезнь, кровь кидали <пускали> рогом. Тогда была специальная знахарка, и когда вот кровь кидали, с плечей. Распаривали и надрезали, и тогда вот дурную кровь рогом оттуда вытягивали. Ну, я этого не видела и не делала. Я только слышала. Специальные были бабки. Рог обыкновенный, коровий или бычий. Ходили к бабке-знахарке. Их немного было. Распарют, надрежут, и тогда этот рог на то место. И это так вытягивало дурную кровь. Я этого не видела и не делала. Знаю, что когда спины болят, поясницы, плечи — специально топили баню и бабку приводили. Наверное, <она> что-нибудь шептала там (Калласте, 2016).

Под Новый год в бане могли гадать.

На Новый год ходили, брали с озера только воду́, клали обручальное кольцо, и вот тогда в двана́дцать часов ночи собирались девки и ребята, ходили гадали. Но страшно было, это я тоже помню хорошо. Страшно было, в двана́дцать часов ночи ведь надо было идти. Это помню я хорошо (Калласте, 2016).

С баней связаны некоторые поверья и ритуалы, например мытье невесты перед свадьбой.

В канун свадьбы её <невесту> соберу<т> в ба́йню, одни девушки её мою<т>, а други<е> на улушке пою<т>: «Растопляйся, парна ба́енка…». Когда яна идё<т> с ба́йни домой, двери замнуты и яна проси<т>: «Открой, родна матушка, двери широкие, пусти меня, бедную, горькую». Все люди плачут, и мать тоже плаче<т> во весь голос. Девки песни пою<т> (Муствеэ, 1938) [ERA, Vene 12: 578–589].

В случае мытья в бане в неположенное время можно было встретить *ба́нника*, который принимал различные обличья.

Фразеология: *на ба́йный у́гол сделано*; *на ба́йный угол сойдёт.*

БА́ЙНЯ, -и, *ж.* / **БА́НЯ**, -и, *ж.* / **БА́ЕНКА**, -и, *ж.*

Баня.

Речевые иллюстрации:

Давеча в ***ба́йню*** *ходила. В нас* ***ба́йня*** *казённая тож е* [МСРСГП: 23]. *Ваня* ***ба́енку*** *топил, / Дым с окошка повалил. / Ваня думал, что пожар, / Схватил вёдры, побежал.* (Муствеэ, 1930). [ERA Vene 1, 391].

У хозяина вот этого бы́ла такая <баня> по-тшёрному. Да. Вспомнила сейтшас только, уже давным-давно, так я уже и не вспоминала. Бы́ла тама небольшая банька. Там, я помню, тоже мы с соседкой тама — девтшонки — бегаем та́ма и всё, и поём яму́: «Па́рной ***ба́енка*** *растопляется, бела барынька умывается» <смеется>* (Малые Кольки, 2018).

Другие источники: СРНГ 2: 42, 56; Даль I; ПОС 1: 92, 95; ТБПК 19.

БА́ННИК, **-***а* / **БА́ЙНИК**, **-***а, м. р.*

= НЕЧИ́СТАЯ СИ́ЛА, БЕС

Нечистая сила в бане обычно невидимая. Показывается только тем, кто моется или парится в бане в неурочное время, при этом банник принимает разные обличья, поэтому в рассказах о баннике его не всегда именно так называют. Обычно банник совершает какие-либо странные или неприятные для моющегося действия.

Речевые иллюстрации:

Ба́йник живёт в ба́йне. Показывается старым женщинам тогда, когда они слишком долго парятся (Березье, 1940) [ERA, Vene 15: 90].

Другие источники: СРНГ 2: 95; Даль I.

ДУШНИ́К, *-а́, м. р.*

= ШИ́БЕР, ЗАСЛО́НКА, ВЬЮ́ШКА

1. Деревянная труба над каменкой, в которую уходил дым в бане, топящейся по-черному.

2. Деревянная крышка, обитая тряпкой, которой затыкали отверстие в трубе в бане или отверстие для самоварной трубы в печи в доме.

Речевые иллюстрации:

— <В бане> уходил дым в душни́к. Открывали душни́к. Раньше бани были <топились> по-чёрному и над каменкой была деревянная труба и эту трубу затыкали… Ну, вот <деревянная чурка> как, например, телефон, и вот здесь ручка и тряпками обита. И вот эту трубу затыкали. Называли душни́к. И душнико́м ещё называли… вот затыкали чем самоварное отверстие в трубе, куда самоварную трубу вставлять. Туда же тоже дым уходит. Вот эта именно затычка — душни́к. Для самовара круглая была. У нас папа сам умел всё делать и сделал. — Значит, душник — это затычка? — Да, в бане труба из досок четырёхугольная была, она была над каменкой и затыкали душнико́м (Новая Казепель, 2017).

Другие источники: ПОС 10: 75.

КИ́ПКА, *-и, ж. р.*
= ША́ЙКА

Небольшой сосуд с ручкой (0,25–0,5 ведра) из деревянных дощечек, стянутых обручем, с круглым дном, расширяющийся кверху. Одна из дощечек делалась длиннее других и служила ручкой. Использовался для мытья в бане, могли использовать также для хранения и квашения различных продуктов питания.

Ср. эст. *kibu*, юж.-эст. *kipp*.

Речевые иллюстрации:

Раньше деревянные были, такие маленькие ванночки. В кого какие, как тазики, ванночки наделаны. Называли ки́пка. Голову туда не мочили. Она примерно вот как полведра. Она из дерева сделана. А тогда одна доска повыше, как ручка бы́ла (Калласте, 2016).

Ки́пка — маленькая дерявя́нная посуда. Ки́пки были и без крышек, туда клали творожка и рыбу (Кольки, 1950) [Бурдакова 1998: 62].

У нас кружку в бане называли «ба́енная кружка», а у мужа <в семье> называли «ки́пка». У них кружка была с одной ручкой. Они её называли ки́пка. Ну вот, как палка, одна досочка выше. У нас была металлическая кружка. А в доме был коре́ц, ковш с ручкой горизонтальной (Новая Казепель, 2017).

Фразеология: *Много не говори, а то ша́йкам закидаем!*

КОРЕ́Ц, *корца́, м. р.*
= КОВШ

Небольшой широкий открытый сосуд с ручкой для зачерпывания жидкостей.

Речевые иллюстрации:

— А чем воду бросали на каменку? — Ковшиком, кружкой. Коре́ц называли, да-да. — Неважно, в бане ковшик или в доме? Всё равно корец? — Всё равно коре́ц, да (Калласте, 2016).

— Ну, коре́ц был. Корец был не копеечный коре́ц. Ну, такая, как кружка, высокий был. — Деревянный? — Да, были деревянные и были железные. — Жестяной? — Жестяной, такой, как литровая банка. Это тоже я хорошо помню (Калласте, 2016).

Другие источники: СРНГ 14: 326; Даль II; ПОС 15: 235.

ПОЛА́ТЬИ / ПОЛА́ТИ/ ПОЛА́ТЬЯ *мн. ч.*

Настил из досок или жердей для сушки лука или цикория, мог быть и в бане.

Речевые иллюстрации:

Мясо коптили, и лук я сушила в ба́йне семя́нный-то, да и крупный. А лук ведь, всё с дымом хочет сушиться семя́нный. Ён прокоптится, хорошо ляжи́т тогды в комнатах. А таперя всё этого нет. Лук сушила я в ба́йне. Зарывала <насыпа́ла> еще́ двое пола́тьев, двойные делала; огород-то был большой (София, 2009) [Авво 2010: 41].

Другие источники: СРНГ 29: 36; Даль III.

ПРИ́ПЕРЕДОК, *-дка, м. р.*

= КОРИДО́Р, КОЛИДО́Р, ПРЕДБА́ННИК, ПРЕДБА́ЙНИК

Помещение для раздевания в бане. Кроме характерного для Причудья названия *при́передок*, в современном говоре часто встречается *колидор / коридор* с тем же значением, реже — *предба́йник*. «Предбанников, по рассказам стариков, не было. Предбанники появились поздно: в д. Колкья, например, в начале XX в., а в Нина, где жители ещё в конце XIX в. мылись и парились в русской печи, даже в 1930-е годы. Обращает на себя внимание его название: на соседних территориях у русских крестьян его повсюду называли *предбайником* (от слова *байня*), в деревнях же Причудья — *припередком*» [Рихтер 1976: 118].

Речевые иллюстрации:

При́передок — это в бане. Баня — где моются, а е́стя при́передок, где раздева́есся да всё делаешь… Это называется у нас при́передок (Желачек, 2009) [Паликова 2013: 237].

Другие источники: СРНГ 31: 340; Даль III.

РЕДЁЛКА, *-а, ж.*

= РЕШЁТКА

Деревянная решетка на пол при мытье или на настил при копчении мяса в бане. Ср. эст. *redel* ‘приставная лестница с перекладинами’.

Речевые иллюстрации:

Своих покойников мы всех в бане обмывали. Мне приходилось и видеть, и участвовать тоже. Мы две женщины были, не очень сильные. Мы не смогли поднять <покойника> на поло́к, мы разложили на редёлках, на деревянных. Кафельный пол холодный, скользкий, поэтому сделан такой настил из тонких досок, как решётка. У нас его редёлкой называют. И вода под ним стекает (Калласте, 2017).

— Позднее <мясо для копчения> завёртывали, ну когда уже марля бы́ла, да вот это в марлю завёртывали. А так нет, так ложи́ли, специально там было эти, колышки специально для этого… — Клали просто на них? — Да, на колышки, или редёлки там такие сделано. — А колышки такие, как на луковые полати? — Да-да-да-да. Потому что они окорённые уже, и специально держат такие (Большие Кольки, 2016).

СУХОРА́ДКА / СУКОРА́ДКА / СУХОРА́ТКА, *-и,* ж. р.

Надкожица и грязь на теле человека, которые скатываются путем трения при мытье, образуя комочки (катыши).

Речевые иллюстрации:

— Как называли вот то, что оттиралось, когда мылись? — Сухора́дки. Когда вот так отопреет, и называли сухора́дки это. Может, ещё как-то называли, но я знаю сухора́дки. Другой раз и без бани вспотеешь, и как старая кожа отопревает или грязь скопивши (Калласте, 2016).

Другие источники: СРНГ 43: 21; МСРСГП 318, 319.

СУШИ́ЛКА, *-и, ж. р.*

Специальное помещение в бане для сушки лука и цикория с большой (примерно 4 х 4 метра) низкой кирпичной печью с одной или двумя топками, на которую насыпали лук или цикорий и вокруг которой можно было проходить, чтобы ворошить то, что сушилось.

Речевые иллюстрации:

А дальше ба́йня в их сделана, там была суши́лка, цикорий сушили. Во всю ету комнату, печка, а тут тока <…> такой, може, промежуточек был, <…> а суши́лка была, вот тут печка ишла, до стяны́ была, и тут печка топилася, и яна́ вся это была с глины, с кирпича, и яна́ вся грелася, и после крошили цикорий, и тада́ это всё засыпали на ету, печку. <…> Какой-нибудь прогар был, аль не, так, щоб и дым-то ишол бы, и здесь топилося, две топки было (Большие Кольки, 2011) [Авво 2014: 26].

Другие источники: СРНГ 43: 40.

ТРЕНО́ГА, *-и, ж. р.*

Большая деревянная овальная кадка на трех высоких ножках, предназначенная для стирки белья и мытья детей.

См. также ТРЕНО́ГА в разделе ХОЗЯЙСТВЕННАЯ УТВАРЬ ИЗ ДЕРЕВА

Речевые иллюстрации:

Стирали в трено́ге (на трёх ногах, деревянная) богатые, у нас не было трено́ги. Бельё постельное можно было в трено́ге стирать (Калласте, 2016).

Была ванна — тряно́га, в которой мыли детей в доме, так как мыть младенцев в бане — грех. Они чистые, а в бане все моются. Мать мыла дочерей в избе и рясы <одежду> наши здесь вымоет (Новая Казепель, 2011) [Паликова 2013].

Другие источники: СРНГ 45: 31–32.

УТИРА́ЛЬНИК / УТИРА́ННИК, *-а, м. р.*

= БА́ЙНОЕ ПОЛОТЕ́НЦЕ, УТИ́РКА

Полотенце.

Речевые иллюстрации:

Утира́льник говорили про полотенце, и ути́рка тоже. Рушни́к говорили про кухонное полотенце для рук (Калласте, 2017).

Полотенца у нас все больше утира́нник называют, а который для рук, так он потиру́ха. Так и говорят, утирается утира́нником (Новая Казепель, 1968).

Другие источники: Даль IV; ТБПК 143–145.

Литература

Авво Л. Наименования жилищных построек и их частей в говоре староверов Эстонии. Бакалаврская работа. Тарту, 2010.

Авво Л. Дом и хозяйство староверов Западного Причудья. Опыт диалектного словаря. Магистерская работа. Тарту, 2014.

Бурдакова О. Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Причудья. Диссертация на соискание ученой степени magister artium по русскому языку. Тарту, 1998.

Гришаков В. Л. Состав и быт староверов приходов деревень Кольки и Казепель Пейпсиарского сельсовета Эстонии в середине прошлого века // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М. : Языки русской культуры, 2013. С. 230–248.

Паликова О. Н., *Ровнова О. Г.* Пийриссаар в рассказах его жителей // Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. С. 268–318.

Паликова О. Н. «Без хозяина дом — сирота» (о сакральном и мирском в доме староверов Западного Причудья) // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки русской культуры, 2013. С. 213–229.

Рихтер Е. В. Русское население западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры). Таллин : Валгус, 1976.

Рихтер Е. В. Кто и как жил на земле Эстонии. Этнографические очерки. Таллинн, 1996.

Ровнова О. Г., *Кюльмоя И. П.* Говоры староверов в современной Эстонии // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XIV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М. : Языки русской культуры, 2008. С. 280–299.

Ровнова О. Г. Бабушка. Языковой портрет-воспоминание // Русские в Прибалтике: сб. статей / отв. ред. И. Белобровцева. М. : Флинта; Наука, 2010. С. 317–328.

Титова А. Русский говор города Муствеэ. Дипломная работа. Тарту, 1956.

ERA, Vene — Русский фонд архива эстонского фольклора в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда.

Eesti rahvakultuuri leksikon. Tallinn : Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007.

I. Külmoja
University of Tartu
(Estonia, Tartu)
irina.kulmoja@ut.ee

SAUNA IN THE "LEXICON OF TRADITIONAL CULTURE OF ESTONIA'S OLD BELIEVERS"

The Department of Russian Language researchers at the University of Tartu are working on the "Lexicon of Traditional Culture of Estonia's Old Believers". The purpose of the Lexicon is to describe the world of the Old Believers of Estonia, collect facts and

phenomena of the departing folk culture of this national minority, give an idea of its dialect, show the similarities and differences in the culture of the peoples living nearby. Furthermore, the researchers attempt to fix the existing dialectal vocabulary and outgoing or gone phenomena of everyday life, rituals, traditions, etc. The publication assumes a combination of scientific and popular knowledge. Interpretations and comments on dictionary entries are in two languages: Russian and Estonian, which will allow the Estonian reader to get closer to the culture of local Old Believers. The collected material makes up three volumes of the Lexicon, which are conventionally called "House and Household", "Faith and Customs", "Labor and Nature". The Lexicon's structure follows ideographic and alphabetical principles. Currently, the researchers are completing the first volume, focused on the everyday life of the Old Believer family, actions in and around the house, the activities of a woman, the mother of the family. As an example, the article partially contains the section of the Lexicon devoted to the sauna.

Keywords: Old Believers of Estonia, traditional culture, vocabulary, Russian dialects, dialect vocabulary, sauna.

References

Avvo L. *Naimenovaniya zhilishchnykh postroek i ikh chastei v govore staroverov Estonii. Bakalavrskaya rabota*. [The names of residential buildings and their parts in the dialect of the Old Believers of Estonia. Bachelor's work]. Tartu, 2010. (In Russ.)

Avvo L. *Dom i khozyaistvo staroverov Zapadnogo Prichud'ya. Opyt dialektnogo slovarya. Magisterskaya rabota.* [House and farm of the Old Believers of Western Coast of Lake Peipsi. Dialect vocabulary experience. Master's work]. Tartu, 2014. (In Russ.)

Burdakova O. *Pribaltiisko-finskie zaimstvovaniya v russkikh govorakh Prichud'ya. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni magister artium po russkomu yazyku.* [Baltic--Finnish borrowings in Russian dialects of Western Coast of Lake Peipsi. Master's degree dissertation in Russian language]. Tartu, 1998. (In Russ.)

Eesti rahvakultuuri leksikon. [Lexicon of Estonian folk culture]. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007. (In Est.)

Grishakov V. L. [Membership and everyday life of Old Believers in the parishes of the villages of Kolki and Kazepel of the Peipsiar Village Council of Estonia in the middle of the last century]. *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sb. statei k XV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* / otv. red. L. L. Kasatkin. [Russian Old Believers: Language, Culture, History. Collection of articles for the XV International Congress of Slavists]. Moscow, 2013, pp. 230–248. (In Russ.)

Palikova O. N., Rovnova O. G. [Piirissaar in the stories of its inhabitants]. *Acta Slavica Estonica I. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XV. Ocherki po istorii i kul'ture staroverov Estonii. III / otv. red. I. P. Kyul'moya.* [Acta Slavica Estonica I. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XV. Essays on the history and culture of the Old Believers of Estonia]. Tartu, 2012, pp. 268–318. (In Russ.)

Palikova O. N. ["Without an owner, a house is an orphan" (about the sacred and the mundane in the home of the Old Believers of Western Coast of Lake Peipsi)]. *Russkie*

staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sb. statei k XV Mezhdunarodnomu s''ezdu slavistov / otv. red. L. L. Kasatkin. [Russian Old Believers: Language, Culture, History. Collection of articles for the XV International Congress of Slavists]. Moscow, 2013, pp. 213–229. (In Russ.)

Rikhter E. V. *Russkoe naselenie zapadnogo Prichud'ya (Ocherki istorii, material'noi i dukhovnoi kul'tury)* [The Russian population of western Coast of Lake Peipsi (Essays on history, material and spiritual culture)]. Tallin, 1976. (In Russ.)

Rikhter E. V. *Kto i kak zhil na zemle Estonii. Etnograficheskie ocherki.* [Who and how he lived on the land of Estonia. Ethnographic essays.]. Tallinn, 1996. (In Russ.)

Rovnova O. G., Kyul'moya I. P. [The Dialects of Old Believers in modern Estonia] *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sb. statei k XV Mezhdunarodnomu s''ezdu slavistov* / otv. red. L. L. Kasatkin. [Russian Old Believers: Language, Culture, History. Collection of articles for the XIV International Congress of Slavists]. Moscow, 2008, pp. 280–299. (In Russ.)

Rovnova O. G. Babushka. [Granny. Language portrait-memory]. *Russkie v Pribaltike: sb. statei / otv. red. I. Belobrovtseva.* [Russians in the Baltics: collection of articles]. Moscow, 2010, pp. 317–328. (In Russ.)

Russkii fond arkhiva estonskogo fol'klora v Literaturnom muzee im. F. R. Kreitsval'da. [Russian Foundation for the Archives of Estonian Folklore at the F. R. Kreutzwald Museum of Literature].

Titova A. *Russkii govor goroda Mustvee. Diplomnaya rabota*. [Russian dialect of Mustvee. Graduate work]. Tartu, 1956. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ЭТИМОЛОГИЯ

Ж. Ж. Варбот
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zhannavarbot@yandex.ru

К ЭТИМОЛОГИИ ОДНОЙ ГРУППЫ СЕВЕРНОРУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ (ПО СЛЕДАМ В. ДАЛЯ)[1]

В статье рассматривается группа диал. севернорусск. *гове́нник*, *гове́йник*, *гове́льник, гове́дник* ‘крепление (в передней части саней), с помощью которого соединяются верхние загнутые концы полозьев саней, в виде поперечной перекладины, прута (обычно черемухового), веревки’. Основанием для объяснения происхождения всей группы является приведенное В.Далем в словарной статье *гове́д(т)ник* ‘связь в санях’ слово *говета́н* ‘веревочное крепление в устройстве для ловли семги’. Это сопоставление истолковано как указание на генетическую связь слов и первичность структуры *гове́тник.* Слово *говетан/говитан* засвидетельствавано в русских диалектах также со значениями ‘силок, шнурок, веревка’. Соответственно, предполагаются последовательные преобразования: *говета́н*–**гове́тник / гове́дник*– *гове́нник*– *гове́льник*– *гове́йник.* Предлагается гипотеза об иноязычном происхождении слова, вероятен германский источник — существительное, производное от прагерм. **vedan* ‘связывать’ > гот. *ga-vidan* то же, др.-в.-нем. *wetan* ‘связывать; запрягать’, ср.-в.-нем. *weten* то же.

Ключевые слова: диалектная лексика, этимология, фонетические преобразования, лексические заимствования.

История этимологизации русской лексики свидетельствует о возрастающем объеме вовлекаемых в исследования диалектных материалов, служащих обоснованием реконструкции истории национального языка, материальной и духовной

[1] Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ №19–012–00059.

культуры нации. Одновременно происходит непрерывная критическая перегруппировка лексики между реконструируемыми этимологическими гнездами или цепями заимствований (даже не считая неизбежных случаев изъятия из практики этимологизации ненадежных диалектных материалов). Примечательно, что нередко указателем направления этимологического поиска служат краткие лексические и этнографические включения В. Даля в словарные статьи о том или ином русском слове, без определенного этимологического толкования.

Ниже излагается опыт реконструкции исторических связей одной группы вариантных русских диалектных слов с проблематичным этимологическим толкованием путем сопоставления их со столь же этимологически неясными словами с опорой на лаконичную статью в словаре В. Даля.

Речь идет о группе севернорусских слов: *гове́нник*, *гове́йник*, *гове́льник, гове́дник* ‘крепление (в передней части саней), с помощью которого соединяются верхние загнутые концы полозьев саней, в виде поперечной перекладины, прута (обычно черемухового), веревки’ (арханг.) [АОС 9: 169–170], также перм., олон. [СРНГ 6: 252–253], карел. [СРГК 1: 348], вариант *гове́нник* обозначает также головную часть саней (арханг., волог., новгор. [СРНГ 6 : 253]).

Происхождение этой группы вариантных слов рассматривается А. Е. Аникиным в его «Русском этимологическом словаре». Автор опирается на типологию мотивации обозначения передней части саней как головной, что отражено в диал. *голове́нник* ‘передняя изогнутая часть полозьев саней’ (урал.) [СРНГ 6: 303], и предполагает, что приведенная вариантная лексическая группа является результатом фонетических преобразований исходного *голове́нник*: *-оло-* > *-owo-* с выпадением *w* или гаплологией [Аникин 11: 70]. Реконструкция весьма убедительна, однако она не объясняет всех вариантов фонетической структуры, представленных в рассматриваемой лексической группе: см. *говедник.* К тому же, при предполагаемом наличии этимологически прозрачной и этимологически «темных» форм более вероятно обратное направление преобразований: именно «темные» преобразуются по народной этимологии в прозрачные.

Соотношение вариантов *гове́нник*, *гове́льник, гове́йник* аналогично фонетическим преобразованиям в цепочке широко известных *брате́нник*– *брательник*– *братейник* (см. последовательно [СРНГ 3: 156, 155, 154]), при начале цепочки *братний*– *братень*. Для названия санного крепления очевидна первичность варианта *гове́нник.* Вне фонетически объясняемых вариантов этого слова остается форма *гове́дник*. Именно этот вариант названия крепления санных полозьев включил в свой словарь В. Даль в следующей статье: «**гове́д(т)ник** м. арх. санный вязок? **Говета́н**, вичевая вервь, для связи козел семожьих заборов» [Даль I: 363]. Можно думать, что расположение рядом двух лексем *гове́д(т)ник* и *говета́н* означает авторское предположение об их связи, при этом помещение *т* в скобках вслед за *д* в слове *гове́д(т)ник* можно толковать не как вариантность, а как обозначение предположения о вторичности *д,* заменившего первичное *т,* унаследованное от *говета́н.* Действительно, вариант *гове́тник* не зафиксирован, но, с формальной точки зрения, источником слова *гове́дник,* в соответствии с сопоставлением,

предложенным Далем, может быть именно **гове́тник*. Озвончение *т* > *д* обусловлено народноэтимологической ассоциацией с *гаведь* ‘гадость, пакость’ (ассоциация по близости санного вязка к хвосту лошади, см. ниже о *говенник*); и для **гове́тник*, и для *гове́дник* возможно фонетическое преобразование в *гове́нник,* причем фонетическому изменению *дн* > *нн* сопутствует ассоциация с *говно* — см. объяснение носителей диалекта, приведенное в словаре*:* «Это говенник потому, что у лошади у хвоста» [АОС 9: 170, *гове́нник, говённик*]. Таким образом, формально выстраивается цепочка последовательных фонетических вариантов (ср. выше): *говета́н*– *гове́тник/гове́дник*– *гове́нник*– *гове́льник*– *гове́йник.*

Очевидно, следует обратиться к семантическому соотношению слов *гове́дник* и *говета́н.* Значения *гове́дник, говенник* приведены выше. Для *говета́н,* помимо указанного выше Далем, существуют следующие описания*:* ‘плетенная из прутьев веревка, которой скрепляют расщепленные концы свай «забора» (перегородки, устанавливаемой поперек реки для ловли семги)’: «В расщепье каждой пары противоположных друг другу свай в обоих рядах вкладывают по горизонтальному бревну…, а затем края расщепов стягиваются веревкою, называемою: *говета́н.* В образуемые говетаном петли пропускаются… бревна». Арх. Подвысоцкий [СРНГ 6: 254]. Известен также вариант *говита́н*, отличающийся от *говета́н* по значениям: ‘силок, петля для ловли зайцев’ (волог.), ‘шнурок (тесемка, цепочка. ленточка), на котором носят крест’ (волог., сев.-двин.), ‘шнурок с разноцветными матерчатыми треугольниками или с нанизанными на него катушками, который хозяин надевает на шею овцы, чтобы отличить свою овцу от остальных овец в стаде’ (волог.) [там же]. Значение ‘тесемка, ленточка, веревочка для нательного креста’ зафиксировано в архангельских говорах и для варианта *говета́н* [АОС 9: 172], а в твер. и яросл. для варианта *гавита́н* [СРНГ 6: 84]. Известно также производное *говита́нье* ‘шелковый шнурок, которым обшивают сарафаны’ (новг.) [СРНГ 6: 254].

Этимологическое толкование слова *говетан / говитан* в [Аникин РЭС 9: 327] основывается исключительно на его употреблении как обозначения шнурка для нательного креста и соответственно сводится к генетическому отождествлению с *гайтан*. Это представляется маловероятным, поскольку затруднительно реконструировать путь преобразования структуры *гайтан* в *говета́н* / *говита́н* (что, кстати, автор РЭС и не объяснил). Более вероятно усвоение словами *говетан* / *говитан* значения ‘шнурок для нательного креста’ вследствие относительной близости его к ‘веревка (в санном креплении и в рыболовном заколе), петля’ и по созвучию с *гайтан,* тем более, что и *гайтан* известен северным говорам. В таком случае, собственным значением *говетан* / *говитан* является именно ‘веревка, петля’. Это позволяет дополнить структурное сопоставление **говетник* с *говета́н* их семантической близостью и принять реконструкцию генетической цепочки *говета́н*– **гове́тник / гове́дник*– *гове́нник*– *гове́льник*– *гове́йник.* Что касается обозначения этими словами крепления в передней части саней, то к предполагаемой мотивация по признаку связанности близка мотивация по согнутости, представленная в другом, более широко распространенном названии этой реалии

– *облук / облучек* ‘грядки на телегах, повозках, санях’, *облучни* ‘верхняя обвязка на простых санях’ [Даль II: 597]: это производные от праслав. **lęk-* / **lǫk-* ‘гнуть’ [ЭССЯ 28: 26–28].

Остается, однако, вопрос о происхождении *говетáн* / *говитáн.* Намечая возможное направление этимологизации *говетáн* / *говитáн,* приходится опираться на известные характеристики слова: территориальную фиксацию– севернорусские говоры, семантику соединения, связывания (см. выше ‘веревка, петля’) и отсутствие замеченных связей в исконнорусской и славянской лексике. Представляется возможным заимствование, наиболее вероятно– из какого-то северноевропейского языка. Вероятным источником заимствования может быть германское именное производное от и.-е. **vedh-* ‘прикреплять, связывать’ > прагерм. **vedan* ‘связывать’ > гот. *ga-vidan* ‘то же’, др.-в.-нем. *wetan* ‘связывать; запрягать’, ср.-в.-нем. *weten* то же [Pokorny I: 1116; Falk-Torp.Wrtsch.Germ.Sp[5]. 386; Kroonen. Etym. Dict. Pr. Germ. 2013], ср. восходящее к тому же и.-е. этимологическому гнезду ирл. *cobeden (< kon-vednÆ)* ‘conjugatio’ [Stokes-Bezzenberger. Wrtsch.Kelt.Sp[5].

Литература

H. Falk & A.Torp. Wortschatz der germanischen Sprachen. 5. unveränd. Auflage. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1979.

Kroonen Guus. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Liden — Boston: Brill, 2013.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. I-II. Bern, 1948–1969.

Stokes W., Bezzenbergar A. Wortschatz der keltischen Sprachen. 5. unveränd. Auflage. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1979.

Zhanna Zh. Varbot
Vinogradov Russian language Institute of Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
zhannavarbot@yandex.ru

ON ETYMOLOGY OF SOME NORTHRUSSIAN DIALECT LEXIC GROUP (IN DAL’S TRACK)

The article presents etymological analysis of the northrussian dialect lexical group *говéнник*, *говéйник*, *говéльник, говéдник* ‘scarf that ties bended ends of front runners in sledge (in form of rote)’. The basis of etymological interpretation is *говетáн* ‘rote scarf in fisherman’s device’ cited by V.Dal in the dictionary article *говéд(т)ник* ‘scarf in sledge’. The word *говетан/ говитан* has another meaning ‘trap, rote’. Dal’s comparison is interpreted as indication of genetic connection of words and also of initial form *говéтник.* So the next transformation is supposed: *говетáн– *говéтник / говéдник–*

гове́нник– гове́льник– гове́йник. Fo*r гове́тан* the loan-word is supposed, probable of Germanic noun derived from Protogerm. *vedan ‘tie’ (Got. *ga-vidan, OHG wetan*, MHG *weten).*

Key words: dialect lexicon, etymology, phonetic transformations, loan-words.

References

H.Falk & A.Torp. Wortschatz der germanischen Sprachen. 5. unveränd. Auflage. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1979.

Kroonen Guus. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Liden — Boston: Brill, 2013.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. I-II. Bern, 1948–1969.

Stokes W., Bezzenbergar A. Wortschatz der keltischen Sprachen. 5. unveränd. Auflage. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1979.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Л. В. Куркина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

ОБ ОДНОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ АРХАИЗМЕ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ[1]

В некоторых русских диалектах в глаголах, засвидетельствованных в приставочной форме, сохранился глагол **леть*, *лею*, неизвестный славянским языкам. Далеко отстоящие друг от друга значения приставочных глаголов *заослеть*, *слеть*, *полеть* стали результатом сложных семантических преобразований, которые восходят к первоначальному обозначению особого состояния, вызванного воздействием тепла и влаги. Глагол *леть*, *лею* (< и.-е. **lē-* ‘вялый, слабый’), ставший производящей основой для прилаг. **lětъ(jь)* (~ лит. *lẽtas* ‘медленный, медлительный’, ‘тихий, спокойный’), восполняет материал, необходимый при объяснении этимологически трудных слов, к их числу относятся рус. диал. *леть* ‘теплая вода’, *слеть* ‘погода’, *слетиться* ‘согреться’, а также слав. **lěto*.

Ключевые слова: русские диалекты, этимология, архаичные лексемы

Русские диалекты, занимающие периферийное положение по отношению к остальному славянскому миру, хранят архаичные лексемы, слабо засвидетельствованные или утраченные славянскими языками. Некоторые из архаизмов сохраняются в скрытом виде в составе производных, не соотносимых друг с другом в составе русского словаря по причине неясности внутренней формы. По отношению к каждому из диалектизмов в отдельности возникают вопросы, они касаются морфемного состава, структуры корневой морфемы, семантики и т. п. К восстановлению структуры и семантики таких локально ограниченных образований подводит в первую очередь сопоставительный анализ лексического материала, предоставляемого лексикографическими источниками.

Предметом нашего рассмотрения станут изолированные в составе русского словаря глагольные образования неясной структуры, семантически весьма удаленные

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 19–012–00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантическиц и этимологический аспекты в лексикографическом представлении».

друг от друга. При отсутствии очевидных или отдаленных славянских связей, они не привлекали к себе внимания этимологов. Между тем эта лексическая группа представляет несомненный интерес как в плане реконструкции словарного состава праславянского словаря, так и в плане понимания исходных этимологических связей.

В «Архангельском областном словаре» находим гл. *заосле́ть, -ею, -еет* ‘покрыться жирным налетом, засалиться’, который определяется как синоним к *зажиреть* ‘покрыться жиром’ (ср. *А заосьлет подушка, только блесьтит, как хромова*; *Рубаха-то фся заосьлела*). Тот же глагол с другим показателем основы — *заосли́ть(ся)* приводится с тем же значением, что *заосле́ть* (ср. *Крушка заосьлила*, *грезна*; *Штоб не заослилось точило*, *мы йего водой смачивайем*) [АОС 18: 259–260]. Глагольные показатели *-ети*, *-ити* характерны для отыменных образований, последний пример *Штоб не заослилось точило*, *мы йего водой смачивайем* наводит на мысль о вторичном сближении по народной этимологии с *о́сла́* ‘точильный камень в виде бруска’ [СРНГ 24: 19] и оформлении глагола как производного от этого имени.

В составе глагола, несомненно, поддается выделению приставки *за-*, *о-*, но остается непонятной основа глагола — входит ли *с-* в состав корня, или это приставка. В словаре Даля находим гл. *слѣть* (влад.), значение которого определяется словами ‘не тлеть, не таять, а маяться, нежиться в пару, в сыром тепле или преть, потеть под солнцем’, ср. *Все косточки слеют в бане на полке*; *Полотна на стлище по вешнему насту или по траве слѣютъ*, пускают пар и белятся [Даль IV: 229]. В СРНГ приведены примеры из словаря Даля и выделены два значения — ‘нежиться в пару, в сыром тепле или преть, потеть под солнцем (о человеке)’ и ‘отбеливаться, будучи постланным весной по насту или траве (о полотне)’ (ср. влад. *слеют полотна*, 1848 г.). В этом же словаре выделено еще третье значение — ‘лежать, будучи поставленным, разостланным (о скатерти, холсте и т. п.)’, ср. *Я онды сняла настольник*, *а то ен все слел*; *Не сымай*, *нхай*, *слить*! *Холсты слять*) [СРНГ 38: 273]. Вероятно, при общей неясности контекстов, из-за трудностей с пониманием того, что стоит за гл. *слять*, *слить* в этих очень коротких фразах, прослеживается попытка понять глаголы и смысл высказываний через соотнесение с гл. *стлать*, и на такое понимание настраивает сочетание глагола с именем *настольник* ‘скатерть’ [СРНГ 20: 195], в отношении которого наиболее типично действие, обозначаемое гл. *покрывать*, *расстилать*, *снимать* и т. п., а не *преть*. Однако более определенно выраженная семантика глагола в двух предыдущих примерах ‘преть’, ‘парить’, ‘отбеливать’, наводит на мысль, что и здесь имеет место тот же процесс (*Холсты слять*). По существу этот пример может быть иллюстрацией второго значения.

Дальнейшие поиски подводят к глаголу с приставкой *по-* — *поле́ть*, несврш., приведенному в [СРНГ 23: 64] в значении ‘портиться, образовывать дупло (о зубах)’, ср. *У меня зубы полеют* (вят., 1903), ‘выдыхаться, утрачивать вкус и запах (о пиве)’ (волог.). Особого внимания заслуживает пример, любезно предоставленный И. Б. Качинской из картотеки «Архангельского областного словаря»: *До́ма чё пороблю*, *то полею*, *то полежу́*, *то подеру́ лохмо́тья* (Усть. Брз.). В этом примере

не совсем ясно значение гл. *полею*. На помощь приходит общий контекст, в котором противопоставлены глаголы, передающие активное состояние говорящего (*пороблю*, *подеру́*), и следующие друг за другом гл. *то полею*, *то полежу́*, значение которых можно передать синонимами *неможется, недужится*, *нездоровится*, антонимы к *бодрствовать*.

Гл. *по-леть* ясно указывает на исходный гл. *леть, лею*, по нашим наблюдениям, нигде не засвидетельствованный в простом виде и нигде не отмеченный в этимологической литературе. Этот глагол с затемненной внутренней формой утрачен. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на приведенный в [СРНГ 17: 93] гл. *лиять*, *ли́ю*, *ли́ешь* в значении ‘дремать, хотеть спать’ (арханг.). По причине неясности редкого глагола могло произойти сближение по народной этимологии с близким по форме гл. *лить*. Этому способствовала форма 1 л. гл., ср. **lějǫ*, *liti* (ср. ст.-слав. лити, лѣѭ ‘лить’), вторичный вариант **lьjati*, *lějǫ* [ЭССЯ 15: 157–158]. Можно предположить, что это глагол в несколько измененной форме, вызванной сближением с гл. *лить*, несет след утраченного глагола с исходной формой ***lěti*, *lějǫ*. Значение могло возникнуть на основе образного употребления первонач. *леть* ‘потеть’ > ‘таять’ > ‘находиться в расслабленном состоянии’, ‘дремать’.

Остается неясной семантика глагола. От углубленного понимания значения, взаимосвязи значений и причин этой взаимосвязи зависит реконструкция формы и исходного значения слова [Трубачев 2004: 124]. При восстановлении скрытой семантической первоосновы, признаков, существенных для семантики этих глаголов, мы опираемся на материал, в котором отражены результаты вторичных преобразований, обусловленных влиянием разных факторов. В приведенных материалах как будто бы противятся сближению далеко отстоящие друг от друга значения ‘покрыться жирным налетом, засалиться’, ‘нежиться в пару, в сыром тепле или преть, потеть под солнцем’, ‘неможется, нездоровится’, ‘портиться, образовывать дупло (о зубах)’, ‘выдыхаться, утрачивать вкус и запах (о пиве)’. Однако предполагая, что в данном случае речь может идти о полисемии, а не об омонимах, мы исходим из того, что при всех различиях перечисленные значения имеют общую основу, изменения в семантическом наполнении лексемы подчинены действию механизма, в основе которого лежит общее представление носителя языка о состоянии или действии, обозначаемом глаголом [Топоров 1975: 14]. Представление об общей основе, о тех характеристиках, которые в сознании говорящего связаны с гл. *заослеть*, *слеть*, *полеть*, реализуется в контекстах, разные объекты (рубаха, подушка, холст, зубы, косточки человека, человек, а точнее его физическое состояние) и изменения, которые претерпевает объект, приводят к конкретизации этих представлений. На понимание и описание того, что обозначает глагол, определенным образом влияет восприятие говорящим визуально наблюдаемой ситуации. В немалой степени этому способствуют приставки, которые привносят в семантику глагола дополнительно новые оттенки. В результате затушевывается и даже стирается изначальная семантика, на первый план выходят вторичные характеристики глаголов. Если распределить значения по степени близости к исходному состоянию, построить иерархию значений, представленных в контекстах, то, видимо,

ближе всего к конкретным представлениям о глаголах, стоит значение, передаваемое гл. *париться*, *преть*. Обозначаемые ими процессы лежат в основе изменений внешнего вида (рубаха, подушка), разрушения (зуб), в тех проявлениях, которые связаны с состоянием человека. В примерах, иллюстрирующих употребление гл. *заосле́ть* в сочетании с *рубаха*, *подушка*, *точило* речь идет не о жире как таковом, а о похожем на жир лоснящемся налете на рубашке или подушке, грязной кружке или точиле, т. е. о том, что могло быть вызвано длительным воздействием влаги, тепла и т. п. В описании больного зуба на первый план выходит визуально наблюдаемое состояние зуба, его разрушение и т. п. Этим же глаголом обозначается пиво, утратившее крепость и запах, т. е. имеется в виду слабое пиво. Применительно к человеку конкретизация представлений идет в направлении ‘утратить силу, расслабиться’ (ср. *париться* ‘изнемогать от работы; выбиваться из сил’) [СРНГ 25: 227]. Глаголы передают состояние, которое претерпевает или испытывает какой-то объект или сам говорящий, и все варианты этого состояния объединяет общий признак — изменение, вызванное воздействием тепла, влаги. Все в целом приводит к закреплению за глаголами вторичных значений, в каждом из них в скрытом виде присутствуют приметы изначального представления носителя языка о том состоянии, которое передают глаголы.

В нашем распоряжении разрозненные осколки давно распавшегося этимологического гнезда. В процессе развития из-за разрыва связей происходит обособление, вытеснение на периферию и даже утрата каких-то образований, что сопровождается перестройкой лексико-семантических отношений, активизацией образований, построенных по активным моделям, в рамках исходно единого этимологического гнезда. Степень надежности интерпретации слов, сохранившихся на русской почве в стертом, затемненном виде, «всегда зависит от степени системности тех условий, в которых возникло данное слово, и от того, насколько четко прослеживается последующая траектория слова» [Топоров 2004: 39].

Гл. ***lěti*, *lějǫ*, известный в приставочной форме лишь некоторым русским говорам (архангельским, новгородским, вологодским, вятским, владимирским), построен по модели гл. **dějati*, **vě(ja)ti*, **sě(ja)ti*, *rějati* и т. д. [Vaillant III: 267–273]. Русский диалектизм, дополняющий этот глагольный ряд, не отмечен в литературе. Особо следует отметить, что этот глагол этимологически не связан с формально близкими продолжениями гл. **lějati* ‘лить’, вторичного славянского образования от **liti* с расширением основы и вокализмом по основе наст. вр. **lějǫ* [ЭССЯ 14: 188–189].

По формальным и семантическим признакам истоки гл. **леть*, *лею* в и.-е. гнезде с основой **lē-* ‘вялый, слабый’, ‘тихий, спокойный’. В составе этого гнезда, распавшегося на отдельные, относительно самостоятельные группы, слав. **lětъ(jь)* (~ лит. *lẽtas*), **lěnъ* (рус. *ленивый* ~ лит. *lė́nas*, *lẽnas* ‘спокойный, тихий’, ‘медленный, медлительный’) [Pokorny 666; Fraenkel 355], возможно, **lětь* (укр. *літь*, рус. *леть* ‘течка у животных’) [Sławski IV: 70].

Русский диалектизм, редкий, неизвестный славянским языкам, открывает новые возможности в понимании истоков некоторых этимологически трудных слов.

Он восполняет отсутствие материала, необходимого при восстановлении распавшихся связей слов. Остановимся на некоторых образованиях, допускающих родство с диал. **lěti*, *lějǫ*.

Ориентиром в поисках родственных образований служит семантика гл. **lěti*, *lějǫ* и структурные особенности того ряда глаголов, к которому он принадлежит. При изучении лексического материала привлекает внимание одна группа слов, которая, как представляется, передает состояние тепла и влаги и, таким образом, имеет общую семантическую основу с гл. **леть*, *лею* — рус. диал. *леть* ‘лето (теплое время года)’, ‘о теплой воде’: Садись, не бойся: вода — *леть,* брян..) [СРНГ 17: 21] и, несомненно, связанные с ним *слеть* ‘погода, климатические условия’ (калин.) и *сле́тье* ‘лето, летняя погода’ и т. д. [СРНГ 38: 273], отыменные глаголы *сле́тить* ‘смешав холодную воду с горячей, сделать ее теплой’ (смол., брян.), *сле́титься* ‘согреться, стать теплой (о воде)’ (том., калин., казаки-некрасовцы) [СРНГ 38: 272], ‘нагреться при комнатной температуре’ [НОС 10: 87], прилаг. *сле́тний*, *сле́тный* ‘теплый, тепловатый (о воде)’ (смол., брян.), *сле́тный* ‘южный’ (олон.), производный гл. *сле́тнеть* ‘согреться, потеплеть (о воде)’ (пск., твер.), ‘согреться, стать теплой на солнце (о воде)’ (курск., дон.) [СРНГ 38: 271–273]. Соответствующие образования отмечены в славянских языках: ср. блр. диал. *ле́ціць* ‘подогревать воду’, *ле́ціцца* ‘греться, о воде’, польск. диал. *zlecić się* ‘стать теплым’, слвц. диал. *zl’ecic* ‘чуть-чуть подогреть, сделать теплым’, объясняемые в ЭССЯ как производные от несохранившегося прилаг. **lětъ(jь)* ‘теплый’ [ЭССЯ 15: 8]. По всем признакам, структурным и семантическим, русский диалектизм **леть*, *лею* стал производящей основой для предполагаемого прилаг. **lětъ(jь)*, которое сложилось как производное на *-t* от гл. **lěti*, *lějǫ*, в качестве соответствия приводится лит. *lẽtas* ‘медленный, медлительный’, ‘тихий, спокойный’ [Pokorny 666; Fraenkel 355]. Глаголам этого ряда известно образование прилагательных этого типа: ср. словен. *sę̑ten* (< **sětьnъ* ‘относящийся к сеянию’ = лит. *sẽtinas* то же) от гл. *se(já)ti* ‘сеять’; *vetni* ‘ветреный’ от гл. *vę́ti* ‘веять, о ветре’ [Bezlaj III: 223; IV: 306–307].

Рус. диал. *леть*, *лею* вместе с производными дает дополнительный материал при выяснении истоков этимологически трудного слав. **lěto.* Известно немало этимологических версий, подробный обзор которых можно найти в этимологических словарях [Фасмер II: 488–489; ЭССЯ 15: 10–11; БЕР III: 592; ESJS 7: 415]. Очень кратко обозначим подходы к объяснению слав. **lěto*, признаваемые в литературе формально и семантически неубедительными: **lěto* от **liti* ~ лит. *lytùs*, *lietùs* ‘дождь’ [Miklosich 167]; **lěto* ~ шв. диал. *låding* ‘весна’ < прагерм. *lēþ*, и.-е. *lēto* [Mikkola 1908: 360–361; Pokorny 680]; **lěto* ‘лето = прекрасное время’ ~ лат. *laetus* ‘прекрасный’ [Machek 328] и др. Г. Якобсон в монографии, посвященной слав. **lěto*, и в других работах [Jacobsson 1947; Jacobsson 1960: 189–195] на основе большого фактического материала приходит к выводу, что исходным для **lěto* было значение ‘теплый, горячий’. При всем разнообразии подходов к объяснению истоков слав. **lěto* остается наиболее вероятным признаваемое А. Вайаном и поддержанное Ф. Славским понимание слав. **lěto* как изначально прилагательного на *-t* в рамках и.-е. гнезда с основой **lē-* ‘ослаблять’ [Vaillant IV: 684; Sławski IV:

70]. Русский диалектизм *лети*, *лею* подтверждает семантическую и словообразовательную связь с прилаг. **lětъ(jь)* и его производными. В пользу этой версии устойчиво прослеживаемая линия семантического развития от и.-е. **lē-* ‘вялый, слабый’, ‘тихий, спокойный’ к слав. ***lěti*, обозначающему состояние тепла и влаги, и далее к **lěto*, названию теплого времени года, сезона тепла и дождей. Вариативность основ *с-леть*, *леть* и слав. **lěto* служит дополнительным аргументом в пользу субстантивации исходного прилаг. **lětъ(jь)*. Ф. Славский включает слав. **lěto* в ряд образований субстантивированных прилагательных на *-to*: ср. **bolto* (~ лит. *báltas* ‘белый’), **zolto* ‘золото’: *zoltь* (~ лит. диал. с апофонией *žel̃tas* ‘золотой’) и т. д. [Sławski. Zarys 2: 39–40].

Название одного из годовых сезонов **lěto* является славянским новообразованием, для него отсутствуют точные лексико-семантических соответствия в индоевропейских. языках. И это относительно позднее название своими корнями восходит к формированию структуры годовых сезонов в индоевропейскую эпоху. Для древнейших индоевропейских языков характерна трехчленная система времен года: **u̯esr-/n-* ‘весна-лето’, **sen-* ‘лето-осень’, **g’(ʰ)eim-* ‘зима’. В большинстве индоевропейских языков, в том числе и славянских, сохраняется и.-е. название весны, зимы, осени, но возникает новое отдельное название для летнего сезона и таким образом появляются названия четырех сезонов года [Гамкрелидзе-Иванов II: 853–8541].

Как видим, лексическое богатство русских диалектов служит неисчерпаемым источником материала при этимологизации славянской лексики. В периферийных русских диалектах сохраняются архаичные лексемы, неизвестные славянским языкам, которые расширяют состав праславянского словаря и выполняют роль связующего звена при объединении разрозненных образований в единое этимологическое гнездо.

Литература

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Топоров В. Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004.

Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004.

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. I-V. Ljubljana: Mladinska knjiga. Založba ZRC, 1976–2007.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1–19. Hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha: ACADEMIA. Nakladatelství Akademie věd České Republiky, 1989–2018/

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. T. I–II. Heidelberg, 1955–1965.

Jacobsson G. Le nom de temps **lěto* dans les langues slaves. Uppsala, 1947.

Jacobsson G. Polysemie und semantische Struktur. Betrachtungen anlässlich des slavischen Wortes **lěto* // Scando-Slavica VI, 1960.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.

Mikkola J.J. Zur slavischen Wortkunde // Jagić–Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagica. 1908.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-II. Bern, 1959–1969.

Sławski F. Słownik etymologicny języka polskiego. T. I-V (*A-Ł*). Kraków: Nakładem towarystwa miłośników języka polskiego, 1952–1982.

Sławski F. Zarys słowotwórstwa Prasłowiańskiego // Słownik praslowiański. T. II. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolinskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1976.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. I-V. Paris, 1950–1977.

Принятые сокращения

блр. — белорусский, и.-е. — индоевропейский, лат. — латинский, лит. — литовский, польск. — польский, прагерм. — прагерманский, рус. — русский, слав. — славянский, словен. — словенский, слвц. — словацкий, ст.-слав. — старославянский, укр. — украинский, шв. — шведский

Liubov' V. Kurkina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia? Moscow)
lyukurkina@rambler.ru

ABOUT A LEXICAL ARCHAISM OF RUSSIAN DIALECTS

In some Russian dialects, a verb *леть*, *лею* unknown to Slavic languages has been preserved in verbs attested in the prefixed form. The meanings of prefixed verbs *заослеть*, *слеть*, *полеть* that are far apart from each other have become the result of complex semantic transformations that go back to the original designation of a special state caused by the influence of heat and moisture. The verb **lěti*, *lějǫ* (< i.-e. **lē-* 'sluggish, weak') which has become the generating basis for the adjective **lětъ(jь)* (~ лит. *lẽtas* 'slow, quiet, calm'), fills in the material necessary for explaining etymologically difficult words, including Russian dial. *леть* 'warm water', *слеть* 'weather', *слетиться* 'warm up, about water', and also slav. **lěto*.

References

Bezlaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Eymological Dictionary of Slovenian language]. T. I-V. Ljubljana, 1976–2007 (in Slov.).

Etymologický slovník jazyka staroslověnského [Etymological Dictionary of Old Church-slavonic Language]. Seš. 1–16-. Praha, 1989–2012- (In Czech.).

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. T. I-II. Heidelberg, 1955–1965 (in German).

Jacobsson G. *Le nom de temps *lěto dans les langues slaves* [The name of the year **lěto* in Slavic languages]. Uppsala, 1947 (in French).

Jacobsson G. *Polysemie und semantische Struktur. Betrachtungen anlässlich des slavischen Wortes *lěto* [Polysemie and semantic structure. In relation to slav. **lěto*] Scando-Slavica VI, 1960 (in English).

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of Chehian Language]. Praha, 1997 (in Cech).

Mikkola 1908 — *Mikkola J. J. Zur slavischen Wortkunde* [About the origins of the Slavic word] // Jagić–Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. 1908.

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological dictionary of Slavic languages]. Wien, 1886.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch *(Indo-European Etymological Dictionary]. Bern-München: Francke, 1959 (in German).*

Slawski F. *Słownik etymologicny języka polskiego* [Etyological dictionary of the Polish language]. T. I-V (A-Ł). Kraków: Nakładem towarystwa miłośników języka polskiego, 1952–1982 (in Polish).

Sławski F. *Zarys słowotwórstwa Prasłowiańskiego* [An Essay of Wordformation of Common Slavic Language]. *Słownik prasłowiański* [Common Slavonic Dictionary]. Vol. II. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolinskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1976 (in Polish).

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves* [Comparative grammar of Slavic langueges] Vol. I-V. Paris, 1950–1977 (in French).

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

ПОЛЕМИКА

А. Ф. Журавлёв
Институт славяноведения РАН,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
afzhuravlev@yandex.ru

НАДПИСЬ НА РУЧКЕ ТАМАНСКОГО КУВШИНА И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОКАЗАНИЯ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

В статье содержится подробная критика одной из интерпретаций короткой кириллической надписи на фрагменте керамического сосуда XI в., обнаруженного при археологических раскопках на городище средневекового города Тмутаракань (дельта реки Кубань). Анализируемый вариант интерпретации представляется неудачным как с точки зрения содержания, так и из-за многочисленных погрешностей в самих лингвистических доказательствах (морфонологии, словообразовании, семантике). Автор предлагает шире использовать лексические и словообразовательные данные народных говоров в системе аргументации.

Ключевые слова: тмутараканская надпись, толкование, тюркизм, кодифицированный идиом, диалект, лексика, морфофонология, словообразование, семантика.

Настоящие заметки посвящены проблеме корректного использования диалектных данных в лингвистической аргументации. Поводом для их написания стала статья [Иткин 2020], в которой выдвинуто новое истолкование кириллической надписи на ручке глиняного сосуда, найденного в 1985 г. при раскопках Таманского городища (см. [Медынцева, Чхаидзе 2008]). Читаемая как ⟨…⟩***дюшьник***⟨ъ⟩, она представляет собою «правый» остаток слова, служащего, по-видимому, именованием сосуда и производного, как «с известной долей вероятности» предполагают публикаторы, от др.-русск. *кадь* (восходящего к греч. κάδος ‘сосуд; бочонок’). Оправданно (об этом ниже) усомнившись в достоверности этой идентификации, И. Б. Иткин предложил понимать инскриптуру иначе: ⟨*кенъ*⟩*дюшьник*⟨ъ⟩, — полагая трактуемое слово производным от тюркизма *ке́ндюх* ‘блюдо из свиного (реже — говяжьего) желудка с начинкой’ и проч. и усмотрев в нём значение ‘сосуд для приготовления ~ хранения кендюха’ / ‘(сосуд, где хранится) блюдо из кендюха’.

Новое чтение представляется, однако, ещё менее достоверным.

Прежде всего обращает на себя внимание, что археологи описывают раскопанный предмет как «фрагмент ручки лощёного кувшинчика». Вместимость сосуда, которому принадлежала ручка, точно определить невозможно, но уменьшительная форма от *кувшин*, которою они воспользовались для его характеристики, указывает скорее на незначительные размеры. И далее: «на Руси подобные сосуды обычно использовались для хранения и транспортировки вина или масла, а иногда и благовоний» [Медынцева, Чхаидзе 2008: 101]. Если основываться на том, что публикаторы надписи более или менее верно установили конструктивные черты сосуда, то настораживает обстоятельство, которое автор нового прочтения игнорировал: «*Кувшин* ⟨…⟩ сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом, с ручкою и носком ⟨…⟩» [Даль3 II: 540], «*Кувшин* ⟨…⟩ высокий сосуд, суживающийся кверху ⟨…⟩» [Ушаков 1: 1540]. Узкогорлые керамические ёмкости служат для размещения жидких или, намного реже, сыпучих субстанций. Представить себе кувшин «с пережабиною», да ещё малого размера, в котором размещается плотный фаршированный желудок, можно только обладая раскованным воображением. Как втискивали его туда, а тем более как извлекали назад? Свиной желудок в стандартных параметрах служит вместилищем свыше 4 килограммов ингредиентов — рубленого мяса, жира, ливера. Предположим, однако, что автор изложенной выше гипотезы имел в виду не готовый «кендюх», а только фарш для него. Если содержимое налипало на внутренние стенки «кувшина», предписанного для приготовления или хранения блюда, то как при непрозрачности сосуда устанавливалось — предположим, начинку вытряхивали — невытряхнутое её количество, которым можно было бы пренебречь, какие приёмы и какой тьмутараканский инструментарий при очевидном неудобстве кувшинных форм использовались для выскребания остатков? Вопросы праздные. В гастрономическом отношении регионализмы укр. *ке́ндюх*, белорус. *кін(ь)дзю́к*, *ке́ндзюх*, *кэндю́х*, *кельдю́х*, рус. *ке́ндюх* (включая, замечу, и регистрации в кубанских говорах: [Борисова: 88]), *кеньдюх*, *киндю́к*, *кандю́к* обозначают не наполняющую субстанцию (фарш), а чаще уже оформленное блюдо (если «блюдом» считать, например, батон колбасы), более того — «кендюх», обработанный желудок, сам служил вместилищем для консервируемого продукта: «Кіндзюк у свіні; яго вымаюц[1] і накладаюц мяса на лета», «Кіндзюк напхаем і падвесім» [СПЗБ 2: 462][2]. Ещё некоторые уточнения: слуцкий *кіндзюк* — это «нядробна пакрышанае свіное мяса з прыправами, напханае ў ачышчаны свіны страўнік і правяленае» [Германовіч, Шуба 1979: 66;

[1] ‘Вымоют’ или ‘вынимают’? Простановкой ударений в текстуальных иллюстрациях многие диалектные словари, к сожалению, пренебрегают.

[2] Отсюда, в прямой зависимости от семантического признака именно оформленности, — значения ‘живот, брюхо; отвислый живот’ и, далее, тропеический переброс на его обладателя, человека: белорус. ‘брухаты, пузач’, ‘хто нізкага росту’, укр. ‘вайлувата людина’ (в противоположность ономасиологической модели, по которой характерологические именования человека отталкиваются от названий «неоформленной» еды: *кисель*, *размазня*, ср. также сленговое *фарш* ‘толстяк’ [Елистратов: 502]).

здесь и далее разрядка в цитатах моя. — А. Ж.]. Никакой специальной посуды для его изготовления, вяления и хранения, следует заметить, не упоминается. Догадка И. Б. Иткина о материальном назначении таманского сосуда выглядит неприемлемой.

Вопросы вызывают и поиски тюркских истоков слова ⟨…⟩***дюшьник***⟨ъ⟩, ни полная основа которого, ни морфемная членимость сохранившегося фрагмента не известны.

Выбор слова *кендюх* в качестве базы для восстановления целого объясняется (с. 223) тем, что это «в восточнославянских языках… едва ли не единственная[3] лексема, удовлетворяющая всем необходимым условиям» надёжной реконструкции, помимо прочего — из-за наличия в разгадываемой надписи «редчайшего для столь раннего времени сочетания ***дю***», позволяющего сузить область лексического поиска. В интернете оказалось нетрудным найти нужное производное *кендюшник* (западноукраинское сельское блюдо — «густой суп с кендюхом, овощами и другими ингредиентами»). Однако «удовлетворяющими условиям» (всем ли?) можно счесть и иные лексемы. Если иметь в виду наружное сходство слов, то с таманской надписью полностью совпадают «правые» части диалектных ботанических обозначений *дедю́шник* ‘Cirsium oleraceum, семейства сложноцветных, бодяк огородный’ [Даль3 I: 1268; СРНГ 7: 332; согласно Анненкову — вятск.] (иначе *дедовник*), и новг. *редю́шник* ‘ботва редьки’ [СРНГ 35: 25]. В статье И. Б. Иткина они не упомянуты даже как формальные параллели — может быть, потому, что автору статьи остались не известными. Поскольку ботва редьки посевной / огородной, листья и молодые стебли бодяка огородного / овощного обладают кулинарными свойствами (используются для приготовления салатов, окрошки, супов), эти фитонимические образования могли бы составить конкуренцию выбранному И. Б. Иткиным *кендюх*’у. Если исходить из позиций автора новой интерпретации, поздний по языковым меркам характер приведённых ботанических имён не может оказаться помехой для конкуренции, поскольку у слов *кендюх* и *кендюшник* проблемы с возрастом в общем сходные. Как бы то ни было, шансы у тюркизма *кендюх*, развивающегося далее в таманское **кенъдюшникъ*, были оценены автором предпочтительными.

Археологи, публикаторы надписи, датируют её второй половиной XI в. — «„русским“ периодом в истории Таманского городища». Для этого времени мы располагаем слишком малыми возможностями судить о характере восточнославянско-тюркского лексического обмена в Северном Причерноморье и Приазовье, особенно в области бытовой лексики. Историю и траекторию слова *кендюх* восстанавливают следующим образом. Его источник — тур. диал. *киндик* ‘пуп’, суффиксальное (**-tik*) уменьшительное к общетюрк. **kin* [ЭСТЯ *К–Ḳ*: 68–69; СИГТЯ Лексика: 279–280]. Из турецкого языка слово «могло проникнуть в украинский»,

[3] Мне представляется, что выражение *едва ли не единственный* едва ли не во всех контекстах нужно понимать как ‘единственный известный мне, хотя теоретически допускаю, что могут существовать другие такие же’.

оно существует «в ряде языков, соседних с русским (например, в казахском), а также в караимском (в том числе в тракайском говоре), соприкасающемся с белорусским. Белор. (и русск.) *-ю-* могло возникнуть по аналогии с другими образованиями на *-ук* (*пацюк*, *сябрук*, *сундук* и др.). Проникновение из украинского в белорусский маловероятно, поскольку там иное оформление слова» [Супрун 1974: 77]. Далее слово попало в польский и литовский языки. См. также [Brückner: 230; ЕСУМ 2: 423; ЭСБМ 5: 34]. Формальный облик восточнославянских отражений тюркского слова, включая вокализм первого слога и акцентную вариативность, в этимологической литературе обсуждается мало. Объяснимо уклончив и И. Б. Иткин. По поводу скрытого от нас начального слога в надписи он, не прибегая к точной, «орфографической» его реконструкции, сообщает лишь о разных отражениях иноязычного, в праславянском невозможного, сочетания «*к* + *е* + *н*/*м* перед согласным» и иллюстрирует их примерами др.-рус. *декабрь*, *декамбрь* и т. д., *китоврасъ* и ст.-слав. **кенътоурионъ**, а об ауслаутном колебании *х* ~ *к* в тюркском заимствовании несколько загадочно говорит: «первичным с равным успехом может быть любой из этих двух вариантов» (с. 224) (в работе [Супрун 1974: 76], кстати, появление *-х* на месте *-к* объясняется возможным влиянием других обозначений внутренностей — *бебехи*, *тельбухи*).

Как видим, в бытовании тюркизма *кендюх* на славянской территории ясного немного, никаких указаний на его сколько-нибудь раннее, до самостоятельности восточнославянских языков, появление попросту нет, но это не затруднило автора новой интерпретации сделать частью истории слова его существование в дельте Кубани уже в XI в., при этом с анлаутом *ке-* (пусть под «орфографическими» сомнениями) и ауслаутом *-х(ъ)*, уже удалившимися от тюркского образца. «Заимствование кулинарного термина», пишет он, «могло произойти сколь угодно рано» (с. 223).

Версия чтения инскриптуры на таманской керамике, которую предложил И. Б. Иткин, не реалистичная в содержательном плане, малонадёжна и в историческом обосновании. Однако есть резон продолжить наблюдения над его аргументацией, перейдя от обсуждения идеи к взгляду на её текстуальное овеществление.

Автор новой интерпретации видит чтение таманской надписи А. А. Медынцевою и В. Н. Чхаидзе уязвимым в трёх моментах — морфонологическом, словообразовательном и семантическом. Последний состоит в отсутствии ответа на вопрос: какое, собственно, значение можно приписать получающемуся в их реконструкции слову **кадюшьникъ*?

В морфонологическом плане отвержение слова *кадь*, точнее, его корня, как основы для прочтения утраченной части надписи, И. Б. Иткин объясняет тем, что оно «входит в большую группу существительных III склонения, не сохраняющих мягкость конечной согласной основы ни перед какими суффиксами» (с. 223; здесь автор отсылает читателя к собственной статье о мягких основах: [Иткин 2007: 66]), и не может дать сочетания *-дю-* (ср. *кадушка* и др.). Неточность возражения в том, что мягкость корневого [-д’-] в предсуффиксной позиции всё же сохраняется (прилагательное *ка́девый* / *кадево́й*), но — лишь перед суффиксом *-ов-* (/*-ев-*),

соединения с которым в статье 2007 г. трактуются как особый случай и выводятся за пределы анализа. В комментируемой же статье это особое обстоятельство не упоминается — либо по невнимательности, либо из расчёта на добротное, до мелких деталей, знание читателем прежних публикаций автора, — и он, читатель, оказывается перед суждением, высказанным некорректно. Недостаток будто и невелик, просто некоторая поправимая небрежность. Но трудность в том, что предложенная аргументация исходит из закономерностей, наблюдённых лишь на материале литературного языка. Имея дело с материалом некодифированной «лектной» формации (а случай с «*кендюхом*» и проч. именно такой), исследователь должен оперировать характеристиками соответствующего категориального пространства. В диалектах у слова *кадь* морфонологические свойства иные, чем в литературном языке, к показаниям которого апеллирует автор. В архангельских и вологодских говорах известно производное от него прилагательное *ка́дний*: *ка́днее молоко* ‘молоко, скисшее без заквашивания и слитое в кадку на корм скоту’, ‘творог, сыр’ [СРНГ 12: 299] (датированные регистрации относятся к середине и второй половине XIX в.); в ярославских говорах также *ка́дневый*: *кадневое молоко* [ЯОС *К—Лиова*: 6]. Графическая единица ***д*** в записи с *-дн-* перед передним гласным лишь внешне выглядит «твёрдой», отдавая дань принятой орфографии: даже прогрессивная современная норма предписывает произношение слова, например, *задний* с [дʰнʰ] [ОС: 154]. Соположение *кадний* : *кадный* (ср. *кадное молоко* [СРГМ 2013, I: 333]), копируя соотношение *последний* (король) : *наследный* (принц), говорит о чрезмерной жёсткости морфонологических суждений И. Б. Иткина: бедный репертуар морфемной синтагматики в литературном лексиконе не даёт корню слова *кадь* обнаружить морфонологические свойства, которые выявляются при обращении к диалектным данным. В лексиконе говоров Карелии в соседних столбцах встречаются записи форм *ка**дца*** — *ка**дьця*** — *ка**дьца*** и *ка**дцы*** — *ка**дци*** — *ка**дьцы*** [СРГК 2: 311]; можно полагать, что по меньшей мере некоторые из них отражают мягкость взрывного переднеязычного, какими бы условиями её ни объяснять. Не будет сильным метафорическим преувеличением сказать, что основа *кад’-* в этом случае ведёт себя как бы вспоминая своё родство: произношение «по правилам» лишает её опознаваемости (в отличие от лучше защищённых от омонимических смешений форм вроде *прохладца*). Сильным аргументом в пользу сохраняющейся мягкости предсуффиксного корневого [д’] выглядят лексикализации форм, где [д’] перед мягкими губным и переднеязычным испытал замену другими мягкими согласными: *сва́йба*, *сва́льба*, *сва́льва*, *сва́рьба* ‘свадьба’ с дальнейшими производными [СРНГ 36: 204, 215][4], *уса́льба*, *уса́рьба* ‘усадьба’, ‘луг за домом’ и др. с производными [СРНГ 48: 41; Мораховская 1996: 102], даже *кла́йбище* ‘кладбище’ [СРНГ 13: 264], наконец, арханг. *ка́**рн**ий* (= *кадний*) в выражении *ка́**рн**ее молоко* [СРНГ 13: 96] (в записи 1907 г.), где мягкость или «полумягкость» [р’] я найду допустимой. При таком положении вещей встреча с не

[4] «Орфограмма» *сварба* в «наивном письме» носителя диалекта отражает, по замечанию Л. Э. Калнынь, реальную мягкость [р’] [Калнынь 2000: 51].

отысканной ещё диалектной формой вроде **кадюшка* ‘кадка’ не станет очень уж большой неожиданностью[5].

Критика уязвимых сторон чужой позиции сама, как видим, оказывается уязвимой.

Лексическая реконструкция, которую предложили А. А. Медынцева и В. Н. Чхаидзе, подвергается у И. Б. Иткина критической оценке со словообразовательной точки зрения. На этот раз его аргументация основана на заблуждении. Он пишет: «С точки зрения словообразования не усматривается никаких причин для использования очень редкого составного суффикса *-уш-ник* вместо обычного *-ник*» (с. 223), поэтому он принимает принадлежность графического сегмента *-юш-* в ⟨…⟩***дюшьник***⟨ъ⟩ не аффиксальным элементам, а корню (допускаю и обратную зависимость — не «поэтому», а «потому что»). Однако суффиксальный комплекс *-уш-ник* вовсе не редкость, в одном только СРНГ обнаруживаются многие десятки (больше сотни?) слов с таким оформлением. Не так уж трудно было бы отыскать (территориальные пометы не привожу): *горбу́шник* ‘доски-горбыли’ [СРНГ 7: 25], *загибу́шник* ‘пирог с защипанными краями’ [9: 361], *заскребу́шник* ‘пирог или лепёшка из выскобленных из квашни остатков теста’ [11: 38], *землю́шник* ‘крот’ [11: 256], *печу́шник* ‘лентяй, лежебока (любящий валяться на печи)’ [27: 11] (производящая основа та же, что в польск. *piecuch*), *поцело́вушник* ‘тот, кто любит целоваться’ [39: 368]… В контексте сказанного И. Б. Иткиным эффектно смотрятся разноместные фиксации, складывающиеся в словообразовательные пары, члены которых несут тождественные или близкие значения (в случаях с фитонимами — категориальное), но первые — с «обычным» суффиксом *-ник*, вторые с «редким составным», так сказать, «беспричинным» *-уш-ник*: *ба́бник* ‘кошачья лапка двудомная’, ‘блошница обыкновенная’ ~ *бабу́шник* ‘столетник’, ‘клевер’ [2: 25, 30], *де́вник* ‘молодой парень, любящий быть в обществе девушек’ ~ *де́(в)ушник* то же [7: 318, 320], *капе́льник* ‘повеса’ ~ *каплю́шник* ‘хитрый и льстивый человек’ [13: 51, 55], *коробники́* ‘ремесленники, изготавливающие плетёные изделия; торговцы ими’ ~ *коро́бушник* ‘коробейник’ [14: 347, 438], *коро́вник* (9 растений) ~ *коро́вушник* ‘дудник лесной’ [14: 354, 356], *нали́вник* ‘булка, лепёшка, блин, оладья, с верхним слоем более жидкого теста, сметаны’ ~ *наливу́шник* ‘пирог с наливой из кислого теста; ватрушка с творогом; лепёшка, политая яйцом’ [20: 15, 16], *ма́ковник* (4 травянистых растения) ~ *мако́вушник* ‘клевер’ [17: 312, 313], *мете́льник* ‘трава [какая?]’ ~ *метлю́шник* ‘сорные растения метлики’ [18: 137, 141], *пакостник* ~ *пакостю́шник* то же [25: 161], *плавни́к* ‘рыбак — участник рыболовного промысла плавучими сетями (на лодках)’ ~ *плаву́шник* то же [27: 69, 72], *сплетник* ~ *сплетю́шник* то же [40: 162]… Если покажется, что несколько десятков на весь сводный словарь русских народных говоров — это не так уж много, список незатруднительно увеличить ещё на несколько десятков, сто́ит обратиться к опубликованному словнику

[5] Трудно сказать, связаны ли деривационными отношениями слова *кадь* (*кадка*) и забайк. *кадёнка* ‘кладовка’ [СРНГ 12: 298], но вхождение в гнездо *кадь* слов арханг. *каде́ленка* и вятск. *каде́льница* ‘бочонок, кадка’ [Там же] — под существенно меньшим сомнением.

хотя бы одного только «Архангельского областного словаря». Вероятно, выдвигая тезис о большой редкости суффиксальной последовательности *-уш-ник*, аргументатор опирался на интуицию или, в лучшем случае, на показания «Обратного словаря русского языка» (1974), имевшего дело с литературным идиомом, где их действительно пересчитать одной руки хватит. Нет оснований упрекать И. Б. Иткина в том, что он рассматривает данные территориальных говоров как девиантные образования, которыми при выявлении характеристик и закономерностей «русского языка» можно пренебречь[6], но очевидно недостаточное знакомство с диалектной лексикой сделало свой вклад в выбор им прочтения таманской надписи (точнее, в морфемное разбиение слова).

Что же касается неувиденных причин для использования в разбираемом словесном фрагменте «очень редкого составного суффикса», то по крайней мере одна из них может состоять как раз в наличии суффикса *-(')ух*(а) у производящего, но такое чтение последовательности *-дюшьник-* И. Б. Иткин решительно отклонил. Другие истолкования возможны через спасительную квалификацию сегмента *-уш-* (*-юш-*) как асемантичной прокладки. Проблема семантически пустых суффиксов в русистике хорошо известна (кажется, с наибольшей подробностью применительно к литературноязычному материалу она рассматривалась Е. А. Земской, которая само явление называет «интерфиксацией», см. [Земская 1973: 113–129]). Бывают просто «беспочвенные» диспараллелизмы вроде *Балта* (Одесская обл.) ~ *балтский* : *Ялта* ~ *ялт-**ин**-ский*. Встречаются случаи, когда «интерфиксация» устраняет

[6] Однако позволено будет сделать замечание об отношении к отбору материала для морфонологических наблюдений в помянутой уже публикации [Иткин 2007]. В ней много предвзятости (А. К. Поливанова упрекается, например, в «диахронически-ориентированном» подходе, словно в этом есть нечто стыдное, а словообразование по само́й своей сути не является туго закрученным узлом синхронии и диахронии), упущений и поспешных неточностей, касающихся конкретных слов и гнёзд. Здесь не место делиться всеми недоумениями, которые вызывает эта трудная для уяснения авторских построений статья; ограничусь одним достаточно показательным примером. На с. 65 он уверяет, что слова *игрений* и *ковылять* вовсе (так!) не имеют суффиксальных производных. Если слова *игренка* и *игренчик*, помещённые в словарь Даля, капризный пурист отнесёт к искусственным лексемам, насильственно заполняющим пустые клетки возможной словообразовательной матрицы (за Далем такой грех как будто водился), если зарегистрированные сводным диалектным лексиконом слова *игреневый*, *игрененький*, *игренька* / *игренько* [СРНГ 12: 70] можно отбросить как формы, для литературного идиома неавторитетные (а *игреневый* в «Войне и мире» и «Хаджи-Мурате» отнести к примерам лексической неразборчивости Толстого), и по той же причине отмахнуться от слов *ковылко́м* ‘хромая’, *ковылястый* и ещё около десятка подобных [СРНГ 14: 36–38], то, даже защитив себя охранной грамотой в виде заголовочного уточнения «в современном русском языке», нельзя оправдать невнимание к словам *ковыляние*, *ковыльнуть*, *подковыливать*, освящённых помещением в морфемный словарь [Кузнецова, Ефремова: 155] и сакральный «Грамматический словарь» [Зализняк: 265] (выпускники советских вузов, добросовестно проходившие курс «истории партии», должны помнить бессмертный ленинский термин *ковыляние в хвосте* по его труду «Две тактики»). При шаткости перегородок, воздвигаемых нами между кодифицированным идиомом и диалектами (и чем глубже в историю, тем такие перегородки условнее), чуть ли не всякое описание особенностей или типологических предпочтений «данного языка», обставляющее себя частоколом оговорок, рискует проявить ущербность ракурса, а то и вообще оказаться кривым зеркалом.

столкновение омонимов (каузативом к *опустеть* служит форма *опуст-**ош**-ить*, а не закономерное **опуст-ить*, хотя создаётся патологическая формальная её зависимость от *пустошь*, диал. *пустоша*, которые несут только ландшафтную семантику). Наконец, «интерфиксы» исполняют чисто морфонологическую службу, разрежая артикуляционно неудобные морфемные стыки: диал. *пихт-**ов**-ник*[7], *лавр-**уш**-ник* ‘лавровый лист как кулинарная приправа’. Можно ли заведомо поручиться, что наше ⟨…⟩***дюшьник***⟨ъ⟩ — не именно такой случай?

Из неточностей в высказываниях, которые касаются словообразовательной семантики, в тексте И. Б. Иткина, отстаивающего свой выбор, замечается подчёркнутое, в качестве специального аргумента в дискуссии, уверение, что «названия сосудов с суфиком *-ник* образуются от названий соответствующих продуктов, — ср. *чайник*, *супник*, *соусник* и т. д.» (с. 225). Можно не знать множества диалектных номинаций сосудов — «по функции» (*наливник*, *отливник*, *сливник*; *варебник*, *обарник* ‘сосуд, в котором ошпаривают корм для скота’, *пекушник*), «по материалу, пошедшему на изготовление» (*медник*), «по вместимости» (*ведерник*, *полведёрничек*, *двойник* ‘бочонок для масла ёмкостью в 2 пуда’, *третни́к* ‘посуда вместимостью в треть ведра’), «по форме» (*долгошейник*, *носни́к* ‘посудина с носиком’, *у́шник* ‘горшок с ушками’) или «по суточному периоду использования» (*ночник* ‘посуда, в которой оставляют на ночь молоко, сметану, творог’, ‘ночной горшок’). Но непривлечение лингвистом, который публикуется в академическом издании, слов *умывальник*, *рукомойник*, *подойник*, смущает.

Рассмотренная статья рождает впечатление торопливости автора в выдвижении догадки, небрежности в осмыслении материала, неосмотрительности в доказательных суждениях.

Есть ли иные возможности прочтения таманской надписи?

Будучи рецензентом статьи И. Б. Иткина, поданной в журнал «Русский язык в научном освещении», я высказал сомнение в необходимости при чтении инскриптуры на таманском сосуде обращаться к тюркской лексике и предложил взглянуть на не замеченное тверск. *кандю́шка* [СРНГ 13: 41]. С формальной стороны оно «удобно» пересекается с надписью, а семантически, вместе с рядом соседних по деривационному гнезду диалектных лексем (*кандея́*, *канде́йка*, *канде́ечка*; у меня,

[7] Ожидаемо возражение, что диал. *пихтовник* образовано не прямо от существительного *пихта*, а от прилагательного *пихтовый*, и является результатом свёртывания словосочетания *пихтовый лес*, то есть суффикс *-ов-* унаследован от производящей единицы, а не является элементом, «вставочным» в непосредственном смысле, то есть призванным устранить произносительные неудобства (ср. их облегчение в диминутиве *пихо́тка* ‘небольшая пихта’ и др. [СРНГ 27: 57]), тем более что наряду с *ельник* существует диал. *ело́вни́к* [СРНГ 8: 344]. Но, во-первых, выстраивание словопроизводственных, с клеточками и стрелочками, зависимостей — это часто в большей мере комфортная техника описания, чем воссоздание прошлой реальности. Во-вторых, никто из нас не присутствовал при рождении существительного *пихтовник* и не скажет, от чего отталкивался сам имядатель — от слова (деривация) или словосочетания (универбация). В-третьих, сути это не меняет: соположение *ельник* : *еловник* наглядно показывает смысловую опустошённость суффикса *-ов-*, или же мы должны признать в двусуффиксном комплексе дублирование семантики притяжательности / принадлежности (в чём нет особенной проблемы).

впрочем, они не были названы), созвучно характеру изучаемого артифакта: ‘ендова’, ‘кружка’, ‘маленькая чашка’, ‘глиняная чашечка с ручкой’, ‘кадка для воды, бадейка’, ‘маленький горшок’, ‘сосуд с узким горлышком’ (и другие, уже оторвавшиеся значения). Замечательным образом в этом перечне значений выделяются все признаки таманского сосуда, содержащиеся в его описании археологами: «глиняный», «малого размера», «для жидкости», «узкогорлый», «с ручкой». То есть сравнение с *кандея*, сделанное в том же мотивном ключе, что и выбор А. А. Медынцевой и В. Н. Чхаидзе, выглядело бы семантически более резонирующим. (Слово *кандея*, укр. диал. *канді́йка*, имеет среднегреческое происхождение [Фасмер II: 179; ЕСУМ 2: 362].) Мой отзыв на первоначальный вариант статьи И. Б. Иткина носил прежде всего «анти-тюркскую» направленность, и даже фигурирование в нём формы «под звёздочкой» **кандюшник* не было рекомендацией читать таманскую надпись именно так. Сопоставление этой формы с реальным диал. *кандюшка* сопровождалось словообразовательными пропорциями *дегтярник* ‘посудина для дёгтя’ ~ *дегтярка* то же [СРНГ 7: 327], *мерник* ‘сосуд, служащий мерой’ ~ *мерка* то же [СРНГ 18: 119, 121][8], которые должны были подчеркнуть допустимость и, наверное, небесполезность принятия во внимание словесного материала гнезда *кандея* — чтобы проверить степень надёжности предлагаемых построений. И. Б. Иткин же, в последней сноске своей статьи откликаясь на внутрижурнальную рецензию, ошибочно воспринял мои замечания как конкурентную истолковательную гипотезу.

Я не возьмусь предложить прочтение **⟨кан⟩дюшьник⟨ъ⟩* (как и поддержать версию публикаторов надписи) хотя бы из неуверенности в том, что среди однословных надписей на предметах, извлекаемых археологами (в частности на тарной керамике), сколько-нибудь регулярно попадаются таксонные или «жанровые» именования самих этих предметов — «щит», «копьё», «гребень», «корчага» или «урна». Логичнее допустить в таких надписях имя заказчика или владельца изделия, мастера-изготовителя, название содержимого (для ёмкости) и под. Правда, как мы видели, этот момент не стал препятствием для А. А. Медынцевой и В. Н. Чхаидзе, которые в нечитаемой части надписи на таманском сосуде предположили корень слова *кадь*; стало быть, профессиональные археологи не рассматривают названную выше закономерность как ненарушимое правило. Можно, конечно, представить, что однословная надпись — это остаток более полной, включающей уточнение родового термина; скажем, на щите, принадлежавшем Ахиллу, имя владельца истёрлось бесследно и осталось только слово «щит», а инскрипция «сіе ведро для помоевъ поросятамъ; окурковъ не бросать» повреждена ржавчиной настолько, что удержалось лишь слово «ведро». Но и такие полиномы, думаю, редкость.

Так или иначе, надпись на ручке таманского кувшинчика до сих пор, мне кажется, не прочитана, и повод к размышлениям сохраняется.

---

[8] Список можно было продолжить парами *маслёнка* ~ диал. *ма́сленник* то же [СРНГ 17: 382], *растворка* ‘посуда для замешивания теста’ ~ *растворник* то же [СРНГ 34: 251], *макалка* ‘в гончарном производстве — сосуд с водой, в который макают тряпочку для обтирания горшков’ ~ *макальник* горшок с маслом, в который макают блины’ [СРНГ 17: 307] и под.

Источники и литература

Борисова О.Г. . Словарь кубанских говоров. Проект. Материалы к словарю. Краснодар, 2004–2005.

Германовіч І.К. ,. Шуба П.П. З лексікі вёскі Танежыцы Слуцкага раёна // Народная словатворчасць. Мінск, 1979. С. 61–73.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Иткин И.Б. Мягкие основы в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 62–72.

Иткин И.Б.. Ещё раз о надписи на ручке кувшина из Тьмутаракани // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 222–226.

Калнынь Л.Э. Об отражении языковых и графических представлений носителя диалекта в зеркале «наивного письма» // Folia slavistica. Рале Михайловне Цейтлин. [М.,] Институт славяноведения РАН, 2000. С. 46–53.

Медынцева А.А., *Чхаидзе. В.Н.* Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // Российская археология. 2008. № 1. С. 101–103.

Мораховская О.Н. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.

Супрун А.Е. К изучению тюркизмов в белорусской лексике // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 61–79.

Brückner A.. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Anatoly F. Zhuravlev
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
afzhuravlev@yandex.ru

THE INSCRIPTION ON THE HANDLE OF THE JUG FROM TAMAN AND THE LEXICAL INDICATIONS OF RUSSIAN DIALECTS

The article contains a detailed criticism of one of the interpretations of a short Cyrillic inscription on a fragment of a ceramic vessel of the XI century, which was found during archaeological excavations at the site of the medieval city of Tymutarakan (the Kuban River delta). The analyzed version is unacceptable both from the content side and because of numerous errors in the linguistic proofs themselves (morphophonology, word formation, semantics). The author suggests the rules of using lexical data of folk dialects in the argumentation system.

Key words: Tymutarakan, inscription, interpretation, Turkism, codified idiom, dialect, vocabulary, morphophonology, word formation, semantics.

References

Borisova O. G. *Slovar' kubanskikh govorov. Proekt. Materialy k slova-ryu*. [Dictionary of Kuban dialects. Project. Materials for the dictionary]. Krasnodar, 2004–2005.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Germanovich I. K., Shuba P. P. From the vocabulary of v.Tanezhitsy of the Slutsk district // Folk word-making. Minsk, 1979. pp. 61–73.

Zemskaya E. A. [Modern Russian language. Word formation]. Moscow, 1973.

Itkin I. B. [Soft basics in Russian] // *Voprosy yazykoznaniya*. 2007. № 5. pp. 62–72.

Itkin I. B. [Once again about the inscription on the handle of the pitcher from Tmutarakan] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2020. № 2. pp. 222–226.

Kalnyn' L. E. *Ob otrazhenii yazykovykh i graficheskikh predstavlenii no-sitelya dialekta v zerkale «naivnogo pis'mA»* [On the reflection of the linguistic and graphic representations of the native speaker of the dialect in the mirror of "naive writing"] // Folia slavistica. Rale M.Tseitlin. Moscow. 2000. pp. 46–53.

Medyntseva A. A., Chkhaidze V. N. [A new Old Russian inscription from Tmutarakan] // *Rossiiskaya arkheologiya*. 2008. № 1. pp. 101–103.

Morakhovskaya O. N. *Krest'yanskii dvor. Istoriya nazvanii usadebnykh ucha-stkov* [A peasant's yard. History of the names of manor plots]. Moscow, 1996.

SIGTYA: [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurk-skikh yazykov. Leksika*. Moscow, 1997.

Suprun A. E. [Towards the study of Turkisms in the Belarusian vocabulary] // *Tyurkizmy v vostochnoslavyanskikh yazykakh* [Turkisms in the East Slavic languages] Moscow, 1974. pp. 61–79.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

IN MEMORIAM

М. Л. Каленчук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
mkalenchuk@yandex.ru

СОРОК ЛЕТ РЯДОМ С ЛЕОНИДОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ КАСАТКИНЫМ

Некоторое время назад ушел из жизни Леонид Леонидович Касаткин — известный российский лингвист, специалист в области русской фонетики и диалектологии. В статье рассказывается о различных аспектах его научной деятельности, в первую очередь в области фонологии, орфоэпии и лексикографии. Долгое время он возглавлял Московскую фонологическую школу, уточнив и переформулировав многие ее положения (деление позиционных чередований на позиционно обусловленные и позиционно прикрепленные; разведение понятий дифференциальные признаки *фонем* и интегральные признаки *звуков*; использование в практике фонологического описания понятия оппозиции; введение понятий архифонема, суперфонема, функциональная нагрузка фонем и другое. Им была создана целостная концепция русской орфоэпии, введено понятие орфоэпемы, сформулированы отличия фонетики от орфоэпии, разработана система орфоэпических позиций, определяющих реализацию фонем в различных орфоэпических условиях. Л. Л. Касаткин проявил себя как талантливый лексикограф, возглавив авторский коллектив «Большого орфоэпического словаря русского языка». Это академический словарь нового типа, представляющий собой фундаментальный свод русского литературного произношения. Л. Л.Касаткин был выдающимся педагогом, умеющим популярно объяснить самые сложные научные понятия и привить любовь к своему предмету.

Ключевые слова: фонетика, фонология, орфоэпия, лексикография

Я познакомилась с Леонидом Леонидовичем более сорока лет назад, мы работали с ним на одной кафедре, и я вела за ним практические занятия по фонетике и введению в языкознание. Пять лет я ждала, чтобы он предложил мне писать у него диссертацию — и дождалась! В то время я не понимала, почему он, явно очень хорошо ко мне относясь, не предлагал мне стать моим научным руководителем,

но сама я не проявляла инициативы. Только потом мне стало ясно, что он берег меня. Он был в опале, уволен из Института русского языка АН СССР за диссидентскую деятельность, и его фамилия как руководителя на обложке моей кандидатской могла сослужить мне плохую службу. Я стала его первой аспиранткой. Более сорока лет я провела рядом с любимым учителем, вместе работая и отдыхая, восхищаясь им и постоянно яростно споря, впитывая его идеи и не всегда соглашаясь с ними. Училась я у него не только фонетической науке, но и многим нравственным принципам. Мне очень трудно в моих воспоминаниях полностью отделить Касаткина-ученого от Касаткина-человека, да и не хочется этого делать, поэтому прошу извинить меня за переплетение этих двух пластов памяти.

Всю мою жизнь я воспринимала Леонида Леонидовича как учителя и близкого друга. Причем, именно в таком порядке. Я привыкла обращаться к нему с любой проблемой — как научной, так и жизненной. И не было случая, чтобы он не нашел нужных слов и не смог помочь мне увидеть ситуации под другим углом зрения.

Леонид Леонидович был для меня замечательным научным руководителем. Самое главное, что он никогда не давил на меня. Удивительно, но он не был согласен с основным тезисом моей кандидатской диссертации о том, что позиции сандхи — фонетические позиции. Но однажды изложив мне свою точку зрения на эту проблему, он никогда не пытался заставить меня отказаться от идеи, положенной в основу моей работы. Только по прошествии времени я оценила, как он ненавязчиво формировал из меня профессионала. Он часто давал мне читать разные книги по фонетике. В них во многих случаях карандашом были выделены какие-то фрагменты, иногда просто на полях стоял восклицательный знак. И по странному «совпадению» эти выделенные места имели прямое или косвенное отношение к теме моего исследования. Должны были пройти годы, чтобы я сообразила, что эти пометки он делал не для себя, а для меня, при этом он никогда не «тыкал меня носом» в какие-то идеи, он хотел незаметно подвести меня к каким-то наблюдениям и заставить самой прийти к определенным выводам. Правда, иногда я приходила к противоположным.

Трудно найти такую область исследований русской звучащей речи, в которой Леонид Леонидович не оставил бы следа. Попробую очень бегло назвать хотя бы основные направления его научных работ.

Он был замечательным фонологом, ярким и ярым представителем Московской фонологической школы, долгое время он возглавлял МФШ, сменив на этом неофициальном, но очень почетном посту А. А. Реформатского и М. В. Панова. В жизни любой научной школы бывают периоды, когда кажется, что все основные постулаты сформулированы и ничего принципиально нового уже не происходит. Это очень опасный для школы период стагнации несомненно свойственен и МФШ. В такой ситуации есть два возможных сценария развития событий — либо научная школа постепенно уйдет со сцены, оставшись в памяти только историческим феноменом, либо сможет, не изменяя своим принципам, продолжить развиваться, что обязательно потребует пересмотра и переформулирования некоторых основ. И именно усилиями Касаткина МФШ смогла превратиться в то, что мы сейчас

называем Московская фонологическая школа в ее современном варианте. Нет такого фонологического понятия, которое не было бы пересмотрено и уточнено Леонидом Леонидовичем. Всего несколько примеров — деление позиционных чередований на позиционно обусловленные и позиционно прикрепленные; разведение понятий дифференциальные признаки *фонем* и интегральные признаки *звуков*; использование в практике фонологического описания понятия оппозиции, которое, в отличие от Пражской школы, активно не «работало» в МФШ; введение понятий архифонема, суперфонема, функциональная нагрузка фонем и многое многое другое. Но при этом неизменно базовое «московское» понимание фонемы как ряда позиционно чередующихся звуков в пределах одной морфемы и представление о том, что в основу фонологического описания должно быть положено понятие позиции.

Орфоэпией Леонид Леонидович увлекся довольно поздно, уже в XXI веке, но сколько же он успел сделать! Почему за последние два десятилетия мы узнали об орфоэпических закономерностях русского языка больше, чем все, что было накоплено наукой ранее? Как мне кажется, это произошло потому, что мы смогли четко разделить предметы фонетики и орфоэпии и осознать, что каждая из этих дисциплин нуждается в специфических методах описания и исследования. Леониду Леонидовичу удалось непротиворечиво сформулировать, что основная задача описательной фонетики — изучение характера звуков и синхронических законов чередования звуков, реализующих фонемы в разных позициях, орфоэпия же главным образом рассматривает и оценивает произносительные варианты слов и словоформ, выступающих в одних и тех же фонетических позициях. Это позволило ему ввести в научный оборот особую единицу — орфоэпему, которая представляет собой варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы. Ср.: *в*[о́]*ды* — *в*[а]*да*@ — это фонетика, чередующиеся звуки распределены по разным позициям, *е*@[с’]*ли* — *е*@[с]*ли* — это орфоэпия, заменяющие друг друга звуки стоят в одной и той же фонетической позиции — перед мягким [л’]. На следующем этапе необходимо было собрать воедино и классифицировать все условия, которые могут определять реализации орфоэпем. И Леонид Леонидович блестяще с этим справился, детально описав различные орфоэпические позиции, приводящие к различной реализации фонем в одной и той же фонетической позиции. В результате впервые можно говорить о создании целостной концепции русской орфоэпии.

Леонид Леонидович проявил себя как талантливый лексикограф, возглавив авторский коллектив «Большого орфоэпического словаря русского языка». Это академический словарь нового типа, представляющий собой фундаментальный свод русского литературного произношения. За эту работу он совместно с соавторами был награжден премией им. А. С.Пушкина РАН.

Я не говорю в этой статье об основной научной страсти Леонида Леонидовича — русской диалектологии. Этому посвящена статья Д. М. Савинова.

У Леонида Леонидовича было одно замечательное качество — умение не «прогибаться» под обстоятельства, не подчинять свои научные взгляды моде или требованиям начальства. В 1985 году он готовился к защите докторской диссертации.

В то время мы с ним работали на одной кафедре в МГПИ им. В.И. Ленина (МПГУ в настоящее время). Допуском к защите, которая должна была состояться (и позже состоялась) в МГУ им. М.В. Ломоносова, была обязательная рекомендация кафедры. И вот руководство кафедры углядело в тексте его диссертации страшную крамолу. Леонид Леонидович ввел в научный оборот понятие латентного периода существования фонемы — такого момента в ходе развития фонологического процесса, когда все системные и структурные предпосылки для появления новой фонемы в языке уже реализованы, но материального воплощения новой единицы еще нет, ее «рождение» только готовится. Такое фонологическое решение было сочтено идеализмом и гегельянством — как может что-то существовать, если нет его материального воплощения. Кафедра раз за разом отказывалась представлять докторскую к защите, а обойти этот барьер было невозможно. Многие сотрудники, хорошо относившиеся к Л.Л., удивлялись, почему он оказывается выбросить из диссертации это крамольное понятие, тем более что оно не было принципиальным в контексте его работы. Но он совершенно спокойно отвечал, что нельзя поддаваться в подобных случаях и создавать опасные прецеденты и что ничего страшного не случится, если он не защитится. После вмешательства многих известных лингвистов заведующая кафедрой все же сдалась, но на всякий случай взяла больничный на день очередного обсуждения работы, и нужные документы подписал заместитель.

У Леонида Леонидовича был легко узнаваемый стиль речи — причем, как устной, так и письменной.

Он был совершенно замечательным лектором, лучшего я не знаю. Глубина его лингвистических построений, я думаю, была понятна до конца немногим, но при этом он обладал удивительным умением сделать сложнейшее научное описание доступным и понятным для слушателей. Крайне редко в одном человеке сочетается высочайший научный уровень со способностью, а главное с желанием, популяризировать любимую науку. Быть одновременно великим ученым и выдающимся педагогом дано немногим. А вот Леониду Леонидовичу были свойственны обе эти ипостаси. Его лекторская манера — внешняя неброскость, отсутствие какого-либо украшательства и стремления понравиться, четкость, логичность и исчерпывающая полнота материала, ясность изложения. Он умел структурировать любой языковой материал, обнажая внутренние связи и закономерности. Его лекции для студентов и научные доклады покоряли не внешним блеском, которого он не любил ни в чем, а красотой мысли и влюбленностью в свой предмет. Он заражал слушателей своей увлеченностью.

Говоря о Касаткине-педагоге, нельзя не вспомнить о его учебнике «Современный русский язык. Фонетика», изданном впервые в 2008 году в МГУ им. М.В. Ломоносова и дважды переизданном позже. Я считаю, что лучше учебного пособия по русской фонетике у нас нет. Это классика академической традиции создания великих университетских учебников великими учеными. Очень небольшая по объему, эта книга представляет собой энциклопедию современных знаний о русской звуковой системе.

Отдельно хочется поговорить о стиле его научных работ. Он не любил зауми ни в чем, ненавидел наукообразность, модную перенасыщенность терминами. В этом он был похож на Реформатского, только речь Реформатского была более яркой, насыщенной метафорами и необычными сравнениями, а речь Леонида Леонидовича — более спокойной, выдержанной и ясной. Просится строка Маршака — «твой стиль суховатый и сдержанно-краткий». Это точно про Леонида Леонидовича. Он приучал своих учеников к прозрачности научного текста, добиваясь от нас абсолютной простоты и ясности при описании самых сложных фонетических и фонологических проблем. Сложность описания никогда не приветствовалась, несмотря на объективную сложность изучаемого объекта.

Следует отметить его умение искать примеры, которые являются основой для построения любой лингвистической теории. Он мог неделями и месяцами без устали подбирать необходимый языковой материал, позволяющий подтвердить или опровергнуть какое-либо гипотетическое положение. Особо важен корректный подбор примеров при планировании орфоэпического эксперимента — учет максимально большого числа факторов, способных вероятностно влиять на появление того или иного варианта произношения, определяет возможность появления адекватного описания. И в этом Леониду Леонидовичу не было равных.

Опишу в качестве примера исследование Леонидом Леонидовичем очень небольшого участка орфоэпической системы, что поможет показать «кухню» принятия кодификационных решений. Известно, что фонема /j/ может реализоваться разными звуками, в первую очередь это [j], [и̯] и нуль звука. Но имевшиеся описания распределения этих звуков носили общий характер, не учитывали многих нюансов. Выполняя детальное описание этого участка системы, Леонид Леонидович, анализируя собственную речь и проверяя собственное языковое чутье, предположил, что в заударных слогах в именах прилагательных реализация /j/ может определяться следующими факторами: местом по отношению к ударению, открытостью-закрытостью слога с /j/, а также его конечностью-неконечностью в слове, положением слога с /j/ после одного согласного или группы согласных, качеством предшествующих согласных, положением перед определенными морфемами. Для всех этих вариативных условий необходимо было подобрать лексические примеры и желательно несколько, затем включить эти слова в контексты, сделав их максимально незаметными для участников эксперимента, и затем предложить прочесть под запись эти тексты группам информантов. Полученные данные должны были быть проанализированы и на слух, и с помощью компьютерных программ анализа звукового сигнала. В результате этого процесса Леонид Леонидович смог сформулировать позиционные правила распределения звуков и приписать им кодификационные рекомендации, установив соотношение между вариантами (в словарях звук [и̯] обычно обозначается как [й]):

1. В первом заударном слоге

1.1. В конечном открытом слоге

1.1.1. После группы со гласных — нуль звука и допустимо [й]: *во*ⓐ*лч**ье**, во*ⓐ*лч**ья**, во*ⓐ*лч**ью**, во*ⓐ*лч**ьи***;

1.1.2. После одного согласного

1.1.2.1. После *ш, ж*

1.1.2.1.1. Перед окончаниями *-ю*, *-я*, а также *-е* в формах

И. и В. падежей ед. числа — [й] и допустимо нуль звука: *пасту@ш**ье***, *пасту@ш**ью***, *медве@ж**ье***, *медве@ж**ья***;

1.1.2.1.2. Перед окончаниями *-и*, а так же *-е* в формах

Д. и П. падежей ед. числа — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *пасту@ш**ьи***, *пасту@ш**ье***, *медве@ж**ьи***, *медве@ж**ье***;

1.1.2.2. После других согласных — [й] и допустимо нуль звука: *вдо@в**ье***, *вдо@в**ью***, *вдо@в**ья**, вдо@в**ьи***; *холо@п**ье***, *ба@б**ье***, *ли@с**ье***, *ко@з**ье***, *ско@т**ье***, *кобы@л**ье***, *оле@н**ье***, *кома@р**ье***, *каза@ч**ье***;

1.2. В конечном закрытом и неконечном слоге

1.2.1. После группы согласных — нуль звука: *во@лч**ьего**, во@лч**ьему**, во@лч**ьим**, во@лч**ьими***;

1.2.2. После одного согласного — [й] и нуль звука: *пасту́ш**ьего***, *медве́ж**ьего***; *вдо@в**ьего***, *холо@п**ьему***, *ба@б**ьим***, *ли@с**ьем***, *ко@з**ьей***, *ско@т**ьих***, *кобы@л**ьим***, *оле@н**ьими***, *кома@р**ьего***, *каза@ч**ьего***;

2. Во втором заударном слоге — [й] и нуль звука: *бе@лич**ье**, бе@лич**ья**, бе@лич**ью**, бе@лич**ьи**, вы@хухол**ье**, ко@ршун**ье***.

Всего несколько строк, демонстрирующих закономерности распределения звуков в конкретном и весьма частном случае, но какой же невероятный труд исследователя стоит за ними. И в этом Леониду Леонидовичу не было равных — его умение кропотливо работать с фактами языка, «препарировать» их без раздражения и спешки определяло успех его фонетических описаний.

Виртуозно владевший различными традиционными и современными методиками фонетических исследований, знавший все тонкости и секреты изучения звучащей речи, Леонид Леонидович обладал еще одним «инструментом», данным немногим, — фантастической интуицией, необыкновенным языковым чутьем, умением предвосхищать и угадывать новые, до этого неизвестные языковые явления. Не знаю, что в большей степени порождало эту его способность — природные данные или приобретенный огромный опыт, но мне не раз доводилось видеть удивительные проявления этого качества. Сколько раз он не соглашался с какими-то моими идеями, спорил со мной, я сердилась, часто была наивно уверена в своей правоте и не слушала его доводов. И почти всегда, когда проходило время, дальнейшая работа убеждала меня в правоте Леонида Леонидовича. Это не значит, что он никогда не ошибался. Но некое умение предвидеть и оценить факты и идеи в ситуации, когда нет (лучше сказать, еще нет) достаточной доказательной базы, ему явно было дано в большей степени, чем другим.

А как он умел и любил спорить на лингвистические темы (честно говоря, любил спорить на любые темы)! Как это было замечательно интересно, как драматургически точно был выстроен процесс спора. И как я всегда пыталась поймать момент, когда он вдруг в ходе разговора «уплывал», у него появлялось особое выражение

лица, как будто он отгораживался от всего и смотрел внутрь себя. И это был мой праздник — значит, что-то в моих словах задело его и он начал заново продумывать свое рассуждение, что иногда (редко) приводило к тому, что он отказывался от первоначальной идеи. Иногда я замечала такую же реакцию и во время публичных выступлений, скажем, какой-то вопрос, заданный в ходе обсуждения его доклада, заставлял его задуматься, мысленно отгородившись от окружающего. В последние годы жизни, когда Леонид Леонидович был уже очень тяжело болен, когда его слабый голос в телефонной трубке трудно было распознать — он не говорил, а шелестел, я специально задавала какой-нибудь провокационный фонетический вопрос. И мгновенное преображение — менялся тембр голоса, звук становился сильным и наполненным, интонации живыми. И я радовалась, ловя его обычную манеру речи, и мы могли проговорить долго-долго, обсуждая наши фонетические «штучки».

У каждого, кто был знаком с Леонидом Леонидовичем, свои собственные воспоминания о нем, и они могут отличаться от моих. Но все мы будем помнить его как выдающегося ученого и замечательного человека. Светлая ему память.

Maria L. Kalenchuk
Vinodradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mkalenchuk@yandex.ru

FORTY YEARS NEXT TO LEONID LEONIDOVICH KASATKIN

Some time ago, Leonid Leonidovich Kasatkin, a well — known Russian linguist, a specialist in the field of Russian phonetics and dialectology, passed away. The article describes various aspects of his scientific activity, primarily in the field of phonology, orthoepy and lexicography. For a long time he headed the Moscow Phonological School, having clarified and reformulated many of its provisions (the division of positional alternations into positionally conditioned and positionally attached; the separation of the concepts of differential signs of phonemes and integral signs of sounds; the use of the phonological description of the concept of opposition in practice; the introduction of the concepts of archiphoneme, superphoneme, functional load of phonemes and others. Russian Russian orthoepy created a holistic concept of Russian orthoepy, introduced the concept of orthoepy, formulated the differences between phonetics and orthoepy, developed a system of orthoepic positions that determine the implementation of phonemes in various orthoepic conditions. L. L. Kasatkin proved himself as a talented lexicographer, leading the author's team of the "Great Orthoepic Dictionary of the Russian Language". This is a new type of academic dictionary, which is a fundamental set of Russian literary pronunciation. L. L. Kasatkin was an outstanding teacher who was able to explain the most complex scientific concepts in a popular way and instill love for his subject.

Key words: phonetics, phonology, orthoepy, lexicography

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

Д. М. Савинов
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
crillon@yandex.ru

ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ КАСАТКИН

Леонид Леонидович Касаткин — замечательный российский лингвист, специалист в области русской фонетики, яркий представитель Московской диалектологической школы, один из создателей «Диалектологического атласа русского языка». Диапазон научных исследований ученого чрезвычайно широк: русская диалектология, история языка, фонетика, фонология, орфоэпия, графика и орфография. В статье рассказывается о научном наследии Л. Л. Касаткина в области русской диалектологии.

Ключевые слова: русская диалектология, история языка, фонетика, вокализм, консонантизм.

Осенью 2020 года русская диалектология понесла невосполнимую утрату: ушел из жизни Леонид Леонидович Касаткин, доктор филологических наук, профессор, яркий представитель Московской диалектологической школы, один из создателей «Диалектологического атласа русского языка». Л. Л. Касаткин был выдающимся ученым, а диапазон его научных исследований был чрезвычайно широк: русская диалектология, история языка, фонетика, фонология, орфоэпия, графика и орфография. Им написаны научные монографии, вузовские учебники и справочники, он редактор и один из авторов фундаментального академического «Большого орфоэпического словаря». Но главной любовью всей научной жизни Леонида Леонидовича были русские говоры. За свою долгую жизнь он объездил с экспедициями почти всю Россию: от побережья Белого моря на севере до нижнего течения Дона на юге и от Брянщины на западе до Забайкалья на востоке; Леонид Леонидович продолжал активную полевую работу более 60 лет, его последняя экспедиция к русским старообрядцам Одесщины состоялась осенью 2015 г.

Леонид Леонидович Касаткин родился в 1926 году в г. Фрунзе. В феврале 1943 г. добровольцем пошел на фронт, был тяжело ранен и демобилизован. В 1952 г. закончил филологический факультет МГУ им. Ломоносова и пять лет преподавал в вузах Моршанска и Борисоглебска. Со студентами Моршанского учительского

института в 1953 г. Л. Л. Касаткин впервые поехал в диалектологическую экспедицию: «В первый же год моего преподавания я решил последние практические занятия в группах посвятить анализу говоров деревень, расположенных вблизи от Моршанска. Мы со студентами каждой группы целый день разговаривали с деревенскими стариками и старушками, записывали особенности их речи в свои тетради, а к вечеру усаживались в кружок на пригорке, и студенты рассказывали мне, какие диалектные особенности они обнаружили, и мы вместе устанавливали типологию этих черт» [Касаткин 1999: 17].

В 1956 г. Л. Л. Касаткин поступил в аспирантуру Института русского языка АН СССР и в 1965 г. под руководством В. Г. Орловой защитил кандидатскую диссертацию по теме «Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных в русских говорах», посвященную исследованию одного из наиболее ярких и заметных диалектных явлений русского языка (в 1968 г. диссертация вышла отдельной монографией [Касаткин 1968]). В этой работе отчетливо виден интерес молодого ученого к изучению диалектологии не как изолированной описательной дисциплины; Л. Л. Касаткин показывает тесную связь диалектологии и истории языка, сравнивает элементы фонетической системы говоров и литературного языка, использует диалектный материал для решения вопросов теоретической фонологии.

Кандидатская диссертация была основана на обширном, тщательно собранном фактическом материале, который автор не только детально описал и картографировал, но и интерпретировал на основе единой, последовательно проведенной концепции, объясняющей всё многообразие фактов применительно к различным эпохам и разным территориальным разновидностям русского языка.

Л. Л. Касаткин убедительно объясняет и редкое для русского языка прогрессивное направление этой ассимиляции, и различные по говорам структурные разновидности ее результатов, обусловленные особенностями диалектных фонологических систем. Основываясь на соображениях структурного и лингвогеографического характера, автор устанавливает относительную хронологию ассимилятивного смягчения заднеязычных, а также дает новую датировку этого процесса — XIII в.

Уже в кандидатской диссертации видна широта научных интересов Л. Л. Касаткина, который не ограничивается узкими рамками исследуемого им явления, но выходит в смежные области, предлагая новые интересные решения многих трудных лингвистических проблем: вопрос о фонологическом статусе [γ] в литературном языке и севернорусских говорах, соотношение фонем /γ/ и /j/ в современных говорах и в древнерусском языке, происхождение севернорусских форм типа *пе*[кó]*шь*, *бере*[гó]*шь*. Для ученого важно, что ассимилятивное смягчение заднеязычных — это не изолированное изменение, но развитие одного из звеньев русской фонологической системы.

Диссертационное исследование Л. Л. Касаткина было по достоинству оценено лингвистическим сообществом и получило высокие оценки (см., например, рецензию на эту работу А. В. Пеньковского [1970]). Молодого ученого ждало блестящее будущее в Институте русского языка; он вел активную полевую работу, участвовал в создании региональных диалектологических атласов, а когда началась работа

над заключительным сводным Диалектологическим атласом русского языка, Л. Л. Касаткин должен был стать вместе с Т. Ю. Строгановой редактором его первого выпуска «Фонетика».

Кроме того, Л. Л. Касаткин был назначен руководителем группы по монографическому описанию фонетики и грамматики одного севернорусского и одного южнорусского говоров (в группу вошли Ю. С. Азарх, Е. Г. Бурова и Н. Н. Пшеничнова). В качестве первого объекта описания были выбраны севернорусские говоры Слободского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл,, характеризующиеся архаическими диалектными чертами, и начался активный сбор диалектного материала.

Однако из-за сочувствия к диссидентскому движению Л. Л. Касаткин в 1968 г. был отстранен от руководства группой, а в 1974 г. ему пришлось покинуть Институт русского языка и перейти сначала в Высшую школу профсоюзного движения, а затем — в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Именно здесь, на кафедре русского языка и методики его преподавания в начальной школе МГПИ, Леонид Леонидович проработал почти 20 лет, сочетая преподавательскую деятельность с активной научной и полевой работой в области изучения русских говоров. Результаты его научных исследований были обобщены в докторской диссертации «Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка», защищенной в МГУ в 1986 г. (диссертация легла в основу монографии [Касаткин 1999]).

В этой работе Л. Л. Касаткин описывает многие ранее неизвестные диалектные фонетические явления, используя данные современных русских говоров для реконструкции фонетической системы древнерусского языка и происходивших в ней процессов. Докторская диссертация Леонида Леонидовича — это фундаментальное научное исследование, содержащее много интересных наблюдений и важных лингвистических открытий, выполненное с использованием инструментальных методов исследования речи диалектоносителей, что позволило ученому значительно повысить объективность анализа звукового материала и верифицировать полученные результаты.

Например, Л. Л. Касаткин обнаружил такие севернорусские говоры, где согласные противопоставлены не по глухости/звонкости, как в литературном языке и во многих других русских говорах, а по напряженности/ненапряженности, что проявляется в целом ряде фонетических особенностей. По его мнению, есть все основания предполагать, что и праславянскому, и древнерусскому языкам было свойственно противопоставление согласных именно по напряженности/ненапряженности, которое затем в части русских говоров изменилось на противопоставление по глухости/звонкости [Касаткин 1999: 227–264].

Л. Л. Касаткин системно описал говоры, в которых отсутствует категория твердости/мягкости согласных. Опираясь на «закон Бодуэна де Куртенэ — Панова» о постепенном упрощении системы гласных и усложнении системы согласных в истории русского языка, Л. Л. Касаткин определил эту диалектную черту как архаичную, отражающую состояние древнерусской системы [Касаткин 1999: 143–170].

Леонид Леонидович показал, что в современном русском языке активно развивается еще одна тенденция: переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной. Указанная тенденция находится в тесной связи с «законом Бодуэна де Куртенэ — Панова»: упрощение системы гласных — это не что иное как ослабление артикуляционной базы, поскольку «чем меньше области рассеивания звукотипов, представляющих разные фонемы в одной и той же позиции, и чем ближе друг к другу центры этих областей, тем больше должно быть напряжение артикуляционных органов» [Касаткин 1999: 132].

Немало открытий сделано Л. Л. Касаткиным и в области вокализма. Так, наличие в некоторых диалектных системах под ударением разнообразных дифтонгов ученый объясняет архаичностью их вокалических систем: «Исторический процесс развития русского языка характеризуется процессом монофтонгизации дифтонгов, еще не завершившимся в ряде говоров до сих пор» [Касаткин 1999: 390]. Проанализировав структуру распределения гласных неверхнего подъема в подобных архаических русских говорах различной локализации, Л. Л. Касаткин пришел к выводу, что в наиболее архаичном виде семифонемная система вокализма реализовалась как система восходящих и нисходящих дифтонгов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов: [у͡о] ~ [о͡у] и [и͡е] ~ [е͡и], таким образом, эта система может быть признана прототипичной для всех остальных разновидностей семифонемного вокализма, представленных в русских диалектах [Касаткин 1999: 388–389].

Л. Л. Касаткин обнаружил в говорах дифтонги в соответствии с фонемой /у/, а также гласные звуки на конце слова на месте редуцированных гласных древнерусского языка; предложил новую гипотезу изменения **ѣ** в **и** и **ä** в **е**, уточнил традиционную хронологию процесса падения редуцированных, описал многие другие архаические диалектные особенности, дал им диахроническую интерпретацию.

При этом исследователь подчеркивал, что диалектные данные должны использоваться не только в аспекте истории языка, но и в тех областях лингвистики, которые обращены к настоящему и будущему. Так, Л. Л. Касаткин указал на то, что во многих южнорусских говорах отмечается следующая ступень упрощения вокалической системы: здесь происходит системное включение в структуру неразличения безударных гласных фонем /у/ и /и/, находящихся в безударных слогах (кроме 1-го предударного) после твердых согласных: *кəкуру́за*, *сəндук'и́*, *мəжык'и́*, *хва́ртəк* (фартук), *за́мəш*, *о́тпəск*; *сəнавйа́*, *рəбак'и́*, *вəсако́*, *у н'е́хтəрəх* (у некоторых), *с кра́снəм'и*, *вырəл* и т. д. По словам ученого, «в литературном языке также начался процесс, который может со временем привести к неразличению всех гласных фонем в безударных слогах», однако редуцированный гласный на месте /и/ и /у/ в этой позиции в литературном языке фиксируется не так последовательно, как в южнорусских говорах [Касаткин 1999: 483–485].

В 1990 г. Л. Л. Касаткин возвращается в Институт русского языка, сначала он работает в отделе истории русского языка, а в 1998 г. возглавляет отдел диалектологии и лингвистической географии, которым руководит до 2012 г. В это время ученый ведёт интенсивную работу по изучению языка старообрядцев, проживающих

компактными группами как в России, так и за рубежом. Этот интерес неслучаен: в языке старообрядцев сохраняются многие древние языковые черты, которые утрачены другими русскими говорами из-за активной политики государства, направленной с 1930-х гг. на искоренение диалектных особенностей в языке крестьянства (подробнее об исследовании говоров русских старообрядцев в Институте русского языка см. [Касаткин 2008]).

Благодаря усилиям Л. Л. Касаткина, с начала 2000-х гг. было открыто финансирование экспедиционных исследований Института русского языка: сотрудники отдела диалектологии и лингвогеографии и отдела фонетики вновь начали планомерный сбор полевого диалектного материала. По инициативе Леонида Леонидовича в 2002 г. было возобновлено серийное издание «Материалов и исследований по русской диалектологии», которое возродило традицию изданных Институтом русского языка АН СССР двух серий сборников, вышедших под тем же названием в 1949 г. и в 1959–1962 гг.

В 2002 г. (спустя более чем 30 лет) тема «Говоры Слободского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл.» была вновь утверждена дирекцией Института русского языка, руководителем темы стал Л. Л. Касаткин, а в авторский коллектив вошли многие сотрудники отдела диалектологии и лингвогеографии. В рамках реализации темы был собран и проанализирован новый диалектный материал, а также опубликованы очерки, посвященные некоторым языковым особенностям слободских говоров (см. раздел «Говоры Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области», содержащий статьи Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной и А. В. Тер-Аванесовой, в сборнике [Касаткин (ред.) 2008: 3–131].

Л. Л. Касаткин активно изучает и другие русские говоры, ведет полевые исследования, пишет статьи теоретического и прикладного характера. Так, он впервые выделяет Донскую группу говоров в рамках Южнорусского наречия и описывает комплекс ее языковых черт; определяет статус Чухломского акающего остова в рамках традиционного диалектного членения русского языка и типологии русских говоров, предложенной Н. Н. Пшеничновой; уточняет такое фундаментальное понятие, как «диалектный язык»; на основании анализа диалектизмов, представленных в первом издании «Конька-горбунка», решает проблему авторства этой сказки, исследует многие другие вопросы, связанные с анализом диалектного текста (диалектологические работы ученого 2000–2010-х гг. собраны в [Касаткин 2017]).

Среди последних исследований Л. Л. Касаткина наибольшего интереса заслуживает новая теория происхождения аканья-яканья в русском и белорусском языках. Исследователь считает, что аканье здесь возникло в результате совпадения безударного гласного [ɔ], представлявшего фонему /о/ после твёрдых согласных, с [а] — аллофоном /а/. В этот процесс включился и [ǫ], представлявший /ω/. В западных южнорусских говорах и в северо-восточных белорусских говорах этот процесс мог приводить не только к совпадению /о/ с /а/, но и к совпадению /ω/ с /у/ или к сохранению безударного [о] в отдельных словах. Различие между диссимилятивным и сильным аканьем, по мнению Л. Л. Касаткина, возникло в результате

реализации одной и той же фонетической модели — аканья в говорах с разной ритмической структурой слова, а не в результате изменения диссимилятивного аканья в сильное после аналогического выравнивания, обобщения гласного [а] перед всеми ударными гласными, как думал А. А. Шахматов. Исходной моделью диссимилятивного яканья ученый считает жиздринский тип диссимилятивного яканья, именно этот тип, осложнённый ассимиляцией предударного гласного ударному [е], лежит в основе суджанского, щигровского и мосальского типов, поэтому их правильнее называть типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья. В основе традиционно выделяемых типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья лежит сильное яканье, поэтому правильнее, по его мнению, называть их типами ассимилятивно-сильного яканья [Касаткин 2017: 260–283].

Леонид Леонидович Касаткин прожил долгую, плодотворную, насыщенную жизнь, оставил много основополагающих идей, сделал много важных лингвистических открытий. До самых последних дней жизни ученый оставался предан науке, и особенно — диалектологии: писал статьи и заметки, читал новые присланные работы, приводил в порядок свои диалектологические материалы. Уже будучи тяжело больным, Леонид Леонидович подготовил к печати и опубликовал двухтомник своих трудов. Он навсегда останется в нашей памяти как великий лингвист, внесший неоценимый вклад в русскую диалектологию и историю русского языка, как человек, демонстрировавший невероятную стойкость, мужество и несгибаемость.

Литература

Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах. М.: «Наука», 1968. 136 с.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: «Наука — Школа “ЯРК”», 1999. 526 с.

Касаткин Л. Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: «Языки славянских культур», 2008. С. 573–608.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т.II. М.: «Издательский Дом ЯСК», 2017. 752 с.

Касаткин (ред.) 2008 — Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: «Наука», 2008. 456 с.

Пеньковский А. В. Рец. на кн. Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах. М.: «Наука», 1968. 136 с. // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 135–142.

Dmitry M. Savinov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)
crillon@yandex.ru

Leonid Leonidovich Kasatkin

Leonid Leonidovich Kasatkin is a remarkable Russian linguist, an expert in Russian phonetics, a prominent representative of the Moscow dialectological school, one of the authors of the "Dialectological Atlas of the Russian Language". The range of scientific research of the scientist is extremely wide: Russian dialectology, history of language, phonetics, phonology, orthoepy, graphics and orthography. The article describes the scientific heritage of L. L. Kasatkin in the field of Russian dialectology.

Key words: Russian dialectology, history of language, phonetics, vocalism, consonantism

Refereces

Kasatkin L. L. Progressivnoe assimilyativnoe smyagchenie zadnenyobnykh soglasnykh v russkih govorakh [Progressive assimilative softening of the posterior palatine consonants in Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1968. 136 p.

Kasatkin L. L. Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1999. 526 p.

Kasatkin L. L. Research of dialects of Russian Old Believers at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. *Russkie staroobryadcy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sbornik statej k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov*. L. L. Kasatkin (ed.). Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2008. Pp. 573–608.

Kasatkin L. L. Izbrannye trudy. T.II. [Selected works. Vol. II]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK, 2017. 752 p.

Kasatkin L. L. (ed.). Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii. III (IX) [Materials and research on Russian dialectology. III (IX)]. Moscow: Nauka, 2008. 456 p.

Pen'kovsky A. V. Book Review: L. L. Kasatkin Progressivnoe assimilyativnoe smyagchenie zadnenyobnykh soglasnykh v russkih govorakh [Progressive assimilative softening of the posterior palatine consonants in Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1968. *Voprosy yazykoznaniya*.1970. № 1. Pp. 135–142.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

А. В. Тер-Аванесова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
teravan@mail.ru

ПАМЯТИ СОФИИ КОНСТАНТИНОВНЫ ПОЖАРИЦКОЙ (22.02.1932–18.051921)

Статья, посвященная памяти Софии Константиновны Пожарицкой, содержит краткий обзор ее работ в области диалектологии и воспоминания о диалектологических экспедициях, которыми руководила С. К. Пожарицкая.

Ключевые слова: С. К. Пожарицкая, диалектология, экспедиции.

18 мая 2021 года скончалась София Константиновна Пожарицкая — замечательный ученый, специалист по русской и славянской диалектологии, фонетике, фонологии, грамматике русских говоров, орфоэпии, орфографии, преподаватель, выучивший тысячи студентов за почти полвека работы на филологическом факультете МГУ, автор университетских учебников по фонетике современного русского литературного языка и русской диалектологии. И самый добрый и дорогой друг, учитель, коллега, строгий критик и недостижимый идеал молодости и неиссякаемого интереса к людям, научным проблемам и поворотам судьбы.

Мне бы хотелось сказать о Софье Константиновне как о диалектологе и как о человеке, которого я знаю много лет, с тех пор, как она преподавала нам — первокурсникам — фонетику, второкурсникам — диалектологию, а потом летом 1982 года пригласила нас в экспедицию, в Калитинку Каргопольского района Архангельской области.

Вклад С. К. в русскую и славянскую диалектологию очень велик. Она принадлежала к тому поколению диалектологов структуралистского направления, которое чрезвычайно много сделало для синхронного описания говоров и системной характеристики диалектных явлений, для создания диалектологических атласов — от сбора материала в экспедициях до составления карт. Этому поколению довелось работать с говорами в еще очень архаичном состоянии, подвергшимися влиянию стандартных форм языка еще в достаточно небольшой степени.

Ученица Р. И. Аванесова, С. К. Пожарицкая начинала свой путь в науке как фонетист и фонолог и фактически в этом направлении работала всю жизнь. Ее

кандидатская диссертация, защищенная в 1963 г., посвящена системам предударного вокализма в севернорусских говорах и выполнена на материале ДАРЯ. Те, кто видел карты ДАРЯ, посвященные севернорусскому предударному вокализму, могут представить себе объем, кропотливость и сложность этого труда. Диссертация была опубликована в виде статей в конце 1950-х — в 1960-е гг.[1] Впоследствии с опорой на эти работы было написано несколько разделов монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (ред. В. Г. Орлова; М., 1970). Видимо, С. К. считала для себя эту тему исчерпанной и позже к ней специально не возвращалась. Непосредственно в создании ДАРЯ С. К. принимала участие, собирая материал по программе атласа еще в студенческие годы[2].

В Институте русского языка АН СССР С. К. включилась в работу по созданию Общеславянского лингвистического атласа, где ей принадлежит несколько карт в фонетических выпусках[3]. В нескольких ее работах 1970-х гг. обсуждаются вопросы транскрипции ОЛА В сборниках «ОЛА. Материалы и исследования» в 1970-е гг. она опубликовала работы о фонетической транскрипции ОЛА и ее варианте, предпочтительном для восточнославянских языков, о фонетической характеристике говора по данным ОЛА. В 2000-е гг. С. К. участвовала в атласе «Восточнославянские изоглоссы», опубликовав карту и большую статью, посвященную формам творительного падежа множественного числа в восточнославянских диалектах[4]. Эта работа относится уже к тому времени, когда ее стали интересовать в первую очередь проблемы диалектной морфологии, грамматики и словообразования.

---

[1] *С. К. Пожарицкая*. К вокализму 1-го предударного слога после мягких согласных в севернорусских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1. М., 1959. *Она же*. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2, М., 1961. *Она же.* Проблема изменения «е» в «о» в северновеликорусских говорах в свете данных лингвистической географии // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. *Она же.* Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

[2] Рукописные экспедиционные материалы, собранные по программе ДАРЯ многими известными филологами и лингвистами, в том числе С. К. Пожарицкой, ныне существуют в единственном бумажном экземпляре и лишь ожидают оцифровки.

[3] Карты 51, 57 в: Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ě. Белград, 1988. Карты 12, 17 в: ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2а. Рефлексы *ę. М., 1990. Там же опубликована сводная карта IV «Влияние консонантного окружения на рефлексы *ę (совместно с Т. В. Поповой). Карта 16 в: Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2б. Рефлексы *ǫ. Вроцлав, 1991. Рефлексам *ę в славянских языках также посвящена статья: *С. К. Пожарицкая, Т. В. Попова.* Роль консонантного контекста в истории рефлексов *ę в славянских языках // Revue des études slaves, Paris, LXII/4, 1990. P. 849–866.

[4] *С. К. Пожарицкая*. Флексии творительного падежа множественного числа существительных // Восточнославянские изоглоссы. Выпуск 3. М., 2000. Этому также посвящена статья: *Пожарицкая С. К.* К истории фонемного состава флексий творительного падежа множественного числа в русском языке // Вопросы русского языкознания. Выпуск IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.

В начале 1970-х гг. в Институте русского языка началась кампания по изгнанию инакомыслящих — в частности, тех, кто ставил подписи под письмами в защиту диссидентов, — и С. К. была уволена вслед за Ю. Д. Апресяном, Л. Л. Касаткиным, М. В. Пановым и вместе с Н. А. Еськовой и Л. Н. Булатовой. Об этом она говорила так, что она «оказалась в хорошей компании». В 1974 г. С. К. стала сотрудником филологического факультета МГУ, где проработала до последних дней жизни.

С начала 1980-х гг. начинаются экспедиции С. К. в Архангельскую область, с говорами которой во многом связана ее дальнейшая научная деятельность как диалектолога. Интерес к этой территории, ее говорам и народной культуре в то время был очень велик: началась работа О. Г. Гецовой и ее коллег над Архангельским областным словарем; были сделаны новые наблюдения над фонетикой и просодией архангельских говоров (Р. Ф. Пауфошима (Касаткина) и Л. Л. Касаткин); ежегодно осуществлялись археографические и фольклорные экспедиции в Архангельскую область. Поначалу С. К. работала по программе Архангельского словаря, но с некоторого момента — уже только по собственным программам, в основу которых была положена «Программа собирания сведений для ДАРЯ» (1947 г.), «фонетическая», «морфологическая» и «синтаксическая» части этого вопросника. Анкетный метод при этом почти не применялся, а ответы на вопросы программы студентам — участникам экспедиции полагалось брать из дневниковых записей или расшифрованных аудиозаписей. Эти или такого рода материалы легли в основу занятий С. К. лингвогеографией Архангельской области и классификацией «северных говоров за чертой ДАРЯ»[5]. Работа С. К. Пожарицкой 2002 г. — существенный вклад в развитие этой проблематики. В ней указывается около 25 фонетических и морфологических диалектных черт, характеризующих все говоры Архангельской обл. или говоры отдельных ее частей, установлены особенности, характеризующие архангельские говоры в целом (флексии творительного множественного, возможно также — специфическая местоименная основа *тоттам,* частица *буде* и ряд других), совокупности признаков, различающие говоры соседствующих Поморской, Вологодской, Лачской и Онежской групп. Сегодня эта работа С. К., а также большая статья О. Г. Гецовой 1997 г. и «Лексический атлас Архангельской области» Л. П. Комягиной (Архангельск, 1994) составляют основу для изучения диалектного членения Архангельской области.

Отдельный вопрос заключался в том, где и как именно проходят границы говоров Вологодской группы, занимающих юго-восток Архангельской области, Лачской группы, занимающих ее юго-запад, и Поморской группы, еще со времен «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова и Н. Н. Соколова (1915) выделявшейся на обширных северных территориях области. Было известно по «Опыту» 1915 г., что граница Поморской группы

[5] *С. К. Пожарицкая.* Северные говоры за чертой ДАРЯ // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.

проходит севернее «пределов ДАРЯ», и было ясно со времен экспедиции П. С. Кузнецова 1927 г., что эта граница в своей восточной части, т. е. с говорами Вологодской группы, не является вполне четкой (есть переходные говоры). Под руководством С. К. Пожарицкой на протяжении примерно десяти лет было проведено несколько экспедиций по изучению границы говоров Поморской и Вологодской групп на территории Архангельской области, а именно говоров в верхнем течении Пинеги и по ее левому притоку р. Вые, говоров по течению р. Верхней Тоймы, а также наиболее северных говоров Устьянского р-на, расположенных на притоках р. Устьи. Большая статья С. В. Князева, А. Н. Левиной и С. К. Пожарицкой обобщает результаты этих исследований; это работа, мимо которой нельзя пройти мимо исследователю диалектного членения Архангельской области[6].

Мне довелось участвовать в некоторых из этих экспедиций: в дд. Лавела, Сура, Нюхча и Занюхча, Кучкас Пинежского р-на (лето 1983 г.), в дд. Тинева, Гаврилово и Заяцево Верхнетоемского р-на Архангельской обл. (лето 1992 г.) В этих экспедициях мы очень много перемещались: ездили, ходили на большие расстояния. К этому располагали огромные кусты архангельских деревень, среди которых обычно были и сильно отдаленные деревни (под названием Выставка или Репище). Трудности пути не имели для С. К. никакого значения: она непременно хотела добраться в самый отдаленный угол и обязательно побывать в самой последней, «верхней» по течению реки деревне, дальше которой ходят только охотники и туристы. Тогда это воспринималось как особая непоседливость С. К., ее любовь к новым местам и долгим прогулкам, но, конечно, этому было и другое объяснение: она хотела «нащупать» таким образом границы групп архангельских говоров, небольшие, но классификационно важные различия между говорами переходной зоны. Так мы попали в Тиневу и Кучкас. Обе эти «самые дальние» деревни были признаны неперспективными в 1970-е гг., в Кучкасе отрезали электричество, а в Тиневу оно так никогда и не было проведено. Есть ли эти деревни сейчас, недавно восклицала С. К. Яндекс ответил: есть, но жителей мало, а в Кучкасе опять есть свет! Там и там отреставрированы часовни. В 1980-е и 90-е жители не спешили покидать эти деревни (скорее всего, не имели такой возможности), но никакого регулярного транспорта туда не было. С Тиневой нам тогда повезло: мы оказались в Усть-Вые как раз в тот день, когда через Тиневу люди должны были ехать на дальний сенокос, что бывало всего два-три раза в месяц. Отправлялся большой поезд из самых разнообразных средств передвижения: три трактора, один из них с волокушей (он-то и должен был доставить косцов на место), два грузовика, мотоциклы и мотороллеры. Как оказалось, все мужики младшего и среднего возраста из Усть-Выи и Гаврилова собираются ехать с этим поездом, даже те, кто уже

[6] *С. В. Князев, А. Н. Левина, С. К. Пожарицкая.* О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып.VII. М., 1997. Записи С. К. Пожарицкой и С. В. Князева в Акичкином починке Устьянского р-на по инициативе Н. Р. Добрушиной расшифрованы и включены в Устьянский корпус (Михаил Даниэль, Нина Добрушина, Рупрехт фон Вальденфельс. Говор бассейна Устьи. Корпус севернорусской диалектной речи. 2013–2018. Берн, Москва. Электронный ресурс: www.parasolcorpus.org/Pushkino).

откосил там свою часть сенокоса или косил в других местах. Это было местное чисто мужское развлечение. Нам предложили сесть в кузов грузовика, дорогу обещали неважную, но сносную, и только у самой Тиневы было опасное место Черное болото (кажется), где всегда увязала техника и даже гибли люди, но главное — там орудовала нечистая сила. Около тридцати километров мы ехали более трех часов, с частыми остановками для отдыха и выпивки. Черное болото «наш» грузовик преодолел успешно, другой увяз и с ним остался один из тракторов; увязший грузовик подцеплял к трактору Сережа Князев, потому что остальные путешественники уже были не в состоянии управлять своими руками; нечистая сила не вмешивалась. В Тиневе были готовы к приезду косцов: многих, даже водителей, вынимали из машин и относили в сараи или в бани (чтобы не съели комары). Бодрость духа и чувство юмора сохраняла только С. К. Ей было чуть больше шестидесяти.

Но были и другие случаи, когда любовь С. К. к походам проявлялась в чистом виде. Помнится, мы приехали ранним утром в Карпогоры, столицу Пинеги, откуда самолет в Нюхчу был только на следующий день. Пришлось ночевать в Карпогорах. С. К. тут же наняла лодку. На другом берегу Пинеги было несколько, много деревень, но мы отправились лугами в самую дальнюю, с огромными двух- и трехэтажными домами, где проживали очень веселые жители. Старушки на лавочке-беседке сообщили С. К., что такая, как у нее, юбка с оборкой называется у них «платье с хуем», ну и, к слову пришлось, есть такой вид обуви «проебены голяшки». Смеху не было конца, траты на перевоз вознаграждены, а С. К. еще три дня задавалась вопросом, чем могли быть мотивированы эти названия. Уже серьезным тоном, мы же, студенты, умирали со смеху.

Вспоминается и поездка в Лену Вилегодского р-на, что на самой границе с Коми. За день мы проплыли «всю Вычегду» от Котласа до Яренска на дребезжащем, доверху переполненном людьми катере (а ведь можно было ехать на поезде до Микуня, оттуда до Лены недалеко), мимо величественных гористых и обрывистых берегов этой коварной реки, постоянно меняющей русло, о чем, разумеется, всю дорогу шел разговор на катере, с описанием кораблекрушений. Берега Вычегды оказались густо населены, деревни с белыми каменными церквями шли одна за другой. Мы все, кроме С. К., болели от тряски. Перед самым концом нашего пути С. К. приметила одну деревню и решила добраться туда из Лены (ведь говор с. Лена, на реке Лене, мог быть иным, чем непосредственно на Вычегде). Опять была нанята лодка («или это был председатель совета Генка Задорнов, или секретарь партейной ячейки Плехневич»), она попетляла по устью Лены и высадила нас *на наволóке*, дальше мы отправились по заливным лугам. В 80-е годы пастбища еще были тщательно отгорожены от покосов, и пешеход должен был переходить осеки по специальным лесенкам, или мосткам, или же отодвигать жерди заворов). Деревня оказалась старообрядческой: пожалуйста в дом, пожалуйста съешьте мою клубнику хоть всю, пожалуйста чай, но только из консервных баночек: у нас такой обиход. Говор не отличался от Лены. Помню старинные литые кресты и иконы, и огромные долбленые деревянные ковши для разных надобностей, в Лене тоже такие были в ходу. Помню, как в Новгородской археологической экспедиции такой

же ковш XIV в. бережно отмывали и консервировали. С. К. была очень довольна походом.

Вообще С. К. очень любила экспедиции: ее завораживала природа Архангельской области, и великие реки Пинега, Вычегда или Мезень, и их не столь великие притоки вроде Выи или Верхней Тоймы, холмистые сосновые боры и песчаные косы Пинежья, и заливные луга в Ленском районе. Думаю, последняя ее поездка состоялась, когда ей было за семьдесят. Без ежегодных экспедиций она страдала: рассказывала, как подолгу и с завистью каждый год рассматривает экспедиционные фотографии, вывешенные студентами в коридоре филфака. Купание было обязательным ежедневным событием экспедиции, а обязательным еженедельным — баня по-черному (белых бань в 1980–90-е гг. было совсем мало, сейчас наоборот). В каждой деревне С. К. обязательно собирала хор: она была большой поклонницей ансамбля народной музыки под руководством Д. В. Покровского и считала своим долгом (и одновременно несравненной радостью и удовольствием) записывать пение всюду, где она бывала. В некоторых деревнях были замечательные, слаженные хоры с большим числом участников и разнообразным репертуаром — в Лене, например; там даже была особенная фонетика пения, со «сдавленными» гласными: «Ой пылынь трывы, полёшшытыётыцы (полощется)». В других местах ей удавалось собрать двух или трех человек. В Лавеле, где была очень большая певческая традиция (помню, как прекрасно пели люди, ехавшие на сенокос, когда мы вместе с ними, под предводительством С. К., направлялись в Кучкас), нашими «наиболее близкими» информантами были выходцы с Каскомени, которые пели иначе и в хоровом пении лавельских участвовать не могли: «Вот я бы, да Пантелевна бы ешшо, да вот Овдотья-та бы Кузьмовна, вот все бы мы бы каскоменьськи-ти дак бы хорошо спевались». Но их главная певица проводила лето на Каскомени: «Ровно бы на Каскомене есть да Пантелевна. Две вот бы там, в Каскомене живут тепере летом. Мы фсё собирамсе бы к йим сходить, да не можом собрацце цё-то тоже». С таких пинежских примеров начались занятия С. К. частицей *бы* в архангельских говорах, а позже — и другими модальными частицами, восходящими к разнообразным формам глагола *быть.* Как бы то ни было, для хора С. К. всегда покупала бутылку водки и что-то сладкое, а старушки приносили пироги, варенье. В Лене почти каждая певица принесла *мягко* — круглый ржаной хлеб домашней выпечки; все *мегки* были разные на вкус. Выпивали очень мало, но чуть-чуть надо было выпить обязательно, чтобы пелось, иначе «голосок не бежит, течки нету».

Наиболее известная часть работ С. К. Пожарицкой относится к последнему тридцатилетию. Она говорила, что вдруг обнаружила, что совершенно ничего или очень мало что известно о диалектной грамматике, в том числе об «исключительно архангельских» грамматических явлениях. В разные годы она написала работы, посвященные формам, семантике и происхождению частиц в Архангельских говорах: *бы, буде, бывает, было* и др.[7] Описание синтаксиса севернорусских частиц,

[7] *С. К. Пожарицкая.* Реликты *бы, было, буде, бывает, бывало* // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды

видимо, представлялось ей делом пока не выполнимым; ее важнейший вклад в его изучение — это публикация диалектных текстов, чем она сама занималась и что горячо приветствовала у других авторов. Наиболее крупной публикацией такого рода являются тексты из деревни Кеба Лешуконского р-на, выдающиеся и по форме, и по содержанию (это образцы речи великолепной рассказчицы, прекрасно владеющей языком)[8]. Замечательны тексты, записанные ею в экспедициях и помещенные в ее учебнике по диалектологии, в том числе в коротком, но содержательном разделе, посвященном частицам. Чрезвычайно важной представляется статья, в которой существенно уточняется территория распространения различных типов перфектных конструкций в севернорусских говорах, корректирующая карты И. Б. Кузьминой, опубликованную в ДАРЯ, т. 3, ч. 2. Наконец, наиболее важная для С. К. тема, которую она разрабатывала с начала 1990-х гг. до конца жизни – плюсквамперфект в архангельских говорах. Пожалуй, ее несколько статей на тему плюсквамперфекта являются наиболее читаемыми и цитируемыми ее работами; в них она выступает как первооткрыватель архангельского плюсквамперфекта. В этих работах С. К. приводит более 500 контекстов с формами плюсквамперфекта в основном из говоров Лешуконского р-на и пинежско-выйского ареала. Примеры С. К. демонстрируют большое разнообразие контекстных значений форм, восходящих к так называемому русскому плюсквамперфекту, из которых значение «антирезультатива» (термин, введенный В. А. Плунгяном, который С. К. не любила), фактически единственно представленное в лит. языке, в севернорусских говорах встречается далеко не часто. Если в работах 1990-х гг. С. К. Пожарицкая прямо говорит о формах, восходящих к плюсквамперфекту, в архангельских говорах, то в последней большой статье 2015 г. на эту тему она высказывается гораздо осторожнее: по ее мнению, в значительном числе контекстов значения, свойственные плюсквамперфекту, полностью отсутствуют, а сами формы выполняют эмфатическую функцию, подчеркивая отнесение события к прошлому[9]. Можно сравнить это с витком спирали: новые исследователи должны искать новых решений поставленных ею проблем.

Мне хочется закончить словами благодарности Софье Константиновне за то, какую роль она сыграла в моей судьбе и судьбах очень многих своих учеников,

---

и материалы. М., 2007. *С. К. Пожарицкая.* Модальные слова, производные от глаголов *быть, бывать,* в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. № 1(10). 2010.

[8] *С. В. Князев, С. К. Пожарицкая.* Образцы говора северовосточной зоны Архангельского диалекта // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М., 1997.

[9] С. К. Пожарицкая. Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Том 17. М., 2015. С. 373–403. Она же. On the Areal Distribution of the Participial Forms in Russian Dialects // Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer, место издания Bergen, 2014. С. 109–129. Она же. Constructions with the Verb byt' (byl, byla, bylo, byli) in one Northern Russian Dialect: on the Story of the Pluperfect // Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer, Bergen, 2015. С. 216–244.

за тот высокий образец, каким она была меня и для очень многих, за ее оптимизм и доброжелательность, за дружбу с ее дочерьми Машей и Ниной, за одни из самых ярких воспоминаний — о диалектологических экспедициях в Архангельскую область.

Alexandra V. Ter-Avanesova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
teravan@mail.ru

SOFIA KONSTANTIOVNA POZHARITSKAJA (22.02.1932–18.051921)

This paper in memoriam of Sofia Konstantiovna Pozharitskaja is devoted to her work in the field of dialectology and memories of dialectological expeditions.
Key words: Sofia Konstantiovna Pozharitskaja, dialectology, expeditions.

DOI 10.31912/pvrli-2021.2.0

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ АТЛАСОВ И СЛОВАРЕЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СБОРНИКЕ

Акчим — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6-ти вып. / Под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.

Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: 2007–2019. Вып.1–13–.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефёдовой. М.: 1980–2020–. Вып. 1–21–.

АУМ I — Атлас української мови. Том перший. Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. К.: Наукова думка, 1984. 498 с.

АУМ III — Атлас української мови. Том третій. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянщина, Причорномор'я і суміжні землі. К.: Наукова думка, 2001. 640 с.

Барадулин — *Барадулін Р.* Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна. Мінск: Кнігазбор, 2013.

Беляева — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8– София, 1971–2017–.

Бухарева — *Бухарева Т. Н.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972.

Ванюшечкин — *В. Т. Ванюшечкин* Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Воронеж, 1983.

Верёха — *Верёха П. Н.* Опыт лесоводческого терминологического словаря. СПб, 1898.

Вершин — Вершининский словарь: в 7 т. / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск, 1998–2002

Войтенко — *Войтенко А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. Вып. 1–2. 2-е изд., М., 1995.

ВОС — Владимирский областной словарь: лексика природы. Владимир, 2012.

Гілевіч — *Гілевіч Н.* Дыялектны слоўнік. Лексіка. Фразеалагізмы. Прыказкі, прымаўкі, прыгаворкі. Параўнанні. Мінск : Беллітфонд, 2005.

Ганцовская — *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск: Выдавецтва акадэміі навук БССР, 1963. 338 карт.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1863–1866 (1–е изд. и другие фототипические издания).

Даль3 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене: в 4-х т. СПб., 1903–1909.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. М., 1989.

ДАРЯ III, ч. 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. Лексика. Часть 1. Минск. 1997.

ДАРЯ III, ч. 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Часть 2. М., 2004.

Деул — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дуров — *Дуров И. М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья, о. Соловки, 1929.

Елистратов — *Елистратов В. С.* Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Зализняк — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

ИОС — Иркутский областной словарь. Вып. 1–3. Иркутск, 1973–1979.

Королёва — *Королёва Е. Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области*)*. Daugavpils : Saule, 2013.

Кузнецова Ефремова — *Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир. М., СПб., 2017.

Моисеев — *Б. А. Моисеев* Оренбургский областной словарь: 588 слов и словосочетаний. Оренбург, 2010.

МСРСГП — *Немченко В. Н.*, *Синица А. И.*, *Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963.

НОС — Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / Отв. ред. Строгова. Новгород, 1992–1995.

НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.–сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.

Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия: в 2 т. СПб., 1870.

ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 3. Серия лексико–словообразовательная. Растительный мир. / Гл. ред. А. И. Подлужный. Минск, 2000.

Опыт-Д — Дополнения к Опыту областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

ОС — *Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1983.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. *Долгушев*, З. В. Сметаниной. Вып. 1 –9. Киров, 1996–2014.

ОСГКО — Опыт словаря говоров Калининской области / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин, 1972.

Полякова — *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2-х т. Пермь, 2010.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глускина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С Лутовинова и др. Вып. 1–28–. Л./ СПб., 1967–2020–

ПСДЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4-х т. / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006–2012.

Расторгуев — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск: Наука и техника, 1973.

РСВ — Рэгіанальны слоўнік Віцебшчыны. Ч. 1. Віцебск, 2012; Ч. 2. Віцебск, 2014.

СБРФ — *Мяцельская Е. С.*, *Камароўскі Я. М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск : Выд. БДУ ім. В. І. Леніна, 1972.

СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018.

СГСЭ — *Паликова О. Н.*, *Ровнова О. Г.* Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.–сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–X. М.: Русский язык / Азбуковник, 1988−2013.

Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып.1–8 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 2003–2020.

СИГТЯ — Сравнительно — историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.

СГЦРБ — Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. Т. 1 / Пад рэд. Е. С. Мяцельскай. Мінск : Універсітэцкае, 1990.

СлРФ — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии: Историко–этимологический справочник. СПб., 1998.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Т. 1 –30. М., 1975–2015.

СПГ— Словарь пермских говоров: в 2-х т. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна–заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СПЛСР — Словарь промысловой лексики Северной Руси. XV–XVII вв. Вып.1–3. / Сост.: Е. П. Андреева и др. СПб, 2003–2015.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд. Спб., 1994–2004.

СРГП — Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып.1. / Сост. М. Л. Арутюнян и др. Иркутск, 1986.

СРГРМ 2013 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 2-х ч. / Под ред. Р. В. Семенковой. СПб., 2013.

СРЛГ — Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны / пад рэд. М. А. Даніловіча, П. У. Сцяцко. Гродна, 1999.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т.1–51. М.; Л. / СПб., 1965–2019.

ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

Станкевич —*Станкевич Я.* Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь. New York: Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation, без года.

СТГ — Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / Сост. Пискунова С. В., Махрачева Т. В. и др. Тамбов, 2001.

Сцяцко — *Сцяцко П. У.* Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. Гродна, 2005.

СЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В. Н. Рогова. 2–е изд., перераб. и доп. Красноярск, 1988.

ТБПК — Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н. В. Большакова. Псков : ЛОГОС Плюс, 2012.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. И предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973 (и другие стереотипные издания)

ФСРГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2х т. / Сост. Н. А. Ставшина. СПб, 2008.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).

Шаталова — *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск : Навука і тэхніка, 1975.

ЭБД АОС — Электронная база данных «Архангельского областного словаря» / Кабинет «Архангельского областного словаря» кафедра русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун, В. У. Мартынаў. Мінск, 1978–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. М.: 1973–2018–. Вып. 1–41–.

ЭСТЯ *К–Қ* — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М., 1997.

Юрчанка — *Юрчанка Г. Ф.* Сучасная народная лексіка. З гаворкі Мсціслаўшчыны. А–Н. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1993; Т. 2–3, Мінск: Беларуская навука, 1996–1998.

ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10 т. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Борисова — *Борисова О. Г.* Словарь кубанских говоров. Проект. Материалы к слову-рю. [Словарь кубанских диалектов. Проект. Материалы для словаря]. Краснодар, 2004–2005.

Германович Шуба — *Германович И. К., Шуба П. П.* Из словаря в. Танежицы Слуцкого района // Народное словотворчество. Минск, 1979. С. 61–73.

Akchim —*Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rajona Permskoj oblasti (Akchimskij slovar'): v 6-ti vyp*. [Dictionary of the dialect of D. Akchim Krasnovishersky district of the Perm region] / Pod red. F. L. Skitovoj. Perm', 1984–2011/

Anikin RJeS — Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'*. [Anikin A. E. Russian Etymolodical Dictionary]. Moscow: 2007–2019-. V. 1–13.

AOS —*Arhangel'skij oblastnoj slovar*' [Arkhangelsk Regional Dictionary] / Pod red. O. G. Gecovoj, E. A. Nefjodovoj. M.: 1980–2020–. Vyp. 1–21–

AUM I — *Atlas ukraïns'koï movi. Tom pershii. Polissya, Serednya Naddnipryanshchina i sumizhni zemli* [Atlas of the Ukrainian language. Volume One. Polesie, Middle Naddnipryanshchina and adjacent lands.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984. 498 p.

AUM III — *Atlas ukraïns'koï movi. Tom tretii. Slobozhanshchina, Donechchina, Nizhnya Naddnipryanshchina, Prichornomor'ya i sumizhni zemli* [Atlas of the Ukrainian language. Volume three. Slobozhanshchina, Donetsk region, lower Dnieper region, Black Sea region and adjacent lands.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2001. 640 p.

Baradulin — Baradulin R. *Vushatski slovazbor Ryhora Baradulina* [The Vushat vocabulary by Ryhor Baradulin]. Minsk, Knigazbor, 2013. (In Bel.)

Beljaeva — *Beljaeva O. P. Slovar' govorov Solikamskogo rajona Permskoj oblasti*. [Dictionary of dialects of the Solikamsk district of the Perm region]. Perm', 1973.

BER — *Bolgarski etimologichen rethink* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–8– Cofija, 1971–2017– (in Bulg.).

Buhareva — Buhareva T. N. *Slovar' frazeologizmov i inyh ustojchivyh sochetanij russkih govorov Sibiri*. [Dictionary of phraseological units and other stable combinations of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk, 1972.

Vanjushechkin — V. T. Vanjushechkin *Slovar' russkih narodnyh govorov Rjazanskoj Meshhery* [Dictionary of Russian folk dialects of the Ryazan Meshchera]. Voronezh, 1983.

Verjoha — Verjoha P. N. *Opyt lesovodcheskogo terminologicheskogo slovarja* [Experience of the forestry terminological dictionary]. SPb, 1898.

Vershin —*Vershininskij slovar*': v 7 t. [Dictionary of the dialect of the village of Vershinino] / Gl. red. O. I. Blinova. Tomsk, 1998–2002.

Vojtenko — Vojtenko A. F. *Slovar' govorov Podmoskov'ja* [Dictionary of dialects of the Moscow region]. Vyp. 1–2. 2-e izd., M., 1995.

VOS —*Vladimirskij oblastnoj slovar': leksika prirody* [Vladimir regional dictionary: the vocabulary of nature]. Vladimir, 2012.

Gilevich — Gilevich N. *Dyjalektny sloўnik. Leksika. Frazealagizmy. Prykazki, prymaўki, prygavorki.* [Dialect dictionary. Vocabulary. Phraseological units. Proverbs, sentences, sentences. Comparisons] Paraўnanni. Minsk : Bellitfond, 2005. (In Bel.)

Gancovskaja — Gancovskaja N. S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ja: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi*. [Dictionary of dialects of the Kostroma Zavolzhye: interfluve of Kostroma and Unzha] Kostroma; M., 2015.

DABM — Dyjalektalagichny atlas belaruskaj movy. Minsk: Vydavectva akadjemii navuk BSSR, 1963. 338 kart.

Dal' — Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*: v 4-h t. [Explanatory Dictionary of Russian Language] M., 1863–1866 (1–e izd. i drugie fototipicheskie izdanija).

Dal'3 — Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* pod redakciej prof. I. A. Bodujena-de-Kurtene: v 4-h t. SPb. [Explanatory Dictionary of Russian Language] , 1903–1909.

DARJa I — *Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka. Centr evropejskoj chasti SSSR. Vyp. I. Fonetika*. [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR. Issue I. Phonetics.] M., 1986.

DARJa II — *Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. II. Morfologija*. [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR. Issue II. Morfology.] M., 1989.

DARJa III, ch. 1 — *Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. III. Leksika. Chast' 1*. [Dialectological atlas of the Russian language. The Center of the European part of the USSR. Issue III. Vocabulary. Part 1]. Minsk. 1997.

DARJa III, ch. 2 — *Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka. Centr Evropejskoj chasti Rossii. Vyp. III. Sintaksis. Leksika. Chast' 2*. [Dialectological atlas of the Russian language. The Center of the European part of the USSR. Issue I. Syntax. Vocabulary. Part 2]. M., 2004.

Deul. — *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Rjazanskogo rajona Rjazanskoj oblasti)* / Pod red. I. A. Ossoveckogo. [The Dictionary of a Modern Russian Dialect (village Deulino of Ryazanskiy district of Ryazanskiy region)]. M., 1969.

Dobrovol'skij — Dobrovol'skij V. N. *Smolenskij oblastnoj slovar'*. [Smolensk Regional Dictionary] Smolensk, 1914.

Durov — Durov I. M. *Opyt terminologicheskogo slovarja rybolovnogo promysla Pomor'ja* [Experience of the terminological dictionary of fishing in coastal area of the White Sea]. o. Solovki, 1929.

Elistratov V. S. *Slovar' moskovskogo argo (materialy1980–1994).* [Dictionary of Moscow argot (materials1980–1994)]. M., 1994.

ESUM — *Etimologichnii slovnik ukraïns'koï movi*. [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. T. 1–6. Kiev, 1982–2012. (in Ukr.).

Zaliznjak — Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow, 1977.

IOS — *Irkutskij oblastnoj slovar'* [Иркутский областной словарь]. Vol. 1–3. Irkutsk, 1973–1979.

Koroljova — Koroljova E. E. *Dialektnyj slovar' odnoj sem'i (Pytalovskij rajon Pskovskoj oblasti)* [Dialect dictionary of one family (Pytalovsky District of the Pskov region)]. Daugavpils : Saule, 2013.

Kuznecova Efremova — Kuznetsova A. I., Efremova T. F. *Slovar' morfem russkogo yazyka*. [Dictionary of morphemes of the Russian language]. Moscow, 1986.

LARNG — *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. T. 1. Rastitel'nyj mir.* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Vol. 1. Plant world.] M., SPb., 2017.

Moiseev — B. A. Moiseev *Orenburgskij oblastnoj slovar': 588 slov i slovosochetanij* [Orenburg Regional Dictionary: 588 words and phrases]. Orenburg, 2010.

MSRSGP — Nemchenko V. N., Sinica A. I., Murnikova T. F. *Materialy dlja slovarja russkih starozhil'cheskih govorov Pribaltiki* [Materials for the dictionary of Russian old--time dialects of the Baltic States] / Ed by. M. F. Semenovoj. Riga, 1963.

NOS — *Novgorodskij oblastnoj slovar': v 13-ti vyp*. [Novgorod Reginal Dictionary] / Ed. by Strogova. Novgorod, 1992–1995.

NOS 2010 — *Novgorodskij oblastnoj slovar'* [Novgorod Reginal Dictionary] / Ed. A. N. Levichkin, S. A. Myznikov; [author-comp. A. V. Klevtsova et al.; ed. A. V. Klevtsova, L. Ya. Petrov]. St. Petersburg, 2010.

Nosovich — Nosovich I. I. *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of the Belarusian dialect]. St. Peterburg, 1870, vols. 1–2.

OLA — *Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Vyp. 3. Serija leksiko–slovoobrazovatel'naja. Rastitel'nyj mir.* [The All-Slavic Linguistic Atlas. Issue 3. Lexico–word-formation series. The plant world.] / Gl. red. A. I. Podluzhnyj. Minsk, 2000.

Opyt-D — Dopolnenija k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarja, izdannyj Vtorym otdeleniem Akademii nauk. SPb., 1852.

OS — Borunova S.N., Vorontsova V.L., Es'kova N.A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy*. [Orthoepical dictionary of the Russian language. Pronunciation, stress, grammatical forms]. Moscow, 1983.

OSVG — Oblastnoj slovar' vjatskih govorov: Uchebnoe posobie po russkoj dialektologii / Pod red. V.G. Dolgushev, Z.V. Smetaninoj. Vyp. 1 –9. Kirov, 1996–2014.

OSGKO — Opyt slovarja govorov Kalininskoj oblasti / Pod red. G.G. Mel'nichenko. Kalinin, 1972.

Poljakova — Poljakova E.N. Slovar' leksiki permskih pamjatnikov XVI — nachala XVIII veka: v 2-h t. Perm', 2010.

POS — *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Vol. 1–28–. / pod red. A.I. Lebedeva, O.S. Mzhel'skaja, S.M. Gluskina, L.A. Ivashko, A.I. Kornev, I. S Lutovinova i dr. L./ SPb., 1967–2020–

PSDL — Polnyj slovar' dialektnoj jazykovoj lichnosti: v 4-h t. / Pod red. E.V. Ivancovoj. Tomsk, 2006–2012.

Rastorguev — Rastorguev P.A. Slovar' narodnyh govorov zapadnoj Brjanshhiny (Materialy dlja istorii slovarnogo sostava govorov). Minsk: Nauka i tehnika, 1973.

RSV — Rjegianal'ny sloŷnik Vicebshchyny. Ch. 1. Vicebsk, 2012; Ch. 2. Vicebsk, 2014.

SBRF — Mjacel'skaja E.S., Kamaroŷski Ja. M. Sloŷnik belaruskaj narodnaj frazealogii. Minsk : Vyd. BDU im. V.I. Lenina, 1972.

SVG — Slovar' vologodskih govorov: v 12 vyp. / Pod red. T.G. Panikarovskoj, L. Ju. Zorinoj. Vologda, 1983–2007.

SGRS — Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. A.K. Matveeva, M. Je. Rut. T. 1–7. Ekaterinburg, 2001–2018.

SGSJe — Palikova O.N., Rovnova O.G. Slovar' govora staroverov Jestonii. Tartu, 2008.

SDGVO — Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / Avt.–sost. R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. R.I. Kudrjashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd, 2011.

SDRJa — Slovar' drevnerusskogo jazyka XI–XIV vv. T. I–X.M.: Russkij jazyk / Azbukovnik, 1988−2013.

Seliger — Seliger: materialy po russkoj dialektologii: Slovar'. Vyp.1–8 / Gl. red. A.S. Gerd. SPb., 2003–2020.

SIGTYA — *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurk-skikh yazykov. Leksika*. [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary] Moscow, 1997.

SGCRB — Sloŷnik gavorak cjentral'nyh rajonaŷ Belarusi. T. 1 / Pad rjed. E.S. Mjacel'skaj. Minsk : Universitjeckae, 1990.

SlRF — Birih A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoj frazeologii: Istoriko–jetimologicheskij spravochnik. SPb., 1998.

SlRJa XI–XVII — Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. / Gl. red. S.G. Barhudarov, F.P. Filin, D.N. Shmelev, G.A. Bogatova, V.B. Krys'ko. T. 1 –30. M., 1975–2015.

SPG— Slovar' permskih govorov: v 2-h t. / Pod red. A. N. Borisovoj, K. N. Prokoshevoj. Perm', 2000–2002.

SPZB — *Sloўnik belaruskikh gavorak paўnochna-zakhodnyai Belarusi i yae pagranichcha* [Dictionary of Belarusian dialects of north-western Belarus and its borderlands. Vol. 1–5]. Minsk, 1979–1986. (In Bel.)

SPLSR — Slovar' promyslovoj leksiki Severnoj Rusi. XV–XVII vv. Vyp.1–3. / Sost.: E. P. Andreeva i dr. SPb, 2003–2015.

SRGK — *Slovar' russkich govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and contacting regions]. SPb: 1994–2005. V. 1–6.

SRGP — Slovar' russkih govorov Pribajkal'ja. Vyp.1. / Sost. M. L. Arutjunjan i dr. Irkutsk, 1986.

SRGRM 2013 — *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya*. [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. Vol. I–II]. SPb., 2013

SRLG — Sloўnik rjegianal'naj leksiki Grodzenshchyny / pad rjed. M. A. Danilovicha, P. U. Scjacko. Grodna, 1999.

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Moscow, Leningrad / St.-Petersburg: 1965–2019-. Iss. 1–51.

SSG — Slovar' smolenskih govorov: v 11-ti vyp. / Pod red. A. I. Ivanovoj, E. N. Borisovoj, L. Z. Bojarinovoj. Smolensk, 1974–2005.

Stankevich —Stankevich Ja. Belorussko-russkij (velikolitovsko-russkij) slovar'. New York: Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation, bez goda.

STG — Slovar' tambovskih govorov (duhovnaja i material'naja kul'tura) / Sost. Piskunova S. V., Mahracheva T. V. i dr. Tambov, 2001.

Scjacko — Scjacko P. U. Sloўnik narodnaj movy Zjel'venshchyny. Grodna, 2005.

SJuKK — Slovar' russkih govorov juzhnyh rajonov Krasnojarskogo kraja / Otv. red. V. N. Rogova. 2–e izd., pererab. i dop. Krasnojarsk, 1988.

TBPK — Tradicionnyj byt pskovskih krest'jan (Opyt regional'nogo jetnolingvisticheskogo slovarja) / red. N. V. Bol'shakova. Pskov : LOGOS Pljus, 2012.

Ushakov — Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Pod red. D. N. Ushakova. [Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by D. N. Ushakov. Vol. I–IV]. M., 1935–1940.

Fasmer — Fasmer M. Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I–IV]. Moscow, 1964–1973.

FSRGP — Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Nizhnej Pechory: v 2h t. / Sost. N. A. Stavshina. SPb, 2008.

Chernyh — Chernyh P. Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2-h t. M., 1993. (i drugie stereotipnye izdanija).

Shatalova — Shatalava L. F. Belaruskae dyjalektnae slova. Minsk : Navuka i tjehnika, 1975.

JeBD AOS — Jelektronnaja baza dannyh «Arhangel'skogo oblastnogo slovarja» / Kabinet «Arhangel'skogo oblastnogo slovarja» kafedra russkogo jazyka filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova.

Jeliasov — Jeliasov L. E. Slovar' russkih govorov Zabajkal'ja. M., 1980.

JeSBM — *Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1990, 287 p., vol. 6. (In Bel.)

JeSSJa — *Etimologicheskii slovar' slav'anskih jazykov. Praslav'anskii leksicheskii fond.* [Etymological Dictionary of Common Slavonic. Common Slavonic Lexical Fund]. Vols. 1–41-. Moscow: Nauka Publ., 1974–2018- .

JeSTJa K–Ҟ — *Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurk-skie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «Ҟ»* [Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic lexical bases on the letters K–Ҟ]. Moscow, 1997.

Jurchanka — Jurchanka G. F. Suchasnaja narodnaja leksika. Z gavorki Mscislaŭshchyny. A–N. T. 1. Minsk : Navuka i tjehnika, 1993; T. 2–3, Minsk: Belaruskaja navuka, 1996–1998.

JaOS — *Yaroslavskii oblastnoi slovar'*. [Yaroslavl Regional Dictionary, Vol. 1–10] Yaroslavl', 1981–1991.

Borisova O. G. *Slovar' kubanskikh govorov. Proekt. Materialy k slova-ryu*. [Dictionary of Kuban dialects. Project. Materials for the dictionary]. Krasnodar, 2004–2005.

Germanovich I. K., Shuba P. P. From the vocabulary of v. Tanezhitsy of the Slutsk district // Folk word-making. Minsk, 1979. pp. 61–73.

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 2. 2021

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 32,9. Заказ № 2576
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86